М. М. ПРИШВИН

Дневники

1942
1943

Москва
РОССПЭН
2012

УДК 882
ББК 84Р7-4
П77

Издано при финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Пришвин М. М.
П77 Дневники. 1942–1943 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 813 с .

ISBN 978-5-8243-1627-8

Книга М. М. Пришвина «Дневники. 1942–1943» продолжает публикацию дневника писателя (1905–1954). В эти годы писателя интересует частный человек («маленький человек») в годы войны – исторического события, в которое вовлечен без единого исключения каждый живущий. В разгар «большой войны», которая еще неизвестно когда и чем закончится, Пришвин строит идеальную и, кажется, единственную в своем роде, а с его точки зрения, единственно возможную, универсальную модель существования человека на земле: без войны. Также писатель раздумывает о чувстве родины, первых победах Красной армии и надежде на перемену во внутренней жизни страны после победы.

При оформлении форзаца и нахзаца
использованы фотографии М. М. Пришвина

УДК 882
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-8243-1627-8

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1942

1943

1 Января. Новый год. Солнечный морозный день, градусов больше –30. Вечерняя в розовой дымке гаснущая заря. Полнолуние, и какая-то планета, похоже на Юпитер, большая звезда с лучами крестом и в нимбе.

Не захотелось дожидаться полночи и «праздновать». В печали и раздумье, каждый прочитав про себя молитву, легли в 10 вечера. И мне снилось, будто я, лежа на спине, ногами бился с каким-то хулиганом всю ночь...

Ну вот, здравствуй, Новый год, – хочу сказать, и не говорится, и приходит на ум, что Бог времени и числа, и счета никакого не знает, и что, значит, и нам, если серьезно на вещи поглядеть, можно не считать годы, не в этом дело.

Русские типы в диккенсовскую повесть[1].

Сегодня я по манере своей говорить с заминками, не помню, что-то тоже сказал. – Как же вы в своих выступлениях тоже так говорите с заминками? – Всегда: речь с заминками кажется всегда искренней. Терпеть не могу так называемых блестящих ораторов. – А я люблю, чтобы речь была компактная и слова в ней были правильно расставлены. – Не слова, – перебил я, – главное, а мысли. Если мысли новые и чувства свежие, публика забывает о словах и заминках. – Нет, я думаю, публика любит и порядок в словах. – Какая публика. Мещанская публика не думает о новых мыслях и гонится за словами, и так возникают блестящие ораторы. – Мещанская публика это значит – обыкновенная, а вы говорите об избранной: не всегда ее найдешь, эту избранную. – Самая простая публика: красноармейцы, ученики, рабочие тоже не гонятся за порядком в словах. Вы говорите о специфически мещанской публике. – Не знаю, не

знаю, но мне кажется, порядок должен быть везде, во всем, и в словах тоже, и ничего нет хорошего, если оратор мыкает[2].

Одна оценка брака бытовая – во времени: как серебряная и золотая свадьба. Другая – как священное мгновенье, остановленное усилием любящих. (Дон Жуан и Командор.)[3]

А в сущности любовь к «ближнему» есть счастье, и нужно быть неудачником в этой любви, чтобы почувствовать любовь к «Дальнему»[4]. Все поэты получают любовь свою к Дальнему через скорбь свою о невозможности ему любить «ближнего»[5].

Современная легенда[6]. Хмельниковские бабы ходили к мужьям на фронт и слышали, будто в какой-то деревне стоял забитый дом. Каждую ночь будто бы из этого забитого дома слышалась божественная служба. Никто не решался войти в эту избу и проверить. Но один из красноармейцев решил войти и залез в печку. И вот видит он из печи ночью приходит поп и начинает служить. А когда начал службу, обращается в печь и велит: «Выходи». Красноармеец слышал, что если нечистая сила, то надо выслушать до трех раз, – в третий раз все должно исчезнуть. Так он и сделал, примолк, а когда поп и после третьего раза не исчез, вышел. И увидел красноармеец три гроба. «Этот гроб, – сказал священник, – год 40-й, погляди, что в нем. Открыл крышку – в гробу были змеи. – А этот – 41-й, погляди. Во втором гробу была кровь. А третий гроб – 42-й год, – как открыл, в нем были цветы».

Смутно помнится, что еще у Серафима Саровского есть предсказание на мир в 42-м году.

Ляля: – Чувствую всей душой, что правдивое слово о любви требует полного пересмотра всех моральных понятий 19-го века.

Белое и розовое. Из детства. Да, 19-й век. Вот Надежда Александровна Толмачева, берегущая институтскую свою любовь, в сундуке, как роскошное белое, шитое гладью, но старомодное

платье. Когда она говорила о любви, то как будто плутоватая зверушка какая-то в черной частой шерсти выползала из-под этого кисейного платья. – Ах! как это было мило тогда, Марья Ивановна. – Я не была в институте, Надежда Александровна, но девушки, знаете, везде девушки, я сохраняю от той поры свое розовое платье, и мне та любовь теперь представляется как что-то розовое. – А мне, Марья Ивановна, как белое.

И обе девушки, одна из-под розового, другая из-под белого с блестящими черными глазками, с румянцем из-под загара под сединами, с не сходящими улыбками, начинают перебирать девочек и мальчиков своих, и так дойдет: мама моя – до меня, своего Миши, а другая – до своей Маруси. Мать, сияющая, передает, как у нас говорят: «Светит месяц и зарница, хочет Мишенька жениться на Марусе». А я за дверью у щелки весь горю, горю от стыда. И мать повторяет: – Да, Надежда Александровна, любовь – это что-то розовое. – А мне, Марья Ивановна, наша институтская любовь, как белое с кисеей, шитое гладью платьице. – И опять смеются: «Светит месяц и зарница, хочет Мишенька жениться на Марусе». И между тем все выдумали про меня, я терпеть не могу эту Марусю, мне нравится сестра ее Катя, но об этом никто не знает, это была моя великая тайна.

Из какого века выписал я эту сцену правдивую? Это было приблизительно в 1883 году, когда мне было 10 лет отроду, около 60 лет тому назад. Но ведь это было внутри [глухой] кирпичной ограды нашего имения, за которым была необъятная ширь пшеничных полей и [множество] возможностей (за такой же кирпичной оградой и всю любовь берегут наши моралисты семьи).

2 Января. –42. Солнце.

Так вот опять о той ограде, которой человек окружает свою земную любовь. Духовная любовь, платоническая находится за оградой: *здесь* земная, *там* небесная, *здесь* детей рожают, *там* любовь не от мира сего.

Странно только, со стороны если смотреть, почему же непременно любовь у людей начинается небесной, а потом происходит «паденье» и любовь становится земной, и все как в книге Бытия: начинается любовь раем и кончается изгнаньем.

Так по Ветхому Завету и строится понимание любви. Но если взять новую любовь, в которой мы можем выступить, как спасенные, то разделение оградой той и другой любви становится излишним: любовь, начинаясь на земле, без всякой ограды и грехопаденья может продолжаться в вечность, и напротив: то, что раньше считалось паденьем, теперь, напротив, является средством единомыслия, путем к творчеству личности.

То, что называется «связью», можно понимать шире: не как связь пола с полом, а как земная связь человека, т. е. вся земная жизнь, как акт в двух, скажем, вещах 1) размножение, 2) рожденье личности. В «любви» оба эти процесса смешаны, и в разные эпохи в разных пропорциях то и другое.

3 Января. –32. Солнце и лунная ночь (полнолуние).

Под давлением внешних сил, вот как теперь – война и нужда, сплющиваются и сливаются в одно, до тех пор отграниченные мысленная и чувственная области нашей души. *Здесь* (на земле) и *там* (после смерти) начинают сходиться, как бывает в оттепель на масленице, исчезает черта горизонта, разделяющая небо с землей, и навозные дороги наши поднимаются в небо, и по ним скромно и без затей бегут лошадки с людьми и грузовики на чурочках с тесной людской беднотой на платформах. Прохожий с мешком на плечах неуверенно и невысоко поднимает руку, и, пропустив устроенных на платформах «грачей», шагает себе, как может, и вскоре тоже, поднимаясь вверх по навозной дороге, исчезает в той стороне, где сливается небо с землей.

И так многое теперь, теряя смысл свой в отдельном бытии, перестает радовать, теряет цену и сливается с чем-то в одно... Давно ли был у меня дом устроенный, и дача была, и прекрасные вещи. Может быть, все это и цело теперь, но внутреннюю радостную сущность свою они для меня совсем потеряли – все остается где-то позади. Но зато самая дорога, по которой мы с Лялей идем, видна отчетливо, и что мы вместе должны с ней идти – это уже верно, и куда больше значит, чем просто жена. До того больше, что я сам почти что во всем свободен становлюсь от смутных колебаний в раздумье об оставленных ею...

Какие мы все-таки богатые сравнительно с другими, мы до лета можем пить чай, отвешивая себе в день каждый по 30 грамм сахару... У нас есть дрова, есть картошка, есть свинина и хватит всего до тепла. А там солнце весеннее, там цветы. Вот цветы, да, цветы, цветы! Не картошка, не сахар, не хлеб, а цветы, душа цветов жаждет, и недаром по народной легенде 42-й год кончится цветами (откроется гроб, полный цветов, – легенда...).

Ночи проходят лунные, в тишине, при страшных морозах, в засыпанном снегом лесу.

И одним, кто вплотную должен бороться с морозом за жизнь, этот страшный лес при луне представляется, может быть, неисчислимым войском врагов, беспрерывно пускающих свои пронзающие кожу стрелы. Другое дело, когда счастливым победителем выходишь в лунную ночь из своей теплой комнаты.

У меня уцелела шуба беличья с чудесным воротником из камчатского бобра, и когда я из тепла и в теплой одежде выхожу ночью в засыпанный снегом лес, слышу, как даже деревья громко трескаются от мороза, как на тропу мою со скрипом от тяжести опускает перегруженную ветвь свою любимая моя сосна, я, так мало сумевший дать людям как поэт из своего внутреннего богатства, теперь смотрю на все это богатство неподвижных при луне белых фигур и понимаю их всех, как мои же мечты за всю жизнь бесчисленные, те, которые я не сумел довести до людей...

Материал для изображения леса застывших мечтаний, не дождавшихся своего воплощения.

1) Маленькие у сосен зеленые вершины, но и то перегружены и заморожены так тяжело, что еще не совсем заматеревшие, высоченные тонкие стволы заметно кривятся под их тяжестью. Дальше в болотном бору, где сосны очень часто сидят, они своими кронами сцепляются, поддерживают друг друга и не кривятся. 2) Каждый сучок теперь превратился в какую-то штучку: думай о ней, как хочется. Те сучки на голых стволах, которые так обыкновенны на соснах, теперь всю сосну превратили в лестницу с белыми ступеньками, и по ступенькам поднимался

какой-то путник и дополз до вершины, и застрял. 3) Две мутовки молодых сосен так сошлись, что вышло окошечко и оттуда сзади в окошечко смотрит какая-то рожица.

4 Января. Мороз еще меньше: –26 с утра, и барометр качнулся влево, а 2-го было 44.

Когда я жил с Ефр. Павл. и своими сыновьями, меня потихоньку грызла тайная мысль удрать от них куда-нибудь в пустыньку, отъединиться и стать свободным. Теперь вижу, что никакого особенного зла они мне дома не делали, напротив, благодаря моим средствам мы жили во много раз лучше, чем все. Если по этой мере судить, я был один из счастливейших. Нет, меня тянула к себе пустыня, скорее всего, как высшая реализация многолетней моей деятельности. Везде, где бы мне ни понравилась местность, я присматривал себе домик для пустынножительства под видом охотника. И, в конце концов, нашел его себе на Лаврушинском в Москве. Встреча с Лялей была предопределена, и отношения развивались, как осуществление мечты о той «пустыньке», моя мечта о пустыне включала Лялю в себя. Но эта пустыня никак не включала в себя тещу, эта роковая «теща» включилась как-то сама, и все стало по-старому: меня опять грызет мысль изнутри уйти, уйти, поскорей уйти в «пустыню», но только не одному, как тогда, а с Лялей, без которой я уже не я. Вот так и думаю, и жду, и надеюсь на конец войны, как на конец моего искушения тещей: как только будет возможность, жизнь, во что бы то ни стало, устроить без тещи.

5 Января. Мороз сломило, к вечеру метель.

Я и не подозревал, что Ляля окажется такой выносливой и деятельной, и заботливой настолько, что задевает совесть: надо бы и себя подтягивать. Ну, и конечно, подтягиваешься, и делаешь охотно такое, чего я с другой не стал бы делать. В общем, мне надо постепенно делаться добытчиком на стороне. Кстати, этим хорошо разгрузить от себя женщин.

Мои ошибки с людьми были только, когда я переоценивал свои способности, чувствуешь жулика или человека легкого, но махнешь рукой: авось его обойду, ведь и на жуликах ездят где-

нибудь. Но по существу в соседях я никогда не ошибался, и в особенности в людях хороших. Варвара Петровна в свое время, в первых любовных откровениях (без личных откровений не бывает любви) отметила во мне, как основное и лучшее, что хорошего человека я сразу вижу. Вот этим особенным счастливым своим глазом я и взял Лялю. Боже мой, подумать только, каким словом надо бы оценить мой поступок (в 68 лет сделать предложение замужней женщине на пятый день знакомства, притом не на время, а на всю жизнь), если бы не этот счастливый глазок.

Пришли давно жданные морозы, которыми угрожали немцам и на которых строили нашу победу. Но вот уже месяц мы топчемся под Москвой и удовлетворяемся взятием городов, как Малоярославец, Клин, Дмитров, о которых никогда не оповещалось, что они взяты немцами.

Влюбленный, ведь это же и есть рыцарь (какой бы я был влюбленный, если бы тогда в Париже воспользовался или бы отказался наперед жить с тещей?). На этом-то возрастном оптимизме и возникло все рыцарство. И тут нынче женщины ловят нашего брата, как мы прямо корзинами ловим слепую от страсти рыбу во время нереста.

6 Января. Сочельник Рождества. Метель, ветер, мягко.

Дня три тому назад мы с Лялей вышли из нашего леса на село за молоком. Над бором нашим стояла большая звезда (планета Юпитер), и от сильного мороза лучи ее исходили крестом, а вокруг креста был нимб. Мы пошли, и, конечно, как всегда кажется, звезда тоже пошла: идем, и звезда идет впереди.

Я смотрел на удивительную звезду, любовался и думал о звезде Вифлеемской, той, которая шла впереди волхвов и остановилась над Вифлеемом, где родился Христос.

Теперь я смотрел на звезду, до того прекрасную, что мне тоже захотелось видеть Христа, и вспомнилась мне одна ночь в самом раннем моем детстве, когда мать подошла к моей кроватке в темной шали и сказала: «В эту ночь, Миша, Светлый

Мальчик родился». Почему эти слова матери на всю жизнь остались, как самое лучшее.

После не раз, читая и думая о звезде Вифлеемской, я понимал ведущую звезду, как сказочный символ. Но теперь мне подумалось, глядя на идущую впереди звезду, что может быть, и вправду так было: звезда, как теперь у меня и у волхвов шла впереди, они шли, и шла звезда, они остановились, остановилась и звезда.

В то время вовсе даже и не знали, что не звезды идут, а движется сама Земля, и волхвы не хотели даже и задумываться над таким пустяком, что не звезда Вифлеемская движется вперед, а движется она, потому что движется сам человек.

Не в этом было для них главное, а у нас теперь подковыривают огромное любовное знание о возможности спасения человека от смерти этим маленьким знанием о вращении Земли и движении звезд по своим предопределенным или необходимым орбитам.

Село наше Усолье большое, но мы шли все молча и каждый думал о своем: я думал о звезде, моя маленькая Ляля придумывала, кому бы еще написать, кто помог бы ей увезти меня и мать свою на Кавказ. Когда же мы подошли к тому дому, где берем молоко, маленькая Ляля взглянула на небо и, увидев звезду с лучами крестом и нимбом, спросила:

– Смотри, вот еще другая такая же удивительная звезда.

– Это та самая, – сказал я, – планета Юпитер.

– Но ведь та же была над бором?

– Была над бором, но мы шли, и она шла впереди, та же самая звезда Вифлеемская. Не будем, Ляля, больше просить Союз писателей, доверимся лучше звезде Вифлеемской, она выведет нас на Кавказ.

А то вот еще как можно понять звезду Вифлеемскую: как свою собственную личную ведущую звезду. Сегодня в предрассветный час я проснулся с чувством этой своей звезды.

Была надо мною, теперь в старости ясно вижу, эта звезда, когда я в Париже на площадке какого-то омнибуса в полумраке предложил почти незнакомой девушке сделаться моей женой. Горе ее было в том, что не посмела она увидеть ведущую меня звезду, да и я сам не знал, но она была.

Боже мой, но что же мне было делать, если девушка не могла верить и со мной идти за звездой. Ведь я не был из тех, кто может выносить земную жизнь, как сладчайшую пустыню. Я не мог быть без женщины... одним словом я хочу сказать, что при невозможности разрешить вопрос об исцелении своего тела любовью, самый целомудренный выход был – это взять первую женщину без всякого выбора и жить с ней, как с женой, и взять на себя все обязанности, как к жене.

Такое решение у Бога значит не менее, чем решение жить пустынником. И когда я на это решился, то звезда надо мною была, и она вела меня, и я был счастлив. Мой путь за звездой, как волхва, был хороший, праведный путь. Но вот в январе 40-го года звезда моя остановилась: я пришел и увидел.

Вот и все: звезду свою я знаю.

«Блудодеяния ради, кийждо свою жену да имать». Это уже Новый Завет, потому что Ветхий в браке видит не средство избежать блуда, а средство родить Бога. В Новом Завете, как ни цепляйся поп за брак в Канне Галилейской, человек «могущий», т. е. настоящий, цельный, сильный – безбрачен.

Вот почему и живущий с одной женой не может «по любви» даже взять другую, потому что плотское влечение, допущенное как средство избежать блуда, должно быть к одной и ограничено, влечение же к другой, на сторону, к «незнакомке» считается блудом.

Никто, как Блок, не постарался так ярко изобразить это влеченье к другой (от Прекрасной дамы к проститутке)[7]. Словом, церковь в отношении брака не дает человеку права выбора, права всей цельностью земной и небесной любви пользоваться на земле, права ради такой любви оставлять то, что взято на себя, как средство избежать блудодеяния.

1) Тайна нашего треугольника.

2) Причина несовременных Христу взглядов ап. Павла на женщину и брак[8] равняется причине гонения на «Фацелию».

Тайна треугольника в том, что Ляля отдала себя на служение матери и все свое ей отдала, так что если бы ей на выбор, то, конечно, мною она пожертвовала бы ради матери. Самая же

суть тайны в том, что земною нашею простой любовью она не только не любит ее, но даже физически отталкивается. Но это отталкивание она должна в себе попрать, как смертью своей христианин попирает смерть.

Вечером пришли Миша с Валей, принесли елку. Мы накатали свечей 16 штук, булавочками насадили свечки на сучки, насыпали блюдце изюму – единственное угощенье. И Ляля принялась мальчуганам в 15–17 лет рассказывать о том, как родился Христос, кто была Дева Мария, Иосиф, как шли волхвы со звездой[9].

Бор шумел, и я думал, вспоминая день охоты, от которого родился «Смертный пробег»[10]: я тогда близко чувствовал ледяное дыханье смертоносного начала, но у меня на этом все и оканчивалось из последних сил, когда уже больше ничего не остается для жизни духа, я бился за огонь: руки мои были деревянные, пальцы чугунные, спичку ими нельзя было держать, и все-таки я бился, бился, и все мое, вся моя личность ушла на борьбу за огонь, и я победил, и когда победил, то у меня явилось прежнее добродушное отношение к морозу, благодаря чему я в эту же ночь дома, выпивая горячий крепкий чай, написал свой «Смертный пробег».

7 Января. Рождество.

Небольшой мороз с легким ветром. Тропу, пробитую мною, наполовину занесло. Не страшно то, что падает сверху: какой-нибудь вершок-два не помешает. Но страшна поземица, которая мало-помалу осыпает мельчайший сыпучий снег с края на тропу, так что самые края, самая стенка тропяного углубления перемещается к другому краю до тех пор, пока от всей глубоко продавленной ногами и лыжами тропы ничего не остается. Я вновь приминал снег на тропе и долго шел зимняком по Блудову болоту.

Из Москвы известие от Александра Николаевича, что в Союзе теперь Силыч – вот те фунт. И всякие намеки на то, что если ехать, но не в Нальчик, а только в Москву. Так и сделаем,

съездим в Москву и разберем, почему это многие возвращаются в Москву, потому ли, что плохо на месте, или в связи с каким-то пониманием будущего.

Читал «Черного араба» вслух[11], и мы все убедились, что «Араб», написанный в 1911 г.[*] (31 год тому назад) ни чуточки не устарел, очень звучная, насыщенная образами поэма. Вспоминая свое время, однако я понял, что и тогда эта вещь не нашла достойной оценки, и ей оказано было милостивое внимание как бы нехотя, и внимание меньшее, чем к многим, ныне безвозвратно погребенным вещам. Из этого теперь понимаю, что и тогда мне было не лучше, чем теперь, что качество моих писаний и успех почти не зависят от того или другого состояния государства и общества. Но эта независимость от времени, способность видеть всегда *Sub specie aeternitatis*[**], именно эта способность и обеспечивает успех среди избранных, накопляющихся во времени, и сомнительное отношение всей массы читателей данного отрезка времени.

8 Января. Восход солнца, как огонь через лес, и на другой стороне вырубки в малиновом свете бор. Все это изнутри как огонь против мороза: доброта (красота) против зла в красоте (доброта содержит в себе красоту, но какое слово для зла, чтобы оно так содержало в себе красоту?).

Работа падающего снега: на мутовках, на концах веток, в которых розетки свежих почек, обрамленных иглами, в эту ямку снежинки складываются шариком: каждая веточка мутовки держит шар, поднимает, как бы играя, возносит вверх, и одна центральная выходит как фаллус. Более низкие ветки не могут поднять, и еще более низкие гнутся вниз, и чем ниже, тем ниже. Попробовал освободить, и нет: так и остается. Это и в больших соснах видно, что только верхняя мутовка вверх, остальные вниз.

---

[*] «Черный араб» был опубликован в 1910 г.

[**] Sub specie aeternitatis *(лат.)* – с точки зрения вечности.

Работа поземицы: падающий снег лепит свои фигуры наверху, а поземица работает на поверхности покрова. Края тропы свешиваются и обрушиваются.

Лепка струек: малейшая неровность обвеивается и делается из нее волна (поверхность снега). Вокруг больших стволов обвеивает и остается ямка вокруг дерева.

Изучить лепку падающего снега и поземицы, как они все заделывают. Глубина под сосной не только оттого, что сверху падает снег, а внизу не пускают ветви, а еще и оттого, что поземица обходит елочку кру́гом, как дерево. Поземица работает над нижними ветками, это она прихватывает концы и погребает их. Наблюдать работу поземицы над следами, и пусть поземица след совсем занесет, весна откроет и эти следы.

Сюжет. Я хватился Норки – а ее нет. Полное молчанье. Только птичка королек на елочке посидит, и перелетит на другую, и еще на третью. Оказалось, она глядела в одну сторону, и там невидимая в снегу была Норка. Чтобы ее увидеть, ей нужно было прыгнуть, и такой прыжок, что только ухо взметается, и только кончик виден мне: по кончику узнал и понял, что это Норка там, в снегу мечется за птичкой. Наверное, птичке было смешно, но только в малиновом свете ожидающие освобождения сосны думали: придет весна, посмотрим, кто над кем посмеется.

Записывать жизнь моей тропы в связи с движеньем солнца и вселенной. Сегодня я был в духе и смотрел с захватывающим интересом на это представление утра зимнего. В следующий раз, если я буду не в духе, то стану на тропу, вспомню, как было мне сегодня и приду в дух. На этом основании уверенность Ляли в том, что стоит стать на молитву, и уныние проходит. Это она становится на свою тропу.

Мутовочка молодой сосны из снега, бывает одна веточка: на ней ком снега, как головка фаллуса, и дальше минаретиком стволик хвойный и снег. Но главное, и это почти смешно: от минаретика в 10 сантиметров огромная, далеко голубая тень:

так низко солнце, что от пальчика тени хватит на большое дерево.

9 Января. Вчера читал вслух «Никона»[12]. Ничуть не устарел, как и «Черный араб».

Прочитав, думал о попытке Мережковского дать революции религиозное основание[13], привлечь на свою сторону церковь. Так что из Мережковского показался «Никон» с другого конца, тоже являющийся как глас вопиющего в пустыне[14], потому что христианская религия, вернее православная церковь воздействует на общество только через личность – долгий, трудный путь!

В то же время цивилизация (капитализм, социализм), действуют непосредственно на всех: это скорый путь. Вот в «Никоне»-то и дано крушение религиозной традиции в делах государственных.

Идея Библии в том, что Бог, как Творец мира, создавая твари, стремился воплотить в них постепенно божественное совершенство. Созданный Им человек согрешил, потому что не был еще существом достаточно совершенным и потому, в поте лица работая и в болезнях рождая[15], должен был совершенствоваться, имея в виду идеалом Мессию, Христа.

Идея совершенствования видов живых существ путем борьбы за существование и естественного подбора вплоть до человека и самого человека в его дальнейшем развитии есть ничто иное, как рациональное доказательство философски-поэтической мысли Библии. Со временем будет непонятно, почему Дарвин сделается родоначальником наших безбожников.

Смущает полнейшая пассивность моего друга в отношении понимания современности через газеты и вообще полный отказ от надежды на лучшее в жизни общества. В ее понимании человек не действует в направлении улучшения жизни, а настоящий человек только спасается личным путем от судьбы обреченного на гибель мира земного.

Все это может быть и верно в большом плане борьбы личности за бессмертие. Но эта великая тайна должна оставаться

в глубине личности, как сокровенный побудительный мотив творчества. К людям же надо подходить с уже готовыми дарами творчества, радостно широким охватом, поднимающим личность, забитую суетой повседневности. Совершенный христианин должен быть радостным и деятельным. Но я думаю, что она такая и есть в существе своем, а только ужасно испугана.

Да и правда ли, что вся природа во зле? С давних времен человек, в творчестве своем переделывая природу, создавал новую, свою, и много создал доброго и прекрасного, чтобы видеть которое надо иметь глаза и *расположение духа*.

Мы вчера опять говорили о несостоятельности «люби ближнего как самого себя»[16].

Любовь вся истекает из Бога и, проходя через человека, опять возвращается к Богу. И если кто-либо, не называя имени Бога, оказывает любовь, то пусть бессознательно, но он верует. Потому что любовь истекает из Бога.

Мягко, слегка ветрено, летят снежинки. За ночь опять мою тропу местами засыпало поземкой. Я топтал ее, с особенным радостным вниманием наблюдая, как лепит природа зимние покровы своими белыми шестигранными звездочками. Стеной стоит старый темный бор. А впереди на вырубке молодежь, как защитники с белыми кулаками на верхних мутовках.

Не знаю, что может быть прекрасней верхней мутовки в молодой сосне?

Часто зимой пальчик мутовки сгибается под тяжестью снега, но один непременно, как мощный атлет, не сгибается и держит на голове своей целый земной шар, сложенный из миллионов шестигранных кристалликов снега.

Все равно как и в здании храма – стоит убрать крест, и все здание утрачивает смысл, так и в этой форме дерева – сломается верхняя мутовка, и все дерево станет другим.

Все восемь пальцев верхней мутовки, не сгибаясь, держат по белому кулаку. Есть что-то вызывающе-победное в этих вот непокорных ветках верхних мутовок. Зато все пониже сгибаются непременно под тяжестью снега, и чем ниже, тем сильнее.

Как и у нас, у людей, конечно, и у них есть непокорные, но нет ни одной, которая бы рано или поздно не покорилась всей необходимой форме растущего дерева. Дозволяется только верхней мутовке оставаться устремленной ввысь; эта мутовка, как крест на церкви, несет знамя и смысл всего дерева.

Этот смысл в том, что семя круглое, некогда упавшее на землю и умершее, теперь ожило, и сила его стремительно поднимает в прямом направлении тысячи новых семян. Смысл дерева в его росте, в его движении от земли к солнцу.

Был один до того непокорный сук, что 50 лет старался нарушить общую форму ели и торчал, пока, наконец, одной снежной зимой был так придавлен к земле, что весной уже и не поднялся. И потом, когда поднялись ветры, этот нижний огромный сук, как наказанный за свое непокорство, стал качаться и разметать под елью землю от падающих на нее мертвых хвоинок. Это заметили птицы, и дятел стал прилетать сюда в безветренное время клевать. Ель своим наказанным сучком потом убирала за ним сор. Червяк выползал из земли...

Все бы суки хотели вверх, это видно по тем остаткам, которые бывают на стволах сосен и по которым иногда можно, как по лестнице, залезть на вершину... Все эти суки начинались движением вверх, а потом, закругляясь, падали вниз.

Растопырив хвоинки пальчиками лапки, в глубине которой таились заложенные крупные светло-оранжевые живые ароматные почки, каждая веточка обнимает белый круглый снежный шар, растопырив под ним внизу, как пальчики, свои зеленые хвоинки.

На просеке стоял квартальный столб. Как всегда наверху он был круто затесан, и на этой затесинке миллионы шестигранных снежинок, падая одна на другую, создали восхитительную белую шапочку. Ниже шапочки у столба, как обыкновенно, был затес на три стороны, и это было лицо лесного столба и весь его смысл: в одну сторону лицо, и в другую, и в третью; у столба три лица. А пониже лица на зарубочках шестигранники, наседая, сделали белый воротник. И стоит себе столбик...

Питомник сосен похож на кладбище. Снег, падая сверху, лепил на концах мутовок белые шары и пригибал их к земле, а поземка наметала на них пыль и погребала под холмиком, из которого торчал иногда крест, а иногда минарет.

10 Января. Метель. –16.

Утром началась метель мельчайшими белыми пылинками, рассмотрев которые на темном, я убедился, что и такая пыль состоит из шестигранных звездочек, как два треугольника неба и земли в Неопалимой купине[17].

Вероятно и пыль поземицы, незаметно для глаза переметающая следы на снегу, тоже состоит из таких же звездочек. И все эти массы, снежные груды, от которых гнутся 5-летние сосны и аркой склоняются до земли березы, состоят из этих звездочек.

Сколько зла, сколько злобы в зиме, столь красивой для того, кто живет в тепле, и столь ужасной для застигнутого врасплох в поле путника. Ведь нет теперь в такую метель никаких путей, и твой собственный след тут же за тобой заметает. Сколько замерзает в одну только такую метель живых существ, сколько наломанных ветвей, сколько изуродованных деревьев. Но придет время, и каждая прекрасная и злая шестигранная звездочка зла превратится в круглую каплю добра, включающую в себя и красоту. Сверху добро, внутри красота – как сила. А зимой наружу красота, а внутри зло.

Ляля объясняла матери, что неудачник (Филимонов) не есть величина отрицательная в общем творчестве. Неудачника надо понимать в его несвоевременной попытке, а счастливец это – кто сделает то же по времени (современник). – Понимаю, – ответила теща, – в отношении Филимонова, но какие же попытки делает Ал. Ник.

Читал вслух «Голубые бобры»[18]. Ляля назвала меня последним классиком русской литературы и требует последнего слова моего в 3-й книге «Кащеевой цепи».

Нода, конечно, первейший жулик («нас 30 %, и с нами даже и немцы ничего не сделают»), но увидеть жулика можно в нем

только по результатам его деятельности, направленной в конце концов исключительно на себя (моя разлаженная машина – образ нашей страны). Если взять эти 30 % жуликов да плюс к ним процентов 10 разбойников, да...

11 Января. И опять летел весь день снег, но без сильного ветра. Я продолжаю думать об этом чудовищном скоплении снежного зла, от которого родится богатейшая весна. Перебрасываюсь от этого в человеческий мир, и вся война представляется мне, как болезнь, охватившая все человечество. И пусть вырастут на крови цветы – не утешительно. Пусть и тут каждый кристаллик зла превратится в каплю добра – не утешительно...

Получено письмо от бюро Союза писателей (правление в Казани) и от Удинцова из Чкалова. Впечатление такое, что все, как и мы, сидят и ждут чего-то, ни о чем не зная, не ведая. Есть у многих смутное чувство, что коммунисты еще чем-то думают немцев угостить.

Зина и Филимонов. У нее всякая мечта превращается в дело, у него мечта остается мечтой, и он вьется по ней мечтой своей, как хмель по осинке. Может быть, и настоящие верующие православные люди тем и отличаются от религиозных искателей, что их вера – всегда дело, что у них вера без дел мертва[19]. У верующих настоящих нет вовсе неудачников, потому что неудачник для них – это грешник, а путь борьбы с грехом открыт даже для тех, кто стоит перед смертью: для них даже смерть побеждается и в самом тяжком деле человек остается свободным.

Неудачник, это есть отношение личности к обществу и, как таковое, есть безвыходное положение души. Остается одно: войти в отношение к Богу. Значит, утверждение Ляли о неудачнике, как обязательном сотруднике и предшественнике удачливого, неверно, потому что неудачник – это грешник, а герой может обойти грех. В новой природе, создаваемой новым человеком, и нет греха.

NB. Пересмотреть смакование греха у Достоевского и ап. Павла.

12 Января. –24, а после тех морозов кажется тепло.

Лес завален. Многие сучья сосен... перед паденьем. С 9 утра до 1 дня хлопотали о продовольствии: привезли на санках картошку, капусту, лук, макароны, пшено.

Когда шли за квашеной капустой, то под влиянием чтения вслух своих вещей, думал о себе, о своем писательстве, как о подвиге. Я вменяю себе в заслугу успешную и трудную борьбу с самолюбием, постоянно уязвляемым. Мне казалось теперь, что нет поприща, на котором человек так уязвим, как искусство слова. И вот я, постоянно чувствуя сладость какой-то пустыни, спасался в ней и преодолевал сам себя. Так почему бы, спрашивал я сам себя теперь по пути через реку за квашеной капустой, почему я тот путь свой в искусстве слова не могу считать путем святости? Чтобы увериться в этом, я стал искать себе примера и спросил себя: кого из писателей можно признать подвижником на пути святости? Гоголя? – нет. Достоевского? – даже Достоевского нет. Разве Чехова?

– Ты, Ляля, – спросил я, – как думаешь о Чехове?

– Замечательный писатель, – ответила она, – только он не на пути духовной культуры, не самый ствол, а завиток какой-то.

– А кого же ты можешь поставить в центр основной преемственности?

– Думаю об этом и не могу никого назвать.

– Даже Пушкина?

– Даже Пушкина нет.

После Пушкина я как-то до того съежился в себе, что отбросил этот соблазн понимать свой писательский путь, как путь подвижника. Нет. И ясно увидел я лицо Зины Барютиной, все перекрытое мельчайшими морщинками кожи, вот это подвижница настоящая, и о. Александр Устинский, и даже какой-нибудь Гаврила – все это люди прежде всего деловые, для которых нет ни к чему пристрастия, кроме как к Богу: туда отдается вся страсть, весь жар души, все же остальное в жизни они понимают, как дело свое, дело – как спутник веры, в смысле: вера без дел мертва.

Но как же Рафаэль или Рублев, или создатель оперы «Кармен», или Бетховен, в особенности композиторы, певцы, живо-

писцы, скульпторы! Одно, одно только искусство слова в столь бедственном состоянии, что является даже вопрос о возможности подвига на этом пути: Евангелие Иоанна, «Песнь Песней» Соломона, может быть, «Ромео» Шекспира[20], и так далее, все как-то «может быть» или «кое-что» у такого-то автора или из такого-то сочинения.

Я это прочитал Ляле, и она возразила:

– По-моему, даже «Песнь Песней» сомнительна, может быть Соломон поел хорошо и написал.

– Мне-то какое дело, каким путем у Соломона вышла Песнь Песней, какое мне дело до жития древнего царя.

– Как так, – вскинулась, было, она и вдруг, как с ней это бывает, одумалась.

– Это поповство, – сказал я, – что житие определяет сознание, не житие, а – во имя чего было житие. Пусть царь Соломон пировал во имя Господа и на пиру создал Песню – не пир определяет вещь, а сама Песнь.

– Верно, верно! – воскликнула Ляля, – и так все в литературе, в искусстве. Вот Лермонтова мы пропустили, да и вообще все повертывается: судить писателя надо не целиком за жизнь, а за вещь, которая свидетельствует, как у Лермонтова в «Ангеле»[21], о мире ином. Все подвижники, все на пути святости, кто своим писанием доказал это. Чехов «Степь» написал, «Даму с собачкой»[22] – и довольно, значит, у него есть и свое «житие». Но я не знаю, я всегда сомневаюсь в Пушкине, есть ли у него такая вещь.

– «Пророк»?[23]

– Сомнителен. Я боюсь его довольства жизнью.

– «На красных лапках гусь тяжелый»?[24]

– Да, и гусь, все прекрасно, только где же трепет душевный, свидетельствующий о большем, чем земное бытие.

– «Медный всадник»?[25]

– Там не досказано...

13 Января. Лесные фигуры.

– Скажи мне, Ляля, – показал я ей на лес засыпанный, задавленный снегом. – Почти что нет ни одного сука в лесу совершенно бессмысленной формы: вот, видишь, слон как бойко вскинул хобот, а ноги, как плети, висят.

– А вот, – ответила она, – человек в противогазе сидит за столом и дремлет.

– Да, большинство фигур дремлющих, но все-таки это фигуры.

– Кто же их создавал?

– Лично никто. Ветер был ваятелем и материал его – снежинки – шестигранные звездочки. Почему же создавались, значит сами собой, формы, понятные человеку, намекающие на него, самого, на его душу, на повседневную и даже современную жизнь? Знаешь, я думаю, все потому, что весь мир и есть сам человек: все, все – человек – от шестигранного кристалла снежинки вот до этого крокодила. Видишь крокодила?

– Вот он, и будто что-то схватил.

– Нет, это другой крокодил, спит на берегу Нила. Так вот и крокодил, как ты сам знаешь, не чужд человеку, а вот и Ангел летит. Тоже и Ангел в нас, пусть даже ветер делает, все равно и ветер ничего не может сделать вне нас. Мы все вмещаем, и ничего нет вне нас.

Мне кажется, я только теперь начинаю понимать Бетала[26]. – Удивляюсь, – говорил он, – вашему восхищению: человек и человек, а вы удивляетесь.

Мне кажется, он, как вождь своего народа, смотрел на человека снисходительно, как мы смотрим на животное. И это единственно правильный взгляд, если мы самому человеку желаем сделать добро: надо снисходить к человеку, как к животному, но никак не иметь в виду его божественное начало. – Пусть Бог в человеке сам за себя постоит, мы же будем заботиться о человеке, как о животном, со всеми его нажитыми культурными потребностями.

То, что влечет меня к таким, как Лермонтов[27], Ляля назвала состоянием «нищего духом», т. е. что дух у человека все равно как у нищего, не связан богатством, славой, честью и другими земными благами. – Лермонтов дал нам такие вещи, а вот Пушкин... назови что-нибудь.

14 Января. Из моей жизни (преодоление неудач)[28]. В связи с чтением «Кащеевой цепи» мне вспомнилось, и как жаль, что

это я не вспомнил, когда писал «Кащееву цепь». Мне вспомнилось, что когда после исключения моего из Елецкой гимназии Розановым[29], Алеша Смирнов прислал мне сочувственное письмо с обвинением во всем Розанова (все были против исключения – он один), а ответил ему: «Дорогой Алеша, не вини Розанова – я один во всем виноват. Я даже хотел было застрелиться, и револьвер есть, но подумал, и оказалось – я сам виноват, так почему же стреляться – и вот не стал». Что-то вроде этого, а умный Алеша письмо это снес в гимназию, а из гимназии оно попало к матери и Дуни́чке, и вот почему все стали ухаживать за мной, как за больным и хорошим мальчиком.

Значит, «я виноват» – это решительный выбор одного из путей, открытых в жизни человеку.

Читаем «Кащееву цепь». Ляля возмущена тем, что я вместо невозможного при большевиках конца сделал концом «Журавлиную родину»[30]. – Ведь ты же, – говорила она, – начал писать современное евангелие, вспомни, как кончаются «Голубые бобры»[31], там даже Сикстинская мадонна привлечена к свидетельству, и какой конец!

Ответ на мой вопрос: почему ветер или сила тяжести, действуя на шестигранные звездочки снега, создают формы, знакомые человеческому сознанию.

На этот вопрос философ отвечает: неизвестно нам, какие это формы сами по себе, мы ведь все воспринимаем на свой лад (в категориях пространства и времени), значит, не тяжесть и ветер заботятся о формах, а мы сами творим их из хаоса и все приводим в порядок согласно ритму ударов нашего сердца и последующих заключений разума. Мы смотрим на хаос снежного леса, создаем в нем свой порядок, и так начинается наше творчество.

Так просто ответить философу со стороны, но когда сам остаешься один сам с собой в этой снежной пустыне, то ведь не тебе же лично, но на твою душу ложится вся эта снежногрузная тишина, и давит, и давит на тебя, как на ель, принуждая тебя к творчеству, то вот и встает под тяжестью хаоса этот

вопрос о существе: по существу-то, в себе самом, что все это значит?

Мы раскрыли снежный холмик ударами валенка, и открылась маленькая сосна с поломанной центральной веточкой верхней мутовки, там была и другая, и третья, и на больших соснах висло там много перегруженных снегом суков, близких к поломке. Это бессмысленное истребление живых существ у немецкого лесничего наверно бы вызвало противодействие, возможно, что там и выдумали что-нибудь против этих снежных обвалов в лесах.

Но что делать поэту в этом снежном лесу, брошенном на произвол стихии? Он тоже бессознательно побуждается к помощи лесу, и в этом его помощь, что все принимает в себя, все берет на себя, включает в свой образ, и так пересоздает, преображает, как Бог, природу по образу своему и подобию.

Они у лесничего пели «Белую акацию»[32], а я, глядя на горевшие в печке дрова, думал о том, что ведь это все наше добро в комнате против зла зимы (–40°!), все это добро пришло к нам от Солнца, что это в печи сейчас Солнце.

Лесничиха, распевая «Белую акацию», швыряла в печь оснеженное полено, и там снег тает, шипит, пары уносятся в трубу, чтобы потом снова вернуться кристаллами. Но придет время, и Солнце возьмется само, и нам не нужно будет помогать ему своими печами. Тогда окажется, что не в существе снега было зло: в существе снега – вода, и это добро. Но где же было зло? Оно было в том, что не было добра: зимой солнце не грело. И так вся зима была, как зло, и зло, значит, есть не что иное, как утрата добра (Солнце покинуло нас).

Пылает печь наша, вызывая в памяти нашего Прометея, похитителя огня, нашего Христа, который тайно жил с нами от создания мира. Каждый завиток красного и синего пламени был явлением Бога, и весь наш уют, и «Белая акация», все вызывает уверенность в том, что Солнце вернется и что если Солнце вернется, и мы будем надеяться, верить, любить, то и вернется Бог, покинувший нас...[33]

Так я думал, а лесничий разбирал газетную статью об обратном взятии нашего города Боброва, о том, что будто бы немцы

засели в подвалы с автоматами, и каждый подвал надо было брать как крепость, а в конце концов город был взят, и немцы оставили «горы убитых».

– Но если мы брали, – сказал лесничий, – каждый подвал как крепость, то сколько же, какие горы убитых составили мы. – И задумчиво обернув глаза на горящие поленья, ударил по струнам гитары и спросил:

– Что бы спеть?

– Разве «Горные вершины»[34], – сказала Ляля.

– Нет, – сказала лесничиха, – давайте споем: «Не осенний мелкий дождичек»[35].

Сегодня после сильного мороза только –26 и тот морозный туман, который в такие дни непременно является предшественником солнца. Большинство фигур в засыпанном снегом лесу похожи на слонов или людей в противогазах.

Вспомнив то, о чем я думал вчера, что истинный творец этих фигур не ветер и сила тяжести, а сам человек, носящий в себе эти формы, но сегодня я нашел этой своей философии смешное подтверждение: да, думал я сегодня, ветер не может быть творцом этих фигур, потому что ему не знакома форма человека в противогазе, значит, ветер, если бы его даже сделать персоной для творчества, не был бы достаточно существом современным.

Но разве является современным, кто знаком с противогазами, и не знает или не считается с тем, что ветер обдувает еще с сотворения мира? Нет, ни в коем случае такого человека еще нельзя назвать существом современным. А в таком случае, что это за оселок современности, о который обтачивается всякий художник и мыслящий человек?

Я думаю, это кто, усвоив все прошлое, пережив его, претворив в себя, вышел бы в настоящее и выносил бы, опираясь на него, на это настоящее, все прошлое и будущее. Такой человек на молитве, попросив у Бога здоровья своим близким людям, помянув умерших своих за упокой, попросил бы у Бога помощи для всех их, чтобы прошлое через настоящее вынести в будущее. Вот такая-то точка зрения на творческое существо и может быть названа современной точкой зрения и работа над воскрешением прошлого в будущем живой современностью.

«Доходчик» – это в лагерях, кто еле-еле на ногах держится, дохаживает.

Уверения Ляли в том, что в теще есть другой человек, оправдались: я увидел его, но этот другой – просто девочка лет 12-ти, до того времени, когда у нее начались неудачи. И в Александре Николаевиче тоже вскрывается мальчик. И может быть всякий неудачник похож на консервную банку, в которую закупорен сам маленький человек. Он там сохраняется, а вся тяжесть жизни садится на банку. Мы в неудачнике обыкновенно и видим банку, а не человека, и раздражаемся на банку, а сам-то маленький человек все чувствует через банку и обижается.

15 Января. Вчера к вечеру небо закрылось и стало теплеть. Опять зажгли нашу елочку с самодельными восковыми свечами и нашли, что для взрослых так и нужно: елку делать без украшений.

Прибыл к лесничему, как административно высланный из Ярославля, тесть его, кондитер Семен Александрович Юшков. С первых же слов он высказал свое политическое credo, что сейчас нужен Минин, и он есть, и что каждый пусть сам догадается, кто у нас Минин. Это, конечно, сам кондитер Семен Александрович Юшков.

Рассказывая о себе, он, между прочим, так выразился, будто бы он сказал о Христе, когда его при аресте спросили, уже не Христос ли он. – Христа, – сказал он, – не было, был плотник Иисус, а я пекарь Семен. У него есть какое-то изобретенье в области печенья хлеба, имевшее печальную судьбу, на чем и выросло его самомнение.

Неприятен, как всякий неудачливый и непризнанный изобретатель, но самое неприятное в этом Минине, что около этого, как возле обезьяны, и сам ходишь. Не повезло бы маломальски в литературе, не [уверился бы] от горя сам в своей личности, был бы тоже такой неудачник, ребенок в консерве.

А впрочем, ровно два года тому назад 16 января при первой встрече с Лялей, я тоже еще ломался. Возможно, и сейчас не все прошло, потому что быть писателем и уморить в себе пре-

тензию на какое-то «положение» почти невозможно. Тут даже и самые большие ходят со своей обезьяной, и все, что можно с ней сделать, это научиться ее прятать от всех.

Минин утверждал, что и народ, и правительство у нас на достаточной высоте, а беда в тех, кто между народом и правительством: бюрократия. Но он, конечно, врет о правительстве, на самом деле восхваление правительства – это дипломатический путь к фашизму русскому. Все эти шевелящиеся теперь в чаянии движения повара, пекаря – русские фашисты.

Алекс. Ник. прислал телеграмму о том, что здоров – это значит, была бомбежка и просит пока не приезжать. – А зачем вам в Москву, – сказал Минин, – сидите и сидите в лесах. – Нет, тоже так нельзя, – ответил я, – каждому надо лично для себя теперь ориентироваться в политике. Я должен иметь в виду или быть достаточно уверенным в том, что, например, немцы придут весной сюда или не придут. Если не придут, я могу сидеть здесь и работать, если же придут, и убежать мне нельзя, мне выгодней их встретить в Москве, чем здесь. – Почему же в Москве? – Потому что там есть лит. организация, а здесь... – Но ведь Гитлер не очень посчитался с учеными, он даже считает вредным делом поощрять искусства и науки.

Мне думается, Минин высказал тут задушевную мысль старого союза русского народа[36] (русских фашистов) о вреде Слова: о Слове, конечно, у нас исстари хлопотали евреи и подменяли Слово своими словами. А наши дураки из-за жида Слова не видали, и оттого у нас ничего не вышло, и дальше Нилуса они не пошли. Наш разговор на этом с пекарем Семеном прекратился, потому что, обороняя Слово, я дальше сказал бы: «Вначале было Слово». А пекарь Семен, поставивший наравне с собой плотника Иисуса, ответил бы: «Вначале был печной горшок». Нет, теперь не Минин нужен для них, а именно философ, способный создать для них теорию: нашим фашистам именно головы-то и не хватает. На этом и весь расчет немецких фашистов: они дадут голову, а эти будут работать.

А впрочем, коммунизм подготовил у всех такую жажду непосредственной жизни, жажду бессловесного, чисто физиче-

ского обладания непосредственными благами жизни, что для философии, пожалуй, довольно и пекаря Семена.

Легенды, связанные с Америкой. Рассказывают, что будто бы Америка предложила Сталину распустить колхозы и вообще бросить всю партийную политику. А Сталин ответил: Все распущу и со всем покончу, но сейчас этого сделать нельзя: начнется кутерьма.

16 Января (день встречи). Ночью увидел, как я рискнул, сделав через 5 свиданий (16 янв. – 5 февр.) два года тому назад предложение неведомой мне женщине. Только теперь, когда все вышло хорошо, все удалось, становится страшно за себя. Ведь в том-то и дело, что и Бога-то я видел через нее, обманись в ней – обманулся бы и в самом Боге, и жизнь моя от этого разлетелась бы, как мыльный пузырь. Об этом ли говорят, что дуракам счастье.

Может быть, но, с другой стороны, как же иначе, как, не рискуя жизнью, обрести в себе свидетельство веры? Ведь я действовал, потому что верил в Бога, живущего в человеке, и отдавался на Его волю, как младенец. Вероятно, это было у меня очень-очень хорошее чувство, до того хорошее, что Бог обратил внимание[37].

Приходит некто, или, может быть, проходит, заметил его и вспомнил: где-то, когда-то уже видел похожего. И как только стал на это, что был уже когда-то на твоем пути человек этот (все равно, так и с вещами бывает), был он и теперь повторился, и нового уже больше ты не найдешь, так и охватывает тебя и сердце твое сдавливает знакомая тоска-уныние. Много лет я это замечал, но сознать причину тоски и записать не мог.

Теперь, когда Ляля со мной, я понял, что уныние мое приходит именно от повторения в людях одного и того же. Вероятно, потому я отдал себе в этом отчет при Ляле, потому что она стала как бы центром моего неповторимого, и за счет этого формирования центра больно стало замечать повторяемость. Можно же представить себе, в каком унынии была душа человека, сказавшего: «Что было, тожде есть, еже будет: и что было

сотворено, тожде имать сотвориться: и ничто же ново под солнцем, иже возглашает и речет: се сие ново есть, уже бысть в вещех бывших прежде нас»[38].

Так говорит человек ветхозаветный, а христианин каждого человека на земле встречает, как новость[39].

Приходил дезинфектор (военный фельдшер) Алексей Михайлович, из Селезнева родом, и он принес валенки, которые взялся подшить теще, и за чаем подробно рассказал свою жизнь: Я не знаю как, с чего начинать, но только пристрастился к чтению и читал все, что дадут, все подряд. Когда же я перечитал довольно, то стал выбирать. Вот было, пришел я в библиотеку и выбрал «Анну Каренину», прочитал и узнал себя в Каренине, только у меня куда больше.

Примеры храбрости на войне (три раза в разведку ходил) и робости с женой-блудницей: всю жизнь робел с ней, и она всю жизнь им пользовалась. Из рассказа мало-помалу складывается образ человека, которому в силу материала природного и всего, из чего он состоит, надлежало [преобразиться] в исполнении заповеди Христовой о единой жене (какая бы ни была, нельзя оставить ее и искать лучшего).

При этом вспомнился художник Бострем, которому, напротив, надо было оставить жену.

Думаю, что в оправдание фельдшера нужно понять его чувство крови.

– Удивительно, как это можно самому в свою кровь войти и понимать изнутри. У нее (жены) было семь человек детей, и как только я увидел их, так вошел в свою кровь и понял: «Вот эти – Грушка, Санька, Васька мои, а те четверо – все чужие».

Вот эта «кровь» и с нею «дом» (в Селезневе) и определили привязанность, тяготенье в одну сторону. Относительно же самой женщины так было все отравлено, что на сторону и смотреть не хотелось. В каждой видел черта и близко к себе подпустить не хотел.

В этом чувстве крови, очень безликом и священном, и чувстве, кажется, очень русском (человек не личность, вроде как бы слепой) и сложился образ Ал. Мих., похожего на Никона Староколенного.

Очень интересен эпилог, в котором он живет на Болоте один и морит клопов, мышей, подшивает валенки (сколько добра выходит из этого мирного дела, сколько друзей, – как у меня читателей). А жена тут же рядом, и дочери, и сыновья.

– Встречаются – когда поклонятся, я поклонюсь, а то, бывало, не поклонятся – я поклонюсь. Придут, попросят – дам, сам не прошу: у меня все есть. И вот опять кровь: внуки от чужих – хоть бы что. А вот внук от [моих] – и мне утешенье (как утешается внуком). Удивительно, как вышел личностью из рода и образовался.

17 Января. Средний мороз –20.

Одновременно с телеграммой Алекс. Николаевича «пока не приезжайте» – значит, бомбежка в Москве – поползли разные слухи нам неблагоприятные, первое – что будто бы Калинин немцы взяли обратно (наверно, ерунда), второе, что будто бы около Нагорья спустился самолет по случаю аварии, что приехали наши летчики помогать ему подниматься и разговор между летчиками будто бы был о слабой помощи от Америки. Со времени выступления Японии вовсе нет ничего[40].

Посмотрит на тебя, улыбнется и всего осветит так ярко, что деться лукавому некуда, и все лукавое уползает за спину, и ты лицом к лицу стоишь избавленный, могучий, ясный.

Жил я с Аксюшей, служанкой, и она одна мне все делала: кормила, убирала квартиру, стирала, даже по телефону говорила. И я ей платил в месяц 75 рублей и думал, что она довольна, а если и будет недовольна – я другую возьму. После Аксюши стали обслуживать меня три женщины: Ляля, теща и прислуга, и какой же стал передо мной сложный мир женского дела, забот, хлопот, суеты с утра до ночи, споров, уколов, попреков. И главное, пусть бы это все, скажем, для Ляли или для тещи – нет. Это все для обслуживания меня.

18 Января. Та же погода –18, тихо.

Нищие духом (Лермонтов). Поэзию Лермонтова Ляля понимает как поэзию «нищего духом». «Нищего» в смысле ли-

шенности довольства или, может быть, даже и просто некоторого удовлетворения земными благами («Ангел»).

– Найди подобное чувство у Пушкина. – Я не мог вспомнить.

– И не найдешь, а между тем, в этом, может быть, единственная ценность поэзии.

Эти дни, начиная с 16-го, мы переживаем, как начало третьего года нашей жизни с Лялей. 16-го была наша встреча внешняя. Настоящая же духовная произошла после ее рассказа о жизни с Олегом. В этой общей мечте, похожей на «дух Божий носился над водами»[41], из этого хаоса стали для меня выделяться Лялины глаза, нос, щеки, потом фигура, бедра, руки, ноги. – Нет, нет, – перебила она мои воспоминания, – ты мне расскажи о твоих первейших впечатлениях от меня 16 января, как я вошла, и ты взглянул. – Это она потому настаивала, что ей хотелось почувствовать в себе Еву, первоначальную привлекательную женщину.

Наконец, попались газеты, речь Рузвельта[42], оскорбление немцами наших святынь-музеев и т. д.

Первое чувство негодования от оскорбления святынь было подавлено мыслью о том, что это примитивное чувство, если его поднять, встретит не равно-чувствующих людей, а бесчувственных политиков и спекулянтов; а еще что «родина» в этом смысле у меня давно отнята, что чувство это также пережито и отстало от моих новых переживаний, как все равно, если бы кто-нибудь стал бы Лялю понимать, как мою жену только, а не личность, со мной нераздельную и неслиянную. Точно так же и родина теперь мне как эта «жена»: нет! родина моя истинная не может быть оскорблена немцами.

Еще я думал о речи Рузвельта: почему возмущение, которое он поднимает против варварства немцев и такого действительно великого, перед которым бледнеют истребительные войны библейских времен, – это возмущение не возмущает, а действует как малиновый сироп. А потом, почему это бог, которого он выставляет на защиту демократии, тоже какой-то наивный и благополучный. Единственное правдивое в речи этой – призыв

к строительству танков, самолетов, зениток: в этом чувствуется мощь того истинного, не называемого Рузвельтом, бога – американского капитала.

Но нам-то что? – как все это далеко отошло, и так странно думать, что все-то верят в какие-то жизненные «свободы». Мы, русские, пока еще действуем как дрожжи истории, а в будущем, я верю в это, будем действовать, как нищие духом: только это, одно это от нас и останется.

Теща призналась нам, что не понимает меня и живет, как внутренне оскорбленная. Ляля меня защищала, как искреннего человека.

– М. М. жил как художник в своей мастерской, он весь отдавался своему делу, у него сложился свой порядок жизни, согласованный с его делом. Мы вошли в его мастерскую, в его порядок и стали устраивать свой. Ты была в отстаивании своего, для него внешнего и ненужного порядка, упряма, горда и подчас надменна: ты не хотела смириться...

– Позволь, Ляля, какая мастерская художника, я же мать твоя, ты его жена, у нас семья, значит, если семья, а не холостая жизнь, то необходим и свой семейный порядок.

– Никакой у нас семьи нет. Там семья, где сходятся для детей. Пусть не дети, а любовь, но эта любовь как приманка, а как опомнятся – так оказывается все тут, в детях, и тогда, опомнившись, люди впрягаются в ярмо. У меня такой семьи нет.

– Но ты же, Ляля, жена?

– Вспомните, Наталья Аркадьевна, – ответил я, – мы с Лялей сходились вовсе не имея в виду нашего брака, нас вынудили к форме гражданского брака внешние обстоятельства: неожиданная борьба Ефросиньи Павловны, поставившей Лялю в опасное положение. Поймите, что я именно и боролся с женой за не-жену. Я не менял одну жену на другую, лучшую. Вспомните, я служил слову, и шел по пути, на котором слово с маленькой буквы должно сделаться Словом с большой буквы. Я шел бессознательно, Ляля привела меня в сознание и вошла не в Лаврушинский дом, а в меня, и я в нее. И так у нас сложился свой единый порядок жизни, внутренний порядок, и когда мы думали об этом порядке, вы

понимали тот обычный, свойственный вашему воспитанию и привычкам внешний порядок.

Ночью, размышляя об этом разговоре, представил себе Алпатова[43], как смиренного служителя слова с маленькой буквы в чистоте и смирении души своей достигающего понимания Слова с большой буквы, Слова, творящего на земле из хаоса новую природу, не подверженную смерти.

Среди писателей-богоискателей, начиная с Мережковского[44], было много таких, которые сознательно стремились к Слову с большой буквы, именно эта «сознательность» приводила к обратному, к подмене большого маленьким.

Думаю, что эта вредная «сознательность» истоками своими имела литературную гордость, тайное индивидуальное «я» своей самости. Алпатов, поверженный своей любовью к недоступной[45] ему девушке, в прах потерял всякую гордость, и все гордые были ему как «старшие», как Большие, как великаны-учителя в мундирах, когда сам был карапузиком.

Даже знания, полученные при изучении специальности[46], биология, не могли поднять его, потому что для новой профессии служения слову те знания казались ему вредными: та природа была в полном противоречии с этой, которую он хотел описывать.

Алпатов отнюдь не хотел бы смириться, но вся совокупность обстоятельств приводит его к необходимости смирения. И самое главное, действовала в этом его сознании ошибка в поведении относительно любимой девушки: что он не стал на путь служения ей, а через нее сам возвысился. Вот эту ошибку он и хотел поправить в себе, отдавая свою жизнь служению слову, как хотел тогда отдать, но не сумел, любимой девушке.

Таким образом, Алпатов, служа слову, будет постепенно вовлечен в веру в Слово, в его творческую изначальную сущность жизни бессмертной (жизнь, как смена материалистического миропонимания идеалистическим).

18 Января. (Крещенье.) Сердце зимы характерно тем, что если даже среди дня, в самый полдень небо расчистится, может родиться и вырасти из полдня мороз. Немного спустя солнце

овладеет полднем, и колыбелью морозов будет звездная ночь и утро. А еще позднее морозы будут и называться не морозами, а утренниками[47].

20 Января. –43°. Изображая путь Алпатова, как путь от малого слова к большому Слову, надо представить себе, что Алпатов идет по занесенной снежной тропе, нащупывая палочкой или свободной ногой тропу, пробитую людьми. Сквозь метель ничего не видно, путь слепой, но ощупью медленно идти можно. Вот и следует разобрать, из каких элементов состоит это «ощупью». Начнем с того, что у писателя должно быть… Данное: это его талант. Как убедиться в этом?

21 Января. –37. К вечеру мороз сломился.

Талант, как Данное, похож на Спящую красавицу, ожидающую пробуждения. А Иван-царевич – это личность, волей и разумом создающая из неподвижного Данного форму, которая в высшем своем достижении есть Слово.

Вчера при чтении «Кащеевой цепи» Ляля сильно зевала, потому что у нее болела голова. Я же испугался очень за «Кащееву цепь» и за Лялю, что она не может преодолеть скуку писательской лаборатории. Все было неправда, не виновата была ни «Кащеева цепь», ни Ляля, но это дало мне повод подумать об ужасно скучной части так называемого творческого труда. Кто знает тьму? Конечно, свет. Так тоже: кто знает скуку? Конечно, поэт.

Три стихии, отвечающие трем лицам Святой Троицы: у Отца – Солнце (луна, звезды, космос, и вообще Огонь), у Сына – Вода, столь близкая душе человека, приходящая на землю с неба, у Духа, конечно, воздух. Крещенье было под Солнцем и понятна тут была Троица: Солнце, Вода, Воздух, понятен даже образ Св. Духа, как голубя, потому что летающий голубь указывает глазу на невидимый воздух.

Возможно, что в то время люди еще чувствовали непосредственно стихии, как божественную сущность, нераздельную и неслиянную. Если так, то становится понятным уклон иудеев

с пути единства Бога на путь языческий, т. е. путь обожествления раздельных стихий с неизбежным через это сотворением кумира. Это происходило на почве живого страстного чувства. Понятным может быть на примере чувство страстной любви, в которой есть выход к любви, как страсти бесстрастной, но все обыкновенно кончается семейным идолотворчеством.

Не могу вспомнить историю так, чтобы понять, что же именно у европейского человека погубило живое чувство природы египтян, евреев, греков: борьба ап. Павла с плотью? схоластика средних веков? Но почему эпоха Возрождения не возвратила людям священного чувства природы; напротив, всякое живое чувство отдала в распоряжение Ratio всемирной цивилизации...

В книгах людей надо учить не рассуждению, книга не для того, чтобы ума набираться, а для того, чтобы учиться любви.

Если бы только мог современный человек подойти к текущей воде с тем священным трепетом, с каким далекие от нас люди пустынь подходили в палящий зноем день к оазису и припадали страстными губами своими к холодной воде. Сколько наслажденья! Сколько благодарности! Сколько раздумья и поэзии! А теперь, не пустыню ли мы переходим, не изныл ли наш дух в тоске по живой воде? Я жду со всей страстью этого чуда, когда каждая шестигранная снежинка всего огромного скопленного зимою зла превратится в радужную круглую каплю воды; чувствовать, как в душу сходит благодать древнего крещения водою и духом, и слышать голос Отца: сей есть Сын мой возлюбленный[48].

22 Января. –26. Вечером вызвездило, и ярко светило начало четверти месяца.

Возвращаюсь к снежной тропе и вопросу о Данном (таланте). Я думаю, тот, кому дано в силу самого скопления или давления Данного, должен начать двигаться, пусть ощупью, пусть по слепой тропе. Он движется тем же самым, как голодный зверь движется в поисках пищи. В самом же Данном человека

содержится неуемная жажда дыханья, потребность не только в простой воде, но и в живой, не в воздухе, но и в Духе...

Закончил «Кащееву цепь»: блестящий конец. И в общем за выключением некоторых длиннот и маленьких перепевов себя самого, роман замечательный. Надо собрать все силы, чтобы дать 3-ю книгу и тем поднять весь роман. К моей личной доблести будет вменена полная независимость романа от официальных требований.

Вот это личное начало, сумевшее отстоять себя даже в то время, когда все скажут: это было невозможно и бессмысленно, это личное начало и есть начало разрыва Кащеевой цепи.

В 3-й книге «Кащеевой цепи» надо развить тему, к которой подводит конец 2-й – это тема не рационального отношения к стихиям (использования), а священного. Может быть, эта книга «Начало века»[49] будет посвящена крещению нового человека Огнем, Водой и Духом.

Если суждено русскому народу пройти немецкую школу, то вот, смотрю, какие это средние люди, с которыми будет встречаться русский хулиган ежедневно и будет усваивать через них свое внешнее поведение. (Это теща моя и Раттай).

Теща – образец порядочности и непрестанной рассудительности. Она верит наивно, как только немцы могут этому верить, что во всем и всему начало есть рассудительность. Темперамента ни малейшего, вместо чувств сентиментальность. Комнатное существо: не умея говорить по-немецки, так говорит с народом по-русски, что все ее считают за немку. Раттай у нас среди русской интеллигенции полный дурак и вообще ничего не понимает. Но если вглядеться, как он делает в своей специальности, как относится к людям, как утюжит свои брюки и сам крахмалит свои воротнички и т. д. и т. д. Если в то же время вспомнить заграницу, как там *все* живут, а не вожди всякого рода, то Раттай окажется одним из всех весьма порядочным и неглупым человеком, из которого состоит немецкое, шведское, пожалуй, и среднефранцузское общество; [его] и обслуживает

специальная мещанская литература, пошлости которой так у нас дивятся.

Навстречу этой среде в советское время подготовлены такие массы народа...

Я смотрю на этого Раттая в его зависимости от официальной среды и думаю о круговом движении всякого так называемого порядочного человека.

На самом же деле все на земле стремится принять круглую форму, и даже сутки мы называем «круглыми сутками», даже год мы называем «круглый год», и если хотим определить дурака в его совершенно конечной форме, говорим «круглый дурак».

Суточные, годовые круги влекут всякую мысль, все новое непременно в круг. И вот это общество порядочных людей, к которым принадлежит Раттай, – он тем и порядочен, что вовлечен в круг.

Есть, однако, силы, очень небольшие, которые стремятся выйти из круга, разорвать Кащееву цепь. Круглому человеку не понять, круглое существо всеми силами стремится эту прямую округлить. И достигает своего, прямые округляются, но не совсем. Так из взаимной борьбы центростремительной силы и центробежной получаются все-таки не совсем круглые формы планет и их орбит.

Так и у этих людей, как Раттай, в орбите их жизни бывают соответствующие отклонения от круга, отчего орбиты приобретают яйцевидную форму. Если бы Раттай просто женился на порядочной женщине, в этом отношении он бы и вычертил в жизни своей полный правильный круг. Но, сделав предложение теще, он получил отказ, вследствие чего получился некий сдвиг жизни и отклонение от круга. Стремясь в круг, он повторял предложение и получал новый отказ. И так дальше, повторяет, повторяет, пока, наконец, самое предложение и самый отказ не попадают в круг и не становятся таким же обычным делом его, как разглаживание воротничков и утюжение брюк.

23 Января. –35 с ветром.

Раттай шлет открытки моей теще, как богу молитвы, но молится в них механически и повторяет одно и то же. Он наводит

меня на мысль о том, что эти механические отправки писем у него неспроста, а что он сам, весь в себе, ежедневно механически вращаясь, повторяется и вообще весь он «ходячий» («ходики»). Возможно, что, как чиновник, он теперь на высоте. Возможно вообще, что если бы он был техником или инженером, то, вращаясь как шестерня, в этом техническом кругу был бы даже и очень на месте... Возможно, что заключенный в малый круг вращенья шестерни, он тут даже что-нибудь и придумывал, изобретал. Вот на этом-то свойстве техники механизировать душу человека и тем самым облегчать ему непосильное существование и основано ее широкое, успешное распространение в массах. Такая сознательная механизация государства со всеми его гражданами и дает возможность создавать войны с десятками миллионов жертв (вспомните рассказ о Грише-инженере, который приехал к возлюбленной из-за границы. Она его ждала как бога, а он, приехав, весь вечер истратил на починку радиоприемника).

Земля (минералы) и небо (огонь, вода, воздух) – вот и весь объем мироздания. Ветхий Завет весь посвящен стихии Огня (как молился Авраам[50] на вечерней заре и по молитве его загорелись дрова на жертвеннике).

По всей вероятности, великие натуралисты были благоговейные виниматели и содеятели воли Божьей, но восстание на Бога в связи с распространением науки исходило со стороны существ, непричастных к знанию. Это был спор за власть императоров и королей с папами и попами. Давно пора вернуть науку на свое место, как волю Божию.

Перечитав «Кащееву цепь», вынимаю из нее одну из ее главных тем, это – борьбу представителя личного начала (Алпатов) и общественного (Несговоров)[51]. Роман не закончен в этой теме, поскольку развитие личности в Алпатове не доведено до конца, равно как и общественность («все») Несговорова тоже не вполне раскрыта. Доведенное до конца раскрытие личности Алпатова открыло бы нам общественность (церковь), а доведенное до конца раскрытие общественности и Несговоро-

ва, как представителя «всех», привело бы к той «мировой катастрофе» (Бебель)[52], которую юноши ожидали и теперь мы, старики, дождались.

24 Января. –41 с ветром.

Ходил на почту и узнал от Захарова, что у нас большая победа: мы, промахнув 120 км, очутились на Западной Двине, перерезав Великие Луки, взяли Холм[53]. Парикмахер все подтвердил, и мы в одно мгновение стали «патриотами». Просто сказать: победа большевиков – нам, конечно, выгодней лично во всех отношениях, это интереснее. Уход Крипса[54] поняли, как расхождение с политикой демократии (Англии–Америки): их политика в том, чтобы подстроить обоюдное уничтожение большевиков и фашистов. Итак, если в результате этого наступления сломится фашизм, то в Европе – революция и торжество большевиков. Если победа фашистов, то предстоит долгая изнурительная война фашистов с демократией; если победа демократии, то война еще более долгая. Надежда на эту победу при условии, что Гитлер введен был в заблуждение относительно сопротивляемости СССР, просчиталась, и германская армия находится в бедственном положении.

Итак, наше освобождение из Усолья возможно лишь при победе...

Ад. На большие вопросы о том, кто же и за что борется, из каких богов состоит Олимп, Ляля ответила: – Ты видишь, как мне приходится, стоя на коленках, печку мешать, видишь, какая я красная, и голова у меня болит, и ты лезешь с такими вопросами. Мы ничего не знаем. Возможно, что мы уже в аду.

Подумав немного возле печки своей, она сказала: – Конечно, правда в борьбе за человека с Богом на их стороне и была всегда у революционеров. Но эта правда упущена ими в борьбе за власть, и ненавистна подмена этой правды корыстью. Ты только подумай, что было бы, если бы большевики свою борьбу стали бы вести во имя Божье? Значит, мы чувствуем их какую-то правду, ежедневно тающую в корысти власти, и мы ревнуем о той же правде.

Вспоминаю часто еврея Вальбе и спрашиваю себя, почему, выслушав мой рассказ о евреях, он сказал: – Это герои! они,

одни они спасают Россию. – А рассказ мой был из эпохи нашествия генерала Мамонтова на Елец. У Розы Львовны казаки взяли отца и повели его расстреливать за город. Она быстро набила карманы золотом и побежала за ними и через некоторое время вернулась. – Скорее, – сказала она, – давайте мне все ваши керенки. Оказалось, в последний момент перед расстрелом казаки согласились взять выкуп золотом. А Роза, поняв эту уступку, как слабость и обычное русское добродушное легкомыслие, сказала, что золото у нее дома и она сейчас сбегает за ним. А побежала за керенками ко мне, чтобы попробовать, не уступят ли казаки ей отца за керенки. – Я плюнул на керенки, – сказал я Вальбе, – и оплеванные отдал, и она спасла и отца и золото. – Напрасно плевались, – сказал Вальбе, – Роза – истинный герой, такие-то вот герои и спасают Россию. – А то вот еще было (рассказ о ситце и Розе под кроватью и о золоте на Воздвиженке). – И это герои, герои! – восхищался Вальбе.

В чем же героизм? Конечно, не в том, что спасала отца, это бы все сделали. Героизм, по мнению Вальбе, относится к спасению золота. Несомненно. Вальбе в этом золоте понимал не просто корысть, а власть человека, обладателя им, его материальную силу. Быть может, в понимании этого философа-еврея, сила еврейки, спасающей золото или материю от власти, была частью той силы, которой праотец Авраам повелевал вечерней заре поджечь дрова жертвенника.

25 Января. –26. Облачно. Тихо. Вечером при луне видны были на небе полосы, похожие на кошачьи хвосты. Ждем перемены.

В новом романе Алпатов ищет силы для слова (см. «Башмаки»[55]: «сжимая фразу, довести Слово до физической силы»). С этой точки зрения критический пересмотр литературы, начиная с Мережковского (может быть, они и веры-то искали в интересах слова, а так как разбор веры приводил их к богочеловеку, то они и превратились в словесных богов), услужливые издательства платили по 1000 р. за лист (пророки с обезьяньими хвостами).

Минин хочет на примере его специальности хлебопеченья показать такой способ учета в экономике, который мог бы пе-

реродить и спасти наше хозяйство от власти жуликов. Минин доходил до Госплана со своими проектами и до Сталина, и везде, как ему кажется, его идею спасительную заминали. После трудных и неудачных попыток...

26 Января. –40. Тихо. Солнечно.

Только хотел было отдаться радости солнечного утра, как вдруг среди лесных снежных фигурок узнал одну, и она напомнила мне наши охоты с Петей, и я спросил себя: – Где же Петя? – После того я уже не мог так просто по-детски, как это я мог раньше и как хотелось теперь, вглядываться в эти снежные фигурки, рисовать про себя, и эти сотворенные формы переделывать в словесные образы. Я истратил порядочно времени, чтобы снять с себя вину за прошедшее. Когда же снял, все-таки прежнее простое детское чувство не вернулось. Так вот и Ляля постоянно говорит мне, что после пережитых ею страданий детское чувство природы стало ей недоступно.

Как нет в природе безвоздушного пространства, так нет и полного молчания. Если же всякий звук стихает, то деревья, кусты, облака, а то и запахи принимают говорящие формы. Так однажды весной я слышал в ароматных почках благоухающую беседу березы с черемухой.

Если человек, желая сделать людям добро, отказывается от Бога и заявляет, что Бога нет, то он неминуемо сам становится в положение Бога. И сделавшись Богом из человека, человекобогом, он как человек неминуемо должен страдать, принимать все страданья, как будто настоящий Бог не пострадал за грехи наши. Почему же неминуемо? Не потому ли, что человеческая душа не терпит пустоты.

След белки вышел с полянки к сосне на опушке: белки на этой сосне не было, но он и не спускался на снег. До того тяжело было кронам от нависшего снега, что высокие пятидесятиметровые сосны, склоняясь друг к другу, так удерживались от сильнейших и может быть роковых изгибов. Белки свободно шли по этим склоненным друг к другу кронам вдоль всей боро-

вой гривы и до болота. В начале Блудова болота сосны того же возраста делались вдвое ниже и тоньше. Но зато они были тут такие частые, что стояли прямо и кронами смерзлись в один непроницаемый потолок. Белка бежала по верху крон, как по лесной полянке. Только в глубине Блудова болота на совсем кислой земле сосны стояли маленькие, разнообразнейшей формы, отдельно стоящими старушками. Белке пришлось прыгать, а то и спускаться на землю.

Вчера на морозе не ветер был, а будто легкое жгучее дыханье Севера. На лесных полянках от этого дыханья все-таки было перемещение мельчайших снежных пылинок, и от этого сложилась нежнейшая матовая поверхность. Одна тропинка, ранее еще много раз переметенная, теперь от вчерашнего дыханья стала только намеком на тропинку, и по этому намеку какая-то птичка прошла – так далеко это видно.

Бор. Молодая сосновая поросль всегда видна, это молодежь: у всех у них одинаково верхние мутовки задорно торчат вверх. Да и в спелом бору то же самое, верхние мутовки, выражающие стремление дерева двигаться вверх, к солнцу, гордо высятся вверх, хотя по всем другим, согнутым книзу ветвям, можно видеть, как тяжело достается дереву это движенье вверх. В лесу старом это общее молодое движенье вверх нарушено: каждое дерево привлекает своеобразием своей отдельной формы, отчего, сравнивая старый бор с молодым, думаешь, что растут деревья все одинаково, а умирают по-разному. Особенно это можно видеть на деревьях по болотам, на этих маленьких старушках, из которых нет ни одной друг на друга похожей.

27 Января. –40. Солнце. Тихо.

Люди слова – празднолюбцы. Люди дела – деловые. Теперь время Дела («бытие определяет сознание»), господства экономистов. Слабо и бледно прозвучало слово «Бог» в устах Рузвельта. Распущенное слово 17-го года и дело 25 октября. Алпатов – человек Слова, Ефим Несговоров – дела («Кащеева цепь»).

Восход солнца в Блудовом болоте, и весь день до вечера светлей, и особенно по вечерам это заметно стало: такого светлого дня еще не было, и нынешний день надо считать началом весны света[56].

Скажите, если человек делает большое дело, ведь должен же он себя в нем забывать? Вы это признаете, он должен из себя выходить и себя забывать. Но если рядом с ним человек его любящий, то ведь должен он охранять его, если тот забывает себя, напоминать ему о себе, о здоровье, и вообще возвращать его к себе. Тот в своей большой правде творчества для «дальнего» должен забывать себя, этот в маленькой правде любви «ближнего» неминуемо возвращать его к себе и ставить на путь нашей будничной жизни.

У нас у всех на памяти семейная драма Льва Ник. Толстого, когда он со своей большой правдой ушел из дому и умер, а маленькая правда его жены Софьи Андреевны потеряла всякий смысл после его ухода. Уход Льва Толстого у меня на памяти, я как сейчас вижу все общество того времени, расколовшееся на две стороны. Огромное большинство было на стороне Льва Николаевича за большую правду большого человека, меньшинство во главе с [журналистом] Дорошевичем стояло за маленькую правду семейственной женщины Софьи Андр. Я и теперь остаюсь как тогда на стороне большой правды и крайне сожалею, что Толстой бежал, а не сделал уход свой обдуманно, когда еще был полон сил. Но я понимаю и Дорошевича, что он вступился за женщину. Бывает, по-моему, в жизни такое положение, когда в борьбе с правдой большой любви к «дальнему» торжествует малая правда любви к «ближнему».

Было это в 17-м году, когда большевики только что взяли власть, один либеральный профессор заболел серьезно какой-то язвой в кишечнике. В то время был голод, кое-как доставали черный хлеб, но как достать белый хлеб, необходимый при болезни кишечника? Софья Яковл., жена профессора, подала какое-то заявление, и очень скоро Илья Николаевич, больной профессор, получил извещение о том, что ему назначен академический паек, включающий белую муку. И. Н. возмутился,

подозревая, что назначение пайка произошло не без влияния Софьи Яковлевны. Но нет, она решительно отстранила это от себя и ссылалась на каких-то друзей профессора. – А впрочем, – говорила она, – тебе белая мука абсолютно необходима. – Никогда от них не возьму, – ответил он, – лучше умру, но их муку есть не стану. В то время не один И. Н. был такой, и тогда эта борьба была понятна. С. Я. спорить не стала, но потихоньку от мужа получала пайки, и сказала, что ей удалось продать на муку какие-то вещи. Белая мука помогла И. Н. еще год поработать, но не спасла его: он умер от прободения кишок через год. Ну и пусть хоть год, а пожил благодаря маленькой правде любви к ближнему С. Я. В кругу друзей и знакомых профессора не нашлось ни одного, кто осудил бы С. Я. и сказал бы, что из солидарности с его любовью к дальнему она должна была бы ускорить кончину мужа отказом от белой муки. Да, я думаю, бывает такой случай торжества маленькой правды любви к «ближнему» против большой любви к «дальнему».

Я забыл сказать, что одна девушка, бывшая с нами, не согласилась со всеми, вернее – согласилась, но только внесла свои разъяснения: в отношении С. Я. и И. Н. что умно, трогательно, прекрасно поступила она, но только не согласна она, что есть правда большая и правда маленькая – любовь к «дальнему» и «ближнему». Правда одна и любовь одна. Кто любит «дальнего», тот трудится в любви и к «ближнему», кто знает правду большую, тот заботится, сколько хватит сил и ума, о правде малой. – А как же вы назовете отношения С. Я. и И. Н., разве это не любовь? – Нет, это любовь, только любовь древняя – женщины, подчиненной мужу: любовь супружеская. А если бы они были равные, то и мыслили бы равно, и не стали бы друг друга обманывать. По-старому это любовь, по-новому...

28 Января. –35. Тихо. Солнце. К вечеру ветер. ¾ месяца, светлые дни и ночи. Хороши в борах поляны при лунном свете. Снег лежит белый и по белому резкая черная тень сосны со всеми-то своими сучками, закорючками, веточками, мутовками. Груда замыслов самых фантастических вложена в эти оснеженные ветки крон, склоненных под тяжестью одна к

другой. Приглядеться – чего там нет, кого только нет, и среди всего выберешь себе самое загадочное и узнаешь в нем свое, как узнаешь по тени восковой фигуры свое будущее в гаданье. Вон под этой белой поляной, пересеченной черной тенью сосны, огромный орел с раскрытыми крыльями клювом своим норовит попасть в глаз крокодилу. А вверху над поляной в окошечко между уснеженными вершинами собираются звезды.

Дальний отманивает от ближнего, а тот цепляется слепо и становится врагом ему со всею своей слепой любовью.

Враги человека домашние его[57], которых надо оставить. Но бывает, оставить нельзя почему-нибудь, вот тогда бывает труднее всего: приходится у «Дальнего» занимать любовь, чтобы любить «ближнего».

В моей любви к ней есть чувство ревности к Дальнему, в свете которого она черпает любовь для меня. Иногда мне кажется, что не для меня самого она делает что-нибудь, а для Него, что я тут только повод, я – освещенный солнцем предмет, привлекающий глаз для восхищенья светом. Когда же приходится обойтись с ней, как только с женщиной, то получается удовлетворение: кроме чувственного наслаждения, тут где-то в душе таится расчет с Дальним в пользу себя. В этот момент она становится бесспорно моей, и тут всякий мужчина обретает состояние довольства, почти непонятное женщине. В лучшем случае она понимает его в тот момент, как своего младенца, которому она дала молочка. Она счастливо улыбается его довольству, он же наслаждается как победитель в борьбе с Дальним: больше не надо бороться, все достигнуто, и меч, и перо, и [женщина], ничего не нужно, все тут рядом, все близко и ничего нет дальнего. Так он и засыпает у нее на руке, она же мало-помалу освободившись от тяжести его головы, с улыбкой смотрит на него, как мать на своего довольного ребенка. Улыбается же она именно этой детскости души победителя, через которую она приходит в себя, в сущность свою, как женщина-мать, потому что ведь и это достижение своего ребенка пришлось за счет проникания [ею] в Дальнего.

В ней загорается страсть, когда он чем-нибудь выступает героически, именно духовное его состояние, героизм, когда он меньше всего думает о достижении ее тела, зажигает в ней страсть, и эта страсть приводит к удовлетворению и прощению героя.

Через героизм, творчество и т. п. разрушается пространственная и временная определимость («ближний»), и создается сказочная среда Дальнего, возбуждающего страсть. Христос или Люцифер – это безразлично, пусть даже Папанин или [челюскинцы] на льдине около Северного полюса, только бы не серый «ближний» с его повседневной назойливостью.

С чем же мы боремся и о чем новом из своего опыта хотим поведать людям? Первое – мы против культуры той семьи, которая основана на довольстве, на достижении, удовлетворении, достигаемом ограничением пути к Дальнему. Одним словом, мы не удовлетворяемся браком, который борьбу «Дальнего» с «ближним» решает в пользу «ближнего». Мы устанавливаем брак на пути к единомыслию двух, сближению в Дальнем: мы становимся Ближними друг ко другу на пути к Дальнему. Значит, брак есть творчество Ближнего в Дальнем. Это чувство радости о ближнем заложено в основу любви: всякая влюбленность сопровождается таким чувством, будто все люди хороши, и всем хочется добра, и все ближние.

29 Января. – А не думаете ли вы, Алексей Мих., – сказала Ляля дезинфектору, – что Бог нас оставил уже, и мы находимся в аду в полной власти нечистой силы? А. М., выслушав вопрос, некоторое время помолчал с таким видом, что из его молчанья сам собой складывался у каждого ответ: – О чем вы спрашиваете, когда оно по всему видно: мы живем именно в аду. – Да вот вам, – сказал он, нарушив, наконец, свое выразительное молчанье, – вот вам пример: беру с себя самого. Иду ночью один при месяце, или без месяца, во тьме по дороге ли, в лесу ли по тропе или без тропы и ничего не боюсь. – Ну и что? – Как что, значит, того самого, кого я раньше боялся на стороне-то, уже и нет, а он тут, мы с ним рядом живем, работаем вместе, спим, едим.

Помолчав еще и опять так выразительно, что мы на самом деле почувствовали близость антихриста, он продолжал: – Вот у баб еще остался немного страх чего-то, и то не когда они двери, а когда в одиночку. Было это еще в октябре, пришла ко мне одна баба здешняя с валенками и порядились мы с ней так, что я подошью ей за 30 рублей, только не деньгами, а молоком: 10 крынок по 3 р. Хорошо, принесла она мне 5 крынок и говорит: – Я запустила корову, как отелится, принесу еще пять. – А когда, спрашиваю, отелится? – Да сама хорошо не знаю, как отелится скажу. Проходит месяц, начинается другой, моя баба не кажется. Прихожу к ней, спрашиваю: – Ты чего же не кажешься? – А чего, говорит, казаться: когда мы рядились, молоко стоило 3 рубля, а теперь десять. Я же, значит, тебе все занесла, да еще с остатком. Мне с тебя получить, а не тебе... Поглядел я на нее: в уме ли, вижу в уме и рожа сытая. – Может быть, смеется? – Ты что, спрашиваю, смеешься? – Вот бесстыдник, – отвечает, – у меня муж на войне, два сына на войне, а я буду с тобой смеяться. – Ну, говорю, не смеяться, так ладно. Если у тебя муж на войне и сыновья на войне, то тебе надо Богу молиться, а ты вот каким делом с молоком занимаешься. Неужели не боишься? – Молчит. А я встал и ей поклонился и говорю: – Ну так ты молоко можешь не носить мне: твое дело. И меня ты не бойся, я даже, когда встречаться будем, кланяться тебе буду. – И еще раз поклонился и вышел. Ну и, конечно, в тот же день принесла мне вечерний удой, потом утренний, и в два дня весь долг уплатила. И не одна она такая, в бабах еще это осталось, особенно, когда они в одиночку. Только и это я считаю все пустяки и все само собой перейдет, и бабы тоже скоро ничего не будут бояться. Повторять не буду почему: сами знаете.

Ветерок, несущий снежную пыль. Встречая даже былинку на пути своем, обносит пыльцу так, что вокруг былинки получается кругом впадинка. А что делается с младенческой сосной! Падающий снег, наседая на пальчиках мутовки, отгибает их так, что получается крестик. Лишний снег, сваливаясь с дерева, образует холмик, а поземица обносит вокруг пыльцу и кругом холмика получается канавка. Такая искусная могилка получается, и с крестиком.

Все, что стремится к солнцу, принимает форму прямой, все, что падает с неба на землю, старается принять круглую форму. Вот пень горизонтально подрезанного дерева, снег, падая на его плоскость, принимает форму лысой головы. Сила падения создает из каждого пня лысую голову.

30 Января. –25 со злым восточным ветром, солнце. У лесничего в полдень на солнце между рамами в окне была капель (первая).

Переворот сознания. Если уже дезинфектор, верующий в Антихриста, рассказывает, что будто бы в Клину немцы всех детей собрали в деревянный дом и сожгли, то, значит, германская ориентация советских фашистов провалилась. Теперь стало всем ясно, что немцы несут нам не благо. Что же касается советского сопротивления вообще, то, конечно, оно рождается не из одной только механизации власти, а также из естественной жажды жизни народа способного, недряхлого и выносливого. Милые мои знакомые выбросили немцев из головы и впервые ориентируются на сов. власть.

Домашняя хозяйка. Понравилось, как теща вяжет чулки. Вздумалось поучиться. А она говорит, что я не одолею этой премудрости. – Как же, – говорю, – автомобиль одолел, фотографию? – То легче, то просто, а это дело женское. И тут я понял, что раздражает меня всегда в теще. Она усвоила себе ложную мысль, что женский труд требует особого женского ума, который отсутствует у мужчин, и на чем женщины и основывают свою власть. Помню эту зависимость мою от Е. П. в городе через белье, в деревне через еду. Скорее всего теща умней и способней, чем нужно для домашнего хозяйства. По невозможности выйти из этого круга, она сгущает значение этого труда и, как все подобные маркизы прежних времен, устанавливает в этом свое достоинство. В наказание за это теще моей дана дочь Ляля.

Снежинки (шестигранные звездочки), падающие с неба, в совокупности своей Mater'ия, падая на сучки, на ветки дере-

вьев, обнимая каждый изгиб, засыпая каждую лапку, трудятся, чтобы все округлить, все похоронить и над каждым покойником насыпать круглый холмик-могилу. Над этими бесчисленными могилами высится могила могил: небесный свод и в нем с прямыми лучами Солнце, отец жизни. Всякое существо живое на земле стремится навстречу Солнцу, и так создается рост жизни по прямой: каждая веточка стремится прыгнуть из своей могилки и воспрянуть в движении к Солнцу, и вся жизнь в совокупности стремится выбраться к Солнцу из-под своей могилы могил небесного свода.

Смотрел целый час на Mater'ию снега, обнимающую каждый сучок с тем, чтобы устроиться на нем шариком. Сколько лысых голов, сколько мячиков, черепов. И всюду и во всем одна цель этой снежной материи облепить, округлить и похоронить. Я вспомнил женственность Ляли, которая от всякой общей женственной материи отличается выбором: она не все попавшееся обнимает и хоронит, а то существо, которое, как ей верится, являет собою божественную сущность, стремящуюся ввысь. Вот почему ее материя есть святая материя.

Очень многие маленькие елочки под тяжестью снега сгибаются целиком до земли и принимают форму насекомого со множеством ножек и усиков: ножки и усики – это веточки дерева.

Сегодня ветер с востока, деревья скрипят, стонут, всюду обвалы, иногда падают целые веточки. На вырубке березы были аркой. Сегодня они встали.

Снежная материя хоронит живые существа с целью их сохранения: под снегом они не вымерзают. И та святая женская материя, о которой я говорил, есть добрая мать.

Хоронят нас все женщины, но одни хоронят как мертвых, а другие – чтоб сохранить.

Весь спор Ляли с тещей в том, что Ляля свою Mater хочет понять в ее изначальной и неизбежной ограниченности и под-

чинить ее Богу. А теща свою Mater принимает за начало начал, отчего и происходит ограниченное чувство собственности, властность, надменность, упрямство и т. п.

31 Января. – 19. Солнце и ветер.

Общество людей, обнимаемое словом «все», для кого и есть социализм, с точки зрения человека религиозного, признающего за общество людей в полном смысле слова только церковь, должен смотреть на «всех» людей, как на детей. И отношение его к ним должно быть строго любовное и воспитательное, как к детям. Это чувство, преодолевающее злобу, живет в моем существе, но я не могу справиться с чувством неприязни к евреям, возбужденное их наглым поведением в эти годы. Я это говорю не в смысле прямой вражды (Бог с ними!), но что именно не могу смотреть на них, как на детей. Легко смотрю на Ленина, как на упрямого, лобастого ребенка, но не могу так смотреть на Троцкого. В чем тут дело – не знаю, но оно так[58].

В лесу сегодня меня охватило странное чувство: все эти фигуры из снега повернулись, как из воска, в гаданье, со своим значением, и я увидел множество людей и животных...

Я был по-юношески обращен с восторгом в Космос и мало собран во внимании своем к человеку. Ляля собрала мое внимание к человеку. Не знаю, будет ли теперь мое писание прямо относиться к человеку или останется тем же, но более углубленным. Впервые теперь после встречи с Лялей начинаю обретать утраченное внимание к природе. И в то же время Лялю еще больше люблю. Вернее всего она вошла в меня, обогатила, и я вовсе перестал думать о ней со стороны. Через это «я» мое освободилось, и я вернулся к своему чувству природы. На эту борьбу за нее истрачено два года.

Ночью бушевал, свистел ветер, как осенью. Так кончился январь этой суровой зимы. Остается один месяц, а там весной никто не знает, что будет. Мне блеснула счастливая мысль вступить в связь с охотниками в Слободке и с ними эвакуироваться, если немцы пойдут опять на Москву.

1 Февраля. –19. Ветер, ясно, полнолуние. Волчье время. Я родился в то время года, когда начинается весна света и любовь у волков, воронов и лисиц. Суровое время...

Вспоминал вчера с гордостью свое безумное предложение Ляле 5 февраля 40 года (день рожденья).

Из семьи зав. почтой Захарова под секретом сообщили, что в Германии революция. Почему под секретом? Мы, конечно, не верим (как был слух о десанте в Гамбурге), но независимо от веры – очень приятно, и на все лады обсуждаем приятные выводы из такого факта.

– Ничего нет в этом невероятного, – сказал Н., – немцы, не как мы, – они все-таки же культурный народ и у них не как у нас: у них долготерпению есть конец.

Наш мороз и их революция – вот и вся наша надежда.

Вечером Ляля мыла мать и, увидев, что та сильно похудела, принялась в повышенном тоне точить, упрекать. Все ее упреки сводились к тому, что она мало ест и на себе экономит. Это была неправда, теща худела не от того, что экономила. Но под этим предлогом Ляле можно было ругаться на мать и довольно даже и крепко. Со стороны послушать, сказали бы даже, что злобная дочь поедом ест свою мать. На самом же деле это был способ проявления любви, матери это было приятно. Так может быть самые-то любящие дети матери России всеми нехорошими словами разносят мать свою.

2 Февраля. Вчера в раздумье о возможности революции в Германии и конце войны я сказал: – Разбаловался я за войну. Помнишь, сколько у меня уходило времени на заботу о хлебе насущном: целый день телефон, заказы, просьбы, договоры. А теперь выдают 400 гр. хлеба, кое-что припасаем, картошку, мясцо, – вот и все, и пишу я, о чем только мне захочется. – Милый, – ответила Ляля, – как это ты не поймешь, что то навсегда кончилось: мы теперь всегда так будем жить, в пустыне, и писать только то, о чем хочется. Ты благодари судьбу, что со мной сошелся: я тебе обещаю свободу твоего писания.

Собираемся навестить Москву, купили для этого мяса по 55 р. кило. А если бы с осени знать, могли бы запасти мяса по 3 р. кило. И так все и у всех, никто знать того не хотел, что война затянется. В ту или другую сторону говорили, а война должна скоро кончиться. Но это больше для приличия говорили «в ту или другую сторону», внутри же себя каждый имел в виду одну сторону, немцев.

Не очень думается, что немцы весной опять к Москве подвинутся. Чувствуешь, будто они потеряли моральное основание для нового наступления. Раньше нам всем казалось, будто немцы – это люди высшей культуры, что они ведут большую идейную войну против нашего неразумия. Теперь, когда они показали свою слабость, все содеянное ими обращается во зло, и крестоносцы становятся просто злодеями.

План для ведущих и Pflicht* для ведомых – вот основание немецких успехов в завоевании. А слабость их, как оказывается, в том, что этим «План» и «Pflicht» они себя ограничивают. За пределами этих категорий творческого расчета и священного повиновения немцы беспомощны, между тем, как высокое творчество требует еще вольного самоопределения в духе за пределами разума. Так, они растерялись, когда победили Францию, и не нашлись, чтобы мгновенно победить Англию. Так же не нашлись перед Москвой 16 октября, нужно было прийти и взять, а у них это, вероятно, с планом не сходилось. И тут-то слишком уже поздно оказалось, что план был построен на неверном основании, т. е. на предположении случайности власти большевиков и наличии морального сопротивления им народа.

Приходил Юшков С. А. Все яснее становится, что он маньяк. Его idie fix в том, что способом учета в производстве можно спасти страну (Мессия-учетчик). Тут не Бог, не Слово, не Дело, а Цифра. Тут что-то от Ленина («социализм есть учет»). А в конце концов это воинствующие рационалисты, характерные для нашей страны. У Тургенева это Хорь, но и Калиныч тоже тип. Хорь и Калиныч – гениальное произведение[59].

---

* Pflicht *(нем.)* – долг.

– Так это и запомни против «суеты сует»[60] и вечного повторения одного и того же, что ничто не повторяется в природе и людях. И само солнце изменяется, неизбежно приближаясь к концу. Всякое повторение только кажется, и потому кажется, что берется в отношении и себя...

Предрассудки времени: жизнь солнца настолько больше жизни отдельного человека, что в отношении к человеку какому-нибудь оно – вечность.

А если бы у солнца было сознание, то человек весь даже для него был бы не больше шевелящейся и существующей плесени.

Следовательно, длящаяся в веках повторяемость одного и того же явления, вроде восхода солнца, есть только с точки зрения существа с укороченным веком повторяемость.

С точки зрения какого-нибудь великого в отношении нашего солнца светила – как великого солнца в отношении человека – это солнце лишь на одно вселенское мгновение вспыхнувший вертящийся клубок перегорающего металла.

Итак, длящихся повторений, как нам кажется, в природе вовсе нет и быть не может.

Это есть даже не реальность отношения нашего, а скорее – настроение от усталости (для молодежи нет повторяемости, для старости все повторяется).

Значит, понятие «законы природы» включает в себя нашу ограниченность восприятия жизни временем: на наш век солнце всходит и заходит, как ему должно заходить, как ему положено «законом». И мы, пользуясь этим «законом», считаем часы, минуты, секунды. Но сущность жизни совершается не по часам и законам, И все в природе неповторимо, все беззаконно и совершается в первый и последний раз. Весной света мы даже и совсем забываем о времени, и нам кажется тогда, будто солнце не по закону пришло в повторение, а единственный раз.

Весной света пробуждается такое чувство жизни – все это космическое (творческое) беззаконие. В этом состоянии всякий «закон» (и церковный) отменяется. Это состояние духа и

называется благодатным. Законы создаются для детей («всех»). Солнце восходит в первый раз.

Местами, где реже деревья с востока, поземица так заделала мою тропу, что приходится ее вновь протаптывать. И вот когда я с мыслью какой-нибудь иду по тропе и вынужден бываю топтать, мысль моя уходит в силу топтания и так основательно, что когда освобождаются ноги на не занесенной тропе, я с большим трудом иногда возвращаюсь к прерванной мысли.

Вот так и война теперь мне кажется, как будто люди топчутся и мыслить не могут.

До того не можешь мыслить о войне, что ничего не выдумаешь... а сердце – по самому умному сердцу ничего не скажешь. Сердце нигде...

Когда рук не хватает, чтобы дотянуться до чего-нибудь, человек хватается за ум и что-то в помощь себе придумывает. Вот эта способность хвататься за ум себе в помощь и создает таких людей вроде Ленина, строящего на этой способности человека благоденствие всего общества.

Вот так и создается наш век воинствующей индустрии.

Бедное, оставленное на произвол судьбы человеческое сердце! Как мне на тебя положиться?

Итак, повторяемость явлений в жизни есть субъективное чувство человека, признак усталости. Но штампованные вещи надоедают (утомляют) именно благодаря своей повторяемости (всюду один и тот же шкаф или пепельница). В природе ничего не повторяется. Бог един и по образу своему созидает новую тварь, как особь единственную в своем роде и неповторимую. Откуда же является у человека машина и стандарт?

3 Февраля. Вполне весна света. –26. Тихо. Солнце.

Аникин вызывает в город. Начинили газетами, и не поумнел. Но как будто проведал, что немцы становятся злодеями. Немцы взяли обратно Феодосию...

4 Февраля. –33, в полдень на солнце +2. Ходил в Новоселки заказывать лыжи. Беседа с И. И. Фокиным.

Поземица, встречая на пути своем мельчайшую пылинку, сучок или всякую мелочь, не поддающуюся движению, так насаживает на нее снежинки, что получается вид маленькой снежно-застывшей волны. Семино озеро теперь не узнать, что оно озеро. Но вся поверхность его теперь покрыта такими снежными, голубеющими волнами.

Огромные холмистые надувы в перелесках, вероятно, происходят тем же путем, как округляются и ветки деревьев. Догадываюсь, что причины образования таких форм находятся в самой форме снежинок, т. е. первые две-три так ложатся, и потом остальные на них наседают.

«Бог», о котором сказал в речи Рузвельт, был понят как нечто очень хорошее и самое хорошее, чего ждет русский человек, это признание личности. Так что Бог стал связываться даже у малокультурных людей с личностью. Крестьяне даже богатых колхозов ждут освобождения от [них], только чтобы стать личностью.

Фокин Ив. Ив. рассказывал о своем страдании на войне. С ним было две буханки черного хлеба и два куска сахару. В бараке от беженцев смрад, стон, крики детей. Человека не было. Он отрезал ломоть и дал. Тогда показались признаки человека и лучезарной благодарности. Это понравилось ему, и он отрезал еще, и так обе буханки отдал и жил двое суток на двух кусочках сахару. В Ярославле зашел к ученику своему, председателю Облисполкома. У того сыр, масло, яйца. – А ты не знаешь, что делается в бараках? – Нет. Я не был. Когда тут? Весь день в канцелярии. – Надо бы посмотреть. – Схожу. – Сходи. Через некоторое время, отведав всего, Фокин спросил: – А ты это как получаешь? – По ордеру. Хочешь, тебе устрою. – Не стоит, как-нибудь обойдусь. А ты в барак-то сходи. – Схожу. В передней, когда прощались, председатель еще спросил: – А то я тебе устрою. – Не стоит, ты только в барак сходи. – Схожу.

5 Февраля (мое рожденье, 69 лет). Предложение Ляле в 1940 году. –33. Солнечно, тихо. В полдень в тени –19.

Представил себе, что я остался без Ляли и ясно увидел себя на пути аскетическом и радостном. Я бы тогда, как мне кажется, истратил бы все силы, чтобы возместить утрату свою общением с Богом и через Бога с людьми, как с детьми. Из этого вижу, как глубока моя связь с ней и, значит, нельзя мне унывать, а смело и спокойно и расчетливо бороться за нашу жизнь.

Время ставит перед человеком выбор: или делайся начальником и бей своего ближнего, или же тебя возьмут и будут бить (и скорее всего убьют). Пример трудности среднего положения, т. е. оставаться на месте и делать свое дело – это жизнь И. И. Фокина.

Зашли в гости к «Минину». Дочь его поставила на стол самовар, принесла хлеб, молоко. – А сахар? – Вот, сахар еще. – На нас поглядела. – Ты еще пирожных спроси. – Ну, ну, ничего, давай. – И она принесла сахар. После того они сели чай пить, а мы встали, думая, что они хотя бы для приличия нас пригласят. Но они принялись за чай и нас не позвали. Когда вышли, Ляля спросила: – Бывало ли так с тобой? – Хуже бывало, у черносотенцев, – ответил я. – Помню, студентом привез из Ельца билеты на благотворительный вечер. А он спустил собак на меня, сам же не показывается в окне: – Берите его, прощелыгу.

Когда пришли домой и рассказали теще, она изумилась и воскликнула: – Как хорошо, что я в жизни своей не видала таких людей и не знала об их существовании. – Что же тут хорошего, – сказала Ляля, – жизнь с закрытыми глазами. Я же повторил ей рассказ с собаками и дал объяснение: – Какой-то оттенок дикости, чурания – чур! чур! – лежал на всей нашей консервативной партии, они так и не вышли из этого состояния. – Но тогда, – сказала теща, – надо же это обдумать, все принять во внимание и может быть в самом деле, партия благороднее всего этого, и тогда поступить в партию. – Очень хорошо, – весело сказала Ляля, – ты, мама, начни, а мы за тобой.

По слухам, немцы дела свои поправляют, и революции у них никакой не начинается. Будущее попадает во тьму.

Женщина ездила с клюквой за Переславль и меняла клюкву на рожь. Эту клюкву крестьяне парят со свеклой три дня в печке. Получается сладость взамен сахара.

6 Февраля. –32. Ясно. Ветер воет.

Мало надеются на победы наши. Немцы везде переходят в контрнаступление. Надеются больше на перемену у нас, потом надеются на революцию у немцев и меньше всего надеются на решительный «второй фронт» у союзников. Деньги теряют всякую силу. В Переславле молоко 20 рублей литр. Мясо покупаем по 50 р. кило и то считаем за счастье. Дьявольская фигура «Минина» (Юшков С. А.).

В полдень повышается до –19. Солнце ласкает щеки.

Весна постепенно движется полднями.

Переметаемые дорожки местами по открытым надувам метели не проваливаются, но еще вовсе нет наста. От ветров в лесу много попадало фигур снежных, и снег стал рябой. Кое-где обломились сучки с сосен. Но еще много сохранилось на деревьях примерзшего снега.

Почему снег, падающий на всякое ограниченное пространство, стремится принять форму шара? Догадываюсь, что все происходит от формы снежинок. Сцепление первых двух-трех определяет форму нарастания последующих. Большинство хвойных деревьев, на которые не падает снег, стремится принять форму церкви: верхняя мутовка обращается в крест, а нижележащие сучья сгибаются куполом.

7 Февраля. –25. Облачно. Сильно ветрено.

Речь Черчилля после поездки в Америку. Отложим попечение о близком конце войны.

Посещение Митраши.

Нимфа Калипсо[61]. Иногда мне кажется, будто я как Одиссей, живу на острове, обвороженный нимфой. Раз было в Москве, в одну из первых сильнейших бомбардировок. Мы попали в

бомбоубежище на ул. Фрунзе на всю ночь. Что-то хлопало снаружи, но нам сказали: это двери хлопают. А нам вдвоем было хорошо: дверь, так дверь! и мы шептались, смеялись, дремали. Ночь прошла приятно, весело. А утром, когда вышли из убежища, кругом по всей Москве поднимались пожары. Одна бомба упала даже возле самого нашего дома. – Похоже, – сказал я Ляле, – на Одиссея, обвороженного нимфой. – Нет, – ответила она, – мы все и всегда над бездной, но это ангел-хранитель.

Теперь вот речь Черчилля[62], в которой он говорит о возможности войны даже и в 1943 году. Из той же речи видно, что наш фронт имеет серьезное значение, но не как нечто самостоятельное, а только ответственная часть всего фронта, раскинутого на весь земной шар. В этом свете наша победа какая-нибудь (например, взятие Ростова) является огромным делом; напротив, в нашем болотном свете с ожиданием перемены в своей судьбе ничего не значит. Ляля именно смотрит по-местному, и речь Черчилля прочла без впечатления.

Напротив, мать ее очень взволнована. – Вот видите, – сказал я, – как длительно еще может быть война. – Ну, это ведь для англичан, – сказала Ляля, имея в виду тревожную душу своей матери, – а у нас неизвестно еще как. Я не понял ее уловки и сказал: – И для нас то же самое, мы только часть фронта и отдельного выхода для нас нет: если переменим правительство и пойдем с немцами – жизнь наша под немцами тоже не сладка будет. – Безобразие, – воскликнула Ляля, – перед тобой душевнобольная, у нее одна мечта вернуться в свою квартиру на Лаврушинском, а ты ей так говоришь. Она же худеет ежедневно, она же скелет. – Напрасно ты так представляешь меня, – ответила теща, – может быть, правда мне очень хочется вырваться из этой ссылки, вернуться в свою квартиру, и худею от этого. Но как бы то ни было, а еще хуже в обмане жить, ведь не обманешь меня так, чтобы я потолстела. Гораздо лучше, я думаю, взглянуть правде в глаза, во всем разобраться и решительно стать на сторону Советской России.

8 Февраля. –19. Ветер сильный, меняющийся, метель. Считают, что серия упорных морозов без оттепелей при солнце и

восточном ветре оканчивается. Снег мелкий, иголочками, крестиками, редко звездочками.

Под влиянием речи Черчилля впервые стало ясно, что «мы» – это уже не большевики, а часть многонародного фронта против фашистов (и что Сталин больше не «вождь», а «премьер»). А немцы, наши учителя, теперь больше не учителя наши, потому что мы их школу окончили. Да, их школа была хороша при царях, когда и сами цари были немцы. И еще совершился переворот в мыслях относительно евреев. Как ни была ненавистна их культурно-паразитная диктатура, фашист оказался страшнее. И еще страшнее фашистов германских тот современный «Минин», который их ждет. После знакомства с «Мининым» еврей или пусть жид становится благодетелем человечества.

В существе мира создающегося есть только две силы – это Я и Ты (Бог). Взаимодействием этих двух сил порожден весь мир, видимый и невидимый. Если это знать, то все люди становятся понятны в существе своем с первого взгляда: все они распределяются между двумя полюсами – Я и Бог. И весь путь человека определится в самораскрытии Бога.

Бывает все-таки на короткое время, я чувствую, нравственное стеснение в отношении своей бывшей семьи. Но как только я вспомню, что Ляля со мною, стесненность исчезает, и вся вина за разрыв переходит на них.

Еще бывает иногда со мною по ночам, когда не спится. Мне тогда ясно бывает, что душа Ляли меня всего обнимает, что в ее душе я, как ребенок в утробе. И что у меня, как у ребенка, есть все и мне надо только расти.

Очень хочется мне передать еще: иногда бывает у меня что-то вроде суеверной оглядки на Лялю. Тогда мне кажется, будто она не просто женщина с обычными женскими слабостями. А что она?.. – Что? – спрашиваю сам себя. И вот тут мне намеком встает Ангел-хранитель, не как в молитвах произносится, а как есть он сам. А потом уж через это «сам» я как нечто второе, произнесенное людьми, понимаю и молитвенного Ангела-хранителя.

Вот, наверно, тоже как «сам» настоящие большие верующие чувствуют Христа возле себя. Я уверен, что Ляля так именно чувствует. Но мне большое счастье, что я в ней живу и расту.

Вспоминал Софью Павловну[63], ее агрессию и сравнивал с Лялей и спрашивал, почему-то с той не вышло и чем взяла эта. Та была во власти пола и все у нее полом кончалось. Сила этой была в борьбе с полом путем преодоления его эросом.

9 Февраля. –9. Ветер к югу повертывает. Летит редкий снег.

У колодца встретил «Минина». Грозился уехать в Ярославль, будто бы по телеграмме Сталина, но вот не уехал. – Почему же? – Буду я спешить, пусть подождут. – Прямо какой-то окунь на сухом берегу, прыгает на хвосте и хоть бы что. Политически он, с одной стороны, громит всех чиновников и писателей, и все «среднее» между властью и производителями, а ограждает себя от них своей связью будто бы с самим Сталиным. Будто бы дает ему телеграммы. По-видимому, пришел предел долготерпению ярославских чиновников, не посмотрели на его угрозы Сталиным и выслали[64].

10 Февраля. –14. В 8 утра вышли пешком по шпалам в Переславль и в 2 дня были в Райисполкоме. Обратно приехали в субботу 14-го вечером на паровичке. Всю эту неделю стояла мягкая погода, метель, и ветер дул юго-западный. Только в субботу вечером стало морозить, и ветер опять подул с востока.

Люди, которых мы встретили: 1) Аникин Сергей Иванович, предрайисполкома. Честный, прямой и умный человек, из рабочих. Такими людьми устлан путь революции (вспоминаю Кондрикова)[65].

2) «Зина», зав. общим отделом. (Ляля у нее с первого раза ватки попросила, и женщина дала ей прямо из своего письменного стола. Ваты, кроме как у Зины, нигде не достать.) Удачливая барышня. Повезло. На этом пути и Ляля была и вот-вот бы, но...

3) Кондратьев, отв. секретарь Райкома.

4) Листов Н. Ф., директор Горторга.

5) Витюков В. А., директор Райторготдела.

6) Кусин В. С., зав. столовой, свой дом в Переславле.

7) Жена Кусина, сын на войне, видит сны о конце войны, рассказывала в Сберкассе сон, и когда в столовой рассказала его, мы узнали: та же самая! Так и узнали по сну (три гроба). Муж коммунист, зав. столовой, сын в НКВД, у нее особое достоинство, выражаемое капризностью, тонкостью переносицы и как-то особо тонко в глазах, что-то вроде вечно гордо преодолеваемой обиды: «Знаю, вы все меня презираете, а мне на вас наплевать».

8) Романов А. А., директор фабр. «Красное эхо», сквозь него мы увидали Ноду, и это нам открыло, что их «нод» много, и наверно, у многих просвечивает 30 %.

9) Кармен – Дуся – налоговый инспектор, предлагает купить нам дешево мясо (10 р.). – Как это делается? – Очень просто (рассказ о «гражданине» злостном неплательщике: когда приходят за деньгами, жарят яичницу, ставят вино, и кто попробовал – его соучастник. Так он доводит недоимку до суммы, которую списывает. Рассказывал агент по заготовке масла).

10) Петя, летчик с аварийного самолета (самолет лежит возле Куротни, и Петя при нем). Дуся в пять минут его очаровала на диванчике под радио. Нырнула в его комнату. Возмущенье хозяйки. Радио бормочет, ничего не понять, а спать не дает.

11) Маруся Вейнер с Симакова.

12) Две женщины с санками возвращаются в Москву, потому что отказано в хлебе: хочешь хлеба – работай в колхозе.

13) Власов Ник. Вас., оформитель, мать старуха, сестра ненормальная, жена без ног – вопрос о пребывании в Москве решен.

14) Дворник на разъезде, великий контра, а сын плетет сеть и демонстрирует безбожие.

Она везла на санках пуда три. Я попросил ее взять мой мешочек фунтов в 5. – Я же не лошадь! – сказала она. – Милая, – сказал ей дедок, – ты везла пуда три и ничего, но почему ты станешь лошадью, если человек тебе прибавит 5 фунтов. – Потому что, – ответила она, – своя ноша не в тягость.

– Возможно, всю панику на фронте 16-го октября остановили несколько истинных героев.

– В таком случае это очень хорошо: эти люди действовали не по указке партии, они свидетельствуют, что воюет сам народ.

– Может быть, но история припишет победу не им, а...

– Причину паники 16-го октября я не могу вам здесь назвать, но в Москве вы узнаете. – Это вы о том, что должен был сказать по радио Пронин в 4 ч. дня...

– Причина зверств немцев понятна: хотите тотальной войны – вот вам. Им тотальная война в России прямо невыгодна, но она прямолинейна. – А чем же им это невыгодно? – Тем, что русские в плен перестали сдаваться.

Директор полу Нода (Романов) замечательно изображал «патриотизм» народа, перебирая те невероятные его страданья. – Причем тут героизм, если нет выбора личного. Все падает... на человека. Выноси или умри. Вам кажется – это героизм, может быть потому, что вы сами герой? Вот вам и хочется, чтобы все. Так, бывает, влюблен человек, и ему тогда все хороши.

Узнал, что Афиногенов погиб от фугасной бомбы, попавшей в ЦК. Некролога и даже малейшего сообщения о смерти не было. Но так и о всех теперь: личности нет.

Беседовал сам с собой, да именно: какой-то Сам беседовал с Собоем. Сам говорил Собою: – Мне хочется все пережить и поглядеть, как после всего заживут! – Понимаю, – отвечал Собой, – тебе просто хочется жить, и в этом нет ничего выразительного: каждому хочется выжить. (Неприличие радости жизни: как я стыдился масло просить и махорку.)

Кармен с дешевым мясом. Мы пришли в свой номер, нам встретилась выходившая из номера девушка. – Вот вы и пришли, – сказала она так, будто мы давно знакомы. – Ну, вот как хорошо. – Хорошо? – А то как же: я не могу одна сидеть в номере, скучно мне. – Мы вошли, осветили комнату. На столе лежал кусочек сахару, весь изгрызенный. – Это я вам оставила, – сказала она, – пейте чай. – Спасибо, у нас есть сахар. – Нет, не стес-

няйтесь, кушайте, я все равно больше не буду: напилась. – Да как звать-то вас? – Зовите Дусей. Мы разделись. – Погодите! – сказала она. – Я вам могу дешевое мясо найти по 10 р.

Семена лип с желтым сухим листиком для перелета по ветру сохраняются до весны и понемногу падают на снег. Беременная толстенькая и голодная коза на тоненьких ножках идет и, останавливаясь, поднимает их губками: до того голодна. И почему-то очень жалко козу. – Скажи, люди так страдают теперь и сам страдаешь через это, но когда смотришь на каждого в отдельности, то не жалко, а козу беременную и голодную жалко. Почему это? – Потому, я думаю, что в козе ты человека жалеешь, представляешь ее себе как человека. – Так я же об этом и спрашиваю, почему козу, пусть она, как человек, представляется, – жалко, а когда появляется сам человек, то не жалко. – Я думаю потому это, что для чувства жалости нужно увидеть предмет состраданья: мы же, люди, так пригляделись друг ко другу, что и не видим.

15 Февраля. (Прощеное воскресенье) – (2 февраля Сретенье.) –22. Тихий вост. ветер. Днем на солнце +2, в тени –10.

Целую неделю была метель, а к верхним веткам сосен и елок не только ничего не пристало, но напротив, от ветра слетело все зимнее богатство и те мутовки, у которых под тяжестью снега веточки сложились крестом, теперь эти веточки, похожие на пригвожденные руки, поднялись вверх, как будто деревце просит пощады. Комья снега, намерзшие зимой, теперь остались только на более низких ветвях, и тут на них падающий снег нарастает, и обыкновенно ветер, обвевая ствол, образует круглую мисочку. Может быть, скоро от солнечных лучей потекут в эту мисочку капли живой воды. Я тогда не забуду напиться этой воды с верой, что буду участником в создании радости людям, так измученным [зимней] борьбой.

16 Февраля. (Начало Великого поста.) –25. Солнце. Тихий вост. ветер.

Дорогой А. А., думаю, что письма моего вы не получили и повторяю его. Я жил все время в Усолье (20 км от Переславля Залесского). Пока давали бензин и моя машина не была сломанной, держал связь с Москвой. Но вот уже месяца два потерял всякую связь, и теперь явились новые осложняющие обстоятельства: необходимость пропуска в Москву. Я, конечно, за это время много работал, но без всякой оглядки на приспособление написанного к текущей прессе. Впрочем, при достаточно хорошей ориентации в современности, наверно, мог бы из написанного кое-что сделать полезным и для текущего времени. Одним словом, мне надо побывать в Москве с тем, чтобы наметить там план работы на ближайшее время и вернуться назад. Прошу Вас для переговоров об этом вызвать меня в Москву и обеспечить возможность возвращения без особенных хлопот. Имейте в виду, что я не молодой человек (69 лет) теперь в эту зиму прихварываю, и без жены, моей помощницы, в Москве мне мыкаться совершенно невозможно. А потому вызовите меня вместе с моей женой В. Д. Пришвиной.

Нас догнал по пути на почту кассир и сказал: – Помните, что сегодня начало поста? – Знаем, – ответила Ляля и спросила: – А вы помните? – Что я помню? – Она прочла: «Господи, Владыко живота моего...[66] и т. д. Аминь». После этого Ляля пришла в восторг как девочка и сказала: – Если бы пережить это время, как же будет потом хорошо! – Мы этого не увидим, – ответил кассир. – Вы маловерный? – Нет, может быть, и увидим, но мне об этом теперь думать нельзя, что есть на сегодня, за то и спасибо.

Как легкомысленно вышло у Пушкина переложение великопостной молитвы[67] в стихи, и как тоже невозможно себе представить, чтобы Пушкин, как Лермонтов, мог написать: «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою»[68].

Вот вопрос: так ли глубок Пушкин, как его размалевали?

К любому отрицательному свойству великопостной молитвы, если нечего прибавить, оно превращается в свойство положительное. Вот дух праздности может превратиться в священ-

ное празднолюбие, уныние в священную скорбь, любоначалие (властолюбие) в борьбу за священное первенство, празднословие в веселие («веселыми ногами»*). Да и вообще всякое зло, взять ту же зависть, превращается в добро, если его отнести к Богу: что, в самом деле, лучше зависти в делании добра в красоте, побуждающей идти самому по этому пути.

Значит, в Боге «все можно» и даже убийство, если оно предназначено высшей силою. Весь вопрос в познании высшей воли: как, например, сейчас узнать, с кем Бог, с Гитлером или с Черчиллем. Мало того, даже победа той или другой стороны не решает вопрос: победа может быть делом злой воли. Значит, единственное свидетельство о Боге личная совесть и разум. Конечно, и ты можешь ошибиться в своей совести и разуме: ты, как личность, действуешь за свой страх и риск. Но если ты со мной и у тебя тоже есть ты, и так вместе получится Мы, то... «с нами Бог» сказал Рузвельт, или: что «папа непогрешим». И опять не то, и опять выходит, что веру свою доказать можно лишь в борьбе и война неизбежна. Но разве кто-нибудь знает теперь, за что мы воюем?

Там, где под метровым снегом под землей где-нибудь таятся живые существа, пребывают они там в полусонном состоянии. Но пусть какая-нибудь улитка выползла теперь на поверхность снега, на мороз и сколько-то времени куда-то ползет. Может ведь она сколько-то пожить так и поползти. Так теща теперь похожа на такую улитку, когда она выйдет на улицу за молоком.

Всюду искрится на солнце снег, звездочки и звездочки. И везде по звездочкам проходят нежнейшие цепочки двойных следов. Это мышки лесные по ночам стали бегать друг к другу.

17 Февраля. Солнце, но еще наст не назрел.

По радио: пал Сингапур[69]. По слухам пали Кронштадт и Ленинград. Но что мы у границ Литвы и что 23-го (день Красной Армии) нам будет поднесен хороший сюрприз. Всюду разгово-

* «Веселыми ногами» – слова из Пасхального канона.

ры, что немцы приходили хорошо, а когда уходят, то грабят и жгут.

Вчера ждали Власова Н. В. Вспоминали Дусю и ругали порядочного интеллигента, пропустившего свое счастье (дешевое мясо).

Как будто небо на землю сошло и звезд еще много прибавилось, и все звездочки стали на земле много веселей играть. Так после Страшного Суда, может быть, как обещают, звезды упадут на землю и станут новыми беспорочными людьми, а люди праведные поднимутся на небо и будут покойниками сверху глядеть и радоваться на новых людей.

Почти все верхние мутовочки освободились от снега, оправились и выпрямились и повеселели. Сложные фигуры все пропали и остались только почти одни комки, имеющие форму черепов. Так на каждом дереве навешаны белые черепа, и сколько их, таких деревьев с черепами, никому не пересчитать.

Я стал покуривать. Ляля протестует.

18 Февраля. –25. Солнце. Тихо. На солнце в 2 часа дня +11. И капель.

Солнце раньше восходит, свет великий и все как будто жил в курной избушке с дымным небом над головой, а теперь потолок с этим небом стал подниматься, дым расходиться, и душа, своя собственная курная душа стала шириной на весь мир.

И будто я не иду, а скачу на коне Иваном Царевичем и вижу перед собою этот заколдованный лес, весь увешанный белыми черепами. Это столько голов погибло в борьбе за Марью Моревну, и я вот какой, вот что делает Весна света! Я скачу, не обращая внимания на как будто неминуемую смерть, и в такое утро и восход солнца уверен, что я проскочу. Вот на моей вырубке группа оставленных сосен, одни поближе, другие подальше, так расположились передо мной в своих вершинах, будто это колонны поддерживают единый полукруглый купол. А сзади моего храма из синеющей дымки лесов встает солнце, и каждая колонна посылает ко мне голубую тень.

(См. выше, как мышиные следы, как небо сошло на землю и кончить таянием и водой.)

(Все материалы эти обернуть в строительство храма и начать м. б. изображение своей тропы. Начать тропою, всех лиц, всю войну и кончить победой.) (Храм.)

Она меня утешала: – Не огорчайся, у тебя есть песня, у тебя я, кончится война, мы уедем на Кавказ, будем жить в саду.

В полдень под нагревом солнца (+11) там и тут, куда не глянешь в бору, вылились примерзшие фигурки и в воздухе рассыпались пылью. И так много этой пыли оставалось в воздухе, что лучи, просвечивающие лес, были дымные, и в лесу от множества проникающих лучей было серо и дымно.

Но еще, может быть, какой-нибудь только час льет с крыш на солнце капель, и сосульки растут еще медленно. До сих пор еще не начал определяться наст, и когда станешь боком к солнцу, то одно ухо у человека краснеет, а другое в тени белеет от холода. И руки зябнут в перчатках, а когда снимешь перчатки и руки поднимешь против солнца – согреваются.

Вечером на закате за стеною сарая на голубой, лазоревой как небо снежной окружности горело золотое пятно. И я, очарованный, глаз не мог оторвать до тех пор, пока не потускнело золото в лазури. Мне было так, будто это кусочек неба далекого лег на землю, и я мог наслаждаться им вполне и дивиться близости его.

В здоровом теле здоровая душа – это было в древнем мире, а теперь довольно посмотреть на парад матрешек в голубых физкультурках, чтобы подумать обратное: только при здоровой душе может расти красивое тело.

Проводили Н. В. Власова с письмом о пропуске в Москву Фадееву. Он себе клюквы наменял на 25 р., 6 стаканов, мяса купили ему по 55 р. (в Москве по 100 р.).

Достал табаку (махорки) и теперь куда ни приду, с кем ни начинаю разговор, вынимаю кисет и угощаю. Всякий делается добрым, и после этого я начинаю деловой разговор. Так вот вел переговоры с председателем колхоза о молоке, и сегодня вечером принесли 2 литра, и я буду так получать ежедневно. Все рады этому ужасно, и особенно бедная теща.

Весна света делает с тобой что-то, чего трудно понять: то представляется, будто давящий сверху на темя потолок поднялся и дымкой разошелся в небесах. А то будто руки такие и дыханье такое стало, что взмахнешь руками и охватишь весь свет. Но главное, как будто утверждаешься в радости – и так отчетливо. И так ощутимо это было сегодня, что я даже про молоко подумал: не оттого ли это, что с нынешнего дня мне получать две крынки молока. Но нет, оказалось, я утверждался радостью оттого, что глядел на голубеющий снег возле сарая: в свете было мое утверждение.

Проходят, возрастая в красоте, святые дни весны света. Каждое утро из голубых теней между деревьев строится скиния*.

Агент по заготовке материалов для торфопредприятия едет на машине, берет с собой торфу, мяса, картошки и устраивается в Москве как дома. Продает картошек мешок за 1000 р., покупает каракулевые воротники (какие дураки, продают по 175 р., по прежней цене).

Начальник пней, скипидарщик, занялся самогонкой. Конюхов дал ему два пуда муки, а тот притворился, что сжег. Конюхов остался в дураках.

Конюхов женился. – Хорошо живет? – Очень хорошо. Кровать из Москвы привезли за 500 р.

Два энкеведешника из Ярославля в общежитии в Переславле спрашивали Власова: – Что это за писатель Пришвин, пишет о ка-

---

* Скиния *(др.-греч.* шатёр, палатка; *ивр.* обиталище, местопребывание) – походный храм иудеев.

ких-то зверях. Зачем это? Вот есть Лебедев-Кумач, это писатель! – Почитайте Горького, – ответил Власов, – и вам будет понятно.

В книжной лавке в Москве, говорят, спрашивают много Библию. – А кого из писателей? – Только не Горького и не Маяковского.

Пришел человек, кто его знает, какой, и стал мне нашептывать, что Можайск взят немцами обратно и что Кронштадт пал и что, кажется, пал Ленинград. А женщины в бараке рассказывали, что никаких зверств в Клину не было, что какой-то немец отобрал у нее белье и она пожаловалась офицеру. Узнаешь его? – спросил офицер и поставил всех в ряд. Она узнала, и он тут же на ее глазах велел его расстрелять. – Вот бы вам, Мих. Мих., взять бы да и к немцам. Вам они ничего не сделают, вы для всех желанный. – Милый мой, – ответил я, – у них меня будут, конечно, читать и почитать, но ведь у них же правды нет.

Самое замечательное в нашей русской истории наступило время: госуд. власть осталась, как шарики жира на молоке, сливки. И все разделилось на «у них» и «у нас». У них все есть. – У нас... и т. д. «У них» – это партия, власть. – «У нас» – это народ, вернее, чернь. Откуда это?

А вот откуда. Я, как русский, когда вижу представителей другой народности, чувствую превосходство их перед русскими, пусть то будет англичанин или татарин, или удмурт: чувствую, что те все обходятся без какой-то нашей непонятной единственной в мире и сокровенной гадости. И в то же время это искреннейшее чувство гадливости к себе самому определяет границу чего-то такого ценнейшего, чего нет ни в одном народе[70].

Свет весной действует так, будто ты выходишь из себя и вне себя уже утверждаешься в той бесспорной радости, которую у тебя никогда не отнимет никто.

19 Февраля. –27. Ясно. Тихо.

От вчерашнего полдневного тепла (+11) везде на южной стороне снежные фигуры и деревья дали сосульки: у моржа вы-

росли клыки, у Мефистофеля – зубы. Всякое темное пятнышко на снегу, листик, стал погружаться, каждая хвоинка теперь в колыбельке, и вокруг веточек в снегу теперь блюдечки.

Как бывает начало весны света, такой какой-нибудь особенный час в каком-то особенном дне еще в декабре, так точно и весна воды начинается в феврале, и вчера это было самое первое начало, когда в полдень при +11 закапало со снежных фигурок («блюдечко» живой воды).

20 Февраля. Пасмурно, ветер меняется, утром –25, вечером –9. По-видимому, кончилась серия лучезарных дней и будут метели.

Ходили с Лялей в Купань проверить картофель. Ляля проповедует Бога Мих. Ив. Новожилову (было время – она этим жила).

В эти годы мы все были свидетелями образования в обществе из хаоса персоны власти, подобно тому, как в косточке из плазмы образуется ядро. Это ядро или вождеобразование сопровождалось поглощением души (личного начала в человеке). Но это, конечно, было известно и понятно теоретически давно, только мы-то сами теперь были свидетелями и невольными участниками этого процесса, и потому это кажется таким необычайным.

Усиливаются опять прогерманские настроения и, главное, те же люди, которые говорили о зверствах, опять говорят, будто это неверно. Сколько наговорено о погибели немцев от морозов, а мы продвигаемся на куриный носок. Понятно, кончается доверие к словам.

N. объяснил наше положение немецкой провокацией, погубившей в свое время всех даровитых и образованных офицеров. Теперь отсутствие образованных командиров дает нашей войне будто бы партизанский характер.

Половецкое и Скоморохово. Мне пришло в голову спасаться в случае весеннего немецкого нашествия не поездкой куда-

нибудь на Урал и не оставаться в Москве, чтобы не попасть в положение ленинградцев, а устроиться в глубине района в Половецком или Скоморохове. Это действительно единственный разумный выход, и если выйти так за порог смерти не удастся, то значит так и надо. После поездки в Москву поедем с Лялей на разведку.

Очередные дела: 1) перевозка картофеля из Купани, 2) починка машины, 3) добывание бензина, 4) поездка в Москву.

Не забыть рассказа агента продовольствия о той яичнице и вине, прикосновение к которым освобождает от платы злостных неплательщиков.

Вода и лодочка. Ляля, я не скажу, чтобы мудрее меня была, нет. Вот в том-то и дело, что мы не разные с ней, а равные и не сливаемся. Но я часто чувствую в себе упрек себе самому в том, что Ляля иногда, как мне кажется, не движется вперед. Этот упрек я всегда обращаю к себе самому, потому что Ляля во всем всегда мне отвечает: стану я – и она стоит и дожидается, движусь – и она движется и даже пойдет вперед. И это не потому, что она зависима, а потому что любит, и такая уж ее женская любовь: похоже на любовь воды к плывущей по ней лодочке.

Разговор с Михаилом Ивановичем:

– Признаюсь, я за это время и Бога оставил.

– Кто же вам картошку послал?

– Колхоз работал, я взял за свой труд.

– Ты работал, а откуда семя картофеля?

– Не знаю, откуда брал колхоз семена, кажется, свои оставались от прошлого года.

– Я не о тех семенах, а о самом происхождении картофеля, первоначальном его семени.

– Ну, это природа, это дано.

– А кто дал?

– Не знаю, может быть, Бог засеменил, только мне-то что: он семенил для себя, а не для меня. Есть Он или нет, такой Бог – мне все равно. Меня беспокоит Бог вездесущий, всемогущий и

всемилостивый. Я сомневаюсь в таком Боге, потому что мыслимы ли такие бедствия, если Он всемилостивый. Ляля много и хорошо говорила о Боге-Слове и Боге-Мысли, но Мих. Ив. все повторял:

– Слово ваше справедливое, все это может быть так, да вот темнота-то наша, никак не сообразишь, никак не поймешь: ведь если Он вездесущий, значит видит наши дела, а если Всемилостивый, так как же ему не пожалеть теперь невинных людей, не вступиться за правду.

– А может быть, – сказала Ляля, – правда не в том, чтобы ваш невинный награду получил и жил бы благополучно, может быть, правда в необходимости страданья, приводящего к новой мысли. Бог есть Слово, есть Мысль, мы от Слова начались, Словом посеяны, и новой Мыслью через страданье возвращаемся к Богу.

– Ну да, все верно, только темнота наша...

Видя безнадежное положение спорящих, я сказал:

– М. И., да ведь у нас разговор идет не о том Боге, которому в церкви кулаки молятся. – Он повеселел и сочувственно отозвался. – Иконы тоже – это только образ для верующих и совсем не важно молиться, глядя на икону или на небо. А для них, кулаков, это идолы.

– Правильно, Михаил Михайлович, я об этом самом и говорю, что все это я оставил, а то, что вы говорите – Мысль, Слово – мы тут в темноте ходим, нас это мало касается.

После этого признания даже и Ляля унялась и спорить перестала: Мих. Ив. действительно говорил о Боге, который ничего общего не имел со Христом.

<u>О здоровье</u>. Природа, как божий импульс человеческому творчеству, или же природа, как идол. Есть здоровье, которое дается от природы, и есть здоровье, создаваемое изнутри самим человеком: красота эллинских богов именно так создавалась, именно усилием творческого человека, преобразующего внешнюю природу. Напротив, наш физкультурный парад, эти матрешки в голубых гимнастерках, есть рабское следование внешней природе.

21 Февраля. –12. Пасмурно. Будет снег, несколько дней уже вороны весну зовут.

В обед пришел Кононов, принялся за машину, и значит, скоро состоится наше путешествие в Москву.

Мишка поступил в Радиобудку. Это наводит на мысль, что поступил он по просьбе отца*. А на отца у меня подозрение еще с далекого времени. («Я за тобой гляжу».) Кроме того, будка находится под ведением А., который отчаянно демонстрирует свою контрреволюцию. Я от себя не высказывал никакого мнения ему, но: «ты виноват уж тем, что слушал». Вот почему сегодня я ему сказал в мастерской нечто и при следующих обстоятельствах: вошел рабочий и сказал, что он не может взять бочку с маслом из снега. – А народом? – И народом, похоже, не возьмешь. – Ну ладно, сейчас я сам приду. Когда рабочий ушел, я сказал: – Русский народ столь талантлив на такие придумки, когда он хочет. Вот тут-то я и стал говорить то, что хотел. – Да, когда он хочет. И он сейчас должен хотеть победы над немцами. Подумайте, ведь русский человек по природе своей умней и талантливей немца, и француз талантливей, и англичанин во всех отношениях лучше немца. Так неужели же можно допустить мысль, что немец будет господствовать над миром? – С этой точки зрения я с вами согласен, – сказал он. Я же, воспользовался паузой и вышел, исполнив свой долг.

Успехи японцев давят вздутое патриотическое сознание уже тем, что наш фронт стал представляться не решающим мировую войну, а очень зависимой частью всего фронта. И еще становится все более понятным, что для победы не довольно моторов, как думают англо-американцы: простой [силой] не победишь. Требуется кроме моторов еще может быть национальная воля, как у немцев и японцев, и вместе с этим национальный героизм, дерзновение, риск.

В общем, мы живем умно, расчетливо и ладно, во всем чувствуется умная воля Ляли: ну, просто умница. И в то же время себя я тоже возле нее не чувствую пентюхом или каким-нибудь мужем царицы Менелаем[71]. Напротив, с ней, может быть, впервые чувствую свои достоинства. Больше! С нею впервые

* Речь идет о П. М. Назарове, которого Пришвин знал с 1920-х гг.

не наивным врожденным чувством природы, не по догадке (я только предполагал существование на земле настоящих людей), а впервые увидел, узнал и принял как очевидность существование на земле в человеке божественной души.

В сущности, это была моя первая встреча с человеком.

В моих писаниях, даже самых лучших, вроде «Гаечки», «Раки»[72] и т. п., есть упрямство в избегании привлечения к природе напрямую человеческой души. Я остаюсь у самой границы встречи божественной природы человека, его духа с обыкновенной «натуральной» природой.

Нестеров из того же чувства природы вывел своих святых людей: я это сделать не посмел, а м. б. мне это и не свойственно. Я бы хотел эту же святость увидеть не в монахах с нимбами, а в живых людях, изобразить их не как свечение природы, а как волю божественной природы человека. Не это ли самое привело Нестерова к попытке писать портреты великих людей? Вот именно у Нестерова и в его природе, и в его святых людях не хватает выражения божественной воли, святого строительства и здоровья человека, обеспеченного его духовностью. У Нестерова человек дан в излучении его святости, а не в святом деле...

22 Февраля. –10. Пасмурно и нависло.

Все старые сосны стряхнули с себя покровы зимы и все ветки, способные подниматься, потянулись кверху, а те, которые теперь не поднялись, больше уже не поднимутся и останутся висеть шатром, пока не отвалятся, и от всей ветки не останется на стволе только тычок. От этих тычков весь ствол сосны будто лестница, и другой раз это так часто, что можно лезть наверх как по лестнице. И с тех сучков, на которых сидели фигуры, все попадало. Внутри этого большого старого бора есть старая вырубка, и на ней выросли теперь молоденькие сосны, со всех четырех сторон защищенные старыми. Теперь в лесу только на этих молодых соснах сохранился снег и почему-то с одной только формой белых правильных человеческих черепов, как будто именно вот сюда смерть стаскивает черепа погибших за эту зиму людей...

Сколько раз пробовал научить Лялю заботливо писать и не мог: у нее терпенья не хватает гоняться за мыслью и, поймав, не давать ей уходить, пока не уложишь в слово, выписанное красивыми буквами. У нее не хватает терпенья даже выслушать человека, она задает вопрос и, догадавшись по первым словам и выражению лица, что он хочет ответить, перебивает его речь и задает другой вопрос, и так забрасывает, не выслушав, вопросами удивленного и огорченного собеседника. Но по домохозяйству она может целый день возиться, расставлять вещи на свои места и не гнушается никакой работой и все доводит до конца. В этой легкой и приятной работе ей не хватает терпенья, а трудную и скучную делает с радостью, как будто она беременна человеком и для него переносит тягость и тугу жизни. Я теперь понимаю, почему она расходилась с другими: ей нужно, как беременной женщине, чтобы дитя в утробе ее росло, двигалось... А те люди, кроме Олега, не росли от ее ухода, и она от них уходила, как от мертворожденных...

Механик Сергей Иванович до капельки похожий на Леву, приводит нашу машину в порядок, чтобы ехать нам в Москву, наведаться там, определиться и вернуться восвояси. Работа идет у него легко и скоро. Вот уже две ночи я ночую с ним в комнате тещи. Вижу теперь, как я неправ был, ругая тещу за капризы: в комнатке действительно душно и вполне понятно, что у старушки болела голова. И вообще теща начинает в моем представлении разделяться на два существа: одно косно-мещанское, «барыня», другое – напрягающее все силенки, чтобы не отстать от дочери. Вот тут-то, в этом непосильном движении она и трогает сердце Ляли... и берет его в плен, вовлекая в борьбу с собой не на живот, а на смерть. Отсюда оказывается понятным и неприязненное отталкивание Ляли от матери, когда та показывается ей «барыней». В этом и состоит борьба: Ляле, как вечно беременной человеком, необходимо, чтобы человек, носимый ею, рос и двигался. Барыне тоже необходимо, чтобы ее дочь, ее кровное дитя вошло бы в те полные формы, в тот «порядок», предохраняющий, как ей кажется, жизнь от случайностей. И вот почему у матери с дочерью вечные споры. – Что за глупости, – говорит она, – жечь пробку и каждое утро

наводить себе брови. – Но ведь так же лицо делается от этого более выразительным. – Выразительным, – злится Ляля. – Но ведь эта «выразительность» есть условность светских людей. – А почему мода плоха: для чего-нибудь существуют же светские люди? – Существуют как дань времени: теперь все советские девчонки наводят брови, а у Леонардо женщины вовсе без бровей и тоже неплохи и не менее выразительны.

В этом роде все их споры. (Записать темы споров, в особенности ярки споры о лекарствах. Теща верит в силу лекарств, Ляля – в силу духа. Чрезвычайно помогает Ляле в борьбе с матерью Раттай, представляющий собой карикатуру того «порядка», за который стоит «барыня».)

23 Февраля. –23. (День Кр. Армии.)

Сегодня должен быть, наконец, преподнесен нам тот сюрприз, о котором столько времени трубят: – Подождите 23-го. Вчера вечером Валя прибежал: – Знаете что? – Нет, не знаем. – Не знаете, а вот что, только, слышите, никому не сказывайте, не скажете? – Ну, – говорю, – не скажем, говори. – Все за мир, один только Сталин против.

Были на Болоте с целью узнать новости и чего-нибудь выспросить. Узнали, что новостей не будет, и как объяснил какой-то прохожий «майор», ничего нельзя сказать по стратегическим соображениям. Но только известно, что мы сейчас западнее Харькова и что фронт очень перепутан, и немцы местами даже не знают, где мы. Тот же майор говорил, что мы находимся западнее и Смоленска.

Получили: 30 кг картофеля, 1 кг масла, 2 кг баранины, 2 кг вермишели.

В 2 дня проводили С. И. Кононова в Переславль на своей машине. Наконец-то освободилось место от этой инвалидки. Поездка в Москву обеспечена[73].

День прошел кристаллами, на солнце было плюс 11, сосульки растут и растут. Ходили смотреть в лесу, как с кончиков серебряных сосулек капают золотые капли и застывают хру-

стальными пуговицами на зеленых ветвях. Ввести в «литургию» тайну превращения кристалла шестигранной звездочки в каплю воды.

24 Февраля. –17. Полусолнце. Великолепный наст.

После вчерашней полдневной капели началось образование наста. Сегодня на солнце был от снега первый матовый блеск.

«Дай мне зреть мои прегрешения!»[74] – как это чудесно: ведь это, конечно, Божий дар, если человек способен открывать свои грехи. Но можно дойти до того, что даже перед деревом будешь виноват хотя бы за то, что мимо прошел, не обратил внимания на его красоту. Окончательное полное признание своих грехов приводит к чувству рая на земле. Но бывает...

<*Зачеркнуто*: Мысль моя оборвалась в лесу, потому что сзади себя я кого-то почувствовал. Я быстро оглянулся и увидел огромного черного кобеля, который ухаживал за Норой. Увидев его, Норка бросилась к нему и с ним убежала. Я целый час искал по деревне Норку и не мог найти, и ушел, почти уверенный, что собачка моя погибла (или изуродует кобель, или подхватит прохожий). Но разве я виноват? Как я мог думать, что в лесу появится кобель? – Нет, – решил я, – я не виноват. И мне стало легко на душе: я не виноват. – И вспомнив о «дай мне зреть мои прегрешения» я прибавил к этому: «дай мне оправдание, дай мне в совести моей твердое сознание: нет, я не виноват» (на этом основано все богоборчество и все революции)>.

– Скажи, Ляля, вот у Достоевского в описании жизни старца Зосимы человек делается виноватым перед всем бытием, перед птичкой за то, что он мимо прошел и не понял ее песенку, перед деревом, что и т. д. Что это?

– Это истерика. Человек бывает иногда вовсе не виноват и даже это отчетливо сознает: иначе не было бы правды на свете.

– Но где же об этом самооправдании человека сказано?

– Это сказано в смиренномудрии: человек сознанием вины своей может слишком много взять на себя и это будет против смиренномудрия. Напротив, смиренномудрый такой, что человек должен иногда сказать: я не виноват.

– Значит, в это время он как бы отрывался от Бога, утверждал свою человеческую правду.

– Так и надо.

– А если в это время такому кто-нибудь укажет на Бога, а тот выругается.

– Так и надо, потому что говорится: не поминай имени Господа Бога твоего всуе.

Вчера от полдневного тепла снег обтаял и начался наст.

Под вечер письмо от Кононова, что «черт» (горючее) подвел его, и он уже сутки сидит возле машины в 7 верстах от нас. Трудно было переключиться от пишущей машинки к бегу по лесу с бидоном бензина. – Заткните пробкой бензин, – сказал я теще. Она же: – А хватит бензину? – и начала рассуждать. Сразу же в ясности стал мне смысл рассуждающей тещи и почему это так неприятно: потому что она борется за дело не ради дела, а ради того, чтобы самой через дело стать кем-то. А Ляля делает всегда, думая не о себе, а о цели. И оттого, когда отдаешься делу и встречаешь рассуждение, то и делается противно. Вот Ляля спешит приготовить обед, чтобы в час дня непременно накормить меня, крайне устающего к этому времени. – Чего ты спешишь, – спрашивает теща. – Чтобы успеть к часу. – Нечего спешить, подождет.

Но все это несущественно. Как бы там ни было, но в теще есть второй человек, идущий за Лялей. Я боюсь, что у нее туберкулез и что она может умереть так не вовремя...

25 Февраля. Среда. −4½, в полдень −1. Весь день падает мелкий прямой, как дождь, снег, и ночь наступила, этот снег, такой же прямой и частый, все падал.

Получено письмо от Замошкина[75]. Отвечаю.

26 Февраля. −25. Северный ветер. И солнце мало помогло, хотя в полдень было −14.

Вы пишете[*]: «Люди не изживают друг друга... а там на полях сраженья». Как горько мне напомнило это мою борьбу с легионом за мою священную «Фацелию». Не изживают, это и

[*] Имеется в виду письмо Н. И. Замошкина.

значит, что стоят лицом к лицу со смертью и преодолевают духовным мужеством своим будто бы необходимый конец... Но любовь ведь и есть сила, преодолевающая конец и то, что на полях сражений их не страшит.

Ветер переменился на северный, и мороз после нуля махнул на –16. Усердный прямой снег за сутки заделывал на стволах сосен впадины между плитками коры и наращивал подушечки на мутовке, закрывая обнаженные смолистые почки.

Елка росла вплотную с сосной. Светолюбивая сосна тащилась к свету неба и через 100 лет стала высоким могущественным деревом, какие бывают столетние сосны: все верхние ветви собрались наверху, как большая зеленая голова (знамя), а под нею все ветки, как это у них всегда бывает, обламывались, и от них остались тычки, как лесенка. В то время как светолюбивая сосна тянулась вверх к свету, елка тенелюбивая гналась за тенью от кроны сосны, распределяя ветви свои по тычкам соснового ствола, как по лестнице. Тень благоприятствовала росту ели, и она, узкая как стрела, вонзалась уже в самую крону, обнимая всеми сучьями ствол. И когда зимой ветер гудел в лесу, эта елка раскачивалась вместе с сосной[76], и оба дерева скрипели и рычали на весь лес, как будто бы два живые существа, насильно и навсегда связанные друг с другом. Всю зиму я ходил в этом лесу, слушал брань двух деревьев и вспоминал многих людей тоже так, как деревья, на весь век связанных между собою невидимыми путами (ввести сплетенье корней).

У Норки течка. Собачку сдерживаю. Она очень раздражена.

Спор о «воображаемом» мире. Теща говорила, что воображаемый, значит, выдуманный, а Ляля воображаемый объясняла, как мир реальный, создаваемый творческой силой воображения богочеловека.

Розанов увлекся своей биографией, это дало живость его писаниям, обеспечивая уверчивость читателей. Но философия его, привязанная к своему личному опыту, несет на себе все по-

следствия такой искусственной связи: нельзя создать новую Библию на лично семейном опыте[77]. Дело в том, что семейная жизнь есть нечто такое, чего осмыслить нельзя, пока из нее не вышел. Вот я то же самое создал из своей семьи, какую-то легенду о великом Пане, охотнике, а м. б. и о патриархе родовом. А после оказалось все это маскировкой, прикрывающей свою неудачу, свою бедность. Розановская любовь, розановская семья тоже одна из форм таких маскировок.

Следы влияния Розанова.

Вспомнились отношения А. В. Карташова и Татьяны Н. Гиппиус, напоминающие наши отношения с Лялей. Эти отношения, со стороны глядя, не казались увлекательным примером. И это надо усвоить для себя: ни в коем случае никогда свой личный мир не ставить в пример. Так что на очереди: истребить в себе все следы влияния на себя Розанова и личный опыт свой не обнажать.

Никто из ребят не захотел помочь мне наладить лыжи, и я прокопался целый вечер с ремешками. А когда кончил это пустое занятие, почувствовал удовлетворение.

– Так, Ляля, техника завлекает, и знаешь, как-то и удовлетворяет. Вот я чувствую в себе сейчас что-то хорошее, в другой раз на месте этого чувства я нахожу зародыш какой-то мысли и по этому хорошему, вспомнив начало мысли, начинаю радостно ее раскрывать. Теперь же я на месте хорошего нахожу удовлетворение лыжами и ни малейшей мысли.

– Ужасно! – поддержала меня Ляля. – Я вот вся теперь в стряпню ушла, в пище-добывание, и ужасно не это, а что я этим удовлетворяюсь.

– Так и вся техника: завлекая каким-то своим коротеньким и легким интересом и результатом завлечения, она превращает человека в раба механики и отнимает у него разум.

Но может быть форма машинного рабства является современной формой вечного необходимого рабства, и не все ли равно: тиран, власть или работник экономист и его техника.

– И моя копейка не щербата. Шураль – последний человек (от шуровать – топить, истопник).

27 Февраля. –27. Яркий восход. Сев. ветер. В полдень капель, сосульки на доме лесхоза и веточка березы под капелью (литургия).

Пришел лесничий и доложил, что под Старой Руссой наши добивают 16-ю немецкую армию, что положение германской армии под Москвой безнадежно, отрезано, в Дорогобуже отступление и постепенное окружение, на юге обходят Харьков. Успехи приписываются огромному числу танков и самолетов на нашем фронте от союзников.

Рассказывал А. М. о Костеревском стекольном заводе, там жил шураль и этот шураль был умственный человек и, случилось, шутя написал на воротах мелом какое-то число. Хозяин завода Егор Ив. Курдюков приехал, увидел число на воротах и спрашивает: – Кто это написал? – Шураль, – говорят, – написал. – Позовите. – Позвали, и тот идет нехотя, думает, нехорошо что-то ему будет. – Ты, – говорит, – число на воротах написал? – Я. – Ну, будь за это управляющим.

За 10 зарядов глухариной дроби достал у лесничего лошадь и в полдень перевез картошку из Купани: 5 мешков – какой капитал!

Прочитал речь Сталина[78] 23/II, развитие победы над 16-й армией под Ст. Руссой. Привез новости лесничий, будто бы положение германской армии под Москвой в Вязьме безнадежно, мы зашли в тыл в Дорогобуже. Пришел Алексей Мих., рассказывали, не верит. Уверяем. Говорит, что верит, а сам глядит в сторону. Заходит разговор о деньгах, что вот как деньги пали: к своим именинам Алексея рыбки купил, так пришлось отдать 30 р. за кило. – Напрасно, – говорим, – отдавали, лучше бы попостились. – Вы поймите: у нас здесь деньги ни по чем, а государство продает все по прежним ценам. Мыслимое ли это дело? – Немыслимое. – Правда, а вот победа, придет другая победа,

третья, государство окрепнет и деньги заставит принимать и дорожить ими. Значит, деньги теперь надо беречь. – Умные слова, Мих. Мих. – Мне казалось, что я таким образом убедил его в победе. А он повторяет все: – Умные слова, – а сам смотрит в сторону. – Знаю, – говорю, – что слова умные, а вы еще что-то хотите сказать. – Верно, – говорит, – хочу. Хочу вам сказать, что и старые деньги надо беречь.

Вчера узнал от парикмахера, что под Старой Руссой окружена 16-я герм. армия[79] и после отказа в капитуляции началась атака. В первый же день атаки немцы оставили на поле сражения 13 тысяч трупов. – Ах, – сказала теща, услыхав, что трупов 13 тысяч. – А что же такое, – ответила Ляля, – по-моему, ужас смерти от единовременности числа жертв не увеличивается. Не в том дело. – А в чем? – Ужас войны не в этой физической смерти, иногда даже героической и радостной, а в том, как страдают в тылу те, кто их любит и особенно страшно нравственное уродство тех, кто затевает войну, руководит и пользуется.

Когда наконец-то мне удалось уверить М. А. Старостина в нашей победе, то он сделал такое лицо, как бывает у суеверных людей при явлении непонятного. – Если вправду так, – сказал он, – то это значит, что-нибудь у них случилось, у них, у самих.

Весной света на окнах появляются особенно прекрасные узоры мороза.

28 Февраля. Эта жизнь проходит, будто мы с утра до ночи все укладываемся. Сколько ни спрашивал, просыпаясь ночью, о чем Ляля думает, и всегда получал ответ, что о чем-нибудь вроде как надо бы картошку перебрать, или идти выпросить капусты. Я одним утешаюсь в этих разговорах: что у нее это Марфино дело творится все-таки не в благополучии, а во имя, и тем самым она становится во всяком случае равной в делах с Марией. А вот было, когда приехал умученный Власов, который доставал продукты для своей семьи: мать, больная старуха, сестра сумасшедшая, жена без ног. Мы за обедом и подняли, было, разговор, что если Марфа делает «во имя», то уважение

к ней возникает еще большее, чем к Марии. Еще бы: одной просто дано слушать Слово Божие, другой нужно делать. Мы этим хотели приласкать умученного заботами о хлебе насущном интеллигента. Но он, этот образованный человек, до того был умучен, что виновато улыбнувшись, спросил: – Простите, я что-то забыл, которая была Мария, которая Марфа: Мария, кажется, хлопотала. – Нет, Марфа хлопотала. – И мы поняли, что у него не только не было какого-нибудь «во имя», но он все святое забыл в суете и усталости.

В некоторых вещах моих рассказ от своего лица вполне понятен: назвать «Смертный пробег», «Жень-шень» и др. А в некоторых («Родники Берендея», «Домик в Загорске», «Очерки с фотографией») это «я» становится какой-то не очень приличной выходкой. Это бывает по причине подмены целого «Я», как личности, частным своим «я» в его бытовой ограниченности. Эта подмена происходит неспроста, тут можно найти элементы паденья духа, удовлетворяемого ползаньем вместо полета.

Впрочем, у меня это является результатом дурного литературного воспитания и подражания Розанову[80]. А у самого Розанова... Впрочем, я, совершая подмену, гляжу на Розанова, а Розанов глядел на Леонтьева или на Ницше, подменившего Христа Сверхчеловеком. Важно только, что тут или там совершается подмена целого частью и это является грехом против целомудрия. Иначе сказать, один кто-нибудь в свою целую бочку меда влил одну ложечку дегтя. А другой в свою бочку дегтя влил ложечку меда.

Сущность целомудрия состоит в сохранении тайны своей личности. Эта сущность, распространяясь в людях христианским воспитанием, механизируется и мало-помалу превращается в охрану внешних покровов, прикрывающих наше тело, и еще проще, средством предохранительным от зачатия (презервативом). Так удивительно бывает на каждом шагу видеть, что охрана целомудрия становится средством разврата. Вот почему Ляля пренебрегает охраной внешнего целомудрия. Но будучи в существе своем истинно целомудренной, она в борьбе своей с внешним, с ханжеством, останавливается, не пере-

ступая черту, за которой начинается революционный цинизм и нигилизм.

1 Марта. −30. Ясно. Тихо. Дым чуть клонится с севера. В полдень +2.

Кристалл. Весной света в полдень от солнечного угрева окна совсем очищаются от намерзи. Невидимая рука солнца каждый полдень чистой тряпочкой стирает рисунки Мороза, и каждую ночь Мороз создает на стекле новые рисунки такие прекрасные и четкие и старательные в разработке деталей, каких у него никогда не бывает зимой. Вчера мы заметили, что на всех этих рисунках были изображены морские водоросли и другие растения, близко по виду подходящие к пальмам, а еще больше к растениям, характерным каменному периоду земли. Во всяком случае, эти формы, возникающие из кристаллов замерзающей воды, так близки к формам растений, что связь между тем и другим формообразованием очевидна. Точно так же формы всех животных складываются из снежинок (шестигранных звездочек) на пнях и сучках деревьев зимой. И отсюда мы предполагаем, что кристалл лежит в основе всех форм на земле.

Обзор событий текущих. Цаплин и его ошибки в оценке немцев и большевиков. Мог ли я, – говорил он, – разумное существо, допустить возможность поражения немцев большевиками. Я же, как русский человек, знал, что все в нашей стране, кроме коммунистов, незначительной части населения, ждут немцев, как спасителей от большевиков. И теперь на моих глазах совершается невозможное с точки зрения разумного существа: народ против воли своей исключительно волей правительства побеждает, и правительство у всех на глазах прививает и наращивает на этой аморфной массе народа «патриотизм», «честь родины» и т. п. украшения несуществующей «воли народной».

Цаплин еще говорил о национальном типе России, сравнивая между собой типы людей, как Разумник и Коноплянцев, один русский, кровно ассимилированный еврей, и другой – коренное дитя русской крови и православия. – Нация, – говорил

он, – как это прекрасно и какой изверг национализм. Русский призван освободить нации от национализма и для этого, может быть, бессознательно пользуется смесительной силой еврейского компромисса...

Когда я рассказал Цаплину о Разумнике, он воскликнул: – Ну вот, это самое! Вот Разумник бессознательно предсказал положение вещей на сегодняшний день. Народ русский теперь – это вы, как художник, а Разумник – это «еврей», определяющий его «волю». Пусть каждый русский в отдельности волит немца, но совокупность этих воль уничтожает немца, и еврей понимает эту совокупность и открывает и, конечно, использует.

Однажды давным-давно где-то в Москве на ходу Разумник под видом шутки проболтался в существе своей, в конце концов, еврейской души, он сказал: – Ну что такое вы, как художник, сущность не в вас, а во мне, который вас понимает и открывает[81].

Противный ломака Мишка, наглец, невежда, плут и лентяй привел меня в раздражительное состояние, но я, прогуливаясь в лесу, нашел внутри себя какой-то кончик замотанного на душу клубка, перемотал быстро клубок, и вдруг открылась душа моя, и стало на Мишку прямо смешно. С какой-то большой высоты я спокойно посмотрел на паршивого мальчишку, как смотрят одно мгновенье на дрянь на тропке, чтобы обойти и забыть. Так тоже замечательно вышло с помощью Ляли письмо к Замошкину в смысле его воли высшей, обходящей несущественные мелочи жизни. Мне теперь открывается ясно, благодаря этому, дальнейший путь моей жизни. Я должен создать себе пустынное уединение, из которого я буду писать всегда, как Замошкину...

Практически пустыня выйдет просто. В комитете по заповедникам я подниму вопрос о предоставлении мне для моих опытов девственного участка заповедной земли. Мне это сделают, вероятно, в Кавказском заповеднике, и я там устроюсь, если Бог даст здоровья.

В наше время на глазах наших сердец происходит созидание Невидимого града и духовных образований, которые назы-

ваются тайнами. Рушится до конца иллюзия прямого вывода совести, имеющего какое-то обязательное значение для общества. Самый факт, например, появления бесчисленных техников, экономистов и учетчиков нужно понимать, как отрицание необходимости для общества считаться с личной совестью каждого. И оттого каждый уходит в себя, в свой Невидимый град и оттуда начинает царствовать над миром техников, экономистов и учетчиков. Так вот и разделяется все на мир видимый и невидимый, заключаемый в тайны. Впрочем, так жил мир человеческий во все времена, и только смесительная распущенность нашей революции на время создала иллюзию полного и объективного раскрытия личности в социализме. Путаница кончается, и все становится ясно.

Удивительно, как шестигранные снежинки превращаются в круглые золотые капельки. Смотрел, как березка веточку со своими зимними почками подставляла под эту первую капель. Я думал, глядя на это каплеобразование из кристалла, о происхождении Слова, ставил себе вопрос: не похоже ли Слово на кристалл духа Божия, и будет ли не то же самое, как если бы вместо: «вначале бе Слово», сказать, что все началось с кристалла, определившего на земле возможность совершеннейшей формы.

Читал Ляле записи этого дня, и она не нашла их «поэтическими». Она советует писать только что должно остаться для других, если же писать как я теперь, то это «для других» будет очень трудно выискивать. Принимаю это во внимание в широком смысле, т. е. что необходимо осудить вообще мои провалы в свою биографию фактическую, не преодолеваемую творчеством. Это большой вопрос, а пока нужно в записях биографических быть фактичнее, в записях художественных – смелее.

<u>Фактическое</u> на сегодня: вчера 28/II прибыл С. И. Кононов, идет за кольцами для моей машины в Желтиково. Надеется закончить ремонт машины за неделю 1–7 марта. На следующей неделе числа 10-го выедем в Москву дней на 7–10, т. е. до 20-го марта (план весны). Цель поездки: 1) Узнать, что дума-

ют «все». 2) Показать себя. 3) Оформить Лялю как секретаря. 4) Навестить квартиру.

Наращивается патриотизм. Со всех сторон слухи о героизме молодежи, очень понятном: все в этом. Утверждаемся в возможности нашей победы и думаем о последствиях. Аксиома: большевики позиций своих не сдадут. Вторая аксиома: капитал своих позиций не сдаст.

Бострем называл себя «интуитом». – Ты же интуит, – говорила жена. Она поймала в нем, этом добряке, что-то смешное, и к нему зло... Он исключительно добрый и ум его ограничен добротой. Жена его исключительно зла и ум ее ограничен злом до того, что она не может оценить доброту мужа.

Лесная капель. Художественные наблюдения и придумки.

Тот молодой сосново-еловый лес, укрытый за четырьмя стенами высокого соснового бора, куда злая колдунья ходила развешивать по сучкам черепа, теперь все еще подавлен тяжестью примерзших к ветвям человеческих и звериных фигур. Но масса снега в лесу слеживается и заметно опускается. От этого нижние ветки кругом дерева сгибаются в дуги. Однако, возле каждой ветки, погруженной в снег, теперь от большого нагрева темная образовалась дырочка, в которую каждый полдень в солнечный день сбегает по сосульке сколько-то капель живой воды, созданной действием солнечного луча на шестигранный кристалл снежинки.

Эти скрюченные пальчики мутовок часто всей пятерней, как у людей, впиваются в снег, создают вид такой для глаза, будто деревцо, напружив свои руки, силится выпрыгнуть из-под снега. Там, где зарыт мой клад, еще недавно я любовался скульптурным портретом Данте и, разглядывая удивительные нерукотворные изображения, радовался, что благодаря своему образованию мог узнать и вспомнить Данте среди всевозможных зверских и ангельских снежных фигур.

Я радовался также своему развитому воображению, благодаря которому я мог по каждому фрагменту изображения, начатому нерукотворной рукой, продолжать его и доводить до конца. Каких только чудовищно китайско-фантастических драконов я не выводил из этих фрагментов; каждый раз я с

удовлетворением возвращался к самой природой законченному лицу Данте. Теперь я пришел на это место и ужаснулся: невозможно зверская и страшная морда сделалась из Данте под влиянием весенних лучей. Больше всего это было похоже на животное с раскрытым брюхом и самодействующими обрюзгшими губами, забирающими в брюхо все, что попадется. Между губами торчали зубы из ледяных сосулек, с каждой сосульки медленно сливалась сверкающая капля. Вникнув в образование капли живой воды от солнечного луча и снежинок, я забыл о чудовище и увидел внутри елки в тени веточку березы, по которой сливалась капля. Там в тени эти капли замерзали, сливаясь по сосульке, и сосулька росла и росла вниз и уже пробуравила снег и прямо указывала на то место, где был зарыт мой клад.

– Ты что это не спишь? Может быть... – Нет, нет. – Ну, так спи, Бог с тобой. – Милая моя, спи, но... позволь, может быть, ты... – Она отстранилась почти оскорбительно для меня. Подумав, я понял: ее возмутило предположение возможности в этом ее инициативы, выраженной словами. Я записал это нарочно с тем, чтобы проверить, действительно ли мои провалы в писании происходят от нескромного самообнажения, выражения словом того, что происходит и должно происходить непременно в молчании. И нет! Понимаю так, что в поэзии все возможно и нет дурных материалов. Провал происходит от подмены поэзии, именно подмены и больше ни от чего.

Да, есть счастливцы, самые счастливые, по-моему, на свете люди, которым, как Дон-Жуану, все можно, и скорый роман сегодня с одной, завтра с другой, проходит как святые мгновенья. Вот этой святостью и дышит поэзия, где все можно при условии благодатного целомудрия. Но если чуть что-нибудь, чуть-чуть что-то – и сразу «шаги Командора» и провал. Так вот это что-то у Розанова, и через него передалось мне и не по существу, как у него, а по невозможному моему обезьянству.

Впрочем, Дон-Жуан это частность, а общее состоит в целомудрии детства, чудесно сохраненного счастливцем (Моцарт).

Утрата его и есть провал. Все тут в том, что благодатному все можно[82], и эта благодать существует как дар, и она дается, а не нудится. У Розанова замечательно, что он с целомудрием, детством, невинностью играет как кошка с мышкой. Неправду записал я выше, что я, подражая невольно ему, проваливаюсь. В том-то и есть Розанов, что он не проваливается. Гениальность его существа в том и состоит, что он попал в какой-то люфт, свободно пристроился между Богом и дьяволом, и как ребенок играет то с Тем, то с другим[83].

Обращаюсь к вам лично, Василий Васильевич, как бы вы сами отозвались на мои догадки:

– Ничего, все правильно доходишь, доходи только лучше в пользу меня. Я ведь действительно очень мало получал в жизни для себя, ну, скажи, что я получил? И оттого, что ничего особенного не дано мне, Господь Бог разрешил мне поиграть с тем, о чем люди не только говорить, но и думать не смеют. Я ведь русский человек, живу между Европой и Азией и все жду, когда же я к какому-то делу-назначению буду приведен[84]. А пока что на досуге...

– Главное, чего вам не дано, В. В., это любви к женщине в смысле донжуанского святого мгновенья, как любви к единственной, раскрывающей в человеке личность. Вы свою неудачу перемогли творчеством, изобразив свою семейную жизнь, как роман. Вам это можно было сделать, потому что семья была для вас не всерьез, а как опыт ваш для творчества, если бы иначе – вы бы о ней не написали, и эта жизнь вошла бы в состав вашей личности и осталась бы в ней тайной.

Нет, язычество не значит идолопоклонство, именно тем и прекрасно и завлекательно оно, что нет ничего собранного в единство и существует в разнообразии. Идол в язычестве есть уже конец, и Командор это смерть. Идолопоклонство – это конец чисто детского состояния души, тут человек испугался и в страхе своем поставил кумир. Христианство и есть путь освобождения человека от страха (смерти), есть путь личной свободы.

2 Марта. –10 и –4. Метель страшная.

Вызвали врача для Нат. Арк. (Вера Александровна). При-

знает туберкулез. Ляля возмутилась тем, что от нее скрывали: «Чего вы боитесь: мы все умрем».

Лялю на Болоте обидели: не дали капусты.

Выясняется необходимость бегства от грядущей малярии. Постараемся завтра сходить в Новоселки.

Из разговора с лесничим почувствовал, как жаждет современный человек освобождения от человечины – раз и два: как стихийно реализует себя молодежь в героизме. Умники-немцы и наши старички, помнящие прежнее время, не учли этих сил, судили по себе, по расчету – как доживать, а не по нарастающей жажде жизни. Вспоминали чудесные «свободы» царского времени и смеялись над Рузвельтом с его свободой от страха и нужды.

Думал о борьбе смесительной силы всего человечества с силой национального самоопределения, или борьбе евреев с немцами. Теща сказала, что евреи любят лечиться и умеют. Кроме того, они умеют учиться, и у них все ученые. А так как запретить развиваться способностям невозможно и глупо, то господство евреев обеспечено. Выходит так, что лишение народа земли стало его преимуществом, сделало их господами мира и обеспечило «цивилизацию» в своем смесительном процветании и без-религиозности. В России социализмом евреи воспользовались[85], чтобы установить свое господство.

3 Марта. Снег идет, снежинки на рукаве. Я думаю о них. Всякий кристалл складывается из прямых линий, но падая, вместе со множеством других образует круглую форму (снежные фигурки на деревьях). Не все ли равно – падает или тает. Тающий кристалл тоже непременно превращается в круглую каплю и потому она падает.

Значит, можно себе представить, что в начале творения мира был создан кристалл, какой-нибудь Адамант, который, падая, образовал из себя бесчисленные формы круглых миров. И значит, наша планета Земля есть одна из упавших капель тающего в огне кристалла. И вот почему истинное искусство носит в себе идею вечности и бессмертия: потому что всякая творческая

сила искусства есть сила кристаллизации, это сила обратного восстановления упавших в округлые формы к изначальным и вечным формам кристалла.

И все живое на свете существует, как попытка выйти из круглого состояния в те прямые, из которых складываются кристаллы. Вот круглое семя дерева, раскрывшись под солнечным теплом, образует прямую ствола и в движении своем к солнцу исходит падающими круглыми семенами до тех пор, пока иссякнет вся сила корней, движущих воду и соки по сосудам дерева. Пример – пища и все живое из яйца и пр.

Но мы-то люди все в своем стремительном движении вперед, разве мы-то не падаем? Вечное стремление и вечное падение в круглый мир бытия.

Великая метель остановила поход в Новоселки.

К нам вечером приходил сержант, рассказывал о войне, начиная с бегства по Белоруссии, кончая нынешним наступлением. Мало понятно чудо поворота войны после паники 16/X 41 г. Сержант уверен в том, что немцам в этом году (к Новому году) придет конец. Уверенность искренняя и сильная, как знание. Очевидно, народный дух уложился в рамки необходимости и теперь его уже не сломить. Уверенность сержанта в том, что Сталин Москвы не покидал.

Почему немцы растерялись 16/X и не взяли голыми руками Москву?

В этом фокусе таится разрешение всех вопросов.

4 марта. Солнце. –20. Злой ветер. Дорогу занесло.

Увидев меня издали, человек закурил папироску, и я понял, что человек знакомый, и узнал: Алексей Михайлович Старостин. – Вы большого ума, – сказал он, – а я на своем месте тоже могу дать неплохой совет. Вот мой совет: берите деньги из банка. – Денег-то у меня немного и не дорожу: что на них купишь? Да чего вы трусите: немцев скоро выгонят. – Ну, это мы не знаем, мы ли выгоним, или немцы нас выгонят, а деньги это дело отдельное, тут мы знаем, деньги брать надо.

Пришел за молоком, хозяйка радуется: – Приходили солдаты веселые, говорят: в марте войне конец.

4 Марта. Ветер сильный. –20. Ясно.

Исповедь лесничего на 40 печатных листах – от Адама к учету (Талмуд попал во времена дохристианские и т. п.). Сущность исповеди: потребность веры в Бога, удовлетворяемая полузнанием с сектантской претензией («хочу и могу все знать»). Частное выступает против целого. А «частное» рождается в личной неудаче, погашаемой «любоначалием», хотят выбраться из плена религии и попадают в плен полузнания, которым пользуются («используют») попы социализма. Культура недоверия и претензии.

Холод страшный победил солнечный угрев и в полдень было только немного теплее. Принесли с Болота ведро огурцов. Выслушал исповедь лесничего. Письмо Цветкова. Конец сомнениям и колебаниям в отношении немцев. Статья Толстого. Стариковская от Ценского. Необходимость своей и достойной меня позиции высшего плана: вопрос на очереди, без этого нос не показывай в Москву. Весть о том, что мой дом в Ст. Руссе сгорел, и ни малейшего впечатления.

По статьям писателей, даже таких как Ценский, видно, что все они сидят между двумя стульями.

Живая душа современная чувствуется только в речах Черчилля.

Неприемлемое в миросозерцании лесничего то, что в нем совершается под предлогом заступничества за обманутых тружеников две подмены: 1) Бог подменяется попом (обманщиком), 2) поп подменяется экономистом, политиком и дипломатом.

5 Марта. –25. Тихо, чуть веет на дым с юга.

Но холодно, даже и в полдень не очень-то сдался мороз. И опять на окнах мороз нарисовал по-новому пальмы, океанские водоросли и тропические папоротники. Чудесные рисунки с удивительной, похожей на сны, разработкой деталей. Но тема одна и та же, тропические и океанские растения, как будто Мороз вечно мечтает о тропиках.

Рассказ «Фашист»[86] о собаке, преданной человеку как Богу. Особенно разработать собачье чувство к человеку, как Богу. Сюжет: дружит человек с собакой. Человек – фашист потому, что Бога не чувствует, живет для себя. Во время голода он продает ее мальчишке. Бьют палкой. Она за спасением ползет к хозяину-богу, и он наносит последний удар. Начало: в детстве, как вспоминаю себя, все мы, ребятишки были жестокими, все были фашистами...

6 Марта. Солнце. Тихо. –40. В полдень на солнце –12.

Иду за молоком. На всю деревню голосит бабушка Аграфена: – Ой, жизнь моя Ванюшка! Ванюшку убили. Ой, жизнь моя Николаюшка! Николаюшку чахоточного сегодня угнали. Ой, катитеся слезы по лицу моему. – Слушаю я этот вопль и даже в мои годы подмывает злоба на немца, и тянет она включиться в массу, идущую на врага.

7 Марта. –15. Пасмурно, потом ясно и ветрено.

Жил со вчерашнего утра целые сутки под влиянием плача бабушки Аграфены и до того довел себя в нарастающем стыде своем за бездействие и благополучие свое, что хоть собирайся на войну. Особенно стыдно было вспомнить, как всю ночь самой страшной бомбежки в Москве просидел с Лялей в подвале и нам вдвоем было так хорошо, что и мысли не было о разрушении Москвы и только когда утром вышли и кто-то сказал: – Кругом Москва горит! – опомнились. Не то ли и теперь происходит: мы закрываем друг другом действительность. Но сегодня я опомнился от стыда, ведь мне 70-й год, а я и молодой не умел помогать на пожарах. И самое происхождение этого чувства стыда неглубокое: это оттого, что и сама гордость хочет взять на себя больше, чем может.

Из Ленинграда через Ладожское озеро приехала одна женщина, рассказывала, что покойников у них там держат в квартирах, пока они совсем не протухнут, и пока что пользуются их карточками. Настроение Болота сильно снижается отчасти под влиянием слабых наших успехов, а отчасти от сильного ухудшения в продовольствии. Резче выступает разница в про-

довольствии начальствующих и населения. И в особенности плохо, что расчет на немцев, как на освободителей («к одному бы концу») исчез. Немцы – это не конец, им тоже конец должен прийти.

Сегодня во время Лялиной кухонной суеты на какое-то ее слово я ответил: – Но ведь я тоже работаю. – Она ничего не сказала, но еле заметно махнула рукой в смысле: какая это работа! Мне стало тяжело. И еще бы. Я сам чувствую, что может быть, мое занятие очень расходится со временем.

Чтобы развеять печаль, пошел покурить у лесничего и не развеял. Несчастный комсомолец, попавший в семью черносотенца, напрасно пытается выбраться к свету. Ему кажется безумной идея коммунизма, проводимая без согласования с народом. И тоже кажется безумной идея своей нации, проводимая немцами без согласования с другими нациями. Пришел Алексей Мих. и сказал: – С каждым днем жить становится страшнее.

Вечером на прощанье я Ляле сказал, как расстроила она меня, что махнула рукой. – Правильно ты сделала, – сказал я, – мне самому становится тошно. – Если бы ты был молод, – ответила она, – я бы тебе предложила другое. – Но я же молод. – Не в этом смысле. Я говорю годами, опытом молод был. Тогда бы... А теперь, ты же знаешь, что спасти всех, как в молодости кажется, невозможно. Можно только спастись. – Себя спасти? – Да, спасти себя для всех. – Для этого спасенья нужно собой пожертвовать? – Конечно, пожертвовать. А разве ты не жертвовал собою всю жизнь тем, что жил в пустыне и писал? Пиши для всех и теперь, не тех «всех», которые умирают на войне, а для тех, которые потом будут жить. Эта работа не на сейчас, а на далекое время и есть твоя разумная жертва. Пиши третью книгу «Кащеевой цепи» – это жертва, а ехать на фронт... это – сам понимаешь: в твоем опыте это значит слишком много брать на себя.

8 Марта. Все в том, что правила даются для всех, а для каждого особо нет правил.

Есть правило в отношении к женщине, с которой живешь, – для всех: взял жену и с ней живи и не смей о другой думать: это для всех. А для каждого этого никак не скажешь. И то же Евангелие требует от каждого долга жить с нелюбимым человеком и не думать о лучшем. (Начало рассказа о Бостреме и Старостине.)

Был Кононов – машина почти готова, бензин найден. Через неделю в понедельник думаем выехать.

Александр Николаевич в Москве узнал, что Нат. Арк. очень похудела и прислал, в связи с этим, письмо, которое оканчивается: «Будьте уверены, что я каждый день буду беспокоиться».

Теща и Ляля это в точности курица и утенок, с той разницей, что в природе курица с выведенным ею утенком скоро понимает подмену и расходится. А в человеческом мире утка выросла, сама уже яйца несет, а курица все еще требует, чтобы она клевала червей и раскапывала землю, показывая, как нужно делать ножкой. Самое же смешное и трогательное, что утка в свою очередь тоже старается научить курицу плавать, и вот по-своему – утка по-утиному, курица по-куриному с утра до ночи в споре: утка хвалит воду и рыбку, курица хвалит землю с червями. А я слушаю и тоже не понимаю такую любовь, думаю, как бывает в лесу семена двух разных деревьев.

<*Зачеркнуто*: Тут в лице этих врагов встретились Слово с делом, чтобы доказать для всех первенство дела, именно что в начале было не Слово, а дело (Бытие определяет сознание). Эта победа значит все равно, как если бы в борьбе Толстого с женой одолела Софья Андреевна, в борьбе нашей семьи победила бы теща, и Ляля стала бы ежедневно мазать свои губки, подводить брови, а я бы писал в газеты статьи, приличествующие советскому гражданину. [Характер] как нашей тещи, так и графини Софьи Андреевны состоит в полном отсутствии способностей воображения, фантазии и всего того, что мешает холодному расчету, ведению порядка и вообще хозяйственной деятельности. Искушение Христа дьяволом представлено, как издевательство над силою Слова>.

Выслушали женщину из Ленинграда, башмачную закройщицу. Почерневший от голода мальчишка вырвал кусок хлеба у женщины, которая веревкой подпоясала каракулевую шубу – так похудела! и ноги, отекшие от голода, обмотанные, похожи были на два бочонка. Как молятся. Как убирают покойников. Как немцев отгоняют (18 тысяч в один раз положили). Полковник в бомбоубежище. Бриллиант за кусочек хлеба. Все за карточку эвакуации и пр. и пр., вплоть до спекуляции карточками покойников. Женщина говорила Ляле «мадам» и была бы несносная мещанка, но теперь страданиями облагородилась. И все люди стали задумчивы и вялы. Удивительно, что при всех этих страданиях закройщица сохранила привычку мазать губы. И сейчас, полутруп, зеленая, высохшая, вышла к нам с намазанными губами.

Одна женщина не могла добиться эвакуационной карточки, плюнула на это дело, навесила на себя мешок, другой дочке 14-летней повесила и пошла пешком по Ладожскому озеру. – Почему же, – спросили мы, – все так не делают? – Понятно почему: у каждого есть свои близкие домашние, больные, старые, слабые дети, и со слабыми главная слабость – вещи. Слабые без вещей жить не могут, а вещи не возьмешь, вот и вся недолга. Со мной то же было, выбралась на свободу через несчастный случай: мужа убило почти на пороге своего дома. Мой муж был шофер, зарабатывал, и вещей в квартире было много: квартира как игрушка. Когда же мужа убили, и больше нет у меня никого, на что мне вещи. Я позвала шофера и говорю ему: – Вот тебе квартира, выбирай, что тебе надо и вот тебе еще дам 2000 денег, отвези меня. Он набрал себе всего и меня отвез, и я теперь свободна. Так и все: домашние держат, а если бы не было домашних, один-то бы и в щелку пролез.

Удивляюсь, слушая о Ленинграде, живучести человека. Скорее мужчины, потом женщины и всего выносливее оказываются дети.

Молитва смертельная. В церквях ленинградских когда молятся, то кричат, вот какая молитва!

Ляля сказала этой женщине, как мне подумалось, для ее сознания непосильное: – После этого опыта в жизни люди не могут уже продолжать жить на тех же основаниях. – Но женщина, именно только благодаря своему опыту, поняла и сказала: – Ну, конечно, разве после всего можно жить, как раньше жили.

Как бывает у слепых усиливается слух за счет зрения, так иногда у ограниченных людей усиливается упрямство и воля за счет свободы разума и отсюда-то истекает принуждение и рабство.

Каждый в меру свою обладает разумной волей, но все как могут волить, если каждый из всех хочет действовать по-своему. Значит, все не могут иметь своей воли. И еще значит, что все должны находиться под действием чьей-то воли, которая называется властью, устремленной к единству.

Конюхов, когда ему сказали о возможности у немцев революции, сказал, что революция у них невозможна. И когда рассказывал о том, до чего у фашистов уничтожают человека как личность, то из слов его складывалось, что революция делалась теми людьми, которым жилось хорошо, до того хорошо во всех отношениях, что оставалась свобода и охота делать революцию.

Все теперь знают о зверствах немцев, но вывод из этого не делают. Остается такое впечатление, что у каждого своя мысль об этом и он ее таит, держит про себя. Что за мысль такая? Возможно, что не мысль, а состояние равновесия: немцы зверствуют и у нас не лучше, кому-то может быть и лучше, но мне...

Весна.

9 Марта. Нависло. –12, до –7.

Лес приготовился к весне. Снег всюду стряхнут. Сегодня ветки поднялись и выправляются. Солнце в полдень начисто и насухо стирает с окна рисунки Мороза, но к вечеру на чистом стекле он выводит новые и такие старательные, такие четкие, каких никогда не бывает зимой.

Женщина из Ленинграда стала притчей во языцех, все узнали вдруг, какой ценой достается наше продвижение вперед и наш «патриотизм». И тоже понятнее становятся в устах англичан героические эпитеты в отношении Красной Армии...

Может ли в большой войне пройти безнаказанно действие, подобное истреблению индейского племени европейцами? Вот то-то и есть, что является надежда на взрыв, на выход из-под глубоких подземных пластов огня жизни... А что это за огонь, что это за сердце такое большое, всеобщее, близкое? Это сердце наше же собственное, то, что соединяет «я» и «ты» в наше «мы», это сердце, зарытое глубоко в землю, на которой теперь люди истребляют друг друга. Мы ждем этого взрыва.

Вчера солнце весь день грело темный лес и размороженные ветки под лучами солнца поднимаются то незаметно, как часовая стрелка, то прыжками. Под вечер мы обратили внимание на лес, какой он стоит весь чистый и пряменький... – Мне кажется, – сказала Ляля, – от него уже и пахнет теперь лесом. Ты чувствуешь?

Внутри леса оставшийся снег, обдутый, обвеянный, огретый лучами солнца, принял плотную структуру костей и форму черепов и челюстей с острыми зубами. Внизу маленькая сосна, геройски согнувшаяся, вонзилась всей своей верхушкой в пасть огромной акулы и нижние ветки свои глубоко вонзила в снег, чтобы упереться ими в землю. (Показать картину разрушения акулы под лучами солнца и освобождение дерева.)

– Что это, Ляля, – сказал я, – мне иногда неловко становится и стыдно, что я восхищаюсь каждое утро приходом света и тепла в лесу и, знаешь, с наслаждением делаю записи своих мыслей, совсем забывая о людях.

– Не стесняйся и не стыдись, – ответила Ляля, – ты вспомни из детства картину играющих у бездны детей, и Ангел-хранитель оберегает их. У тебя тоже есть Ангел-хранитель, помни это.

С детства мы говорим «народ», как что-то священное, и много перевидели подвижников и мучеников за народное

дело, за его землю и волю. Только теперь начинаю понимать, что этот народ не есть какой-то видимый народ, а сокровенный в нас самих подземный, закрытый тяжелыми пластами земли огонь, и что это не только мужики и рабочие, и даже не только русские люди, как Пушкин, Достоевский, Толстой, а общий всему человеку на земле огонь, свидетельствующий о человеке, продолжающем начатое без него творчество мира. Только чувствуя и зная в себе самом этот огонь, можно теперь жить и надеяться.

10 Марта. Вторник. –10, –4.

Густой снег и метель весь день. Подозреваю начало перехода к весне воды. Боюсь, что машина моя застрянет в Переславле. – Кто знает, какая придет весна. – Кто знает, когда кончится война.

Вас. Дм. Кошкин взялся от колхоза вывозить из леса кряжи. – Это вроде трудового фронта? – Не совсем: я по охоте. – Ну, так это значит больше, чем трудовой фронт: помогаете в борьбе за родину... – Помогаем, конечно, так и смотрят на нас такие: помогаем. Ну, я должен сказать: есть смысл. – Помогать? – Нет, вывозить кряжи. Это ведь на дрова по кубометрам, а штуку хорошую вывез, сколько провозился с ней, никто не смотрел. Вывез одну и довольно. А дают 800 гр. хлеба и трудодни. – Есть смысл, – отозвался сосед. – Есть смысл, – повторил В. Д.

– Чего вы много думаете о человеке и вздыхаете? Человек, которого вы жалеете, затерялся во множестве. Все же из-за этого и выходит, что людей стало много и не стало возможности понимать каждого в отдельности и узнавать в лицо.

Пришлось взять в пример подходящего среднего человека и делать для всех по одной мерке.

Так и законы стали по мерке, и одежда, и пропитанье, и труд в восемь часов, и праздники с расписанием демонстраций.

Человек, созданный по образу Божию, единственный, неповторимый, затерялся в массе людской.

И наступило время господства масс...

11 Марта. Тяжино. –10 весь день.

Метель. Машина застряла в Переславле. Читал Шолохова фельетон «На юге»[87]. Редкостной чести писатель (в наше время), читал, будто от приятеля письмо получил.

Видимо ясно теперь, что разноплеменная армия немцев кормится грабежом, – и тут вся «идея». Весь вопрос теперь в том, в состоянии ли Гитлер выставить к весне новую германскую армию и все начать сначала (сомнительно).

Вложить эту мысль в уста военного учителя гимнастики, того самого, который в гимназии вышвырнул меня к ногам директора. – Не рассуждать, – сказал он, – самое вредное. – Так то рассказ...

Нужно быть призванным педагогом, чтобы управлять детьми без насилия. На деле приходится обучать массы детей, для которых не может хватить призванных педагогов. Вот почему в немецкой школе признаются телесные наказания. Это проще, честнее, убедительнее для детей, чем холодные дипломатические урезонивания. И даже человечнее, потому что человек к человеку ближе в драке, чем в рассуждении.

Мы все теперь знаем и на фронте и в тылу, какая это мерзость война. И так как теперь во всем мире война, даже в Индии и на тех островах, где живут райские птицы, то мерзостное чувство распространяется на весь мир: нигде не лучше нашего, и райские птицы, наверно, если к ним хорошо присмотреться, так же гадят и непременно кричат и дерутся, как наши вороны. Теперь остаются нам только заповедники для пустынного житья. И если только останусь жив после войны, то выпрошу себе у государства клочок земли в Кавказском заповеднике, выстрою себе там домик и поселюсь навсегда.

Другой раз смотришь вот так возле елки, как из глыбы снежных кристаллов образуются и скатываются с ледяной сосульки круглые капли и падают, круглые, на ветку березы и сбегают на конец ветки, где почки, и вот-вот упадет большая блестящая на землю. Ну, ведь это же великая тайна совершается: прямая линия кристалла превращается в шар: тайна, потому что в этот

момент превращения чувствуешь, что через какую-то пленку забвения ты можешь проникнуть в усилии ума, чуть бы – и станет ясным образование мира.

12 Марта. –15. Солнечно. Ветрено. Поземица занесла все дорожки, все тропинки. У Захарова кончилась подписка на газету. Погрузились во мрак, но из мрака показываются предчувствия. Ляля говорит, что все должно скоро кончиться и для всех неожиданно.

– Мы-то все понимаем и даже бога вашего видим, которого сами вы не сознаете и отвергаете, а вы нас не понимаете и ничего в нас не видите. Представьте себе какой-нибудь чудесный продукт вроде чая, и вот явились люди, которые разбирают чай, как сено, с точки зрения корма животных. Все верно, и спорить нельзя: чай очень плохое сено.

Но все эти критические стрелы летят мимо сущности чая, как вкусового вещества. Точно так же вся антирелигиозная пропаганда направлена не на существо религии, а в политику, складывающуюся вокруг религии, похожую на осуждение чая, как сена: религия – опиум для народа. В этом ваша слабость перед нами: вы нас не понимаете и в этом ваш временный успех. Но мы вас видим насквозь и знаем вперед, что без лица жить на земле человеку нельзя, и неминуемо массы людей без «во имя» истребят друг друга, а остальные начнут новую жизнь во имя Божие.

Имя Бога сейчас не произносимо, скажи только «Бог» и сейчас же встает Рузвельт, закончивший речь свою ссылкой на Бога.

Два современных миропонимания:

Материя	Дух
Человек	Бог
Дело	Слово
Труд	[Праздность]
Массы («все»)	Личность
Коммуна	Церковь
Кто не работает, тот не ест	Не единым хлебом жив человек.

13 Марта. Кончается 4-я неделя поста.

Великая метель. Даже паровичок перестал ходить в Переславль. Мы отрезаны от города. Начиная с мальчишек, у всех складывается, что весной все будет выдвинуто против нас, и мы все свое выставим против немцев, чтобы сразу покончить с войной в ту или другую сторону. Так возвращается сказка древняя о великанах, борющихся перед фронтом. – И если уж, – говорит Валя, – наши дрогнут, то сразу все побросают и побегут. И если немцы дрогнут, то им конец, и войне всей конец будет в мае месяце.

14 Марта. Евдокия вышла худая. Мороз –19, ветер северный, метель, сквозь метель солнце. Если такая погода на Евдокию, такая будет вся весна, затяжная, холодная.

Метель вышла небывалая.

Поиски мысли, мелькнувшей сегодня во время похода моего утреннего за молоком... мелькнуло мне, что люди умнеют все на один лад, а сходят с ума все по-разному. Влюбленный – это всегда сумасшедший, именно потому сумасшедший, что он сошел с общего ума и должен найти свой собственный, не такой, как у всех.

В этом и есть вся болезнь любви, что перед человеком становится задача выйти из общего ума и стать на свой собственный, значит, сделаться личностью, определиться как существо не-бывалое и человек единственный в своем роде.

В этом состоянии «ненормальности», совершенной отделенности от «всех» (я и все) пребывает некоторое время каждый из нас, после чего и делается «как все», или деятельной творческой личностью, или сумасшедшим, т. е. единственным в своем роде, сосредоточенным навсегда на одной мысли (idée fixe).

То или другое, или третье состояние [зависит] от того отношения, в которое станет его «я» к «ты», т. е. к Богу.

15 Марта. Человек вызывает в памяти другого человека бывает по сходству, а бывает по контрасту: по сходству вызывает на любовь, по контрасту на войну. Так вспомнился мне се-

годня Ф. Я. Черемхин, сектант-апостол «Нового Израиля»[88] и вслед за ним сергиянец[89] художник А. А. Рыбников.

Приехал Кононов. Машина готова. В среду или четверг едем на лошади в Переславль и оттуда на машине своей в Москву.

Путешествие в Москву (15 марта – воскресенье по 12 апреля – воскресенье).

Собираемся в Москву. Метель. Кононов пешком пришел из Переславля сказать, что машина готова. Уговорились в среду или четверг выехать в Переславль на лошади колхозной и в субботу на своей машине в Москву. Кононов ушел к себе в Желтиково.

16 Марта. Ясно. Сев. ветер. Даже и на солнце −6.

Образ человека в литературе недаром называется «героем»: в жизни героя именно и отличает его идея. А чтобы как-нибудь отметить и тех людей, которые не имеют никаких идей, но всетаки совершают героически подвиги, их называют «незаметными героями» (капитан Тушин, Максим Максимыч)[90].

17 Марта. Тихо, солнце, мороз −33. К полудню солнце разогрело, и день просверкал чудесным кристаллом.

Читал Розанова, у которого было взято все, на чем он стоял: его семья, Россия, церковь, все, все это ушло в его книжечки. Вдруг стал понятен загадочный смысл еврея Вальбе, который назвал еврейскую жадность героизмом, и что евреи «спасут Россию». Он хотел этим сказать, что лучшие русские живут только в духе и им не хватает костяка, крепости, чувства привязанности к земным вещам.

Узнал от Ляли, что Новоселов ушел от Толстого, потому что тот был весь в душевной жизни, но не в духовной[91]. Она и о Розанове говорила, что сам по себе он не мог быть духовным и ему необходим был кусочек материи, по которой он, как по лесенке, достигал духовного мира. (Недаром в одной книге он поместил портрет своей семьи всем обезьянником: этот обе-

зьянник и был той лесенкой, по которой он восходил к своим мыслям о семье.) Все это верно, только и Толстой, как художник, пользовался лесенкой и достигал тоже этим способом состояния духовной жизни. И всякий художник…

Ляля еще говорила, что мой путь будто бы противоположен розановскому. И напомнила мне, с чего мы начали (Олег) и на чем мы сошлись (чего я искал).

Вечером приходила докторша и высказалась о возможности победы Гитлера. Этот пессимизм происходит от угнетенности набором: берут туберкулезников, калек, белобилетников.

18 Марта. –38. Солнце, тихо. На восходе то ли сел дым (Каинов дым), то ли облака сели, несколько минут невозможно было узнать встречного человека.

Приехал Кононов. Картошка для Москвы уложена. Нам дали лошадь в колхозе. Завтра на рассвете едем в Переславль и в субботу на машине в Москву.

19 Марта. –35. В 6 утра появился Кручинин (почтарь), и мы отправили Кононова с вещами. Сами же направились к паровичку. На ходу у нас был такой разговор.

– Ты мне сказала недавно: вспомни, на чем мы сошлись. Я не совсем ясно теперь представляю себе, напомни яснее.

– А как же, вспомни, тебе хотелось войти в духовный мир, ты даже делал неловкие опыты. И когда тебе стало очень это нужно, я пришла, и мы сошлись.

– Удивляюсь себе, – сказал я, – перебираю в памяти постоянную смену несчастий моих с успехами, преодолевающими беду и обновляющими…

В 10 утра приехали на паровичке в Переславль. Сначала все не ладилось: у Листова нет продуктов, в гостинице места нет. Но скоро все наладилось, и еврей с бельмом на глазу рассказывал нам о Москве, о немцах и «зверствах» с еврейской иронией, с расчетом на два лица: на тех, кому зверства нужны, и на тех, кто им не верит.

Вечером были у Аникина и поставили ему задачу на завтра: достать бензину 50 л, масла, хлеба, сахара.

Политическое настроение Аникина переменилось, в последний раз он был уверен в «23 Ф» (день Красной Армии), уверял нас тогда, что в Усолье сидеть нам остается не больше месяца. Теперь говорит, что надо сидеть мне в Усолье, потому что война затягивается.

– Но, конечно, – сказал он, – кто знает, может кончиться все в пятидневку.

(Впоследствии в Москве этот расчет на «чудо» или на что-то оказался одним из современных мотивов).

– Впрочем, – сказал Аникин, – есть кое-что и утешительное, о чем вслух нельзя говорить. – «Катюша»? – Конечно, и «Катюша». – А главное, – сказал я, – горели не робели, а сгорели, тужить нечего.

В гостинице еврей с бельмом рассказывал о боге, который послал ангела узнать, как обстоит у людей дело с мировой войной. Ангел прилетел и докладывает, что Англия отлично готовится, Германия превосходно воюет. В России же все плохо, но люди не унывают, ходят в кино, песни поют, радио слушают. – Ах, мать их так-то, – сказал бог, – все на бога надеются.

– А как в Москве, – спросили мы, – собак меньше стало на улицах? – Не знаю, – ответил он, – не замечал, но только раньше породистые собаки, вроде немецких овчарок, ходили по улицам непременно с хозяевами, а теперь часто видишь, одни бегают.

Еще рассказывал, что в Ленинграде кошка стоит 400–500 рублей.

20 Марта. Мороз, ясно, к вечеру потеплело. Еврей ходил по деревням за картошкой и был очень счастлив, что удалось ему достать по 10 рублей за кило (в Москве по 20). День провели в поисках бензина (с трудом достали 50 л).

21 Марта. Ясно, морозно, –30.

Вспомнились мои голодные рассказы 18-го года[94], как вступление к рассказам года 42-го. Свое собственное «я» в плохом

сне этой ночи представлялось как средоточие борьбы за «собственность», как силы центростремительной и силы центробежной («не от мира сего»).

Еврей с бельмом рассказывал, что однажды в Москве он собрал свой хлам, сжег его в плите, и другие жильцы воспользовались его теплом и сварили себе обеды. На другой день его примеру последовал другой жилец, да так и пошло, а когда свое сожгли, стали разбирать заборы, воровать, добывать всякими способами и за этим делом сдружились, и всю зиму было неплохо.

Приехали в Москву в 2 дня. Остановились у матери Кононова Марии Дмитриевны, на Мещанской, сложили вещи у нее и поехали в Хлебный к Раттаю и потом в Союз [писателей].

Раттай, увидев нас, не выразил на своем бритом лице ни печали, ни радости. Это объясняется тем, что он был взволнован внутри какими-то переживаемыми им событиями и держал себя изнутри... После оказалось, что под влиянием расстройства транспорта, голода в Москве, начала эпидемии сыпняка он начинал менять свои патриотические советские убеждения. Но это мы после узнали...

В Союзе мы увидели толкучку, и не сразу я разобрал в ней знакомых. – Да мы ли это, – сказал я, – может быть, тут какое-нибудь другое учреждение, а Союз писателей куда-нибудь перевели?

Но тут подошла к нам некрасивая блондинка с мелкими чертами лица, неправильными и запутанными. Это была Елена Исааковна Уфлянд. Она быстро ориентировала нас, как нам устроиться в столовой, как вообще раздобыть себе продовольствие, посоветовала пробиться к литерным обедам, предоставляемым 35-ти счастливцам, называемым «тридцатипятниками» (урки). Она обещала достать нам постного масла и т. п. «Рука дающего не оскудевает»[95], – сказала она и тут же вспомнила отца своего (наверно раввина), который завещал ей непременно десятую часть своего дохода отдавать бедным. – Рука дающего не оскудевает, – повторяла Елена Исааковна. И при-

водила в пример наше время. У нее небольшая квартирка, но она всем дает приют у себя. Однажды жили у нее фронтовики, и она с ними делилась своими достатками. Потом они уехали на фронт, и прошло много времени, они не давали о себе знать. Странно ей это было, потому что теперь каждый же знает, что именно фронт кормит тыл, а не как раньше было, тыл – фронт. Прошло длительное время, посылочки с фронта, очевидно, скоплялись на почте, и вдруг сразу пришло десятки посылок с маслом, с сахаром и крупой. Вот то-то радость была. – Да, воистину, – сказала Е. И., – это золотое правило: рука дающего не оскудевает. После того Е. И. многому нас и научила и повела к Скосыреву, который работал за больного Фадеева. Мы спросили его о ночлеге, он ответил, что никаких ночлегов, ни гостиниц и т. п., но в конце концов все как-то устраиваются, и мы тоже устроимся хотя бы на тех же диванах в Союзе, но в первую очередь надо устроить вот тех. И он указал на двух мертвенного вида людей, профессоров из Ленинграда. Потом под водительством Е. мы перешли в клуб и часа два сидели в ожидании жалкого обеда. Тут встретили Кожевникова, который, оказалось, работал все лето в колхозе и наработал себе много муки. Он высказал нам свое соображение о том, что едва ли немцы пойдут на Москву, а скорее всего через Турцию в расчете, что Ирак дешевле Ростова. В толпе промелькнул Новиков-Прибой с ведерочкой: так он потихонечку через поваров получает литерный обед. Я догнал его. Он меня ввел в какую-то клетушку и там дал выпить водочки: до чего ж человек приспособился.

Мы долго сидели среди этой толкучки, часа два: очевидно, кухня слабо работала. Однажды раздалось: – Четыре вторых и пирожки Симонову. И официант над головами нашими понес куда-то наверх в «литерную» обед Симонову. – А кто это Симонов? – Как же вы не знаете: это новая знаменитость в стихах и прозе.

Ночевать пришлось у Кононовых.

22 Марта. Сóроки. Сильно потеплело.

Марья Дмитриевна, старушка, приветствовала мое раннее вставанье словами: – Ранняя птичка нос прочищает, а поздняя только глаза продирает.

Вчера мы узнали о смерти Чувиляева и решили с утра навестить Анну Дмитриевну. Жизнь губернаторши и костромского лесовика с его «чувилями»*. Смерть их разлучила: в морге, увидев мужа, она вскрикнула: – Не он, не он! – Служащий подошел к ней с запиской и, показав, сказал: – Нет, это в точности он. И когда последний долг выполнила, стала спокойной, сделалась губернаторшей, решила собрать сестер, словом, возвратиться к себе, в своей род, к своим привычкам. Смерть исправила ошибку. Мы поцеловались с губернаторшей, по-видимому, в последний раз.

Подняли вопрос о прописке в Лаврушинском (во время паники нас выписали) у Ильи Андреича, похожего теперь на позднеосенний, хваченный морозами, серый гриб. Замошкина не застали.

Вечером у Барютиных. Мы поделились картошкой с милыми людьми, и трудно описать, чего стоило им устроить нам спокойный вечер с чаем и музыкой. Эта попытка создать старинный русский уют семейный в такое окаянное время трогательна и чудесна.

Рассказ Жени о весне в голодной Москве. Какая-то огромная мрачная очередь, полное молчание измученных заботами и голодом людей. Вдруг крикнула по-весеннему ворона. И кто-то вскрикнул в очереди: – Батюшки, ворона проснулась! – Все засмеялись, все оглянулись по направлению вороньего крика и заговорили о весне, понимая, что пусть у людей нет ничего, а в природе весна, та самая весна, которую когда-то любили, когда-то ждали...

Узнали, что в Ленинграде умирало людей до 12 тыс. в день, и их складывали штабелями на кладбищах.

На Лаврушинском вокруг нашего дома все разрушено. Флигель, в который еще при нас тогда бомба попала, когда-то так трогательно чинился под новыми ежедневно падающими бом-

---

* Чувиль – жаворонок; этнографы связывают «чувиль» с весенними закличками на прилет птиц, в это время пекут из теста «жаворонков» («чувильки»).

бами, теперь стоит недоделанный: видно бились, бились за жизнь и бросили. Так и человек, очевидно, бросается...

Снег толстыми слоями лежит на крышах. Но коты от голода, страшного холода этой зимы куда-то исчезли. Видел одного кота, живущего в печке, исхудалого, а люди в той же холодной квартире жили и не очень ежились. Вот и говорят в благополучии: живуч как кошка. Наверно теперь у кошек в неблагополучии говорят: живуч, как человек.

Принуждены ночевать опять у Кононовых. Старушкин старший сын, инженер, неглупый, умеючи рассказал нам о германских «зверствах». Это было началом утоления нашего голода по правде: собственно нового мы ничего не узнавали, но только получали подтверждение нашим догадкам. Страшный рассказ о поле, усеянном тысячами трупов за один день. А ночью валом валил снег, и утром под глубоким снегом было все скрыто, только кое-где торчали человеческие руки и ноги. И вот теперь подходит весна.

23 Марта. Легкий мороз-утренник. Перебрались жить на Лаврушинский в квартиру Ляшко. Навестили свою квартиру и вошли в нее, как в склеп.

Вчера без света (нет маскировки).

Ляля только тем и замечательна, что в чувстве своей женственности никому не поддавалась и умела отстоять свои права на материнство, не отдаваясь свойственному всем женщинам обману и поглощаемым обманом. С этой только точки зрения становится понятным ее дикая выходка в избрании себе мужем Ал. Вас.

Мне думается теперь, что самое чувство собственности, столь губительно распространенное в мире, источником своим имеет падение женщины, которая в обмане своем не возвышает мужчину, а складывается с его слепой волей в слепое размножение. Если же при этом обмане оказывается, что и мужчина-то сдал, то она обращает мужа в бабу.

Лялина жизнь есть борьба за женщину в ее сокровенном значении, как материнство личности <*приписка*: духовное материнство>.

Читаю вновь Джеффериса[96] и понимаю все больше и больше, почему Хаксли поднял вопрос о родстве его со мной. Мы с ним тем родственны, что понимаем природу вроде как бы отражение «я» человеческого Духа: смотришь в природу и видишь вечность своего «я», своей души. И тогда является мысль об источнике могущества человека, если он слепую силу свою, направленную целиком на борьбу с природой в достижении господства над ней переносит на собственную душу.

При этом является вопрос: – А разве не о том же самом говорят индусы и отцы нашей церкви?

Первый ответ на этот вопрос заключается в том, что, конечно, в том опыте есть все, заключенное в книгах Ницше, Метерлинка, Джеффериса и, конечно, меня, их соратника.

Но церковь, почему-то падая в влиянии, не могла воспользоваться ценным опытом отцов и забросила этот опыт, и веяние подвига духа заросло, как могила, сорной травой. Однако, сквозь мусор, и пепел, и грязь цивилизации из-под низу по-своему, минуя прямое влияние церкви и в ней погребенных отцов, начинает в поэзии пробиваться зеленая трава новой жизни. Эти первые ростки выбиваются независимо и они говорят, конечно, о том же самом, о чем говорили давно, только говорят по-своему, своими словами, в своем завете без ссылок на старый. И может быть так и нужно забыть старое, чтобы древние достижения человека показались с новой силой. Джефферис указывает на эти три древние откровения человека: 1) Существование души, 2) Бессмертие, 3) Божественность. К этим трем он присоединяет свое четвертое: 4) Возможность усилием воли расширять человеку свою душу до беспредельного могущества.

Христиане: Филимонов, Рождественский и т. п. отрываются от земли, но не возвращаются. А надо вернуться и только с радостью, тогда рождается дело и механический выход: порядок. Иначе, если не дело, то паденье в «бабу»... Значит, «бабу»-то и надо преодолеть и «порядок» подчинить: т. е. к ребенку плюс мужская деятельная сила.

Литерный обед (35-пятники): возмутительно и самому отказали: нельзя.

24 Марта. Метель, ветер, снег.

У Зины какая-то птичка запела, ужас кругом, а она поет и поет. В «птичке»-то и есть все дело: сохранить птичку. Щегол цел у Анны Дм. Кошка – есть захочется и дичает. Как бросается на кусок мяса: орет, требовательна. А собака смиряется, ластится. Кот в печке. Бывало, на крышах жил весной света.

<*Приписка*: Рассказ о немцах>. Самовар восстанавливают и вокруг него греются. Немцы: фотографии. Общая черта рассказов: и так – и так. «Приказ» – обливают керосином, и старушка просит, а он «приказ». Не дают доедать с тарелок. Забывают закрывать двери: пружина (посылки, угощают). Не могут ходить, не привыкли: ездят. Грязная свинья (мужик обманул – дегтем). Офицера нет – ломали ружье: не хотим воевать. За печкой спрятался, хотел в плен, а выбежал и его убили.

Чистая поляна (тысячи под снегом – руки).

Н. В. Власов столько набрал картошки, что не мог нести, а когда спустил с плеч и пришла машина, не мог поднять.

Силыч с ведерком и водочкой.

Светило Симонов и все вокруг неколебимой фигуры Чернышова: все вращается. Магазин 24 на ул. Горького и в нем Чхеидзе: вино и охрана и трепет, как перед властью: именно власть и свои люди, как мыши – царь момента. Елена Исааковна выдвинулась. Спасение Кононова: писатель-фронтовик, собиратель фольклора.

Вечер Сейфуллиной: доход с покойника – Пришвин спас Афиногенова*.

Ярославский: – Если бы я не был председателем Союза безбожников, я бы сказал: дай Бог каждому такого юбилея.

Сейфуллина и Ярославский последние обломки безбожников и лучшее в Ленине и Сталине – это.

Заседание Детгиза и Бородин во всем желтом (лиса).

* По-видимому, речь идет об объединенном съезде ЦК и ЦКК в январе 1933 г., где Пришвин выступил против критиков Афиногенова.

Появление Акимыча: феникс с огородничеством и животноводством. Перспектива переезда на дачу. «Сочувствующие» те, которые грабят соседей ушедших, а потом ссылаются на немцев. Сейфуллина на «огневых точках». Феникс Дмитриев. Маршак тоже, как феникс («нам нужна встреча»).

Вожди и слуги (богоборцы и фениксы), а такие как Симонов – это синтез. Каждый день 2 бутылки водки и корзину фруктов («целое большое состояние!» – восклицает Елена).

Две линии: 1) Проповедь Христа, т. е. строительство церкви и 2) богоборчество.

Надежда Вас. Реформатская. Встреча с Реформатской и наш разговор. – Вот, Ляля, прелестная женщина, Надежда Васильевна, всегда мне нравилась, но влюбиться я не мог. – Почему? – Потому что она только душевный человек, а мне нужно или физический, или духовный. – Вот, вот, и я тоже.

25 Марта. Ветра нет. Тихо тает в тумане. Прошлое отрывается без боли, а будущее – думать нечего: довлеет дневи[97].

Лялино горло подвело: царапало еще в Переславле, а сегодня разыгралась ангина, темп. 40 с обмороком. Посещение Галины с просьбой за внуков. Вечером Лева. В «Новом мире». Лидин. На границе катастрофы с машиной и Кононовым (завтра комиссия, призыв). Арамилев – дочь в туберкулезе.

26 Марта. Ночью проснулись от грохота: это снег обрушился с крыши.

– Не бойся, Ляля, это не бомба. – А что же это? – Весна. – И новое утро и опять белая муть и ничего впереди не видно. Какая-то птичка в тумане вытягивает, вытягивает, и вдруг поняли: это ворона сидит на невидимом дереве и кланяется, токует (вороны проснулись).

– А старики? – спросил я у Арамилева. – Старики жили до самого немца в своем домике, пока снаряд не пронизал дом и не посыпались пули. Так ни с чем и выскочили, за ними выбежали собака и коза. Собаку сразу убило, а коза пошла за ста-

риками. Так они вышли из-под обстрела в лес. И коза за ними, и так жили в лесу. А когда вернулись, домик их простреленный оказался цел. Но все было разграблено, и осталась им только картошка, зарытая в землю, да коза. – И живут. – Хорошо живут, да еще и люди завидуют: и коза, и картошка. А дыру в доме заделали.

Марья Вас. рассказывала, что немцы заняли одну деревню и порезали коров. А одна корова убежала в лес и, когда немцы ушли, вернулась. Это корова – так поняли – оставалась им на племя.

Вчера Арамилев сказал: настроение унылое, потому что зима не оправдала: немцы под Гжатском. Все совпадает с тем, о чем предупреждал Аникин подождать в Усолье.

Мало радости для себя, нужен предмет внимания, на который направляется радость. Есть люди, которые от радости и ничего не видят.

Среди дня началось в Москве таяние снега. В одном дворе «эмка» поломанная стояла всю зиму и на ней полуметровый слоистый снег. И вот что значит все-таки город: падай в лесу на такую же площадь – край получился бы белый, ровный, а тут слоистый: один снегопад и над ним пыль, другой отделяет пятно от тряпки, и так весь зимний слой снега и крыша «эмки» будто геологический срез. (Понаблюдать другие залежи снега, напр., заборы разрушенные...) А в Ленинграде и трупы вытаивают и [много] разрушенных зданий в причудливых формах: скелет домов. По рекам поплывут скоро Фрицы и Гансы.

Слух: В Ленинграде умерло от голода ½ миллиона.
Кононов не пришел после комиссии: тревога за машину.
1-й обед в литере: с Кирпотиным: индейка.

27 Марта. Злой ветер с морозом, метель страшная. У Ляли оказалась ангина – дифтерит. Идиот Раттай в момент моего от-

сутствия оповестил заразную болезнь, и Лялю увезли так скоро, что не успел опомниться. Одновременно явление Пети.

От Ляли осталось: 1500 плюс 300.

Какая страшная погода, злейший ветер, буря, как будто русский черт взял власть и над весной, последняя берет, но погоди, черт, мы еще тебя скрутим.

Ныряя в поисках литера, вижу Силыча с ведерочкой, к своей норке бежит. Хотел совета спросить, но догадался, как он ответит: у всякого зверя своя норка.

От Ляли успокоительное письмо, ей хорошо, и будет она лежать 10 дней.

<u>Исповедь Пети</u> на тему, почему он не командир и не интендант. Никогда и нигде в мире не было такой пропасти между командиром и солдатом, как у нас: лейтенант ест ветчину, курицу, а солдат 200 гр. колбасы. – Нет, лучше жизнь рядового, а то очень противно. – Я помню в себе это чувство: эту застенчивость (что это?).

Причина немецких зверств: «партизаны».

Это против командиров, власти – это народное.

И Россия, русский народ распался на командиров и рядовых. Появление Дмитриева – командира, – рядового. Дмитриев сказал: надо приспособляться.

28 Марта. Итак, 18-го мы выехали в Переславль, в субботу 21 в Москве. Следовательно, прошло уже 10 дней. Вчера вечером увезли Лялю в больницу (дифтерит): все наделал педант Раттай. Одновременно явился Петя и на сегодня назначено в 5 в. свиданье.

Исповедь советского человека (Баранцевич), получающего генеральский паек. В параллель исповедь рабочего (Пети): не встречал ни одного, [кто в деле] является бойцом. Борьба за литерный обед. С сегодня начинаю борьбу полную за жизнь, чтобы сохранить то, что не нужно врагам.

На сегодня: уборка жилья, 2) посылка Ляле, 3) бензин, 4) обед и Раттай, 5) Петя. Письмо Ляле: крестьяне живут, имея

в виду раздел и потому всё в вещах. Второе у них: консультация с миром.

Спросить Петю: природа и война.

Можно ли ставить расчет своей жизни на ту рыбу, которую хочешь до страсти поймать? Нет, я думаю, жизнь рассчитывать на это нельзя, но можно без расчета и рыбу поймать, и жизнь сама собой сложится как-нибудь прекрасно. А на это он мне сказал: – У всякого зверя своя норка.

29 Марта. Мечта о свободе на земле (огромная).

Мороз. Злой ветер. У меня начался грипп. Приезжала Ел. Исаак. с ее «рука дающего не оскудеет». Охота за продуктами. Думал о Петином рассказе о колхознице, у которой 200 мешков картофеля и 50 муки, заработанных в колхозе, что она богаче лондонского лорда. И отсюда...

30 Марта. –16, но тихо на солнце, среди дня золотая капель.

Появление Катынского и новая перспектива. Зампред Моссовета обещал лимит. Карьера одного большого человека: власть и любовь.

31 Марта. Всю ночь грохот орудий и два опасенья, одно, чтобы не выбили стекла, другое, чтобы не попали в наш дом и не разлучили бы нас. Даже уж когда начался первый свет, опять загремело. Я заглянул, отодвинув штору, в окно и мне казалось – поднимается дым пожаров. А когда совсем рассвело, это был не дым, а деревья.

Утром наверно был порядочный мороз, но когда ободнялось, началась частая золотая капель и начались обвалы с крыш. Господи, как хочется жить и как все живое на волоске. И когда люди обвыклись с возможностью смерти – и как в то же время борются за существование. Но ничего героического, все само собой выходит из потребности есть.

Об этом вслух не говорят и, может быть, не доводят и до своего ясного сознания, но в поведении своем ясно выражают: это что смерть теперь менее страшна.

Читал Тютчева и Фета весь день, сожалел этих пленников Шеллинга и Шопенгауэра. Для чего нужно было путаться десяток лет в метафизике? Для поэта довольно чувства личного Бога.

Еще я думаю о системе борьбы с духом путем 1) расчета на массы, 2) господства над массами путем голода.

Катынский (очевидно очень наслышанный) сказал, что от войны пострадают два народа: русские и немцы, а на востоке надолго затянется. Общее мнение, что летом война с Германией будет закончена.

От Ляли хорошие вести: можно собираться.

1 Апреля. Прошла светлая лунная ночь, первая без бомбежки. Утром солнце в дымке, легкий морозец. Наконец температура нормальная, сегодня пересижу, а завтра начну сводить дела. Афиногенов имел визу в кармане для поездки в Америку: зашел на минуточку по каким-то делам своим в ЦК и погиб.

Тот сокровенный вопрос, который витает теперь, как птичка над каждой головой, этот вопрос... Будто птичка какая, что-то вроде [летучей мыши] вьется над каждой головой, ожидая возможности присесть, но каждый, зная о ней, отмахивается и все равнодушней и равнодушней становится к смерти, и, погасив огонек у себя в комнате, затаивается и не спускается в бомбоубежище. – Вот еще, – говорит он полусознательно сам себе, – я хоть тут-то отдохну и побуду с собой. – Многим наверно в эту минуту раскрывается... потому что теперь может быть единственно и остается человек разумно мыслящим и свободным существом, когда он отказывается идти в бомбоубежище. Вот стучат, кричат: – Выходите, тревога, выходите! – Не пойду. – Смотрите, заплатите штраф. – Не пойду. И – не идет. И мыслит, и ему открывается далекое прошлое, когда люди избранные тоже так отказывались спасаться от смерти и так шли навстречу смерти и побеждали страданье радостью.

Письмо Хрулеву. Глубокоуважаемый Андрей Васильевич, вы, наверно, меня знаете как писателя-охотника и, может быть,

помните как старого члена военно-охотничьего общества во время Вашего председательства. На днях я узнал, что Вы взяли под свою защиту ВООбщ-во, и решаюсь обратиться со следующей просьбой: мой сын Петр Мих. Пришвин, 34-х лет, получил высшее охотничье образование в Салтыковке и лет 10 проработал как научный исследователь в крупнейшей зооферме в Пушкине по разведению диких пушных зверей (соболей и лисиц). Кроме того он под моим руководством прошел всю практику егеря и, следовательно, как высококвалифицированный охотник мог бы быть очень полезным ВОО. Считаю недоразумением, что он был взят в Красную Армию рядовым, а после ранения работает на ремонтном заводе в Москве. Не найдете ли Вы возможным, А. В., использовать для ВОО напрасно пропадающие знание и опыт, и скажу, как отец, честность и личное бескорыстие молодого человека. Даю Вам слово старого писателя, что сын мой не знает об этой направленной к Вам просьбе: сын мой доволен своим положением. Вместе с тем и я руководствуюсь не благополучием его, а пользой для общ-ва. Я, приехав недавно в Москву, просто был обрадован вестью о том, что Вы снова взялись за Общество и решили ему помочь. Ваше распоряжение о восстановлении Завидовского охотхозяйства приветствую от всей души и в ближайшее время поеду туда от «Известий» или «Правды».

И еще читал Тютчева. Проследил, что в первых стихотворениях у него был параллелизм: природа и вслед затем человеческая душа, а в последних совершенно природа и человек соединяются в единство. Я тоже так шел, достигнув совершенства в детских рассказах. Но это единство не есть уступка природе, а сознание своего родства и высшего руководящего значения в мировом творчестве.

Второе близкое мне в Тютчеве – это борьба с метафизикой за поэтическую свободу, за реальность, родственное внимание к миру.

Третье, в чем ухожу от Тютчева, это сознание личного Бога в себе и узнавание Его в природе творческой силой родственного внимания.

Советские кулаки, всякого рода мошенники, спекулянты, торжествующие теперь всюду после 25 лет борьбы с ними напрямую. Ошибка большевиков в том, что взяли на себя больше, чем вообще может человек: разумными средствами искоренить зло. Вот именно от этого категорического разделения на зло и добро родилось гибельное самомнение, гордость и отвлеченность, вследствие этого «злые кулаки» стали делать добро, а добрые большевики – зло.

2 Апреля. Вторая ночь без бомбежки. Утро серое. Пришел Раттай и сказал, что изменилось питание докторам: едят через день. Мне стало понятно, почему он съел у меня вчера полхлеба. Мне стало стыдно за свое раздражение, и я отдал ему свои $^{1}/_{2}$ обеда, полсупа пустых из капусты и полстудня. Узнал, что люди начинают пухнуть от голода, потому что «всё на фронт». Нависла над Москвой туча эпидемии и химической войны. Упаси, Господи!

Общее безоговорочное убеждение в том, что такое состояние...

Вот в чем надо быть осторожным больше всего – это в произнесении имени Бога, это имя должно быть только в себе и только в делах-образах.

...обрушились на мужика и бедный Леонов, ты-то зачем сюда попал. Почитал бы мемуары Вольтера, какие были короли, чего же ждать от мужика. Какая вообще природа животного человека. Писателю надо было из мужика и пролетария разбирать родственным вниманием искры личности, а не строить свой талант на «вообще», как государственника.

И у Тютчева, и у Фета, и у Гоголя, и у Толстого как мертво теперь все взятое ими на «вообще». И даже у Достоевского. Потому что искусство есть свидетельство личности...

Первый раз после заболевания вышел и получил бумажку драгоценную от Военно-охотничьего общ-ва. Ляля поправляется, прибудет в понедельник, а в среду хочет уехать (8 апреля). Были одновременно Раттай, Лева, Александр Михайлович, получено письмо от Ефр. Павл. очень глупое. Раттай потерял па-

триотизм: через день (доктор) получает обед. Москва близится к катастрофе.

3 Апреля. Небо закрыто, но все мороз не сдает. Бомбежки не было. Ночью думал о бессмертии души, как об эгоистическом чувстве жизни, и представлял себе веру в Бога более сильной и чистой без этого наивного утешения. Человеческой жизни, казалось мне, слишком довольно, чтобы успеть войти в божественную творческую сущность жизни, попросту сделаться Богом и вместе с тем потерять интерес к загробной жизни души, в котором исчезает чувство ее индивидуальной обособленности. Все душевные вопросы сводятся именно к такому устройству души.

Вчера написал половину письма Ефр. Павл. и сегодня закончу его. Ужасно безнадежна она в своей деревенщине. И страшен человек в своем эгоизме.

Вчера Марья Васильевна принесла свечки, Евангелие, поставила икону и предложила почитать 12 евангелий.

Александр Николаевич рассказывал, что какой-то его знакомый неосторожно похвалился: за 200 гр. хлеба купил каракулевое пальто в Ленинграде.

Сегодня серый день и начало киснуть, скорее всего, это началась весна воды.

4 Апреля. День начался с открытыми лужами. Вчера С. И. достал лимит, в понедельник, надеюсь, привезем Лялю и в среду выедем.

Александра Николаевича охватила паника: люди пухнут от голода, эпидемия неизбежна.

Людей надо брать такими, какие они есть, а не как человек представляется в будущем. У нас же взяли за образец выдуманного человека и во имя его уничтожили живого.

Бедствие произошло через подчинение нравственного свойства закону причинности.

Ясно, к примеру, что качество обеда наверху и, значит, довольство пирующих зависит от повара, изготовляющего обед в подвальной кухне. Но из этого не следует, что класс поваров выше по своему нравственному и умственному развитию, чем класс пирующих, среди которых может быть и Пушкин.

Или вот в Советской энциклопедии литературной[98] важнейшей чертой поэзии Гоголя признается то, что он описывает мелкопоместных дворян и т. д. В этой замене эстетической и нравственной квалификации причинной таится как общая причина всего психологического свойства подростков и полуобразованных людей. Вот почему вместе с ликвидацией неграмотности, заменившей мудрость простака, широко распространяется почемукольство. Стоит вам воскликнуть: «прекрасно», как ваш сосед уже готовит вопрос: «почему?».

Наши классы: 1) энтузиасты коммунизма в процессе перерождения в чиновников, 2) люди компромисса, 3) люди действительно злые.

Весна, ручьи. Вышел в Союз пешком. Встретил Егорова, сулит бензин. В Союзе оформил бумаги.

Встреча с Симоновым («я ваш обед ел»). А он сделал конфузный вид. Я на этом сыграл: попросил табачку. Дал. Попросил водки, сходил и принес $^1/_2$ литра и $^1/_2$ кг селедки. Вот достижение: рад и плюнуть хочется.

Продолжаю думать почему-то о бессмертии души и откуда-то берется, из каких-то источников поднимается свое богословие: мне совсем ясно видится суеверно-обывательская подоплека этих встреч за гробом без всяких усилий со своей стороны.

Мне же думается, что божественная личность, таящаяся в человеке, едина для всех, и высшая цель нашей жизни и состоит в достижении близости к ней. Мне думается, в этом творческом усилии преодоления своей индивидуальности («души») и состоит дело жизни. Это – встреча с той Личностью и расставание со своей душой частично возможна и при жизни. И «христиан-

ская кончина» именно и состоит в радостном освобождении от «себя» и слиянии не временном, а вечном с Личностью Бога.

Вот это чувство и есть самое главное, а церковь нужна лишь постольку, поскольку она помогает идти по этому пути.

Вообще же религиозное чувство – это личное чувство и не менее секретное, интимное, чем наша любовь. (Знай про себя.)

Встретились фольклорист Н. и Новиков-Прибой.

Я им сказал:

– Нам-то что. Пусть разорят всю страну – Слово останется, и мы из Слова построим вновь всю страну.

5 Апреля (23 марта). Св. воскресенье.

Утро серое с морозом. Весна очень затянулась. Благовещение наверно переездим.

Вчера по радио объявили разрешение верующим ходить ночью по улице.

Мар. Вас. предложила мне идти, но я не пошел под предлогом своего гриппа.

Между тем грипп не помешал мне утром вчера сходить за водкой и табаком.

Такой я моляка, чуть вышел из-под влияния Ляли, – и никуда.

Между тем Евангелия соответственные прочитал и хорошо думал о воскресении Христа. Я вывел из поля зрения физический факт Воскресения так же, как вывожу уничтожающие Евангелие чудеса.

Христос воскрес для меня – значит, Он стал Богом. И спас нас тем, что указал своим примером для каждого верующего путь воскресения в Боге.

Только путь этот бесконечно трудный, это путь святости.

Едва ли он даже возможен без помощи церкви, потому что церковь является проверкой личной веры, неудержимо влекущей к самообману.

Вот тут-то, в этой проверке и таятся родники правды.

Но эта проверка, разумеется, не есть самая сущность, заключенная в самом чувстве личного Бога. Все мне известные

церковники, кроме Ляли, стояли на более легком пути, чем истинный путь – на пути замены веры правдой.

Мар. Вас. принадлежит именно к этому типу симпатичных русских людей. С этой своей правдой она легко могла бы сделаться эсеркой. И некоторая неловкость, которую теперь я испытываю перед Мар. Вас., до точности совпадает с тем чувством в юности, когда революционеры идут на свои подвиги и зовут меня, а мне как-то не хочется (изображено в «Кащеевой цепи»).

Алекс. Ник. со всей наивностью выступил вчера в присутствии М. В. против церковников: почему он не может молиться без церкви, и почему мы можем делать добро вне церкви, все это он и делает и все раздает и ничего себе не оставляет и даже не заводил никогда сберкнижки. – Появятся деньги – иду, нет ли чего купить для Нат. Арк., а Ляля скупая, т. е. скупая для себя и готова делиться только с верующими. Мне же все равно, я на это не смотрю, где мне совесть подсказывает, туда и несу. Алекс. Ник. признался, что он сменил свои политические взгляды на крайне пессимистические, думает поступать в сторожа, или просто пешком уйти из Москвы.

<*Позднейшая приписка*: Славянофильство.>

Зовут сказать по радио на Всеславянском митинге[99].

Идти боюсь, но сказать мог бы приблизительно следующее:

С малолетства и до старости во мне, как кровно русском человеке из города Ельца, живет странное чувство, которое не встречал ни у одного народа. При встрече с представителями любой народности, будь то англичанин, или француз, или китаец, познакомившись с каждым из них, я узнаю в них нечто лучшее, чего не знаю в своем народе. Русский человек хуже всех, – вот мое основное чувство, замечательное тем, что оно нисколько меня не угнетает, напротив, я искренно по-детски радуюсь, что где-то на стороне у других так много всего хорошего. С каким восхищением в Уссурийской тайге выискивал китайцев[100], давших мне образ Лувена. Какие отрадные минуты я пережил в беседах с англичанами, норвежцами, немцами, лопарями. И я сознаю, что не раз об этих встречах мне хорошо

удавалось высказаться. Но как только я хочу сказать хорошее о русских, какой-то тайный голос повелительно запрещает мне: так нельзя.

После возвращения пленных 1914–1916 гг. из Германии нужно было видеть, какое благоговение к разумной жизни германского народа распространилось в народах России. И нужно было видеть теперь в эту войну, какой отравой вливался гитлеризм, как чувство превосходства германцев перед всеми народами мира, в это благоговейно чисто детское состояние души русского человека.

Сейчас, однако, мне приходит в голову мысль: – А что если в этом запрете русскому человеку думать и говорить о себе хорошее и есть превосходство его перед всеми народами мира. Что если в этом восторге перед другими народами и умолчании о себе таится путь морального переустройства всего мира? В самом деле, если каждый народ будет о другом народе думать лучше, чем о своем, разве это не станет возрождением мира, не станет истинным путем в интернационал?

Яд отравы вливается в мою душу, и я начинаю думать, не пора ли пересмотреть это завещанное нам дедами и прадедами чувство смирения русского человека перед иностранцами.

Собрались чудаки: Кононов, Раттай, Мар. Вас. и Филимонов – чудеса. Мар. Вас. рассказывала, что священник на пасхальной заутрене предупредил публику, что приехали иностранцы, которые будут фотографировать заутреню. После того погасли огни, и началась вспышка магния. После этой заутрени священник не вышел с крестом, как обычно, и не приветствовал обычным «Христос воскресе». А в другой церкви повесили маленькие колокола внутри церкви и в них звонили (возможно, для репродукции пасхального звона).

Это значит влияние Америки, а между тем ни одно кощунство наших безбожников не имело такой силы, как это.

Почему то же чувство природы привело Тютчева к буддизму[101], а меня ко Христу? Не потому ли, что одно дерево ищет света, а другое прячется в тень? Не потому ли, что жизнь есть борьба и роли борющихся предопределены?

Просматривал остроумие 16-го века у Рабле о том, какая самая приятная подтирка и что самое приятное для человека подтираться гусенком. По свидетельству историков литературы, это остроумие, этот смех свидетельствует о жизнерадостности той эпохи грюндерства. В наше время такой смех мог бы развлечь только раёк[*]. И какой ужасный конец пришел этой «жизнерадостности».

<*Позднейшая приписка*: Автограф Симонову> т. Симонову завет: пишите о войне, только помните, война должна кончиться, а книга должна остаться.

6 Апреля. Ночью два раза бомбили, один раз около двух, при звездах и половине луны, другой – в самом начале рассвета. Раза три слышались взрывы фугасных бомб, и каждый раз я подумывал, что в меня – ничего бы, но Лялю невозможно оставить одну. И я по-детски молился: – Пронеси, Господи, только в эту ночь, только одну, а завтра Ляля приедет, и если вместе, то ничего.

День выкатился открытый, солнечный, но, конечно, с морозом, и дай Бог, чтобы продержало дорогу до нашего возвращения.

В связи с фотографированием верующих в церкви, думал о своей прекрасной «Муравии»[102] – как было правда прекрасно и как наше русское православное племя стало теперь похоже на индейцев в Америке. Если немцы победят как цивилизаторы, то большевики тоже отойдут в Муравию. Трудно сейчас это представить себе, но гонения безбожников в сравнении с американским фотографированием заутрени представляется Муравией.

Итак, цивилизаторская «радость жизни» показала нам, чем она кончается. Отсюда простой вывод, что по смыслу такой машинной цивилизации должен пройти варварский социализм. Но претензию на варварство имеют немцы и большевики.

---

[*] Раёк – театральная галерка.

Какое у меня в Усолье было солидное стремление попасть в центр, чтобы «ориентироваться». Вот теперь я выслушал десятки лиц и ничего нового не узнал, разве только, что никто ничего не знает. Но и этого достаточно, я вполне удовлетворен и потерял всякую охоту обсуждать политическое положение.

В беседе с Филимоновым: как выход из состояния универсального субъекта – наука (объект) и Христос, значит, реальность Христа есть божественная личность и «смерть» есть преодоление индивидуальности творчеством. (Есть пример: «Хозяин и работник»)[103].

Если я пишу для себя, я еще не писатель, а какой-то универсальный субъект; я писатель, когда я напишу книгу.

Я верующий – что из этого. Я действительно верующий, когда я в церковь иду («верующие едоки»).

Так и если я пищу варю для себя, а когда я для других делаю, тогда я повар (развить эту мысль).

В 4 часа привезли Лялю. И начались разговоры.

7 Апреля. Благовещенье.

В Москве нет бензину, мы остаемся. Елена Ис. устроила нам 10 белых батонов, принесла 1 «трофейную» банку консервов. Все собрались возле постели Ляли, пришел Попов (почему-то неприятно было выслушать его психическую маскировку), Коноплянцев, Власов, Раттай. Ориентация: немцы победят в июне. В заключение Елена Ис. с батонами, тремя селедками, трофейным консервом. Все люди отчетливы, как во сне: гравюры. Ориентация Попова: у нас разруха. На фоне этого неукротимая воля Хрулева. И это понятно, так оно и быть должно.

Ночью объявили тревогу, но не было слышно ничего и через полчаса объявили отбой.

8 Апреля. Весна изморничает, утренники еще крепкие и не очень теплые дни. Я уверен, что вне Москвы дорога вполне зимняя.

На фронте борьбы за бензин у нас «ничего существенного не произошло». С. И. даже и не явился. Был от Литературной

газеты Перцов с предложением написать «от души». Я ответил, что с самого начала пробовал: «Голубая стрекоза», но Фадеев отверг, как «не остро-политическое»[104].

Ориентация Филимонова: борьба слепых сил, разрушение мира европейского по Шпенглеру[105] (Россия – вопрос). «Животный мистицизм». После всего – или конец, или возрождение из духа.

9 Апреля. Серый день, раскисает к полудню. С. И. нашел 25 литров. Но трудности с пропиской. К вечеру Шурка все разрешил: завтра будет бензин, и пойдем к начальнику милиции. Шурка сказал, что если бы за мою жизнь отдать руку – отдал бы. И все наделал рассказ «Ленин на охоте»[106] (указал на комнату: получил из-за меня). Не вижу ничего существенного, за что бы можно ухватиться и оставить впрок для себя: все проходит в суете, смысл которой – сохранение своей собственной жизни.

Теперь все видят, все чувствуют, что настала весна, и это чувство является теперь как возможность... счастья, и в то же время каждый знает, что эта весна для него может быть последняя.

От Кирилловой «вечности» к нашей: вечность, когда бывает достигнута, то последующее время теряет злое качество времени, потому что не «времени больше не будет»[107], а «время потеряло своей вредный для духа смысл».

10 Апреля. Утром хлынул дождь после ночи без мороза (воду Кононов не спускал из машины). Весна пошла в ход, а мы ни с места. Шурка Егоров осекся на Морозове (нач. 2-го отдела милиции). Отказали в прописке, и Шурка ринулся на Петровку.

Давно уже не хожу в Союз и давно уже кажется все сошлось вокруг одной мысли – выбраться из Москвы на волю.

Из какой-то книжки о Толстом Ляля вычитала, что крестьяне его моральные выходки понимают как остатки крепостного самодурства.

У Джеффериса сегодня меня остановила его мысль о механизмах, что при всем их бездушии нельзя бросить время и вернуться (как Толстой) назад к примитивной жизни. Т. е. что нельзя и невозможно выйти из времени, а также что во всякое время есть своя цельность.

– Что это, прогресс?

– А это уверенность в том, что Бог все делает к лучшему. Вы говорите механизмы? Так и это к лучшему.

Как Морозов оказался во всем замечательным, но в одном сплошал, не понял, что для отдельных людей он должен выходить из закона.

Сколько бумажек, сколько ошибок: напр., «командировка» без понимания, к чему обязывают эти слова, а сколько раз написано и произнесено: «орденоносец». Все эти справки, доверенности, удостоверения забили меня, смирили, я увял, я умедлился, опустел... И в то же время чуть на люди – веселее всех, спокоен, любезен, и кругом говорят: – Вам ничего не делается, все такой молодец, что значит – охотник.

Машина сегодня будет ночевать на дворе и в ней Кононов.

11 Апреля. Легонький утренник, слава Богу. Серо на небе, но с просветами. Сегодня Шурка с Ильей в 10 утра должны сходить в милицию, и если пропишут, мы выедем в полдень. Но мало надежды.

Если бы я был достойно современный человек, то я мог бы угадывать в смысле движения всего мира по внутреннему своему состоянию духа. Вот было вчера. Мне, как всегда, нужно было сделать усилие – сделать запись утреннюю в свою книжку. В это время Ляля открыла глаза, чудесно улыбнулась и сказала: – Милый, напиши справку для Марии Васильевны. – Под влиянием ее улыбки я ей уступил и, отложив трудное, взялся за приятное, легкое – заниматься с ней текущими делами. Но мало-помалу эти дела захватили меня, повлекли в милицию, к Илье Андр., к беседе с Шуркой Кононовым и т. п. К вечеру я

был затрепан и пал духом именно потому, что утро свое трудное заменил легким.

Утром во время бритья Ляля напомнила, что надо бы помянуть Куприяныча. – А с губернаторшей, – сказал я, – мы теперь едва ли будем встречаться. – Молока ей я все-таки привезу, – сказала Ляля. – Но скажи мне, почему же этот лесовик вздумал жениться на губернаторше? – Мне это очень понятно, – ответил я, – может быть он любил кого-нибудь, не удалось, стало тяжело: надо было сделать героические усилия, чтобы поднять тяжесть, а он вместо этого соблазнился приятной жизнью с губернаторшей. Я сам помню, когда у меня было с Е. П., то я с каким-то наслаждением покупал столы, стулья, ведра для своего хозяйства. Вещами я спасал себя.

Подумав, я вспомнил о Толстом: – А он, сходясь с Софьей Андр., разве тоже не заменил чего-то очень трудного легким, приятным? Мы все понимали эту уступку, я, сходясь с Е. П., Толстой с графиней, лесовик – с губернаторшей. Наши поступки как возрождение свое – и все несли за это роковое возмездие.

– Это верно, – согласилась Ляля.

– И может быть верно, – сказал я, – эта нынешняя мировая катастрофа есть последствие того состояния, которое когда-то называлось «Возрождением». Не по силам бремя легло на человека, он уступил, воспротивился тяжести и пал.

– Значит, началось паденье в церкви?

– Конечно, в церкви.

– Морозов, – сказал Шурка, – чудный парень только в одном оказался... он постучал косточкой согнутого пальца по столу – ту-ту. – А именно? – Именно, что закон для всех, а есть люди, для которых надо отступать. – Какой же это человек, для которого надо раскрыть ворота закона? – А единственный – ответил Шурка, – есть такой единственный, и это надо уважать.

Я отступился от литерного обеда не совсем из-за брезгливости, а, вероятно, почувствовал свой закон с этим обязательством: ешь, но делай. И мне пришло в голову, что Петя не со-

всем прав в решительном осуждении разделения жизненных условий командира с рядовым. Рядовой напрягает все усилия, чтобы сохранить свою жизнь, а командир на все идет. Он пьет и жрет без упрека совести, потому что взял власть и тем самым отдал всего себя этому делу. А рядовой метит вернуться домой и зажить счастливо. Но в конце концов, командир, вероятно, выигрывает, потому что риск скорее сохраняет жизнь, чем боязнь за нее.

Шурка с моей большой книгой явился в милицию и сказал: – Ты одного не учитываешь: это единственный. – Егорыч, – ответил милиционер, – да разве я... – И прописал.

Явился Илья с паспортами, Шурка торжествующий, пришел Кононов, Мар. Вас., – целая шайка добрых сил: и Александр Николаевич.

Выехали в 3-м часу в Союз, заехали за деньгами, и стал час четвертый: колебанье – не остаться ли. Но небо расчищено, мы вспомнили о возможности бомбежки и сразу: ехать.

Возвращение в природу. Нетронутые снега и апрельский свет. Краснеющие ивы, цветущий вечер. Это первый весенний день, но это все еще весна света.

В 8 ч. приехали прямо к Аникину и мои слова: человек стал лучше, но какой ценой это ему достается!

Ночевали в гостинице. Люди в тюрьме (город стал тюрьмой). Машина стала ковром-самолетом. И понятно: машина – это орудие личности. Значит, дело все в личности, а личность не в возвращении к натуральному хозяйству. Все эти попытки возвращения таят в себе стремление к восстановлению личности. И цена отказу от машины, как и ее возвеличение одинакова: дело в личности.

Выехали из Переславля утром по морозу. Но возле Кривяка машина съехала в канаву и началась борьба со стихией до 3 ч. дня. Бросили Кононова. Пешком добрались. Видел грачей, скворцов, массу зябликов, чибиса. Все птицы здесь, но леса завалены снегом. Ляля ушла пешком и прислала двух мужиков. Началась мужская работа по вытаске машины. Каждому по-

своему представлялся план, свой план спасенья. И все ругались друг с другом (дрались) за свой план (идею), пуская в ход матерные слова. В сущности это была борьба каждого за правду (спасение личности). Вот почему верно в животном мире происходит вечная борьба самцов за правду – кто сильней, и вечная песнь у них (кто лучше). Я провалился в снегу, вымок, вынужден был убраться в машину и до того утомился, что чувствовал, будто мозги мои сдавлены. Без всякого внутреннего отклика глазами видел только мелькающих зябликов, видел чибиса, летающих зябликов, слышал жалобный стон желны. В 3 дня вышел пешком домой лесом и кое-как добрался.

13 Апреля. Мороза не было. Медленное таяние. Получено известие, что Кононов опять провалился, но по телефону Аникин сказал, что пришлет трактор.

Итак, путешествие из Москвы чудесным вечером, когда в свете апрельском краснели ветви молодого леса, белели березки, светились как свечи оранжевые сосны, у меня шевельнулась радость в душе, знакомая, составляющая существо мое: я узнал себя. Но потом при утомлении с машиной все мое настоящее заволоклось. И хотя я вернулся домой, но должно пройти какое-то время, чтобы я мог прийти в себя.

Мольная бабочка ожила внутри рамы.

Есть поступки и даже мысли, за которые стыдишься не перед соседями по жизни и мысли, а перед тем, кто не сосед, кого вовсе не видно, кто живет незнаем за тридевять земель и все это мое им изжито и сто раз передумано. Я всегда имею в виду, но приходит миг, когда я это забываю и...

Вечером пришла Мар. Вас. с вестью, что на трактор не хватило бензина и нужно в колхозе брать лошадей. М. В. дали продовольствия, и она ушла обратно (за 10 км). А я пошел в контору, и все у меня не ладилось в разговоре, пока я не намекнул на вино. Я сказал, что писателей в Москве держат в холоде и голоде и дают только вино и табак. – Вино дают? – воскликнул

секретарь. – Дают. – И дело мое пошло. На завтра дадут лошадей, однако с предупреждением, что этот путь до машины в Кривяк, который я прошел в 2 часа, лошади пройдут 4 часа.

Получено известие, что Глеб Удинцев прошел летную школу и теперь весь горит желанием, этот православный мальчик, броситься в бой. – Вполне понятно, – сказал я, – вы, женщины, не понимаете увлекательности той силы, которая заключена в машине. Это чисто мужское чувство. Я пережил этот восторг мощи, который овладевает автомобилем, и револьвер впервые положил в свой карман – тоже умножает чувство мужской самости необычайно. И это хорошо. Понимаю дальнейший путь, рост личности вплоть до отказа от самости. Но я понимаю это как путь жестокой борьбы. Если же мужская самость утрачивается без возмещения продвижением личности, не преобразуется, а гибнет, то мужчина превращается в бабу. Значит, – сказал я, – значит, культура христианской личности должна начинаться борьбой с каким-то нехристианским содержанием личности, она предпочитает преображение какой-то силы, и это преображение исходит не из уничтожения этой силы, а присвоения ее, обращения в сторону души и вовлечения ее внутрь самого человека. Итак, милый Глеб...

14 Апреля. Сильный холодный ветер, небо в тучах, слегка подморозило. Но токуют глухари, к которым невозможно добраться (по пояс снег в лесу). Такой недоброй весны для охотника люди не помнят. Кажется, будто человеческие бедствия вошли внутрь природы и мутят ее оттуда, как у нас в Москве голод, холод, болезни.

Приехала Мар. Вас. с вещами: лошаденки машину не взяли. Договорился с Иваном Дм. Седельниковым (зам. директора по торфу) и Александровым (председсовета) выслать завтра 15 человек и 4 лошади и вывести машину к поезду.

Вечером охватило убийственное утомление. Но это верно так и надо: не из железа же человек. Пройдет утомление и родится из него же радость с новой прибавкой.

15 Апреля. +4 и ночь без мороза.

В лесу снега на пол-аршина, но можно ходить, конечно, с трудом: снег потерял сложение, стал зернистым. По дороге же ходить невозможно, ноги проваливаются и вытаскивать трудно. На вырубке заливается тетерев – слушал его как будто из ада, как будто с той стороны, райской, и к нам в ад кромешный долетали ликования.

Пришел к лесничему, посидели на завалинке. Он говорит: глухари почему-то не токуют. Я слушал его, областного инспектора охоты, и смотрел на его девочку, которая играла хвостовыми перьями глухаря, убивать которого весной считается преступлением. Лесничему я рассказал о мечте Пети, который после войны собирается сделаться земледельцем. – Он, – сказал я, – ссылается на какую-то колхозницу, которая своим личным трудом заработала 200 мешков картофеля и 50 мешков муки. Она теперь владеет валютой и будет покупать бриллианты: она богаче англ. лорда. Значит, в основе...

– Нет, – ответил лесничий, – это верно для данного момента, а пройдет время, спасибо, помещиком жить я мечтал, но своим трудом – дудки.

Он прав, Петина мечта, как и у Толстого, нереальна (разобрать: я сам когда-то мечтал об этом).

В полдень с трудом предсельсовета выпроводил армаду колхозников (12 человек и 3 лошади) вызволять машину. Часов в 5 вечера доложили, что машина погружена. В 10 ч. веч., наконец, явился С. И.: машина поедет на платформе. Наше путешествие кончилось. Каким надо быть великим начальником, чтобы заставить рабов вытаскивать машину и какие это рабы. Между тем, по общему мнению, через это мое положение повышается и никакие мои заслуги книжные не дали бы мне того уважения, как это насилие. Мелькает мысль о природе нашего непротивления народного, и что явление большевиков – это бунт.

С. И. ночует у нас в лодке.

Надпись на книге: «Дарю эту книгу С. И. Кононову в память путешествия в Москву (с 13 марта по 14 апреля 42 г.). В этом

путешествии, гораздо более трудном и опасном, чем былые путешествия в центральную Африку, С. И. оказался не только уверенным водителем и знающим дело механиком, но верным товарищем и хорошим человеком. Пусть это мое свидетельство будет основой его успеха в жизни. С уважением и любовью М. Пришвин».

16 Апреля. Ночевали при 0. После до вечера солнце. Разгрузили машину и приехали с Кононовым на машине домой. Машина дома. В четверг выехали, в четверг возвратились. Конец путешествия.

Я сказал Кононову:

– Вы не можете себе представить, сколько слов я потратил, убеждая дам в необходимости в наше время машины.

– А как же без машины? – спросил он, – лошадей нет.

– Пешком, они говорят, надо ходить, а сами ходить не могут.

<*Приписка на полях*: А как же я после дифтерита прошла 10 км пешком, это встав с постели, и ничего. В. Пришвина. – Раз прошла 10 верст и хвались. М. М.>

– Нет, – ответила Ляля, – я теперь признаю машину, но при условии, что сама не люблю ее и не занимаюсь ею, как С. И.

– Я люблю ее, – ответил я, – но заниматься ею у меня нет времени: я не шофер и мне помогает С. И., а я в свою очередь ему помогаю. Это получается общество, и я признаю такое общество и машину, и технический прогресс, и главное, чувствую в этом себя человеком современным, а не чудаком, как ты со своим мечтательным одиночеством, или Толстой с его натуральным хозяйством.

– Хорошо, – ответила она, – но ты должен тогда включить в свое «общество» и тех людей, которые выгоняли колхозников, чтобы вытаскивать твою машину, и тех рабов, которые с проклятием повиновались.

– Нет, я не включаю их, потому что мы сели в лужу случайно, и это не правило, а случай со мною в 12 лет первый раз.

18 Апреля. Условная любезность. Даже нежнейшее чувство любви, закрепляясь в форме отношений, умирает в них и остается только формой. Значит, надо бороться с формами...

Правда и обман между собой отличаются только силой: если силы достаточно у человека, творящего правду – удается правда, если не хватает – выходит обман, и утомленный человек говорит: суета сует. Люди рождаются и, набираясь сил, все начинают сначала свою Песнь песней.

Все в силе, разве не говорят: обратил внимание, принял во внимание. У Ляли нет внимания к юмору, у тещи – это главное. – Духовные люди сатиру и юмор заменяют притчами и моралью, – сказал N.

Вечность и мгновение.
Вечность в мгновении.
Вечность не удается: мгновение ускользает.
Вечность, контролирующая мгновение.
Вечность борется с мгновением.
Вспышка вечности в мгновении.
Вечность мертва без жизни.
Подмена жизни вечностью.
– Эта березка теперь не может сказать словами только потому, что не знает греха и вполне целомудренна, – сказал N.

Не могу писать о современной своей жизни: теряюсь в подробностях, оттого же и сон бывает невозможно записать: все в подробностях, которые нельзя выписать. Эта жизнь, значит, похожа на сон.

Клавдия Бор. всю жизнь отдавалась собиранию памятников поэзии. Внезапно она попала в сердце действия живой поэзии и, застигнутая врасплох, металась между памятниками своего кладбища, спрашивая: на кого он похож? И не найдя ответа, сказала: – Я его не понимаю, потому что он ни на кого не похож, и пребывала в недоумении, пока он не нашел себе сотрудницу, которая его поняла. А когда это случилось, то и та поняла. И стала звонить ему, но было поздно. Мгновенье ускользнуло, и вечность не удалась. Ей пришлось вернуться к памятникам вечности – мгновеньям проносящейся вечности.

Без праздности не может быть творчества. Празднолюбие побеждает: не работа, а творчество.

Весна опоздала и вдруг принялась догонять. Заблестели клейкие листочки на березах, замолчали песни самцов и самки сели на яйца.

Сосновые побеги растут свечками, их смолистые почки сложены как персты.

Не «теряя присутствия духа», можно браться за всякую работу, тогда всякая работа приводит к празднику.

Чтобы понимать общие истины, надо знать время.

За ночь без меня позеленела лесная дорожка... все без меня, и я рад этому, именно, что все росло <u>само</u>, или что это Бог растил.

А то бывает, радуешься, находя в себе самом свидетельство и даже причину, тут другое.

17 Апреля. Солнечный день. Растут быстро поляны. Снег на глазах оседает. Машины пошли. Значит, день какой-то, один-два были трудные, и как раз мы в этот узкий промежуток попали. Но ездят все еще на санях. Значит, от Благовещения переездили больше, чем неделю. Благословенное мытье, первое после московского путешествия.

Эти дни после Москвы мне все было от крайнего физического и нравственного утомления, будто где-то далеко от меня (я в аду, а там рай) летят весенние птицы и слышатся голоса изо дня в день все ближе. Первое чувство природы (жизни) шевельнулось, когда выехали за Москву, и склоненное к вечеру солнце заиграло краснеющими вершинами неодетого леса (ивы и березы). И когда сели на машине в яму, летели тысячи зябликов, чибисов, скворцов, грачей, все видел, но мало чувствовал. Потом близко к сердцу пришла песнь зяблика и тетерева. Наконец, вчера под вечер весна пришла ко мне в укор, и я почувствовал, что еще поживу. А ночью с любовью думал о Ляле, еще больной, но зато еще более дорогой, чем раньше.

Смысл всего нашего времени мне показался, как распад в человеке самого времени.

Я увидел людей от моего Пети до Льва Толстого, бегущих от настоящего к прошлому в натуральное хозяйство примитивных людей. Странным образом эти люди пытались найти себе личную свободу в том, что давалось людям в самой суровой принудительной и слепой борьбе за слепую жизнь.

Видел людей, обрекающих себя на жестокую фанатическую борьбу за общее всем прекрасное будущее (социализм, большевики).

Сам же себя самого понял в настоящем: пришла весна и это все настоящее, этот миг мировой жизни стал мне вечностью в поле борьбы за бессмертие.

И вот, когда я всей душой почувствовал себя наконец-то в настоящем и только в настоящем, сразу же глаз мой сделал радостное открытие: в опушке леса, на обнаженном корне сосны светилось в вечерних лучах ярко-зеленое пятно оживающего моха, и это пятно жизни в хаосе наполняло душу мою радостью, и с этим сошлась песня зяблика и бормотанье тетерева на вырубке.

Так произошла моя встреча с весной, со всем настоящим и подлинным миром природы, обеспеченным суровой борьбой человека за бессмертие всякого мгновения, всякой былинки, всякой стрелки зеленого моха и песенки зяблика, и воркования лесного голубя, и бормотания тетерева, и таинственного ночного пения глухаря. Все это делается вечным, все навсегда оживает и встает навсегда силой, борющейся за бессмертие человеческой личности: все движется, все живет, поет, родится и умирает для вечности.

Особенно трогательно и радостно было мне узнать свою собственную душу в одной еще совсем молоденькой сосне. Снег, изо дня в день оседая, сгибал и увлекал за собой ее ветви, и все деревце стояло кругом от верху до низу стянутое холодными снежными пеленками. Но снег уже стал таким зернистым, что – хотя даже и выше колен, но свободно было идти по земле, раздвигая весь слой ногами. Пришло время, и вдруг напряженные веточки сосны сбросили снег с себя, освободились и прыгнули. Я это видел много раз, каждую весну видел, но никогда эта обычная борьба за жизнь не была так близка моей душе, я чувствовал, что это моя собственная душа жила в сосне, душа личности человека в своей борьбе за бессмертие.

Особенно при этом узнавании своего жизненного дела в природе меня радовало, что и все так и везде, и не надо очень-то носиться с собой: раз уж какая-то сосенка бьется за жизнь, то ведь и люди наверно тоже так, без слов, а самой силой жизни, силой борьбы за свое настоящее стремятся к бессмертию, и вся эта война слепых сил в тайне своей есть война за бессмертие.

18 Апреля. Теперь разгадалась весна до конца. Сильнейшие морозы зимние сдавались не воде, а только солнцу. Без осадки прошла зима и весна света. Медленно изморная весна воды без воды. Снег полднями оседал и постепенно уходил под землю. Утром наст отлично держал, и дочка лесничего наверно опять будет играть глухариными перышками. К вечеру попробовал пробраться на тягу, но подул северный ветер, стало нехорошо и понятно, что еще рано, слишком много снегу в лесу, тепло бывает только полднями.

Очень устал от недалекой прогулки и после Москвы всё есть хочется, животика совсем нет, и ноги стали вполовину тоньше. Приезжала из Переславля старинная знакомая Ляли Татьяна Греч с сыном за картошкой и наменяла только молоко на гвозди. Она передала нам общее мнение о войне весной, что незачем вовсе немцам идти на Москву, им нужно идти на Баку, и что наша война кончится через три месяца.

Несколько странный вывод о конце, очевидно, основан на внутреннем чувстве конца вследствие ужасов наступившей жизни, голода и эпидемии. Это чувство охватывает всех, вернее весь тыл и разрушает все логические построения. Просто выводят, что мы воевать больше не можем, и самый страх смерти перестается: один конец!

Существуют две основы, на которых строится вся жизнь, это радость жизни и страх смерти. Первое – это основа размножения, вторая – основа творческой личности. Радость жизни свойственна всем, каждый через нее проходит, и так нарастает род на род, и народы наполняют землю, и наполнив, вступают в борьбу.

Радость жизни (рождение) сильнее страха смерти тем, что эта радость свойственна всем, а умирают поодиночке. Так что

радость жизни демократичнее в существе своем, а страх смерти аристократичнее. Ужас войны состоит в том, что делает смерть массовым явлением, что факт смерти застает врасплох наивных простаков.

Социализм, возникающий на массовом чувстве радости жизни, ставит не личность перед лицом смерти, а массу и страданье распространяется на всех, на народ. Тогда жизнь человеческая возвращается к первоосновам жизни природы, и движение человечества напоминает движение рыбы к верховьям рек на место нереста: миллионы особей бессмысленно гибнут по пути для того, чтобы единицы достигли мест размножения и вновь создали массы, живущие радостью жизни.

19 Апреля. Установилась погода день в день: ночью мороз и тихое солнечное утро с настом, иди во все стороны. Днем разогревает, и снег быстро уходит «под себя». К вечеру разыгрывается губительный для тяги северный ветер, приносит на ночь мороз. Ночью вода в земле замерзает, лед проделывает в земле ходы для стока воды (об этом говорят крестьяне: «мороз выжимает воду»). Весна выходит изморная без паводка.

Эрн выставляет против социализма факт смерти и это у него выходит нехорошая защита христианства. О смерти вообще неприлично говорить в упор и ею аргументировать, как нельзя говорить о покойнике в доме, где он лежит. Нельзя вообще возвращаться к прошлому, в котором открыты пути победы над смертью: эта борьба со смертью дело личное, каждый борется со смертью в меру его личных особенностей. Поэтому не смерть надо противопоставлять социалистическому раю, а творческую личность, одним из свойств которой есть борьба со смертью и ее преодоление. Мы должны жить и мыслить так, будто смерть уже потеряла свое жало над нами, а не упираться в нее и не спугивать ею радость жизни. Социализм в этом отношении со своей жизнерадостностью ближе к христианству чем те, кто страхом и неизбежностью смерти пытается остановить движение человечества к царству личной свободы в духе. Наше время требует проповеди той же радости жизни, как социализм, с той разницей, что носителем этой радости становится не аморфная

человечина, а личность, рождаемая Христом в человеке и продолжающая свое развитие в Духе: творческая личность.

– Скажи мне, Ляля, если я вижу сейчас после зимы долгожданный свет, лучами проходящий от солнца в нашу комнату, и радуюсь ему, и прославляю Творца, как ты примешь нашего гостя, который предложит воспользоваться этим светом, чтобы разглядеть при нем «наши прегрешения». Конечно, ты выгонишь вон моралиста и в благодарность за свет, посланный в нашу комнату, поставишь выше углубление в себя с целью расширения своего нравственного сознания. С этим расширением в момент прихода света я должен покончить, я должен быть посредством того готов к радостному восприятию света. Вот почему, я думаю, в наше время старцы, проповедующие грех, как исходный культ сознания и страданье, как очищение души, не могут иметь никакого успеха: время этих пророков прошло.

20 Апреля. Опушками стало можно ходить по земле и проталинкам, так я сегодня прошел довольно много в то время, когда утреннее солнце разогревает лед. На пестром поле всюду под горячими лучами слышался треск льда на лужах. Так дошло и до зайца, возле него треснуло, и он заковылял полем к лесу.

Но я все еще не мог прийти в себя, все еще после страшной Москвы чувствую радость жизни как бы по привычке, как бы где-то на стороне...

Среди дня ветер обернулся на южный и к вечеру стих. Выходил к питомнику послушать токованье тетерева, в болотце возле меня перекликались журавли, в лужице уркнула и затихла несвоевременно лягушка. За соснами сквозь ветви горела заря и бесчисленные красные лужицы на поле отсвечивали красным.

Ночью ковал весенний слабый мороз. Я просыпался и думал об Анне Дмитр., что она превратилась в ворону и, крылатая, вороньим носом своим таскает огромные дрова на гнездо. Ясно видел соблазненного Федора Куприяновича в его дикой родне и проводил параллель между ним и собой: он с губернаторшей, я с деревенской женщиной (бабой). Я думаю в пользу себя: че-

рез деревенскую женщину я входил в природу, в народ, в русский родной язык, в слово, а он через губернаторшу уходил из природы, и природа родная при поездках на дачу наделяла его образами, искаженными всякой нежитью.

Что же из этого? А то, что сколько ни рассуждай, ни загадывай, а придет час, если только не случится худшего – свой час совсем не придет! – придет час и бросишься непременно вслепую и тут тебе будет суд почти что Страшный, потому что судиться будешь не ты один лично, а с тобой родители, деды, прадеды твои, весь корень твой будет вывернут из земли, и ты лично будешь за всех отвечать и будешь оправдан и признан, или же отвергнут и разделен с целым и отлучен.

Тогда похоже бывает, что душа при жизни, здесь у нас на земле попадает в чистилище и для этих отлученных опять расходятся пути: один путь прозрения в грехи свои – я виноват! и преодоления смерти, другой путь самообмана и подмены себя самого – это путь гордости и насилия прежде всего над самим собой. Такой человек в бездне души таит себя самого: образ этому состоянию – дно горящего ада, а поверх ада господствует злая воля непокорного демона.

Все эти образы взяты и вписаны мудрецами в священные книги и все совершается не сразу и где-то, а наполняет нашу повсеминутную жизнь.

Вот при мимолетном разговоре во время дневного хозяйствования мать ошибочно сказала дочери о пороках ее вместо недостатков.

– Как пороки, – возмущается дочь, – я не из пороков исхожу: у меня есть недостатки, но пороков нет, я дневная женщина!

Разве это она сама говорит, лично за себя? Нет, это слышится голос, полученный уже после суда над собой, или же еще суда до себя, с получением наследственной грамоты непорочной природы.

Есть, наверно, такая грамота, и борьба таких обладателей состоит в отстаивании своей чистой природы, в отклонении от себя пути греховного самоистязания, в отстаивании бытия чистой природы – плоти, единой с телом.

Вчера еще ветер начал меняться и сегодня дует знойный с юга. Лучи добивают остатки снега. Река продвинулась, и лед собрался, сдвинутый у мельницы. Рыбаки сказали, что щука вот-вот. И все готовятся к бою. Вальдшнепов не слышно, возможно, был не на месте. Слышал перекличку сов, журавлей, куропаток, видел... летящих уток и выпрямился весь изнутри, сбросив московский грипп.

В народе простом внедряется полнейшая уверенность в том, что война подходит к концу. Мы же только, сделав умственную поправку на обман (что-то вроде перестраховки) допускаем возможность продолжения войны и после этого года. Посмотрел на Лялю, а она лежит и улыбается. – Чему ты улыбаешься? – Довольна, что у нас довольно запасов. – Общее мнение, что Москву хотя и будут бомбить, но это будет лишь маскировкой, а что немцы готовят главный удар через Турцию.

21 Апреля. Благословенная определяется погода. Я не записал в этот день ничего и теперь, в четверг, ничего не могу вспомнить.

22 Апреля. Опять ясно, тепло и тихо. Снег кое-где лишь белеет. Все прибирается, и хоть с каждой чистой горушки яички катай (это из детства вспомнилось, так мы понимали «красную горку»). Кононов не приехал, и решили собрать на завтра Мар. Вас. в Москву. А тут Ляля опять прихворнула горлом. Произошло большое расстройство.

Отправили Перцову «Голубую стрекозу» и «Город света».

Второй вещью она долго восхищалась, говорила, что так о Петербурге никто не писал[108], но когда я написал Перцову резкое письмо с намеком на Фадеева (Финтифлюшкина), объяснив ему, что Финтифлюшкин в моем «Я» понял себя, то она вдруг переменила мнение о вещи и упрекнула меня в двух неприятностях, которые причиняют ей мои писания: 1) что я не считаюсь со средним интеллигентом и пишу непонятно, 2) что я пишу о себе и это нехорошо – писать о себе.

Принципиально я отверг ее обвинения и сказал, что я всегда пишу только другу и не считаюсь с «читателем»[109] (хоть пропа-

ди он), второе, что я не о себе пишу, а о том своем «я», которое живет в моем друге.

Но ввиду правдивости Ляли я признаю теперь, что, наверное, в этом «я» у меня бывают провалы и я, желая писать с точки зрения «я» объективного, пишу о «я» индивидуальном.

Это может происходить от следующего:

1) от подмены невольной читателя-друга просто читателем,

2) от подмены большого «Я» своим маленьким, индивидуальным[110].

В том и другом случае происходит паденье, от которого, конечно, нельзя избавиться внешними приемами, т. е. заменой этого маленького «я» каким-нибудь «он» или «она», Иваном Ивановичем или Анной Ивановной, как делают завзятые беллетристы. Нечего уж и говорить о замене друга читателем.

Я удивляюсь, как Ляля не может понять это паденье и разбирает с внешней стороны. Я думаю, что ей просто «не хочется думать», как, например, вдруг не захочется читать Достоевского или позаботливей, почище переписать рукопись. Ей вообще не хватает трудовой дисциплины, а силы ее обычного вдохновения иногда изменяют. Возможно, и мое это паденье происходит от тех же причин.

23 Апреля. Весь горизонт по утрам в баюкающих звуках тетеревов, которые разрываются журавлиными криками и солнечными лучами. И понял я, что как теща – это весь женский мир, что теще так и надо быть такой, а Ляля унижается и ее надо спасать, и как только будет возможно, так и вытащу, а то постепенно вся наша любовь зарастет тьмой горьких истин и станет обманом. Так и сорвалось у Ляли с языка в отношении меня: – Я бы могла наговорить много горьких истин. – А я в этот миг с ужасом подумал о приближении обмана. А в лесу вечером прямо решил, что только сила (усилие) выводит любовь из обмана. Я думал о творческом усилии для избранных и о палке мужа для всех.

Так вот и в немце русский народ теперь ожидает палку, а творчество жизни... какое у нас творчество.

24 Апреля. Солнце смотрело сквозь облака темные, влажные. К вечеру собрались облака, затянули все небо. Певчие

дрозды и разные птички по-весеннему распевали в ожидании дождика. И стоило только какой-нибудь птичке тронуть веточку березы коготком, на этом месте из сучка выкатывалась белая блестящая капля сладкого душистого березового сока. Бывали такие березы, на которых капель много блестело, как будто после дождя, – и так много пело на них зябликов. К вечеру же и вправду пошел ровный теплый весенний дождь, и все березки покрылись крупными светлыми бусинами, и сквозь каждую капельку виднелась набухающая почка. Несмотря на дождь, всюду старались скворцы, и прорывались песенки то певчего дрозда, то зяблика.

В 12 дня мы выехали с Кононовым в Слободку. Заехали в Городок попытать счастья на бензин у «майора». Ничего не добыли. И с продуктами в РИКе* плохо было. В Слободке зверем встретил Жарич, и как певчий дрозд распевал Кирсан свою старинную вечную песенку о натаске собак. Жарич живой пример ущемленного человека, Кирсан – широкой охотничьей души. Только опять-таки тут дело не в охоте, конечно, а в самой душе: немцы ведь тоже по-немецки охотятся – без всякой души, ради спорта, здоровья.

25 Апреля. Охотхозяйство на озере Ватутинском.

Утро началось сплошным туманом, сквозь который слышалось пенье скворцов и дроздов. Потом пошел дождь до вечера. Теперь стоит весна как весна. Планы на Слободку рушились в самой основе своей, первое в том, чтобы закрепиться в положении на случай эвакуации: у них две хороших лошади и разбитый грузовик; второе же, переехать сюда, чтобы спастись от малярийных комаров, это оказалось в связи с трудностями отрыва от очагов продовольственного блата прямо нелепостью. Так мы ни с чем и уехали, и в Переславле пока ничего не достали и вернулись домой несолоно хлебавши.

Теща про себя все думает о картошке, хлебе, луке, пшене. Я думал о евреях, которые тысячи лет были в таком положении

* РИК – районный исполнительный комитет.

и по-своему как-то из него вышли и стали фактическими господами мира. Но они вышли, потому что были воинственным народом и благодаря школе терпенья заменили войну господством интеллекта (та же война).

26 Апреля. –6°. Капли вчерашнего дождя на березках превратились в прозрачные, «чистейшей воды» стеклышки.

Отправил Кононова на своей машине добывать масло, сыр, патоку и картоф. муку и творог. Хорошо, если хоть творожку привезет.

Продолжаю думать о еврейском положении господства над миром нечистыми средствами людей, познавших зло мира. Вот в том-то и дело, что из тяжелых испытаний народы, как и личности, выходят по-разному.

27 Апреля. Утром из желтой зари встало солнце, частые тени сосен пробежали к окну. И скоро между тенями на солнечном луче блеснул изумрудный свет, – это был свет от первой капли тающих кристаллов мороза золотого утра, это была первая роса на первой зеленой травинке <*зачеркнуто*: этого нашего> страшного года.

Происхождение власти. Мар. Вас. послали в Москву по своим делам, Кононова на масляный завод, Алексей Мих-ча – за картошкой и т. д. Одним словом, я распоряжаюсь, и люди мне делают. Я же как писатель, своего рода кустарь, до того привык делать все сам для себя и не пользоваться услугами людей, что чувствую теперь удовольствие от легкости жизни. И догадываюсь, что может быть в этом-то чувстве облегчения, освобождения от прямого труда и заключается мотив погони за властью.

Точно так же на другой стороне, у непосредственных работников земли, крестьян намечается всеобщая тяга ухода от этой работы, как самой тяжелой.

Вот отчего все советское время России можно понять, как уход от земли к власти.

Два полюса было в советское время: власть и земля.

И вся страна превратилась в страну чисто бюрократическую.

Мой друг всего боится и находится в вечной борьбе со своими страхами, начиная от страха смерти, кончая страхом перед возможностью, что Нора задавит соседскую курицу. Я чувствую в себе три возможности борьбы с этими страхами: 1) это борьба душевно здорового человека, как делают все в частных случаях, 2) прекращение страха путем равнодушия к самой жизни (буддизм), 3) борьба с помощью Божьей.

Зеленая весна начинается зеленением моха от света: этот мох является гранью между весной света и весной зеленой.

Человеческая любовь начинается всегда в Духе, если это только не любовь чисто животная. Потому влюбленный видит не то, что все видят: он видит только свое. Это состояние его похоже на «Дух Божий» носился над бездной. Только мало-помалу хаос возлюбленной устраивается и появляется ее образ – более понятный для всех... Это к тому, что я почти совсем даже не помню, какая была Ляля вначале и как постепенно начал складываться ее образ (обличие).

Внимание само по себе есть пассивное состояние? Нет! именно активное, и это подчеркивают, когда говорят: он обратил внимание, или он принял во внимание. Вот почему внимание есть основная сила творчества.

Дать слово этому чувству радости, возникавшему в нем на восходе солнца: он понял, что так по-своему он молился всю свою жизнь, что это самое и есть то, что называют молитвой.

Теперь только это понял вполне, и как делали все хорошие предки его, просто стал, сложил руки (по совету Ляли тут надо изобразить первый лепет детской молитвы «Отче наш», воспоминание детских слов молитвы с открывающимся смыслом: а какая же еще есть молитва? Вспомнилась «Богородица», и тут в глазах опять блеснула изумрудная росинка на первой траве).

Прочитал свои детские молитвы и поблагодарил Бога от всей души за данное счастье жизни, за посланных ему чудесных людей. После того он просил дать всем этим людям такой же утренней радости, которая дана ему, и здоровья. А потом он

вспоминал милых умерших, собрал возле себя всех родственников и не-родственников, православных и не-православных христиан. Тогда было ему так, будто он остановился на какой-то вечной минуте, как на высоком холме, откуда сама смерть прикрылась туманом в нижней долине – и хотелось удержаться так навсегда. – Спасибо тебе, Господи, за все, – закончил он так эту свою утреннюю молитву, и, взяв ведра, пошел за водой.

Дорогой Александр Михайлович! Мы получили Ваше письмо, и я очень обрадовался, что у Вас все вышло легко и просто, как и у меня. Вспомнилось, как трудно и невозможно было нашим ученым современникам совершить этот необычайно простой поступок, разрешающий все сомнения. Все сводится, конечно, к форме, отвечающей живому чувству жизни: нас пугала традиционная форма, спугивающая живое чувство. «Не в том дело» – была у меня первая мысль, когда живое чувство было поставлено перед необходимостью своего закрепления в вечном (форме). Влияние Валерии Дм. в этом отношении было мне, как откровение, и потому-то и вышло все так просто. Мне было радостно узнать из Вашего письма, что тем же путем и вы разрешили свои сомнения и колебания. Только мы должны знать, что в этом влиянии свободном, как Дух, скрывается страданье личности, именно тем и действительное, что скрывается, благодаря чему все у нас и выходит так просто и «само собою». А может быть, на этом сказывается и время новое с новой формой наших сокровенных чувств современного человека, заслужившего своими неизбывными страданиями оправдания естественной радости жизни.

28 Апреля. –5. Сев. ветер.

Продолжаются ночные морозы, днем солнце и северный ветер. Заметно начинает на земле кое-где зеленеть. Это была сухая весна, и реки незаметно прошли. Эта длительная остановка весны такая, что рыба не бежит к берегам, птица в лесу не поет, действует на душу так, что становится хуже, чем осенью. Там, осенью, самое умирание принимается в гармонии с вечностью. Здесь насильно, нелепо, бессмысленно остановленная жизнь преграждает путь к вечности.

– Давай обнимемся покрепче, – просит Ляля, – возьмись за большой свой труд, в котором исчезнет твоя печаль, стань на этот твердый путь.

– Я бы стал, моя дорогая, но там исчезает интерес ко всему земному, а я художник, моя задача земное мгновенье сделать вечным. Мне нужен этот мост к вечному.

Бедная Ляля, смешалась, потому что это правда: на том пути не нужны художники. И осталось одно утешенье, надеяться, верить, как все живут теперь надеждой и верой.

Вспоминается разговор мой недавний в Переславле с майором, возможно, это был сам начальник НКВД. – Вы что теперь пишете? – спрашивает он. – Я пишу, – ответил я, – только не удивляйтесь, не для войны, а для мира. Война пройдет: я не могу писать для преходящего. После войны будет мир. Так вот я для того мира пишу[111]. – Почему же вы думаете, что я удивляюсь, ваша мысль большая и верная. Война пройдет, книга останется. Вот и я тоже был учителем...

На Кривяке (из поездки на Слободку) С. И. вышел подправить дорогу. Шел дождь. Мокрый сарыч сел на телеграфный столб. К нему подлетела ворона и начала его сверху пугать. Он подымал голову, чтобы она, если захочет его клюнуть, встретила его клюв, а не череп. Ворона, это понимая, залетела с другой стороны, и он все вертел головой, не желая слететь. Наконец, это ему надоело, и он поднялся, и она полетела за ним, то паря над ним сверху, то вздымаясь снизу. Проводив почти до незаметной точки, она вернулась к лесу, куда-то к гнезду. Это время такое. Каждый день, выходя из дому, видишь, какая-нибудь мирная птичка, иногда совсем маленькая, и гонит огромного хищника.

Вот время какое бывает весной – когда же, наконец, такое время настанет и у нас, людей?

У Достоевского герои не «типы», а личности. Что есть тип и кто создавал в литературе типы? И что есть личность?

Из Достоевского. Из «Бесов» Достоевского, из Кириллова[112], что жизнь любить подло, человек живет страхом боли (смерть)

и того света. Так и аскеты думают, и у них умерщвление плоти, а у Кириллова самоубийство.

– Извините, – сказал я им, – табак не захватил, отвыкаю. Чувствую вред оттого, что трудно удерживаться в мере: закуриваюсь. Теперь курю только после еды, в день пять раз и табак отдаю жене.

– А если жена умрет? – спросил N.

– Другую возьмет.

– Другую, а другая та может быть сама будет курить.

– Значит, другую нельзя, незаменимая хозяйка ваша жена Валерия Дмитриевна, хозяйка – во! (показал большой палец). – На все сто! Нет, ее не заменишь.

С этим согласился N и раздумчиво закончил разговор:

– Конечно, не курица, той отрубишь голову – воскреснет другая. А человека так нельзя, люди есть незаменимые.

29 Апреля. Пасмурно. Температура под нулем. Порошит. Но ветер переменился.

Можно ли спрашивать Кармен[113], кого из своих любовников она больше любила. Каждого, кто был в настоящем, она больше любила, и этот каждый был ее «настоящим». Сама Кармен – это свидетельство настоящего в его вечности, и ты, герой, потому только ты и герой, что, разбивая самую текучесть времени, останавливаешь и уводишь в бессмертие священное мгновенье жизни. И Хозе потому не герой, что требовал брачной верности от Кармен и тем самым делал ее собственностью, и священное мгновенье свое вводил в счет бытового времени и через это сам себе строил смерть.

Кармен понятна всем и священна именно тем, что составляет святое святых мелькающей жизни, вызывающей героя. Возьмите почти любую проститутку, и вы найдете в душе ее любовь к единственному, вызывающую из толпы потребителей ее тела героя. Не она виновата в том, что избранник ее превращается в «кота». Вот именно она «падает» не тогда, когда отдает свое тело за деньги прохожему, а когда, поняв в своем герое «кота»,

закрепляется в тирании его, а может быть и формально делается его женой и восстанавливает буржуазную честь женщины.

Человек из подполья тем именно и противен нам, тем именно он и есть чертенок, что не хочет двигаться вперед в творчестве священного мгновенья, а требует от возлюбленной подчинения своим претензиям на признание своего места в бытовой жизни. Человек из подполья означает сопротивление материи преображающей силе духа. А бесы Достоевского вышли, конечно, из этого подполья.

30 Апреля. За ночь навалило снегу, все бело. Только с полдня стало таять и к вечеру все растаяло и потекло. Есть надежда, что совершился переворот на тепло.

Пробовал записать в подробностях «ночь и утро» писателя-орденоносца накануне 1-го мая и не мог: подробностей этих – одних бумажек о масле, твороге, о болезни жены, об акрихине, о лимите на бензин и пр. и пр. такое множество! как будто жизнь, ее великая мысль распылилась на тысячу бумажных бесов, и все они в суете закружились. Так было в голове, а на улице носились снежные вихри и засыпали по-зимнему землю. Я не мог записать, это незаписуемо, как сновиденье.

Жизни этой записать не могу: весь потерялся в подробностях и при встрече этого материала с собой мыслящим получается то же, что когда проснешься и вспомнишь сон в подробностях, все помнишь, а записать невозможно.

Вечер перед маем вышел очень тихий, но морозный, птицы молчали. Холодно, торжественно и пусто.

1 Мая. Морозное ясное утро. Тени сосен прибежали по морозу к окошку. Через форточку проникает пенье тетеревов. Я представил себе Лялю у себя на родине среди всех этих людей, описанных в «Кащеевой цепи». Вот бы поднялась кутерьма!

Утро ясное, тихое, звонкое. В лучах солнечных сверкали прозрачные, как слезы, замерзшие капли на березах; эти капли были от растаявшего снега, выпавшего прошлой ночью. Сквозь эти капли виднелись уже зеленеющие, но пока еще не раскрытые шильца почек. На моих глазах капли таяли и падали.

После того я пришел домой, все еще спали, и я потихоньку взял бидон и пошел за молоком. После этого пойду на площадку по все тем же житейским делам, и так до обеда. А между тем все это, противное моей натуре, выходит просто и естественно: так надо.

И я, вспоминая далекое время толстовщины и всяких исканий, понял, что эта жизнь моя, полная необходимых забот, в то время была предметом исканий и зависти.

Именно же за этим, за исканием себя в себе, того себя, которое у всех есть – у крестьян, которым так хотелось подражать Толстому, у рабочих, в семьях дворян, у купцов в их быту.

Свое же «я», определенное делом и естественной необходимостью, было предметом исканий, и жизнь такая на стороне была предметом соблазна, преломляясь в лучах будущего, необходимого и должного.

Все эти возникающие идеи, образы, правила, стремления были неоспоримо верны и в то же время бесспорно неверны только потому, что отсутствовало это «я в себе», свойственное всякому живому существу.

Моя поэзия пришла мне, как утешение, и была в какой-то мере началом удовлетворения этого «я в себе». Но именно удовлетворяла не сама по себе поэзия, а поскольку она соприкасалась с какой-то подпочвой, питающей это всеобщее «я в себе». Не то удовлетворяло, что я занимаюсь поэзией, а то, что поэзия ведет к этому «я в себе», сосредоточенному во всех областях человеческой деятельности.

Имея это в виду, только и можно понять, почему Фет мог забросить на двадцать лет поэзию[114] и заняться сельским хозяйством: наверно он и в хозяйстве удовлетворялся этим «я в себе», представляющим жизнь во всех ее формах.

Вечером ходил на Красный луг, болото, типа «чистиков», в круглой березовой приболотице. Везде мокрота по колено, посидеть можно лишь на стожарах[115]. Утки парами поднимаются, кружатся, опускаются и скрываются в рыжем. Много чибисов, летают, токуют «у-у-у» и пищат «чьи вы?». Непрерывно в воздухе белеет «божий баран» (бекас), часто, сложив крылышки ижицей, садится на глазах. На высокий шест стожарины сел

канюк. Слетелись семейные вороны, пять штук, уселись внизу на стожарине, обдумывая военные действия против хищников. Он сообразил это и улетел. А вороны зачем-то все пять, одна за другой пошли, удивляя тем, что, значит, можно ходить по мокрому, где человек влезает по пояс. Они довольно прошли, пока не поняли, что идти бессмысленно. Тогда две сцепились с криком и после драки улетели, и все разлетелись по гнездам. Перед закатом прилетел косач-токовик, долго сидел, оглядывался, собирался и, наконец, забормотал. Трубили журавли. Вышел огромный красный месяц.

Я вошел в привычный, близкий и вечный круг, как мне казалось, круг природы, доступный только охотникам. На минуту опечалился, что, может быть, с этим придется расстаться и уехать на Кавказ, но, подумав о Ляле, решил, что ничего: в моем чувстве к ней все это содержится и никогда и нигде не умрет. Когда на обратном пути вышел из лесу, схватил на поляне какое-то движение, быстро наклонился к земле и вывел на фон огромного красного месяца бегущего зайца.

Вчера один колхозник, муж Юлии Бр., сказал, что теперь всем стало ясно: воюют две партии, одна наша, за революцию во всем мире, другая фашистская – за новый порядок. Так даже и у простого человека явилось ясное понимание «большой» войны.

Раздумывая о революции и порядке в истории, я почему-то вспомнил «Горе от ума»[116], где схематически обе идеи представлены в «типах», явно пристрастных в пользу революции. Подумалось, что может быть и все эти схематизированные фигуры комедии, их неподвижность, мертвенность были следствием революционной преднамеренности, точно так же, как все образы, выношенные в советское время, начиная с непостижимого для художника «пролетария».

В результате же рационализирования жизни, свойственного всякой революции, порождается бюрократизм, бумажное рабство и все прочие прелести. Наша революция, не в пример французской, все это довела до конца. Самое же главное, что мы узнали, это внутренне присущий революции соблазн и обман простолюдина возможностью всеобщего счастья на земле.

И самое отвратительное – это сознательная переварка доверия в господство одного человека над другим во имя будущего. Может быть, так и всегда было и так вообще создается в обществе «порядок», но...

2 Мая. Вчера на Красном лугу услыхал первое урчанье лягушек, сегодня к вечеру разглядел тонкие зеленые трубочки, вышедшие из берез, из их шоколадных почек, и услыхал первое084кукованье. Впервые понял, почему в народе считается недобрым знаком, если кукушка прилетела на голый лес. Это потому, что неодетая весна вся наполнена надеждами на радость, а прилет кукушки означает конец неодетой весны: не успела начаться и уже кончилась.

Глубокая, схороненная в любви к Ляле тоска проникла в меня, и так без сна в горьком раздумье о пустяках жизни я встретил зарю следующего дня.

3 Мая. 4 градуса. Восход солнца был розовеющим и краснеющим пятном сквозь голубое. Я смотрел на него, и трепет радости пробегал у меня по жилам, и я был уверен, что выбьюсь скоро из мелких забот и на все буду улыбаться с большой высоты.

«Поэт в душе». Раттай – это карикатура на Дон-Кихота, как Дон-Кихот был карикатурой рыцарства. В свое время Раттай сообразил, или живой опыт научил дурака уму: что гораздо легче, удобнее, приятнее служить образу женщины, чем ей самой. Живая женщина болеет, стареет, капризничает, за ней надо ухаживать не когда хочется, а когда надо. А за образом всегда можно ходить по желанию и в благородстве.

К вечеру наклюнулся теплый дождик в редких капельках.

4 Мая. Дождь мелкий и частый, и теплый, а сквозь дождь вверх из трубы поднимается синий дым, из трубы нашего дома, и небо остается от дыма как небо (не сереет от синего дыма), и от этого первого дождика везде земля зеленеет.

В бору все еще видна целая сеть нападавших за зиму на снег и теперь осевших старых игл, множество мелких опустошен-

ных шишек, сучков, заячьих шариков, но и мох и трава зеленеют, и скоро все прошлое этой зимы будет закрыто зеленой травой. Так и у нас, у людей. Теперь даже и не ждут конца, а просто уверены в нем, значит, что больше нечего дать на войну: все! и дальше некуда.

Когда теряется в жизни подсознательно живущее в нас чувство смысла и уважения к ней, то выступают подробности, которые невозможно связать. Мало того! может быть дело не в смысле даже, а в «тайне», окружающей этот смысл, потому что обнаженный смысл времени теперь всеми сознается: борются между собой идея желанного нового порядка и какого-то немедленного, и темное чувство разрушения, заключенного в формулы марксизма, в конечном далеком разрешении которого, приводящего, впрочем, тоже к порядку. Если же перевести это на язык исторической церкви, то одна партия, фашистская, «новым порядком» своим стремится устроить лучшую жизнь немедленно здесь, на земле, другая партия, большевики, лучшую жизнь откладывает в будущее, но только уж эта будущая жизнь представляется им, как земной рай.

Только к самому вечеру дождь прекратился. На ночь, как обыкновенно, мы улеглись. Ляля начиталась моего дневника тяжинской эпохи и уверяла меня, что эта, записанная мною наша жизнь по содержанию своему превосходит все поэтические и психологические догадки Гамсуна и Достоевского. Я верю в какой-то верный Лялин критерий и думаю, что она права, но только это «превосходство» отношу не к таланту своему, а к особой моей вере в жизнь, вере может быть простака в то, что в жизни содержится «всё». Если бы не эта вера, я бы мог сделаться замечательным поэтом и романистом, но эта вера приковала меня исключительно к своим личным переживаниям: я работал по своему дарованию, как художник, а по вере и честности – как ученый. Очень возможно, что эти записи в том виде, как они есть, ценнее, чем если бы взять их как материал для поэмы: никто не может создать такой поэмы, которая могла бы лучше убедить в ценности жизни человеческой, чем эти записи.

Думая об этом, я обратил внимание на то, что мы лежали в объятьях при полном единстве души и тела, исключающем всякий обычный разлад мужчины и женщины, в полном единстве, без малейшего чувства греха и стыда. – Вот наше достижение, – сказал я. – Как будто все пережитое скоплялось, сводилось к достижению этого единства человека, – ответила она. – Наверно мы не одни так, – ответила она. – Наверно мы не одни так, – сказал я, – есть и другие, достигающие этого. – Конечно, есть! – сказала она, – только на это не обращают внимания, а именно в этом и есть Песнь Песней.

В чертах Ляли иногда складывается детски чистая и полная доброта, которую в это время постигаешь неистощимым источником верной мысли. Это, вероятно, и есть та самая «любовь», о которой все говорят без понимания, определяющая качество мысли. Вот это-то и надо было в ней понять, чтобы с ней соединиться (Олег это понимал один), понять сущность самого брака, как путь любовного единомыслия, в котором рождаемое третье <*зачеркнуто*: именно и рождается от Духа Свята и Девы, все равно>, пусть это будет дитя человеческое или качественная мысль (образ). И это общий закон жизни, а то почему бы по всеобщему признанию именно в младенцах виден бывает лучший образ человека. Именно этим образом и должно определяться направление нашей человеческой культуры.

Бывает, мелькнет в душе, как при вспышках цвета какого-нибудь на свету в алмазе: мелькнет, и душу свою повертываешь разными гранями к свету, чтобы увидеть на мгновенье мелькнувший цвет. Это грань души дает уверенность в том, что если удастся установить эту грань, то на всякий страх, на всякую возможность тревоги, на всякий ужасный случай можно ответить из себя совершенным спокойствием вплоть до встречи со смертью. Поиски этой грани таят опасность развития неверия и равнодушия к жизни (буддизм).

5 Мая. –4, сев-вост. ветер.

После обеда валом валит снег, вечером зимний ландшафт при том же морозе (не утренник, а «вседневник», майский все-

дневник). Вчера Ляля взялась, было, за дневник наш, и в меня начала вливаться и трогать мою душу волна желанного мира. Сегодня она, как встала, так и до ночи, забыв о начатой работе, перекладывала с матерью сундуки. – Ты понимаешь ли, – отвечала она на мои прозрачные намеки, – что во всяком хозяйстве женщины делают сезонную работу. Зимние вещи у нас лежали наверху, теперь мы зимние вниз перекладываем, а летние вверх. Но я плохо мирился с этой необходимостью все на свете делать запоем, как будто нельзя выделять какие-то часы для ежедневной работы и не зарываться с головой в тряпки. Это ее основной порок, она не воспитана дисциплиной умственного труда, или как мать дисциплиной домашнего хозяйства. Только вечером в постели мы стали разговаривать по душам, и темой разговора было у нас религиозное чувство добра и зла, любви, если понимать любовь, как творческую победоносную борьбу добра со злом. Она утверждала, что любовь, как нравственное начало жизни человека, неотделима от чувства Бога, что если без Бога любовь, то это не нравственность, и без моральной основы не может быть чувства истинного Бога и что нравственное чувство и религиозное разделяют только люди, наученные религии.

– Чувство добра, – говорила она, – есть человеческое чувство Бога.

– А разве может быть нечеловеческое чувство Бога?

На этом вопросе кончился наш разговор, она повернулась спиной, уснула, и как провалилась куда-то. Так она всегда спит, будто проваливается, я же сплю, не разрывая вполне связь с миром. Свой сон такой она считает пороком. Это не сон, а забвенье всего, выработанное борьбой жизненной, как самозащита.

Я же все думал о возможности чувства Бога по ту сторону добра и зла и находил это в себе, как чувство природы, в котором дается, что и до человека был Бог, и раньше человека творил Он, разделял сушу и воду, населял формами тварей, из которых в едином вдохновении был собран весь человек.

Вот это чувство Бога сущего до человека, Который был первее человеческой борьбы со злом за добро, и есть мое основное чувство добра, включающего в себя обязательно и красоту.

После, когда я ей прочитал это, она сказала: – Ты не понял меня: я хотела сказать, что, конечно, Бог-Отец существует, и может быть и всякая тварь содержит в себе Бога, как Творца. Но я лично чувствую Христа, во-первых, как Бога мне более доступного и близкого в добре, а во-вторых, более совершенного: после Христа, которого с детства чувствую и знаю непосредственно, всякое другое отношение к Богу меня мало трогает: все это – для меня «пан».

Ляля уверена, что обладает сильнейшим чувством природы, и я сам видел, как она чувствует себя в лесу, будто в храме, и в поле поднимается душой к небесам. Но она ничего не знает о природе и ни одну тварь не может заметить отдельно и назвать своим именем. Я же… (эту тему надо развить).

Читаем «Бесы». Думаешь о П. Верховенском, что бедствия человеческие в том, что религия, искусство, наука попадают в руки прозелитов (масс). Отсюда социальный вопрос решается в двух планах: 1) аристократия («совет мудрецов» в идее, гибнущий от рода), 2) человек вообще и [отдельный] человек (демократия, тоже погибающая от рода, т. е. множимости и последующей механизации). Все это от века веков. Теперь все сошлось на диктатурах, так или иначе устраняющих временно окончательное и мгновенное разрушение культуры массами.

Культура – это собирание любви человеческой в Боге. Вынуть Бога – и все разрушится.

7 Мая. –6. Солнце.

Северный ветер. Трава от мороза белая. Вчера вечером мы решили так, чтобы Ляля из моих записок делала книгу нашей любви[117]. Во время длинного разговора об этом, я чувствовал на себе лучи ее добра и через это был в чем-то большом уверен и прямо знал добро жизни, как оно есть.

До встречи с нею в глубине души не верилось мне вообще в объективное добро, и любовь, как движущая сила жизни, была непонятна мне. Но я хотел этого, я об этом писал, я это создавал, и моя уверенность в существовании всего этого, о чем я пишу, подтверждалась только друзьями-читателями. Стоило кому-нибудь написать обо мне дурно, как я начинал во всем колебаться.

Все это мое хорошее желанное добро в красоте определилось впервые как реальность, как необходимая сущность, мною ощутимая, осязаемая лишь, когда она, этот «друг-читатель», пришла ко мне. Она же все это знала и до меня (через Христа непосредственно, как личность). Вот почему она и представлялась всегда в чем-то главном выше меня и как неиссякаемый источник.

Теперь понимаю борьбу моего чувства природы и почему я знаю каждую тварь в природе, и понимаю через себя самого, а она и знать этого не хочет и мне всегда кажется, не стоит и учить ее этому.

8 Мая. С утра при морозе валит снег, вот так май. Принесли подшитые валенки: это Ляля готовится к зиме. И вообще, мы теперь перенесли хозяйственную заботу на зиму.

Начинаю выходить из этой атмосферы трагического легкомыслия всеобщенародного, что война должна кончиться в мае: «или мы, или они». Начинаешь понимать перспективу будущего в длительном изморе: если немцы возьмут нас, то вынуждены будут нас морить, пока сами не изомрут. Если же мы устоим, то будем сами себя морить.

Ляля взялась из моих записок строить книгу «Михаил Пришвин в записях и высказываниях, собранных Валерией Лиорко». Необходимо выработать форму для интимных высказываний.

Передумываю разрыв с Е. П., собирая все за нее, и все это разлетается о стену ее безумного выступления.

Мне дано понимать мораль только через красоту, прямо я ничего не понимаю. Форма или практическое дело мне кажутся необходимыми коррективами нравственности. Форма для меня определяет и оправдывает.

Митраша – идеалист и И. И. Фокин – материалист, и их движение вперед под воздействием наших событий.

Начал писать историю моего романа.

9 Мая. Еще вчера вечером почуялось потепление. Послышалось в лесу кукование. Сегодня утро солнечное, тихое, но, кажется, легкий мороз... На восходе мороз разросся и остался. Солнце скрылось, подул ветер и опять снег.

Плохо и хорошо, что память у меня хорошая, исключительно есть только на самое главное, а подробности, годы, всякие цифры выпадают, и когда пишешь, то о подробностях надо выспрашивать, как говорят: собирать материал.

Вот сегодня мне пришла мысль о том, что в Ельце старые купеческие фамилии были двойные, наша фамилия Пришвиных на улице превращалась в Алпатовых. Хорошо знаю, что Лавровы и Горшковы, и Ростовцевы, и Хренниковы – все были в двойных именах, но вспомнить их не мог и рыться негде: все архивы мои Елецкие погибли во время нашествия Мамонтова. Но это неважно: мне ясен смысл этой двойственности: первое имя – это имя тому, каким ты родился, а второе имя – это уличное, это каким ты представляешься людям. Имена всех наших героев романов – это все имена уличные.

Значит, двойные имена: это род (первое имя) и второе – легенда (слово). Пришвины – род. Алпатовы – это люди говорят о Пришвиных. Так что если Пришвин – в Ветхом Завете, Алпатов – в Новом, то Михаил мой находится уже в третьем этаже; и если сличить его жизнь с тем, что говорят об Алпатове и что есть Пришвин, может совсем не сойтись, и профану показаться совершенным враньем.

Переработать отношения между людьми в отношении к Богу – вот дело христианское и вот это все.

10 Мая. Потеплело чуть-чуть. После холодов и этому очень обрадовались. Когда же будет тепло? Разработал вступление к роману, как борьбу за имя.

Кончил «Бесы».

Вся жизнь русского народа выразилась в двух ее пророках: Достоевском и Толстом.

В «Бесах» «общее дело» вскрыто как личное дело властолюбцев. Властолюбие как сила греха. Истоки властолюбия самообман. Результат самообмана «общее дело».

Раздумывая о «порядочном обществе» тещи, об утрате которого она вздыхает и ненавидит «болото». Это общество состоит из нескольких лиц, посещение которых там, в городе, вызывало обыкновенно домашние секретные восклицания: – Ах, вот опять Ел. Конст., опять принесло Раттая. Нечего уж говорить о людях соседних квартир, улицы. Всему этому я противопоставляю «Болото», т. е. любое место земного шара, на котором в равном количестве живет истинно достойный человек. Я вовсе не чувствую утраты той или иной среды, потому что знаю: во всякой среде, во всяком месте найдется мой друг. Мне представляется досадным это определение места лучшим, где живет мой старый друг, напр., Александр Мих. Ну, и пусть он там себе живет, я же найду себе в любой среде, в любом месте хорошего человека, того же Александра Михайловича в другой форме.

Я раздумывал об этой моей исключительной способности вызывать из «болота» на каждом месте хороших людей, об этом чувстве всеобщего скрытого и всюдного человека – есть ли это качество положительное или отрицательное. Оно отрицательное, потому что сопровождается вниманием к среднему человеку, отклонением привязанностей, привычек и готовностью к замене одного другим. Оно отрицательное, потому что сопровождается равнодушием к распространенному человеку. Только благодаря такому равнодушию мог я 30 лет прожить с женщиной без всяких попыток уйти от нее. («В среднем» все такие.) Но только благодаря такому равнодушию к среднему человеку, душа моя превращается в сито, через которое вся мелочь проваливается и остаются немногие, независимые от среды, времени и места хорошие люди. Только благодаря этому ситу, этой глубоко скрытой жажде хорошего человека, настоящего, я мог дождаться моего настоящего друга и вызывать из хаоса жизни человеческой друзей-читателей. Эта способность отбора вполне соответствует моей памяти: память плохая «на все» и очень хорошая на то, что надо.

Мое внимание к человеку возбуждается не внешним обликом; напротив, внешний облик складывается во мне по вну-

треннему восприятию, вследствие чего бывает брюнетка для всех у меня, в моем представлении становится блондинкой. Так вот Клавдия Бор., в которую я короткое время был влюблен, остается во мне как северная женщина с глазами бледной звездочки, белокурая и грациозная фигурка, выходящая из облаков или тумана. На самом же деле у нее глаза карие, лицо смуглое, с монгольскими скулами, с цыганскими заплетьями на руках.

Есть люди наивные, у которых их «простота» приводит к открытым Америкам. И есть люди действительно простые сердцем, как дети: и, встречая всем известные Америки, выражают свое удивление или восхищение, или, может быть, негодование совершенно по-своему, как будто до них мы ничего не слыхали об Америке. Через них-то Америка действительно вновь открывается и больше того, через них-то нам и раскрывается путь бесконечных открытий бесконечного Нового Света. Это люди, которые следуют завету: будьте как дети.

11 Мая. Понемногу теплеет, но день прошел «ни холоден, ни горяч» и кончился дождем. Кукушка поет в неодетом лесу особенно грустно. Мартовско-апрельская всенародная уверенность в скором конце войны после 1 мая постепенно ослабела, но не к разочарованию и безнадежности привела, а к тому, что выражается народной мудростью: «Помирать собирайся – рожь сей». Как-то незаметно мы взялись за лопаты и стали разделывать перед домиком целину лесной почвы и рубить жерди для огорода. Сам собой без зова пришел человек, которому я продал кожаное пальто свое за 2 $^{1}/_{2}$ пуда муки, 2 кило масла и 1 кило сахару. Это все в фонд будущей зимовки. Между тем всего какой-то месяц назад казалось невозможным представить себе еще одну зимовку в Усолье.

Чувствую в себе огромные отложения величайших богатств, похожие на торфяные залежи солнечной энергии в необъятных сфагновых болотах. Мало того, бывает, я чувствую в себе даже силу поднять эти богатства и силу солнечных лучей переделать в силу человеческого слова. Но каждый раз, как я начинаю ставить свой рычаг для применения силы, я не нахожу точки опо-

ры, отступаю не разуверенный в силе своего богатства, а несколько сбитый на время в тайном упрямом знании, что мое время придет. Вот именно, как мне представляется, дело не в том, чем я обладаю, а в несущественном, во времени, которое надо переждать в надежде такой же, как у земледельца, что с посеянным делать больше нечего, руки человеческие отступают и предоставляют дальнейшую работу солнцу, ветру и дождю. В духовной области это отступление выражается словами: да будет воля Твоя.

Есть нравственный предел хитрости, применяемой для избегания фронта. Уловки бесчисленны, но есть для того человека, о котором я думаю, предел избегания: для спасения своего нравственного образа ему надо решиться и пойти на войну и наряду со всеми сражаться. Есть и предел уступок этому необходимому устремлению быть со всеми в радостном сознании, что на людях и смерть красна. Есть другой человек, о котором я думаю, он в последний момент должен воткнуть свой штык в землю и, обнажив грудь свою, умереть, сказав врагу своему: «не убий».

12 Мая. Какой-то ступенью потеплело, но не тепло. Вечером на токованье тетерева залез в Блудово болото. Какая чертовщина! И я находил удовольствие таскаться по таким болотам всю жизнь. Но когда вышел к реке в голубом и малиновом свете в дымке догорающей зари с церковью вдали, я вошел опять в красоту, и мне было хорошо на душе. А Ляля оказалась совсем слабенькой, ей нужен юг. Ну и что ж, юг так юг, и так хорошо будет выйти из болотного сумрака на свет.

13 Мая. Серый, все еще прохладный и ветреный день.

По радио будто бы сказали, что на всех фронтах начались усиленные бои. Пора.

Приехал из Москвы Кононов, говорит, что в Москве оптимизм. Как удалось выяснить из расспросов, этот оптимизм, во-первых, основан на заявлениях и пропаганде правительства, во-вторых, на том, что если сейчас ударим, то дальше воевать

нечем и отсюда радостное заключение «к одному концу». Вот это-то последнее – корень народного оптимизма, а первое – партийного. И последний, третий родник уверенности в близком конце германского нашествия – это личное сознание, что этим немецким способом прямым и насильственным нельзя удержать в руках весь мир и привести к одному знаменателю. И еще целый ряд немецких ошибок военных – в свое время проморгали Англию, могли бы голыми руками взять Москву, применили «зверства» и еще много всего. – Одним словом, – сказал N., – жиды победят, и нам будет лучше, и хорошо! но сама затея немецкая мне нравится.

14 Мая. Вчера с вечера на ночь пошел теплый дождик, сегодня с утра дождик, как теплое молоко, и вместе с тем солнце постепенно освобождается из-под облачков серых, зеленеет трава, начинается май настоящий. Береза развертывается. Запел соловей. Аромат самой земли.

И несмотря ни на что, умно [вникая] в жизни людей, чувствуешь впереди какое-то решенье, о котором сейчас нельзя и сказать. И вот тут-то и таится великое разделение на тех, кто не решается сам и ждет, чтобы оно само собой разрешилось. И на тех, кто, сделав какое-то обобщение, выводит решение и немедленно действует, уверенный по коротенькой правде человеческой, что действует во имя общего блага.

И вот, в конце концов, выходит, что первые царствуют, вторые просто работают, сами себя считая в себе царями. Сила и мудрость истинно царствующих и состоит в тайне этого глубокого сознания, когда человек с человеком понимают друг друга в слезах и улыбках, но не на словах. Вот тут и происходит основное разделение на тех, кто пользуется словами для дела, и на тех, кто служит Слову и участвует в создании имен. В конце концов, дела и действующих проходят, и остаются имена, составляющие единое имя единого Бога. Так наступает время свободного и непроизносимого разделения – на молчащих царей и говорящих рабов.

Искусство слова состоит в знании того, что следует сказать немногим и что можно сказать всем. Бог – это слово для из-

бранных. Есть слова для всех. Есть ли слова для всех? Есть! Это первое слово «хлеб».

Ароматный пар от земли поднялся в бору, и в этой сизой дымке вставали оранжевые сосны и поднимались, как свечи и сходились кронами, укрывая, как свод храма, этот животворящий ароматный, не выходящий из этой лесной скинии пар земли. В этом бору от тени стволов светолюбивых хвойных деревьев, как бы отдающих всецело жизнь свою на служение свету, все было строго, скупо и скудно: только мох зеленый, ни травы с цветами, ни веточки с каплями сока и росы, ни певчих птичек.

Моя душа томилась по лиственному лесу, я искал хотя бы одного деревца и после долгих поисков в южной опушке у поля нашел среди елей и сосен несколько десятков молодых берез с зелеными почками, осинок и раннюю иву, покрытую своими бледно-желтыми цветами.

Казалось, эти милые, родные моему сердцу существа собрались сюда как люди в храм и я между ними пришел к своему месту, к большому пню, где присел и притих, и подумав, записал к себе в книжечку: есть слово для всех – это хлеб.

И есть иное слово, предназначенное для каждого из всех. Первое слово «хлеб» в сущности своей не есть слово, а только лишь сигнал необходимости между людьми, равнозначащий смерти.

Истинное слово требует *от каждого* творческого участия, в котором создается личность, и каждый из всех может сделаться личностью, создающей Божественное имя, единственное Слово, от которого рождаются все имена.

Советский хозяйственник от Богданова до Кононова – это кулак, включаемый в советский аппарат, как необходимое звено распределения продуктов. Задача его устранить неудобства, вроде «обезлички», уравниловки, возникшие из отвлеченной идеи коммунизма, примененной к живому современному человеку. У хозяйственника всегда есть «личный фонд», которым он может располагать по своему усмотрению. По-видимому, этот фонд и есть то основание, из которого возникает могущество

этих маленьких и повсеместных королей (собирать материалы для изображения этого «типа», весьма распространенного).

15 Мая. Перемежался весь день, поднимался, насыщая воздух березовыми почками, пар, к вечеру на реку лег черный туман. Пропал в Желтикове Кононов. Пробовал на велосипеде проехать в Желтиково по грязи и не мог. К вечеру определилось, что наш городской шофер по своему обыкновению на деревенской дороге застрял.

16 Мая. На днях (может быть вчера) то ли сквозь сон, то ли сквозь суету был слышен первый гром. Сегодня так парит, что можно в одной рубашке ходить.

17 Мая. Живая ночь: все растет, все поет. Вчера вечером Ляля сделала любимый свой картофельный салат с луком и полила его постным маслом. Когда мы попробовали, то сразу поняли, что масло не подсолнечное, а какое-то вроде минеральное, отвратительное на вкус. Ляля ничего не отвечала и ела, тем подавая пример, чтобы и мы ели. И мы ели из любви к ней, ели это отвратительное блюдо. – Неужели же ты, Ляля, не чувствуешь, какая это гадость? – Я въелась, – ответила она, – въедайтесь, въедайтесь. Что же делать, мы ели: больше ничего не было к ужину. – Хочешь, – сказала она, – я тебе кашки поджарю? – Пожалуйста, – ответил я. И в этот момент понял: это масло лампадное. И все поняли, вспомнив, что масло это доставлено Марьей Вас., и признали, что это масло деревянное. Бедная Ляля! она жизнь свою земную ест, как это деревянное масло, лишь ценой бунтов своих выражая право свое на хорошее масло. И вот теперь май, земля покрывается зеленью, все поет, все растет, а она часу в день не найдет, чтобы насладиться праздником земли.

Сон о Сталине. Видел Сталина за столом с разными яствами, и было много народу разного. Сталин внимательно следил за разговорами, за лицами, не улыбался и вдумывался. Так перевел глаза на меня и все сгущал, сгущал на мне внимание, словно приближался, и наконец спросил: – Скажите, Пришвин, как ты

это понимаешь, почему мы, социалисты, ненавидим обряд. – Так понимаю, И. В., – ответил я, – что обряд снимает с рядового человека обязательство самого себя держать в состоянии творческого напряжения и все переносить на внешнюю форму. – Но если так, – сказал Сталин, – то значит мы, социалисты, разрушая обряд, способствуем созданию истинной невидимой церкви. – И тайны, – ответил я, – тайны невидимого града каждой личности. – Тогда чем же мы, большевики, не хороши? – Ну, это другое дело, хороши или плохи, – ответил я, – а вот Мефистофель, такое злое существо, столько зла хотел, а выходило только добро.

18 Мая. Жара летняя. В лесу начинаются комары. На реке желтые цветы. Полный нерест плотвы.

Красные кулаки («короли») – гнездо контрреволюции (с этим уже и не борются). Из «гнезд» скверные слухи о войне начались. Сегодня переезжаю в свою «мастерскую».

Весна запоздала и вдруг принялась догонять, и только развернулись березы и заблестели клейкие листики, птицы сели на яйца и смолкла брачная песня самцов. Странный был вечер сегодня, после знойного дня не прохладный, а только не жарко. И такая тишина! Я никогда не слышал такой тишины, ни птички, ни мотора, и только изредка жук прожужжит. А какая прошла борьба Солнца с ужасным Морозом, как после победы бросилась вся тварь на свою «любовь»! Теперь вечером в молчанье было так, будто их бог, вполне удовлетворенный, сел у реки покурить, и дым его туманом встал над рекой. А самки его, вся самка, вся женская тварь села на яйца.

Мы вечером вечеряли, сидя на изгороди, как на шестке куры. Вместе с природой я чувствовал в себе это удовлетворение и тоже курил.

Так ясно было, почему у животных их акт размножения совершается целомудренно, а «животное» чувство бывает только у человека. Это потому, что вся тварь совершает свой акт в бессознании, у человека же есть еще свет, в луче которого происходит разделение плоти и духа. Человеку мало этого удо-

влетворения, и он, совершив «животный акт», хочет чего-то еще.

Но есть человек, у которого его настоящая человеческая любовь сгущается, и соединение с подругой происходит без отрыва от Целого.

Вот этого Ляля искала всю жизнь и не могла найти, потому что ее девственные груди, почти сосочки одни, были скрыты, а показаны только большие дразнящие бедра. На эту приманку шли самцы, не замечая целомудренной Психеи.

Самое удивительное и особенное в наших отношениях было в полнейшем отсутствии у меня того дразнящего изображения женщины, которое впечатляется при первой встрече. Меня впечатлила ее душа и ее понимание моей души. Тут было соприкосновение души с душой, и только очень медленно, очень постепенно переходящее в тело и без малейшего разрыва на душу и плоть, без малейшего стыда и упрека. Это было не совокупление, как у всех, а воплощение. Я почти могу припомнить, как у моей Психеи создавались ее прекрасные глаза, расцветала улыбка, первые животворящие слезы радости, и поцелуй, и огненное соприкосновение, в котором сплавлялась в единство наша разная плоть. Мне казалось тогда, будто древний бог, наказавший человека изгнанием, возвращал ему свое благоволение и передавал в мои руки продолжение древнего творчества мира.

Когда же мы стали в единстве, то всякая тварь на земле стала на свое место и даже какой-нибудь крокодил, стоящий подальше от человека, стал через это понятен и получил свое оправдание где-то на берегах Нила.

19 Мая. Хотя это не первый гром, но первая настоящая великая гроза.

20 Мая. По дорожкам травка больше зеленеет. Воздух насыщен водяным паром, а под ногами опавшие створочки почек тополей, возьмешь – и на весь день носишь с собой аромат свежий, бодрый. Прилетела иволга и весь день свистит в свою флейточку. Ляля ночевала у меня, и сколько было у нас радо-

сти, что вырвались... На свободе, лежа вдвоем в обнимку на хозяйском сундуке, мы вспоминали начало нашей любви, как открытие страны большей и лучшей, чем когда-то Америка с ее золотыми богатствами. – Скажи, сумей сказать это людям! – просила моя подруга.

21 Мая. Какой праздник!

Шел возле поля краем лесного питомника. На столбике изгороди впереди меня куковала кукушка и такая смелая! – когда я приближался, она перелетала на следующий столбик и опять куковала. И так я шел, и она перелетала от столбика к столбику. По тропинке же передо мной бежала трясогузка и тоже перелетала подальше, когда я ее догонял: эта умней оказалась кукушки, через три перелета поняла и, облетев меня сбоку, вернулась назад.

Из питомника вышел русак, в мае изменяющий своему ночному образу жизни. Он долго ковылял по полю, там и тут подправляя себя какой-нибудь травкой. На середине поля он встретился с другим зайцем, и они стали прыгать друг за другом и возиться.

В душе моей был праздник, и все, на что я обращал свое внимание, отвечало этому празднику: белая березка со светящимися зелеными листиками, цветущие ивы, молодые сосны с перстами своих новых побегов, склеенных ароматной смолой.

Когда же я вышел из лесу, то само собою случилось, что поднял глаза на небо, собиравшее в себя праздник земли. Я знал в это время, что праздник такой, обнимающий светящимся голубым небом всю зеленую землю, и есть та желанная свобода, к которой стремится человек, что всякая работа, всякое страданье направлено к творчеству такого праздника, и единственный долг человека – это во всякой работе, в страданье сохранять присутствие духа, и что в этом «присутствии» заключается весь смысл жизни и победа человека над временем и смертью.

И главное, отчего происходила вся полнота моего праздника, состояло в том, что всего этого можно достигнуть и еще больше, что где-то в душе моей таится направляющая сила, посредством которой можно все сделать. Я знал в это же время, что это «все можно» таит в себе и опасную силу, посредством

которой можно «выйти из себя» и пользоваться ею против праздника в Духе – в обманчивом благе для всех.

Очень ясно видел я многих людей, которые, обманывая себя, укрывали свое честолюбие формой работы на общее благо.

Вечером посадили мешок картошки. Плотва кончила нерест.

22 Мая. Еще праздник. Ликующий майский день.

Я понял, наконец, истоки какого-то превосходства, которое я чувствую в Ляле перед собой.

Оно исходит, во-первых, из моего мужского отвращения к женской работе обслуживания и ухода за человеком – это раз. И второе, что Ляля в такой недоступной мне женской работе стремится сохранить присутствие Духа, образующего праздник жизни.

Возможно и наверно даже, что она тоже знает и мое превосходство мужчины, своим талантом или любовью (как она это называет) преодолевающее в себе обще-мужскую самость.

Диву даешься, читая мировую критику Гамлета, что почти все дивятся и не могут единодушно решить вопрос о причине колебаний и медлительности Гамлета в такой простой задаче осуществления кровавой мести. Странно, почему Гамлета и Шекспира и даже все Возрождение не хотят понять во Христе, что Гамлет как личность состоит в прямом родстве со Христом, и это поручение мести он должен неминуемо переносить как Голгофу и в конце концов, поразив врага, должен сам умереть от меча, как сам взявший меч. Впрочем, сам же Гамлет высказывается о таком христианском состоянии его души в словах о возможности мести своей не кровью, а слезами[118].

Если раздумывать о Гамлете, то от Фауста до Печорина и Ставрогина[119] собираются герои литературы, как разные формы одной и той же личности человека. И даже противоположные, чисто волевые личности как Дон Кихот, показываются в связи с ними, напр., как попытка выйти из гамлетовского со-

стояния жертвенной обреченности. А сверхчеловек? А Ленин с его верой в правду «общего дела»?

Сверхчеловек – у фашистов. Общечеловек – у большевиков.

Между прочим, чего были свидетелями, как бог общего дела порождал неутомимую жажду собственности и отчуждение не только от общечеловека, а даже и от соседа.

Лесничий сказал:

– Нужно себя обеспечить, а потом уже думать о личной свободе: в деревне весь человек уходит в добывание средств существования и больше нельзя от него и требовать.

– А если, – сказала Ляля, – вдруг потребуется большее, а он не может?

– И не может, и ничего не поделаешь.

– Это плохо.

– Как хотите, так выходит: ничего не сделаешь.

– В таком случае вам приходится примкнуть к тем, что соединяет всех для общего дела на борьбу за счастье всех.

– Это не выход: в этой борьбе я принимаю на себя такие обязанности, которые делают меня полнейшим рабом общего дела и даже не рабом, а бессловесной шестерней механизма, работающего на будущее. Мне же необходимо настоящее.

– Какой же выход?

– Я уже сказал: надо себя обеспечить, надо создать материальную базу.

– Но какая же гарантия в том, что вы не сделаетесь рабом этой базы и, начав жизнь свою комсомольцем, не кончите ее капиталистом?

Этот лесничий бросил свое комсомольство под влиянием своего тестя, бывшего кондитера, преданного по-своему тоже целиком какому-то общему делу.

Вот это по-своему и есть та черта, которая отделяет коммунизм от фашизма. Если придется выбирать между общим делом и своей кондитерской, то этот кондитер, конечно, предпочтет свою кондитерскую.

Подумайте, имя какое дается человеку родовое – Кошкин, и к нему имя собственное Михаил, в честь архангела с пред-

начертанием длительного пути от кошки до архангела. Но есть еще по-настоящему собственное имя, которое создает себе сам человек своими делами, имя неизрекаемое, состоящее в отношении к Богу всей жизни его, образующей личность.

23 Мая. Вошел утром в лес и удивился и обрадовался: сколько чудес совершилось в одну майскую ночь без меня: как позеленились дорожки, как подросли свечи побегов на молодых соснах, как возмужали березки, сколько лужиц закрылось вырастающей из-под них ярко-зеленой травой. И так много, много всего и все без меня, все делалось само собой на радость и удивление. И я радовался и удивлялся этому миру, где могут создаваться прекрасные вещи без всякого личного моего участия.

Но в том же мире есть другие вещи, растущие только во мне и вырастающие только из меня и непременно в моем присутствии. Я знаю их хорошо в моем томлении духа, в страданьях, в ожидании лучшего, но никто бы не знал об этих страданиях – для чего они? если бы они, вырастая, не встретились бы через меня с тем прекрасным в природе, что создалось без меня.

В этом и есть смысл нераздельной и неслиянной Троицы: Отец – это все, что создается в мире без меня, Сын – это все, что томится и страдает во мне в поисках встречи с Отцом, и Дух – это совершенно новое, небывалое в мире, что происходит от встречи Сына с Отцом.

Не забыть ту ель и сосну, которые сплелись корнями и сучьями между собой и всю зиму скрипели: надо сплести корнями тещу с Лялей, как натуры диаметрально противоположные.

Убежать от долга это все равно, что сжечь свой собственный дом: жить, конечно, можно, дома есть какие-нибудь, но идти в чужой дом от своего, это последнее дело. Нет, если есть свой дом, и живи в нем, если есть долг – плати. Ну, и будем платить, чего тут много еще разговаривать. Но никто не мешает мне про себя шептать молитву об отпущении долгов.

Иному человеку страшно перейти через площадь, а другому страшно заговорить с малознакомым человеком. Ляля больна этой болезнью, и я часто ее выручаю.

24 Мая. Троица. Пасмурно, дождь, прохладно, ветер.

Поминать о здравии и [за] упокой – это значит, раздумывая о близких людях, пытаться найти их имена, т. е. их личности, отнесенные к Богу. Поминая о здравии, т. е. представляя себе живых в отношении к Богу, конечно, невозможно бывает представить себе их законченные цельные личности. Но это в поминании поправляется, восполняется желанием им чем-нибудь помочь.

Cogito, ergo sum* — «оно» само собой делается. Из этого следует, что надо в себе найти такое Cogito, чтобы жизнь практическая складывалась сама собой. Однако, такое «Cogito» у наших евреев («жидов») уже нашло широчайшее применение, требующее над этим машинальным «Cogito» нового, очищенного от практики. Нужно, чтобы сам-то мыслящий не был заинтересован плодами мысли, чтобы для мыслителя новая мысль была единственной целью, как для художника его стиль (красота).

25 Мая. Духов день.

С утра ветрено, холодно. Все небо в тучах.

К вечеру приехал Кононов с семьей и устроился в лесничестве.

У нас так хорошо, мы живем в лесу, – птицы поют весь день. И мы довольны друг другом с Лялей, счастливы. И у нас все есть, мы хорошо питаемся. Но почему мы оба, счастливцы из счастливцев, быстро худеем? Не оттого ли, что в такое время, когда все на свете так худо, нельзя не худеть и быть счастливым?

26 Мая. Пасмурно, прохладно, сеет дождь.

Брут у Шекспира[120] – намеченная, но не раскрытая фигура будущего социалиста вроде Ленина. Шекспир предвидел тупость такого рода людей в отношении искусства, а то зачем бы вводить ему во время битвы ни к селу, ни к городу поэта! «Пошел вон,

---

* Cogito, ergo sum *(лат.)* – «Я мыслю, следовательно, есть (существую)» — слова французского философа Рене Декарта из его сочинений «Рассуждение о методе» (1637) и «Начала философии» (1644).

дурак и шут», – говорит ему Брут, и так непременно должен сказать рачитель общего дела. Напротив, Антоний, борец за личность (Цезаря) сам весь насквозь пронизан лучами поэзии.

А впрочем, Шекспир, как облако, и все мы глядим на эти облака, находим свои фигуры.

Читая Гамлета, я вспоминаю, как говорил Христос с фарисеями: тот же самый тон и у Гамлета. А дальше мы встретим то же кушанье, только в другом соусе в XVIII веке у Вольтера, в эпоху французской революции. В XIX в. бичеванье торгующих[121] переходит к русским нигилистам в «Горе от ума», а в XX в. прямая научно обоснованная борьба с капиталом торгующих становится делом большевиков, которые должны же, по-видимому, наконец, кончиться, как отрицание отрицания утверждения жизни.

Точка, от которой начинается моя поэзия, именно и есть отрицание отвлеченности русского нигилизма и установление небывалого и единственного в своем роде мгновенья добра в красоте (любви).

Да, я иду против Брута, начиная с моей первой строки, но я не Антоний, потому что я не за Цезаря иду, а просто выхожу из времени, как выходит день после ночи. Но я не выступаю против Брута, а жду срока, когда он кончит свое необходимое разрушение, как бывает ранней весной под холодными лучами таится трава, и когда наступает тепло, вырастает из лужи, а вода уходит под землю и служит для растворения веществ, питающих зеленые растения с золотыми цветами.

Может быть, это заблуждение отцов церкви наделало, что бич Христов, направленный на торгующих в храме, попал в руки Брута и последующих нигилистов, социалистов и коммунистов. Но ведь ради же установления любви небывалого и единственного в своем роде мгновения добра в Красоте (любви) выгонял Христос торгующих из храма? А когда торгующие изгнаны и лик Христов изменится, то как мы представим себе этот новый и, скажу, естественный Лик богочеловека? Только простое чистое сердце видит Его везде во всем и всюду в природе.

Время недаром приходит и недаром проходит. До сих пор ни один величайший поэт и художник не мог дать лик Христа, не искаженный страданьем или гневом. В прошедшие времена люди не могли видеть Христа с улыбкой, и все попытки изобразить Бога на браке в Канне Галилейской или благословляющим детей приводили к изображению благополучного, улыбающегося священнослужителя. Это потому так было, что время тогда еще не пришло, но кончится срок неминуемого страданья и может быть тогда, наконец-то, мы узнаем, как истинный Бог, а не поп улыбается людям.

27 Мая. С утра пасмурно и прохладно.

Мы собираемся ехать в Переславль. Вернулись из Переславля вечером, достали 700 гр. масла, 400 гр. сахару и 2,5 кило овсянки. У С. В. Майорова достал нечто для обмена («головицу» для кур). Заехали к Кордовским. Комсомолка Зина уверяет, что в июне война кончится. А народные вести, что Севастополь пал, Черное море взято немцами. – Мое вернее, – говорит Зина, – людям сейчас бодрость нужна, будем бодры – и все в порядке: в июне война кончится.

Вечер был хороший возле Кривяка: цветет черемуха, токуют тетерева и полная тишина, ни рябинки на всем озере.

28 Мая. Вчера весь день с утра до ночи прошел на то, чтобы добыть себе 400 гр. сахару и 700 гр. масла на месяц. И вспомнилось время... – Помнишь, – сказал я, – когда мы посылали прислугу в магазин в нижнем этаже нашего дома, и через несколько минут она приносила: масло, сыр, яйца, мясо, вино. Какая жизнь была чудесная, и мы никакого чуда в том не видали. – И сейчас, как только война кончится, будет то же и, вкусив «чуда», мы о нем забудем. – Значит, по-твоему, не нужно вкушать? – Отчего же не вкусить, можно и вкусить, только не надо ставить себя в зависимость от этого «чуда», как социалисты.

Против моего окна на днях на той стороне улицы девушка или молодая женщина заделывала крышу соломой, она изгибалась, наклонялась, ложилась, поднималась, – приятно было

смотреть на гибкую женскую фигуру и догадываться о красивом лице, какого вообще и нет вовсе в нашей деревне.

Сегодня утром на лесной прогулке Норка, собачка моя, вдруг на опушке леса залаяла и между стволами сосен там подальше под цветущей черемухой я увидел в белом платье, наклоняясь к земле, изгибалась та же самая женская фигура, как тогда на крыше: молодая женщина собирала сморчки. Знакомое приятное чувство сладким током пробежало во мне. (Дальше я сочиняю.) Девушка в белом платье узнала меня, издали улыбнулась, поманила рукой меня к себе и начала, оглядываясь и улыбаясь, удаляться между кустами цветущей черемухи. Я пошел в ее сторону, между кустами, и сколько ни прибавлял шагу, не мог к ней приблизиться долго. Из чащи я выходил на поляну, чтобы увидеть, как она, оглядываясь и улыбаясь на этой стороне поляны, входила в новую чащу. И я опять лез в чащу до новой поляны, пока когда, наконец, под вечер большой лес начал переходить в болото с единственным забытым стогом прошлогоднего сена. Я видел с большой радостью, что она там остановилась у стога и начала делать себе норку для ночевки, как это делают всегда охотники, и потом скользнула в эту норку и там скрылась. Тогда я все на свете забыл от радости и близкого счастья, и весь мир наполнился мне чудесами и звуками необыкновенными. Теперь я знаю, что она никуда не уйдет от меня и ждет меня, обогревая собой прошлогоднее сено. Дальше я сочиняю: что норка в стоге, хотя была и теплая, но глубокая, и я стал спускаться в глубину и конца глубине этой вовсе не было... Тут я останавливаю сказку и вспоминаю, что все это я уже переживал и даже написал в «Кащеевой цепи», как о побеге своем за какой-то Инной Ростовцевой и как потом всю жизнь шел за уходящей фигурой лесами, лугами, болотами, городами и огородами, по крышам и по изгородям, и наконец пришел к стогу последнему на цветущем лугу и на этот последний раз обману не было: в норке была моя женщина и мечта моя воплотилась, и это было действительное чудо... Прочитав это Ляле, я ее спросил: – Скажи, как ты об этом думаешь, он нашел ее, и что это – конец, это смерть? – Нет, почему. – А если нет, то как же мне продолжать? Полет кончился, он нашел, что

дальше? – Как что: они проснулись, и пошли собирать землянику. – Значит, все кончилось свадьбой? – Если ты хочешь так назвать – пусть. Но там-то и надо показать, какая это свадьба. – Какая же? – А как у нас.

Так что сказка или роман, или, все равно, поэма, у него возникает для необходимой замены прямого действия пола и состоит в движении и борьбе (в природе это борьба самцов между собой, предшествующая совокуплению, и тоже песня и полет).

Сегодня видел в лесу: на одном сучке сидела ворона и грач, оба глядели вниз и оба по-разному орали. Можно понять, что и у вороны и у грача вывелись и выросли дети и вышли из гнезда, или свалились в траву и еще глупые, беспомощные бродили вместе, и родители, грач и ворона, тоже в защите своей сошлись на одном сучке. Что-то случилось внизу, может быть грачонок сошелся с вороненком и один тюкнул другого. А у родителей эта неприятность перешла в неприятность от соседства. Тогда ворона и грач впервые обратили друг на друга вниманье, и ворона сочла грача причиной той неприятности внизу в ее вороньем роду, а грач тоже почувствовал зло к вороньему роду, и внезапно они стали врагами и бросились друг на друга клевать, и неизвестно до чего бы это у них дошло, если бы Нора не нашла маленького грачонка и вороненка. Напуганные собакой птицы собрали все силы и поднялись на ближайший сук и сели рядом. Тогда родители, узнав в собаке настоящую причину зла, забыли войну и, сидя рядом на одном суку, принялись орать на собаку, почти выговаривая по-человечески: – Пр-рочь, – кричал грач. – Бр-рось! – орала ворона.

Воздух стал серым от комаров. Коровам и то чувствительно, и они пустили в действие специально для этого сделанные и навсегда прикрепленные к их задницам хвосты. Мы же вместо хвостов сломили себе по березовой ветке, и когда миновала нужда, бросили их, с благодарностью сознавая свою освобожденную от вечного нашего хвоста человеческую природу.

– Нечего особенно радоваться, ну а это все, – указала на свое тело Ляля, – разве это все не хвосты и сколько их?

– Конечно, хвосты.

– А эта беготня с утра до ночи за продовольствием, – это не хвосты?

– Хвосты!

– А эта мечта о будущих полных магазинах, и ресторанах, и домах отдыха – это разве не хвосты?

– Конечно, конечно, даже все прошлое наше, каким в сущности своей являются все потребности нашего тела, весь этот Ветхий Завет, – все это у нас коровьи хвосты.

– Прошлое! а это будущее, посвященное счастью удовлетворения хвостов всего человечества, – разве это не те же хвосты?

– Но если в прошлом у человека хвосты и будущее – забота об удовлетворении хвостов, то скажи, где же люди, в чем же заключается лицо человека в настоящем, в текущем мгновении? – Есть мгновения священные, от них рождаются ангелы и разлетаются солнечными лучами повсюду, и лучи солнечные вызывают цветы из земли и поющих птиц; и есть мгновенья темные, от них рождаются крокодилы, мыши, жабы и всякая нечистая тварь. Каждое мгновенье наше настоящее населяет природу формами тварей, настоящее мгновенье жизни человеческой – это сеятель зла и добра в прошлое и в будущее. Но даже и это творческое мировое настоящее еще не лицо человека. Мы же с вами хотим отличаться от всех и стать личностями, творцами своего бессмертного настоящего. Мы с тобой в нашем творчестве единого священного бессмертного мгновенья – вот лицо человека: мы с тобой. А все, все эти массы в их прошлом и в будущем – все это хвосты. И ты не радуйся очень на то, что мы со своими веточками березы очень далеко ушли от коров: по пути совершенства «Homo» в его борьбе за существование и в естественном отборе столько наросло необходимых хвостов, что если бы коровы их видеть... могли, они бы запрыгали от радости.

29 Мая. Туман и большая роса. В белом тумане по орошенной матовой зелени ходят по лугу черные скворцы, кажутся сквозь туман большими. Утренняя бодрость проникает сквозь поры тела в самую душу, и я так чувствую «все во мне», но когда хочу произнести весь стих Тютчева «Все во мне и я во всем»[122] – не могу. Все во мне – это да, но я не хочу быть во всем и при-

хожу в это «все» с выбором: и <*позднейшая приписка*: хотя не чувствую себя сверхчеловеком>, стих переделываю по-своему: Я во всем и я над всем.

Какие-то неведомые мне весенние паучки в тумане одевали каждую сосенку и каждая паутинка убиралась росой. Когда лучи солнечные рассеяли туман, то каждая сосенка, перевитая сверху донизу жемчужными нитями, с каждой веточки вверх поднимала молитвенно сложенные вместе смолистые пальчики новых побегов. В большом темном лесу в стороне неустанно орали вороны, занятые теперь охраной своих молодых.

Редко я чувствовал в себе такую уверенность в том, что жизнь находится в своих собственных руках и что если придет некто или нечто и сделает по-своему и против тебя, то за это с тебя не спросится. Это даже вовсе не ты, а судьба. Ты же, мой друг, Михаил, иди своим путем и спеши со своей Валерией успеть до прихода Судьбы взлететь на высоту, под которой судьбы человеческие видятся ниже проходящими туманами, облаками и тучами.

Так каждый из нас может жить царем по собственной воле, выключая из воли своей – судьбу, которая и с царями тоже не церемонится.

«Все во мне и я во всем» – верно только в первой части, и это я чувствую очень часто и всегда, если я в духе. Но «я во всем» – это не по мне, именно вот этим-то и возвышается мое «я», что оно не соглашается быть во всем и обладает силой выбора. По-своему я бы так переделал этот стих: Все во мне, и я над всем.

30 Мая. Солнечный день роскошный, к вечеру гроза и дождь.

Ездил на велосипеде в Купань за творогом, и хорошо вышло: чудесный творог!

Всенародное чувство какого-то одного конца: один конец. Причем полное равнодушие к тому, какой конец. Важно лишь, что он один.

Теперь после Керчи ясно становится[123], что без второго фронта мы ничего не сделаем и если теперь же, в самое ближайшее время не явится 2-й фронт, немцы нас заберут.

Русский народ, скажи, кого ты выберешь себе – немцев или коммунистов?

– Что это за безобразие, столько сплю!
– Слава Богу, что спишь, это у тебя самое лучшее: крепко спишь и в Бога веруешь. Крепкий сон на земле и вера на небе – это сила, мой друг.

Прошла неделя, как я бросил курить. Первые дни в этой борьбе меня удовлетворяли и давали отчасти наслаждение чувства гордости: – Могу и будет по-моему. Теперь же это кончено, табак признал себя побежденным, и когда мне захочется покурить, он шепчет: – Ну, и покури, раз ты такой сильный, что тебе стоит и что тебе значит какая-то одна папироска. Раз покури и брось[124].

31 Мая. Роскошно солнечный день после грозы. Все еще токуют понемногу тетерева.

Вопрос оправдания государства, как системы воспитания народа: система воспитания в гражданине обязанности... это к тому, что наша система воспитала в стране жуликов государственных и общественных в таком числе, что жить стало невозможно. Вот и встает вопрос о происхождении жульничества. Возможно, оно начинается наверху расхождением идеала антигосударственной жизни народа и фактического деспотизма, идеала общего блага и фактического порабощения личности.
(Это надо обдумать в целях понимания.)

У Кононова автомобиль личный, это его высшая идея и по этой идее сложилась вся его жизнь: всему его научил автомобиль, и жена пришла, потому что полюбила машину.

1 Июня. А тетерев все еще токует...

Занялся работой над «голодным поваром»[125].
Ляля пишет о себе, детстве[126].

Вечером страшнейшая гроза. Я был подавлен и делал слабые усилия найти в этом явлении что-то особенное, чего люди не видели до меня. Стал разбираться... Самое привлекательное была церковь с уцелевшим крестом. С юга к ней придвигалась густая темная плотная туча, с запада она отсвечивалась полосой догоравшей зари. Тут было с грозой все около церкви, но небывалого с церковью в грозе тут ничего не было: это все было.

Сумрак надвинулся на душу мою и будто завернул ее в шубу. Я присел на постель и под гром и молнии, перед тем как уснуть, вспомнил бомбежку Москвы, это было куда страшнее, куда живее и так странно...

Что-то живое хорошее шевельнулось во мне, и с этим хорошим я спокойно уснул под свист, вой, громовые удары и молнии.

«Ты должен знать, что время делает людей». (Король Лир.)[127]

Так понимаю себя, что кончается время жизни моей, когда я верой питался в природе: все во мне и я во всем. Этим ключом я открывал соответствие того, что во мне, с тем, что во всем. Этим открытием я потом и жил. Теперь же я знаю – все во мне! Но я знаю также, что там во всем чего-то и нет моего и на это небывалое во всем мире устремлен мой интерес.

Ляля сказала, что женщины могут жить друг с другом, если они только святые и встречаются в церкви, чтобы потом разойтись после службы по домам. Или еще могут жить, если одна из них подменяет мужчину. А так женщины по своему существу жить вместе не могут.

2 Июня. К вечеру, как и вчера, собралась гроза. Провел день в постели, опасаясь малярии.

Конюхов по секрету сказал, что есть распоряжение заготовить теплые вещи для армии, следовательно, как он думает, придется еще зиму в Усолье сидеть.

«Итак, мы станем жить вдвоем и петь,
Молиться, сказку сказывать друг другу,
Смеяться над придворными и слушать
От них рассказы о мирских делах,

О том, кто силен, слаб, кто плох, кто счастлив,
И наблюдать мы будем сущность дел,
Как от богов посланники – и вместе
Мы проживем весь век в стенах темницы,
Не ведая тревоги и тоски».

(Король Лир)[128]

Когда я впервые полюбил женщину, то сыновья и все, кто хотел обвинить меня, ставили мне в вину увлеченье. Что же это значит «увлеченье»? А ничего не значит. Без увлеченья работает только машина. Увлеченье дается человеку как право на вход в рай, или как возможность стать богом. Но для этого нужно право свое оправдать жизнью. И до того редко бывает, чтобы кто-нибудь оправдался, что в небесное происхождение увлечения перестали верить и с именем богини Венеры стали связывать гнуснейшие вещи.

3 Июня. Понемногу весь день погромыхивало.

Заметили наши, что жена Кононова умнее его. Но он очень дельный и любящий семью парень. И может быть жена должна быть «умнее» (Толмачева и многие прочие многолетние браки). У Кононова большой «ум» на технику. Автомобиль, сделанный его собственными руками, стал основой семейного благополучия. Как техник он умен на все руки. Она же умна, способна, чтоб держать его в руках, советы давать в общем направлении жизни. Это, конечно, важнее, чем делать технику, и потому и говорим мы, что она «умнее». В этом смысле может быть и Ляля умнее меня, потому что в ней есть нечто высшее, чем мое искусство слова.

Юшков спросил жену Кононова: «На кого я похож?» И когда она затруднилась, он показал на свой лоб. Она догадалась и ответила: – На Ленина.

Теперь она начала понимать, что это и правда, вроде как бы Ленин воскрес или дожил, скрываясь, до нашего времени и увидел, к чему привело начатое им дело освобождения человека от капиталистического рабства.

Картина разложения «Ленина» в пекаре Семене: мания величия: 1) он знает такой учет при печении хлеба, который бы спас все человечество. 2) Считает всех ворами и об этом вечно шлет телеграммы Сталину и всем грозит Сталиным. В противоречие с этим, когда ему дают дело, начинает себе подворовывать, считая, что себе это можно. Его отовсюду гонят. 3) Деспот в семье: поработил лесничего, который каждый день должен писать о хлебопечении, начиная с эпохи каменного века. Лесничий сам необразованный, ему трудно. Все приемы великого русского человека из кустарей. Мне однажды при встрече сказал: – Погодите, вот разовью свое дело, и вам найдется занятие (писателю).

4 Июня. Любовь сопровождается перемещением мысли о себе и всем своем на другого и с той стороны при взаимности на тебя. Происходит как бы обмен своих «я»: она переходит в него и он в нее. Простейший путь для этого...

Новобрачные меняются между собой не одними лишь кольцами, с кольцами переходит, если они только вправду любят друг друга, и все свое: что у него было – к ней, что у нее – к нему. С этого времени он думает о ней, как раньше думал о себе, и она свою мысль и всю заботу переносит на него. Вот наверно отчего, если хочешь скоро понять его, то посмотри на нее и сразу поймешь, кто он такой, а если нужно ее понять – посмотри, с кем она живет. (В виде опыта я взял Ценского, Алексея Толстого и себя.) И так с этим глядишь на множество встречных и знакомых людей: хочешь быстро понять его – смотришь на нее, хочешь ее – смотри на него. Но, конечно, все с небольшой поправкой: если это не глубокий союз, а только он при ней или она при нем, то тут, конечно, ничего не поймешь.

5 Июня. Коровий рев. Каждое утро просыпаюсь, когда гонят мимо открытых окон коров и они мычат и ревут. Прежде меня просто радовал этот коровий рев, сопровождающийся хлопаньем кнута и окриками пастухов. Теперь при этом тупом бессмысленно-беспомощном реве отдельных коров я содрогаюсь, мне слышится в этом реве, в глубине его где-то заклю-

ченный человек, не имеющий возможности дать знать о себе своим голосом.

А когда после этого встаю и выхожу на росу, то даже и все величие солнца не удовлетворяет меня, и в лучах его, и в цветах, и в траве, и в росе, и уже в том, что солнце круглое мне чудится какой-то недочет, чего-то не хватает во всем этом, что пропущено или где-то заключено и скрыто, как в этом реве коровьем, слышном теперь уже издали, продолжает чудиться заключенный в темницу родной человек.

Хорошо, что я хотя и поздно, а все-таки это чувствую, но это не новое чувство, на этом чувстве создалась вера в переселение душ и множество чудесных сказок о животных в душевной связи с человеком.

После некоторого времени она в одном отношении стала для себя почти равнодушной к этому и, подозревая мои молчаливые упреки, говорила: – В этом когда-то был смысл и необходимость, без этого невозможно было узнать друг друга, но мы узнали, и я не знаю, зачем теперь это. Но ты не горюй, как только в чем-нибудь ты мне покажешься героем – это вернется ко мне. – А до тех пор? – Опять не горюй: я делаю это, как мать дает молочко своему ребенку. После этого я ей напомнил о нашей близости телесной, как будто даже постоянно растущей. – Что это? – Это... Она сказала неуверенно, почти с вопросом ко мне, как я об этом думаю: – Это, мне кажется, исходит из другого источника.

Получилось письмо от А. В. с благодарностью за картошку от неизвестного. В этом письме он пишет Ляле: «Я становлюсь теперь к твоему новому браку в лояльное отношение». Ляля была чрезвычайно обрадована, теща тоже сказала: «Будто камень отвалился от сердца».

Мудрость, диалектика, лукавство, хитрость, ложь, обман – где между всем этим границы?

Теща сказала: – Наша картошка показалась. Ляля так резко опровергает, что я вступаюсь: – Почему, Ляля, наша картошка

не может взойти: время пришло. И, по-моему, Н. А. зря не станет говорить. – Пойдемте, я вам покажу, – говорит теща. Ведет меня и показывает на Марусином раннюю картошку. – Ну и что? – спрашивает Ляля. – Марусина взошла, – отвечаю я. – Вот, – говорит Ляля. – Вот, – отвечает теща, – я ведь же говорила, что картошка взошла, и она взошла. – Нет, ты говорила, наша картошка.

И так у тещи постоянно: от какого-то врожденного страха перед правдой прямой линии она спасается в рассуждении, очень холодном, очень рассчитанном и внешне спокойном. За то я и зову ее рассудительной тещей. При одаренности натуры Лялиной эта тещина рассудительность превратилась в душе ее в так называемую диалектику.

А разве игра, даже детская, кокетство, привлекательность, всякого рода женская прелесть не содержит в себе обязательно диалектику?

А воспитание детей, а искусство?..

Но истинный герой действует по прямой и не нуждается в диалектике.

Так был однажды у Ляли жестокий спор о высшем достоинстве женщины: она утверждала, что ради чего-нибудь высшего женщина может стать проституткой, не теряя своего достоинства[129]. Ей возражали, что царственное достоинство высшей женщины не дозволит ей взять на себя роль жертвы...

После длительного раздумья пришел же к выводу, что пятна не мешают солнцу светиться, а линия моя мужская никогда не обрывается в наших отношениях: я все время веду такое дело, с которым никакая баба не справится (говорю об этом не потому, что стыжусь башмака, но потому, что знаю: целый ряд мужчин под влиянием жен-христианок превращались в баб и самых жалких). Это документ моих периодических бунтов, которые самому же при объяснении казались детскими.

6 Июня. Дождь, и весь день болит голова. На ночь объяснение «детского бунта». («Ты запутался»).

7 Июня. Дождь окладной на весь день. Внезапно раскрылась запутанность этого клубка романа моего, и стало радост-

но. Ляля собирает весь день вещи для поездки в Москву. Завтра едем в Москву.

19 Июня. На первых порах как приехали, мы заметили в обществе некоторую удовлетворенность бытием сравнительно с временем последнего приезда: всем стало лучше. Некоторое улучшение в пайках совпало с наступлением лета: сытнее и теплее, – это во-первых.

А потом продолжительное прекращение налетов у многих поселило надежду на то, что немцы вообще бросили заниматься Москвой и все свое внимание сосредоточили на юге. Благодаря этому – создание атмосферы политического равнодушия, какого-то «не знаю и не хочу знать будущего». Неважно стало решение войти в ту или другую сторону. И пусть хотя бы победит Америка, германская идея не пропадет: все лучшее, за что борются немцы, осуществят победители. А если немцы победят, то осуществят какую-то правду, за которую стояла Америка. <*Позднейшая приписка*: Эта правда состоит в необходимости для всего мира единого плана хозяйства.>

Договор о втором фронте рассеял равнодушную покорность длительной войны (исповедь Рыбникова, поместившего статью в сергиянском сборнике, снимающем обвинение сов. власти в религиозных преследованиях, и его восторг: «конец показался»). Возрожденный черносотенец и новая ориентация: не жид виноват («жид всегда и везде просто жид»), а виновата антигосударственная интеллигенция. Напротив, Яковлев (средний русский человек) государством вообще возмущается и хочет равных прав для всех национальностей («стремлюсь даже победить в себе антисемитизм») под покровительством Бога. Одним словом, из русского мужика и эсера вдруг выпрыгнул Рузвельт. Мало того, что через Яковлева провидился будущий русский американец, но даже ненавистный русскому московский политический жид в перспективе будущей Америки показался не противным (Елена Ис. Уфлянд). – Кому жить хочется, тому единственная опора – это еврей. – Еврей, как подвижная вода размывает неподвижный Берег, претворяет неподвижные принципы в удобрение бытовой жизни людей (компромисс).

(NB! В высокой сфере духа мы видели это размывание берега неподвижного образа в отношениях Ляли с Олегом: там свято – здесь пóшло и пошлó).

Происхождение собственности: из любви и страха за жизнь любимого в душе женщины рождается чувство собственности. Скупость: есть один из видов страха перед жизнью, точно такого же происхождения, как напр., страх площадей.

Происхождение собственности: Мужская линия борьбы всех видов за достижение благ (все вообще, как производство ценностей) является основой собственности. Самая выразительная в этом смысле борьба есть воровство. Женский страх за жизнь своей семьи (сохранение благ) закрепляет собственность.

20 Июня. Именины Ляли.

Смерть Сергея Владимировича Майорова.

В четверг утром в 5 умер от перитонита Сергей Владимирович Майоров. Последние слова его жене были: – Я не вижу тебя, Валя. И вслед за тем крик: – Умираю. Около 3-х дня, возвращаясь из Москвы, мы заехали к ним и были поражены жестокостью образа смерти. Казалось бы, милосердный Бог должен бы создать смерть, растворяющей в воздухе жизнь человека, сделать, чтобы образ видимый человека исчезал как мираж. А теперь для чего этот труп с неумелой возней возле него чужих и близких людей?

– Он был единственный на свете, – рыдала Валя, – мы с ним были единственные.

Какие-то тетки говорили, что отпевать будет священник, а похороны будут в субботу. Когда же мы приехали домой, то нашли у себя письмо от еще живого Майорова, который трогательно благодарил меня за присланные ему книги и звал к себе.

Неприятно вспомнить, как я у Яковлева, вероятно, вызванный признанием себя последователем демократической Америки с рузвельтовским Богом, я назвал себя православным христианином, и Ляля в ответ на это подала реплику: – А в церковь не ходит.

Крученых. Прохвост из прохвостов теперь, а когда-то соратник Маяковского и Хлебникова подошел к нашему обеденному столику и сказал: – Вот вы образованные писатели и художники хорошо знаете Герострата, который сжег Эфесский храм[130], но вы наверно не знаете, кто этот храм построил. Отсюда вывод: люди помнят больше разрушение, чем созидание. – Неверно! – возразила Ляля, – вывод истинный это, что люди не любили и не ценили этого храма.

Умри с пользой. В воскресенье 14/VI услыхал по радио голос кого-то, обращенный к фронту... Мы говорили на тему о реформации, что сущность ее состоит в рационализации религии с целью возвратить к религии людей, перестающих почему-то верить просто, без доказательств. Так хотел сделать Лев Толстой у нас реформацию, но она ему не удалась.

– Потому не удалась, – сказал я, – что всякая рационализация, в конце концов, предпринимается с целью эксплуатации, т. е. использования. У русского же народа нет меры для того, чтобы рационализация стала реформацией, у него в душе или бесполезная святость, или грабеж душ.

В это время меня перебил голос по радио, обращенный к фронту:

– Ты умри так, чтобы от смерти твоей была польза.

Св. Пантелеймон. В воскресенье 14-го мы зашли к Ивану Воину. Везде у икон горели свечи, только св. Пантелеймон остался в темноте. Я поставил свою свечку, потом за мной еще кто-то, еще, еще, и многие стали прикладываться с умилением и страстью. И я чувствовал, что мое простейшее движение души поставить свечку сиротеющей во тьме иконе и было тем истинным и достаточным делом в церкви, которого напрасно добиваются иногда всю жизнь мудрецы.

Между тем это простейшее движение души открыло моему уму и сердцу целый необъятный мир присутствующих мертвых, не успевших воспользоваться плодами творчества новой жизни для себя. Я вспомнил Олега. Этот Олег был теперь здесь, и все были здесь святые, люди, изжившие себя для других, и с ними мы тут в соборе живые, кто должен жить для себя и об-

ращаться к святым за помощью. А святые с икон смотрят на них, кто с печалью, кто с радостью, и кто со строгостью, уверяя живых, что им это кажется только, будто они живут для себя: придет время – и они все соберутся в невидимый град и там узнают, для чего каждый жил.

Америка. После поездки Молотова, в Москве повеяло Америкой, стали говорить, что сахар, сало и на фронте даже и мясо – американские. Многие стали мечтать, что после войны уедут в Америку, как мы, гимназисты, когда-то бежали от латыни в Америку. И с мыслью об Америке все русское стало округляться, начиная даже с исторической географии (Россия без вредных соседей, Германии и Японии), кончая жидом: жид не дьявол, а такой же, как мы, человек, есть, пить хочет. И Бог так весь округляется в добро, и даже сам Бог в словах Рузвельта становится похожим на энергичного деятеля, удовлетворяемого постоянной борьбой за добро.

Рыбников спросил митр. Сергия: – Рузвельт – это Розенфельд?

Сергий, улыбаясь, замотал головой: – Ну, ну, не надо. Ну, ну, нет.

И смысл его отрицания был тот, что ну, конечно, жид, только что это жид? Ну, жид и жид, а дело вовсе не в том, дело в том, чтобы и жида обойти, и чем плох жид, если он тоже в пользу церкви действует. Жид и жид, ну, что это значит?

Яковлев прямо сказал, что все нации имеют равное право на существование. – И даже евреи, – сказал он, – как это ни трудно нам русским после всего признать, но надо: я сейчас работаю над преодолением в себе антисемитизма. – Словом, время повертывается в пользу жида во всех отношениях.

21 Июня. Накануне годовщины войны.

Весь июнь проходит холодно-дождливый. Вчера мы ходили в Купань за творогом. Ляля вернулась к своей христианской любви к матери. – И знаешь, – сказал я, – и лицо твое стало каким-то христианским, что-то от Магдалины. – Но, – ответила она, – мама этого не понимает и не справляется, из какого

источника происходит: ей нужно лишь отношение. Подумай, милый, как это просто: она же наивное существо, ее стоит обласкать, погладить, и она делается кроткой, как овечка.

Одним словом, Ляля, сотворив всю беду, вовлекши в беду и меня, теперь она очищалась от наваждения и становилась доброй Магдалиной.

– Знаешь, Ляля, – сказал я, вздохнув, – мне просто жаль тебя, нет, просто жалко видеть тебя в состоянии христианского смирения. Понимаешь ли, для близкого любящего человека хочется видеть друга скорее в состоянии цветущего язычества.

– Понимаю, – ответила она, – без этого язычества или просто предметности в человеке все христианство становится безликим туманом духовности. С другой стороны, одна эта предметность, как у мамы, ведь это тоже «как у всех», тоже безликая родовая страсть, называемая «любовью». Такие святые, как я думаю, Зина, соединяют в себе и то и другое в состоянии горячего чувства победы одного над другим. Вот, скажем, маме она напишет утешительное письмо: она, конечно, знает недостатки мамы и напишет утешение, учитывая недостатки про себя, но мама этого претворения пороков другой душой не заметит и наивно сочтет себя за хорошую и утешится.

– Значит, для этого утешения нужно смотреть на другого человека не как на равного, а как на ребенка.

– Да, надо чувствовать себя старшим.

– Так почему же ты-то все знаешь и вдруг почему-то срываешься и выходишь из себя?

– А надоедает жить в вечном неравенстве, она мне физически становится противной, и я начинаю войну. После же войны я стою неминуемо перед выбором: или я равная ей, и тогда мне надо бросить ее, уйти, оставить умирать ее в злобе, или сделаться старшей, утешить ее любовью из христианского источника (она все равно ведь не поймет, откуда это берется) и так создать перед смертью ей радость.

– Значит, при неравенстве мы должны пользоваться обманом?

– Почему же обманом, если это есть истинная любовь, только они ее не понимают, как дети смерть не понимают. Мы же не хотим обмана и смерти, и действительность есть то, что мы хотим, т. е. любовь, а не смерть и обман.

– Ну, а если мы равные?

– Чего же тут думать: мы с тобой живем как равные, мы знаем и ту нашу первичную любовь и эту, и боремся, и достигаем, и видим в себе, как то постепенно переходит в нечто другое.

Подумав немного, она сказала: – Знаешь, милый, мне верится, что с тобой я вовсе вышла из плена; как мне радостно думать, что Алекс. Вас., как муж законный, больше мне уж не мешает. Знаешь, мне может быть следует в обществе перестать улыбаться, стать как жена философа Лосева, строгой и замкнутой?

– О нет, – ответил я, – улыбайся, ради Бога, улыбайся, моя милая. Делайся строгой, постной, безулыбочной перед Богом, но близкому любящему хочется видеть друга скорее в состоянии цветущего язычества, чем тощей постницей с рыбьим длинным лицом.

– Вполне понимаю и сочувствую, – ответила она.

Вот это восклицание Рыбникова на наш вопрос о политическом положении, что «концы показались», есть историческая характеристика дня, после чего начнется деятельность в смысле «концы с концами сводить», т. е. приспособляться и создавать так называемый «мир».

Бог есть вселенское «Да» (утверждение), и если сказать «нет Бога», это значит отрицать утверждение и вместо «Да» сказать «Нет», т. е. утвердить Ничто (Черта).

Зина – это святая, и если только она вправду святая, должен об этом сказать так (словесный оборот Ляли, открывающий склад ее мышления): допуская Нечто, она ставит его перед возможностью отрицания, т. е. обращения в Ничто, чтобы перейти к утверждению (стилистическая диалектика).

Карнеджи в кругосветном путешествии наткнулся на мысль о том, что Царство Божие внутри нас и понял ее в том смысле, что Царство это не где-то в будущем, за гробом, а здесь на земле в настоящем, и все обязанности наши относятся к настоящему[131]. Это понимание неоспоримо в отношении человека, вы-

ходящего из ребяческого религиозного сознания. Но если бы этот американец заглянул сквозь «настоящее», то понял бы, Царство Божие в этом настоящем времени только рисуется, как на матовом стекле фотоаппарата, и что в истинном Царстве Божьем нет ни настоящего, ни прошлого, ни будущего. Там вовсе нет времени.

22 Июня. Годовщина войны.

Дождик непрерывный день и ночь, залило землю. Очень бы хорошо для огородов, но холодно, огурцы не растут, несколько дней тому назад показались грибы.

К характеру Раттая. Однажды он надумал подарить своей возлюбленной Нат. Арк. 1000 р. и с большим трудом уговорил ее принять этот дар и на ее вопрос «с какой стати», отвечал: – В знак моей признательности. – После этого они решили отправиться на трамвае в гости. И когда у Нат. Арк. не нашлось гривенника на трамвай, Р. ей сделал сцену: ему было жалко своего гривенника. Это понятно. Тысяча руб. – это было его творчество, он делался в своем воображении героем романа, а гривенник на трамвай это повседневная принудительно-скучная дань.

Когда мне приходит в голову что-нибудь дурное про Лялю, то потом всегда оказывается, что это я сам придумал из тончайшего чувства ревности. Так было в Москве, она не пришла ко мне с вечера и уснула в кабинете. Мне этого довольно было, чтобы с горечью подумать об ослаблении чувства с ее стороны. На самом деле этого вовсе не было, скорее напротив. Я это выдумал из тех же мотивов, как Отелло о своей Дездемоне. Ляля не пришла ко мне, потому что устала за весь день, плюхнулась в постель и уснула. А мне хотелось с нею шептаться и ласкать. Причиной моей выдумки была эгоистическая претензия. Так и у Отелло его ревность вытекала из чувства собственности на самую душу Дездемоны. То же самое было и у Е. П., когда она ответила Караваевой: «Материально у меня все есть, мне он все дал, мне нужен он сам». Так что ревность надо понимать не как усиленную любовь, а как усилие страстно любящего добраться и захватить самую душу, свободную от страсти в своем суще-

стве. Эта же претензия суконного рыла на царственный трон есть глубочайшая основа собственности. Всякий стяжатель, даже самый наивный, через богатство свое хочет «в люди» выйти, на этом основана и широкая благотворительность американских миллиардеров.

Все недовольны А. Толстым, занявшим первенствующее положение в литературе: он живет сам для себя и никому не приходит на помощь, как Горький. И эти упреки в необщественности справедливы, поскольку они указывают на человеческую ограниченность художника. Наоборот, Горького упрекаешь за пренебрежение талантом из-за общественности. Толстому хочется написать хорошо, Горькому – сделать добро. В конце концов, оба писали неважно, потому что Толстой кого-то обманывал, Горький сам обманывался.

23 Июня. Продолжается холод и дождь. Грибы слабо растут. Ходил в Конякино и в три часа нашел три боровика.

«Концы» все яснее показываются. Немцы, начиная войну, были уверены, что Англия помирится за счет России. Возможно, что это бы и случилось, если бы Германия без особых потерь захватила Россию. А Англия принялась всерьез воевать. Так или иначе, но русский мороз опять русским помог: после мороза немцы стали воевать вяло.

24 Июня. Ляля говорит, что женщины вообще все друг против друга и, если встречается между двумя дружба и длительная совместная жизнь, то это объясняется неженственностью одной из них. Жить вместе не могут – это да, но сочувствия при встречах у женщин больше, чем у мужчин. Одним словом, бабье...

Помню Мережковскому я сказал, что «Пан» Гамсуна превосходная поэма[132].

– Раза три прочел, – ответил Мережковский, – и не мог понять, чем увлекаются, если герой – дурак.

– Я тоже читал, – ответил Блок, – там чудесная природа, а так... я тоже не пойму ничего.

– Но это же немало, дать природу, как Гамсун?

– Я не знаю, – сказал Мережковский, – какой интерес заниматься природой после Гете: о пантеизме все сказано, все пережито, все старо.

Совершенная правда была в словах Мережковского, но она тогда не могла меня тронуть, потому что я сам должен был пережить пантеизм, по-своему.

25 Июня. Е. П. прислала Дуне письмо, в котором пишет, что я увез все ценные вещи и оставил ее умирать с голоду... Я написал ей, что собирался ехать к ней, проведать и помириться, но, узнав о письме, отложил и обещаюсь, что если она такую злобу будет на меня изливать, после войны ей помощи от меня не будет.

26 Июня. Как заяц сапоги съел[133].

Два дня солнечная благодать с теплом и светом взяли свое, комар показался. Ездили в Нагорье (председатель Райисполкома Голубев с историей с «автографом»). Маруся, лаборантка, вдова в 20 с чем-то лет, как водится, сын на руках, дочь председателя сельсовета в Меринове, охотника Ивана Яковлевича – а фамилию ей-богу не знаю, вспоминал, спрашивал и тоже люди не знали: Иван Яковлевич, охотник, и как фамилия его – ни к чему.

В Меринове рассказ Ивана Яковлевича о Кумашенском: как заяц сапоги съел. Заяц русак, Руська, под печкой жил. Додержу до Петрова дня и съем. И так год продержал. Кумашенский приехал. Хорошие сапоги, американские, с крагами, хвалился ими. Заяц ночью объел: отделил головки от голенищ. Хозяйка увидела, ахнула и к мужу: – Яковлич, заяц сапоги съел. – Не может быть! – Погляди, съел. – Федор Андр. спит. Стерегу, спрятал сапоги, жду. Глаза открыл. – Заяц сапоги съел. – Ты пьян. – Нет, воистину съел. – Русь, Русь. – Прицелился. – Нет, жалко, заяц хорош, на, убей. – А сам собрал свое и вышел. Я взял винтовку, прицелился, а он под печь, а я в печь. Вышел из дому, отдаю винтовку, спрашивает: – Убил? – Чай, – говорю, – сам слышал. – И для виду махнул рукавом по глазам и отвернулся: – Хорош был заяц.

Вести, что немцы близко, пальба: корова, коза и заяц. Ночью заняли. Картошка зарыта и вся животина со мной. Открываю двор, смотрю: Федор Андр. одноглазый капитан. Ну, конечно,

обрадовался, то ли ему, то ли что картошка есть. А он слушает и не слушает и единственного глаза не отводит от зайца, и тот будто винится: это не я, это не я. – Русь, Русь, – говорит. Он и поверни голову. – Да это он, – говорит, – как же ты сказал, что застрелил? – Нет, Федор Андр., – отвечаю ему. – Вспомни, как было. Ты спрашивал: «Убил?» А я в ответ тебя спрашиваю: «Вы слышали?» – «Слышал», ответили вы. А этого вовсе не было, я не говорил, что именно я убил зайца. – Ну, люди, люди, – смеется он. – Я рад, что ты не убил. – Вот, – обернулся он к жене. – Я ему о царапине. А он, как и вы, посмотрел и сказал: – Пустяки... – к жене: – А ты говоришь, что ружье стоит тысячу рублей. Ружью моему нет денег, а они, черти, мне его поцарапали.

В Желникове учительница Елиз. Фед. Белоярская, дочь священника в Копнине. Ее фикусы и детский сад. Ее фикус – райское дерево: на суки становятся. Общественное дело – пересадка фикуса. Зимой сугробы, а дети в саду (впервые понял, для чего фикусы). Ее кроватка под фикусами. Происхождение «детский сад» (начало: за революцию жизнь нас научила быть на страже к недобрым людям). Но мы еще, так я думаю, плохо научились оценивать наших хороших людей. Таким забытым и обойденным работником я считаю одну из старейших учительниц нашей Ярославской области Елизавету Федоровну Белоярскую. Представьте себе нашу суровую зиму, сугробы снега, пальбу. Вы входите в школу и видите перед собой не класс, а густой зимний сад и в нем детей.

Ляля сказала: – А мне ее жалко, я знаю, какой ценой дались эти достижения. – А может быть, никакой цены не было, а просто взошло доброе семя. – Да, новое так и пришло к ней, а не сама это она добровольно и радостно взяла на себя. Вот если бы это я... – Ты бы не могла сделать, потому что это было бы, если б ты взяла на себя, гордостью о «сама». – Это невозможно, между Богом и «сама» должно быть семя: это добро является из семени. Между Словом (логос) и делом в этом случае должны были пройти поколения попов православных.

В свете этой подвижницы школы жизнь Ляли, определенная на уход за матерью... Этот «уход» является очень похожим

на возражения Толмачихи Дунечке: «Равноапостольная». Она к этому приходит через жалость, которая в свете ее назначения кажется слабостью («привязанность»). Вот почему, если я хочу сохранить нашу любовь, я должен истратить все силы, чтобы не давать ей спускаться и не превращать ее жизнь в уход за собой, как за ребенком. Она должна жить в поощрение моего мужества, но не слабости.

В начале войны ружья у охотников отобрали, но потом возвратили.

– Вам, Иван Яковлевич, ружье вернули?

Иван Яковлевич принес свое ружье.

– Вам, – сказал я, – значит вернули.

– Вернули, – ответил он с горечью, – но поглядите, в каком виде.

Мы осмотрели стволы на свет и не увидели ни одной раковины, кроме двух царапин. Но понял, что эти-то царапины, не имеющие никакого значения, и не волнуют охотника. Может быть, указав на эти царапины, он и хотел погордиться сказать: «Вот какое ружье и как люблю его я: царапины-то чуть не плачу».

– Это ружье дорогое, – сказала хозяйка, – это ружье теперь стоит тысячу двести рублей.

– Что? – с яростью воззрился на нее, помолчал, повесил ружье на прежнее место и сказал «дура» своей почтенной и наверное любимой жене: (Дура ты, баба!) Это значило, что не тысячи и не миллионы, а ружью его нет цены, и эта хозяйка тем дура, что для нее нет вещей без цены.

Это ружье, оказалось, ему подарил сам Кумашенский Федор Андреевич как лучший охотник и теперь старший командир действующей армии.

– Жив ли Федор Андреевич? Спросили мы?

– В действующей армии, полковник.

– В такие-то годы?

– А что ему годы? Не годы человека, а сам человек красит время, сто и двести лет пройдет у нас...

Обругав жену, он выпил чаю, пришел в себя, чему-то улыбнулся и сказал, обернувшись к подпечке:

– Русь, Русь!

Из-под печи на кличку Русь-Русь вышел здоровенный заяц-русак.

– Вот через этого зайца я ружье...

И похвалив разными словами зайца, и рассказал нам о нем замечательную историю о том, как этот заяц у капитана съел сапоги...

На днях он пришел к ней и оказалось – вся беда (сомненье, ревность, «вопросы») была от этого. Сразу все прошло. – Почему же ты раньше не сделал? – Я не знал. – А почему теперь? – Я тоже и теперь, когда шел, я шел за утешением, не за этим. – Как же это вышло? – Просто вышло. И это «просто» стало спасением от греха. И во всем Хрустальном дворце нет запрещенной комнаты.

В Нагорье я сказал моей знакомой: – Маруся, найди нам молочка. – Она скоро пришла и повела нас на квартиру председателя РИКа. – Жена его, – сказала она, – пошла на полдни корову доить, а мне отдала ключ. – Ты, Маруся, – сказала она, – знаешь, где у меня молоко, есть крынка утрешняя и есть в печке топленая, дай гостям обе крынки. Маруся ввела нас в дом председателя, усадила за столом и принесла молока. Когда мы выпили, я оставил на столе записку: «Уважаемый председатель, пил у вас молоко, благодарю. Храните мой автограф, через сто лет за него деньги заплатят, и это будет вам за молоко». И подписался. После нам Маруся рассказывала, что вечером зашла к председателю, а он на полу сидит и вокруг горы бумаг, только голова из газет торчит. Оказалось, не понял мою шутку и, прочитав «автограф», стал искать на столе мою фотографическую карточку. Не увидав карточки, он подумал наверно, что я где-нибудь в газете посреди каких-нибудь орденоносцев и, достав комплект газет за год, навалил вокруг себя на полу горы бумаги, а которых искал ценный «автограф».

27 Июня. Вышел сеятель на поле и бросил древесное семя. Только бросил, и началось для семени на поле время: семя упало на добрую почву и начался рост дерева, и так росло оно триста лет. (Елиз. Федор. церковное семя и Ляля как сеятель слова.)

Набрал в Конякине на жареное боровиков, написал рассказ: «Как заяц сапоги съел».

28 Июня. Ветхий Завет – это история семени, которому надлежит во времени раскрыться.

Новый Завет – победа Мысли (Логос) над временем.

Живое чувство несет в себе мысль, как женщина дитя в утробе своей.

29 Июня. Грозилось за день много раз, но дождя у нас не вышло, а вечером далеко на западе на открытой оранжевой заре полосы дождя, как волосы, соединяли небо с землей.

Белые грибы нынешний год растут не как всегда у нас под елочками, а по чистым белым и бархатисто-зеленым мхам между соснами.

Жили-были в лесу грибы мухомор и боровик, стояли оба в березках и друг друга видели.

Совсем закончен и утвержден рассказ «Как заяц сапоги съел».

Окунь сильно клюет на Нерли. Рыбу едим, линей и карасей с белыми грибами.

Немцы продвигаются вперед понемногу. Одни говорят, что если так у них пойдет продвижение, то, значит, они вовсе ослабели. Так ли шли они в прошлом году. – В это время, – отвечают другие, – прошлый год только война началась... Всяко говорят, но все-таки большинство как-то не беспокоятся. Однако несомненно, что события крупнейшие на волоске[134], вот-вот волосок перегорит.

30 Июня. День начинался неохотно, дождевые тяжелые облака раздвинулись и открыли солнце только к семи утра и на открытом голубом всюду были кошачьи хвосты, верные предвестники ненастья. В лесах вывалил весь слепень.

1 Июля. Странный предрассудок был во мне и раздвоился в отношении славы: в тайне, скрытой от ясного сознания, чувствуешь, что вся моя литературная деятельность движется славой. В то же время я сознаю, что и совершенно искренно говорю и себе и всем, что дело не в славе и славы я не добиваюсь. Вместе с приходом Ляли двойственное отношение к славе кончилось, я теперь признаю, что вся деятельность моя направлена к славе, но только слава эта не людская, не временная, не от мира сего, эта слава как самоцвет в короне божественного существа.

Но пусть моя слава в конечном своем идеале не от мира сего, но она через мир проходит, и я здесь на земле определен на борьбу за нее. Вот почему я страдаю, когда мне что-нибудь не удастся и кто-нибудь отказывает мне в признании: потому что это создает новое препятствие и трудности на моем пути к той большой славе.

В деревне люди изверились, что война скоро кончится. Это изверие соединяется с концом недавней уверенности, что немцы освободят Россию от большевиков. Так что «немцы» это было последним обманом: чаяли, что большевизм через три дня кончится, потом через месяц, потом НЭП их съест, потом... без конца, и наконец, пришел конец – «немцы» – такой верный и ясный конец, и вот опять – нет конца.

Но почему вы интересуетесь мнением деревенского обывателя? Не остатки ли это народничества, или толстовства, и былой Утопии?

2 Июля. Углем на стене[135].

Чувство природы, возмещая отсутствие или утрату любимого человека («хороши вы, когда нет ее»), поднимает душу к Богу. Но душа двух любящих, соединенных в Боге, – есть сам Бог. (На молитве углем на стене при молитве о здравии Валерии.)

Почему-то вспомнился Герцен, как смешной петушок, и это перекинулось на себя, как тоже по старой традиции попытка сказать будто бы что-то свое собственное, независимое от об-

щей мысли, или, напротив, пребывающее где-то за пределами этого настоящего ложного общества – в народе.

Между тем, это истинное общественное мнение (народ) исходило от какой-нибудь небольшой кучки дельцов («Бесы»), тогда и теперь тоже от фракции, определяющей «генеральность» линии партии. Вот эта подчеркнутая рационализация личного самоопределения («разъяснение») создала в наше время не петушков, а «подхалимство».

Быть петушком, как Герцен, упиваться самообманом теперь никто уже не может («Правда» бдительна). Потому что теперь все это разъяснено, все вывернуто до того, что сам зам. патриарха Сергий ездит в автомобиле к Чагину (еврею) в Гослитиздат и получает кремлевский паек. А Горький – разве это не трагикомический опыт выпрыгнуть личностью из предопределенного положения казенного «петушка». А Толстой Алексей Н., разве это не пример крайней упрощенности отношений личности и общества («подхалимство»).

Остается нация, я – как русский, как преемник лучших представителей России, национальный писатель. И тут практический политик-еврей подставляет национальному представителю ножку, и тот падает в грязь. И национальный писатель не может подняться и дать в морду «жиду», потому что в лице «жида» вписаны законы великих пророков еврейского народа. Так что тут теперь никуда ни с чем своим не выйдешь в люди и всякую попытку надо бросить и ждать прихода нашего корабля в «Америку» Майн Рида. Так и плыви, писатель, помни, что вокруг тебя океан, и ты не можешь ходить по воде: сиди смирно, дожидайся, спускайся в каюту, поднимайся на палубу, питайся, покуривай, плыви, плыви в желанную Америку.

3 Июля. Вчера на мокрых лугах поднимался туман, и мы догадывались – вёдро на завтрашний день. Но сегодня с утра все небо как матовая лампа...

Нам рассказали, что в Усолье многие видят крылатого змея, как он, бывает, ныряет в трубу. Это навело нас на вопрос: могут ли быть бесы? – Если мы, – ответил я, – с тобой в Боге живем, то о каких бесах может быть речь: мы счастливы. Но кто в одиночку живет, тому, конечно, трудно уберечься от беса – зна-

чит, бесы являются от личного воображения – галлюцинации. Это все равно как назвать и отчего. – А вот было, – рассказала Ляля, – когда я еще не пала совсем, но пришла в состояние падения. Ночью к нам постучались, и явился Олег. Он сказал, что во время молитвы перед ним упал крест, а Даниил сказал: «Поезжай в Москву, там какое-то случилось несчастье».

– Значит, вы жили с Ал. Вас. хорошо. – Да, с тех пор, как я про себя решила, что он мне не муж. – А он догадывался о твоем решении? – Нет, но он думал о чем-то своем и занимался геометрией. – Мне говорила Настя, какой он тебе муж, он слизняк какой-то, выжми из него все и брось. И я внутренне бросила, и с тех пор у нас были дружеские отличные отношения. Но с тех пор я стала всюду высматривать себе, искала, пробовала, делала опыты и ничего не выходило, пока не нашла тебя: ты счастливый, и я тебе незаменима. Ты найди себе еще такую жену, что и пятки твои грязные охотничьи щеткой в кипятке оттирала, и подхватывала на лету и навсегда запоминала и утверждала каждую твою поэтическую и философскую мысль...

Вот это-то самое важное в ней, что она в любви своей ясно видит и знает, кем она должна быть, кто она есть и что ей надо делать. Часто думаю, что это ей пришло, когда она была царицей: тогда в ней создавался этот идеал, и она, побывав на троне, никогда с этим сознанием высоты своей не расстается.

На очереди передать ее игру в мечту, в сказку, как наша жизнь в будущем будет по мечте-сказке складываться. – Мы тогда, знаешь, когда приедем в Америку, купим складную широкую кровать и одеяло, какого цвета, думаешь, будет у нас одеяло? Я думаю, оно должно быть небесного цвета и солнечного: голубое с желтым.

Мы ездили на резиновой лодке, нарвали золотых лилий, въехали в такую заводь и пробовали, можно ли в путешествиях спать на воде. Оказалось, очень хорошо можно лежать. – Поплывем в Америку. – Ну, давай, мы плывем.

4 Июля. На резиновой лодке вниз по быстрому течению будто лежа плывешь на облаке: и вверху голубое небо – все небо и небо! И внизу в глубине земля зеленая, лес опрокинутый. Вот

вижу себя самого плывущим по небу на облаке: совершенно как я лежу в халате, и лоб мой большой, и кудрявый затылок и нос попугайчиком, лежу, плыву в великолепном покое.

Странно мне думается на облаке как-то надвое о всем, что приходит мне в голову: то же самое, глядя на небо, кажется добром, и что внизу – злом. Думаю о славе художника, и вот она там внизу в опрокинутом виде деревьев, цветов. Чуть заденешь воду веслом, и все смешается и все окажется обманом. Тогда на рябинках взволнованной воды видишь множество бабочек-подёнок и всякого рода мушек, обманутых прозрачностью воды и ставших добычею рыб.

Как я боялся такой славы и как втайне чего-то подобного страстно хотел, и не смел себе признаваться в этом. Я теперь на облаке, когда стало все надвое думаться, так ясно видно, что я боялся славы именно той, которая там внизу, и втайне робко хотел, боясь нижней славы, той великой спокойной невозмутимой и бессмертной славы, которая поднимается к небу и вызывает туда к себе из земли и заставляет туда подниматься высокие сосны и ели в хвойных лесах и стебли хлебов на полях, и цветы на лугах. И все это вместе, поднимаясь, не славится собой, а славит всё, получая через это образ и подобие всеобщего добра и красоты, добро – в обилии плодов, красоту – в подобии солнцу. Так и я, когда-то смущаемый тем, что люди между собой называют славой, втайне тянулся, как все живое, к той истинной небесной славе.

После славы я думал о любви, что и любовь тоже двойная, одна идет вниз для себя, порождая злую собственность, насилие, смерть; другая, поднимаясь вверх к небу, поднимает каждое существо, как единственное незаинтересованное временем, значит, и бессмертное.

Даже и власть раздвоилась на ужасное насилие, зло, находящее себе лицемерное оправдание в необходимости, и на власть, как на влияние сильного духом на слабого.

Так я плыл на облаке, и не было, не находилось ни одного имени, означавшего прямое зло, чтобы оно не нашло себе оправдания, когда из его опрокинутого в прозрачной среде состояния поднимаешь наверх и ставишь на место в направлении к солнцу.

И чудится так, лежа на облаке, будто эти бесчисленные подёнки-бабочки одни падают вниз, обманутые прозрачной средой воды, другие поднимаются вверх в брачном полете – это мы, люди, так живем, обманываясь тем, чего нет, и втайне робко, смущенно сознавая в глубине себя, что это же самое зло где-то и как-то перевертывается и, устанавливаясь в твердой среде, становится красотой и добром.

Когда я, сложив лодку, привесил ее себе на спину и вышел на дорогу, там люди возились с автомобилем. Выбиваясь из грязи, машина ревела всеми адскими голосами и брызгалась грязью, и воняла. После плаванья на облаках и забвенья времени, я стал свидетелем, как люди всю свою заботу вкладывали, чтобы выбраться из ямы и попасть вовремя, видел, как выбралась машина и полетела стрелой, обгоняя обозы гужевого транспорта. И вся эта машина летящая была свидетельством, что в этом и было всё в людях: чтобы догнать время недогонимое.

Божий суд. Поэзия не есть простое воспроизведение действительности, а божий суд над ней. Вот почему требуется время, чтобы переживание или впечатление или так называемая действительность стала предметом поэзии: нужно время поэту-судье, чтобы во всем разобраться, одно осудить, другое оправдать, все рассудить и создать достоверность.

Еще о местной политике. На Украине урожай поспевает, и теща обеспокоена неразумным поведением наших союзников – зачем они хотят отдать немцам урожай. Тревога забирается и ко всем, не очень-то многим, кто поверил заверениям Черчилля[136] и телеграмме английского короля Калинину. Начинается опять неверие англичанам, как не верят большевикам, что они во имя всеобщего мира откажутся от претензии на господство над миром.

В этом и есть основа недоверия к Англии, в убеждении, что коммунизм и капитализм несоединимы, и легче Англии соединиться с Германией, чем с нами, и что победить Германию значит отдать Европу коммунистам.

Консерватизм. Прошлый год осенью я решил воспользоваться случаем и купить, хотя и непомерно дорого, в запас

небольшую свинью. Я понимал, что при быстром падении денег «дорого» – не есть дорого, потому что пока будешь искать подешевле, это дешевое сделается более дорогим. Надо было хвататься за случай, и я купил. Тогда, истощив все аргументы против дорогой покупки, теща высказала смелую мысль: надо подумать о том, что хранить продукт трудней, чем добыть, вы достали свинью – вам это легко. – Это, – ответил я, – не так легко случай поймать, попробуйте! – И вовсе не трудно и это вовсе не труд. И я говорю твердо, что легче продукты добывать, чем их сохранять.

Так прошла осень, зима, весна, лето настало труднее без мяса, мы хватились за свинину, а она за это время протухла.

– Вот видите, – сказала теща, – я говорила, что хранить трудней, чем добыть. Тогда вы смеялись надо мной, а теперь нюхайте!

Судьба. Человек шел в лесу, наклонился и срезал гриб. Ему вслед шел другой человек по грибам, и пока первый, срезав гриб, дошел до другого, на том месте, где он срезал, вырос новый гриб. И так обоим искателям с одного и того же места досталось по грибу.

А сколько бывает, один проходит, не заметив, а другой берет. Вот почему, когда народ валит в лес за грибами, никогда не надо этим смущаться и оправдывать свою лень тем, что будто бы народ все грибы раньше тебя в лесу собрал. И конечно, против этой лени и зависти народные мудрецы пустили такую мысль, что твой гриб тебе предназначен, тебе одному и дается вроде того, что у каждого гриба есть своя судьба.

Такое поверье, созданное словами мудреца, убедило простых немудрых и ленивых людей, убеждало не терять надежду на свое личное счастье и веру в свою судьбу. И долго так жили, надеялись, верили. Но теперь одумались бездарные ленивцы, опомнились и сказали: – Все это выдумки, – ни у людей, ни у грибов своей судьбы нет.

Севастополь пал. – Какая это Россия без запада, центра и юга, без интеллигенции? – А я уже давно не имею этого чувства к России и интеллигенции. – И церкви? – Какая же церковь у

нас? – А мы с тобой. – Мы с тобой – это верно, но нас везде примут, все народы.

Теща, поверив в Америку, теперь побывала у Захарихи и напиталась «народностью», и малодушно стала пятиться назад: оказалось, Америка была только мечтой. В нашем бедствии мы бежали мечтою в Америку, как гимназисты в такую же Америку бежали от латинской грамматики. Слухи о разложении фронта, об измене под Севастополем и полном неверии в Америку, потому что коммунизм не соединим с капитализмом, что под личиной договора на 20 лет об устройстве Европы большевики таят революционный захват всего Запада, а может быть потом и всего мира. А наши союзники тоже неискренни и водят наших за нос вторым фронтом. Немцы же все идут: Тобрук пал, Севастополь пал[137] и скоро возьмут украинский урожай, а второго фронта все нет и нет. Так возвращается упадочное настроение и встает вновь ориентация народная на немцев, как неизбежных устроителей русской земли. Пора бы уже понять, что в этой войне нельзя исходить из личного благополучия, что мы, обыватели, давно уже не при чем, что это не жульничество с той или с другой стороны, а Суд истории совершается. Тут борьба идей: Америка – благополучие личности, Германия – благополучие народа (нации), Россия – благополучие всех. Тут все правы: семена добрые, а удобрение – кровь.

5 Июля. Всего три недели тому назад клевал Рыбников (договор с Англией и Америкой). Теперь клюет Птицын (паденье Севастополя и Тобрука). Рыбак и два поплавка.

6 Июля. Время около Владимирской (Светлое озеро)[138], через неделю Петров день и немного меньше месяца до Ильина дня. Гроза к вечеру. Ночной дождь.

Основная движущая сила в Ляле есть вера во Христа, соединенная с чувством целомудрия и свободы личной. Это устраняет зависимость от родового насилия.

Я сказал Ляле:

– До тебя это дошло теперь, но подобное подхалимство в Церкви давно было известно, из-за этого и отошли от Церкви революционеры.

– Разве я этого не знала, – сказала Ляля, – я в этом всегда чувствую правду революции. Но это не мешает мне ходить в Церковь и слушать литургию и самой в ней участвовать.

В этих словах Рыбников с отвращением узнал бы «интеллигентщину», как основного врага Церкви, большего, чем жидовство.

Телесная близость (половой акт) у Ляли есть средство духовного сближения, и как только сближение произошло, необходимость в этой телесной близости и само влеченье у нее исчезает. Напротив, у Алекс. Вас. телесная близость есть источник власти (собственности) на тело жены с целью своего собственного воспроизведения в детях (продолжения рода). Вот эта претензия на господство над личностью, заключенная во всякой такой «любви», и есть причина отталкивания Ляли от ее любящих (то же и матери).

7 Июля. Жарко. Покос.

Влажно-жаркие дни с грозами. Начался покос трав. Сила комара сбивает.

Письмо от Цветкова с просьбой указать место на восток от Москвы – значит, на удочку с поплавком Птицына клюнуло.

И со всех сторон после падения Севастополя и начала жатвы на Украине началось обратное течение, и договор с Америкой стали называть «приговор». Появились пессимисты, предсказывающие выступление Турции.

Становится ясно, как день, что живой силой Англия и Америка действовать не могут, что в такой большой войне никого не обманешь просто дипломатией и даже механизацией, что к этим двум силам войны должна присоединиться живая сила народа.

Одним словом, рыба валит на Птицына.

Вчера на ночь Ляля сказала мне, что если опять будет опасно жить, то нам не надо разлучаться никогда, что ее постоянная мечта – это умереть вместе. Сегодня по дороге в Купань нам встретился свирепый бык. Я понял опасность, когда бык был от нас в пяти шагах.

– Бежать! – крикнул я Ляле.

Она махнула через канаву. Бык наклонил к земле голову, чтобы на меня броситься. Я пошел на него с палочкой, и он, струсив, поднял голову и прошел по дороге в своем направлении. Так вот и угадай так, чтобы пришлось умереть вместе. Бык из всех животных является наибольшим выразителем честной половой силы, животной самости.

Неразумно выйти с крестом против быка и оскорбительно для креста.

Мне вспомнилась молоденькая послушница в Шамордине: она пошла с молитвой в стойло, чтобы покормить свирепого быка. Не побоялся бык молитвы и всадил рога в живот бедной девушке. Значит, силы в молитве девушки не было: бык был сильнее молитвы.

Характерно для времени, что и самые простецкие люди, какие-нибудь рыбаки, и то не стремятся теперь что-нибудь узнать о войне от людей более осведомленных. Все как будто что-то решили, что-то знают сами и никому об этом не говорят, а в себе каждый таит: один конец и конец будет. Правительство и то не знает.

– Правительство, – ответил рыбак, – меньше всех знает, оно теперь как кошка в угаре.

8 Июля. Жарко. Покос. Купаемся. Разбираемся в злодействе с лодкой. Полагаем, что это сделала Дуня в отместку за разорванную фотографию Ефросиньи Павловны. Решили собрать свидетелей злодейства и поблагодарить судьбу за спасение.

9 Июля. В 3 дня пошел в Конякино за грибами. Сиреневое небо перед восходом с кончиком месяца.

По Исааку путь к вере в Промысел по причине упадка благодати может привести к противоположным результатам, т. е. к отрицанию Промысла путем ведения. Эта недостаточность ведения для постижения Промысла у Канта выражена утверждением, что мир есть лишь наше представление[139].

Со времени нашей поездки в Семино чувствую в Ляле впервые непонимаемую мной отчужденность. А когда я ей об этом сказал, то она осердилась: – Я целый день хлопочу по хозяйству, а ты еще требуешь от меня каких-то настроений. Я просто устала.

Читал о жизни девственника в супружестве св. Амона. После 18 лет девственного супружества они решили поработать для мира и разошлись.

Решаю – не зимовать в Усолье.

Вскрылась причина отчужденности Ляли. Эти несколько дней она ходила, приговорив себя идти на площадку просить продуктов. Сегодня она пришла к директору с Богородицей, как на быка. И тот не только разрешил, но и включил меня в список ИТР*, так что больше уже теперь и не надо просить. Ляля опять стала, как всегда, веселой.

Прочитав сегодня Сириянина, целый день раздумывал о Промысле в том направлении, что признать Промысел Божий нельзя путем «в*е*дения», а воспитать в себе веру, и что когда станешь на этот путь, то всякие занятия художеством становятся детской забавой и охота к сказкам пропадает. На этом пути погибли как художники Гоголь, Толстой[140].

Я сказал об этом Ляле, и она подтвердила это тем, что сама на себе давно испытала.

– Так ты советуешь мне бросить это занятие?

– Не советую, – ответила она, – а только довожу до твоего сведения: имей в виду, что писать сказки, может быть, действительно не захочется.

К вечеру собралась постепенно гроза, и всю ночь шел дождь. На рассвете под шумок дождя в постели охватило раздумье о всем, что совершается в мире и в себе.

Птицынское понимание: русский хочет немца (допустить: пусть владычествует). А то почему же сели на шею евреи? По-

---

* ИТР – инженерно-технический работник.

тому что государство и церковь разложились до конца. Почему англичане не могут победить «зло»? Потому что не цельные люди, а торгаши: выродились, ослабели, не могут постоять за правду. У американцев же вовсе нет народности, источника завоевательной силы. Весь христианский мир завоеван еврейским капиталом. А завоевание мира – это большая война, и в ней «Gott mit uns»*.

Так что немцы, если будут побеждены, то «новый порядок» будут создавать те же самые силы, которые разложили его. Это возможно лишь при столетних войнах и революциях. Так неужели же людям постоянного компромисса не уступить, в конце концов, господства над Россией и помириться за счет России? По существу, этот мир будет началом победы немцев и их господства над всем миром (всё, как конец свободы).

– А дальше, позвольте, мы сами как свидетельство внутреннего мира переживающих время личностей. Дальше, каждый (личность) будет достигать своего влияния в беспредельно расширенных общественных возможностях.

Наша жизнь. «Она меня за муки полюбила, а я ее – за состраданье к ним»[141] (Отелло).

– А если, – сказал я, – работа над Отцами Церкви отнимает охоту заниматься художеством, то вот нам с тобой: если ты будешь и дальше умерщвлять себя исключительными заботами о существовании, то я умерщвлю себя заботами о духовных достижениях. – Что ты говоришь, Бог с тобой! Я отниму у тебя Отцов Церкви и сама скоро начну работать.

– Почему ты не садишься писать большой роман, как мы задумали?

– Потому что людям современным это не нужно, а будущим – я не знаю, будет ли им интересно мое писанье.

– А другу своему?

---

* Gott mit uns *(нем.)* – С нами Бог (на пряжке ремня солдата Вермахта была надпись: «Gott mit Uns»).

– Друг со мной, я с ним живу, для чего мне писать?

– Но ведь мы с самого начала уговаривались, что мы не для себя любим друг друга. Мы хотели всем собой показать пример настоящей любви, преодолевающей страдания.

Ночной разговор.

– Но ты же не настаивала на твоем желании. – Нет. – А между тем оставила его. – Неправда: он меня оставил. Я бы могла быть для него всем, чего он хотел. – Девственной навек? – Готова всегда. – Невестой? – Конечно, готова. – Женой? – И женой. – Любовницей? – Я? Не знаю, но он не мог и не хотел, а может быть и не понимал: он любил царицу во мне. – Так почему же он тебя оставил? – Он забылся в неподвижном идеале, я – стремилась к движенью. И он, любя меня, оставил одну, без вниманья. – Но ведь он-то Высший, к чему шел, с Ним он соприкасался через твое сердце. – Он говорил, что всё лучшее его пришло через меня и пришло от меня. – И всё получив через тебя, оставил тебя без внимания? – Со своей высоты он был невнимателен к жизни-движенью, и я пала. – Ты говоришь, что пала из жалости к Алекс. Вас.? – Из жалости и той слепой страсти, которая в это время бывает у женщин. Да, я пала. – Но если ты пала раз, а потом опять новый опыт, и еще, и еще, как же ты могла себя сохранить такой, какая есть ты со мной? – Потому что в паденье я себя отдавала: я блуждала, но я сама этим не удовлетворялась, я получала, отдавая себя, только страданье.

10 Июля. – Что по радио сегодня? – Очень плохо, совсем плохо. Россошь отдали[142]. – Только чем же плохо? – Всеобщее настроение. Вот сейчас женщина шла из Переславля. Спрашиваю – что слышали в городе? – Плохо, говорят, очень плохо: наши бегут на всех фронтах.

– Ах, я бы желал родиться лучше жабой. И в сырости темницы пресмыкаться, чем из того, что я люблю, другому малейшую частицу отдавать[143]. (Отелло.)

12 Июля. Петров день. Поход в Хмельники. Очень парило. Вечером гроза. Массовый сбор земляники и черники. Ходили

через Купань в Хмельники. «Подарок» Е. И. Тартушкиной и провал Лялиной «душевной» политики. – Сколько вам сметаны? – Сколько дадите щедрой рукой. А надо было сказать: столько-то.

Лен зацветает – самая нежная зелень, покрывается голубыми цветочками на солнце, а перед грозой цветочки закрываются.

Девчонка Клавдия Коршунова назвала василек «синей шапочкой ресниц».

Ведь ревность чудовище, которое само себя зачнет, само и порождает.

– Любовь? – Это я. – Да, для себя.
Но есть любовь другая: для нее.
– Все для меня.
– Но здесь где-то, в чем заключается душа.
Где жизнь моя и без чего мне смерть.
– Убеждена однако я в одном,
что ежели и согрешают жены,
то в том всегда вина одних мужей[144].

Нужна особая благодать, чтобы обрести себе право высказываться в области религии; человек, не обретший такой благодати, высказываясь, производит впечатление нудного карлика, стремящегося перепрыгнуть через себя (такие все сектанты, и Митраша, и Толстой). В этом состоит лаборатория рационализма.

Слепая сила размножения (огонь жизни) порождает технику (забота о добывании средств, продовольствия) и войну (спор за кусок и самку) – кто сильней. Какой же разумный выход из неразумной жажды жизни? – Насильственное сокращение деторождения. – А неразумный? – Сгореть. И наконец еще свободный личный выход для каждого – признать Христа, рожденного от Девы и Святого Духа. – О, милый друг, огонь, вода и воздух ветра, и камни, и вода, и свет, и неразумные живые существа, растения, животные и вся земля-планета, и все

планеты мира, звезды, солнце – всё, всё и даже самый разум человека есть остающийся на время в пространстве след божественной попытки созидания... – И это наше «всё» – последствие какой-то личной жизни («Сфинкс»), сознаваемой нами в подобии и образе и мысли. – Не нужно много говорить: лицо и задница!

Весь мир и все на свете понятно в человеке, как следствие его борьбы за выход на свободу из плена. И если выйти из себя и оглянуться вслед себе во всем: везде во всем увидишь ту самую борьбу, – за жизнь-свободу, которую видишь в себе самом. Тут нечего раздумывать, считать и мерить. Взгляни на все и сразу во всем увидишь себя и может быть гораздо больше, чем себя, увидишь Бога, ведущего тебя через страданье к блаженству и бессмертию.

Мне вспомнилась моя вековечная раздвоенность: позор обыкновенной любви и страх перед большой любовью. Еще мальчишкой в 20 лет я в этом сознался Маше, а она мне на это лукаво, как Джиоконда, улыбаясь, ответила: – А ты соедини.

Любовь или то, что мужчина называет любовью и чем он гордится и удовлетворяется, с точки зрения любящей женщины, до крайности ничтожно и даже просто смешно. Тут все похоже на мышеловку. Но в настоящей большой любви женщина смотрит на эту любовь с улыбкой и отвечает мужчине так же охотно, как ребенку, когда тот просит молочка, или скорее на решето: сквозь него проваливается все в поток родовой необходимости, а на решете остаются немногие те, кто, преодолевая необходимость, устремляется к свободе и личному бессмертию.

А впрочем, те и другие стремятся к бессмертию: одни выходят из себя (умирают), полагаясь в этом на своего потомка (Ветхий Завет), другие стремятся выйти из себя непосредственно к Богу. Существенной же разницы нет: там и тут люди выходят из себя и вся разница в отношении ко времени: там выходят как все – в природу, в условиях времени, здесь всей временной природе объявлена борьба на уничтожение: времени больше не будет.

А если те и другие движутся к одной цели, то более сознательные духовные люди не только не должны насиловать своим сознанием природных людей, а проникать в природу их и открывать в ней с радостью то же самое движение к освобождению от времени: такое открывание единства всего мира и стремления выйти из себя и есть та творческая сила, которая называется любовью.

13 Июля. Установилась поездка Кононова в Москву с Макеевым на вторник.

Карьера Макеева: вышел из-под Ноды: тот спасся от суда войной, этот дрожит о том, что сегодня-завтра будет взят. И уже объявлено о пересмотре брони.

«Писатель Юшков» (Ленин) 50-ти лет пошел на фронт и спасся от суда (украл 10 буханок хлеба, а сам осаждал Сталина письмами о воровстве граждан и собственной честности. Принимали за сумасшедшего, а оказался плутом).

Вода живая и мертвая.

Наличие искусства есть свидетельство внимания к движению (началу жизни), а философия интересуется концом.

Все, что мы, люди, вложили в слово «свобода», до нас в природе существует как стихия воды. А то, что у нас признается как «необходимость», в природе – косная материя, земля. Значит:

Свобода = Вода.

Необходимость = Земля.

Наступило время, когда правильные известия о фактах мировой войны скорее затемняют сознание, чем освещают. Теперь каждый в ночные часы чувствует ход событий, пусть и неверно, а как непринужденный, готовый выход вероятности на долгий срок (если чего-нибудь не случится «вдруг», хотя тоже на каждый день ждут этого «вдруг»). Вот вчера мне с улицы поступали сведения о «плохо, очень плохо», а сам я ночью почувствовал, что может быть наше отступление и предусмотрено и что конца как «вдруг» возможно и не будет, и постепенно, длительно все будет сходить на нет.

Наконец пришел час и выхватило на фронт нашего хозяина. Сколько ни хитрил – нет! От этого никуда не уйдешь. И жутко подумать, к чему привела «весь» многомиллионный народ проповедь «свободы». Это все равно было, как если бы маленьким детям раздать заряженное оружие, пулеметы, минометы и пустить. Вспомнился Победоносцев.

14 Июля. Отправили в Москву Кононова.

15 Июля. Летний утренний окладной дождик. Прекрасный день! Так ему радуешься и в то же время тревожишься, как будто такой день тебе дается в долг: получаешь и боишься, что долг не отдашь. Но сегодня летний утренний дождь.

Просыпаюсь с открытыми окнами и слушаю миротворную музыку капель, падающих на траву. Все зазубринки души, острые уголки с приставшим навозом, пылью размываются и смываются, остается ровное спокойствие и любовно умное внимание ко всем существам, которые тут вспоминаются.

Мне вспомнилось из последней нашей прогулки нежное как зеленый дым поле льна, зацветающего маленькими голубыми цветочками. Когда мы вечером проходили обратно этим полем, убегая от тучи, настигающей нас, цветочки голубые все до одного исчезли: они спрятались в себя перед дождем.

Так и мы сейчас в дождь в себя прячемся и там сидим под своими зелеными листиками детства, голубыми лепестками юности, и так бывает уютно, и так по-детски веришь, что это хорошее теперь пришло навсегда.

Догорала заря, и небо светилось всеми цветами, а на земле зеленела омытая теплым дождем трава. Женщины у колодца стояли на зеленой траве, и до меня долетели слова:

– А лицо у него перед смертью стало страшное.

– Какое же?

– А зеленое.

Тогда, услыхав «зеленое», посмотрел я на зеленую траву – как прекрасна зеленая земля и, правда, как ужасно зеленое лицо человека.

– Так и помер, – продолжала женщина, – болел от голода, помер с желтым лицом, полежал немного, и лицо стало синее.

– Синее лицо.

Я посмотрел на небо – как оно было прекрасно, и как ужасно показывалось в этом свете синее лицо умершего от голода человека.

Больно мне стало бродить глазами в небесных цветах, пока наконец-то я не нашел прелестное личико в облаке телесного цвета с румяным отсветом зари.

16 Июля. Дожди все залили, картошка в поле сплывается.

Давно это было, не могу теперь найти в себе начала раздвоения в понимании любви: этот стыд того, что все мальчишки называют «любовью» и страх перед любовью большой. < *Приписка:* стыд жить с женщиной или с которой сошелся на час; и этот страх при встрече с женщиной одухотворенной, страх перед лицом ее обнаружить свой стыд>. В юности я признался в этом раздвоении своей двоюродной сестре Маше, и она мне на это, лукаво улыбаясь, ответила:

– А ты соедини одно с другим.

– Как же это соединить? – спросил я.

Она, еще загадочней улыбаясь, ответила:

– Это ты сделаешь сам, в этом будет твое личное дело: соедини и создашь любовь настоящую без страха и стыда.

Прекрасная Маша вскоре после того умерла и стала для меня Марьей Моревной. Теперь прошло лет сорок после нашего с ней разговора, я ежедневно поминаю ее на молитве и, когда бываю в духе, пытаюсь сказать ей что-нибудь хорошее. Сегодня, вспомнив «соедини!», я сказал:

– Милая Маша, только теперь, через сорок лет, я выполнил твое поручение и совесть моя стала спокойна, благодарю тебя, я соединил то и другое и больше не чувствую в любви к женщине ни страха, ни стыда.

Любовь, или то, что мужчина называет любовью, и чем он легко удовлетворяется и, что всего смешней, этим гордится, с точки зрения любящей женщины только забавно. Тут все не-

множко похоже на мышеловку: ароматный для мышки кусочек поджаренного сала, вкусил – щелк! и все кончено. Чем же тут гордиться и петушиться? Очень смешно, конечно, было бы все это, но в настоящей большой любви смотрит на эту любовь с улыбкой и отвечает мужчине так же охотно, как голодному ребенку, когда он со слезами просит, а то и кричит, орет, требует у нее молочка.

Лен цветет. Утром мы залюбовались нежно зеленым дымком льняного поля, покрытого маленькими цветочками, похожими на голубых бабочек.

Мы были вдвоем и взяли себе на память по одному цветочку и спрятали.

К вечеру, убегая от тучи, мы возвращались этим полем, оно было такое же, но голубенькие цветочки исчезли, они все спрятались в себя перед дождем.

Мы не успели убежать от тучи и нашли себе убежище под густой елкой, свесившей ветви свои непроницаемым шатром до земли. Тут мы, взрослые люди, под шум дождя съежились, сжались и мало-помалу в молчании ушли в себя, в свое детство и скрылись там, как на зеленом поле льна перед тучей ушли внутрь себя голубые цветы.

Так и мы сейчас, в дождь, в себя прячемся, и там сидим смирно под своими зелеными листиками детства, голубыми лепесточками юности, и так по-детски веришь, что нашел опять и вернул назад свое детство, и что теперь оно никогда не пройдет.

Лес и парк. Из леса на опушку вышли молодые березки, тесно с маленькими елками, соснами стали на ярко зеленом мошку и все вместе дивились цветущему лугу и речке, стыдливо укрываемой ольховой порослью. На эту опушку по тропинке из лесу вышли не первой молодости люди. Он ей говорит:

– Люблю я лес, пусть и плохенький, но девственный, чтобы рос и вырос сам, без прочистки и оставался вместе со своими нелепо корявыми можжевельниками, пнями, обрастающими брусникой, и папоротниками и всяким невозможным хламом, даже и так, чтобы можно было пролезать в чащу лишь с топором.

– Не понимаю вас, – отвечала нарядная молодая женщина, – вы лесничий и ваше назначение помогать деревьям свободней расти, ваш идеал это парк, а не дикий лес.

– Я это знаю, – ответил лесничий. – Когда я вхожу в девственный лес, то начинаю всегда с того, что представляю себе, будто бы он мой собственный, и я могу делать с ним, что только мне захочется. Вот тогда-то я начинаю каждое дерево понимать по себе и желать ему как себе лучшего: больше света кроне, больше свободы корням. И мало-помалу мой девственный лес превращается в парк.

– Так мы с вами говорим об одном и том же, что культурный парк лучше дикого леса.

– Нет, – ответил лесничий. – Я люблю всей душой девственный лес.

– Но почему же не парк всей душой? Почему же, почему? – настаивала нарядная женщина.

Лесничий сказал:

– Да, конечно, парк это лес, но я не могу его сделать своим: его до меня другой какой-то садовник любил[145].

– Меня, мама, ту меня, какой ты не знаешь, никто не взял и никогда не возьмет, и взять нельзя: я там царица. – Но, как же привязанности? – Там я не знаю, не хочу знать никаких привязанностей: я там совершенно свободна, живу как ветер, который веет, где хочет. <*Зачеркнуто*: Ту меня никто ничем не привяжет: там у меня только подданные и там я царица>. – А любовь? – Там любят иначе и ничем друг друга не связывают, там любят друг друга только равные, только цари.

Прекрасный день. Так ему радуешься, и в то же время тревожно бывает, как будто такой день тебе дали в долг: получаешь в долг и боишься того дня вперед, что когда-нибудь он придет, и надо будет расплачиваться.

Но сегодня летний утренний дождь. Просыпаюсь с открытыми окнами рано и слушаю миротворную музыку капель, падающих на зеленую траву-мураву. Все те зазубринки души, острые уголки и ямки с навозом и пылью – все размывается,

все смывается, остается спокойствие и умное внимание ко всем существам, которые теперь напоминаются.

Как цветок вверяет слабый венчик жаркому лучу, птица – ветру тонкое крыло, малая букашка, ползущая в свой дом, вверяется согнутой былинке, так я смиренно сжег бы перед тобою все свои думы и сомненья, – перед твоими путями, животворящими мир.

Догорала заря, небо светилось всеми цветами...

Я стоял на подмытом берегу, у сосны, свесившей обнаженные корни до самой воды, и легкий ветерок откуда-то доносил журчание воды, размывающей берег:

– Рано ли, поздно ли, мы с тобою, берег, придем в океан.

– Рано ли, поздно ли, – думал я о своем, – она оставит меня тоже, как уже оставила другого. А если когда-нибудь это совершится, она тоже и меня оставит, как же я выйду тогда из невыносимого состояния оставленного? – Я так не останусь, – ответил я себе, – как он, и что-нибудь с собой сделаю и умру.

Но что это значило «умереть»? Не могу же я теперь, как юноша, броситься в воду или повеситься на этой сосне. Что же делать?

И вот мне представилось ясно, что я уже и остался один, как тот другой, и стою неподвижно брошенный в одиночество, как этот пустынный берег с одинокой пустынной сосной.

Вода оставила этот берег и, намывая новый, журчала:

– Рано ли, поздно ли...

А оставленный, перешедший в меня, вслед за водой повторял:

– Рано ли, поздно ли, она вернется ко мне.

Невыносимо тягостно, невозможно мне стало быть в положении оставленного, и я понял, почему люди не очень жалеют оставляемых с вечной мыслью о том, что рано ли, поздно ли она вернется к нему.

– Не вернется никогда, – сказал я себе, – и это значит, что я умру – я скажу «никогда» и так выйду из себя самого, а не брошусь в воду, как юноша.

И вот я умер, я больше не я, а этот берег, и она стала водой. И она меня размывает и понемножку уносит вон туда, где на-

мывается новый молодой берег, и вот уже почти на глазах обрастает молодыми березками. Радостный, освобожденный от какой-то унизительной жизненной необходимости обладания, стою теперь на пустынном берегу, обнимая пустынное дерево. Надо мной горит солнце – старый кузнец земли, подо мной животворящая вода и ветерок мне доносит песню воды.

Влюбленный смотрю я на молодую березовую рощицу на молодом берегу и, слушая ветерок, повторяю:

– Рано ли, поздно ли мы придем в океан.

...И опять эта мысль о всем человеке, переводящем в сознание стихийные силы огня, кузнеца земли, воды живой и мертвой, ветра свободы, который веет, где хочет...

Неизвестно для чего записано.

Хозяйка сама рассказала о себе, что она страдала тоской и уже травилась и даже сама сидела в сумасшедшем доме.

– А теперь вы здоровы? – спросил я.

– Вполне, – ответила она. И мы сговорились, что я плачу ей 25 р. в месяц и кроме того уговорюсь с плотниками сделать ей ставни к четырем окнам.

– Только пусть сделают, – сказала она, – а я сама заплачу. Я согласился, и за это она сверх всего обещалась мне ставить два самовара, утром и вечером. Все в деревне изумлялись, зачем я, зная все, у нее поселился. Мы жили прекрасно, и она ставила мне самовары. Но плотник отказался делать ставни. – Не буду, – ответил он, – у нас с ней свои счеты. – Ничего, – утешил я хозяйку, – я схожу на строительство, может быть, уговорю директора сделать мне ставни. После того жизнь наша пошла по-прежнему. Но вот однажды утром она не принесла самовара. – Вы обещались мне ставни сделать – не сделали: не будет вам самовара. – Я не обещался вам сделать ставни, я должен был только попросить плотника. – Это все равно, – ответила она, – вам ничего не стоит попросить директора. – Я просил, мне отказали. – Вы должны были еще раз попросить, вам это ничего не стоит, а я волнуюсь, я горячая: нет вам самовара, – и ушла к себе. Несколько раз пытался я поправить логику нашего диалога и повторял: – ставить самовар входит в наш договор, а ставни я не делать должен был, а просить – я просил. И она не-

изменно мне отвечала на это: – а попросить вам ничего не стоит. Я не хочу ставить вам самовара. В ее логике произошел подмен «хочу» вместо «должна», подмен, значит, ложь. – Ложь – мать всех пороков, – подумал я, – не в этом ли пункте ее сумасшествие. Я еще последний раз повторил, и она опять точно так же подменила вместо должна – хочу.

– Сумасшедшая, – решил я и не стал больше ее волновать. Я отправился к директору, выпросил мастера, который пришел, обмерил. Хозяйка опять стала хорошо мне служить, ставить самовар, чистить комнату. И я опять не думал, что она сумасшедшая, она только своими средствами добилась своего, и оружие ее было разбить логику долга своим «хочу». И в этой логике воли в борьбе с логикой мысли и есть «женская» логика.

17 Июля. В Конякино за черникой. Под елкой от дождя. Дождь теплый с радугой из-под ели против солнца: по всем деревьям льется: фонтаны необычайные. «Идеальное достижение» (этого никогда еще не было).

18 Июля. Солнечный день с прохладой.

Мало-помалу туман военный рассеивается: все усилия немцев – взять Кавказ[146].

Смотрел на огурцы и мне противно стало, и я спросил себя: чем виноваты огурцы в упадке моего духа? Рассудив, я понял, – огурцы виноваты тем, что долго не цветут и не дают плодов, когда мне хочется, и напротив, своим определенным не мною временем роста принуждают меня ждать, и мой свободный дух становится в зависимость от совершенно глупого состояния своего огурцового роста. Этому вполне соответствует чувство угнетенности при виде так нагло теперь обнаженного живота беременной женщины.

Наш дух страдает от ограничения временем (сроком) и в этом именно и есть смысл Ветхого завета, что в нем пророки учат терпению в ожидании срока освобождения духа. В Новом завете, напротив, преподается вольное преодоление времени путем готовности отдаться (умереть) в любви. Отчий, огненный закон учит мужа брать жизнь такой, как она есть. Закон крещеных водою и Духом дает образ жены, облеченной в солнце[147], в мире, где времени больше уже и нет.

Если надежду на случай ввести, как одно из средств при достижении цели, то случай этот потеряет смысл случая и сделается элементом веры. Так и случайная смерть перестает быть делом случая, когда ее делают необходимостью при достижении бессмертия.

19 Июля. Утром жарко, днем дождик, к вечеру холодно, как в сентябре. И так все лето проходит в прохладе и дождях.

Болезненный испуг вошел в душу Ляли. Я это заметил еще в самом начале, когда были основания для особой осторожности. Я только и слышал тогда от нее при беседах на улице: «Assez, ils écoutent»*.

– А что если мы устраним это основание, – спросил я однажды, подавленный этими «Assez», «ils écoutent».

– Тогда, – ответила она, – будет сделано все.

Я устранил основание того страха, но все равно страх перешел на то, что наш разговор услышит хозяйка или кто-нибудь сзади идущий, или что я проговорюсь в беседе с кем-нибудь. Теперь к «assez» прибавились толчки ногой под столом во время разговора. От всего этого я страдаю совершенно невинно, потому что тот испуг, привитый когда-то в меня, как всякому старому интеллигенту, вошедшему в советский строй, я преодолел своим искренним отвращением ко всякой политике. Я даже выработал себе манеру смелости в игре с этим интеллигентским испугом, владеющим моим собеседником, что я или уж очень прост, или невинен, или счастливец, находящийся в положении свободного художника, с которого спросу нет. Умные люди – Шкловский, Перцов – мне говорили, что особенный интерес мои речи публичные приобретают тем, что слушатель все время за меня боится: вот-вот провалится и каждый раз опять выбирается, и, наконец, становится понятно, что вся эта игра с огнем происходит или от необычайной хитрости, или от невинности и полного равнодушия к политике. И вот теперь я, столь искушенный человек, сумевший за 25 лет ни во что не попасть, теперь вечно слушаю: «assez, ils écoutent». Но друг мой умный человек, и я надеюсь спасти его от испуга после войны за границей.

* Assez, ils écoutent *(фр.)* – Тише, они слушают.

Ляля, как женщина, в своей готовности обнять тебя всего с твоей душой и телом, она похожа на воду, все на земле обнимающую и животворящую. Она равно готова всегда поддержать и развить новую мысль и новый образ, готова на девственную любовь, и семя готова принять в себя и даже родить, если только семя исходит не от похоти, а от огня и духа любви.

Всем загадка, а я понимаю, как, при всей податливости ее, она всегда и неизменно царствует. Смысл всякого мужского дела она постигает мгновенно, но не берет на себя самый загад дела, не отнимая его от мужчины.

Она не блудница, и не самка, но в поисках истинной любви могла быть всем, чтоб сбросить с себя не-свое, как ветхую одежду.

Другу твоему не надо страшиться твоего башмачка: тебе-то самой не нужно ни на что наступать и ничего взять себе ты не хочешь. Ни у кого ничего ты не отнимешь, а только царствуешь и принимаешь себе дары, как царица.

Ты женщина, ты похожа на стихию воды, которая падает с неба, все на земле в своем падении обнимает, все животворит, и после срока своих земных страданий радостным облаком поднимается вверх.

20 Июля. Тяжино. Законное брюзжание.

Я дал Ляле прочесть мою последнюю штучку, и она сказала:

– Чем же кончится это твое ежедневное писание штучек? Мне кажется, ты кончишь тем, что будешь в цирке играть шариками.

Этим она хочет сказать, что я растворяюсь в мелочах, в то время как «на твоем месте я бы писала роман». Трудно писать роман, если не знаешь, куда попадешь через месяц, но и это можно преодолеть. Трудно также писать роман, если неустанно мысль вертится на добывании продовольствия, но и с этим можно справиться. Единственное же и необоримое препятствие – отрыв духовный от участия в современности. До сих пор чувство родины, как связь с хорошими людьми в прошлом, было цементом, связывающим меня с советской властью: авось, мол, выведут и сами рассосутся народным организмом, авось выздоровеем. Но это чувство теперь, как в темноте задний лиловый

огонек все удаляющегося автомобиля... Современные русские люди живут без этого чувства, им досталась горькая участь рабов цивилизации, прикованных к идеалу будущего благополучия. Значит, к чему же направить свой голос?

21 Июля. Гроза весь день и с медленным отдалением своего приближения, долго казалось, что это война, и об этом долго спорили кругом: теща утверждала – война! Ляля – гроза!

Теперь это все прошло и обратилось в ничто, но ведь тогда-то все это было в моем «я», всему этому я придавал большое значение. А теперь прожилось и ни следа. Прожилось, потому что я тогда удовлетворялся. А там, где не удалось – осталось навсегда. Отсюда ясно, что неудовлетворенность в жизни есть источник бессмертия (неудачник – это слабый человек, неспособный перепрыгнуть через ров своего несчастия).

В ночь на среду 22 видел во сне Разумника живым и бодрым и видел, что умер А. М. Коноплянцев. Узнав, что он умер, я во сне прилег к земле головой и молился Богу на небо сильно, горячо, страстно.

Ясно почувствовал, что все мои игрушки мною пережиты, остается только изредка приходящий, как неясное воспоминание при вдыхании ароматов цветов: пахнёт охотничьей волей – и кончено! Теперь нити всех моих желаний и мыслей, большим единым потоком, как рой пчел, бегут к ней и от нее со взятком возвращаются в тот мой улей, где складываются запасы меда. Деятельность моя осталась той же самой, как трудолюбивая пчела собирает мед. Но раньше я собирал с полей и лесов, а теперь с одной женщины. И, конечно, теперь меда много больше и мед, конечно, другой: много гуще.

22 Июля. Гроза. Приехал А. С. Новиков-Прибой.

23 Июля. С Силычем ездили на Семино. Смотрел на него, вспоминая свое охотничье прошлое, и дивился и себе преж-

нему и ему: какое-то консервированное детство. Когда утки стали вылетать, он сказал: «Я весь дрожу». Когда уток не стало почему-то, он загрустил. Но когда сварили уху и он хватил перед рыбой и наелся, то стал радостным, вполне счастливым, близким всем, равно как рыбаку (Кручинин и Кошкин), рад и мне, и всем, всем:

– Хорошо, хорошо! – повторял он. Потом улегся под наклоненной лодкой и в один миг захрапел. Тут на глазах происходило в слиянии сердца и желудка варево детского охотничьего счастья. А там, где бы войти в это счастье мысли творческой, голубея на зорьке, застилающим туманом поднималась грусть.

Сергеев-Ценский кончает издевательством над своим талантом: после необъятного «Севастополя» пишет необъятный «12-й год»[148].

Писал интимные страницы о женщине, в них чего-то не хватало: моя женщина изрекала мысли, как профессор. Ляля чуть-чуть поправила, только прикоснулась, и эти же страницы стали прекрасными. Вот этого-то мне и не хватало всю жизнь, чтобы моей поэзии коснулась женщина. Наконец-то я не по чужим мыслям, а сам по себе увидел и понял, что вся поэзия исходит от соприкосновения души художника с женской душой (Chercher la femme). И со мной произошло то, что непременно должно было произойти для выхода творческого ручейка моей жизни к большой воде, иначе бы жизнь моя заболотилась.

И так видно стало, почему тот или другой поэт двигался, почему останавливался и падал. Везде в творчестве женщина, и как поэзия, и как любовь, и как религия, и даже как источник мысли: да, и сама мысль рождается девочкой! Весь мужчина не больше, но и не меньше, как сила все поднимающая вверх по прямой, но если бы не было женщины, нечего было бы ему и поднимать.

Силыч рассказал о Ценском, что тот гордится теперь числом выходящих из-под его пера листов. У Силыча выходило понятным, что сам-то он грустит о своей невозможности писать, что лавры Ценского несколько подавляют его. – Эх, Си-

лыч, – сказал я, – нет ничего прекрасней на свете одной совсем маленькой книги-тетрадки: она превосходит все написанное человеком. Эта книга-тетрадка – Евангелие от Иоанна. А вы догадываетесь, почему так удалась эта книга Иоанну? Силыч молча ждал от меня ответа. – Потому удалась, – ответил я, – что… эх, Силыч, вы же сами должны это понимать: Иоанн верил, что Иисус был Христос, сын Бога живого, книга написана в подтверждение его веры в Бога – и потому она удалась.

26 Июля. Разрешение охоты. Попугали с Норкой тетеревей, а хорошо!

Когда в Ельце большевики начали расстреливать, я поехал к Семашке и пожаловался. Он же мне ответил: – У вас обывательская точка зрения, надо же понимать, что делается большое дело!

Когда Гитлера стали обвинять в том, что он зачинщик войны, он ответил: – Это большая война.

И когда я набросился на Лялю за оскорбление и умаление нашей любви, она ответила: – Я могу оскорблять тебя, и ты не смеешь на меня набрасываться, потому что я люблю тебя – это большая любовь.

Так вот выходит, что даже просто «большой» (не всемогущий, всеведущий) и то перекрашивает в совершенно иной моральный цвет наши понятия. Точно так же маленький (малая война, малая любовь) наоборот все обесцвечивает.

При моральной окраске от Большого выступает «ты – маленький» как грех: ты не можешь стать в ряд с большими, а между тем это надо.

В таких случаях, по Толстому, [надо] уменьшить до крайности самомнение (по св. Отцам – смириться).

А самомнение (гордость) происходит от замены целого частным.

Значит, смириться – это значит возвратить часть на свое место в целом или найти себя самого.

Всякая брань происходит от замены Целого частным (большого – маленьким).

Так, например я был однажды невнимателен к Ляле, груб, и она назвала меня невнимательным к ней и грубым самодуром.

Я был оскорблен, потому что я и внимательный, и нежный, и смиренный. Так началась война из-за того, что случайное и маленькое частное мы стремились навязать как большое, постоянное целое.

И всякая война, какая бы большая она ни была, это спор за Бога, спор в утверждение сторон, что мой бог больше твоего.

Народы спорят за Бога, между тем как Бог един для всех.

Значит, вступая в брань, они подменяют Целое частным. Вот почему всякая брань есть расстройство, зло и потому не надо браниться, а напротив, стать на свое место, надлежащее мне в Целом, смириться и через чувство своего значения в целом перейти в любовь.

Маленький не тем плох, что мал, а что, будучи сам лишь частью Большого, выдает себя за Целое.

Война (брань) есть утверждение частного вместо Целого.

А мир, любовь – это правильное распределение частей в Целом.

Статья Крипса в «Известиях» не только нашла обывательские догадки о плохой англо-американской помощи и неясным будущим после войны в наших отношениях с союзниками, но еще что наши обывательские догадки совпадают с догадками самого Сталина. И вообще, что не в словах правительства дело, а в действиях, и что эти действия против нас: немцы жмут, союзники медлят.

27 Июля. На морозе не летают ни жуки, ни бабочки. (По поводу стихотворения о ненависти в номере 171 Известий.)

Время требует от писателя прославления вражды, возбуждения ненависти к врагам. А мы в это время взялись за любовь, поставили задачу себе сказать о любви такое, чего о ней еще не сказал ни один поэт и художник. И мы уверены в том, и знаем, что наше время придет, как все знают, что рано ли, поздно ли война кончится.

28 Июля. Завтра 29 едем в Москву из-за продовольственных карточек.

Основные дела: 1) карточки, 2) Быково, 3) Уфлянд, 4) Мар. Алекс., 5) бензин, 6) Чхеидзе.

Рассказ о зажигалке или о том, как я прописался в Москве.

После земляники и черники настало малиновое время, рожь налилась и желтеет.

Сдан Ростов, а все живут хоть бы что! Потому что ничего знать нельзя, и на все плюнули и ждут конца хоть какого-нибудь.

29 Июля. В 7 часов утра перед отъездом в Москву.

Женщина нашла в лесу на покосе «Колокол» – газету Белоруссии, где сказано, что там теперь каждый крестьянин пашет на своей полосе и что близко время, когда германская армия освободит всех русских крестьян от колхозов.

Трудно представить себе более соблазнительную, чем эта утопия своей собственной полосы. И в этом свете сегодняшней утопии, каким злодейством является действие советской власти. И понятно теперь, какую силу злобы питает утопия своей полосы на той стороне фронта. У нас же, конечно, своя созданная утопия городского пролетария-господина. На этих утопиях зиждется вся война между Россией и Германией, причем Германия вывезла этот идеал своей полосы из России, а Россия идеи городского пролетария вывезла из Германии. В свете этих идеалов все вещи само собой становятся на свои места, понятно, почему газета в Белоруссии называется «Колокол».

Видел газету сам, и представилась Старая Руза, где покинутое немцами население питается крапивой: люди в пустыне одни с крапивой. И вот так и там остались и хватаются хоть за что-нибудь, и так вся поганая жизнь с немцами и «Колоколом».

И то это лучше, чем где-то в большом городе, на месте развалин зарастают буйные травы, цветы.

5 Августа. Ну вот, и побывали в Москве (с 29 июля по 4 августа: приехали вчера вечером). Никогда не была советская власть в таком трудном положении (общее мнение).

О народе: народ ни хорош, ни плох, и наоборот, может быть и хорош, и плох, как ребенок, как природа. Не в народе же дело.

Выступление парикмахера: Москва – не Ленинград!

Федин сказал, что то, известное ему чувство злобы на кого-то за все наши бедствия, не имеет направления.

Курелло сказал, что германское выступление в этой войне является лишь эпизодом, что на самом деле воюет Америка с Англией.

Анализ «Pflicht»: немец лучше других может делать и естественно, что, с одной стороны, он для другого приятен: расположен помочь (не может видеть плохо сделанного, чтобы не вмешаться). С другой – это же хорошее развивается в тупое, нехорошее: я лучше всех, я господин, Deutschland uber alles*.

Гитлер торчит в голове немца прочно. Это вошло в него, когда он вступил на русскую землю: тут все оказалось именно так, как говорил Гитлер: пустая неустроенная земля. И каждый возымел мечту устроиться кто помещиком, кто управляющим, кто фабрикантом.

6 миллионов безработных после той войны составили фонд немецкой «движимости», пролетариата, готового на завоевание бездомника. Во Франции городской рабочий связан с земледельческой родиной. Земля гарантирует его. А у немца безработного, выросшего в городе, нет такого дома, и потому мечта о доме, устроиться гонит его на войну: завоевать дом.

Еврей Вальбе, бездомно живущий в Союзе писателей, бродит, мечтая, по коридорам. И немец коммунист Курелло в чужом широком костюме.

Убогое современное поколение немцев (пленные).

---

* Deutschland uber alles *(нем.)* – Германия превыше всего.

– Но есть же среди них люди с высшим образованием.

– Конечно, есть. Возьмите, к примеру, нашего вузовца и покажите его в Париже: а ведь тоже с высшим образованием.

Экономические причины воинственного выступления Германии: после всех.

Елена Уфлянд (не хлеб, а пух!).

Долина Псху[149] – это будет, мы непременно будем на Псху!

Человек с карандашом*. (В изображении Федина).

И о нем же Курелло: – Нервы у него не такие, как у нас с вами, война – это прежде всего расчет, а внутреннее состояние человека не принимается во внимание.

У Яковлева жену берут на заготовку леса, у того-то, у другого – на другое. Картина общего распада.

Вот трясогузка, вот ласточка на телеграфной проволоке, – глядишь на все в раздумье, и представляется, что не все же на дрянь рассыплется человек, вот и эта птичка была в нем. Так и вся природа во всей прелести и во всем ужасе является от распада великого существа.

А наше творчество, наша культура – попытка восстановления.

Теперь война разделилась с человеком внутренним на два разных мира.

Человек на войне и человек у себя – это стало теперь двумя противоположными состояниями, одно – война, как жизнь в принуждении, другое – жизнь по собственной воле, как мир.

Война и мир как человек во вне и человек внутри себя.

Между тем и другим человеком на войне и у себя потерялась всякая связь, и оттого погасла поэзия.

И стало нам теперь чудиться, будто жизнь, которую мы раньше признавали за действительность, есть кошмарный

---

* Тайно руководящий войной.

сон, а та внутренняя личная жизнь, обращенная к небу, стала истинной жизнью.

Стало так, будто земля и небо, жизнь настоящая и загробная поменялись местами – что земля загорелась, и земледелец стал бросать свои семена в облака.

Вот и не знаю даже, спал я или не спал в эту ночь. По старому земному счету было так, что я не спал, а по новому, небесному, был в глубоком сне. И я молился Богу, чтобы он разбудил меня и я бы проснулся в том самом желанном и действительном мире прекрасном, к которому всю жизнь стремился, искал и по мере сил своих создавал.

– Вот несчастье, – тихо сказала моя подруга, – мне кажется, ты, мой милый, не спишь.

– Нет, милая, – ответил я, – несчастье наше именно в том, что мы спим.

И рассказал ей, как мне теперь жизнь представляется в обратном порядке и что земля загорелась и земледелец должен бросать семена в облака...

– Это здесь, в Москве так, – ответила она, – а вот приедем домой, там поспела малина, грибы, там река, и лес и небо, и я, ведь я-то с тобой – какой же это сон?

– Так я же про то и говорю, что я и ты – это не сон, и река наша, и лес наш, и небо наше, все это есть и останется с нами навсегда, а Москва, и война, и Союз писателей – все это нам снится, и странность непонятная только в том, что такое множество людей видят один и тот же кошмарный сон. И самое страшное, самое непонятное, это в том, что если эти разные люди видят один и тот же сон, это значит, этот сон есть действительность.

Мы убеждаемся в действительности существующего, что не только я один так воспринимаю ее и разумею, а и всякий нормальный человек. Но бывает, кто-нибудь один, единственный видит и понимает вот так-то, заражает своим видением другого, третьего, множество и тем самым расширяет горизонт существующего и людям открывает глаза (личность, творчество). Бывает наоборот, совершенный творческий человек распадается на элементы (война) и дело жизни разрушается.

Современный «сильный» человек (Ubermench) и есть разрушитель.

6 Августа. На очереди вопрос: 1) оставаться на месте, 2) переехать под Москву (на Николину гору) или 3) через Ярославль по Волге и Каме уплыть на восток.

Первое: остаться на месте. Преимущество: экономия сил, сохранность имущества. Недостатки: возможность гибели при оккупации при дальнейшем поражении немцев. И вообще духовная тягость от перехода во власть неведомых сил.

Второе: переехать под Москву. Преимущество: наименьшая опасность при оккупации, на миру и смерть красна. Недостаток: голод при духовной отраве: будешь видеть ежедневно как прыткие наглецы будут перескакивать к пирогу через жизнь более слабых.

Третье: переезд на восток. Преимущество: безопасность. Недостаток: тягость жизни, едва ли переносимая.

Перспективы:

1) Задержка нашими продвижения немцев до открытия 2-го фронта.

2) Сепаратный мир.

Второе и третье возможно лишь при полном триумфе немцев, т. е. если они отрежут Волгу, выступит Турция, в Египте разобьют окончательно союзников.

Три возможности складываются в две:

1) В ожидании 2-го фронта наше полное вымирание.

2) Мир с Германией.

Очередные вопросы бытия: разговор с Аникиным, заготовка дров, заготовка масла (сметаны), овощей, прятание вещей.

Письмо Рогову в Загорск.

Проект письма[150]. Посылать или не посылать? Пусть даже она <Ефросинья Павловна. – *Ред.*> и примет письмо к сердцу, все равно в письме она не сумеет выразиться, выйдет грубо и больно. Не знаю уж, как тут и быть. Наверно придется предоставить времени. Прошло время. Не стоит посылать, потому

что письмо не от сердца. Что-то оборвалось во мне тогда и не могу найти душевной связи и вместо этого морализирую.

7 Августа. На рассвете гроза и дождь. Как же это приятно дремать под дождь, все забываешь, кажется, будто тебя разбудили от тяжкого жизненного сна. Каждый день дожди, рожь созревает, показываются белые грибы и множество сыроежек, великий урожай малины, но бабы недовольны: только 3 р. за стакан.

Солнце, дождик, теплый ветер лечат душу.

Безумцами считали тех, кто в свое время стремился достигнуть Северного полюса или летать по воздуху. Но пришло время – полюс открыт, пришло время – люди летают, шутя обгоняя в воздухе птиц. Почему же не может выйти так и в области завоевания мира? Сорвалось у Александра Македонского, сорвалось у Наполеона, сорвется у Гитлера, а может быть даже у Гитлера и не сорвется? Должен же когда-нибудь прийти конец мукам человечества, сопряженным с осуществлением мысли в едином управлении хозяйственной жизнью народов? (Не эта ли мысль сейчас движет Гитлером, Рузвельтом и Сталиным?)

А разве в религии народов, в истории церквей не то же самое происходит, что в хозяйственной жизни нардов: каждый народ стремится своим сознанием истинного Бога убедить весь мир. В наше время костер, принимающий жертвы за единство мирового сознания как будто погас, но зато с небывалой силой горит огонь борьбы власти управления борьбой человечества за существование.

Все разумное, в конце концов, цели своей достигает: разумно было стремление достигнуть Северного полюса – и достигли, разумно стремились овладеть стихией воздуха – и овладели; так точно будет достигнуто и единство управления борьбой человечества за существование.

Все разумное в движении своем приводит к достижению цели, но когда разумная цель бывает достигнута, исчезает желание чувствовать идеал, движущий к намеченной цели. Так был Северный полюс открыт и там оказалось – нет ничего, люди

стали летать – и опять ничего, и еще хуже: с воздуха на мирных людей посыпались бомбы. Так точно будет и по достижении единства в управлении борьбой за средства существования с прекращением войны. Тогда люди увидят, что эти наивные войны за благополучие материальных ресурсов имеют такой же конец, как борьба за Северный полюс, где нет ничего. Исчезает нравственный смысл этой борьбы и наверно тогда с новой силой вспыхнет опять борьба за единство сознания. (Мы были благополучны в Малеевке, не жизнь, а ресторан, а возврати ту жизнь – мы ее не возьмем за эту жизнь, наполненную борьбой и заботой за средства существования.)

Иван Кузьмич. Когда в Советском Союзе пылал огонь борьбы за единство управления борьбой человечества за существование, Иван Кузьмич стоял за право отдельного человека распоряжаться своим личным хозяйством...

Константин Иванович. В оперативной борьбе с кулаками К. И. нажил нервную болезнь, его послали в Крымский санаторий. Тут он увидел хорошее птичье хозяйство и вспомнил свое детское и юношеское любимое занятие. Ему предложили заведовать птичником. И любовью к делу он спасся от душевной болезни и сделался образцовым советским птичьим хозяином. Он не один такой. В советской практике считается за правило посылать душевно больных оперативных работников на хозяйственные должности.

8 Августа. Ночью гроза и утром дождь. Люблю дождь и рад бы сидеть дома и слушать, да вот сено жалею.

Вера Павл. списала «Живые помощи» как средство от какой-то болезни. – И когда курам мор – от мора спасает. А когда она ушла, я сказал: – Ну вот, видите, великий поэт царь Давид когда-то это пел, играя на гуслях, а теперь люди используют против куриного мора. Разве это не доказательство разложения? Разве и весь этот мир тоже не остался нам в таком же бессмыслии, как «Живые помощи» остались от царского Псалма? Совершенное творческое существо возносило слова свои во славу Божию, а теперь это курам на пользу. И так все в мире, животные, растения после падения целого все соединяющего

в себе существа определились в бытии своем взаимной пользой пожирания друг друга и размножения.

Но ты-то, милая ласточка, с оранжевым горлышком, в передничке с чудесными кончиками, зачем ты-то, прекрасная, сидишь на этой железной телеграфной проволоке и пытаешься даже чирикнуть во славу Божию? И отчего моя душа находит с тобою какое-то соответствие и соединяет с тобою голубое небо и зеленую землю, и горячее солнце, и прохладную воду, и всеобъемлющий воздух?

Чем хорош дождик, это, что он размывает в душе острые углы, как размывает вода удерживающие ее берега. Вот так сложилось в душе теперь что-то неизбежное, страшное. Гитлер зимует на Волге, а в Москве сотни врагов его и миллионы жертв этой вражды будут умирать... Казалось тогда, что вот немедленно надо действовать, спасаться или, поняв правду, погибнуть, приготовиться сгореть в общем костре. А теперь дождь шепчет, что не надо торопиться: еще много времени, еще все переменится...

Нравственные тупики разрешаются насилием: Россия – это огромный моральный тупик.

(Бетал и кустари. Философия большого дела).

Беседа с Иваном Кузьмичом:

– Понимаю общее дело и чту его и всею душой ищу пути к своему в нем участию. Но я только ведь через любимое дело могу в общее дело. Нет у меня в колхозе своей полосы, своей коровы и лошади, но в душе у меня есть своя полоса, и я на ней развиваю хозяйство. Я со своей полосой только могу войти в общее дело.

А другой говорит:

– Кто был ничем, тот будет всем[151]. У него нет своей полосы, и он идет на захват всего. Ну, конечно, всего ему не захватить, а часть, долю своей власти захватит и будет чиновником. И он будет мною помыкать, а я подставлять ему свою шею. Если же я не захочу быть рабом – я кулак.

Продолжаю думать о большом деле (да умирится же с тобой и покоренная стихия) и о Евгении[152]. Как понять по-человечески

поглощение малого большим (победителя не судят). Это надо понимать из обыденной жизни, когда двое спорят из-за пустяков и один из спорящих, более великодушный, опомнится. Но это относится к «большому» и «милостивому». А бывает большое необходимо беспощадное, имеющее оправдание в движении духа во времени (современность).

Мораль малого: да будет воля Твоя. Перешагнуть через себя, к признанию великого, неизбежного: прости! и да будет воля Твоя.

Так Иван Кузьмич должен отказаться от своей полосы, коровы, лошади для колхоза. Он должен признать – и он ждет, когда великое покажет ему себя, откроется в своем величии. Он смотрит, не выходя из себя. А чтобы выйти из себя, ему нужно понять в хозяйстве, что перед всем человечеством поставлена задача единого для всех народов хозяйственного плана, что за это большое дело борются между собой все народы, борются за единство понимания, и кто победит – тот установит истинный порядок.

Дело большого как будто в том и состоит, чтобы из малого выжать мысль, породить в нем сознание: это путь страдания.

Евгений оставлен Пушкиным в безумии, за него путь сознания (да умирится) продолжен Пушкиным.

Больше всего смущает Ивана Кузьмича сосед, которому выгодно приспособляться: он потому и идет в чиновники, что у него нет любви к своей полосе. Он-то и смущает и закрывает глаза на смысл большого дела.

NB! «Человеческое» сознание (христианское) исходит от женщины: ее душа – это путь, по которому «большое дело» входит в сознание. Но надо признать, что Большое в существе своем больше этого человеческого сознания: большое – это Бог, а наш путь человеческого сознания – это есть сознание Бога. Значит, Большое действует – это его сущность, а малое (человек) сознает и приводит к человеческому смыслу, и этот смысл (Слово, Логос) и есть Бог, и человек становится Богом.

«Большое» и «малое» можно понять как М[ужское] и Ж[енское], борьбу между ними. Откровение М[ужского] – Ветхий Завет, откровение Ж[енского] – Новый Завет. Это борьба за единство разделенного человека. И движущая сила – любовь.

9 Августа. После долгих ненастий наконец-то лучезарное утро с седой росой. Какое утро! Вот сколько соберут в это утро малины, грибов!

Лето проходит прохладное и грозное. Почти ежедневно на горизонте гремит и разобрать невозможно, что гром это гремит или орудия.

Часто слышишь: люди спорят, одни, которым хочется немцев, говорят: орудия, другие – гром.

Поход в Купань за картошкой и сметаной. Телефонный разговор с Аникиным.

10 Августа. Лето проходит холодное, дождливое и грозное.

Раньше, всю жизнь, при расстройстве нервном навязчиво мерещился выход через насилие над собой. Все разрешалось благополучно потому, что перемогала joie de vie*. Теперь это чувство угрозы, когда приходит, встречает мысль о Ляле, что ее так оставить одну нельзя – это раз, и потом вообще: эта угроза несовместима с верой в Бога. Из этого ясный вывод, что самоубийца никого не любит и не верит в Бога.

Вспоминается из московских впечатлений фигура Ценского возле дома писателя в ожидании машины. Он стоял одетый в новый серый костюм, до того проутюженный, что весь Ценский походил на манекен. Он умно закончил свой бунт севастопольским патриотическим выпадом.

Казалось бы, и моему другу надлежало бы последовать его примеру: ведь он наверно побольше даже Ценского любит свою Россию. Но почему-то нет: он не осуждает Ценского, но и не принимает такого выхода. Я спрашивал, почему он не стремится сделаться лауреатом. «Напротив, – ответил он, – я очень хотел бы теперь получить преимущества лауреата, но я дал направление своему таланту в сторону мира, а не войны...

Может быть, я даже готов для получения премии и сплутовать немного и показаться в обществе не тем, каким был 25 лет, но не могу сплутовать, как до сих пор не могу не покраснеть,

* Joie de vie *(фр.)* – радость жизни.

если мне стыдно. Ведь я только потому и пишу, что написанное всегда было выходом мирным, заканчивающим мою душевную смуту. И теперь война внешняя меня смущает, теснит мою душу, путает мысль. Я не могу теперь ничего написать по всей правде: сказать о себе «я пораженец» – нет, я не пораженец, сказать – патриот, нет – не патриот. Я просто смущенный, мучимый, терзаемый состоянием войны человек, смиренно неслышимо ожидающий своего времени выхода из смуты. Мне стыдно глаза поднять на убежденного человека, а не то, что стоять как Ценский лауреатом, будто в проутюженном, будто картонном костюме».

В Индии объявлено состояние гражданского неповиновения[153]. Немцы режут Волгу. Вот-вот выступит Турция[154].

11 Августа. Видел во сне, будто собираю себе от разных лиц пропуска. Приходит Пушкин, смотрит на них и большую часть рвет. – Оставьте, – говорит, – вот только это, с этим пропустят. После этого спокойно и долго беседую с ним, и, между прочим, рассказываю ему, что геройский выстрел его в Дантеса вначале как-то не очень обращал на себя внимание общества и только теперь стали понимать его, как пример высокого мужества.

Митраша принес свое очередное письмо с восторженным толкованием «Жень-шеня». Нашел общий язык с тещей. Удивительно, как мог Лев Толстой выносить толстовцев. И вообще – что делать с поклонниками? Ответ: то, что делает красавица – она пользуется поклонниками, чтобы создавать себе славу. Значит, средство отделаться от поклонника – это стереть его личность множеством.

Собирали грибы с Лялей в хорошем настроении под впечатлением от революции в Индии. Болтали о возрождении Востока и предстоящей нам деятельности и т. п. Интересны проходящие, мало оформленные мысли при собирании грибов, например, что взяли один гриб, а другой маленький оставили и вернулись к маленькому сорвать: а то ему одному будет скучно; или... много всего!

Joie de vie. Боровик, поднимаясь из моховой кочки возле дерева, встретил на пути своем тонкую веточку и стал поднимать ее. Но эта веточка концом своим попала в развилку другой ветки и перестала поддаваться под натиском гриба. Она врезалась в шляпу гриба. День был теплый, после дождя земля паркая. Мы смеялись от радости жизни, казалось, все в лесу с нами вместе смеялось. А тот могучий боровик, поднимаясь все больше и больше, резал себя. Мы застали его, когда он, этот глупый боровик, напором собственной силы жизни разрезал себя пополам. Уложив несчастный гриб в корзинку, мы о себе подумали: не режем ли мы себя своей радостью жизни? И оба замолчали.

12 Августа. Ездили грабить Нагорье с большим успехом. Люся пошла за родителями через мокрый луг. Мани́чка, младшая сестра, оставалась с нами, вырвалась и убежала за сестрой. Она скоро вернулась и, сказав, что испугалась мокрого, стала реветь. Нам хотелось наказать ее за самодовольство и каприз, но Елена Федоровна взяла ее на колени, дала пряник, уговаривала, обласкала, и девочка успокоилась. – Почему-то, – сказала Ляля, – когда я вижу это в детях, я не люблю их, а когда вижу взрослых в обиде, ужасно болезненно болею. – Нет, – ответила Ел. Фед., – нет, я много пробовала с детьми: ответить на их грубость грубостью – и ничего не выйдет. Но лаской, уговором я их всегда побеждаю. – А в Германии строгое наказание является необходимым средством воспитания, – сказал я. – Очень возможно, – сказала Ляля Ел. Фед., – вы и правы, но я о себе только говорю, что у меня этим путем ничего не получается.

Елена Федоровна – поповна и воспитана православной церковью, и метод ласкового воспитания происходит из церкви. Точно так же и методическое разумное наказание происходит из протестантской церкви.

Краснеет рябина. Спеет брусника. Шмель и пчела бросились на вереск.

У Ел. Фед. вместо букета в тоненькой вазочке на столе одна ромашинка, одна клеверинка и одна незабудка.

Первая холодная роска. Первый желтенький листик в налитом дождиком блюдечке сыроежки. Трескаются стручки акации, и падает на землю их мелкий горошек.

По рубежам полей стоят шапочками зонты ромашек душистых, захватишь горсть и нюхаешь, и радуешься.

13 Августа. Светлое утро. Седая роса. Ночи подлиннели. Начались паузы сна, в которые ясной свободной от забот голове можно навязывать вопросы, и она их разрабатывает в явь и в сон. Так навязывалось голове решить – мы выдержим напор на юге, и война будет продолжаться, или немцы разобьют начисто и с коммунистами будет покончено и это будет для нас концом бойни.

Еще виделись во сне разные писатели, скрюченные, как листья поздней осенью: даже и не желтые, а серые и с дырочками, и все треплются на тонком оголенном прутике. И среди писателей прошла Дынник, искусно по последней моде одетая, прикрыв свой скелет: улыбаясь, кивая головой на себя, и говорила умирающим писателям: «Красота есть факт!»

Еще я ставил голове вопрос о женщинах, когда от слабости они теряют силу любви и ссорятся между собою с утра до ночи. Я спрашивал, возможно ли им найти выход к любви внутри злого сплетения обыденности, или надо искать выход к добру на стороне. И мне хотелось, как мужчине, найти, выдумать какой-то разумный рычаг, чтобы, нажав его, сразу устранить бессильную женскую борьбу в мелочных сплетениях жизни. Да, именно нажать, т. е. покончить со слабостью немочи насилием.

Мне тогда представилась вся наша революция необходимостью насилия над обществом, одряхлевшим в мечте о жизни, основанной на едином законе любви, переделанном в благодушие. Так ясно тогда казалось, что стоит покрепче нажать, поскорее прогнать всех через разумно устроенную мясорубку, и выйдет настоящий человек, настоящая жизнь. Тогда массы побежали в мясорубку, а единицы, верующие в то, что Царство

Божие внутри нас и нет никакого выхода на стороне, погибли. И они должны были погибнуть, как мученики. Но тут вставал вопрос о себе: но почему же я-то мог не пойти в мясорубку, почему и сейчас я... и как будто уже это не «я» стало, а нечто живущее во мне и не мое, и что это «не-мое» существует и будет вечно быть независимо от побед и поражений.

И сколько бы ни ставилось вопросов о неразумности этого состояния – мало ли было мною пережито таких разумных вопросов самоопределения, и всегда находился во мне в молчании тайный ответ, скрываемый даже от себя самого: я не спорю с вашими разумными мясорубками и думаю, что наверно вы правы и что это все так и надо наверно. И я вам в этом не смею мешать, клянусь, никогда ни словом, ни делом, ни помыслом не мешать, только оставьте меня жить, как мне хочется, как мне нравится. Так и становится понятным, почему герои погибли, а я все живу и не теряю духа: очевидно в предшествующих мясорубках мучения своей личной жизни я тогда еще дошел до состояния смирения в ясном сознании: «Господи, прости им, не знают, что делают».

14 Августа. Светлое утро. Седая роска. Туман над рекой. Малина кончается, трясешь куст – и все ягоды как роса осыпаются.

О. Роман, неназываемый игумен неназываемого девичьего монастыря был внешне безупречный человек и даже блестящий оратор. Но именно это богатство внешними средствами с приготовленным, на кончике языка хранящимся ответом на всякий вопрос, некоторых из его послушниц приводило в смущение и сомнение. Ляля при встрече с Олегом почуяла в себе внутреннюю свободу от послушания и, не делая из этого вопроса, потихонечку отошла от общины. (Так некоторые коммунисты, оставаясь в душе верными идее коммунизма, переставали платить взносы и механически выходили из партии.) Напротив, Зина продолжала свое послушание: рано утром шла в церковь, после службы дома ее ждали ученики, до вечера; закусывая между уроками, она учила, а вечером опять шла в церковь. И так она провела десять лет. Когда община кончила

свое существование, о. Романа сослали и Ляля опять сошлась с Зиной, то Зина ей открылась, что все сомнения в о. Романе, бывшие в Ляле, были и в ней, но вера ее была больше сомнений в о. Романе, больше неприязни к сестрам и даже может быть самому принципу старчества, на основе которого была построена эта община. Одним словом, Зина видела все, но вера ее была больше, и если бы явился какой-нибудь особенный случай вроде встречи Ляли с Олегом, который бы сделал общину помехой в ее продвижении в вере, то она бы тоже оставила общину. Но именно случая-то такого не было. Вот почему Ляля не осуждала Зину за пребывание в общине, а Зина – Лялю за выход из нее (с истории «лялиного бунта»). Услышав этот рассказ, я подумал о своем русском народе: сколько я претерпел от него внешне и все продолжаю верить в него, как родник моей поэзии, и никогда не перестану верить. Вот так точно верующие люди берегут в себе непорочную церковь. – До какого же предела можно выносить падение церковных нравов и политики?

15 Августа. Ляля немного больна, и я, пользуясь тем, что около нее можно сидеть и болтать, не пошел на охоту. На этом я поймал себя и вспомнил, что вся история наших отношений состояла в утрате моей чистой девственной радости от общения с природой и замене природы Богом, живущим в ее сердце. Нет никакого сомнения, что я стал бесконечно содержательней, умней, вырос в возможностях своих писательских бесконечно и все-таки былую чистую детскую радость в природе утратил.

Всматриваюсь в образ Ляли и понимаю ее, как соблазнившую меня Еву, и все грехопадение и сама Ева представляется мне вовсе не такими, как это воспринято в Библии. Рай, мне представляется, был тем «рай», что в нем времени вовсе не было, и Адам был благодаря этому существом бессмертным. Возможно, что он тоже, как и мы теперь, умирал и как мы возрождался, но он жил вне сознания времени, как живет теперь птичка и любое животное.

Быть может, в раю случалось, что во время купанья какой-нибудь райский крокодил хватал Адама за ногу и увлекал в недры райских вод, или тигр уносил его в тропики, как котенка. Быть может, рай оглашался на миг пронзительным криком. Но что из

этого? Щебечет же радостно ласточка у нас на сучке в то время как другая пищит в когтях ястреба. Рай был именно тем и рай, что в нем не было страшного нам сознания времени или смерти.

Там было в раю точно так же, как было в природе у меня до встречи моей с Лялей: я жил как все в природе, не обращая на смерть никакого внимания, каждое радостное мгновение в природе принималось мною как вечность. И пусть эти мгновения обрывались криком уносимого крокодилом или тигром какого-нибудь Адама – все равно, после крика опять вечное мгновенье и плюсом соединялось с другим, и так плюс да плюс, одна вечность на другую, и это-то и было райское состояние первого человека, не имевшего сознания времени.

Я теперь очень хорошо понимаю состав яблока, поднесенного мне от древа познания добра и зла Лялей: змеиная ядовитость его состояла в том, что вкусивший этого яда начинал тяготиться покоем райского бытия, ему становилось скучно пребывать не только со своими сожителями в раю, но и с тем веществом, в которое заключен его пришедший от яда в движение Божественный Дух. В этом состоянии родилось в нем сознание времени и смерти, которую рано ли, поздно ли он должен преодолеть.

Я так понимаю праматерь нашу Еву по опыту собственного грехопадения: Ляля извлекла меня из райского пребывания основной чертой своего духовного существа: подвижностью духа и отвращением к пребыванию, к быту. Все ее столкновения с людьми именно происходят от необходимости равняться с ними в медленном движении. И всех женихов своих и мужей она не бросала, но они сами просто не поспевали за ней. Я же, вкусив яду, с такой стремительностью понесся из рая, что и не отстаю. Мы с ней понеслись с такой скоростью, что мне думается, обогнали всё то время, в котором двигался и движется родовой строй Ветхого Завета. Он и сейчас еще на наших глазах движется внизу, как бесконечный поток повозок Израиля в пустыне, но только по их медленному ходу мы чувствуем еще быстроту нашего полета, мы еще сравниваем их и себя: мы еще во времени. Но рано ли, поздно ли мы должны их обогнать, и тогда времени в нашем полете не будет, как все равно исчезает ручей, когда он придет в океан.

И когда я теперь в этом страшном и, может быть, <*зачеркнуто*: самом грешном> полете всматриваюсь в черты древней матери, породившей в мире движение и время, я вижу в новом свете лицо моей подруги: она давно мне мать, эта же Ева, соблазнившая меня когда-то яблоком познания добра и зла, теперь уже не жена-соблазнительница, а мать, родившая меня на борьбу со временем.

Я смотрю на нее, больную, на подушке, и знаю, физически чувствую, что она не умрет. И пусть даже ее и похоронят, я знаю, для меня это не будет та страшная смерть, перед которой трепещет все живое. Для меня эта смерть будет последней повозкой бесконечной цепи повозок Израиля, медленно движущихся в пустыне в страну обетованную. Эта смерть будет моим окончательным освобождением, – после того времени больше не будет.

Дева, чтобы не остаться старой бесплодной девой (и не быть побитой камнями), должна или потерять девство и родить, или, оставаясь девой, родить без семени в непорочном зачатии (стать творцом, родить Бога). О мужском творчестве говорят: шерше ля фам, – это значит, что божественная сущность мужского творчества исходит от женщины, что эта ляфам в последнем выражении есть Богородица.

Углем на стене утром. Опять явилось о будущем мире и о настоящей войне такое же чувство раздельности, как с детства было внушено оно в отношении настоящей жизни и загробной. Сегодня я почувствовал упрек себе за постоянные свои высказывания, будто я работаю не для войны (настоящей жизни), а для будущего мира (загробной жизни). Вспомнив, однако, о борьбе своей с разделенностью этой жизни и той, будущей (о том, что будущая жизнь есть продолженная и очищенная жизнь настоящая), я внес поправку и в отношении равнодушия к войне: нет! это неправда, что можно пропустить настоящее войны ради будущего мира: свой прекрасный будущий мир есть дело своих собственных рук в настоящем. Друг мой, торопись, собирай все последние свои семена и сейчас же их сей: когда эта жизнь кончится, ты в той жизни соберешь свой урожай. Не бойся ничего, умирать собирайся – рожь сей.

Человек повел счет дней своих с того разу, когда вкусил от древа познания добра и зла: в тот раз и началось у человека время и смерть.

16 Августа. Опять поутру пришел дождь. И так он шел и шел по крыше, а я дремал под его шаги и я чувствовал, будто этот дождь смывает с души моей все упреки за лень мою.

Страшно думать, что холода скоро заставят меня вернуться и ночевать и писать у тещи. Все яснее становится, что старушка, душевно больная, паразитирует на Лялиной душе, на ее здоровье, и мало-помалу делает ее тоже больной. И когда поднимается гнев, то исчезает его направление: можно ли гневаться на семидесятилетнюю ненормальную старушку. Это еще бесполезнее, чем Ивану Константиновичу гневаться на большевиков, а Сергею Алексеевичу на немцев. Ясно одно, что конец войны освободит И. К. от гнева на большевиков, С. А. – на «высшую расу», а меня от тещи. Тогда я не для себя даже, а по долгу в отношении Ляли освобожу ее от этой нравственной эксплуатации.

По теще вижу и по Шуре, что душевно больные люди могут обладать особенно четкой рассудительностью. И вот именно только по этой обостренности в логике можно догадаться, что имеешь дело с душевно больной. Этой логикой именно они и обороняют от постороннего глаза свой тайный бред.

Но ведь теперь в каждой семье, в каждом тыловом человеке, над каждой душой нависла угроза безумия: над каждой головой висит острие Дамоклова меча.

Часто кажется, будто это все видишь во сне, и тогда молишь Бога, чтобы Он разбудил нас от этого тяжкого сна «тем или другим способом», т. е. устроил бы мир, и мы бы очнулись от сна войны на земле, такой прекрасной, какую мы когда-то знали, но не отдавали себе в этом отчета, или бы разбудил нас решительно и навсегда той острой силой, которую принято называть смертью.

Последний коммунистик деревенский, выгоняя на уборку последнюю деревенскую бабу, делает общественное дело.

И последняя выгоняемая баба работает тоже не для себя, а для общества. Мы же думаем только о том, как бы чем-нибудь обеспечить себя, чтобы пережить зиму и так перешагнуть за рубеж, где начнется мирная жизнь.

Ляля даже поощряет меня на какое-нибудь общественное дело с целью маскировки им своего духовного неучастия и поправления финансов. Я просто не могу, мне противно такое писательство. Но она допускает его в самых широких размерах, как блудница какая-нибудь в ее глазах остается чистой девой, если только в то же время она в себе держит Христа. Я это допускаю и понимаю и прощаю, но сам, как подумаешь это поведение на себя, охватывает необычайная скука и лень, а Лялино поощрение меня к этому на короткое время и омрачает и раздражает.

Именно то и раздражает, что ведь – знаешь себя – когда дойдет до последнего, я непременно почувствую святое вдохновение, при котором станет даже интересно блудить. Но когда этой крайней необходимости нет – нет! я не могу.

У Ляли к этому нашему нищенству есть отговорка: – Он (М. М.) выпрашивает не для себя, а для меня и мамы, а я тоже делаю вообще все для него и для мамы. А будь я одна, я одна жила бы только для Бога.

Дело в том, что ее-то любовь ко мне в своем принципе существует не для себя, а для Бога, что только в Боге эгоизм любви находит свое оправдание. И значит, если станет на пути этой любви стыд перед блудом или «общественность», то значит долой блуд, долой общественность, потому что мы двое в любви (в Боге), и общественность, и церковь, и вселенная – мы больше всех.

Всякое искусство предполагает у художника наивное, чистое святое бесстыдство рассказывать, показывать людям другим такую интимно-личную жизнь свою, от которой в былое время даже иконы завешивались. Розанов этот секрет искусства хорошо понял[155], но он был сам недостаточно чист для такого искусства, и творчеством своим не снимает, а, напротив, утверждает тот стыд, при котором люди иконы завешивают.

Да, конечно, путь художника есть путь преодоления этого стыда: художник снимает повязки с икон и через это в стыде

укрываемое делает святым. Искусство это делает своими единственно ему присущими средствами. Но Ляля, не владея никаким искусством, стала делать любовь свою, как искусство. Вот почему только художник мог понять ее и только художника могла она полюбить.

17 Августа. «Если пасмурен день, если ночь несветла,
Если ветер осенний бушует...»[156]

Под вой ветра и свист в трубе в постели вспоминается Некрасов со своей «правдой», рассказанной мальчику при лунном сиянии, а потом и все стало разлагаться, все источники зла вскрывались и перешло в Европу, через века и тысячелетия перекинулся вопрос: – Где же, в конце концов, корень этого зла?

И чувствую начало зла в образовании сознания превосходства одного человека над другим и через это в порождении власти, как силы, организующей общество на так называемых разумных началах. Мало-помалу эти «разумные начала» порождают механизмы, подчиняющие себе душу человека. Осознание этого зла приводит к необходимости нового устройства общества, но такова сила зла, что новое общество само по себе является новой неслыханной силы машиной, порабощающей окончательно живую душу человека. И так, сила любви Божией, распределенная между людьми в форме таланта, эта любовь Бога к каждому (несть бо власти, аще не от Бога)[157] стала в руках человека бичом-уравнителем всех.

В этом и есть корень зла: в подмене власти Божией властью человеческой. Так и надо теперь понимать слова Христа о власти в смысле: вне Бога нет власти и только Божия власть – есть власть, всякая же власть не от Бога – есть подмена доброго начало злом, т. е. <u>ничем</u>. Власть Божия есть источник [пре]-образования каждого человека в личность, которая тем самым становится Богом. (А в школе нас учили толкованию слов Христа о власти – что и не может быть на земле власти иной, как от Бога, что, значит, всякой власти «предержащей» да повинуйся, мальчик. Так врали попы, учителя, и мы чуяли, бунтовали за «правду».)

Не у нас это началось и не мы одни – русские ответим за преступление против существа Божия. Мы, как мальчики,

в простоте своей лишь бунтовали за «правду», мы, дикари, соблазненные вином цивилизованных народов. Жалкая картина этого бунта и есть история России.

Вот именно потому, что «корень зла» не у нас, а в Европе, у нашего учителя, нам, понимающим в чем дело, нельзя бросить бунтующих мальчишек и стать на сторону учителя.

А может быть, мальчишеский бунт прикрывает собой какие-нибудь и добрые начала, которые станут руководящими в будущей мировой жизни. Мне кажется, и я почти верю в одно из них, о чем не смею сказать и назвать это по имени.

При быстром уме и других способностях Ляля не способна ни к какому навыку: она может мгновенно все схватывать, но ничему не может учиться такому, что требует повторения и упражнения. Она не может даже заставить себя регулярно принимать лекарство. И если ей приходится, тем не менее, что-то регулярно делать, как теперь готовить пищу, или, как до меня, ходить в школу на уроки, то она должна тратить на это всю себя целиком, а это значит, что она действует не навыком, по инерции раз принятого решения, а вдохновением каждый день, и каждый новый омлет у нее выходит по-новому.

В силу же этой необходимости каждый раз участвовать в деле всей душой, каждый род деятельности выталкивает всякий другой: так, если ей теперь надо ежедневно готовить пищу, то ей «некогда» больше не только писать, но должно быть и Богу молиться.

Я заметил в ней эту особенность с самого первого начала нашего знакомства, горевал, надеясь на нее повлиять, но потом не только бросил влиять, а даже начинаю понимать, что, пожалуй, в этом ее особенность и ее благо. Да и правда, разве это главное в человеке – навык? Конечно, не главное, а напротив, именно второстепенное, обычно принимаемое за главное.

Почему непременно всех надо учить с наказанием (как у немцев), а не влиять непосредственно на самое существо человека (любить)? С этой точки зрения в навыках и привычках, отнесенных к личности, таится отрицательное начало, и самое слово «человек» в этом смысле, т. е. как совокупность привы-

чек и навыков, скорее следовало бы произносить как человек, похожий на жвачное...

Между тем Ляля может великолепно нести свой крест (в поте лица) и может любить без привычек и навыков.

Да разве и каждый из нас, кто сказал или сделал что-нибудь совершенно свое и значит совершенно новое в этом процессе создания, не разбивал все свои прежние привычки или навыки?

И почему общепризнанная для творчества необходимость борьбы с рутиной не может найти своего выразителя при полной его неспособности к привычке и навыку?

Я и сам человек этой породы: особыми усилиями воли я могу и отучить себя и приучить почти ко всему. Но все мои привычки могут правильно действовать, лишь когда они находятся у меня в атмосфере принятого волевого решения. Как только почему-либо ослабевает руководящая воля, так у меня мгновенно распадаются все многолетние привычки и навыки.

За границей я был примерно одетым и приличнейшим юношей, но стоило мне переехать в Россию, как я забросил все привычки свои украшаться.

18 Августа. Да разве можем мы знать человека, с которым живем? Мы узнаем человека, если только пожив с ним, съев пуд соли, навсегда расстанемся. Да и то не сразу бывает, – он ушел, и я узнал. Нет, бывает как-нибудь нечаянно, когда не спится, придет он на память, и тут вдруг его как будто впервые только увидишь и впервые сразу всего поймешь. Вспомнился сегодня Горбачев Василий Алексеевич. Горбачев очаровывал нас тем, что, находясь среди нас, как будто отсутствовал: может быть, занят был своими мыслями тайными. Но каждый из нас это испытал на себе, что как-нибудь при случае он встретится с тобой глазами, и ты поймешь, что вовсе он не отсутствует, а тут же с тобой вместе живет, сочувствует, понимает. Он бросит два-три слова тебе, юноша, и ты уже весь с ним. (Страдал падучей, в ссылке женился на дочери лесника и застрелился.)

Это был простой человек, и ни он сам, и ни люди, никто не ставил вопроса об его уме, до того человек этот был прост и ясен и всем существом своим показывал, что самый вопрос об уме возникает у людей, когда нужно бывает или исправить

ошибки, или же сплутовать. Рано или поздно, однако, бывает с таким хорошим человеком, что ему приходится браться за ум и тут он делается как все, а то и похуже. Но бывают редкие счастливые случаи, когда «ум» не приходит внезапно, а постепенно, как яд, маленькими дозами опыта жизни всасывается и не отравляет организм и под конец он делается не умным просто, как все, а мудрым.

Философия наверно есть свойство чисто мужского ума, стремящегося вверх по прямой. Мне кажется, что Христа этим умом невозможно постигнув, принять. Это Ницше, Джефферис и др. философы. Христос может родиться только в женском сердце. Философия сама по себе бесплодна и не может стать действенной, если только не присоединится к тому, что рождается от Девы. Это соединение Духа Святого... Ляля говорила мне сегодня, что с Христом в сердце она почти что и родилась, но когда занималась философией, в Христе не нуждалась. Он отсутствовал. Исток религии: дева (Богородица), исток философии: чисто мужской ум.

19 Августа. Спас Преображение.

2 часа ночи. Ляля вчера вечером сияла счастьем оттого, что в первый раз в жизни вымыла пол (с песком и голиком) сама. И вообще в силу внутренней логики своей личности она к моему изумлению превращается в Пульхерию Ивановну[158]. Сила устремления ее в эту сторону так велика, что никакие намеки мои, насмешки и раздраженье не могут ее остановить на этом пути. В письмах своих к Ал. Вас. или Удинцеву она еще, случается, обмолвится о своих высоких литературных замыслах, но это выходит у нее похоже на Афанасия Ивановича, когда он грозится, что уйдет на войну. Если не изменятся общественные условия и еще одну зиму придется прокоротать у Назаровых, то вслед за превращением Ляли в Пульхерию Ивановну мне грозит превращение и может быть еще более яркое в Афанасия Ивановича. Мне думается, Ляля даже и сознает такой исход нашего союза.

На днях она собирала бруснику, а я сидел на пне.

– Собирание ягоды, – сказал я ей, – принижает человека, превращает его в какое-то четвероногое.

– Совершенно верно, – сказала она, не отрываясь даже от ягоды, – эти ягоды, грибы созданы на мученье, никогда даже вверх, на небо не посмотришь.

Я обрадовался ее сознанию и подхватил:

– Смотри, смотри, каждая травинка тянется вверх к солнцу, а сосны, посмотри, как устремлены сосны вверх.

Она смотрит вверх, потом смотрит на меня и говорит:

– Мне кажется, ты должен быть доволен жизнью: ты сейчас живешь совсем как ребенок.

У нее при этом в глазах, в голосе выражение такой доброты, что я, подумав о старосветских помещиках, впервые понял Афанасия Ивановича и весь смысл знаменитой повести. Трогательность этой поэмы заключается в том, что Пульхерия Ивановна в любви своей возвращается к материнству, а ее «воин» Афанасий Иванович – в ее ребеночка. Раньше мне всегда казалось в этой повести немного досадным, что П. И. вечно хлопочет, работает, а ее А. И. совсем ничего не делает и только кушает. Теперь же, когда я сижу на пне и любуюсь устремлением всего живого к небу, к солнцу, а подруга моя, как четвероногое, ползает по кочкам с брусникой, – разве не то же самое происходит? Она радуется, что ее ребеночек сидит на пне сытый, побритый, чистый и забавляется разными хорошими мыслями и образами. А что А. И. как ребенок играет своими образами, то это так и нужно: он же ребенок, так и нужно, чтобы он только кушал, забавлялся и ничего не делал. Обе фигуры – он и она – взаимно уравновешиваются.

Иван Кузьмич говорил: – Как уменьшился орден Ленина с тех пор, как явились ордена Александра Невского, Суворова и Кутузова, вы заметили? Просто удивительно: драли нас, драли нас, четверть века гнали нас, строили, строили, и все разрушено. А что раньше наживали, и что к этому за четверть века прибавили – все до основания, и остаются только ордена царских генералов...

Петр Кузьмич на это сказал: – Мало кто понимает, в чем тут дело, но как я понимаю, иначе нельзя понимать. Наша картина показывает нам картину прежних времен. Наговорили нам тогда, что есть у нас родина, отечество, герои, царь, Бог и все

это разное. А как нынче всмотришься, все это был обман: ничего не было, и Кутузов, и Суворов – ничего особенного, просто высшие чиновники: выбор счастья пал на них. Только тогда были вовсе глупые люди и все верили в обман, а теперь все стали умные, никто не верит, но по необходимости веры выдумывают в оправдание мудреца, который сказал: если бы не было Бога, то его надо было бы выдумать[159]. Вот и выдумываем теперь Суворова, Кутузова, родину, отечество.

7 утра. Тихое, роскошное солнечное утро. На лужайке, изрезанной дорожками, по низенькой кудрявой мураве трясогузка учит жизни своих молодых. У них эта школа проходит с весельем и радостью. Впереди по лугу бегут родители с черными фартучками на груди, с длинными хвостиками. Их движения нервные, быстрые, неправильные и разные, то надо клюнуть, то догнать, то подскокнуть, то подлететь, то схватить. За родителями на значительном расстоянии, чтобы дать время подлететь новым насекомым, подползти новым червям, бегут молодые трясогузки, птички тоже с покачиванием, на тонких ногах, точно такие же, но только еще без черных фартучков. Они тоже клюют, тоже подскакивают, тоже подлетывают, но в то же время следят внимательно за родителями: если у тех что-нибудь поймается особенное, они быстро подбегают к ним, те повертываются и дают что-нибудь от своей добычи. Или бывает, молодым не удается – раз, два, три, тогда опять они подбегают и просят.

В колонии детей[160]. Трясогузки, такие незаметные и никому не нужные птички, что дети даже не обращают на них внимания, и они совсем не боятся детей.

Первый выходит мальчик в испанской шапке с двумя рожками, впереди и назади, в изодранной матроске, без штанов и босой. Он важно, руки назад, переходит улицу, становится задом к калитке дома, где живет и спит его друг, и сильным толчком задницы открывает тяжелую дверь... Собираются боги. Их движенья, прыжки... Их игры, их полная свобода, уверенность и т. п. – продолжите: и будет искусство, будет Эллада. Но продолжение идет не в ту сторону, а в другую, где всем им назна-

чены голод, слезы и смерть. Вот постарше – 7 и 8 лет: отец на войне, мать в колхозе, они пилят бревно[161], пилу зажало: девочка садится, он пилит один...

9 утра. Ляля, не подумав, сгоряча, наговорила мне обидных слов. (Началось: – Сходил ли ты вчера к лесничему?) При ее резком вопросе у меня будто бы явилась ненавистная ей смущенность, растерянность, принятые ею как результат моей виновности. Тут она и набросилась, и наговорила мне, что она работает, а... Нападение было чисто истерическое, надо было сделать огорченный вид и сказать: – Денечек, за что ты меня обижаешь? И все бы кончилось. Но я применил гнев с целью, чтобы в другой раз было неповадно. У меня ничего и в этот раз не вышло, и при ее несомненной вине, я оказался виноватым больше: я должен был как старший явить силу, большую чем гнев: сдержанность, то, чему учит Толстой: непротивление (а у Христа: люби врагов своих).

На заметку. В Библии гнев Божий и наказание как орудие воспитания. В Новом Завете: человек воспитывается непротивлением злу.

Постановляю: открыть борьбу с гневом и ввести борьбу за сдержанность в ежедневную практику. (Опыт показал, что при ссорах с Лялей гневаться просто бессмысленно.) В природе этому гневу соответствует гроза, очищающая воздух (гнев очищает душу). Однако при борьбе с гневом надо иметь в виду возможность превращения гнева в длительное насмешливое и презрительное отношение к другому, или в робость и страх к самому себе. Вот для чего гнев не должен затаиваться, а как можно скорее должен быть превращен в иное состояние, не унижающее, а возвышающее душу.

Пример: при выходе моем Шура схватила ведро и бросилась вон, я думал – за водой для самовара, а она и не подумала о самоваре, а в ведро набрала картошки. Увидав ее на огороде, я разозлился, опасаясь своей злости, плюнул и сам поставил самовар. Она пришла с картошкой и стала помогать мне ставить самовар: она не по злости, а просто шальная. Все хорошо кончилось, но у меня в душе пробежала... Ну, словом, открываю методическую борьбу с «выходом из себя» и с самоотравлением злобой.

Каждое утро любуюсь детьми на лугу, их играми, их прекрасной свободой, независимой от истории общественной жизни. Впервые понимаю слова Христа: «Будьте как дети»[162]. Раньше я смотрел на детей с неприязнью: меня, во-первых, отталкивал грех родителей, который я умел открывать своими глазами в лице почти каждого ребенка; во-вторых, неприятно всегда было их самовольство. Теперь же, когда я начинаю отчаиваться во всем человеке, дети начинают привлекать меня сторонами своего существа, которых я раньше не замечал. И теперь думаю: до какого же отчаяния в человеческой лживости мог дойти Христос, если мог сказать современным ученейшим и мудрейшим людям: будьте как дети. Нужна была долгая жизнь и мировая катастрофа, чтобы я мог понять эти простые слова.

Ляля очень поняла меня, когда я ей об этом рассказал и прибавила: – Так, может быть, доживем и до того, что будем понимать другие трудно понимаемые слова Христа: «любите врагов своих»[163].

Мысли и настроения Афанасия Кузьмича:

1) В истории нашей революции Ленин является в сравнении с Толстым маленьким человеком...

2) Сами знаете, у каждого теперь есть тайное желание, о котором близкому другу сказать невозможно. Не всякий может это вытерпеть, и вот теперь выдумано особое радио, на которое и ссылаются: – Говорят, будто кто-то слышал, по радио передавали. – Да нет же, – отвечают, – у меня есть радио: об этом не передавали. – По вашему радио этого, конечно, не передавали, и т. д.

Вот это «радио» есть истинное сокровенное желание.

21 Августа. Собрались рано за грибами, по пути сломалась машина. Кононов глупый, вместо «прости» сам орет на меня, как на виноватого. Во исполнение обета о гневе, а также ввиду грозного положения остаться без машины (одно другому хорошо помогает) я сам добровольно принял на себя положение виновного: и действительно чувствовал, что во всех случаях вина обратима.

Я был виновен в свое время, что доверил машину Ноде, здесь виноват, что бросил руль и уход за машиной предоставил всецело этому неумному парню.

Вина всегда обратима, и в моем «прости» содержится все христианство. Непростима только хула на Духа Святого, и вот тут-то на этом камне, надо думать, происходит испытание веры, когда сильный мыслью в вере своей человек говорит: – Нет, не прощаю!

Но, вероятно, миллионы миллионов «прости» надо сказать, чтобы заслужить свое «не прощаю». И так может быть людей следует разделить на три класса: 1) основная масса людей (и особенно в наше время), это те, кто, будучи явно виновны, стараются освободиться от ответа и сделать виновником другого, не виновного. 2) Люди, способные сказать «прости», христиане. 3) Немногие, избранные, кто может сказать «не прощаю».

По существу дети совершенные эгоисты и хорошего нет в них ничего, но они содержат в себе все возможности лучшего в своем развитии. Наоборот, взрослые в жизни своей так обыкновенно удаляются от всяких возможностей к совершенству, что им можно детей поставить в пример и сказать: «будьте как дети».

В основе всех искусств лежат детские игры (а не там ли лежит игра, сказка и колыбельная песнь).

22 Августа. Есть в нашей душе одно «я», которое отвечает за «я» всех нас и в сущности значит «мы». Приходится, однако, вместо «мы» говорить «я», чтобы тем самым сказать: «я тоже с вами, я – не исключение», попробуйте сделать как я, и вам придется испытать то же самое.

А то есть «я» небывалое ни в ком никогда, это собственно моя душа, моя мысль, назначение которой выйти из меня, стать понятной, быть принятой во всеобщее пользование. Это та мысль, которая делается нашим общим достоянием и которую каждый из нас присоединяет к себе в том смысле, что, мол, и я тоже с вами – и я не исключение.

23 Августа. Дождь с утра. Ездили по грибы. Вымокли. Привезли пять ведер волнушек и груздей. Скворцы в стаи сби-

ваются. На закате облеты делают свои и все опускаются ночевать на одно дерево.

Пчела еще берет взяток с вереска и гречихи.

Рожь сжата.

Живем без радио и газет. Выхожу на опушку с корзиной грибов. Встречаются люди, закуриваем. Разговариваем о каких-то американских начальниках и что это уже не мы воюем, а Америка. И сколько провоюем – это Бог весть, а другие говорят – кончится в сентябре. Но самое верное будет, если считаешь, что не кончится при нашей жизни и надо устраиваться жить при войне. – Друзья, подумайте, велика ли вся-то наша жизнь? Поживет мало-мало человек и умирает и всякий умирает, так что и до нашей войны у нас всегда война была, и люди рождались только чтобы помереть. Знали это, и жили и привыкали к неизбежности смерти. Так и опять нужно привыкнуть к войне и устраиваться, как будто нет ничего.

Самое похожее у нас с Лялей, что и у нее и у меня ум от сердца, но она больше терпела и нажила себе немного и другого, обыкновенного ума, и в этом несколько сильнее меня, потому что я в жизни был более счастлив и на это ленив.

Сердечная мысль создала Евангелие (сердце женщины – Богородица) и мужской ум (творческий дух).

24 Августа. Солнце. Седая роса. Туман над рекой и за туманом голубая полоса лесов.

В растущем недоверии к людям не терять бы, а укреплять веру в Бога.

Знаю единственное – это душу свою: душа есть.

Хотел бы так же чувствовать Бога и знаю, что это возможно.

Грехи нужно не выдумывать и не натаскивать на себя, а знать их.

Мои грехи: 1) гневная вспыльчивость, 2) тревога (почти страх) как следствие приступов неограниченной радости жизни.

Первый грех будет побежден силой моей любви к Ляле. Это достигается тем, что я отделяю непогрешимое существо в Ляле и научаюсь не распространять мою неприязнь, вызываемую отдельными ее поступками и словами на то существо. Гнев во мне возникает всегда через это распространение частного зла в человеке на все его существо, гневом восполняешь себя при утрате доверия. Если же человек своим поступком заслуживает такого распространения неприязни на всю свою личность, то это равняется смерти его, и, значит, гнев тут не у места. Гнев – явление слабости в человеке.

Страх смерти – это один из главных видов страха вообще. Этот страх есть следствие нехватки или слабости жизни. В полной действительной жизни нет места страху и смерти.

Обыкновенная утрата доверия вызывает на время утрату веры, и такая утрата сопровождается выражением гнева. Человек скрежещет зубами, потому что жить без веры не может.

Ездили на хутор Серово и весь день на Медвежьей горе собирали грибы, волнушки, грузди и белые. При сборе грибов работают только глаза, как при управлении автомобилем, но там хорошая дорога дозволяет иногда о чем-нибудь думать. Здесь ни о чем другом, кроме гриба, думать нельзя. Ели костянику, бруснику, чернику, а под вечер набросились на остатки малины и ели с наслаждением.

Двойная волнушка. Ляля нашла волнушку, в которой только по двум ножкам можно было понять, что это одна слилась из двух.

– Это мы с тобой, – сказала она.

Я подумал про себя, чем же это похоже на нас и догадался: волнушки сверху головками своими слились и у нас тоже происходило вначале все сверху, с духа-души постепенно распространялось на тело, теперь же действительно дошло до того, что двух в одном узнать разве только по ножкам. Это и удивительно, потому что у большинства людей в любви их бывает наоборот: у них с самого начала только ножки сливаются, а все другое остается по-разному.

В дебрях приболотицы Медвежьей горы дико переаукивались бабы. Среди этого волчьего воя я едва расслышал несчастный голосок потерявшейся Ляли.

– Почему, Ляля, – спросил я, – у тебя такой милый голосок, когда ты напеваешь, а когда в лесу аукаешься, голос у тебя визжит, как в немазаной телеге.

– Потому,– сказала она, – что наверно у меня горло больное.

– А не будь оно больное, ты была бы, может быть, замечательной певицей, а я бы ездил за тобой, был около тебя.

– И ничего бы не делал?

– И ничего бы не делал.

– Нет, – раздумчиво сказала она, – тогда мы едва ли бы нашли друг друга: у меня наверно был бы какой-нибудь покровитель, от которого трудно бы мне было отделаться, а главное, любимое дело: я бы любила пение, а не тебя.

Мы говорили это в глухом лесу на Медвежьей горе. Я представил себя медведем, как в сказке о девушке, которая попала к медведю, и он ее полюбил, и она столько-то времени с ним жила. Жила, любила его, и он ей казался лучше человека только потому, что от человека узнавала только горе и вовсе не знала любви.

Боровик. Огромный белый гриб, величиной в хорошую миску, почернел, раздрых, весь изъеденный червями, провонял, но все стоял.

– Нечего и смотреть, – сказала Ляля, – никуда не годится. Но вот смотри, вот другой молодой.

– А вот еще, – крикнул я, – И еще там!

– И там. Гляди, гляди, и еще.

– И еще.

Мы собрали много молодых белых прекрасных грибов и на жаренье, и на соленье, и на маринады. И всех уложили в свои кузовки, а старик у старого пня в папоротниках остался на семена.

Сегодня ночью Мишку берут на военную службу. Он пришел попросить у меня для писем матери бумаги и проститься.

– Не горюй, – сказал я, – скоро может быть и вернешься.

– Конечно, – ответил он, – скоро вернусь, война скоро кончится.

– Ты уверен?

– Совершенно уверен: Кавказ скоро отрежут, воевать будет невозможно, правительство уйдет и все кончится.

Через несколько месяцев его, мягкого, обтяпают молотком, обточат напильником, вгонят в какую-нибудь дырочку войны в форме какой-нибудь «шпонки», и он заговорит по-другому.

Наш лес тянется на север из-под Москвы и весь он такой, что по холмам сухо, хоть в туфлях, как на даче, ходи, а внизу черная пропасть зарастает частым ельником, смолоду сухим – глаза колет и держит не только человека, а бывает, и заяц тут не решится прыгнуть.

Случится попасть в это чертово логово, так намучишься в нем, что когда наверх выберешься, то невесть как хорошо покажется. И когда случается северный человек начнет страстно хвалить свои леса, то надо знать, что он достаточно на своем веку помучился в чертовых ельниках и за то и хвалит суходол на холмах, что очень уж в болотах помучился.

И когда случится мне пойти в такой лес за грибами или за ягодой или дичью и бывает на этой охоте большая удача и радость, я не смею его хвалить перед людьми: никто из них не позавидует и не поймет такой радости, для которой столько истрачено горя.

Темная переспелая малина, сладкая как мед, еле держится на веточках. Мы сначала снизу подставляли ладонь, трогали другой рукой веточку, и малина сама падала в руку.

Груздь как будто нарочно сам это придумал так прятаться: лезет из-под колодины, во впадинке у него темная листва и только по белому ободку бывает заподозришь, наклонишься и вытащишь, да такой белый, такой сочный, такой хрусткий, что будь сметана, окунул бы и прямо сырым закусил.

На старые сосны смотришь, как они медленно растут, а молоденьких два-три года не видал и ахаешь, когда свидишься: растут как грибы.

Земляника еще не кончилась, началась черника и за ней малина, и не кончилась малина – поспела брусника и начала краснеть клюква. В этом году малину и бруснику не добрали и бросились все на еще зеленую клюкву. Не до малины и брусники в этот год: клюква ягода – на нее больше спроса, ягода годовая, прочная и на все годится в хозяйстве: здоровому с ней и без сахару можно чай пить, а больному клюквенный морс – первое лекарство, полезная ягода. А что зеленую рвут – ничего, на печке дойдет, будет красная.

25 Августа. Пожар в Усолье, сгорело 8 дворов. Печальная участь «Депы» и начальника Кошкина. Диктатор пожарный на деревянной ноге, кричит, поворачивается на месте, а никто не слушает: «рукава не хватает».

26 Августа. Всю жизнь слышал слово «душа» и сам произносил это слово, вовсе не понимая, что оно значит. Мне кажется, если бы меня спросили, что такое «душа», я бы довольно верно ответил на этот вопрос. Я сказал бы, что душа – это внутренний мир человека, это что он сам знает о себе. Во-вторых, я бы о душе сказал с точки зрения философа, что душа есть совокупность знаний человека о себе и т. п., как сказано в учебниках психологии. В-третьих, я бы вспомнил о представлении души примитивным человеком, как некой сущности, обитающей в теле.

И все это понимание души было бы не о себе, не своей души, а как говорят и думают о ней все люди.

Между тем у меня была душа своя, и я знал о ней с очень далекого времени, почти с детства, когда потихоньку проливал слезы о том, что я вышел на свет не такой как все.

Мало-помалу с годами, с десятками проходящих лет я через это страдание узнавал свое назначение: мало-помалу оказывалось, что быть не как все, а как сам, и есть то самое необходимое, без чего мое существование было бы бессмысленным. И мое страстное желание присоединиться ко всем, быть как все, не может произойти иначе, как через раскрытие в глазах всех себя самого.

И еще должны были пройти десятки лет, чтобы я понял, что перед <u>всеми</u> раскрыться нельзя, и «все» – это ничего не значит

и может быть «всех» даже вовсе и нет. И что если мне хотелось быть как все, то «все» в этом желании были близкие любящие люди, избранные, которых бы я любил и меня бы тоже любили.

И еще прошло много времени, пока я понял, что желание быть, как все, во мне было желанием любви.

И еще совсем недавно я наконец-то понял, что это стремление любить и было действием души моей и что душа – это и значит любовь.

Точно так же все говорят, как я о душе, о Боге, не подозревая, что Бог тоже в себе и представляет собой самое достоверное из всего, что мы узнаем.

Но почему так бывает, что повторение людьми имени Бога не усиливает и не яснеет от повторения, а, напротив, все больше и больше теряет свой смысл и доходит до того, что умный человек, сознавая именно в этом повторении имени пустоту и бессмыслицу просто бессвязного звука, решается сказать: «Бога нет!» и рассекает бесконечный клубок суеверия и обмана, намотанного на имя Божие, как на катушку.

Нет Бога! и предоставленный сам себе человек, бессонными ночами разбирая свою психику, ищет какой-нибудь достоверности проходящей жизни и не находит, и мечется в страданиях души, теряющей в других людях опору и пример для себя.

Такими ночами я перебирал в памяти знакомых людей, маленьких хороших и великих в своих именах и не находил среди них ни одного достойного, кому бы я мог вручить свою душу на исправление, на восстановление.

Только теперь издали я вижу в этих исканиях себя самого со стороны, как я поднимался, садился к столу, брал перо. В этот момент на лице моем происходило дрожанье ли ресниц, или легкая перемена цвета лица, или мускульное движение, еле уловимое глазом, как бывает, когда один плут перемигивается с другим умным плутом.

Так и я, в этот миг, перебрав за ночь всех известных мне близких и дальних людей и не найдя среди них ни одного такого друга, кому бы мог доверить свою душу, писал:

– Друг мой!

Его не было у меня среди всех людей на земле, но я в то же время знал, что он где-то есть и должен быть непременно.

Да, я чувствовал тогда, что плутовал, что никакого друга среди людей у меня не было, и я делал вид, будто он есть у меня, и я могу ему совершенно открыться в любви своей.

Только теперь я стал понимать, что никакого плутовства у меня не было, а это я, низший, такой же человек, как и все плуты-человеки мерил на свою мерку Высшего Духа во мне, укрывавшего непонятное больше людям имя Божье в словах: «Друг мой!» Не другу-человеку вручал я тогда душу свою, а другу-Богу. И это Он есть, и я Его знаю теперь, как самую достоверную действительность, точно так же, как знаю и душу свою. Теперь мне больше не страшен клубок паутины, обмана и суеверий, навертевшийся на имена Божьи. Напротив, я с благоговением вхожу внутрь всего пережитого людьми, все обманы для меня исчезают и в обыкновенной церкви, где-нибудь в переулке Арбата среди живых и мертвых людей мне воздвигается храм Любви.

– Разве можно чувствовать себя хорошо, – говорит теща, – если происходит такая ужасная война.

– А я, – отвечает Ляля, – никогда в жизни не была так счастлива, как этим летом.

И начинается их обычный спор: теща в природе, как человек в аду, и все ее мечты устремлены к удобствам городской жизни. Ляля ненавидит эти удобства и счастлива в деревне. И так ежедневно спор на этой почве. Ляля за раннее вставанье: – Как это здорово, как хорошо! – Но ведь при раннем вставаньи надо рано ложиться. – Хорошо и рано ложиться. – Но все же удовольствия бывают ночами. – В городе? – Конечно, в городе, не будем же мы жить в болотах после войны. – Ты все мечтаешь о после войны. Возможно, что для нас этого состояния не будет: война может продлиться больше нашей жизни и мечта о времени после войны это все равно, что мечта наивных людей о райской жизни за гробом.

Христос учил молитвой своей добиваться, чтобы Отец послал на помощь Духа Святого...

Это можно, это бывает: Дух приходит и сила является. Я помню очень давно, кажется, еще до Ницше, была во мне уверенность, что главная сила человека в душе, а не в электричестве, что новый неведомый мир откроется людям, когда они обратят внимание туда.

27 Августа. 42 года теща прожила с дочерью и ничего в ней не поняла, и ничего с ней не разделила. Так точно около Толстого жила его жена. Каким раем представляется теперь в сравнении с ними жизнь моя с Ефр. Павл., которая была настолько умна и необразованна, что вовсе и не касалась моего духовного мира.

Мучительное сожительство не только дело случая, а и какой-то неправильной веры в то, что «стерпится-слюбится», что духовное неравенство можно преодолеть влиянием одного на другого.

Начинаю ненавидеть жалость, этот гнилой суррогат милосердия. Вот где зарождаются ницшеанцы, большевики, фашисты – из решимости силой разрубить этот кокон паутины за тысячи лет напряденный червем жалости.

Пример мухи, пытаемой пауком жалости, – это Бострем. Он и рад бы вырваться и убежать, но не может решиться, потому что не знает во имя чего ему оставить своих. Силенок не хватает сделать это во имя искусства: не верит в талант (для веры необходим успех, а он уже попробовал: успеха нет). Если во имя Христа принять страннический образ жизни? С какой радостью он об этом говорит и мечтает, но опять силенок не хватает. (Тоже и Ницше рванул и не хватает силенки.)

Боже мой! сколько лжи собралось в человечестве под знаком креста. Как понятен человек, пришедший уничтожить всю эту дрянь. Но как велик будет тот человек, кто не побоится поднять этот крест из болота и вновь поставить его на холме с плодородной землею.

Жалость – это род женской болезни.

Конец романа. Они были так обязаны друг другу, так обрадовались своей встрече, что старались отдать все хранимое в

душе богатство свое как бы в каком-то соревновании: ты дал, а я больше, и опять то же с другой стороны, и до тех пор, пока ни у того, ни у другого из своих запасов ничего не осталось. В таких случаях люди, отдавшие все свое другому, считают этого другого своей собственностью и этим друг друга мучат всю жизнь. Но эти двое, прекрасные и свободные люди, узнав однажды, что отдали друг другу все, и больше меняться им нечем и выше расти в этом обмене некуда, обнялись, крепко расцеловались и без слез и без слов разошлись. Будьте же благословенны прекрасные люди!

Ездили в Переславль, были у Аникина, утерли нос Ветюкову, заглянули к Кордовским, в Городке были у майора и комиссара Копытина Алекс. Ив. и масло достали, и соль, и керосин, и сметана наклюнулась.

Ветер нес пожар по селу. Услыхав набат, прибежали женщины с поля, становились перед своим пылающим домом, валились наземь, впивались пальцами в землю, корчились, кричали что-то в огонь. Но огонь безжалостно все разрушил, в окна было видно, как горела кровать, одеяло, подушки, кадушка с мукой, грибами. Попробуй-ка, бывало, возьми сам грибок, – из-за этого гриба, что бы тут было. Даже и попроси, попробовать не дадут. А огонь не спрашивает – все пожирает и не смотрит на баб.

После всех шла с поля на пожар старушка: была очень стара и не могла быстро идти. У села ее встретили люди:

– Добрые люди, – спросила она, – стоит ли еще моя хата-то?

– Нет, бабушка, твоя хата сгорела дотла.

– Ничего и не вынесли?

– Ничего.

Старушка перекрестилась и молвила:

– Ну и ладно.

Видно, так и надо! Люди поняли старушку, что она из ума выжила, и со смехом рассказали нам. А мы собрали кое-что у себя, нашли эту старушку, пожалели ее. И ее надо было пожалеть. Это была достойная жалость.

Если бы эти две женщины – мать и дочь, забыли бы вдруг свое прошлое и встретились бы где-нибудь в обществе как будто впервые, – как бы они друг другу не понравились! И как женщины, разобрав друг друга до ниточки, с каким бы презрением перекинулись может быть колкими словечками и разошлись бы, чтобы больше никогда не встретиться.

Так бывает в сознании «любящих» на одно мгновенье мелькает, как ножом пронзит насквозь, и опять вернется все прошлое в переживаниях и обовьет как железными веревками обе души для вечного и мучительного плена, именуемого любовью.

Придет время душевных хирургов, которые особыми душевными инструментами, клещами, ножами и пинцетами будут разрезать паразитирующие щупальцы одной души, вызывающие жалость в другой.

У тещи основная мысль, которой она держится во всех планах жизни, это – что изготовление пищи и хранение продуктов труднее и важнее, чем их добывание. Вот пришли желанные дни, растут грибы, мы спешим в лес, а теща умоляет не ехать. Зачем грибы, если нет посуды для их хранения. – Да мы не солить, мы сушить будем. – А где будете сушить, если печка развалилась. – На солнце. – Разве на солнце. Ну, а если насушите, а придут немцы и все отберут?

Мы, конечно, живем не обращая внимания на старушку, но она очень упряма и ужасно мешает.

Я думаю, это окостенение души началось у нее с тех пор, как перед ее сознанием встал страх от жизни, и в поисках самозащиты она схватилась за порядок, унаследованный ею от предков – немцев. Порядок, начиная от распределения рабочего дня, расстановки вещей, всякого рода уборки вплоть до коллекционирования и раскладывания пасьянсов, обладает успокоительной силой. В руках женщины, имеющей честного, занятого службой мужа, этот порядок может сделаться господствующей силой, орудием господства женщины над мужем. Так было с тещей, благодаря силе порядка домашнего она царствовала в своем доме, отдавая, конечно, должное мужу, добывавшему для этого средства. Но ведь это каждый мужчина добывает, –

какой же он мужчина, если не добытчик? Вот отчего и сложилась у тещи такая политическая экономия с преимущественной оценкой труда по сбережению товаров перед трудом их добывания. Это, впрочем, распространяется глубоко в жизнь бабья политическая экономия. На этом возникла Софья Андреевна Толстая, и, может быть, к тому же самому началу господства материи относится и упрек Христа Марфе.

Кто знает? а может быть, и вся сила родовой женщины заключается в культуре этого первенства охраны добытого мужем, начиная от первенства охраны грибов перед их сбором, кончая охраной семени, оставленного мужем в утробе матери.

Может быть, утверждение первенства охраны перед добыванием есть утверждение материи, времени, всякой длительности и необходимости плодиться и множиться. И может быть вечный спор Ляли с матерью есть раскрытие вечного спора за первенство Марфы с Марией, ветхого, заключенного во времени, Завета с новым Заветом, освобождающим человека от Кащеевой цепи времени?

Узнали от Аникина о нашей победе под Ржевом. Прочитав радиограмму, я сказал теще: – Подумать только, 45 тысяч убитых! Я хотел этим ей представить размер нашей победы. Но теща, не поняв меня, и упустив из виду обстановку, в присутствии военного комиссара ответила: – 45 тысяч, какой ужас! И когда только эта война кончится.

Кононов, услыхав о победе, сказал: – А все-таки я думаю, после всего, всего, наши, в конце концов, победят. – И, подумав, прибавил: – Ведь в деревне, кто обижен, тот ждет немцев, их наверно не Сталин обидел, а Сталин им добра хотел, и даже не знает, что они обижены. Вы как думаете?

Я думал, что клюнуло на поплавок Рыбникова, и что, конечно, прежде всего, всем хочется какого-нибудь конца, что в нашу победу не верят, но если бы победа, то схватились бы все за победу, и что тут все на чуть-чуть, на волоске...

29 Августа. Ездили за груздями на Шариков пал. За всю жизнь не собрал столько, сколько собрал за одно утро. Удовлетворение такое же как от охоты: тоже тем удовлетворяешь-

ся, что в трудной работе при напряженном зрении уходишь от себя, от постоянной работы мысли и через это потом обновляешься и получаешь новые силы и радость жизни.

Упрямство вытекает из природной ограниченности, приводит к господству, к власти («язычество» тещи, С. А. Толстой). Христианство есть выход духа из ограниченности. Теща и Ляля как две натуры (язычество и христианство).

Тех, о ком я мог бы написать, уже нет на свете, а новых людей, кому надо писать о тех прошедших, я не могу видеть. Но у меня есть уверенность в том, что... (при записях в «поминальную» книжку).

Цель всякого ругательства состоит в обезличении врага. Наиболее яркие из таких ругательных образований – это «бабы» и «жид». Первое ругательство уничтожает в понятии женщины священное существо, личность и выдвигает низменное начало, присущее «всем». Точно так же и ругательство «жид» обезличивает еврея. В отношении женщины ругательство остается по существу бессильным, и хорошая женщина наравне с мужчиной пускает это ругательство в ход. Но «жид» подействовало и на понятие еврея, включающее в себя много воистину священных личностей. Так это заметно бывает русскому в еврейском обществе, когда в разговоре надо сказать слово «еврей» и в то же время боишься лишний раз сказать, и сами евреи навостряют уши при слове «еврей», как будто вот-вот из слова «еврей» выйдет «жид».

30 Августа. П. И. принес меду. Пили чай и говорили об идеализме большевиков, вернее о служебном значении идеализма в их практике, в результате чего произошло всеобщее нравственное опустошение: как будто вместо лошади запрягли Бога.

31 Августа. Была холодная ночь, только что не мороз, но говорят, будто бы как-то между днями два морозика уже тюкнули. Кононов поехал осматривать купленные дрова. Ляля с 5

утра и дотемна хозяйствует и ей еще помогает мать, обе женщины отдают себя целиком, чтобы довольно скудно нам троим прокормиться (щи пустые, картошка с грибами, молоко). У Ляли часу нет погулять, почитать. Все это в сравнении с тем, что люди делают, покажется странным, но ведь можно одной любимой собачке посвятить весь день и не хватит дня. Тут бабье зарывается в комнатную жизнь, и Ляля в этом, несомненно, подпала под влияние матери: мать тащит ее в эту бездну суеты, как тяжелый подвес.

Если бы мы с Лялей жили и работали вдвоем, у нас на все бы времени хватало, я в этом уверен. И так же уверен в том, что если к ним двум присоединится прислуга, то суеты будет еще больше. Пробовал дать отдых Ляле чтением стихотворений Тютчева, пока читали, мать раза три чтение обрывала хозяйственными высказываниями.

Ну и пусть! Мне важно самому себя сохранить: если я не уклонюсь от своего пути, то у Ляли все переделается помоему.

Надо помнить, что тайная жизнь души протекает вне времени и там, в том состоянии женщина возвышается как солнце, а деятельный мужчина ребенком сидит у нее на коленях. Но в жизни временной и деятельной муж остается хозяином времени, а любящая жена идет вслед за ним: и пусть они солят огурцы и грибы, я должен быть на страже времени, без чувства своей со-временности невозможно оставаться писателем; писатель – это стрелочник времени...

Но, возможно, что я неверно сужу о Лялиной работе, прежде всего уж потому, что она временная: так пришлось сейчас с грибами, огурцами и пр.

Предстоит путешествие в Ярославль, в Москву, об этом тоже надо подумать, собраться. А я себе и в ус не дую.

1 Сентября. Холодное утро, седая роса. Яркое солнце и совершенная тишина. Время массового высыпанья в лесах мухоморов. На сухих сосновых и еловых ресничках рядом с бесполезными красавцами мухоморами показываются неказистые с виду, приплюснутые, темно-рыжие, будто маслом помазанные лепешки, очень вкусные хорошие грибы маслята. А под елоч-

ками на склонах [ближе] к низким местам то белый, то рыжик, то волнушка. (Бесполезный гриб красивый мухомор и полный внутреннего содержания боровик: внешняя красота и внутреннее содержание.)

Поэт не страдает, а со-страдает, и не чувствует своих героев, а со-чувствует им и не переживает, а со-переживает.

Вчера провалился в погреб, кажется, надломил ребро и потому поездка в Ярославль отложена.

Болезнью воспользовалась Ляля и перетащила меня к себе.

2 Сентября. Вечер с лимонно-оранжевой зарей, холодная ночь и на восходе сам видел опушенный на морозе забор.

Встал на знакомом месте и мне было хорошо. Так все мученья разрешаются: мученья в поисках выхода, страшит будущее, а придет этот час и так просто все разрешается в необходимость делать то, что нам надо. На этой психологической основе выросла вера в Промысел.

Вместе с тем это открывает глаза на вредную силу привычек и равно суетливых пред-забот и пред-планов с рассудочным их пред-разрешением. И привычки и пред-заботы необходимы и полезны, но нельзя им отдаваться до того, чтобы они владели тобой, поселяя ожидание чувства приятности от удовлетворения или страх в предчувствии их неисполнения. Наше время – суровый воспитатель.

Вот Ляля всю жизнь свою утром в постели страшилась вставать и каждое утро она с трудом принуждала себя входить в жизнь, и ей даже представлялось в этом, что не она – слабый и дряхлый духом человек, а жизнь ее недостойна. Теперь она по необходимости равняться с Дуней при затопке печки, встает до восхода, в пять утра, и говорит, что никогда в жизни не была так счастлива.

Даже теща привыкла отвыкать от вековых привычек и постепенно начинает понимать нашу жизнь теперь, как переезд в новый неведомый мир. В этом содержится и утешение, пусть неизвестно, доедем ли мы туда, но и довольно того, что мы туда едем...

Бумажками и орденами можно ведь доказать то, чего в действительности нет.

Собрать материалы о роли митрополита Сергия и с этого начать свой рассказ.

Вопрос [встает]: каким образом миновать рассказов о прошлом действующих лиц в поэмах и драмах, чтобы это не было в ущерб действию. Разрешен в «Бесах», в «Онегине»[164].

Мороз и огурцы. Мороз был порядочный, солнце после мороза ожгло огуречные листья, они свернулись, почернели и все скрытые ими зеленые огурчики открылись.

Сон наяву. Наяву снится. Сегодня Ляля мне сказала, что удачная заготовка грибов, огурцов, капусты наполняет душу ее радостью, но только она подозревает, что эта радость происходит не от грибов и капусты, а от тайной уверенности в том, что война скоро кончится. – На основании чего же ты так думаешь? – Без всяких оснований, чувствую в жизни сейчас, как во сне: мне так снится и я этому рада. А ты помнишь сон мой перед началом войны, ведь сбылся же сон. Тогда во сне снилась война, а теперь наяву снится мир, почему бы не поверить?

Родная могила. Сижу с перешибленным ребром, свалился в подвал, и думаю о положении Д. Н. Кордовского. Ведь ему, недвижимому, тяжелей, чем ей ходить за ним. А Ляля говорит, что это не так: и ему получать от любимого человека помощь в его положении неплохо, и ей ухаживать. – Как же иначе, – сказала Ляля, – другие даже без могилы родной не могут остаться, а тут...

Судьба... – Все твои соображения о том, что вот-де люди обменяются друг с другом всем, чем могут, поклонятся, поблагодарят и разойдутся – все это относится к тем, у кого остаются возможности дальнейшего, но я, например, я до 40 лет не могла никого найти себе по душе и наконец нашла тебя, неужели я могу рассчитывать, что после тебя я еще кого-то найду?

Смысл нашего сопротивления немцам. Коммунист это не русский человек и не еврей, потому что евреи слишком заинтересованы в коммунизме, а русские слишком много потеряли. Ближе всего к коммунизму немцы вроде Курелло. Вероятно, вот тут-то в этой возможности вскрытия революционной силы и таится смысл нашего отчаянного сопротивления и нерешительности англичан. Они хотят оба народа истрепать до потери сил к революции, но другие-то народы Европы...

Сказки можно по-разному рассказывать, и о коммунизме, и об анархизме, и о чем угодно, а все-таки смысл всех сказок сводится к одному: что какие-то сговоренные на идее своего благополучия люди играют судьбой как несознательных масс, так и высокосознательных, но не удовлетворяющихся благополучием личностей. Тут таится грозная опасность для взрыва в Европе и в этой надежде сила наших большевиков.

Мне снилось, что наша больная старушка, Наталья Аркадьевна, вынудившая нас согласовать свою жизнь с ее жизнью, и наша православная церковь, тоже насквозь больная старушка, похожи в своей судьбе: нельзя нашу старушку выбросить со счета, как пробовал сделать Раскольников у Достоевского, нельзя бросить Церковь, как сделал Толстой[166].

3 Сентября. Опять тихая звездная ночь, но утром мороза не было, а когда разогрело солнце, то лето вернулось и только остались на память от мороза на огороде черные листья огурцов, похожие на крылья летучих мышей.

Торф... И так вы чувствуете, как в невозможных противоречиях сама собой откладывается в душе какая-то огненная правда, о которой никому никакими словами невозможно сказать. Эта правда похожа на солнечную энергию, скрывающую на будущее массами утопающих в болотах растения: прикрытые сверху водой, без доступа воздуха эти торфяные склады солнечной энергии могут лежать тысячи лет без движения. И я чувствую сейчас в себе, в душе своей чувствую прямо непосредственно без исследований, как на болоте, что толстый слой лжи

надо мной, над моей душой хоронит навеки возможные слова мои о какой-то огненной правде.

И когда я, оглушаемый со всех сторон при солнечном свете молотками лжи, прямо по темени, спускаюсь в свой мрачный подвал и открываю свои сундуки, мне кажется тогда, что я знаю всё и могу ответить на всякий вопрос, каким мучилось человечество все прошедшие тысячелетия. Да, я знаю всё, но я жду вопроса, спросят меня, и я скажу (я спасу) мои [загадочные и редкие] слова из огня...

И я жду, жду, как тысячелетний слежавшийся торф ждет огня.

Ребро не проходит, и Ляля едет одна в Ярославль к Гогосову, как ехала у Пушкина капитанская дочка[167] выручать своего жениха.

Толстой и суеверие. То, что стало для одних простой суеверной нелепостью, то для других становится источником удовлетворяющей мудрости и поэзии. Я дивился, читая Толстого о религии, будто вернулся в школу на урок Закона Божия.

Яросл. дела: 1) ремонт машины и бензин, 2) вопросы продовольствия, 3) горизонты в переменах.

4 Сентября. Теплое влажное утро, почти летнее. Ляля уезжает нищенствовать в Ярославль.

Бывает, что-то вспомнишь, и тут же воспоминание глохнет и не раскрывается с новой точки зрения твоей уносящейся жизни. Это бывает, когда воспоминание теперь когда-то однажды приходило на память, и ты уже тогда сорвал с него плоды времени и так усердно ободрал все веточки, что теперь снимать больше нечего. Так случилось с моим детством, обобранным однажды для «Кащеевой цепи». Есть Курымушка для всех[168], но моего детства для меня больше нет.

Толстой хотел сделать с христианством то самое, что советское правительство сделало у нас с художественной литерату-

рой. Раньше издательство понимало в читателе законченную образованием личность, для которой назначалась книга. И эта личность делается как бы агентом распространения понимания на других, так складывается признание книги обществом и вместе с тем расширение тиражей.

Теперь книга назначается для всех, и через это писатель, приспособляясь к несуществующему в действительности читателю с именем «все», плохо пишет, и «все» не получают книг уже потому, что для этого не хватает бумаги.

А что это «все»? В существе своем «все», называемые у нас – «пролетарии всех стран», происходят из претензии низшего, угнетенного на те блага, которыми обладает высший свободный гражданин. Это понятно, но странность заключается в том, что претензия «всех» на материальные ценности переходит и на духовное, источником которых служит личность, т. е. нечто неделимое, сама душа человека. Социализм – это состояние общества, в котором все сразу хотят напиться из одного сосуда.

Читаю Толстовское «непротивление», и всю разницу с Христовым непротивлением вижу в том, что Христос обращается к особым, отдельным лицам, могущим «вместить», а Толстой это невозможное трудное обрушивает на «всех».

Получается совершенно то же, что с вопросом безбрачия: только немногие избранные могут в себе самих найти свое назначение; массы людей должны передать это другому и для того множиться и вступать в брак. А Толстой это невозможное обрушивает на всех, встречаясь через это с упреком здоровых людей христианства в том, что хочет прекратить на земле род человеческий.

На самом же деле христианство отнюдь не против движения рода, – нет! говорит христианство, пусть родовой человек движется, множится, но сознает, что это движенье находится во времени, как поезд имеет точку назначения и что там, на точке назначения, вовсе нет времени, там не женятся и не выходят замуж. И ты женись, тебе это не воспрещается, но только помни, что смысл человеческий не заключается в одном размножении.

Точно так же и в отношении зла: конечно, вставай на врага, если ты всем данным тебе сознанием видишь в нем злодея. Но, делая так, имей в виду возможность иного выхода; если бы ты мог достигнуть такого высокого личного совершенства, ты мог бы не противиться злу и даже любить врага.

Одним словом, Христос говорит о бесконечном пути личного совершенства, а Толстой эту тайную, сокровенную в сердце личности свободу, радость, открывающую безбрачие и непротивление, делает обязательной нормой для существования всех.

Записываю тему, мелькнувшую сегодня в лесу, когда сидел под кустиком. Это, что вся тварь ждет от человека вопроса, на который она знает ответ. Вся тварь содержит в себе слово, как ответ, но ответ в слове может произнести лишь, когда будет поставлен вопрос: назначение человека и состоит в том, чтобы поставить вопрос.

Соединить это с процессом торфообразования.

Два часа собирал грибы недалеко от нашего леса, набрал маслят и белых на жареное. И во время собирания вдруг насквозь как пронзило меня и стало ясно происхождение понятия «всех», над уяснением которого я бьюсь столько времени. Дело в том, что Христос открыл для всех некие тайны, которые до него заключались в глубинах творческих личностей (мудрецов). Эти сокровенные божественные силы, преодолевающие даже время и создающие бессмертие, как божественная плоть и кровь были предоставлены всем для пользования («Пийте от нее вси, сия есть кровь моя»[169]). Церковь являлась посредником между божественной личностью и «всеми» и действовала через *каждого* в том смысле, что каждый из всех мог стать на путь бесконечного самоусовершенствования и, перешагнув через смерть, утвердить сущность человека, как сына Божия.

Таким образом, только через Христово открытие сокровенных тайн божественного творчества появилось некое существо «Все», расставленное как бы в очередь, в которой каждый имел свое место в меру своих духовных сил. Но Христос только открыл тайну, а очередь создала церковь. Худо ли, хорошо ли, но

только в этой организации «всех» (всего мира) как иерархии, проходили века и тысячелетия. Параллельно с этой церковной деятельностью происходил какой-то иной процесс усвоения Христовых открытий тайн, процесс познавательный, без сердечного участия. Деятельным фактором на этом пути стала наука (свободная), искусство (свободное), постепенно определившие конечные ценности современного человечества: могущество и наслаждение. Вот тогда-то после первого открытия Христова божественной тайны, доступной при помощи церкви каждому из всех, рушилась эта церковная иерархия всех через организованного каждого (личность во Христе). Вместе с тем, собственно говоря, исчез даже и смысл самого Христова открытия, и вместо *каждого* как личности стало Все, как лицо, распределяющее по своему усмотрению ордена могущества и билеты наслаждения.

Так возникает вопрос Великого инквизитора[170]: было ли благом для человечества открытие личных тайн Христом для всех, не это ли открытие вызвало на свет Антихриста с его силами могущества и наслаждения в лице *всех*?

5 Сентября. В Усолье явился на один день в побывку боец с фронта, напился и рассказывал о себе, что он там, на фронте, «на 99 процентов чумной и только на один процент в себе». Ему 41 год, и он жизнь свою представил как жизнь «ни про что». Теперь у него одна мысль: вернуться живым хотя бы без руки или без ноги. От рассказа поднимается чувство негодования, не имеющее выхода. И когда при невозможности найти выход, направляешь упрек на себя, на свою собственную охоту к жизни со всеми постыдными усилиями добывать «хлеб насущный», то и тут не находишь выхода: в настоящем я нищенствую, в прошлом почти нищенствовал из-за своего искусства. Нельзя же упрекать себя в том, что я не бог и не могу одолеть зло.

В ночь с 3 на 4 сентября Ляля мне сказала, что в эту ночь погиб ее отец[171]. – Хорошо, – сказала она, – что мама не вспомнила. Я ей не напоминаю. – Подождав немного: – Этого я им никогда не прощу. – Я спросил: – Кому им? – Она сама себе: – А может быть и прощу. – Мы замолчали.

Я думал о двух американцах, которые, по словам Л. Толстого, по 50 лет проповедовали «непротивление» и не добились никакого успеха. Подумать только: 50 лет носить неподвижную модель в голове! Какая должна быть для этого мертвечина в сердце. Вот у Ляли нет ничего неподвижного в душе, и этим объясняется ее неспособность к техническим навыкам. Потому еще, что навык и быт определяются временем, а религию можно определить, как борьбу со временем и смертью за вечное и бессмертное.

У меня достаточно воли, чтобы побороть свою неспособность к техническим навыкам. Но недостаток моих технических знаний состоит в том, что я, усвоив какой-нибудь прием, напр., нажимать правой ногой на стартер автомашины и, поездив десяток лет и пользуясь стартером, положим, 5000 раз, могу на 5001-й раз вдруг забыть, где пуговка стартера. Так и во всем, чуть ослабеет воля, и весь навык мой исчезает. 10 лет работаю фотоаппаратом, пройдет месяц, и не знаю, как его открыть.

6 Сентября. Рассвет сквозь туман, и вверху последний и яркий обрывочек месяца. Тепло, встаю при открытом окне. Весь лес молодой в эту ночь стал синим от развешенной и орошенной туманом паутины: у лесовика стирка.

Вчера в Конякине набрал белых грибов. Опушка леса непроницаема, так тесно сошлись молодые ели и крепко зажали немного осин и березок, сплошь засыпанных кровавыми кружками осин и золотыми монетками берез, я едва-едва мог раздвинуть и заглянуть внутрь. И когда заглянул, сердце мое запрыгало. Казалось, все скромные видом и внутри богатые боровички укрылись здесь, спасаясь от общества нарядных и пустых мухоморов.

Увы, мои сказки, моя любовь! Не дадут перестроиться и на слезы. Единственное дозволенное чувство это месть, но это чувство свойственно только еврейской, а не русской душе. (Немцы жмут еврея, он ненавидит немцев, русские – русских.) Но мы же знаем, что англичане десять лет вооружали немцев на рус-

ских вот именно для этой войны, которая им теперь будто бы так не нравится. И еще много знаем и понимаем, что весь мир кругом виновен и теперь достается всем сестрам по серьгам.

Трепещет на ветру и гнется клочок придорожной травы, – так трепещет и гнется моя душа, и тут одна только молитва, одно единственное желанье и смысл – это о сохранении семян, которые, чувствую, еще наполнят мой колосок.

Опять поразила мысль, что бабий мир весь такой от низу и до верху и нет из него выхода, кроме выхода замуж (сделаться рабой или самой порабощать). Только поняв окончательно безвыходный круг бабьего мира, можно понять, что Христос мог родиться только от Девы и Духа святого, что только от Девы может муж принять в себя Христа и понять его через Богородицу.

Но если кто не может сам участвовать в этом рождении, т. е. сообщить свой Дух Святой своей Деве, то ведь просто разумом, как хотел это сделать Толстой, невозможно это понять. От всей такой попытки остается только неподвижная мысль вроде непротивления и нечто хорошее и полезное, пришедшее, впрочем, тоже от церкви. Так что только избранные (монахи) предназначены принять христианское ученье непосредственно от Бога. Все же остальные принимают по церковному внушению, предполагающему соответствующее благоговейное отношение к великому Непонятному, и осторожное пережидание времени своего душевного развития, и раздумчивое отстранение от себя искушения тут же взять силой своего разума разрешение непонятного. Толстой, напротив, за чистое понимание Христа признает [свое] учение о Нем, отвергаемое церковью, и самое церковное внушение считает недостойным разумного человека.

– Не хвались, молодой грибок, дождешься и ты своего червячка.

Боец с фронта пьяный сказал: – Нас уж нет.

А когда на него вытаращили глаза, он стал по-своему подсчитывать людей...

7 Сентября. Близкий лес, сосны в светлеющем при восходе тумане, как колонны перед невидимым зданием мира, вот-вот подымется завеса и начнется мистерия... Хотя бы одним глазком поглядеть удалось!

В советское время у евреев было модой скупать мебель 18 и начала 19 веков, красного дерева: это и красиво, и добротно, и всегда в цене. Отлично квартирки отделывали. Но в свете будущей жизни, какая возникает на крови нашего столетия, как «экс ориенто люкс», как смешна будет эта мебель! И особенно смешны эти люди советского времени с такой мебелью.

Боец, здорово выпивший, возвращаясь из побывки на фронт, умолял снять его, чтобы семье память оставить. – Вы вернетесь! – сказала теща. Он сразу обрадовался и пожал ей руку. Не лучше и у нас: как если все взвесить, то расчета «вернуться» и у нас очень мало, а я только и делаю, что «снимаюсь» в своих писаниях, тоже, чтобы «память оставить». Но не надо смеяться над этим: этой «памятью» Бог пожалел человека.

Теща больна, а когда она не больна, все топорщится. Она так и в могилу уйдет барыней, хотя, несмотря на болезнь, выполняет работу кухарки. Что же, в пределах отпущенного на ее долю здоровья, способностей и развития, она, конечно, героиня, это надо признать.

Ходил полями в дальний лес в урочище «Коровий поток» за белыми грибами, туда 7 верст, назад 7 и там на грибах отмахал верст 20. Идешь за грибами, не зарекайся на одни белые – придется поклониться и сыроежке.

На громадных полях забитые женщины, дети, калеки все-таки убирают хлеб: мечут рожь в скирды, копнят овес, косят гречу. На поляне усталый человек присел на камень, уснул, его окружили тучей грачи. Один смелый грач сел на корзину, и все стало издали понятно: это сеятель вышел сеять. Я тоже сел на пень на опушке, опустил свою корзину с грибами на землю и вспомнил Некрасова: к чему привела нас теперь эта любовь к

простому народу. Какой там народ, какие вообще там народы, народности. Худший как будто народ, евреи, давал в прошлом лучших людей, да и теперь всякий знает своего святого еврея. А такой прекрасный добродушный, детски наивный народ – русские, такой честный и умный народ – немцы... Да, есть и у них. И вообще интернационал заключен в личности.

Это у нас раньше называли человеком, и так часто в добродушно-болтливом обществе повторилось с пафосом «человек», что смысл его потерялся. По правде говоря, я никогда и не понимал этого «человека» и только теперь дошел до него и начинаю видеть его из себя самого. Может быть, в этом приближении к нему я вижу теперь единственный смысл своего бытия, а то бы неловко было и за грибами ходить, и как-никак наслаждаться в лесу светом и тишиной наступающей осени. И что в этом главное, это не как у Горького, мое сознание вроде вклада в гражданское сознание. Нет, не для кого, только для себя и про себя, вроде: «верую, Господи», и все, и довольно.

Да, именно вот в это-то и все, что для себя и в себе. А у Горького (да и Толстого) все свое уходило в открытие: что-то шевельнулось в себе и скорее с этим к открытию для всех и на Голгофу, понятно, потому что Голгофа-то и произошла из-за открытия личной тайны для всех. Но Христос Бог и знал, за что Он страдает, и Ему это страданье удалось. А Толстому и Горькому страданье не в открытие: страданье ушло в себя, за себя, оба страдали не на крестах, а в имениях, в автомобилях и больше всего от корреспондентов и поклонников. У Христа открытие выходило от необходимости и означало прыжок через смерть, а у них открытие ради открытия. Через этих вождей в массах «полуобразованных» (духовно не просвещенных) распространилась уверенность, что вообще все вокруг – это не жизнь, а настоящая жизнь начнется, когда совершится открытие. А когда «открылось», то... кино и вообще «культурная жизнь».

Теща болеет. Надо бы ей достать дичинку. Вчера под вечер утки спустились ночевать в тростники. Сегодня вечером я засел на то место. Они опять прилетели. Я одну взял.

8 Сентября. Именины Нат. Арк.

Проходят тихие, спокойные, лучезарные дни первой осени с паутинкой, росой.

Хотелось бы брать с собой в сумку души такой день, как берешь белый гриб в корзину. Так бы вот и жить – дни чудесные, как грибы собирать, а на плохие не обращать внимания.

Плохо, что грибам живот радуется, как будто белые берутся прямо в жареном виде, а грузди и рыжики соленые и в сметане. Зато в поисках грибов и глядишь всегда вниз, и никогда небес не видишь. А если и не в сумку грибы, а в душу дни жизни собирать, надо пройти трудную школу независимости от живота. Для этого надо не прекрасные дни брать, а в самых плохих днях учиться находить крупинку прекрасного. Если по грибы идешь, то сможешь сказать себе: – Буду собирать одни белые, а на плохие не обращать внимания. А когда по дням человеческой жизни будешь охотиться, как по грибам, то говори: – Будут белые – хорошо, не будет их – придется поклониться и сыроежкам.

На восходе туман шевелится невысоко над рекой, золотой как иконостас, и по нем голубели тени редких деревьев, падающие с той стороны, где солнце восходит. Было очень похоже на службу в золотой ризе с дымом кадильным. И божественная литургия вспоминалась как воспроизведение торжества солнечного восхода. Так в прошлом дело искусства было собирать чувство природы в человека. И если я теперь в моей пустыне (а я с тех пор как начал писать жил в пустыне) душу свою купаю в природе и утверждаю возникающую при этом радость жизни, то я делаю то самое, что делало искусство с древних времен.

В обед вернулась Ляля из Ярославля. До того много там хлопотала, что месяц ее сократился на целую неделю.

9 Сентября. Вчера солнце садилось в тучу. Утро вышло закрытое с единственным розово-кремовым просветом на востоке. Скоро и эта полоска исчезла, и все небо, закрытое облаками и обволоченное верхним туманом, стало как матовый колпак.

Но тепло. Пишу при открытом окне, вороны орут, теленок протирает морду о дерево.

Конечно, и Гоголь, отдаваясь, как художник, как личность, в православие с официальным выступлением учителя христианской морали, был увлекаем в общее дело тем же духом, который увлек Толстого, Горького, Короленко и всех таких. Они не душу свою отдавали за других, а творили себе кумира из общего дела. В этот самый грех впали и немцы, и оттого невозможна в существе своем победа тех и других. Эта мысль проникает даже в самое грубое сознание, и зажги в атмосфере этой спичку – все загорится... (Так выразился один фронтовик).

Пришел ко мне скрюченный ревматизмом рыбак, старик Кручинин, по прозвищу Грош. – Война скоро кончится, – сказал я. – Нет, – ответил старик. – Да немцы уже и Волгу режут, и Кавказ. – Немцы это не конец. Нужно же что-нибудь и вперед видеть, а что эти немцы. – Я вижу, – сказал я, – только одно, что и немцы и мы требуем от народа, чтобы он жил и умирал за общее дело, а каждый только и думает о том, чтобы жить для себя. – Вот! – воскликнул Грош. – Вот это конец, если так, то это действительно будет конец.

А как хочется жить! При этих словах мне мелькнуло из времени голодания первых лет революции, как однажды, достав кусочек черного хлеба, я обнюхал его, облизал и почувствовал в этом жалком кусочке черного хлеба благословенную творческую силу всего Солнца. Так и теперь этим кусочком солнечного хлеба стало желанье каждого жить для себя и такое страстное, что через желанье каждого, как через кусочек хлеба, Солнце виднелось, просвечивало человеческую личность, требующую удовлетворения, выхода своего из-под обломков чудовищного идола общего дела.

(Набросок для изображения кошмарного леса во время войны.)

Туман высокий перешел в мелкий дождь, и в нашем лесу стало, как на горах в облаках. Этот лес теперь как бы в облаке

приподнявшийся, мне как-то особенно представился. Высокие красивые сосны, с которых начался этот лес, мне представились в прошлом: были когда-то прекрасные светолюбивые существа и проходят. А на смену им под их материнским пологом на обогащенной от времени земле везде выдвигаются, узко поджав в тесноте свои ветви, практические ели: это они сейчас пока поджались, а погоди, время пройдет – ух! как заживут. А под елками корявые бесформенные можжевельники, а там дальше уже и просто мох и на нем грибы. И я иду по грибы и смотрю все вниз и не вижу больше этих существ прекрасных, стремящихся к небу и сохраняющих в существе своем древесном солнечное тепло. Нет! я иду по грибы.

Весь день этот дождь из тумана. Ляля до того вошла через силу в хозяйственный раж, что в этом состоянии испытывает радость. Ни советы, ни уговоры не помогают. Попробовал голос повысить, упрекнуть, указать на то, что так работать нельзя, что это самоистребление, что нет такого труда, в котором нельзя бы найти 15 минут в день посидеть вместе за чаем, или 10 минут, не делая руками, выслушать чтение (раньше я ей читал). От моего упрека с высоты радости вдруг спустилась вниз и кричит мне, что если бы не больная мама, то она показала бы мне (т. е. ушла). Конечно, это все вздор, но плохо, что значит и та «радость» на высоте и все прошлое тоже может быть не настоящее, тоже истерика...

В полночь: неужели и это обман и тоже пройдет и останется, как «переживание»?

Хлеб один и тот же, дело не в хлебе, а в том, из каких рук его получаешь: это и значит, что не одним хлебом жив...

Живи они только вдвоем, наверно было бы не то, иначе непонятно бы было: две женщины, имея все готовые продукты, от раннего утра до позднего вечера сверх сил трудятся и устают до бесчувствия, чтобы только накормить себя. Очевидно, все так делается из-за меня и для меня. Но с другой стороны я знаю, что будь со мной Аксюша, то она делала бы ту же работу легко, просто, и мне не было бы перед ней совестно и я не упре-

кал бы себя, как теперь упрекаю и мучусь за тот же хлеб. Но вот тут-то все и расходится врозь: не в хлебе дело, а в том, из каких рук его получаешь. Аксюшкин дешевый хлеб.

10 Сентября. Утром в кровати она заметила мою перемену, и у нас был короткий разговор.

Она: – Все это происходит в тебе от твоего себялюбия.

Я: – Я это знаю, именно это и огорчает меня.

После того мы быстро объяснились и я быстро доказал ей, что вовсе не хотел вчера ей сказать что-нибудь дурное.

– Но ведь ты же кричал?

– А я это не всерьез, я подражал тебе, когда ты не всерьез кричишь на маму и она это любит.

– Ну, значит, я тебя не поняла, но в таком случае я тебя обидела, а ты говоришь, что мучишься сознанием своего себялюбия.

– В том-то и дело, что я не должен был обижаться на обиду, я должен был понять, что ты, усталая от поездки и находишься в состоянии временной болезни. И моя обида произошла, конечно, от себялюбия.

И еще после вчерашнего дождя получился золотой денечек, ходил за грибами и оказалось, и белые, и маслята отлично растут.

– Сергей Иванович, вот дети у вас растут, вы их желали?

– А как же...

– Я, Валерия Дмитриевна, живу честно, не обманываю и не ворую. Только это не оттого, что я Бога боюсь, нет. Я оттого не ворую, что ворованное добро впрок не идет.

11 Сентября. Серый день, грибы растут. Мокро в лесу. Встретился на опушке старик-сеятель.

– По старинке? Руками. – А как же. Ну, скоро конец войне. – Этого никто сказать не может. Потолковали, и стало понятным, что в немецкую победу даже и такие старики теперь не верят, а другая сторона победит не скоро.

И в революцию европейскую не верят. (Революция питается слабостью власти, тиранов не свергают, они падают силою вещей: переживанием их.)

Революция – это сила, которая выпадает из рук властелина, революция – это ревность о власти, скрываемая под разными именами: раб, теряющий власть над собой, взывает: «свобода, равенство, братство!»

Занимала меня мысль о том, что будущее, хотя бы этот желанный будущий мир, рождается в настоящем, и его создают не одни слепцы с винтовкой в руке, жулики, дипломаты, политики и т. п.

В сердцах людей во время войны складывается будущий мир.

И назначение писателя во время войны именно такое, чтобы творить будущий мир.

И я теперь думаю, что Зуек из моей поэмы «Падун»[172] как раз и должен сделаться таким деятелем мира: это будет изображение Духа Святого, носящегося над бездной христианского страданья.

Дегтерев (Олег) живет у Зеленого озера. Клавдия (Ляля) ведет роман с Сутулым.

Ревность – это любовь, иногда переходящая в ненависть к любимому в такой степени, что хочется его уничтожить. В конце же концов такой ревнивец открывает, что он любит только себя. Но бывает, ревность приводит к страданью за любимого и, перестрадав, человек сохраняет и очищает свою любовь. Значит, ревность достойное испытание любви.

Нет никакого сомнения в том, что утрата хотя бы на полдня чувства к Ляле от действия ее обиды происходила от ревности беспредметной: я создал себе идеал и всего себя в него вложил, и вот нет его! Значит, я обманут. Кто был причиной обмана? Я сам... Я себя обманул: я не ее любил, а создание своего воображения, или себя самого. Не любовь это, а себялюбие (это относится не ко мне, а к Мих. Серг.; напротив, Алекс. Вас. выдержал испытание ревностью).

12 Сентября. Пасмурно, дождь. Белые грибы пропадают. Хорошо растут маслята. В школе одна девочка Люсе сказала: –

Мать твоя коммунистка, придут немцы – убьют вас, а я возьму все твои игрушки и велосипед.

Читал Белого о Гоголе, Блоке, Сологубе[173]. Высказал Ляле мысль о разлагающем влиянии Гоголя: вот Сологуб да и Блок. – Да, конечно, и Блок ни к чему. – Но Достоевский, Толстой? – Потому что Достоевский христианин, да и Толстой в молодости тоже. – Христианин? Так просто? – Нет, это не просто.

13 Сентября. Грибы. Солнце всходило чистое. Окна в морозной росе. Ходил на Красный луг искать дупелей и ничего не нашел. Грибы заметно кончаются, белых редко найдешь и очень им радуешься, и остаются одни поганки, мухоморы и свинухи и на полянах маслята. Зато бывает, в это время на зеленом мху виднеется красная сыроежка величиной с чайное блюдечко[174] и с водой. А в воде, как детский кораблик, плавает желтый скрюченный листик. Я эту воду не пропускаю и с грибной холодной губы переливаю в теплую, и когда пью, бывает со мной в лесной тишине, будто от этой лесной воды и холода губ люди меня забывают и не узнают. И я, оставленный, сажусь на пень, замираю в себе, и через это в лесу мне становится все близким и понятным. Эти сосны, высокие деревья, были тоже люди, как я, и тоже напились лесной воды и остались. Я знаю, это были прекрасные люди, начавшие жизнь этого леса на тощей, но чистой песчаной земле этого холма. После между ними...

(Ввести диалоги и больше «чудес», напр., Старый гриб и слова: – Погоди, молодой гриб, дождешься и ты своего червячка.)

(Нет на свете такого человека, кто мог бы сказать с чистой совестью, что после него не останется грибов. Если бы и нашелся такой, так у него бы глаза вывалились от натуги. Вот отчего и сложилось поверье, будто твой гриб тебя в лесу ждет и не дается никому кроме тебя. Много мы набрали грибов в это лето для жаренья, для соленья и сушки.)

Удивительно! Вы знаете, как это удивительно и чудесно бывает в лесу, когда через такое раздумье станешь понимать себя самого, как дерево, а вокруг все, будто люди. И знаешь тогда, в каком-то другом себе держишь, твердо, что все это – деревья,

мох, грибы, как люди – это сказка, но почему же тогда, если выглянешь из себя, то показывается такое, чего никак не заметишь, когда себя считаешь человеком, а лес – просто дровами.

(Сюда – «Старый гриб», зачем мне рвать их сейчас, пусть они поговорят. Старый гриб грозился: дождешься и ты своего червячка.)

Прилетела птичка-зарянка, с грудкой цветной, какой бывает на заре кора сосен, села возле меня на сучок с большой стрекозой в клюве. И тут я заметил, будто чуть-чуть что-то шевельнулось передо мной на зеленом плюшевом мху. Я увидал своими глазами, как, бывает, видишь прыжок стрелки на башенных часах. Вдруг, как вырезанный, оторвался квадратик зеленого мха и вверх поднялся на малых белых ножках зеленый столик. Я после сосчитал: шестнадцать грибов, называемых поганками, тесно, почти вплотную стоящие, уперлись шестнадцатью головками в мох и нажимали наверх долго, пока, наконец, не вырвались из цельного мха и не подняли на шестнадцати белых ножках этот столик, покрытый зеленой плюшевой скатертью.

Я смотрел восхищенный внутри себя и неподвижный и непонятный для всех. Все «люди» вокруг меня не боялись больше меня. Зарянка сидела на сучке и не знала, как ей расправиться со своей большой стрекозой на сучке, не упустить бы... А когда столик выпрыгнул из-под мха, она тоже, как и я, обратила на это внимание, слетела, села на столик и начала клевать свою стрекозу. Острым ножичком я подрезал белые молодые грибы и не было в них ни одного червячка. Старого я и трогать не стал, и он остался один одинешенек, и некому и незачем было ему говорить: дождетесь своего червячка. Не вышла постарому жизнь: кто из молодых не дождался своего червячка, все попали на жареное.

14 Сентября. Ветер, то ясно, то дождь.

Над обреченными домами будто бы летает огненный змей и скрывается в трубе, куда залетает – там смерть.

– Вот, скажут, «над таким-то домом». И потом непременно: «это все видели». Заведующий пекарней, единственный молодой человек на площадке, нам это подтвердил: видел сам. До

того убедительно, что докторша наполовину поверила, а ее сестра совершенно (у обеих сестер мужья на войне). Дезинфектор А. М., когда его спросили о змее, усмехнулся: – Не верите? – спросили мы. – Нет, зачем: я сам не видал и сказать ничего не могу. Только знаю, много женщин осталось без мужей и видят змея одинокие женщины. – А как же пекарь? – Ну, пекарь... молодой человек, на все село один, он со змеем в доле, он сам змей.

Ничего, ничего-то и ничего не остается себе: все вложено в Лялю. И если там ничего не выйдет, то что останется? Но пройдут облачка, и опять кажется, будто все в своих руках, что если я – есмь, то там не может быть ничего.

15 Сентября. Мороз. Токует тетерев. – Я счастлива. И она была действительно счастлива. А дальше из «счастья» возникает дело и продолжается, и на место живого состояния любви становится дом, как дело любви. И ты, Михаил, понимай о том, что прошлое необходимость жизни: все проходит, и пусть прошедшее тебе будет не поводом к вздохам и плачу, а к действию.

Но в этом все крупные писатели похожи друг на друга. Розанов это единственная дева, которая паденьем своим всех дразнила, а сама в душе не падала. Вспоминаю в себе «Ангела-хранителя», который всегда около меня был и удерживал: бывало, мне просто стыдно было оставаться девой, хотелось пасть, а он удерживал и до того мне ясно, это он, а не я, что заслуги своей личной в чистоте своей вовсе не чувствую.

16 Сентября. Положительная сторона Ляли, что она для какой-нибудь работы может вся собраться и всей личностью своей как бы утонуть в ней. Так, например, если она убирает картошку, то, работая, она вдохновляется тем, что она обеспечивает жизнь нашу и, вспоминая наших голодающих друзей, потом вспомнить, что навык убирать картошку пригодится для будущей жизни в пустыне и т. п.

Таким способом утопления своей личности я, бывало, собирал материал на Севере, на Дальнем Востоке и всех удивлял

своей способностью в такое короткое время вобрать в себя такое количество материала.

Отрицательная сторона Ляли (а может быть и очень даже положительная) это – что она не способна ни к каким навыкам. Схватить она может все мгновенно, но чему-нибудь научиться не может. Так что все способности ее – это способности художника, по-необходимости применяемые к жизни.

Навыки ей не даются, потому что для этого требуется повторение, репетиция, а всякое повторение для нее тошнотворно. Это отвращение к повторению является психологической причиной ее отталкивания от родовой и бытовой жизни. Имя муж от этого звучит ей почти что, как чурбан. Возможно, что способность более схватывать, чем повторять, запоминать еще в школе повлияла на нее в отвращении к навыкам.

Вечером ходил за клюквой. Ляля в первый раз увидала, как она растет, и сначала подумала, что это бабы ее рассыпали. На обратном пути, вспоминая прошлое, оба пришли к тому, что со стороны людской пересуд кажется страшнее, чем когда сам действуешь, о тебе говорят. Значит, когда человек целиком в себе, ему дела нет до общественного мнения, до того, что о нем думают.

Язычество. Русский средний интеллигент, самоучка, марксист и т. п. составил себе такое представление о «язычестве», как о неиспорченном состоянии общества и все хорошее в человеке простом, неученом относит именно к тому времени: сохранилось, мол, от времени язычества. И Горький об этом же язычестве думал и верил, что победа над капиталистами освободит тот неиспорченный народ.

На самом же деле это представление о неиспорченных людях природы есть именно результат христианского воспитания. Понимание же этого состояния неиспорченности человеческой через «язычество» было навязано нам с Запада[175].

Почему-то вспоминалось на ходу, между прочим, что жил-был на свете охотник на медведей Борис Мих. Новиков, с которым я раз ездил на охоту и чуть не погиб от медведя[176]. Так вот

он жил-был, семья у него была, и он поддерживал существование семьи службой в охотхозяйстве НКВД. Лет пять тому назад он умер, и я его вспоминал добром, как примерного охотника. Теперь же, вспомнив, я дивился про себя – для чего он жил вообще, неужели для убивания медведей?

Раньше, когда была Россия, не приходило в голову сомневаться в нужности существования медвежьей охоты. Теперь, когда и Петр I, и сам 12-й год с Александром Благословенным и Кутузовым стоят под вопросом в своей полезности и нужности, Борис Мих. с его медведями кажется призраком или героем странного сна. Да и так вот вспомнишь Бор. Михайловича и начнешь перебирать всех – и все превращается в призраки и останешься только сам, и уверенность останется, что со мной жива и Россия. Это очень похоже на сон, который давно мне снился не раз, будто все у нас взорвано, превратилось в дымящиеся развалины, а я остался один жив, и хожу по развалинам в поисках какой-нибудь души человеческой. Значит, если так снилось, значит и тогда в воздухе нашей страны реяли духи, навевавшие пророческие сны. Мало того, были и люди, предвидевшие будущее, нас предупреждавшие. И мы им верили... но не могли сами отдаться вере их в легкомысленном успокоении себя тем, что или Бог милостив, не допустит, или что я-то как-нибудь сам проскочу...

– А впрочем, вот взять хотя бы Донбасс, построенный Сталиным: это Донбасс помог, конечно, на некоторое время задержать немцев: и в течение того времени в Америке построили сколько-то самолетов для победы над немцами. И так вся Россия для того существовала, чтобы дать победу кого-то над кем-то и на такое-то время. Одним словом, мы допускаем, что все совершается к лучшему для человека, что век машины был дан не напрасно и разрушение машинной цивилизации правильно, и что уже открывается перспектива победы будущего человека над машиной и т. д. Но все это, все эти догадки и допущения бездушны, потому что меня в этом нет и мой друг в том творчестве будущего не участвует, а те великие люди, создающие историю, нам не пример: они не сами делают историю, а вовлечены в это дело, как я, например, вовлечен в фотографирование крестьян для добывания куска хлеба.

17 Сентября. Вести о Сталинграде[177].

Вчера был белый мороз. Выбрали последние огурчики маленькие, если бы уксус был, то вышли бы пикули. Сегодня тепло. Иван Кузьмич встретился (я по утрам на велосипеде езжу за молоком) и крикнул: – Бои в окрестностях Сталинграда. – Так и сказали, в окрестностях? – Так и сказали.

Если не случится чего-нибудь неожиданного, то, по-видимому, Гитлер будет зимовать на Волге, мы в Москве в положении осажденных. Весною же начнется эвакуация в Сибирь, и мы тоже будем готовиться к путешествию на Алтай... А впрочем, там будет видно.

18 Сентября. Ветер с юга. Дождь. Тепло. Ходили в торфяной комитет, там сказали: бои на улицах Сталинграда. И шепотом: а когда говорят, на улицах, это значит, завтра скажут: город сдан.

Дома читали «Монархист» Горького[178], где наше нынешнее положение предсказано.

Кто всегда при себе. Есть люди, как Горький, как Розанов и, вероятно, в какой-то мере и я – это люди озарений, вспышек в момент соприкосновения всей своей личности с каким-то родственным материалом[179]. В результате вспышки, похожей на короткое замыкание, личность человека отдает себя материалу, и эта глина со вдунутой в нее душой получает самостоятельное независимое от ее творца существование и убеждаемость. Происходит в момент такого озарения нечто вроде деторождения: родиться может такое, чего в обычном состоянии родителя вовсе и нет. Смотришь так на Розанова и особенно на Горького и думаешь, как думали о Мессии: может ли выйти что-нибудь путное из такого Назарета? И глянешь – и вышло. Так, на что уже досадная фигура Горького, а почитаешь некоторые вещи и подивишься: откуда взялось? Есть такие люди... А я мечтаю всегда о человеке, который всегда при себе и расходует себя не вспышками, а ровно и всегда и всюду, как горит свеча.

19 Сентября. Начало и конец. Дождь теплый со вчерашнего полдня перешел всю ночь на утро. В отношении мировых

событий – полная апатия. Какие-никакие большевики, но этот пережиток сознания, именуемый «Россия», держится, ими и еще как-то жутко и страшно принять в свое сознание историческую пустоту в четверть века, и мало того, если целых 25 лет невероятных мук уходят в ничто – за этими и все прошлые тоже уходят в ничто и дальше возникает вопрос и о себе в смысле: «Россия – это я». Страшно. Чувствую, что я в этом смысле не только не пережил, или отжил, а еще как следует и не начинал жить. Извне – всё никуда, всё – конец, в себе – только начало.

...при обычных маленьких пороках гимназического характера в половом отношении я пребывал в полной и здоровой невинности и после встречи с Лялей не только не истратился, но вернее осознал свою естественную чистоту в этом отношении.

У меня даже было всегда какое-то брезгливое чувство к разного рода импотентам, педерастам, которыми я был окружен в литературной среде до революции. Помню, Кузмин плакал, когда «жена» его худ. Лукомский женился, [лежа] на плече С. П. Ремизовой. А мне было противно.

20 Сентября. Волшебная тропа. Был прекрасный чистый восход. Мы пошли на охоту и только вошли в лес, пошел дождь и на весь день. Хорошее было только одно, что узнал волшебную тропу, ведущую через Конякино к Коровьему потоку и в Темный лес (10-й квартал) в стороне Игибла, Марьин бор и Медвежья гора.

Письмо[180].

21 Сентября. Весь день прошел на отдых от семейных событий, развернувшихся с приездом Левы. По обыкновению все мои ночные домыслы о Ляле оказались химерой. Нет двух людей в человеке, человек один и если он разделяется, то с этим нужно бороться и их соединять. Эта сила, соединяющая в единство множество живущих в нас существ, и есть человек сам по себе, личность.

Личность человека есть самоорганизующая сила. Монархия – это общественная организация по образу организации

личной. А коммунист на личность смотрит, как ребенок на игрушку, он ломает игрушку, чтобы достать из нее и воспользоваться внутренней силой организации. От этого тайна организации делается еще более таинственной.

22 Сентября. Солнце утреннее. Токуют осенние тетерева. Весною токуют тетерева: это они скликают друг друга своей песней на бой. Осенью те же птицы той же песней сзываются для совместной жизни во все время зимы. Весною на токах определяется особь, осенью – стая.

Мы сегодня утром уговорились при встречах с людьми больше не улыбаться.

На восходе в тишине под песню тетеревей шевельнулось то знакомое чувство радости жизни, в котором уверенно хочешь всем добра. Я вспомнил постоянную свою думу о том, как бы найти способ это проходящее чувство удерживать, копить в себе как электричество в аккумуляторе и пользоваться по желанию, когда захочется и будет необходимость. Раздумывая теперь об этом, я вспомнил наше утреннее решение не улыбаться, и мне стало понятно это решение во всей его глубине. Да, в наше время нельзя улыбаться, и эта сила, удерживающая расход своего личного запаса радости жизни, и есть тот аккумулятор, о котором я думал, когда чему-нибудь радуюсь. А сколько вспоминается прекрасных людей, которые удерживаются от улыбки, и через это из глаз у них лучится добро. Да и смысл всего аскетизма в этом и состоит – не улыбаться, а излучать радость жизни добром.

23 Сентября. Небо открылось только к полудню, и потому на рассвете тетерева не пели. Мы ходили на поле за большим камнем на капусту. По пути набрали маслят на жареное. Собираемся в Москву.

У Ляли хозяйство есть дело любви и потому она крысилась, когда А. В. отзывал ее в литературу. Но мне в глубине души ее Марфино дело обидно, потому что намекает на то, что я не достоин Марии (содержащейся в ней).

В этой войне, между прочим, показываются некоторые понятия в их чистом виде, а не смешанном. Так разделяются между собой обе силы разума человека, обращенные на внешний мир природы и людей и на внутренний душевный мир самого человека: тот же самый разум кажется глупостью с той или другой точки зрения.

За день ветер переменился на южный, потеплело очень быстро. Заря вышла смущенная, тетерева не пели, летали жуки.

Истинное слово включает в себя дело: ты скажи только это Слово и все без тебя сделается. В Евангелии это выражено сопоставлением Марии (Слово) и Марфы (Дело). (Прагматизм – это Марфино дело.)

В воздухе запахло концом войны, потому что наше поражение дало смелость смотреть куда следует и называть вещи своими именами.

24 Сентября. Смущенная вечерняя заря из-под южного ветра принесла на утро теплый дождик, и после зимних угроз до того в лесу стало похоже на весну, что тетерева заиграли, как на весенних токах.

Ночью сегодня явилась догадка о значении свободного слова, о котором сказал Лева в связи с появлением в «Правде» пьесы Корнейчука[181] (критика действий генерала). Эта свобода слова того же значения, как пасхальная заутреня с фотографированием. Игра политическая, весьма удивительная, если подумаешь о том, что происходит теперь в истории человечества.

– Скажи мне, если мы останемся целы в этих испытаниях и сохраним свои души, не стыдно нам будет.
– Перед кем?
– А хотя бы перед мертвыми, теми, кто положил души свои за други.
– Нет. Если нам это не было дано, то почему же стыдиться... Очень многие ведь отдают свои души только под предлогом «за

други», взять хотя бы героев: ведь это они герои перед людьми, у Бога же нет героев, у Бога Его герои – это Святые.

Белый сделал с Гоголем то же самое, что он делал с Р. Штейнером и его антропософией, с Отцами церкви и, наверное, во всех своих отношениях: он ко всему на свете относился, как к своим материалам. Но разница творений Гоголя с творениями Белого та, что Гоголь работает чрезвычайно сознательно над неисчерпаемыми сознанием материалами: он как бы черпает ведром своего сознания воду из неисчерпаемого колодца. Для Белого нет бездонных колодцев, и он делает свои вещи в пределах своего сознания. Он рационалист, Гоголь – мистик.

Я «мистикой» называю чувство зависимости своей от непознаваемого мира: ни один большой художник не выходил из человека без этого чувства. Белый свою пустоту на этом месте маскирует игрой в словечки.

25 Сентября. Как вчера с утра теплый дождь при южном ветре. Возник тяжкий вопрос о дровах. Невозможно обстоятельные и бесплодные совещания с тещей по всем пустякам создают из пустяков непреодолимые трудности. Лялю заела кухня и эти споры. Решаю кончить совет треугольника и взять всю власть на себя. Так происходит диктатура. Начинаю с поездки на велосипеде в Переславль. В 8 утра выехал в Переславль на велосипеде и в 10 был там. Все наладил, в субботу завершил и вернулся героем около 5 вечера.

26 Сентября. После ночного теплого дождя, после обеда пришло солнце. Я ехал по грязи, но видел голубое озеро и золотые деревья.

За эти сутки у меня в голове не было ни одной мысли свободной от заботы о существовании. Я это особенно почувствовал, когда пришел в церковь за маслом и увидел замок. После того поднялся выше по лестнице, там женщина крутила веревки и ничем не могла мне помочь, а потом я попал в Райторг, куда-то звонил и дожидался у телефона. И тут я почувствовал, что душа моя куда-то прячется.

Ночью в постели я сказал Ляле:

– Бывает ли так с тобой, что от всех этих забот душа куда-то прячется, а оставленное мыслью лицо, ты сам чувствуешь, переделывается на общее лицо всех рабов повседневных забот о существовании. Я просто чувствую, как губы мои пухнут, скулы выпячиваются, глаза бегают, щеки непроизвольно виновато улыбаются, и я становлюсь как все идущие по улице.

– Я ли этого не знаю! – ответила она, – я это теперь постоянно чувствую: у меня нет ничего в голове, кроме как по хозяйственным делам, мысль никогда не приходит.

И в то же время я хорошо знаю, что моя мысль существует, где-то таится, где-то живет, накопляясь, развиваясь, совершенствуясь. Знаю, что она может вдруг как-нибудь выйти наружу. Так вот меня сейчас занимает, где же эта мысль таится до времени.

– В душе, конечно.

– А где душа?

27 Сентября. Мы проснулись, когда уже солнце взошло. День начался тем, чем кончился вчера: тишиной и солнечным светом.

– Вчера мы спрашивали друг друга, куда прячется душа, когда мы рассеиваемся в мелочах. А ночью я опять видела Олега и опять он от меня отказывался. Почему он всегда неизменно от меня отказывается?

Подумав, она сказала сама: – Я понимаю это так, что в отношениях к маме я каждый день теряю себя. Вот с тобой у меня никогда этого не бывает, а с ней всегда. Раньше до тебя она была хозяйкой, я только иногда ей помогала, а теперь, когда я хозяйка, она невыносима мне. Я ее довожу до болезни, она делается тогда хорошей, и тогда я жалею ее и ухаживаю, и люблю. Но я должна же это побороть в себе, и прислуга, по-моему, тут не выход: какой это выход, если я освобожусь от долга, перекладывая все на прислугу, а сама занимаюсь приятным занятием литературой.

Спор вечный с тещей, чем действовать на Лялю, я говорю: – Надо ее переместить в иную атмосферу, чтобы она занималась не хозяйством, а тем, чем ей хочется. А теща на это: – Надо действовать бромом. Возможно, она и права в отношении Ляли, (да и то!), но из упрямства она вообще ударяет на бром.

28 Сентября. Хмуро и тепло, но ветер как будто начинает повертывать к северу, и вот птички перелетные, ныряющими в воздухе стайками летят по ветру на юг. Где-то в нашем темном бору березы и осины стоят, и оттуда вместе с птицами летят листики. Туда глядеть – не поймешь, кто? – птичка ли, кто? – листик ли, а как сравняются с темным бором – птичек не видно, а золотые и красные листики оказываются на темном и многие виснут на соснах и елях.

Между высокими соснами по тропе с туго насыпанными хвоями я неслышно шел и раздумывал о несчастном Николае Васильевиче и многих таких хороших людях, забитых тяжестью своего долга перед ближними. Знают и они, конечно, что есть в душе нашей долг более высокий, чем наш долг перед ближними, что есть у Бога большой запас оправданий тех, кто, устроив свои долги ближним, а если придется, то и не устроив долги, отдается тому высшему долгу. Но эти люди, как Н. В., они просто не в силах отдаться выполнению того высшего долга, они не верят в свои силы для этого: у них нет сил. Но тут в таких положениях силы должны быть у человека, и вся нравственность человека в этих случаях сводится к силе: есть эта сила – бросай ближних своих ради Бога, нет – пусть ближние изгрызут себя в обыкновенном нашем житейском аду, как дети грызут кочерыжки.

Милые люди – вся старая хорошая Россия – сколько я вас знаю на свете, и мне кажется, теперь осенью это не листики летят вместе с птичками, а души этих милых и слабых людей наконец-то оторвались от своих ближних, пробуют лететь вместе с птичками в теплые края и не могут и остаются желтыми и красными пятнами на острых темных хвоях могучих деревьев, способных выстаивать сильнейшие морозы и зеленеть на снегу.

<*Позднейшая приписка*: Тут надо выписать образы милых людей, виноватых жалостливой слабостью, сам царь Николай был такой.>

Пользоваться мелкими услугами людей, как делает теща, это значит растрачивать себя, потому что за эти услуги взыскивается всегда много больше, чем они стоят.

Собираемся в Москву 30-го в сент. в среду. Основные дела: 1) Части для машины, 2) Выручка пайков у Елены У., 3) Чхеидзе.

29 Сентября. За день вчера ветер с юга перешел на восток и на север. К вечеру стало холодно, и утром на чистом восходе солнца пришел легкий мороз. Налаживаю удачно свою фотопромышленность, и бабы моими снимками довольны.

После длительного и бестолкового объяснения матери с дочерью, стало мне ясно: Ляля в своей матери видит два существа, из которых одно она нежно любит, а другое ненавидит. Я сказал ей сегодня утром: – Та, кого ты в ней любишь, – это твоя настоящая желанная мать, а та, кого ненавидишь, та недолюбившая своего мужа женщина: она в лице твоем видит отца, и вот эта страстная собственническая любовь и есть для тебя ненавистное. – Понимаю, – ответила она, – я сама так думаю, но в этом мне одно непонятно. Ведь она жила с ним 15 лет. Представь себе, что мы бы с тобой прожили 15 лет и кто-нибудь из нас после того умер бы: какая же тогда у оставшегося в живых могла сохраниться претензия к жизни? – Нас нельзя сравнивать, – сказал я, – мы сгораем, а у них в благополучии жизнь едва теплилась.

Два камня. Морена. Ландшафт. Два валуна на пашне. Месяц. Пахарь. Забытые полосы. Внизу леса. Прошли два человека – эвакуированные. Неумело взяли валун, как увязывали, как несли. И их любовь, их связь. Человеческая связь. Валун на капусту (капуста – заготовка, вся жизнь, борьба за жизнь. Конец: я пришел на то место: весь ландшафт расстроился – валун остался один).

Москва. 30 Сентября, среда – 9 Октября, пятница.

5 Октября. Злой ветер и тучи, и дождь хлещет. И вся природа вокруг, будто злодей, захватив землю, подбирается к небу. А то вдруг сквозь тучи выбьется на короткое время солнечный свет, но и тому не обрадуешься: это злодей, овладев на небе

божественной силой, вздумал по-божьему улыбнуться земле. Помнишь, друг, эти желтые улыбки в 1942 году?

Москва накануне Ленинграда. У многих есть семьи, умирающие от голода. Наступление голода страшно своим разделением людей на более сильных и слабых, причем это разделение поддерживается и политикой и особой советской моралью, проникающей во все поры жизни (столовые, распределители) и т. п. Увидав это начало Ленинграда, ясно представляешь себе время, когда будут умирать по 35 тыс. в день и в то же время какие-то существа будут за 200 гр. хлеба скупать каракулевые саки.

Большинство не хочет уехать и потерять свой угол, который потом сделается гробом ему. Но есть немногие, кто остается в своем углу, презирая смерть. Я знаю таких.

Вышла еврейка, небольшая, черненькая, самоуверенная, рассудительная, редактор ж. «Октябрь». Она мне доказывала и не глупо, что писать о войне в упор тоже возможно и есть примеры: раньше писали так. Почему же теперь нельзя? Из этого разговора я понял, что только евреи, одни евреи в полном сознании во всем своем интересе ведут войну, что это их чистое дело и что они одни теперь счастливы, они одни знают, что делают.

Галина учит нас ретушироваться (компромисс).

Л. Соловьев с войны и еврейка наивная.

Гаврила умирающий: 1) верность обряду переходит в плюшкинство, 2) старость показывает скелет человека.

Мария Алексеевна и ее мать, М. А. благодарит Бога, что ей не приходит на сердце желание смерти матери. А та не сознает и не хочет сознавать своего эгоизма и порабощения дочери.

Зина – вся ушла в молитву, преодолела страх за свой угол, за жизнь: святая.

Мария Мих. – недалекая, но упрямая женщина (серьезная) вся собралась в одно и живет, перемогая жизнь.

Рыбников – жена его слишком положительная и достойная женщина, и в поправку, в восполнение всего человека ей дан

легкомысленнейший муж (по этому типу множество знакомых).

Ленинград: после этой пережитой зимы – впервые имя Ленинград оправдалось: Ленинград только теперь закрыл собой Петроград.

Самое главное: тот же самый батюшка сказал мне на мои слова: «Я – Михаил. – Михаил, как хорошо: смотри, чтобы он к тебе еще раз пришел».

9-го (пятницу) приехали, в 5 веч. 10 суббота – раскладывались, 11-го – воскресение.

12 Октября. Теплая погода, тишина с последними золотыми листочками. Набрал корзину маслят.

После первых морозов вымерзли червивые грибы и, когда настало последнее тепло, показались хорошие не червивые грибы. Я сам после московских моих морозов вышел в лес чистеньким и теперь даже почти в середине октября набрал целую корзину маслят.

Мало-помалу пришел в себя и понял, как неразумно я вел себя в Москве, впитывая злобу времени. Пора с этой ориентировкой в политике совершенно покончить. Существует целый великий мир независимых ценностей, которых мой долг открывать людям всеми доступными мне средствами. Не нужно для этого куда-то ездить, надо их принимать к сердцу, жить ими и действовать. Надо расстаться с червивой средой и дальше расти. Пусть зима скоро наступит, около зимы, как теперь глубокой осенью, бывает чистое время.

13 Октября. Вчера уехала теща в Переславль лечить зубы, мы остались одни, и вдруг с нас, как [у] бродяг весной [старая] ветхая одежда, стала ненужной, и мы сбросили с себя и немцев, и евреев, и тещу, и остались вдвоем среди неоткрытых, неведомых миру современных людей сокровищ.

Мне открылся ясный путь освобождения: не в теще дело, а в себе. Надо перейти к делу, надо писать так, будто не существу-

ет на свете никаких препятствий, немцев, славян, евреев, тещи, надо этим глубоко проникнуться, войти в дело, и тогда, я уверен в этом, что будет просто смешно то, что раньше казалось непреодолимым препятствием.

Для начала я отправлюсь на Ботик в колонию детей Ленинграда, проникнусь этими материалами и напишу «Дети Ленинграда»[182].

14 Октября. В предрассветной тьме моросит мелкий дождик, но на душе от этого не хмурится: дождик теплый, и эта отсрочка зимы радует. Медленно показывается очертанье темной драночной крыши сарая, и на ней глаза узнают светлеющие во мраке опавшие листья.

Такая милостивая осень стоит, такой живет со мной верный друг, ожидающий от меня подвигов, и терпеливо, искусно скрывающий это, если подвигов нет. – Милый мой, – шепчет она, – ты довольно в жизни потрудился, – можно и отдохнуть...

Ляля ждала от Зины ответа на выступление сергиян (в связи с выходом сборника)*, но Зина ответила:

– У меня хватает сил только на молитву, а думать об этом я не могу.

Узнав от Ляли об этом разговоре, я сказал:

– А ты говорила, что она святая. У святых, по-моему, не может быть чувства нехватки сил для мысли.

– Но раз она молится, значит, она и мыслит: молитва всегда рождает мысль.

– Мысль про себя и для себя – это верно, без мысли молиться нельзя. Но эта мысль проходящая, я же думаю о мысли любовной, чтобы от молитвы осталась мысль и для других.

– Какая же это мысль для других?

– Та мысль, которая выходит из любви и непременно приводит к действию.

---

* Церковного, в оправдание церк. политики Сергея. – *Примеч. В. Д. Пришвиной.*

На это Ляля ничего не ответила, но вечером сказала за ужином:

– Если сергиянство кончится церковным благополучием: тогда ведь окажется, что жизнь мучеников советских была напрасна[183].

– Почему, напр., чтут память преп. Сергия и не считают себя ответственными перед подвигом современных мучеников? Почему делать из мучений страх какой-то, паноптикум и не вводить современность, движенье, жизнь...

– Да если ты говоришь, что молитва рождает мысль, то для этого нужно движенье, жизнь, а у них нет движенья – значит они мертвы.

На ночь читали Фета и Блока: Блок сильнее Фета, но у Фета поэзия, питающая душу, а у Блока – раздражающая какая-то, страшно сказать, поэзия тоски и что всего удивительнее – поэзия скуки (Аптека, Крендель булочной и т. п.)[184].

Мы провели дома целые сутки без тещи, и этот сумрачный день осени показался нам солнечным и открывал нам вид на возможность жизни совсем не такой, как она выходит теперь при наших больших усилиях. Теща – это ужасный пример неизбежности старческого эгоизма. Страшась этого, мы обыкновенно видим стариков, которые лишены сознания вредности для счастья ближних. Обыкновенно так бывает, что, старея, человек лишается страха перед своей моральной тупостью, мы же, страшась наперед этого состояния, мы тем самым просто еще молоды, как молод бывает еще тот, кто смерти боится. Но теща наша тем страшна, что не покоряется неизбежному, не сдается на волю победителя, а пытается всеми своими негодными средствами бороться против своих болезней и старости. Из этих попыток выходит та помеха, что мысль наша сбивается и заменяется разговорами во время работы о пустяках, о преимуществе алюминиевых кастрюль перед лужеными, о всяких мелочах с бесконечным расщеплением и распинанием, при невозможности сопротивления и возражения: каждая мелочь имеет важное значение в составе Целого.

15 Октября. Погода теплая, и, бывает, прекрасная такая, что не поймешь сразу, подумаешь: весна это, а не поздняя осень. Но чуть дунет с севера случайный ветер на какой-нибудь час и вдруг станет холодно, и мертвец стучится в окно. Так давно ли я любовался тобой, вспоминаю – всего час назад. А вот повеяло на тебя с холодной стороны...

Когда я приехал в Усолье, тут был отвратительный хаос: люди вырубили прекрасный лес у реки, и лесная речка, такая раньше грациозная в своих излучинах, стала распутной и наглой. Особенно жутко было встретить бор, изуродованный пожарами и вырубками. Но по мере того, как я вживался мало-помалу, я невольно стал избегать встреч с некрасивыми местами и открывать себе нетронутые прекрасные уголки для уединенных размышлений. Солнце я стал встречать на холме с разбросанными на нем соснами, и место это мне стало храмом, где я все вокруг себя соединял и достигал мысленного единства. Так в течение года я создал себе в этой природе уют, похожий на то, что люди называют родиной, и в этом отечестве я сам был и отцом и матерью. Вместо детей, которым родители передают свое чувство удовлетворения от совершенного для жизни, я собирал своих воображаемых друзей и писал им, невидимым, по вере своей в какое-то разумное и любящее существо, существующее помимо меня в моих друзьях.

16 Октября. Узнал от лесничего об отмене политкомиссаров. (– Это Америка! – Ладно! у нас есть в армии своя Америка и др. разговоры.)

Аникину (предрайисполкома) в области дали строгий выговор «за мягкотелость». И в тот же день, как об этом узнали в Усолье, прекратили мне выдавать молоко из колхоза, очевидно, видя в этом распоряжении Аникина проявление мягкотелости. (Я выпросил себе пятидневку на выправление бумаг.)

Так стали вопросы: 1) молочный, 2) дровяной, 3) картофельный, 4) о передвижении без бензина (на своих на двоих).

Морозное утро. Чистый солнечный восход. Мы пошли в Купань фотографировать. Пока шли, набежала туча, и пошел сплошной дождь на весь день. Трудно представить себе более

ужасной дорогу, чем эта – по болоту, изрытому карьерами. Но мы от нищенства с фотографией перешли к мысли о настоящем нищенстве, что, мол, самое для всех страшное «побираться» больше не страшит и кажется даже преимуществом перед городом, где невозможно ходить из квартиры в квартиру и кормиться Христовым именем.

Под дождем осенним на изрытом болоте нам даже стало весело, потому что страх перед жизнью исчез: если такие дороги не страшат, если нищенство кажется преимуществом нашим, то всякая другая дорога, всякое другое положение, хотя бы вот это странствующего по деревням фотографа – должно вообще радовать. А если, например, нам удастся где-нибудь раздобыть осла и грузить свои пожитки на него... Так, несмотря на все неудачи несчастного дня, мы вернулись веселые, и эта веселость явилась только за счет нашей дружбы...

17 Октября. Несмотря на вчерашний дождь, снимки мои более или менее удались, и в свете удачи этой тяжкое чувство от необходимости выпрашивать у начальства продовольствие представилось как жизненная школа борьбы со своей гордостью и своеволием.

Бывает, хочется забежать вперед себя и оттуда посмотреть на себя, идущего по неведомому пути, глупенького, как все случайно рожденные и пущенные в жизнь на произвол судьбы. Вот эта потребность забежать вперед себя и есть потребность в руководстве жизнью. Но для действительного появления руководящего сознания необходимо перервать как-то свой естественный рост, свой обыкновенный жизненный путь. Для этого необходимо свое «хочется мне» подчинить иной высшей воле, пусть это Бог или старец, или сверхчеловек, или взятая из книги «идея». Так или иначе, приходится пройти школу послушания, которую в порядке общего роста, движения проходит всякий человек. И вся разница этой общей школы от этой в том, что там живут не по судьбе, а здесь стремятся забежать вперед своего естественного пути и через это сделаться личностью.

– Брось свой вздор и подумай, сколько замечательных душ, гораздо больших, чем твоя собственная душа, ушли из жизни

никому неведомые. Я не говорю о том, чтобы ты бросил всякую попытку раскрыться при жизни в людях, нет, я только предупреждаю об опасности губительной претензии в себе, если попытка раскрыться на людях окажется на первых порах неудачной. Надо помнить, что этот путь от начала до конца усеян трупами самоубийц.

– Почему, почему? ...мир живых людей и природа построены без «почему».

18 Октября. Продолжаются совершенно теплые дни с моросящим дождем.

Она шепнула мне: – Еще ближе, вот так, получается совсем как один человек. – Я на это лукаво спросил: – А где же другой, кого ты раньше любила? – Она возмутилась: – Я так никого не любила. Господь с тобой! Могла ли бы я так тебя любить, если бы раньше у меня был такой же другой.

Я, конечно, это знал, но меня интересовало происхождение этой, по какому-то закону сводящей к единству, любви: пусть другой, пусть третий, пусть много в прошлом, но то все не то, ты один и таких как ты и такого как у нас сейчас никогда не было.

Я понимаю теперь эту ошибку любви, как первоначальное сотворение человека, утверждение господства личности над проходящим мгновеньем и этим утверждение проходящего мгновения в вечности.

И наша художественная деятельность в сущности и сводится к отбору всего, что поддается соединению (в личном единстве), отчего собранное получает форму с освобождением от времени («Мгновенье, остановись»)[185].

По-видимому, самый загад мой, первоначальная мечта увезти Лялю от матери – чистая утопия, похожая на попытку рассадить два сплетенных корнями дерева. В своем мечтательном сознании Ляля искренно готова оставить мать для меня, в своем же обычном, но тайном, сокровенном может быть и от себя сознании она живет только для матери. Вот именно эта жизнь, отданная навсегда безоговорочно другому, и поселяет в

душе раба мечту о свободе в святой пустыне здесь, на земле, и может быть, и за гробом.

Но, так или иначе, я должен стряхнуть с себя этот кошмар. Я должен быть каждую минуту готовым вернуться к возможности выполнить свое назначение, и когда я этого достигну – только тогда Ляля будет со мною. Только освобождая себя как художника, я могу освободить ее от плена.

Между тем на Руси так и создалась революция: самодержавие было как больная старуха, капризная, упрямая, ограниченная, ничего не понимающая в современности. Какая-то Пиковая дама[186]. А молодая Россия, наша, желанная, как Лиза, а немец Герман, пытавшийся вырвать ее напрасно у старухи, запутался в трех картах. Под носом была Москва, он же думал о себе, о высшей расе, о своем господстве, о трех несуществующих картах.

Вот это счастье в пустыне вдвоем, как мы с Лялей мечтаем, и есть именно те три карты, на которых помешался Герман, и герой Достоевского <...> построил фантастическую счастливую жизнь через убийство старухи: три карты, три карты, только три карты, а не я сам, живой творческий человек могу изменить к лучшему свою жизнь. Вот это вверение себя чему-то внешнему материальному и есть присяга дьяволу, называемая св. Отцами пагубным «самоутверждением».

Вот теперь ясно, что немцам остается, как Герману, самоубийственный выход. А... если бы он жив был, пришлось бы стать на коленки... остается подумать о настоящем выходе.

Я буду раздумывать об этом, представляя себе способ освобождения Ляли от тещи.

19 Октября. С часу ночи буря и дождь.

Вот какая наша жизнь. Аникину в Ярославле дали строгий выговор за «мягкотелость» и как только весть об этом дошла до сельсовета, меня лишили молока (очевидно, в силу того, что кормить писателя есть мягкотелость). Вместе с тем не вышло с дровами (тоже через Аникина), с овощами. Москва отошла из-за недостатка бензину, и вся опора жизни моей теперь фотография.

Есть последняя степень серьезности жен, когда легкомыслие мужа вытекает из этой неподвижности, как ручей из пере-

полненного дождями болота. У Толстого ручей – это Стива Облонский, из наших знакомых – художник Рыбников. Там и тут, однако, легкомыслие остается неоправданным. Вероятно, для оправдания требуется третья фигура, в которой то и другое органически сливается в цельную личность. Возможно, что такой задумана Анна Каренина. А у меня Ляля такая.

Напечатал для Ляли свою детскую карточку «Курымушка» и, вспоминая свое прошлое, мне кажется теперь, будто мальчиком я не улыбался, что я рожден без улыбки и потом постепенно ее наживал.

Но возможно, что это вспоминается не я, а созданный мною из себя Курымушка.

20 Октября. Продолжается сутки за сутками осенний мельчайший дождичек, тепло. Рано утром, несмотря на дождик, я в туфлях по тропинке, устланной рыжими хвоями, между рыжих мокрых сосновых стволов благоговейно прохожу с молитвой о хлебе насущном. Я молюсь о том, чтобы этот хлеб давался не в поте лица, чтобы это проклятье первых людей было снято с меня не одним усилием моей воли (в специальности), а в оправдание дела спасения мира Богом, взявшим на себя грех мира.

До того было тепло в лесу, что рыжие стволы сосен, как весной, погружались в сизую дымку испарений земли. И мне вспомнился рассказ из юношества одного старого художника о еще более старых временах, когда художник посвящал свое дело Богу, и в знак этого во время работы в мастерской у него горела лампада и курился ладан, как вот теперь даже осенью курится земля перед Богом.

Параллельно с этим древним художником, возмещавшим путем посвящения своего ремесла Богу, разобщение свое с миром людей, я вспомнил современного специалиста, работающего в общественном конвейере. Мы все видим теперь ежедневно одичание этого существа, возвращающегося в состояние полной рабской зависимости от «хлеба насущного».

И вот теперь, зная это, я молюсь о ниспослании мне той благодатной праздности, в которой человек забывает о трудностях

своего дела, и хлеб насущный ему дается даром. А еще прошу об избавлении от зависти других, трудящихся «в поте лица». А еще я хотел бы, но только думаю, что это само собой выйдет, если труд мой будет благодатным, – чтобы остаться в чувстве вечности, исходящей от Бога, не лишиться до конца дней своих чувства времени и [если] даже наступит этот конец дней моих – расстаться с этими днями-временем в мире и сознании благодетельной необходимости.

Вечером в постели, желая по обыкновению почитать Ляле на сон грядущий стихи, я взял Пушкина, и мне открылась «Гаврилиада»[187]. К моему удивлению, Ляля нисколько не смутилась этой кощунственной поэмой: то, что когда-то так пугало царя, митрополитов и церковников, не оставило на нее никакого впечатления. Прочитав в жизни множество всяких стихов, она привыкла понимать, что и у величайших поэтов вполне хороших стихов очень немного и, читая книгу, на плохое не обращает внимания. Это и понятно, иначе было бы невозможно сохранить целомудренное отношение к жизни. А когда мы перешли к чтению других, чудесных стихов, то вдруг как никогда стало понятно, что стихи Пушкина были свобода и смелость, каких не было ни у одного русского поэта, и что сама «Гаврилиада» явилась не из кощунства, а из этой игры со свободой.

21 Октября. И опять все моросит день и ночь, и все богатеет от теплого дождя озимь, и как всегда в сумерках на свежую зелень начинают выходить зайцы, вальдшнепы, тетерева...

Сегодня на рассвете шел мелкий, тут же тающий снег.

Вчера столяр Милицын, наконец, сделал мне ставни, и ремесло мое новое, портретная фотография, теперь оживает.

Милицын, подстругивая ставню, спрашивал меня, разделяю ли я советскую установку на Бога, – что религия есть опиум и обман?

22 Октября. На рассвете удалось после долгих дней увидать полоску зари.

Часто мне кажется, будто в составе власти, определявшей положение писателя в Союзе, находились люди, понимавшие

меня лучше, чем я сам. Мне кажется, что, например, кто-то из настоящих друзей моих назначил мне орден маленький вместо заслуженного большого, кто-то не пустил меня к Сталину, когда я пришел к нему в своем неразумии, и так много-много всего наберется. Я действительно не был таким достойным человеком, каким меня делали. Еще мне казалось всегда, что деятели советского общества силою вещей вынуждены говорить и делать совсем не то, что понимают они про себя разумным и нравственным, что это делает их всех между собой врагами, стерегущими падение друг друга. И вот в этом необходимом состоянии им нужно было отводить свои души в тайную сторону любви, правды, милосердия. Вот эта потребность их и берегла меня, и я просидел все 25 лет советской власти, как отрок в пещи огненной[188].

Удачное наступление немцев на Ростов мало-помалу плесневеет, как все их удачные наступления, и как будто бы уже последний момент существования советской власти («только чудо может спасти») снова отодвигается на будущее...

Я утонул в фотографической работе, как Ляля утонула в домашнем хозяйстве.

Ссылка на нервы в нравственном мире не принимается во внимание, потому что душа человека должна владеть всякими нервами. Только уже когда сама душа заболеет, и человек перестает «владеть собой», вот тогда, как с сумасшедшего, больше ничего не спрашивается. Да так ведь и всякая болезнь не может быть поводом к бюллетеню души. Вероятно, оттого-то Толстой и ненавидел врачей, что они часто подменяют необходимость личного усилия механическим действием лекарств.

23 Октября. Сегодня на заре прилетел косач на вырубку нашу, где было оставлено одно высокое дерево-семенник. Тетерев сел на самую верхушку сосны и забормотал по-своему, видом своим напоминавший петуха в лютеранских кирхах. Скоро колдун света наколдовал мороз и на моих глазах живые капли вчерашнего дождя, провисевшие всю ночь на ветвях, стали

замерзать. И когда солнце показалось, его встретили деревья ледяным блеском своих мертвых капель на своих холодеющих перед зимою ветвях.

При виде этих живых капель большого дождя, на моих глазах превращенных силою утреннего мороза в ледяные отдельности, я перенесся в духовный мир человека и, вспомнив знакомое оледенение души людей, вошел в общее чувство борьбы добра и зла. Когда же от людей знакомых перешел к себе самому, то душу свою увидал ясно, как еще живую каплю великого дождя на веточке, сознающую все три пути своей росстани: прямо подняться п*а*ром при счастье встречи с горячим лучом, оледенеть от мороза на ветке, или, упав от ветра на землю, пережить все назначение падающих, и когда-нибудь, в конце концов, вознестись и соединиться с небесными свободными каплями.

25 Октября. Первый зазимок лег ночью, и утро вышло белое, и мелкий снег частой крупой так все и сыплется...

Я проснулся рано и лежал, не зная, что земля в обновке лежит. Но мысль моя, внутренний мой человек, определенно всматривался в то время, когда писали Блок, Белый и другие поэты конца России с таким чувством, будто все там у меня назади осталось, как кладбище, засыпаемое снегом.

Так ясно и просто думалось, и воспоминания не вызывали ни сожаления, ни боли.

Поэтому не больно было вспомнить, что ведь это не Россия кончилась, а сама Европа, идеал нашего русского общества, вся «заграница» погибала со всеми своими мадоннами и соборами, и наукой, и парламентами.

Падает снег на мою душу, и я молюсь об одном, чтобы дождаться весны и прихода мысли в понимание пережитого конца и в оправдание погибших и нас, уцелевших.

25 Октября. Опять стало тепло и все кругом после зазимка стало еще серее.

Я хожу с мыслью, что не одна Россия погибает за свою лень, за свое правительство и революцию, а вся Европа и весь мир, и

что причина беды у нас лишь в малой мере, а в большой у них, и что по существу победить в этой войне не может никто: все виноваты, если винить, и все правы, если оправдывать.

26 Октября. Такая была фотографическая суета, что день пропустил, не записал, он прошел без записи и вспомнить ничего не могу. Впрочем, помню, что в воскресенье вечером мы угощали председателя колхоза, а в понедельник в результате угощения возвратилось отмененное молоко, и была послана за дровами лошадь. Возвращение Кононова и наша головомойка его жене.

27 Октября. Я ходил на Симанец* пешком. День солнечный, лужи подмерзли и в заводях у берегов лед. На телеграфных проволоках сверкают развернутые ожерелья.

Опять смотрю вокруг себя с любовным вниманием. Вот передо мной береза, [определившая] жизнь молодой ели тенью своей кроны: все золото свое осеннее отдала елке, но и раздетая стоит на солнышке не печальная. И чего ей печалиться – она сделала все для нее предназначенное.

Божьи коровки, подогретые лучом солнца, медленно куда-то ползут по моей тропинке на зимнюю спячку. Сосны между мною и солнцем в задранных шелушинках коры светят, как литое золото; один большой сук, изуродованный, отмерзший – как руку, сосна протянула поперек тропы, дятел долбит этот сук, краснея перьями, и большими буквами против пешехода для чтения написано «хуй». Никогда раньше я не понимал значения этого так ясно, как теперь, когда жизнь человека и у нас и везде полетела к чертям. И в то же время в груди своей я ощущаю свой восторг так же уверенно, как ощущает рука свое тело. И мне это было понятно, как бывает иногда понятна при солнечном свете светящаяся радостная зелень чахлых берез на болоте, мхов и травы: все это на кислой земле предназначено быть заключенным в земле на сохранение солнечной энергии, все сохранится в торфе и когда-нибудь загорится. Так и мы теперь, люди, обдерганные, голодные, слабые в солнечный день,

* Симанец – небольшая речушка, пересыхающая летом.

несмотря ни на что, чувствуем в себе непосредственно хранимую солнечную жизнь.

На делянке красным карандашом окрестил свои поленницы и вернулся домой обрадованный только тем, что на зиму у меня есть дрова. И тут опять подумаешь так же о происхождении этой радости: это прячется в грудь, скрывается и уходит в себя недожитая жизнь.

Дома набросились женщины на меня снимать своих маленьких детей, чтобы послать на фронт фотографии малюток. Под вечер, когда натиск был особенно силен, а снимать стало невозможно, я потерял власть над собой, и расстроился, и баб прогнал. В другой раз больше не буду, даю клятву.

Измучила забота о существовании под вечным напором и критикой тещи. Но как ни думали с Лялей, раньше шести месяцев невозможно освободиться от капризной старушки. И сколько нас таких здоровых жизнерадостных людей, чахнущих в плену у больных и старых. И такой путь всех хороших людей во время голода – отдать себя на съедение слабым, и слабые от этого не насытятся, а сильные станут слабыми.

Итак, Михаил, обреки себя на шесть месяцев забот с утра до ночи только о своем существовании и радуйся, что тебе достается печали меньше других.

Дни редчайшие – днем солнце и тепло, ночью луна и к рассвету легкий морозец. Ляля от домашнего хозяйства устает до болезни. Нервы ее до того взвинчены, что с матерью о самых простых вещах говорит в повышенном тоне и бывает на меня огорчается, и я отвечаю, и во мне мало-помалу скопляется то, назову, неуважение, которое я органически испытываю к людям духовным в их слабостях. С этим борюсь тем, что причину ее слабости перевожу на себя и ищу выхода.

29 Октября. Решились на героический поход пешком в Переславль за пленками, за картошкой, пайком, за горохом, за дровами.

По пути думал о происхождении мифа колдунов и особенно колдуний, Бабы Яги, и что Пиковая дама есть тоже форма Бабы Яги. И вообще вся жизнь малого домашнего «бабьего дела» – это находится все в ведении Бабы Яги и весь мир внутри этого заколдованного царства спит. В этом спящем царстве заключены все сокровища человеческой жизни и даже красоты, и даже любовь. Приходит Иван Царевич освобождать красавицу, и вот, кажется, эти сверкающие полосы метеоров, задевающих атмосферу земли – это все попытки царевичей высвободить их красавиц из заколдованного мира.

В Переславле меня встретил бухгалтер Троицкий, очень бледный, расстроенный. Я узнал, что у него был пятый припадок аппендицита, и доктор велел ему немедленно оперироваться. Но в городе нет марли, без нее нельзя, где-то застряла машина с медматериалами и приходится ждать. Велели в ожидании неподвижно лежать на дому.

– Так чего же вы теперь вышли на улицу?

– На улицу-то вышел, – повторил, виновато и смущенно улыбаясь, – вышел, батюшка М. М., не выдержал: водку выдают по литру на душу, иду в очередь.

30 Октября. Утро теплое без мороза. На востоке наволочь, на западе светло. Обрывок луны так высоко в барашках на самом темени неба и такой яркий. При этом свете на мостике узкоколейки я мог разбирать шпалы и благополучно шагал. Несколько часов моего похода солнце не могло выбиться из своего синего, полупрозрачного одеяла, и в полной тишине и тепле озеро спало, нежное такое, что хотелось душой и самому рядом лечь и задремать.

31 Октября. Яркое морозное утро. Лицо человека – это как зеркало Божье, в котором отражается душа человека, прекрасная и дурная, добрая, злая. И, верно, самому человеку и не надо обращаться к Богу, и пусть он даже вовсе не верует. Сам Бог высвечивает душу человека, и стоит только самому своим внутренним светом присоединиться к тем божественным лучам, как лицо всякого человека открывает его сокровенную душу.

Вечером у нас было объяснение по существу, я говорил Ляле, что у нас создается непонятное мне положение: сейчас я еще не могу сказать, что добывание продуктов питания всецело падает на меня, но стоит мне взяться и будет все: и дрова, и керосин, и все продукты, и даже воду – все буду я доставать. На долю двух женщин – тебя и маму – останется хранить и приготовлять пищу, не выходя из дома; и все-таки получается, что у тебя не только нет времени помогать мне в писании, но даже выслушивать написанное, когда мне хочется – мало того! тебе некогда Богу помолиться, открыв глаза – ты срываешься и носишься весь день по дому в суете и весь день вы с мамой или ссоритесь или обсуждаете хозяйственные мелочи. Твоя суета закрыла собой весь мир, и дома мне часу не дается сосредоточиться, в себя прийти, и весь мир закрыт мне нашим курятником. Эти мои верные слова ее сильно задели и второпях она сказала:

– Курятник, это свидетельство твоего малодушия, ты просто сам пал духовно и потому курятник тебе заслоняет свет.

– Это по существу верно, – ответил я, – и я сам ежедневно ранним утром, разбираясь, нахожу в себе какую-нибудь вину свою. Но винить себя – ведь это наш основной капитал: это надо беречь для крайних случаев в большом плане. Если же винить себя на каждом шагу и в мелочах, то это верный путь к ханжеству и лицемерию. Нет! Я не себя виню, а виню тебя в том, что не молишься Богу ежедневно, ты просто не можешь делать ежедневно усилие собираться в себя, и потом всякое дело выполнять с благоговением. Нет, ты виновата в своей суете сама и оттого наказание – у тебя нет времени.

1 Ноября. Кончилась драгоценная серия красных дней конца октября. Сегодня пасмурно и тепло, но нависло. Я ходил с велосипедом в Купань, снимал и вспоминал путешественника по Новой Гвинее, который дробил бутылки и торговал осколками стекла у дикарей. Так точно и я торгую фотоснимками. Но пусть даже и так... Чем же плох этот мой труд, – снимать карточки детей для посылки их отцам на фронт? И так все, всякий труд, если научиться подходить к нему с благоговением, как подходили ко всякому делу монахи. Так я смотрел на себя, фотографа, со стороны, и мне нравился этот простой старый че-

ловек, к которому все подходят запросто и, положив ему руки на плечи, говорят на «ты». Тогда мне думалось, я даже видел это, что именно благоговейный труд порождает мир на земле.

Вот еще о чем я думал на обратном пути из Купани – что самое богатство личности, сокровище души человека и ее основной капитал – это признание своей личной ответственности за наше зло. И вот, мне кажется, почему люди так упорно борются за то, что ты виноват, а не хотят взять вину на себя и сказать: это не ты, а я. Это потому, что каждый, как скряга, бережет это последнее сокровище души своей и не хочет метать свой бисер на пустяки, не хочет быть растратчиком. Но мало того, человек на пути своем земном от малого круга дел своих до большого, от выхода из ворот своего дома до «и введи меня в Царство Свое вечное»[189], и нравственно обязан находить вину в другом и тыкать в него этим: «Ты виноват» и умалчивать о себе. В этой необходимости «тыкать» и заключается и необходимость оправдания войны и такое, что иная война становится священной войной, решающей вопрос о вине.

Ляля, раздумывая о любви Кононова к своим детям, сказала:
– Мало того, что это не любовь, но мне подозрительны в нравственном отношении все родители, чересчур решительно заявляющие о любви своей к собственным детям. – Мало того! – думал я после ее слов, – может быть и вся эта сложная паутина домашнего быта вокруг домашней любви является сетью, создаваемой особым видом паука, приставленного к человеческой личности. («Враги человека домашние его».)

Какая-нибудь Пиковая дама, какая-нибудь старуха-процент-щица из романа «Преступление и наказание», и вообще весь этот круг нравственно необходимых дел, вертящихся вокруг ничего, разве это не жужжание мухи в паутине, и старухи эти все с Пиковой дамой во главе, разве это не пауки? И в то же время нельзя подходить к этому, как Герман с пистолетом, как Раскольников с топором. Но какой же выход такой, чтобы вырваться из этой нравственной паутины и в то же время не умывать руки от крови старухи...

Это бывает, когда думаешь даже и на молитве «а может быть Бога-то самого вовсе и нет», и мгновенно придешь в тот мир,

где живут и обходятся без Бога, и ясно увидев их всех, так живущих, скажешь себе: – Вот это мое сомнение, это «Бога нет» исходит только из признания тайного, что то есть, что то есть Бог. Но стоит только ясно себе представить то, как сущность, как Бога, и сразу же теряешь всю опору в том бытии. И вот тут есть один роскошный момент душевной жизни, когда из мира неверия возвращаешься к Богу и начинаешь снова молиться Ему Одному. Этот момент благословенный и является бескровным преодолением Пиковой дамы и процентщицы и это есть истинно творческий акт, изображенный в сказках, как пробуждение спящей красавицы.

2 Ноября. Погода продолжается та же теплая с нависшим туманом, как в «Войне и мире» во время псовой охоты у Ростовых. И до чего стал легковерен народ в своей жажде хоть какнибудь жить: хватается за соломинку, говорит, что может быть и вся зима будет сиротская.

Люди, отдыхающие на связках нарезанной карликовой ивы, к которым я присел отдохнуть, вспоминали какого-то доктора, тоже, как и я, всегда ходил в Переславль пешком. От этого доктора перешли к прежнему человеку русскому, когда бывало из Переславля к Троице 60 верст проходили в один день и попадали ко всенощной. Мало того! и в Киев, и в Соловки ходили пешком. Куда вздумалось, туда и пошел, как ап. Петр, который, когда молод был, сам одевался и опоясывался и шел, куда хотел, а когда это время счастливое прошло, его одели, опоясали и повели, куда ему не хотелось[190].

Целый день занимался фотографией для хлеба насущного и думал о герое, который преодолевает паутину «человеческого, слишком человеческого», и что немцы хотели быть такими и русские тоже, и им бы вместе надо, а вышло иначе. В прошлом году в это время немцев ждали, как освободителей, но они не справились с задачей своей неизвестно почему. Теперь все это ожидание кончилось, война стала неизбежностью, и на этом все помирились. Так произошли удивительные явления, что в результате всеобщего разорения жить стали покойнее. Тут про-

исходило что-то вроде сбрасывания балласта с аэростата. А в конце концов, сбрасывается и сама жизнь, как балласт.

3 Ноября. Теперь уже и все крестьяне дивятся и говорят, что не запомнят такой теплой осени. С утра было, как в облаке, и моросило в тепле, а после обеда это кончилось и утвердился солнечный конец дня. Мы ходили в Купань фотографировать и за 4 негатива (по 4 карточки) взяли 30 яиц, $^1/_2$ кило сметаны и стакан меду. Вернулись очень довольные: моя затея удалась и пока есть пленка – я буду кормиться, и пока будет война – женщины будут снимать детей, чтобы посылать их карточки на фронт тоскующим по дому мужьям.

Вспомнилось озеро, каким оно было недавно, когда я шел из Переславля – такое нежное.

4 Ноября. Темный бор на зарю открывал свои разноцветные окошки, среди них, синих и красных, были и золотые.

Я вернулся к мысли последних дней моих о старухе, опутавшей мир человеческий паутиной нравственных малых дел. И раздумывал о средствах преодоления этой формы эксплуатации одного человека другим, вдруг вспомнилось, что вот я-то сам в своем собственном опыте мог же преодолеть... Могло же в моем опыте выйти так, что сама же «старуха» способствовала моему освобождению, но самое главное, что решение мое исходило не из рассуждения, как у Раскольникова, или Германа в «Пиковой даме», решение исходило из чувства жизни, священной уверенности полной в непогрешимости ее существа, или просто говоря, решение исходило из веры в Бога.

Отсюда из моего опыта ясно видно, что преступление Раскольникова и Германа исходит из помраченного разума (ratio) в оторванности своей от цельного чувства жизни (Бога, Логоса), выделяющего неподвижную идею (по-видимому, подвижность мысли есть одно из необходимейших условий здоровья души и присутствия Бога)...

Это какой-то процесс худосочия, находящий в разуме силу замены здоровья души. Похоже на теленка привязанного, идущего вокруг столба до тех пор, пока веревка не завернется вся и теленок не упрется мордою в столб. Вот эта преступная «идей-

ность» одинаково содержится и у фашистов, и у наших, там и тут оправдание преступления в том, что это <u>большое</u> дело. Но если большое дело само по себе не является выходом из паутины старухи, то и малые дела кустарного личного мира благополучия не являются выходом, и церковь так же опутана старухиной паутиной, как и государство.

В «Преступлении и наказании» именно и происходит эта подмена «идеи» мещанским благополучием.

О время, время какое! все маски сброшены с государства и церкви, и все пережитое человечеством в этих формах опрокидывается в открытую душу каждого, как бремя, которое он должен вынести. Я думаю, что этот Каждый, на которого теперь падает это бремя мысли и дела, и есть Бог, независимый от исторических форм государства и общества...

5 Ноября. Утром в темноте холодно, ветрено, пахнет Октябрем 25-ти летия: к этому времени Октября прибавилось бремя фашизма, и тут появилась «старушка», на которой тянет сорвать свою беду и сделать ее отвечающей, но...

Вчера на ночь я надел хорошую рубашку и сказал: – Как приятно! – Только две их, – ответила Ляля, – я просто не понимаю, куда смотрела Ефр. Павл., чем она занималась: рубашек нет – ты мне без рубашек достался. – Я ей денег не давал, – сказал я, – и дать ей было невозможно: это значит связать себя по рукам и ногам. А впрочем, я действительно до встречи с тобой был глуп. Из случайной связи без всякой любви я создал себе «брак», вообразил себя охотником, романтическим бродягой, благодаря таланту кокетничал дикостью и находил читателей, друзей: не будь этого дара или наследия (в таланте я наследник матери), я был бы просто дурачком, вроде моего Левы...

Она засмеялась, удовлетворенная. Мы обнялись, я прошептал: – Неужели ты, Ляля, и моя жена. – Нет, – ответила она, – какая я жена, какая я женщина, ты ведь сам теперь видишь: я не переношу никаких повторений, молитвенник беру в руки и меня, пока не войду, отталкивают те же слова, те же формы, с трудом я это преодолеваю и вхожу внутрь этой храмины, где все-таки живет Бог и там в Нем, в Боге делаюсь свободной от этих неподвижных форм. – Да, да, – подхватил я, – жизнь Духа

это движенье. – Конечно, движенье, но ведь и без этих мертвых форм тоже никуда не двинешься. – Так и надо смотреть и не смешивать одно с другим, не выдавать мертвых за живых, необходимость – за свободу и долг – за любовь.

Так, беседуя, я уснул у нее на руке («под крылом»), и когда проснулся, она сказала: – Ну, ты теперь уходи к себе. – Я перекатился к себе. Она подумала, что я ушел с обидой, и хотя ей и хотелось перед этим остаться одной, она теперь из-за предполагаемой моей обиды сказала: – Вот я хотела остаться одной, а теперь чувствую себя одинокой. – Ничего, голубка, – сказал я, – полежи немного, полежи и уснешь.

Но должно быть, ни я, ни она долго не спали. Так ли встречала она меня раньше, когда я просыпался возле нее, она встречала меня тогда сияющая, как Мадонна улыбается своему святому ребенку. Что же случилось?..

Боже мой, как близко солнце к тому, что мы называем любовью! Солнечный свет состоит из цветных лучей и порождает цветы. А любовь, это свет человека, создает поэзию, детство и добро. Я на себе испытал, как из любви рождается поэзия, испытал, как рождаются дети, и теперь вступаю в область равновесия душевных сил – добротолюбия.

6 Ноября. Сильный мороз при ярком солнечном дне. Ездил в Нагорье, привез 3 кг масла и 2 кг сыра. Налаживаю командировку Кононова в Ярославль. Забота о существовании – весь день об одном! – на фоне беспрерывного надрыва Ляли и уныния тещи подвели меня сегодня к бездне, в которую я открыто и холодно смотрел, и туман жизни рассеивался... и я узнавал глубокий смысл проходящей повседневности.

Вот мы говорим о непрерывной борьбе Бога с дьяволом. Но разве это не повседневно бывает, что наши умные хозяйки обрывают наши ученые и поэтические беседы, когда вздымается молоко при кипячении или когда «уходит» самовар. И разве теперь всеми не брошено «Слово» ради добывания себе на зиму какой-нибудь драгоценной буржуйки, разве не кажутся сейчас на фоне мировых бедствий утверждаемые раньше культурные ценности не более как смешной претензией идеалистов, мня-

щих себя вершителями судеб мира. Разве не смешно теперь вспомнить, как они попрыгивали в религиозно-философском обществе, как у Бердяева... или... все, все наивно, смешно человеку, брошенному в ров львиный или заключенному в пещь огненную. Поди, останови словами зверей, прикажи погаснуть огню.

И все это было раньше, десять миллионов людей было погружено в бездну забот о существовании, а сотни вольноотпущенников дерзали убеждать их в возможность насыщения всех пятью хлебами[191]. Вот это, о чем я сейчас говорю, как о случившемся состоянии современности, было возведено в теорию экономического материализма...

Беспомощность до стона, отвращение до вскрика, и в то же время смиренная готовность терпеть все до конца, – вот что выражало лицо благородного Бострема, когда он однажды на моих глазах вычищенным башмаком и выглаженными штанами вмазался, недосмотрев, в кучу говна.

Я люблю такого человека и, мне кажется, в своих книгах я старался изобразить его и даже думаю, что он от матери моей отчасти передался и мне: это человек, как называют в народе, простой. Это человек, прежде всего, стыдящийся своего утверждения и раскрытия таящихся своих индивидуальных возможностей. Так вот это не девичий, а мужской стыд, создающий не девичью, а мужскую невинность – вот что я люблю. И обратно, ненавижу тот ум, направленный в себя бесстыдно, как в сокровищницу (сокровища у каждого, но не каждый считает себя вправе ими располагать).

7 Ноября. Суббота Октябрьская, и 8-е открывало на зарю разноцветные окошки, среди красных и голубых и сиреневых там были и золотые.

Третий год теща в упор слушает нашу жизнь и, ничего в ней не понимая, осуждает как шум и суету. Я часто думаю, что вся жизнь наша с Лялей, все мое писательство за это время и даже смысл иной вышел бы из всей этой затеи путешествия с любимой в неведомую страну. Не будь тещи – мне тогда кажется воз-

можным, что мы бы в ту страну прибыли теперь и в ней долго жили... Но дело в том, что теща под боком явилась в результате войны: не будь войны, мы бы ее устроили и уехали. Значит, теща не просто старушка, теща – это продолжаю думать, вышла из войны, как вышла из карт Пиковая дама.

9 Ноября. Тот же мороз и солнце. Земля чуть припорошена. По реке дети катаются на коньках. Пруд и не поймешь, что застыл: тонкий лед так ясен, так чист... Вороны разгуливают по льду – кажется, по талой воде. Догадываюсь, они сквозь лед видят рыбу, и раз поняв, что это лед, а не вода, теперь, разгуливая, ищут способа рыбу эту ловить из-под тонкого льда.

Нечего у Бога силы просить: силу свою Творец отдал природе, и мысли тоже Бог не дает, если ее нет у тебя: мысль свою великую Творец отдал человеку. У Бога можно просить человеку только о направлении мысленной силы, называемой любовью. Да, создавая мир, Творец отдал природе и человеку всю силу свою и всю мысль и себе оставил только любовь. Вот почему живущие на земле деревья, цветы и все внешние формы складываются с устремлением к небу, и первая истинная мысль человека, его первое слово – это любовь, и слово направлено к Богу, и Бог облекается в Слово...

Мне кажется, что я сейчас нахожусь накануне того же выхода из нравственного заключения, которым было мне путешествие в край непуганых птиц[192], таким же чувством благоговения, как тогда в природу, я теперь направляюсь к человеку, и первый отрезок жизни возьму его в себя и к этому ничтожному серпику жизни приставлю дополнительный – всего человека. Так и начну свой новый круг жизни.

Ляля, по своему призванию, мне кажется, есть вольный судия и носит внутренний образ неподкупного и праведного Судьи, редкого существа, которому вопреки заповеди «не судите» – разрешается судить. Теща же, то ли глядя на нее, то ли по своей ограниченности тоже судит, но ничего не понимая, судит, нарушая заповедь: «не судите».

Какая это му́ка – вложить душу свою в совершеннейшую пошлость и потихоньку от всех в сокровенные минуты своего общения с Богом просветить эту пошлость любовью. И какая радость и гордость потом показать всем на удивление, как возможность каждому выйти из круга своих необходимейших злоключений. Таким выходом было у меня занятие искусством слова.

И вот мне мало стало такого творчества, я не пошлость взял, а священную душу человека, наполнил себя ее божественной любовью с тем, чтобы новою Песнью Песней открыть людям глаза на любовь, которая от многоглазения и празднословия стала пошлостью из всех пошлостей.

И вот в тот самый момент, когда художнику необходима для души купель целомудреннейшего уединения, в этот момент к нему приставлен свидетель, который днем судит, не понимая, каждый шаг его, ночью слушает и учитывает на свой лад каждое его дыхание. Эта мука мне досталась на долю вместе с Лялиной любовью, и я знаю теперь, что этот свидетель не просто обыкновенная теща: ведь не будь войны, не было бы и тещи, мы бы могли иначе устроиться... Значит, зло не именно в теще, а в том, что принесла с собой война ту непреодолимую разумными средствами необходимость, существо которой есть смерть. Я стоял уже раз перед такой роковой необходимостью в 1905 году в начале первой революции и нашел тогда выход. Теперь совершилось то же самое, и тоже мне необходимо найти выход или умереть.

10 Ноября. День в день глядится: мороз и солнце без снега.

Начинаю понимать, почему в домашних схватках Ляля, в конце концов, выходит победителем, а я становлюсь виноватым. Это потому, что коренной вопрос об отношении ее ко мне у нее решен до конца, как послушание в Боге, и если она ссорится со мной, то у нее это не всерьез.

У меня же раздражение переходит от малых дел на сущность, и потому при вспышках я говорю нелепости, в которых потом раскаиваюсь. Так точно было и у моей матери, и у многих бывает («вспыльчивые люди»).

Точно так же у нее и с Богом: там у нее нет колебаний, и даже церковные катастрофы с личными трагическими пережи-

ваниями у нее никогда не касаются Бога. Там у нее все так неизменно прочно, что она позволяет себе даже и не всегда молиться и в этом знает, что если не молится, то ей же будет плохо. И вообще все плохое у нее от себя, а все хорошее – от Бога.

На очереди: 1) Поездка в Москву на своей машине, 2) Ботик (изучение колонии), 3) Занятие фотографией умеренное.

11 Ноября. В заутренний час все звезды сидят на местах и в совершенной тишине выразительно глядят на меня, и это их выражение вызывает из меня маленького и неизменно во мне пребывающего. И так, я маленький, самый прежний, каким был всегда, иду в темный бор. Над высокими соснами перед входом в лес стоят-дожидаются две большие звезды, и когда я вхожу в лес, они идут со мной, и провожают меня, и когда я, глядя на них, думаю о других, спрашивая: «где вы, все звезды?», то вижу, что и они все между сучками и веточками, таясь, тоже идут, равняясь со мной. Молитва моя в это утро была благодарственная.

12 Ноября. Так в это время радостно солнце, что нет в душе образа колючей злости, какая бывает при виде замерзшей и непокрытой снегом земли. И людям, теперь утопающим в морях горя, подай Бог хоть соломинку спасенья, и то ухватятся: люди мечтают о сиротской зиме: «Так, может быть, как теперь и останется погода на всю зиму – останется! Вот дождемся Николы, он покажет вам».

В уединении ждешь человека, но когда он приходит, понимаешь, как трудно с ним, пусть и хорошо, пусть это и счастье быть с человеком, но быть свободным и ждать, когда тебя свяжут, – это...

Вчера на столе у нас был сыр, масло, мед, яйца, сметана, которые добыл я своей усердной суетой и фотографией. При виде всего этого справедливая теща сказала: – Всем этим мы обязаны Михаилу Михайловичу, это его подвиг. – Вот уж не обязаны, – ответил я, – и никакого подвига я тут не вижу: ка-

кой это подвиг тащить все что ни попадет в свою семью, так все тащат, даже и животные. Вот если бы я мог в этих условиях писать, и мое дело выходило бы за пределы семейного круга, то может тогда был бы подвиг. – Это вы по скромности говорите, – ответила теща. – По какой же скромности, – вступилась Ляля, – я даже больше скажу: вся родовая жизнь не подлежит вовсе нравственной оценке, тут все делается только в своих интересах.

После этого разговора теща осталась при своем мнении, а я думал, сравнивая Лялю с матерью, полунемкой, что бедная старушка так и застыла в немецких правилах порядка и господства. Лишенная всякой собственности, всякого даже личного имущества, возможности применения навыков, – все-таки остается при своих неизменных принципах и не может насладиться широтой духа, когда он освобождается от необходимости...

И так целый народ, миллионы таких немцев поднимаются над миром во всей ограниченности своего духа, потому что господство само по себе есть ограничение духа.

В большевизме, в этом «мы научим каждую кухарку управлять государством», уже таится семя войны с Германией.

Это не важно, что Макеев, начальник, спер для своей семьи три круга сыра и вообще, что почти каждый начальник в деревне имеет образ короля и вора: нет, в принципе он не король, а выполнитель государственных назначений, и подойдите к нему с этой стороны, то увидите, как [он] широк и свободен в сравнении с деревенскими скопидомами (сравнить Мих. Куз. Александрова и председателя сельсовета Александрова). А потом из господства везде до сих пор создавалась «тайна» («помазанник»), и эта тайна освещалась церковью (у нас), или деловой организацией (как у немцев). У нас теперь эта тайна вскрыта.

13 Ноября. Итак, это было, кажется, вчера или позавчера, после спора с тещей нашего обычного, с ее разделением на «мы» и «они» (мое возражение: «я» – не «мы» и люди для меня – человеки, а не «они»), мне вдруг мелькнуло, что «они» – наши так называемые «начальники» не только плуты, а и люди государственные (плуты-начальники это значит не больше, чем

босые красноармейцы начала революции). И еще многое тоже мелькнуло, после чего я почувствовал, что бремя злобы на большевиков с меня свалилось, что это не большевики и не евреи, а наш же народ, что немцы как освободители кончились, и может быть настал наконец и мой черед поступить в партию. Сегодня я об этом сказал Ляле, и когда пояснил ей, что я не из церкви к партии, как Сергий, а из партии к церкви. – Если так, – сказала она, – то я с тобой поступлю в партию. – Все было сказано полушутя и закончилось так: – А что мы теряем? Если ошибемся, нам всегда останется удовольствие уйти с палками в горы и там жить, как нам хочется.

14 Ноября. Теплеет, морозит едва-едва, пасмурно. Веет с запада, пахнет снежком. По реке судить – лед такой толстый! – не растает, и что наверно это зима... ляжет снег и простись со старушкой-землей на пять месяцев.

Чувствую, как отваливается внешнею силой камень от пещеры моего советского погребения, и я знаю, что я жив еще и удостоюсь, если выйду из пещеры, присоединиться душой к той мысли, из-за которой была война. Вчерне я уже знаю эту мысль, это, конечно, мысль о единстве управления во всем мире хозяйственной жизнью людей и об освобождении личности человека в признании духовного существа ее столь же реального, как и вопроса о хлебе насущном.

Камень моей пещеры так тяжел, что если бы я даже и встал из гроба, я не мог бы своей силой его отвалить, это могут сделать только други мои или ангел, посланный с неба. Вот я и жду, и жду...

Камень – это сила, которая находит оправдание в самой силе своей тяжести, легкий камень – это не камень, а мелкая дробность земли. Наш камень войны тоже есть камень, и суда человеческого не может нести. Но, падая, этот камень раздавит тех, кто близко стоит к нему. Вот прошлый год в это время камень валился на нас, и если бы мы не уперлись в него, он бы нас задавил, и весь мир говорил бы, что так и надо, так и хорошо...

А теперь камень катится в сторону немцев и если туда упадет – во всем будут виноваты немцы.

Теща почти никогда не молчит. Чтобы отдохнуть нам от нее и дать ей всласть наговориться, мы познакомили ее с матерью докторши, тоже такой же старушкой, с утра до ночи недовольной новыми порядками и мечтающей о возвращении прошлого. Часа четыре подряд старушки говорили о вещах, всем известных и повторяющихся в неизменном порядке, как сменяются дни и ночи, как ходят планеты со своими спутниками, как солнце всходит у нас каждый день, как дождь проходит и падает снег каждый год, и весна приходит и осень, и птицы грачи всегда прилетают, а осенью опять улетают, и так вечно всегда и везде опять и опять суета сует и все суета. А между тем почему же душа с этим не соглашается и кажется, будто она живая заключена в пещеру, и камень, приваленный к ней, и создает эти повторения, эту суету одного и того же, и напряженное ожидание благодетельной силы, которая явится и отвалит ужасающий камень вековечного повторения.

Так старушки разговаривают друг с другом в вечном повторении изжитых слов и образов прошлого, и чудится, что и во всем космосе было так: когда было все молодо, все жило, и каждая часть, каждая звезда имела свое личностное назначение, и Юпитер тогда был бог, а не планета.

Ляля однажды сказала, что мать свою она любит для нее, а меня любит для себя. Вот почему у нее и выработался с матерью этот тон, тон протестующей и рассуждающей обиженности, похожий на писк резиновой куколки со свистящей дырочкой на пупочке – этим писком сопровождается одна любовь – любовь для любимого.

Зато как эта же куколка улыбается, как загораются глаза, как расцветает вся она в игре, в шалости, в стихах, когда в ней загорается любовь для себя. Тогда, кажется, будто это весеннее солнце пришло, и понятным становится вся ликующая весенняя радость земли. И когда вспомнишь какую-нибудь мелочь, какое-нибудь острие первой зеленой травинки, выходящей на поверхность воды, или роскошное семя осины, упавшее в виде

гусеницы на сухую былинку, и все такое прекрасное и великое в мельчайших подробностях, – все это узнаешь и прямо находишь в душе своей, и собираешь, и собираешь, и вот так из всего соберется там где-то вне меня на небе солнце, мать радости всего мира, а в себе внутри та женская душа, которую ждал я всю жизнь. И тут вот только бы какой-нибудь маленький мостик от солнышка к ней, но этого мостика нет... Нет! И в этой беде весь человек.

Но бывает, и это было со мной, вдруг в душе загорелось все, как все загорается жизнью от солнца, и все зацвело в душе как на земле, и люди все на земле живущие стали хороши, и я сказал своей подруге: – Идем! – И она мне ответила: – Идем!

Я взял ее за руку, и мы с ней пошли прямо на солнце, не думая ни о каких мостиках.

Эта сила камня (моей пещеры), конечно, и есть сила смерти, которая клонит прямые стремления небесных светил и заставляет их двигаться по «законам» их орбит. Если бы не эта центробежная сила тяготенья, все бы сорвалось со своих мест и понеслось бы одной звездной дорогой в бесконечность прямого движения: эта любовь нас стремит и смерть склоняет, из этой борьбы образовался закон движенья по орбитам.

15 Ноября. Зашумел бор, видно, погода меняется. Увидим.

Занимаюсь целые дни все время фотографией и думаю, все думаю о том, что камень нашей пещеры скоро отвалится, и мы выйдем на свет.

Вчера у нас был разговор о победителе, которого не судят. Так представилось все, что война идет, конечно, за единство хозяйственного управления миром: Англия давно стремилась к этому, Америка тоже этим теперь занята, Россия и Германия – и говорить нечего! Все стремятся к единству, но разными путями и на путях встречаются врагами. Так что война происходит за пути к единству.

Германия стремится достигнуть цели путем господства немцев над всем миром. Русские против господства наций отдельных, и самое господство уничтожают посредством механизма управления, доступного даже и кухарке (мы научим кухарку

управлять государством). Так вот теперь будет в нашем суде решать все победа... Но придет время, когда будут судить и победителей.

Когда рассвело и ободнялось, ветер нанес снежную вьюгу, и через четверть часа земля стала белая.

– Что это, могила?

– Никогда бы я так не сказала.

– А что?

– Это сон.

Завтра собираюсь тряхнуть стариной: по порошке пройдусь на зайчиков. Но до чего же замерла потребность обманываться охотничьими проказами. Было это, складывалось как-то «из ничего»... а теперь у меня что-то есть дома и все тянет домой.

– Мира теперь так хочется всем, что если кто устроит мир, тому от всех будет и признание, и прощение, и забвение ужасного прошлого, и тогда, пожалуйте, возьмите эту конституцию, которую вы считали издевательской бумажкой над порабощенными гражданами. (Голос гражданина, переменяющего политическую ориентацию с немцев на англичан и с англичан на Сталина.)

– Понимаешь ли, почему следует вступить в партию? Потому что из партии возможно в церковь идти и это путь.

– Если так, я сама бы вступила в партию, но подумай: там есть вера, обратная нашей...

– Я не знаю, в чем эта вера: разве что материализм.

– Это вздор: это слова, об этом нечего говорить, надо о любви думать, если кто любит, то слова к нему сами приходят. Для меня вопрос, может ли в их среде протекать источник любви.

– Нам это казалось невозможным во время нашей с ними войны. Но если мир, то их прежних нет, и нас тоже нет: то прежнее прошло.

В это время нас перебил голос тещи, вспомнившей полученное сегодня письмо Левы о трагической смерти Н. И. Савина (передался немцам, работал в Дорогобуже с немцами, когда красные пришли – его расстреляли).

– Кто это погиб трагически? – спросила теща.

– Ты его не знаешь, – ответила Ляля, – он честно погиб и остался с честными мучениками того времени.

– А что же это было не прошлый год, разве теперь время другое?

– Мы о будущем времени говорим, когда пройдет вражда и будет мир.

– Но что же будет в вашем вступлении в партию, помните, о. Роман и все сергияне шли по этому пути: в партию, а из партии в церковь.

– Так это попы: у них был путь компромисса и они провалились. Мы же не из церкви в партию, а из партии, поскольку в партии содержится любовь к человеку, эту живую борющуюся с Богом любовь и вольем в церковь, как новую кровь. (Конечно, этот разговор был несерьезный, потому что время еще не пришло и не скоро придет. Это будет время суда тех, кого в жизни обыкновенной не судят: время суда победителей.)

Я стал думать наутро об этом разговоре и, когда подходил к решению, так или так - вспомнил Нестерова и жизнь этого русского художника, недавно умершего, мне явилась решением: решение и поступки художника, заключенные в святую ограниченность искусством и божественное смирение художника не позволяли ему выходить из этих пределов. Если же силы искусства своего не хватит и талант изменяет, то для художника других средств выразить нет, и все другое является подменой настоящего ложным.

Раздумье о мире занесло мою мысль к расколу и возникновению образа Царя-Антихриста. Вот откуда вышла секта из сект, наша интеллигенция, восставшая на Бога за правду в человеках.

В Сталине действует вся собранная сила этого прошлого, и потому эта русская война есть большая война в оправдание истории народа и на выход мысли из рамок сектантского заключения. Так что, если думать об этом выходе религиозной мысли из царского плена, то из революции, возглавленной ныне Сталиным, открывается прямой путь к свободной церкви и так, что «правда» интеллигенции, взятая на время для чело-

веческого дела из сокровищ христианской церкви, возвращается в свое первоначальное хранилище.

16 Ноября. Вчера выпала глубокая пороша, и я сегодня утром вышел было на охоту, но за ночь оказалось, собрался дождь...

Вот теперь только понял слова Антоныча о правде[193], что о правде он шепнет мне на ухо, когда будет умирать. Дело в том, что путь правды – это прямой путь, и кто по этому пути уходит от нас, тот назад не возвращается и значит, сказать о ней ничего нам не может.

Жизненный же наш путь – это не Правда, а Кривда.

Все наши привычки, навыки, все заучаемое повторение уроков является из жизненной необходимости кривить путь прямой правды и возвращаться на прежнее место. Все мы такие, живущие люди вместе с животными: если животное гнать, оно убегает по кругу и возвращается на прежнее место. И когда во время глубоких снегов заяц убегает по наезженному прямому пути – этот путь ему навязывается не природой, а человеком.

Антоныч прав, только из святых святой человек, прощаясь с жизнью, посвященной на борьбу с Кривдой, в свой последний миг расставанья может сподобиться увидеть божественную прямую, изображающую нашу Правду. А может быть, и не святые одни, а и все мы, умирая, выходим на прямой путь. И потому мы не возвращаемся, не приходим к своим любимым сказать что-нибудь о себе – мы, что мы умирая, выходим из жизненного круга, а душа все движется по прямой длинным уходящим рядом, уходит по необходимой Божественной прямой, как уходит во время глубоких снегов спугнутое с лежки животное по человеческой прямой, по дороге. Душам нет возвращения, душа идет по прямому пути.

Все то, записанное сейчас о правде, я вывел из наблюдений за Лялей, которая умом своим и сердцем способна мгновенно все схватывать, и не может ничему учиться, повторять что-нибудь, как урок, заставлять себя привыкать. Она не в состоя-

нии даже ежедневно в положенный час Богу молиться и молится лишь, когда ей это надо, ей хочется. И хотя она не смеет коснуться самой церкви, как божественного учреждения, она всегда собрана, как собака на стойке, чтобы и на самую церковь броситься, если она уклонится в Кривду с прямого пути своего назначения.

У Ляли нет ни малейшего стремления к тому «лучшему», которое у всех нас является, когда мы заставляем себя к чему-нибудь привыкать и механизировать свои способности. Так всем нам интересно научиться чему-нибудь: управлять машиной, фотографировать, заниматься нумизматикой. Во всех этих занятиях движущим фактором является у нас «лучшее», т. е. уверенность, что сегодня я сделаю лучше, чем вчера, завтра буду еще лучше делать, и, наконец, у меня будет все лучше всех. И вот тогда... А что тогда?

Я помню, в свои молодые годы еще была вера в «лучшее», связанное с техническими изобретениями, что окончательное научно-техническое изобретение даст нам счастье. Вероятно, этим обманным путем к лучшему движется и наше искусство.

У Ляли вытравлена из души самая охота и вера этому лучшему, и ее может заставить чему-нибудь учиться, к чему-нибудь привыкать только один интерес помощи ближнему, и не всякому ближнему, а тому только, кого она любит. Так вот она начала заниматься фотографией только потому, что это занятие выгодно, и так – будет у меня рыба ловиться – она будет рыбу ловить, убью лося – займется охотой. Больше всего она способна к литературе, но и тут тоже: она способна пить стихи, но сочинять их она не станет. Она может с успехом заниматься литературой лишь в помощь мне, из-за любви ко мне. Но если сейчас эта литература не кормит, она забрасывает ее и делается кухаркой.

Вчера у нас вышла небольшая размолвка из-за Нади, которую мне никак не удается снять хорошо. Ей нужно эту Надю снять, потому что отец у нее заведующий складом овощей и нам нужно извлечь у него лук и брюкву. Просить лук приходится ей самой, и потому если я плохо снимаю Надю, значит, я затрудню этим разговор, значит, я люблю свою фотографию для нее самой, а не для своих любимых людей, значит, я эгоист. –

Ты эгоист, – сказала она. – А ты моралистка в курятнике, – ответил я ей. Посмеялись, тем и кончилось. Самое главное, что она способна все понять и даже свою неспособность и нелюбовь к технике и, поняв, во всем сговориться.

17 Ноября. Тот дождь на снег не повредил началу зимы, а только создал на снегу корку. Сегодня на эту корочку подсыпало мелкой пороши.

Мы ездили в Переславль, по пути заехали в Веслево за горохом и на Ботик. Доставали пленку на фабрике и тут узнали о речи Черчилля и обращении Сергия к Сталину как к «богоизбранному вождю».

Литманович, директор 5-ой фабрики, почему-то из всей исторической речи Черчилля обратил наше внимание на его слова о 2-м фронте, в смысле «ложь во спасение». Надо ли это понимать, как поддержку некоторого задора Сталина в своих ответах на вопросы корреспондентов о его отношении к союзникам? Может быть, и все эти ответы согласованы в смысле лжи во спасение.

18 Ноября. Понемногу, по чуть-чуть подсыпает пороша, но все еще хрустит под ногами корочка. Ефр. Павл. наконец-то прислала примирительное письмо с окончанием: «Верная тебе до гроба». Хорошо, что все-таки одумалась, слава Богу.

Она говорила: – Сталин и его большевики исповедуют безбожие, и еще можно вообразить себе, что Бог избрал на время для человеческих дел безбожников, но если не Бог, и даже не патриарх, а только заместитель патриарха якшается с безбожниками, то не стыдно ли быть членом такой церкви, честнее было бы поступить в партию.

– Против партии я ничего не имею, – ответил я, – напротив, это моя мысль: поступить в партию с тем, чтобы бороться с церковной ложью за истинную церковь. Но если не это, зачем волноваться церковной политикой. Мы вступаем в такое время, когда вопросом делается не чистота и благополучие отдельной церкви, но объединение всех церквей в одну. За эту идею и следует в наше время начинать борьбу. Что же касается нашей

церкви, то на нее следует смотреть, как на больную старушку и преодолевать в себе тяготу ее немочей великодушием и щедростью. Как люди большие, сильные, великодушные и щедрые, и милостивые, мы будем бороться с равными противниками на большом фронте за единство церквей. А наше отношение к нашей больной старушке-матери пусть будут практическим коррективом тех больших начинаний.

19 Ноября. Ляля понимает в искусстве только стихи, значит, музыку. Живопись для нее почти не существует, и, например, в каком оформлении ей читать книгу – на обойной бумаге или веленевой* – ей все равно. Это оттого, что она не воспитана в искусстве, ни люди к ней, ни она сама к себе рук не прилагала. По ней видно, насколько больше дается человеку природных способностей в области музыки, чем в живописи: в той или иной мере музыкальными рождаются почти все, а художники рождаются настолько редко, что это не совсем будет парадокс, если, в общем, сказать: музыкантами люди рождаются, а художниками делаются.

Я работаю в фотографии теперь с таким же энтузиазмом, как...

20 Ноября. Легкий мороз при зимнем ландшафте. И так мы всю осень поднимались к зиме, как по лестнице, устланной зелеными, красными, золотыми коврами. И теперь, когда бывает всегда грязь, мы идем по белому ковру. И вот-вот зима...

Ходил искать следов зайца и вернулся: трудно ходить, двигаться без поддержки мясной пищи. Кажется, в питании мясом животных мы получаем способность к перемещению себя и к раскрытию своей индивидуальности (впрочем, индивидуальность есть лишь форма своего перемещения). Напротив, пита-

---

* Веленевая бумага (велень, *фр. velin* — тонко выделанная кожа) – бумага высокосортная, чисто целлюлозная без древесины (в старину изготавливалась из тряпичной массы), плотная, часто желтоватого цвета; впервые изготовлена в Англии в 1757 г., в России получила распространение с начала XIX в.

ние растительной пищей передает людям способность растений закрепляться на месте и расти вверх, а не передвигать себя. И потому духовные люди должны быть вегетарианцами, а воины и торгово-промышленные люди должны питаться животными.

Идешь лесами, полями, и так пусто все вокруг, так нечем развлечь себя, – все то же самое: березки, кусты, можжевельник. Долго идешь так и думаешь что-нибудь про себя, как будто без всякой связи с миром здешним, с лесами и полями, по которым идешь. Но это время не пропадает: незаметно для внешнего сознания совершаешь большую работу, идешь, трудишься, и мысль тоже трудится. И вот к чему-то приходишь: внимание связывает два мира, и ты из внутреннего мира как по мосту переходишь в мир внешний и, обращая внимание на форму какого-нибудь необыкновенного правильного куста можжевельника, вдруг связываешься со всем миром гармонических форм и узнаешь по-новому землю и небо, и люди, с которыми жил когда-то, являются к тебе с лицами, какие были у них всегда, но ты, рассеянный человек, их не замечал.

Так что, когда в природу идешь, не жди, чтобы там найти что-нибудь себе готовое. Ты найдешь себе там или только то, что тебе дано от природы при твоем рождении – твою способность, твой талант, или то, что ты в жизни сам себе заработал. Тебе только кажется, будто ты находишь небывалое, это входит в состав радости – чувство небывалого. Нет, все, что ты радостно встречаешь в природе, это ты находишь в себе самом – данное сокровище или то, что ты, мучительно трудясь в жизни, сам для себя сохранил.

Вот сущность радостной встречи с природой, и путь в нее – называемый аскетическим.

Среди следов различных зверей на снегу: зайцев, куниц, лисиц, лосей, волков и медведей, был похожий на медвежий след – след человека в теплом сапоге, вот и об этом человеке стану говорить...

21 Ноября. Митраша привел к нам свою девочку Клавдию. Ляля взяла Фета, чтобы почитать ей стихи. А Митраша гово-

рил: – Ты, Клаша, понимай сейчас так, что вот эта жизнь настоящая, и ты к людям пришла.

Митраша рассказал нам, что на днях к нему пришли два слепца переночевать, к нему послали их люди с такими словами: – А кроме Митраши вас никто не пустит. – Митраша принял слепцов и посадил ужинать. Один из них по имени Ксенофонт был крепкий живой человек, до 23 лет был машинистом и потерял глаза при взрыве котла. Теперь ему лет 35. Другой слепец бледный худенький юноша был слепым с детства и света не видел. Он ел немного и все отдавал своему спутнику, и тот все сжирал. Митраше было жалко юношу. Был в доме всего один стакан молока, предназначенный для девочки Клаши. Пожалел Митраша слепого юношу и отдал ему этот стакан. А тот отпил глотка два и отдал машинисту, и тот выпил его. После ужина легли все на печь, и сытый машинист рассказал на сон грядущий о слышанном им от кого-то рассказе Авдеенко, о каких-то двух беспризорниках, которых тоже, как и их, не пустили в деревне ночевать, они же ночью взяли и запалили деревню с двух сторон, и вся деревня сгорела.

– Вот это по-моему, – сказал машинист, – хорошо, так им и надо.

Так слепцы переспали ночь. Утром Митраша покормил их всем, что у него было, и когда слепцы уходили, машинист сказал хозяину:

– Ты меня удивил своим угощением, видно много тебе пришлось тоже побродить, спасибо тебе. А Митраша ответил ему:

– Я все думал ночью о твоем рассказе, как два беспризорника спалили деревню, что живи я в той деревне, ведь и я бы сгорел. Ну, не хочу сказать, что прямо я, а кто-нибудь может быть и много лучше меня.

Слепец задумался и с заминкой сказал:

– А ведь и правда, как же я не подумал об этом.

Провожая гостей, Митраша говорил:

– Ну, идите с Богом, идите. Это ты хорошо сказал, что не подумал, идите, дорога вам дальняя, времени у вас много, все может быть в пути, может быть, опять вас обидят, и вы тоже, подумайте о моих словах.

Ляля до того пропитана христианством, что христианское Слово переносит в быт, и все практически ее промахи состоят в том, что она слишком располагается на слово.

Характерно, что теперь слово потеряло всякую силу: слову теперь нельзя верить. Сила слова теперь перешла в документ, и человек для обеспечения внимания к своим словам носит в кармане пачку документов. Кононов говорит, всегда держась за карман с документами.

Митраша не церковник и не сектант, в чистом существе христианин. Рассказ интересен сейчас особенно: сейчас, когда Сергий пытается объяснить контрреволюционность церковников связью церкви с царем, как Помазанником Божьим. Выходит по Сергию, что отдели церковь от царя и христианин станет революционером. А вот и нет: выходит так, что самая сущность христианства есть утверждение личности, и как таковая, она противостоит всякому движению, в котором личность подменяется особью, концентрирующей массовое действие (стахановец, орденоносец, герой и т. п.).

Сила массового действия (царь) противопоставлена силе личности, духу, Слову.

22 Ноября. Легкий мороз. Зимний пейзаж. С утра ходил фотографировать в Татарский поселок, потом докторшу, потом девок военных за сахар (ВНОС[*]), потом на реке рыбака Кошкина за налима и, наконец, женщину Николкину в Слободке за сметану, ее и дочку. Я спросил ее: – Муж на войне? – На войне. – Пишет? – Пока пишет...

После обеда явился ко мне весь ОРС[**], три женщины во главе с т. Пожарской, с гордыми, высоко задравшими нос лицами только потому, что в их руках власть над продуктами. Они явились потому, что в Ярославле обо мне им наговорил предоблплана Бурлин: дал ордер на резиновые сапоги и 100 литров «черта». Мы сговорились с ОРС'ом, что они привезут мне из Ярославля этого «черта», сапоги и, может быть, керосин. Выяснилось, что

[*] ВНОС – воздушное наблюдение, оповещение и связь.

[**] ОРС – Отдел рабочего снабжения.

они сделают это за то, что я свезу их на своей машине в Загорск, где они могут на рынке спекульнуть (наверно, дешево купить за продукты одежду московских голодающих людей). Это все современные кулаки и даже больше – кулацкая аристократия, а такие как Николкина – современные пролетарии (она говорила, что на ней теперь ездят как на лошади, и сено и дрова возит).

Период переустройства на фотоработу кончается, я уже больше почти не расстраиваю себе на этом нервы и скоро добьюсь и в этом деле такого же благоговейного отношения своего, как было у меня всегда в литературном труде.

Всякое дело требует самоограничения: специализация является из-за необходимости выхода из праздности (праздность в смысле раскрытия всего состава душевных своих сил, того здоровья души, когда тело становится легким и его не чувствуешь).

Так что переход от праздности к «делу» (специальность) есть всегда ограничение, определяемое или самой природой («ограниченный человек») или обществом (рабочий, раб) или собственными усилиями воли, тем послушанием Богу, которое называется смирением. Вот отсюда-то, из добровольности своего ограничения при чувстве великолепной праздности Божией и рождается благоговейное отношение к труду.

Не в здоровом теле душа здорова, нет! Чаще всего в здоровом теле сидит какая-то бычья душа. Вернее сказать, что в здоровой душе здоровое тело. Я это чувствую во время творческого подъема и даже просто благоговейного труда: так бывает здорова душа, что и тело вовсе не чувствуешь.

23 Ноября. Казалось, в шутку пошел снежок и морозцы легкие были, вот-вот растает, а не таяло, да так вот и остается все белым, хотя снегу всего на два вершка.

– Нет, – сказала Ляля, – она добрая старушка.

Я не знал, что возразить, потому что иначе понимаю доброту. Что может быть несноснее добра и порядочности ограниченного человека.

Моя политика – работать и гнать от себя решительно и крепко всех с докладами о всяких дрязгах, возникающих у них на почве страха за жизнь.

Однако, когда сбрасываешь с себя на молитве все эти мелочи, Лялина душа очищается во мне, и я нахожу постоянно свою веру в нее: что Ляля знает, как быть, и рано или поздно она выведет меня из болота.

24 Ноября. Тепло, только не тает. В заутренний час, в темноте, высвечиваемой снегом, по знакомой невидимой тропе между черными стволами сосен тихо ступаю, повторяя в ритм души своей детские молитвы. Глухая, притаенная боль выявляет на свет молитвы мои жизненные ошибки, называемые грехами, и при повторении слов: «Помилуй мя!» они тают, и мне кажется тогда, будто уже рассветает, и смотрю на восток.

– В тебе, – сказала Ляле мать ее, – я вижу продолжение Мити.

– Нет! – передернулась Ляля. Потому у нее вырвалось «нет», что она именно не считает себя продолжением отца. Она считает себя не продолжением, а сущностью отца, скрытой в нем при жизни, нераскрытой и непонятой матерью. Эта сущность не продолжение мещанской жизни, а грозное начало творческого разрушения духом оставляемых тел.

Жалость, друг мой, это молоко Богородицы, питающее духовную жизнь людей. Но бывает, у наших земных женщин скопляется много этого молока, и они как козы, потерявшие детей: готовы бывают отдаться всякому, кто бы их подоил. Это бывает во всей природе, я сам это видел, однажды самка с переполненным выменем вошла в ручей, чтобы освежить горячее бремя своего вымени. Увидав это, с берега приползла к ней змея, обвилась вокруг ноги и ртом своим высасывала молоко. Да, сколько есть у нас женщин, питающих жалостью змей.

К отрывку о самоограничении по поводу того, что Ляля все понимает, но не хочет и не может взяться: «мостиком» тут может быть послушание (у нас) и Pflicht (у немцев).

Во время революции появились интеллигентные старцы (из духовенства), которые пытались строить монастыри в миру. От этого происходило невозможное смешение духовных ценностей с бытовыми. Так вот у Р. жена была духовно подчинена о. Роману и мужа своего постепенно приводила в «духовное состояние» и до того довела, что он, как скопец, принял бабий вид.

25 Ноября. Сильный северо-западный ветер с небольшим морозом. Складывал в заутренний час свои детские молитвы так, чтобы в предутренней тьме боль свою, как греховное состояние, сливать с тьмой и потом постепенно как бы рассветать внутри, переходить к делу (Отче наш) и кончить победой света.

Бедный Митраша! он верно чувствует свет личности во Христе, но минуя церковь, как сектант, сам, своим разумом пытается разрешить все вопросы, которые подвигами своими разрешали последовательно Отцы церкви. Так он сделал мою книгу «Корень жизни» (временно) камнем, на котором он строит свои морально-религиозные домыслы (символы). У него получается с «Корнем жизни» то же самое, что у немоляк с их вечным переводом Библии на свой заумный язык («Адам есть твердый разум» и т. п.). Между прочим, от этого заворота умственных кишок спасает не только церковь, но и действенная причастность к человеческой культуре (грубо: «кончил» или «самоучка»).

В фотографии я получил оружие против Лялиной кухонной страсти. Когда я упрекаю ее в том, что она свое высшее дело – помогать мне в духовной работе, забросила из-за кормежки, она ответила, что кормежка это выражение ее любви ко мне и маме. Теперь, когда она меня упрекает: «Проклятая фотография!», я ей так же отвечаю: она есть выражение любви (мед, яйца, сметана – все от фотографии).

Жалость содержится в любви, как хитрость в уме, но как нельзя хитрость выдать за ум, так нельзя и жалость назвать любовью.

26 Ноября. С вчера и на всю ночь снежная метель. На рассвете в лесу, когда мало-помалу все бесы превратились в кусты можжевельников и в горелые пни, а хвостики их в сучки, поминая милых умерших, я вспомнил Фета и Тютчева, поэтов света и тьмы: Тютчеву мило, когда сучки бывают хвостиками, Фету – когда хвостики исчезают, одному призрачен день, другому призрачна тьма. С любовью помянул я поэтов и всех родных своих, чувствуя в сердце своем, что пока я – все они существуют и живут во мне.

А что это «я»?

И я, через Митрашу и Лялю, почувствовал Гостя в голубом[194], который еще в детстве и постоянно потом навещал меня во всех возрастах и в разных образах... Не смею дальше называть....

Раскрылись створочки жемчужной раковины.

– Милый ты мой!

И закрылись.

Со дна теплого моря поднялась наверх жемчужная раковина. Створочки раскрылись.

– Милый ты мой!

И закрылись. Жемчужная раковина опустилась на дно. Вот и вся моя земная любовь, но я и ныне только слышу это – «милый ты мой!»

И вот сейчас вижу, как будто не спал я, а лежал в раковине на дне теплого моря в состоянии неупрекаемой священной праздности, и мысль моя шла не выводами – не выводил я ее, не тянул, как логики, а просто видел вещи, и они сами от одного моего взгляда становились на свои места: я их не насиловал, они были благодарны мне за свое новое положение.

И вот я из этой жемчужной раковины между створками, сквозь лазурное море, увидел бедную человеческую жизнь на земле как неустанное движение, неуемное стремление к этой праздности. Я видел ясно, что на пути к этому счастью обладания властью безвластной становилось неправедным усилие, утверждаемое логикой, это усилие приводило всех ради порядка к насилию, к власти жестокой, неправедной, расставляющей вещи, не считающейся с сущностью самих вещей...

Сколько по пути к искусству осталось у дороги трупов, идущих к нему только потому, что они не могли понять, что идут к праздности и не могли почтить в себе празднолюбие, как высшее благо.

Вот отчего, значит, моя теща для всех так умна и рассудительна, а для нас, празднолюбцев, очень, очень глупа. И одно слово – немка. Разве эта война не есть демонстрация немецкого Ratio против Логоса? Разве и вся эта германская культура не есть в этом смысле постепенное падение. И вся цивилизация.

Организация – это значит расстановка вещей и рабочих людей с целью сосредоточения силы их всех...

27 Ноября. 30-го едем в Ярославль, числа 5 декабря в Москву, числа 10-го вернемся.

Снег сыпался долго, сутками, сегодня перестал и с утра морозит, и ветер стихает. Но когда рассвело, опять дул ветер, и на весь день поднялась метель.

Вчера утром явился к нам молодой человек, Ляля, увидав его, крикнула: «Бурлин» и чуть не бросилась ему в объятья. А Бурлин – тот самый председатель Ярославского Облплана, к которому она стремилась за керосином. Собственно не человека, а керосин заключила она в объятья.

Условились в понедельник ехать в Ярославль и потом прямо в Москву.

Единство в многообразии создаваемых форм составляет и стиль, и содержание произведений художника. Это устремление к единству я во время своего юношеского крушения и потери веры в прямую линию движения человечества к лучшему (прогресс)[195] понимал, как силу центростремительную, влекущую к земле, к жизни реальной, против центробежной силы «прогресса».

Мне тогда стало представляться, что истинное движение духа кругообразно, согласовано с движением космоса. Теперь я начинаю верить, что и Дух и Космос, совершив необходимый срок своего вращения, обусловленного «падением», выправля-

ются и находят свою священную прямую. И можно, благословляя и любя жизнь, гармонически вращаться вместе с живущими только при уповании выйти когда-нибудь из этого круга на священную прямую.

Вот это движение по священной прямой и порождает стремление к единству форм, в бесконечной конечности которой находится [Сущий], определяющий единство многообразия форм, и то неповторяющееся в человеке, что мы называем личностью.

«Христианскую кончину» вот и надо понимать, как сознание выхода своего на божественную прямую – путь с полным освобождением от необходимости вместе со всем подсолнечным миром каждый день на закате на ночь приходить в положение вниз головой и вверх ногами, а на восходе солнца выправляться и снова ходить по земле вверх головой. Последние судороги умирающего есть последнее унижение человека в его необходимости вращаться вместе с землей и в то же время выход его Духа на божественную прямую дорогу бесконечного приближения к Сущему.

28 Ноября. Зима становится. Вся ступня в снегу и хороший мороз. Если это стала зима, то значит, снег лег в этом году на мерзлую землю.

Вчера приходил «Пан» (старик, который плетет корзины на площадке – описать смех его).

Человек, самый даже маленький, заключает в себе такое великое множество маленьких, мелких и мельчайших подробностей, что если дать волю ему на время и возможность искать их удовлетворения, то никакая золотая рыбка не выдержит и откажется служить.

Вот почему политическая экономия имеет своим героем непременно среднего человека, получаемого путем арифметического вычисления. Во имя этого отвлеченного существа ограничивается жизнь каждого живого человека, и каждый живой человек, вынужденный уважать закон, отнесенный к среднему человеку, всеми возможными тайными путями стремится для

себя обойти закон. Людей, которые уважают закон или «казну», как у нас говорят, настолько, что ради этого поступаются личными интересами, у нас в России называют дураками («дураков работа любит»).

29 Ноября. Такой вчера мороз хватил! И к вечеру опять его сломило, и опять всю ночь мело и занесло к утру все дорожки, и сейчас, на рассвете, все метет...

Смех русского пока слышал два раза в жизни: это как смеется писатель Григорьев и сторож на площадке Федор, в этом смехе:

1) приглашение присоединиться (хор), 2) решение, 3) реальность, 4) разрешение всей путаницы и конец, 5) начало – из холода и жестокости. И много всего. Русский простой народ это...

Мать слилась в своей радости жизни.

Любовь явилась как жалость (Богородица) и понимание (Христос).

Русские мужики те же индейцы.

Завтра едем в Ярославль. 1) Вычистить ружье, 2) зарядить «лейку».

Дела в Ярославле: 1) химикалии, 2) фонарь, 3) тарелки-стаканы, 4) дрожжи, 5) пила, топор, лопаты и пр., ведро, петли, гвозди, 6) лампа, стекло, фитиль, 7) мыло, спички, 8) костюм Ляли и передник, 9) термос, 10) керосин, бензин, автол, 11) резина для машины и велосипеда.

30 Ноября. По свежей пороше (снегу нанесло много!) заяц русак жировал возле нашего дома, ел кочерыжки на огороде лесничего. Погода после метели мягка, как на масленице. Хорошо.

Коробка скоростей отказалась работать. План поездки в Ярославль переменился: туда послали Кононова на его машине, а сами поехали с ним до Переславля. Были опять у Аникина

за дровами и молоком, получили какой-то килограмм мяса, да сколько-то грамм масла, да немного крупы.

Глянул как-то на свою Фацелию, какая она стала зеленая, с какими темными кругами под глазами...

Так весь день в тупом сознании, сквозь которое как свет мерещилось хорошее – это может быть сегодня вечером вернуться в свою берлогу, к своему фотографическому фонарю. Вечером шли три версты по рельсам, проваливаясь на мостиках между шпалами, на фабрику «Красное эхо» в надежде сесть на паровичок. Когда добрались туда, там в ожидании паровичка девки-лесорубки пели сентиментальные песни, сочиненные и распространенные по радио. Девушки до того это «освоили», что сами были похожи на какие-то аппараты, продолжающие радио. Серьезные же люди, как бухгалтер, предколхоза и другие сообщали друг другу весть о том, что пленных за неделю взяли 63 тысячи. Передавалось это так безучастно и безрадостно, что кто-то подал реплику: – Шестьдесят тысяч немцев, откуда же брать им паек? В это время огонек паровичка вдали движется. – Идет, идет! – закричали девки. И одна из них вдумчиво и спокойно: – Идет, но почему же он идет жопой к нам? – Жопой к нам! – подхватил конторщик. И все хохотали тому, что свет, единственный свет в этой тьме кромешной, движется жопой к нам.

1 Декабря. В предрассветный час вышел из дому в засыпанный нетронутым снегом лес. Было почти тихо и морозило. На небе закрытом не было звезд, но облака, наверно, не были густы и быстро двигались. На одно мгновенье сверкнул, как молния, свет луны, высокой и яркой, как бывает всегда в последней четверти. В полной темноте между черными стволами сосен, в пухлом снегу я нащупывал валенком знакомую тропу, по которой ежедневно в предрассветный час хожу, собирая свои мысли в единство.

Сегодня мне удалось так собраться, что я потребовал от себя перед невидимым свидетелем действенного решения и, кажется, даже вслух сказал: «Да, это надо сделать». И в тот же миг все подножие моего лесного храма вспыхнуло ярким серебряным

светом. Этот необычайный свет, конечно, просто объяснялся действием на мгновенье мелькнувшей между тучами луны, но какое мне дело было в это время до физики. Мне важно было только то, что естественные силы пришли в сочетание гармоническое со светом проходящего через меня высокого сознания. В это мгновенье я принял ясное решение и начал действовать...

Я решил в это утро написать книгу в ответ на вопрос то ли сна, рассказанного мне Лялей, то ли рассказа из Четьи Миней. Вопрос этот был человека, попавшего в рай и пожелавшего видеть Божию Матерь. Ангелы будто ответили ему, что Божией Матери сейчас в раю нет, что она пошла на землю помочь оставшимся без матерей бедным детям. Так вот об этом хождении Богородицы и будет написана моя книга, в которой дети несчастные будут детьми Ленинграда, а Богородица сделается просто мамой, и вся книга, может быть, и называться будет коротко и выразительно: Мама.

Итак, решено. С этого 1 Декабря я начинаю ежедневно стягивать материалы для этой книги и выписывать ее на машинке (как делал на Ботике) и делать опыты.

Выписка из жития святого Андрея, Христа ради юродивого:

– Сердце мое стало, как воск, тающий среди моего чрева. В то же время все небесное воинство воспело песнь предивную и неизреченную. И неведомо как под эту песню я очутился ходящим в раю и помыслил увидеть пресвятую Госпожу Богородицу. Тогда я увидел некоего мужа светлого, как облако, несущего крест и говорящего мне: – Пресветлую ли небесных сил Царицу захотел ты видеть? Но нет ее здесь: она ушла в многобедный мир помогать человекам и утешать скорбящих.

Мое решение состоит в том, что отныне я направлю силу своего духа к тому, чтобы как-нибудь при вспышке света, как вспыхнул сейчас в раннее утро серебряный снег...

Вьюга с морозом не дала в Усолье отнести фотокарточки. Упросил директора дать паек прислуге. Военный пункт (сдал

карточки, позвонил к Аникину). Выпросил у Заввариной крынку молока под фото. Аникин обещал дрова и молоко. Вернулись довольные успехом. Читал Эрна о свободе хотения и свободе дела[197] – очень хорошо, вспомнил, как сам доходил по-своему.

На ночь читал «Роза и Крест»[198] (какой-то засахаренный Шекспир). Ночью думал, что любовь на земле, та самая, обыкновенная, и к женщине, именно к женщине – это все, и тут Бог, и всякая другая любовь в своих границах, любовь-жалость и любовь-понимание – отсюда.

3 Декабря. Освоил дневной свет в увеличителе Лейтца и много отпечатал: весь день на фото. Ночью читал Эрна о социализме, не очень нравится его аргументация смертью против радости жизни социализма, это выходит обычная мораль стариков против детей (а Васька слушает да ест)[199].

4 Декабря. Небо закрыто, хотя бы одна звездочка! – нет зари и нельзя мне в предрассветный час, как бывает, обернуться малой пташкой и оттуда сверху из дырочки, где видна хоть одна звездочка, поглядеть на сюда. В тьме ночной твержу слова, собирающие и боль мою и грехи в то место – есть такое место в душе, где одни и те же слова, как топор, падают на эти грехи и отсекают их...

Сверху нет света, напротив, снежинки падают и от них все стынет вокруг. Но там внутри, где слова, как топор непрерывно отсекают все приходящее в меня внешнее, постепенно очищается моя собственная независимая душа, становится там все свободней. Тогда я обертываюсь из глубины темного бора к опушке, вижу рассвет и приступаю к деловым молитвам о хлебе насущном, о прощении грехов, о здоровье близких людей и о покое умерших...

После того, медленно возвращаясь домой, я стараюсь намеки ночных мыслей утвердить в дневной ясности. Сегодня мысль моя была о страхе смерти, что страх этот, оказывается, проходит, если только оказывается, что умирать приходится с другом своим вместе. Отсюда я заключаю, что смерть есть имя непреодолеваемому духовно (любовью) одиночеству.

И что с одиночеством человек не родится, а постепенно, старея в борьбе, наживает его, как болезнь, и в сущности своей это есть болезнь, в том смысле, что и самое сознание человека есть тоже болезнь. Так чувство одиночества и сопровождающий его страх смерти есть тоже болезнь (эгоизм), излечимая только любовью. Значит, старение человека есть как бы образование костяка его личности, которая воспринимается другими людьми, как эгоизм. Но старея, значит, делаясь эгоистом, человек против этого эгоизма под страхом смерти вырабатывал в себе противоположную смерти силу, которая создает на костяке личности тело ее...

(Кононов уехал в Ярославль в понедельник, мы его ждем с коробкой скоростей. Когда приедет – поедем в Москву. Надеемся на бензин и керосин).

5 Декабря. К вечеру вернулся из Ярославля Кононов. Привез 50 л керосина. И определилось, что в начале следующей недели Ляля едет в Москву одна, а я на Ботик.

– Война людям прот*и*внеет до последней степени. И это растущее отвращение ляжет на голову побежденного, потому что кто будет побежден, тот и ответит за войну (местный мудрец).

6 Декабря. Так и остановилась погода, легкий мороз, ветер довольно холодный, лежит тот же снег глубокий в ¼ аршина.

Заснеженная дорожка на пункт ВНОСа вся покрыта желтыми вензелями, и мы, затеяв фотографирование жизнерадостного капитана, подумали: на ВНОСе живут военные девушки, мальчики никакие к ним не могут ходить, какой же это забавник испещрил снег желтыми вензелями. На ВНОСе мы познакомились с капитаном – это жизнерадостный молодой человек с живыми плотоядными глазами. Он в восторге и от наших побед, и от американского сала. – А сахар свой я вовсе не ем: сахар я раздаю, сгущенное молоко раздаю. – Но ведь это вас только так кормят, а бойцы, наверно, постятся? – А так и надо, боец и боец, а командир стоит дорого! – И так все у него гладко и весело. И когда мы возвращались обратно и опять увидели желтые вензеля, то подумали, что, конечно, их делал жизнерадостный капитан.

Вечером пришел Павел Иванович, и вот тот капитан – это Сирин, а этот – Алконост[200]. Даже явная наша победа под Сталинградом объясняется у него не тем, что Америка моторы дала и продовольствие, а что немцев мало (это будто бы кто-то видел с самолета: кучка немцев гонит русскую армию). И это тип тех, кто ориентируется на немцев, как на освободителей от большевиков. Все это люди достойные и на фоне всеобщего жульничества – герои честности, но им надо бы умереть еще в прошлом году, когда немцы не взяли Москву. Теперь же они будут жить как отравленные...

Сколько умерших! Помяни, Господи, души их во Царствии Твоем! Одна за одной души умерших выходят на прямой свой и единственный путь из кругового лабиринта нашей жизни. Выходят на священную прямую и уже не могут вернуться назад: каждое жизненное мгновенье освобождает из круга порочного новую душу, и весь путь назад заслонен. Так они уходят от нас и так они входят туда... Помяни, Господи, души усопших во Царствии Твоем.

Так молюсь я в предрассветный час и знаю и чувствую, что с каждым ударом сердца моего непременно выходит на священную прямую чья-то душа и удаляется, и новый удар сердца – и новое мгновенье, и так складывается у нас время, а у них путь в Царствие Небесное.

7 Декабря. Теплеет. К вечеру теплый метелистый снег. Свет к нам идет действительно до того «жопой» (см. выше паровоз жопой), что упрямому честному гражданину старого закала, как Пав. Ив. Логинов, коммунизм, как он осуществляется, представляется и должен представляться системой гражданского разврата. В каждом из таких людей (Пав. Ив., Разумник и др.) гвоздем сидит нравственная решенность, и никакая наша победа их не обрадует. Еще хуже, чем Павлу Ивановичу теперь приходится бедному Разумнику, если только он жив: тому немцы еще хуже большевиков, а сам у немцев в плену...

Разве я-то не вижу этих необходимо заключенных душ? Но я чувствую, что все-таки в душе моей – и теперь в 70 лет! –

кружится возле пламени все тот же мой мотылек. Со стороны посмотреть – какое легкомыслие бросать свои пленчатые крылышки на пламя свечи! Но бывает, мотылек махнет крылышком и задует свечу и сам сядет на теплое место и переждет холодные часы рассвета и опять полетит на цветы.

Я – такой мотылек. Мне удивляются, но примером я никому служить не могу.

8 Декабря. Метель.

Из себя самого, каким я родился, рос, блуждал по свету, теряя путь, и опять находил и, как ныне нашел друга, чтобы с ним вместе выйти из круговорота нашей жизни на священную прямую дорогу – из такого всего себя я Тебя поднимаю, Господи, и чувствую: это Ты! и молюсь Тебе: дай мне выйти на путь Твой вместе с другом моим неразлучно в единый миг безболезненно, непостыдно, свято, мирно и безгрешно.

Решено, что Ляля едет в Москву одна с Кононовым, а я еду с ними до Ботика. Цель моей поездки на Ботик – это найти материал, я мог бы всем понятно дать почувствовать то, о чем сейчас стыдливо про себя и бессмысленно лепечет каждый язык. А вторая цель – устроиться жить как-нибудь иначе, чтобы Ляля работала не у печки, а могла раскрывать свои способности.

У всякого человека поперек жизненного пути есть запретная черта, возле которой, как у забора, он должен до конца жить как существо, ограниченное этим забором. И в то же время перед каждым в жизни бывает возможность рискнуть всей жизнью и перескочить через этот забор.

В этом прыжке через пересекающую твой путь прямую, зарождается и заключается смысл креста, который привешивают младенцу на шею при его крещении. И если вы видите теперь вокруг себя людей, неспособных меняться, как бы застывших в мыслях и формах прошлого времени, то помните, что это люди, не посмевшие в свое время силою духа своего сотворить себе крест и ныне бредущие вдоль забора, как животные в своем погибельном загоне с волчьими ямами.

Пав. Ив., зная, конечно, что мы молимся, сочувствовал нам, потому что в церковности нашей видел сопротивление ненавистному для него большевизму. Может быть, на пути роста своей политической неприязни у него росло и сочувствие к церковникам, ограждающих себя от врагов крестным знамением. Чуть-чуть может быть он и сам начал верить или обманывать себя верою. Но теперь сами церковники вошли в согласие с большевиками. А немцы, которые своей диктатурой должны были восстановить порядок и раздавить врага? Ни церковь, ни немцы...

Восторгаясь любимым поэтическим произведением, Митраша это свое собственное поэтическое волнение спешит всегда перевести на язык своего христианского сознания и так растолковать его. Так он теперь целый год уже переводит на свой язык мой «Корень жизни». По тем же мотивам и немоляки[201] переводят на свой язык книги Св. Писания, равно как и критика переводит поэтов на свой заумный язык. Какие же это мотивы приводят людей к такой порче форм красоты?

Между прочим, и весь наш марксизм, вся наша философская заумь очень похожа на такое же превращение универсальных культурных форм в свои символы, заключения беспричинного и беззаконного качества в логически обязательные выводы.

Одним словом, Митрашин грех имеет очень широкое значение, быть может, даже как источник духовный всякой революции[202].

9 Декабря. Сборы на Ботик. 1) Чай, сахар, чайник, кружка, 2) лепешки и проч. подспорье, 3) белье: полотенце, мыло, щетка зубн., 4) спички, табачок, 5) бумаги, чернила, перо, карандаш, «Зверь Бурундук», детские книжки, 6) Лейка с 3 к., 7) документы: паспорт, орд. книжка, командировочное.

Так прошел целый день в сборах: Ляля в Москву, я на Ботик, с целью 1) начать новый период литературной деятельности, 2) освободить себя и Лялю от диктатуры больного человека (вернее, себя расширить до забвения мелочей).

На этом Ботике я написал книгу «Родники Берендея»[203], нашел себе форму короткого рассказа, охотничьего и детского.

Эта книга и эти рассказы утвердили меня в литературе как советского писателя: тут я сделал себе второй раз литературную карьеру (в пределах моих способностей). И теперь после новой исторической катастрофы я пришел сюда с твердой решимостью в третий раз в жизни начать что-то новое.

10 декабря. Празднично сверкающий день. Я – на Ботике.

11 декабря. Буря, метель. Я вернулся в Усолье пешком.

12 декабря. Почти оттепель. Пасмурно. Ветер. Пишу пережитое на Ботике в четверг.

Нет! Я не только не хочу думать, но за грех считаю думать по-своему над чем другой человек думал и, страдая, трудился и оставил в наследство для общего пользования им сотворенное. Я просто, не думая, с одной благодарностью в сердце беру сделанное моим предшественником.

Так я видел на Севере в тайге, в глухих курных избушках люди ночуют и, уходя, заготовляют дрова, оставляют спички, а то и какое-нибудь продовольствие для неизвестного, идущего вслед за ними человека.

Так и Христос, Сын Человеческий оставил нам после себя в наследство простое, но прекрасно-мудрое Слово, которое вовсе не следует передумывать по-своему. Но есть довольно людей на свете, которые именно и заняты тем, чтобы слова эти – чрезвычайно простые в своей законченности – перевести на свой заумный язык и свое выдавать за лучшее и собирать во имя своего собственного толкования своих приверженцев. Так образуются секты, в основе которых всегда находится личность, претендующая на духовную власть над людьми. Таков был Щетинин Алексей Григорьевич, такой Павел Мих. Легкобытов, Феофан Яковлевич Черемхин и наш Митраша. Вот потому-то все они прекрасные слова Св. Писания, равно как и поэтический современный язык, переводят на свой косноязычный язык.

Время летит, а ты, писатель, идешь с можжевеловой палочкой и сочиняешь, стараясь потрафить и быть современным. Ну, конечно, плохо выходит и сказка не сказывается. Одно, по-моему, остается писателю – бросить сказку и писать по правде, начиная с себя самого. Так я и делаю и начинаю с «Пришви-

на», каким я складывался на людях до Германской войны и каким я подхожу теперь, в 70 лет, к своему юбилею. Подумать только, что выпало на долю, какой кусочек истории, начиная от первого гражданского сознания в восемь лет при убийстве царя Александра 2-го[204] и до второй мировой войны. Такого пишущего старика надо под стекло и показывать и удивлять, а вы просите сказок! Да ведь я же сам в сказку давно превратился и мне уже не сочинять нужно, а только рассказывать и показываться в рассказах своих как на выставке за стеклом.

Ну вот и все, отлегло от души: теперь всем умным понятно будет, почему во время великих событий Пришвин пишет о себе, а глупенькие пусть потерпят, они тоже скоро поймут.

13 Декабря. Пасмурно с утра. Тает. И вот что вспомнилось: Андрианова вздыхает о Ленинграде, что уже не вернуться туда: все вымрут, все будет не то. И Переславль – эти места нам чуждые, и деревня, – остается то, что мы сделали: Ботик. – Но ведь это же и есть настоящее, – сказал я, – живите так, будто Ботик вам навсегда. – Она посочувствовала моим словам, как детям в их мечтах сочувствуют иногда старшие. Напротив, когда зашла речь о том же с Соколовой, та прямо сказала: – Как только война кончится, так и я вырвусь отсюда. И еще: у Андриановой 1) $^1/_2$ дома, у Соколовой $^1/_2$. У Андриановой в доме жара, эта спит и работает при –2. А потом педагогическая книга Андриановой о том, как сделать жизнь «еще более счастливой»; книга такой прагматизм, как будто речь идет о кухне, а не о школе.

14 Декабря. Оттепель. Льет с крыш. Ляли нет с четверга (в Москве). Начинаю писать о Ботике (Утренний человек) и в то же время хочу возить навоз на песок и уже теперь зимой готовить к посадке картошки.

– И когда после Лялиных слов Рыбников не знал, что ей ответить, и ей казалось, что он приперт со своим сергиянством к стене, то вдруг он сказал: – Вы рассуждаете и философствуете, а тут политика...

И политикой этой он, как пробкой, закупорил сердечную мысль.

И так везде и во всем. Что ж это такое, политика? Отвечают: – Это война. – А что такое война? – Трудно сказать, что, но мне мелькнуло сейчас чтение мыслей в будущем: вот идет человек, мне хочется знать, что он думает, я вынимаю аппарат и фотографирую его душу, и, узнав недоброе намерение прохожего, беру его и увожу в тюрьму. Так вот против этого чтения, как против самолетов, зениток, личность и создает себе оборону и тут же и вскрывается сущность войны. И я думаю, в существе своем и сейчас происходит то же самое, и чем я живу сейчас в существе и чему радуюсь, это...

15 Декабря. Оттепель продолжается, снег хорошо садится. Теща в страхе о том, что Ляля уехала в Москву в валенках. – Ничего, найдет калоши. – Где она найдет? – У Оболенских. – У них не такая нога как у Ляли. – А вы их видели? – Не видала, но все равно, калош не найдет Ляля в Москве. – Ну, ничего, походит в валенках или босая. – И в этой тревоге о пустяках все остатки любви материнской, эгоистической не меньше, чем чувство собственности.

Теща уверена, что Лялю она знает и понимает до конца. Так и Ефр. Павл. была уверена, что знает меня до ниточки. И вдруг непонятное, и началось, и началось...

Так же теща знала и мужа своего до ниточки, но муж явился к ней после смерти через дочь, и чего-чего только, каких чудес не показывал ей, но она и чудеса отвергла и осталась при своем: и мужа и дочь она знает до ниточки. Это домашнее ограничение человека человеком выражено словами: из Назарета не может выйти пророка[205], и тем, что враги человека – домашние его.

Множество нервных болезней является из страха к жизни. И я думаю, что не от нервов страх начинается, а от страха жизни расстраиваются нервы и после сами уже производят всякого рода «фобии». Возможно, что таким образом, именно от страха явилось желание застраховать себя посредством накопления материальных благ. Из этого страха жизни вышел всем страхам страх – страх смерти и средство преодоления ее – не материальное благо, а духовная сила, собственной своей деятельностью преодолевающая смерть.

Вся культура мещанства произошла из этого страха жизни, и воровство, только его энергичная форма, и Прудон, конечно, прав, определяя собственность как воровство[206].

Мне снилось ночью, будто за границей на дачах возле Дрездена я встретил на прогулке крупнейшего русского издателя Булыгина и спросил не то Яковлева, не то Зайцева Бориса, как бы мне к нему подойти со своими книгами. На это Яковлев посоветовал: – Идите прямо к нему на дом и, когда будут спрашивать, кто и зачем, покажите паспорт – и вот тогда, если и тогда вас не пропустят, то...

Из этого сна явился при пробуждении самовольный поток мыслей о русских издателях и о еврейских и как еврейские вытесняли русских и национальное слово обращали на служение революции. И что немцы в этом не дались и пошли, как немцы, против всего мира. – Но каким же образом евреи, владеющие силой капитала, в России стали коммунистами. – Нет, это Ленин был коммунистом, а евреи при нем действовали, как капиталисты. – Но как же это соединить капитализм и коммунизм? – Это соединяется тем, что сам капитал в существе своем коммунистичен: именно ведь капитал имеет своим объектом «всех», а не личность: всеобщее благо (все на автомобиль) и есть истинная цель капитала. Вот эта высшая цель провести всех под одно благо, зарождаясь в какой-либо нации, и доводит самозначимость этой нации (национализм) до завоевания всего мира. Каждая нация, охваченная идеей всеобщего блага, раздувается и летит, как пузырь. Евреи тем и сильны, тем и побеждают весь мир, что пережили полное разделение крови и духа, их идея всеобщего блага уже не допускает обманчивого кипения крови собственной нации. Они себя не вовлекают в иллюзию национальной мощи, приводящей к войне. Своим компромиссным воздействием они обессиливают все нации. Евреи – это рационализаторы мира и нивелираторы всех национальных качеств.

Суворин, Сытин – какие это звезды, какие организаторы русской национальной культуры! Они были счастливы тем, что русское национальное слово, которое они собирали, было еще свободно от политического национализма, которому они бы

впоследствии стали служить, как это вышло у немцев. У русских евреи, организатор всеобщего блага, раньше подстерег этого зверя, а у немцев упустил и за это поплатился.

Так нет никакого сомнения в том, что самая современная и победительная мировая идея – это свойственная капитализму идея всеобщего блага, включающая и коммунизм, и что евреи являются универсальными носителями этой идеи, ограничивающей претензии каждой нации самостоятельно разрешить эту проблему. Не будет этого, еврей победит!

Итак, коммунизм вовсе не является противником капитализма, напротив, коммунизм будет высшей формой исторического развития капитализма в его движении и организации всеобщего материального блага.

После этого я возвращаюсь к анализу решительной своей неприязни к евреям, к рационализму, к нивелировке всех в движении ко всеобщему благу.

При этом анализе я начинаю с отказа от некоторых своих спутников. Первое – это все русские, кто стоит против «жида», как собака против сороки, выхватывающей у ней кость изо рта: сорока только ловчее и хитрее собаки. В том числе, конечно, и немцы: немцы собаки, евреи сороки, вот и все. За исключением всех этих собак, остается сорочье царство всеобщего благополучия, и вот тут где-то, в какой-то точке, при какой-то встрече моего душевного острия с тем острием является плюс против минуса, и я верю и знаю, что плюс у меня, а там минус, и у меня тот плюс есть Христос, а тот минус есть Антихрист. Сейчас в житейской практике это встречается для меня в людях разной деятельности: творческой (личной) и рационализаторской (для всеобщего блага). Рационализатор, борющийся за благо класса, попадает в борьбу с личностью; личность, борющаяся за смысл человека, попадает в борьбу против разумного жизненного устройства людей.

А может быть царство Антихриста тысячелетнее потому и допустит Бог до своего осуществления, чтобы личность не мешала осуществлению материального блага для всех, и это всеобщее благополучие стало бы тысячелетней пустыней и школой: что когда будем «все», тут-то и...

Так пусть же они <u>делают</u>, если это Бог <u>допускает</u>, я буду пользоваться их деланием и в моей пустыне буду делать свое. Но я никому не буду заявлять и возводить в правило то мое личное решение, мой невидимый град, из которого на люди я выхожу переодетым.

Там, в невидимом граде мы все вместе. Может быть, надо благодарить того, кто добровольно поступил в сторожа входов и выходов из видимой церкви в невидимый град. – Время такое, что самое понятие видимой церкви должно измениться.

16 Декабря. Вчера утром с крыш капало, а к вечеру пришел хороший мороз с луной и всеми своими звездами.

Коммунизм, если бы только не явился он от Ratio, был бы победой человека над страхом смерти, потому что страх смерти есть страх одиночества, а в коммунизме человек отдает душу за друга своего.

Один еврей на слова мои, что если бы я был евреем, я ушел бы с сионистами в Палестину, ответил: – Я тоже хотел бы в Палестину, но палестинские пальмы мне закрыты полтавскими черешнями.

Целый день работал над фотографированием баб за молоко и сметану. Есть надежда, что если заплатим в колхозе долг за прошлое молоко около 2000 р., то снова будут носить молоко из колхоза.

Мне кажется, что у евреев в душе есть смутное тревожное чувство недостатка чего-то основного, что есть у всех: вероятней всего, это есть непосредственное чувство радости жизни от соприкосновения с родиной, с природой, своей землей. Этот недостаток они восполняют дачами, садиками, иные даже охотятся, но все это у них выходит не просто, как у натуральных людей само собой, а они это ищут, смакуют, отчего и получается у них не природа, а дача.

Человек рождается с бескорыстным и благоговейным чувством к природе, и еврей тоже знает это и хочет того же, но он это <u>делает</u> для себя, а тем <u>дается</u> от Бога. Вот естественное

отвращение живого человека к деланному, и только это и есть в антисемитизме живое. Потому не удается антисемитизм, что он есть частное явление и может быть второстепенное следствие упадка благоговейно религиозного чувства жизни и ее материализации. Этим путем должен идти весь человек до конца своего и конец этот будет встречей его с Христом.

Каждый раз, когда иду по узкоколейке в Переславль и обратно, встречаю на пути стрелочника, и у нас с ним после обмена приветствий всегда один и тот же разговор: – Вы опять пешком? – Как всегда. – Ну, конечно, мы народ старый, закаленный. – И затем следует рассказ о том, как бывало, к Троице ходили, 60 верст в один день и вечером становились на всенощную. В этот раз стрелочник изменил тему: – Ну, – говорит, – прощайте, иду на войну. – Как на войну, сколько вам лет? – Пятьдесят три, иду. А вас еще не трогали? – Пока еще нет, жду. – А сколько вам лет? – На днях будет 70. – Вам семьдесят! – Семьдесят, жду. – Ну, семьдесят, так не дождетесь. – Кто знает, а как думаешь, если бы поменяться нам, взял бы ты мои 70 на свои 53? – С удовольствием бы, – засмеялся он. – А я ему рассказал о Фаусте, как он захотел быть молодым и продал душу черту. – Давай, – говорю, – черта вызовем, чтобы Фауста сделать в обратном порядке. – А с удовольствием.

Скупой рыцарь: 8 пшеничной, 1 цитрус, 1 из спирта, итого 10 пол-литров плюс 1 самогон, 3 коньяка, 2 кагора, 1 портвейн, итого 17 пол-литров = 8 $^{1}/_{2}$ куб. м – это дрова на зиму.

Вообще, до лета доживу без горя. А чтобы дальше жить, надо теперь же 1) покупать и возить навоз на огород, 2) писать в журналы, изучать Ботик, 3) развивать фотодело (запасаться пленкой и химией).

Два потока в душе: 1) мысль, нисходящая к сердцу, 2) мысль, идущая от сердца вверх к голове – тоже мысль, только обогащенная любовью, как обогащенная кровь кислородом, проходящая через легкие.

17 Декабря. 4-е Декабря – Варвара, ночь урвала, а в субботу Никола день прибавит на воробьиный шаг.

Со вчерашнего дня начались морозы, и так все впереди, вся зима: Никольские, Рождественские, Крещенские и Сретенские – ровно три месяца – и весна!

Общий смысл Евангелия до того всем годится, что и споров никаких быть не может. Но если этот смысл из головы опускается к сердцу (через церковь), то он приобретает особенный тон, так что смысл прежний уже не приложим одинаково ко всему.

У обыкновенных женщин, когда они отдаются, выходит, будто они бросаются в омут без памяти, а после того уже нечто выходит из этого действия: обыкновенно и «естественно» выходит ребенок и любовь с мужа переходит на него, причем муж или совсем отходит, как удовлетворенный и «разочарованный», или остается несколько смущенный и растерянный участником материнской любви к ребенку.

Разница с этой схемой у Ляли в том, что она, даже падая в омут, сохраняет в себе нечто туда неотдаваемое, бросается как бы с открытыми глазами и видит ясно все, что вокруг в омуте этом плавает. Благодаря этому, она не с ребенком как женщина выходит из омута страсти, а та же сама лично, какою она бросалась, но обогащенная опытом. И вот это «сама лично» у нее всегда оставалось при ней, и не смешивалось с кровью, и не уходило в род умненьким ребеночком, похожим, если так поглядеть, на отца, а если эдак – на мать. Вот это-то «сама лично» и является родником той любви, о которой она знает, как я знаю, что я писатель. Вот отчего против других женщин она знает, что если она это отдает другому кому-либо, то она этим и его возьмет настолько же, насколько себя отдает, и от этого от себя не только ничего не потеряет, как обыкновенные женщины теряют и делаются рабынями этого утраченного, а, напротив, утверждается в себе.

А еще я думал этой ночью о том, что я, прожив столько лет, склоняя со всеми людьми слово «любовь», до Ляли не имел о любви понятия и говорил о любви, как женщина не рожавшая говорит о родах. И так все...

День морозный просверкал, взошла несветящая луна, внизу собралась золотая заря, и лес темный на заре стоял, как будто дети на золотую бумажку часто наклеили черные полоски. Мало-помалу луна овладела пространством.

При мысли о Ляле, что если бы с ней что случилось и ее бы не стало на свете, лунная дорога моя стала подниматься и теряться в лунном свете и просьба моя на молитве о том, чтобы нам вместе умереть, стала наивной: ведь можно же, казалось мне, умереть, не умирая, и жить, и делать в жизни, не показывая своего отсутствия.

Так я вошел в лес на тропинку между черными стволами на белом с лунными пятнами.

Самое удивительное из наших отношений выходило, что реальность любви, поэзия жизни и все такое, что считается недействительным, а только присуще людям как возрастное переживание, на самом деле существует как гораздо большая реальность, чем обычная общая достоверность.

Эта уверенность в существовании того, для выражения чего невозможно стало обходиться изношенным условным понятием, которое превращает в пустоту произносимые всеми слова о правде, Боге и особенно то, что дается нам в «мистике» – без слов, без мистики, а в действительности есть нечто на земле драгоценное, из-за чего стоит жить, работать, быть веселым и радостным.

На восходе солнца меня окружили мои снежные лесные фигуры, и я узнал их и вспомнил, как прошлый год я им радовался под гром выстрелов близких сражений. Откуда бралась эта радость?

А вот еще теперь приходит уверенность, что таскать навоз на свой огород есть самое скромное и самое современное нужное и большое дело (это похоже, как во время голода 18–19 гг. кусочек черного хлеба разлагался на солнечный свет).

И вдруг ночью, уже засыпая, догадался о том, как умереть вместе и что это значит: это значит, что если кто из нас умрет,

то другой постарается и тоже для мира умрет. Я представил себе такую будущую свою жизнь: снимать для пропитания с дикарей наших карточки, писать для детей замечательные рассказы, независимые от гонораров, жить в пустыне достойно, мыслить, двигаться духовно вперед с крестом о. Онисима – разве я не шел к этому всю жизнь свою?

18 Декабря. Опять блистательное морозное тихое утро.

Из Москвы Ляля вернулась сегодня с хорошими вестями: 1) Квартира наша ремонтируется. 2) Части для машины достали мне из Совнаркома, отпустят лимит на 150 литров бензину. 3) Запасены химикалии для фото. И самое главное, из чего все хорошее получается, это что по общим настроениям войне приходит конец: одни говорят, что все кончится к масленице, другие – к осени, но чувствуется по всему начало конца.

И у нас начались разговоры о постепенном перевозе вещей обратно в Москву.

Руська,

или

Как заяц съел немецкие сапоги.

Рассказ для детей-дошкольников.

Немцы чуть-чуть не дошли до Мериново. Одна бомба даже в пруд попала, и многие избы насквозь прострелены пулями. Теперь ничего, люди живут и дырочки от пуль везде заделаны.

Недавно заехали мы сюда к председателю колхоза Ивану Андреевичу попить чаю и вместе поохотиться на зайцев: мы с ним старые охотники.

19 Декабря. Никола зимний. Тепло, только не каплет, ночь с невидимой луной без движения. Утром встаю, то ли проспал и наступил день, это так солнце светит, или же это все ночь так продолжается и невидимкой светит луна.

20 Декабря. Продолжается та же теплая погода тихая, изредка упадет на нас не то снежинка мокрая, не то капля воды.

21 Декабря. Что для меня кажется труднее всего, это – не испугаться своего отвращения к человеку, совершающему на твоих глазах подлость. В таких случаях испуганный ухожу в себя от такого человека, и, не показывая виду, прекращаю с ним отношения, в особенных же случаях так это делаю, что как бы убиваю, и он больше для меня не существует. А чтобы резкую правду сказать и назвать вещи своими именами, для этого мне надо выйти из себя. Но это бывает редко, и хорошего из этого ничего не получается. Для такого выражения правды необходимо полное спокойствие (я знаю, это у Сейфуллиной есть, наверное, этим был силен Ленин, и теперь Сталин).

Ляля не обладает силой выражения такой правды. Но вместо этой простой силы у нее приходит на помощь своеобразное применение христианской заповеди о любви к врагу. Вместо моего и вообще распространенного способа, поняв подлеца, прекращать с ним отношения, она пытается поставить его перед нравственной идеей. Нельзя сказать, чтобы всегда ее попытки кончались в смысле... «а Васька слушает да ест», но только потому, что ее душа прошла тяжелый опыт жизни. Бывает, она сумеет защемить врага в тиски, и зажатый Васька слушает и уже больше не ест. Конечно, он неисправим, и то хорошо, что послушает и побывает в тисках (схваченный «за жабры»). Так Ляля, добрый и жалостливый человек, получив от подлеца стрелу, тут как бы обращается к Богу: «помоги не простить!» и, любя человека в этом враге, тратит все силы, чтоб его вразумить.

Да, это «не простить» несомненно есть форма выражения любви, тогда как наоборот, щедрость, любезность и самая доброта очень часто (как это у меня) являются масками равнодушия и даже презрения к человеку.

Сущность Ляли – вечная самоперемена в движении к правде, тогда как игуменья – человек дела и роет прямой путь к правде.

22 Декабря. И опять ни тепло, ни холодно, и невидимкой луна освещает ночь так, будто все спит в мире, во всем без перемен, и утро встает, не знаешь, откуда свет в невидимое, от солнца или же это все ночь продолжается.

Мих. Ив. Новожилов пришел сказать, что по радио передавали о новой нашей победе на Дону[207]: прорван фронт на 70 км, продвинулись за Дон на 90 и взяли в плен 10 тысяч. А в Москве болтают уже, что немцев, конечно, мы выгоним, но что нас в Германию не пустят.

Теперь уже становится всем видно и без помощи Шпенглера, что Германия это последнее национальное государство, что после ее гибели Америка будет господствовать над всем миром, и весь мир под владычеством Америки пойдет по пути благополучия. В этом движении, конечно, всякого рода национальная расцветка человека сделается блюдом, украшающим стан всеобщего благополучия: разного рода религиозные секты и общины станут модными.

Всеобщая популярность немцев в деревенской России в прошлом году происходила от скрытого национализма. С этой точки зрения немецкое рабство, конечно, менее страшно для роста нации (внешне скрытого), чем влияние Америки...

Ели винегрет с тухлой кетой, привезенной из Москвы. Ляля говорила: «Прекрасное блюдо!» Я морщил нос и потихоньку ругался. Ей очень нравилось, что мне противно кушанье, потому что это говорило о моем благополучии. «Прекрасно», – взывала она.

Продолжаю усиленно снимать баб за яйца, сметану, молоко, иногда мед. Часами иногда сидишь над какой-нибудь технической придумкой, вроде увеличителя, фонаря и т. п. И вот странно: ведь заработок отличный, и дело неплохое выходит: посылать на фронт карточки детей их отцам. Но...

23 Декабря. В беде люди становятся такими легковерными и особенно мы, русские. Вот хотя бы эта зима: только началась, и так хорошо началась, так тепло! – и уже все надеются и все говорят, что зима будет сиротская. Так и с войной: чуть пошатнулось у немцев, и мы уже кончаем войну.

– Ах, что вы говорите, есть в душевном состоянии такая ступень, когда держаться уже не за что и становится все равно: че-

рез это состояние мы перешли и при таком равнодушии всех к жизни бывает конец войне. И теперь действительно это конец.

Выпиливаю лобзиком фонарь. Я имел неосторожность сказать Ляле, что при выпиливании лобзиком надо время от времени давать пилке отдых, а то она перегреется и рвется. Теперь она, видя меня за пилкой, твердит как дятел: – Подожди, дай остыть.

Ходили в Купань. Кононов уехал с бочкой в Ярославль за бензином.

24 Декабря. Все понемногу подпорошило, и окружающие наш домик сосны украшаются к Рождеству. Тишина и тепло, только не тает. Утром на первом рассвете сегодня чувствовал в бору, что каждое дерево поднимается вверх как свеча в храме и каждое дерево отдельная жизнь. Я был счастлив этим охватившим меня чувством, и я понимал это счастье как удовлетворение творчеством и продолжал его: не только деревья, но и вся природа тоже ведь так: там все – и у меня в душе все плюс, мысль, т. е. способность это все организовать в отношении к Богу.

Общее дело необходимо. Каждый из нас должен делать по-своему, как только «по-своему» уничтожается, так и сам человек умирает, превращаясь в составную часть механизма. Тут в этой войне каждого за себя даже и любовь не является миротворцем. Мы ли с Лялей не любим друг друга, но сочинять с ней даже письма неприятно: слиться в придумывании невозможно, и вообще она скорей меня делает, но хуже, это меня раздражает, и чтобы не раздражаться, я ей уступаю, а она мне – и дело обыкновенно при этом стоит. Вечная домашняя война женщин у печки и есть выражение этой невозможности соединиться в одного человека, в этой войне есть три выхода для каждого: или самому взять власть и подчинить другого, или самому подчиниться, или, наконец, делать каждому свое дело...

Ляля, уезжая в Москву, дала матери на сохранение взятую у кого-то в деревне для увеличения удостоверку убитого на войне юноши. Я не мог Ляле сказать решительно, буду ли я с ней

возиться, она долго берегла ее, очень тревожась, как бы не потерять маленькую вещицу. И, уезжая, она, я сам слышал, просила мать особенно сберечь эту карточку.

Вчера мы в Купани входим в избу, где живет продавщица, заказавшая у меня фотокарточку. У нее на столе возле кровати Евангелие, большая роскошно изданная книга с разноцветными вышитыми закладками. Увидев книгу и желая хорошего хозяйке, Ляля вывалила ей все московские новости: что война должна скоро кончиться, что религия больше уже не преследуется как «опиум для народа», что открываются три монастыря и среди них на первом месте Троица...

Пока Ляля говорила, я видел, на печке поднималась голова нерусского человека и дальше плечи в гимнастерке с ремнем. Скоро этот военный сошел с печки и с сатанинской улыбкой стал уверять нас, что война для нас плохо выходит: никаких побед у нас нет, а если что и случится, то об этом больше говорят, чем есть на самом деле, причем для таких побед ставят на карту все, и что американцы нас держат в руках, вооружение дают – барахло, а религию...

– Помните живую церковь[208], помните? «живцы» молились за советскую власть: ничего не вышло. И не может выйти, потому что для советской власти религия есть опиум для народа. Значит, настоящая свобода религии есть дело американцев.

25 Декабря. Солнцеворот.

Так же тепло, как и все эти дни, и уже нет $^1/_3$ зимы, а кажется, она только что началась. И чувствуем, что зима и вся пролетит в этом году почему-то как минута. Надо подумать на досуге, почему же это прошлый год зима так тянулась, и почему так теперь летит.

Этим самым чувством природы, которое я лелею в себе, строились храмы и то, что я невольно делаю теперь каждое утро, превращая мысленно деревья в свечи и колонны, и что делаю весной с пением птиц, с облаками, ручьями, древесными почками в каплях дождя, с цветами – все это издревле чувствовал человек и на этом чувстве единства в Боге всей природы и всего человека строились храмы.

Из беседы с неизвестным в Купани: революционеры воплощают реакцию (застой злостный), [у] попов и в религии.

Да, оно в истории всегда так и было: церковь боролась с движением мысли. В этом и было дело «богоискателей», чтобы ввести движение в церковь[209].

Все движется, меняется, переделывается вечно и проходит. На что же опереться человеку? Понятно, он ищет в Боге постоянства, вечности. И погружаясь в созерцание вечного, и тем самым возвышаясь, возносится и теряет через это способность, разбираясь с любовным вниманием в житейской суете, открывать в ней радостно схождение и восхождение божественных начал.

Именно вот это-то любовное внимание к движению в религиозном деле и есть самое трудное и потому именно, что обязывает лично каждого к творческому усилию, без которого всякое движение в жизни кажется суетой.

Напротив, не личность, а масса человечества ищет в религии, все равно как и в искусстве, и в науке обеспечения своего покоя. Вот тут-то и появляется великий инквизитор в образе «попа», которого так ненавидят революционеры всех толков.

Может быть, однако, церковь давно уже знала о необходимой косности масс и противопоставила попу, не обслуживающего массы монаха, как существо личное, духовное и движущееся? А когда монахи собрались, и стал монастырь и движение остановилось, то из монастыря стали выходить пустынники.

Это, конечно, провокатор или же партиец, потерпевший идейное крушение – трудно сказать то или другое, да не все ли равно. Но он осветил современную церковную политику, как победу поповства с помощью Америки. Недаром и слух есть о том, что наши большие попы вели переговоры непосредственно с американцами. И, значит, в таком свете, Сергий выходит не подхалимом советской власти, а большим политиком и победителем. К этому всему в народе, жаждущем церкви, нет ни с какой стороны признаков осуждения политики Сергия, как в свое время было осуждение политики «Живой церкви» («живцов»).

То, что я себя понимаю как «русского», и мне хорошо бывает, когда мой читатель говорит: «какой вы русский!» – сущность этой хорошей русскости таится в православии: оттуда всякими кривыми и прямыми и несознаваемыми путями прошло в мою душу то русское, хорошее. Ляля тоже «русская»», и все хорошие люди...

Так пророчил на ближайшее время после церковных перемен и перемену в церковной политике. Он говорил, что вся прошлогодняя контрреволюция при наступлении немцев объяснялась ненавистью к колхозам.

Провокатор еще говорил, что никаких зверств у немцев нет, и зверствуют они только с евреями и коммунистами, поскольку они связаны с евреями.

Все дальнейшие события определяются разрешением вопроса: способны ли после таких переживаний измученные народы Европы на революцию, или же всем теперь, как и у нас, лишь бы добраться до дому?

Провокатор еще говорил, что никаких решительных побед у нас нет, и что если мы насколько-то продвинулись, то на это поставлено «все», что вообще немцы далеко не так еще слабы, что не исключается длительность войны и наше голодное вымирание.

И еще он говорил, что вслед за уступкой нашего правительства в области религии, наверно скоро будет что-то подобное делать с колхозами.

Ляля взялась разрабатывать дневники мои старые. Если бы я взялся сам, я не мог бы писать дневника настоящего, я был бы не писатель современный, а мемуарист.

Так точно, если я стал теперь писать роман, я ушел бы в прошлое и тем самым отстал. Вот почему я отправляюсь на Ботик описывать детей, а не погружаюсь в роман: хочу быть современным и двигаться вперед.

Текущее. Жду возвращения Кононова из Ярославля с бочкой бензина.

Жду приглашения жить на Ботике в детской колонии.

Удалось сделать увеличение карточки убитого сына из Купанского колхоза, значит, добьюсь молока из Купани.

Капитан Вносовец прислал консервы и фунт сахару. Я приготовил ему фото. Беспокоюсь за дрова.

Кончаю делать фотофонарь.

26 Декабря. Наконец-то невидимое открылось и вышло светлое лунное утро со всеми звездами, и встал мороз.

Ляля переписывает дневник нашей любви и сама тут же очень неглупо и небезвкусно прибавляет. После дневной работы у печки ей это занятие очень приятно.

– Прошло у нас с тех пор, – сказала она, – почти три года, сколько пережито! А ты у меня такой же здоровенький.

– До того, – ответил я, – здоровенький, что ничего не шевелится в душе: полный покой и главное даже не совестно пребывать в этом состоянии.

– А у меня уже так давно, только я не говорю тебе, и я рада, что та травма прежняя прошла. Я тебя нашла, а то все осталось позади, как сон.

Из ходячих реплик: все дело в армии в командире, т. е. личности, а не в массе.

Такая официальная установка, а масса тем самым злобится, как раньше злобилась, бессильная, на стахановцев. Но герой-командир уходит далеко вперед от стахановца: ведь успех его не в одном принуждении масс... Можно было обыграть личность в образе стахановца, можно обыграть массы чувством родины, но в войне вся эта игра никуда не годится: командир должен стать личностью, а «массы» народом.

27 Декабря. Пасмурно и северный ветер. Та «любовь», о которой пишут Л. Толстой, Розанов и др., доставая мысль о ней из собственного опыта любви, печальная любовь: эта любовь в доказательство того, что объединение Мужчины и Женщины на чувстве рода, называемое любовью, недостаточно для современного человека[210]. Мне самому стыдно вспом-

нить о том, как я думал о любви до встречи и последующей жизни с Лялей.

Глухо долетают до нас победные сводки по радио. Но матери подрастающих сыновей не очень радуются им и не ждут скорого конца войны. – До тех пор не кончится война, – говорят они, – пока не перебьют всех.

Деревенский пессимизм сопровождается критикой отношения Америки к нам: Америка хочет нас извести так же, как и немцев, а наши надеются на революцию.

Забота о существовании и некоторые успехи в этом сохраняют наше здоровье, но душа от этого теряет священный трепет, тревогу, порождающую новую мысль. Душа наша похожа, скорее всего, на медвежью, когда звери эти ложатся в берлогу, и снег изо дня в день засыпает их, и они не засыпают, а дремлют.

Нюрка прислала обратно свои фотографии, потому что вышла «полна», а она желает быть похудей. Ничего не дала за мой труд.

– Никакой гордости у нее нет, никакого самолюбия, – сказала Ляля.

А Екатерина Андреевна, деревенский человек, ответила:

– Правильно, Валерия Дмитриевна, – это у нее от гордости и самолюбия.

28 Декабря. Погода, как и вчера, не холодно, пасмурно, ветрено – ветер с юга.

После чтения статьи А. Толстого «Разгневанная родина»[211] за чаем мы с тещей стали возмущаться с оговоркой «если только это правда» по поводу случая, рассказанного Толстым в статье: немец заставил русскую девушку стоять с лампой и светить, пока он справлял свои дела на дворе, девушка не вытерпела, швырнула в него лампой, и немец ее убил. Мы с тещей возмущались, а Ляля нападала на нас: – Глупо жизнь отдавать за такой вздор, я бы и глазом не моргнула и посветила бы немцу. – Ты, Ляля, выставляешься, – ответил я, – Серафим Саровский

и не то бы вытерпел, как святой человек, а тут человек естественный, представитель народа: в такой форме в лице ее народ отвечает на оскорбление врага. Ты судишь с точки зрения личности: тебе этой жизни жаль, а народу отдельная жизнь – ничто. И еще в твоем возражении таятся личные счеты: ты знаешь бесконечно бо́льшие оскорбления от своих мучителей.

На это у меня возражение такое, что со своими и счеты свои, а с немцами другие: пусть немцы приходят, как враг, но русский всегда немца уважал и глубоко уважал: – Ты прав, – ответила Ляля, – девушка эта действительно героиня.

В том-то и дело, что героизм есть человеческая стихия, такая же естественная, как ветер в природе и электричество. Каждый мальчишка ищет лишь повода сломать себе шею и оказать героизм. Вот он лезет на телеграфный столб, добрался до конца. С большим риском перепрыгивает, как белка на сук, протянувшийся от дерева, как рука через дорогу. Герой забрался на сук, почти что ценой жизни, и дальше идти ему некуда, и он сам себе на суку вырезает орден из трех букв. Теперь каждый идущий из Усолья в Переславль видит этот орден и дивится: охота же была забираться на такую высоту, чтобы вырезать похабное слово.

Так что это в природе человека лезть куда-то с риском наверх, и этой силе нет названия. Только уж когда кто-нибудь сумеет выявить это устремление, как полезное действие, он получает имя героя. Война есть главное поприще для выявления героев, вся сила войны и успех ее происходит из этого стихийного героизма. Военные вожди и есть именно концентраторы такого хотения: от вождя все зависит, и вот почему в настоящее время так сосредоточена государственная забота на командире.

В Германии государство так заботливо собирало изо дня в день, из года в год своих героев, что там оно стало настоящей ловушкой всех стихийных героев. Там уже герой не станет ломать себе шею, чтобы написать на суку дерева на глазах всех похабное слово. Героизм там стал делом полезным.

У нас Лев Толстой своим незаметным героем Тушиным[212] восстал против государственного героизма и тем указал неясно путь героя, независимого от государственной оценочной ловушки.

Но что это значит «незаметный герой», независимый от человеческого суда? Понятие героя именно и завершается его заметностью, все равно, написал он с риском слово на суку или застрелил генерала. А тот герой, незаметный как Тушин, есть не герой, а святой человек, независимый от суда человеческого.

Итак, в русском культурном сознании понятие героя не ограничивается, как в Германии, государственным и общественным признанием: через образ «незаметного героя» Тушина («высший подвиг в смирении»), наш герой идет по пути святости и, благодаря этой тушинской незаметности, вовсе исчезает из глаз, быть может, с тем, чтобы если это понадобится во времени (женственное начало) (Серафим) женственная нация...

...А между тем все это написанное о героизме зародилось от мысли о своем героизме вчера при чтении переписанных Лялей моих заметок о встрече нашей 3 года тому назад. Какое-то вот это самое «героическое» начало в высшей степени ярко я вижу теперь в нашей Игнатовской семье[213]: дядя «Высший» [Иван Иванович] (Астахов), Илья Николаевич, Дунечка, Марья Моревна, Коля, Саша, ну, просто все.

Революционеры, нигилизм и даже сама пошлость быта в своем цинизме оплевательском, происходит все из того же источника, из невозможности огероиться.

(Между прочим любовь Раттая чисто заграничного происхождения и его букеты цветов – это дань европейским формам рыцарства.)

Так вот я, один из ярких представителей этих чающих героев, дождался возможности кого-то спасти. Передо мной была женщина, в деле спасения которой (и от политики, и от бедности, и от Раттая и т.д.) я мог впервые развернуться. Очень интересен в этих записках момент, когда я ее спас, и

она стала моей. На этом этапе бесчисленных романов герой обыкновенный кончается, потому что женщина становится поперек мужской воли. В этот момент неизбежного колебания и оторопи передо мной стал вопрос о моей поэзии: выходило так, что или поэзия, или она. И я был так наивен (все герои очень наивны), что решил разделить свою квартиру, на одной половине живет она с матерью, куда я хожу, а на другой, моей, я занимаюсь поэзией. В сущности это было мысленное возвращение к прежнему быту: на одной половине дома в Загорске – семья, на другой я – поэт. И возможно, что это лишь мелькнувшее в голове моей разрешение вопроса о женщине и поэзии, теперь столь смешное, и осуществилось бы, если бы не Ляля, а какая-нибудь обыкновенная женщина: я бы ее спас, устроил и возвратился к себе. Ничего бы интересного не было, но она желала иного, и я был воском, из которого она, по ее словам, могла лепить свой желанный образ («за то я его и полюбила»).

Текущее: дед в Купани убил для меня лося, завтра едем лося делить и снимать старика.
На 3 января снимать Огурцову.
На днях в Переславль и на Ботик.
Начало января в Москву Кононова за бензином.

29 Декабря. Потише ветер вчерашнего и потеплей, почти что на нуле. Я думал в заутренний час в лесу о моем Хрустальном Дворце, вырастающем в Храм Природы, где вся Природа становится на службу. А та запрещенная в Хрустальном Дворце для человека комната, содержащая тайну из тайн, делается выходом из Храма: человек входит в Храм, а выходит через ту комнату, содержащую тайну из тайн и, узнав тайну, больше уже не может вернуться обратно. В нашей жизни люди привыкли, не понимая значения, вход в Храм называть рождением, а выход – смертью.

– Довольно идей, все сказано и нечего повторяться. Давайте жить и в самой жизни узнавать сказанное и соединять собранное в общем строительстве храма.

После полудня пасмурная, нависшая погода переменилась, стало морозить и вечером, когда мы шли из леса в Купань, перед нами горел закат великим огнецветным ковром с золотыми мечами и лазурными озерами.

Мы провели день в лесу в 5 верстах от Купани, где старичок Иван Трофимыч Новожилов убил моего лося.

30 Декабря. Умеренный мороз и весь день от звезды до звезды сияли и голубели снега. Я проявлял, Ляля работала над дневниками.

Текущее: ходили в Купань делить лося. Живой вес 15–16 пудов.

Чертов сын Барабанов, предколхоза, самодур, хотел нас лишить молока, но мы подняли войну и победили.

31 Декабря. Снова пасмурно, тихо и тепло. Постепенно исчезает обычное чувство страха перед зимой и уважения к Морозу. Это чувство какого-то легкого отношения к зиме (всем запаслись, а зима сама собой пройдет, пролетят деньки – и не увидишь) целиком соответствует и отношению к войне: тоже пройдет как-нибудь и хуже, больше того, что люди узнали, быть от войны уже и не может.

Меня привлекает фотография своей, казалось мне, особенной перед всеми искусственной силой документально подтвердить явления жизни, которые принято считать поэтическим вымыслом. По наивности так все и думают, что если уже явление сфотографировано, то оно и есть и это «фотографически верно».

На самом деле сама фотография дает то самое, что видит общий глаз. Вот если дерево, то на фотографии будет и ствол, и сучки, и листья, и все как есть, как нужно детям: со всеми мельчайшими подробностями. Но фото не может передать той особенности этого дерева и его сущности, что из всего огромного леса по ночам только на этом дереве собираются бесы и ведьмы и при первом рассвете разлетаются и обращаются в сучки.

Можно, однако, представить себе художника, который будет находить сучки, не успевшие на рассвете совсем потерять форму бесов и будет их фотографировать и наконец найдет такое дерево, где что ни сук, то бес или ведьма. И фотографический аппарат это подтвердит фотографически верно. Но насколько же легче было бы художнику, если бы он умел изображать сокровенную лесную жизнь не аппаратом, а карандашом.

Что же касается всеобщей уверенности в фотографической правде, то это происходит частью от общего неверия в чудеса, а частью от детскости масс: известно, что все почти дети, наивные реалисты, фанатически держатся за подробности.

Возможно, что для других Ляля вовсе не такая, какой я ее знаю, и я совсем не такой, каким она меня любит. Мы, конечно, вкладываем друг в друга каждый свой идеал. Впрочем, так и все начинают любовь, с идеального плана. У большинства в дальнейшем это любовное строительство не сходится с планом, назади остается идеал, называемый поэтическим, впереди «проза» с большей или меньшей надеждой на детей, что может быть дети возьмутся строить тот идеал.

То, что неудержимо тянет любящих к сближению, есть, в конце концов, действие силы единственно творческой: в этом все и есть, чтобы двое сошлись и создали третьего. Но это не обязательно вовсе, чтобы третий физически родился. В творческом сближении двух непременно рождается третий, духовный, идеальный человек, похожий на отца и мать и в то же время новый и не похожий на них.

Вот сейчас я так легко могу выйти из себя и с точки зрения этого нового человека посмотреть на старого себя, как на отца. Мне до слез иногда бывает жалко этого доброго и наивного старичка, лелеющего мечту в чем-нибудь оказаться настоящим героем. – Милый мой, – шепчу я ему, – ты потому только не сделался героем, что искал геройства независимого от человеческого признания, но таких героев, независимых от людей, нет на земле: такой герой зависит только от Бога, и люди их лицемерно называют героя-

ми «незаметными». Я улыбаюсь тебе, милый отец, что ты, как добрый и умный пес, смотрел на лицо своего Хозяина и не мог произнести Его имени. Ведь если бы мой пес мог мне одно слово сказать: «человек!», то, несмотря на свою морду, черные ноздри и шерсть, он стал бы человеком – и то пес! – а ты же сам человек, имеющий божественный дар Слова, и не смел произнести имени живущего в тебе Бога[214].

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1942

1943

1 Января. Вчера при встрече Нового года ели превосходного вкуса лосиную печенку и Ляля, радуясь лесному подарку, говорила, что мясная проблема питания решена одним выстрелом и в то же время образовалась какая-то пробка в душе. Стали разбирать, что это за пробка, и оказалось, это «счастье»: вот сколько времени мы напрягали силы, выкраивали из всех возможностей по маленькому кусочку доставать мясо, а теперь больше не надо: у нас лось! И вот от этого, что не надо тревожиться, образуется в душе пробка.

Ночью проснулся и во тьме увидел, как из-под пепельного нависшего неба на фоне черных елей слетали с неба снежинки. И так, оказалось, оно и было: тепловато и слегка порошит.

Во время этого общего подъема надежд от побед на Дону[1] все-таки сохранялись люди, не верящие в эти победы («что это за победа, если ценою всего!»). Теперь наступает реакция, и эти люди поднимают головы, и мало-помалу уже и все начинают переставать находить в этих победах какое-то решение войны.

Кто-то видел группу военных, как полагается, с птичками на локтях; а один из них, указав на свою птичку, сказал: скоро птички наши полетят. Это к тому сказано, что будто с Нового года будет введена новая форма на старый лад, с погонами, и что Красная Армия будет просто армия[2] и красноармеец – солдатом.

Свояченица лесничего рассказывала, что сама видала по пути в Ярославль. Старушка одна передала лишнее за билет и разахалась. – А может быть, и не передала, – сказали ей, – сосчи-

тай. – Нечего трудиться считать, – сказал какой-то старичок, – у нее в кармане 153 р. 15 к. Старушка все-таки пересчитала, и оказалось в точности, как сказал старичок. Какой-то военный стал смеяться: – Ты вот не старухам, а мне скажи, сколько у меня? – Пятьсот двадцать рублей 73 коп., – сказал старичок. – Сам не знаю, – смеялся генерал. И сосчитал, и оказалось опять в точности так. Тогда весь вагон заговорил, и, конечно, обращаются сразу же с больным вопросом о том, когда кончится война. – Прямо ответить не могу, – сказал он, – но кончится, как и началась, между двумя большими праздниками. – Тогда все стали угадывать, какие это праздники, и по разным признакам решили, что кончится между Пасхой и Преображеньем.

2 Января. Продолжается и в январе сиротская зима, только снег не тает, – так тепло! И понемногу, но не сильно подсыпает снежок.

Делаю, конечно, делаю все, от меня зависящее, но не все от меня зависит. Так и часы я завожу для себя, но время идет само по себе.

– Некуда идти, не к чему прибегнуть, вот и бросается народ теперь в церковь, – сказал лесничий.

– Но сущность религии, – ответил я, – не покой, а движенье.

Завожу часы для своего счета времени, но самое время идет само по себе. Так вот я все теперь делаю: конечно, делаю все, что от меня зависит, но жизнь идет сама по себе.

3 Января. Вчера весь день валил снег валом, и в лесах было, как во сне, когда снится приятно вечный покой...

Ляля освободилась от кухни и принялась за дневник нашей любви[3]. Переписываем, перечитываем и связываем свое тогда и теперь.

4 Января. Продолжается теплый и ветреный снегопад, леса глубже и глубже погружаются в сон, и сонные лесные видения расстанавливаются везде по сучкам, по веточкам, и часто даже

небольшие, в рост человека и выше, ели, сосны и можжевельники в сумерках показываются статуями, и если долго пристально вглядываться – начинают кивать головами.

Послезавтра, 6-го, будет сочельник. Приехал поп, убирают церковь, чистят пролежавшие без употребления в церковном хламе на холоду в сырости паникадила. Говорят, что будут звонить. Сколько от начала революции люди ожидали конца большевиков, говорили вначале, что через три дня, потом через месяц, потом по Библии и по каким-то еще сомнительным мистическим книгам устанавливали срок конца. И ничего не выходило, и когда отчаялись и бросили ждать, пришел им конец.

– Погодите еще, – сказал старый воробей, – все еще может быть и мякина[4].

Мы шли вчера вечером к Пашке Журавлеву, постоянно теряя занесенную снегом дорогу, сзади нас по случаю выходного дня орали мелкие червивые ребята дикими хриплыми голосами дикие выкрики, вроде того: «Кто Тартушкиных заденет, тот готовь досок на гроб».

5 Января. Ветер восточный, красная утренняя заря и морозит. Холодно.

Совсем приготовились, что в сочельник откроется церковь и раздастся в Усолье благовест. Но сейчас доходят слухи, что предсельсовета Александров против открытия, а предколхоза Кутимов за открытие, мотивируя тем, что без этого колхозницы не станут работать.

Несмотря на победы наши, открывается безнадежность в отношении полной нашей победы (очень истощены) и растет всеобщая уверенность в близости конца войны (Америка начнет мирную конференцию)[5]. В перспективе грядущего благополучия Ляля сейчас уже ощетинивается против этого безоглядного потока...

6 Января. (Сочельник.) В предрассветный час наконец-то встречают меня все звезды разом.

Будет служба сегодня или нет? Все равно: это касается лишь Усолья, а так служба везде. Это была встреча Церкви с Кино на поле смерти. Но несомненно, что те, кто за Кино, потом сумеют прилепить свое благополучие и к Церкви. Вот почему Ляля сейчас уже встревожена из-за ревности к жертвам этой борьбы Церкви с Кино. (Многие церкви прямо даже переделывались в кино, а кладбища – в гульбища. Гульбища на кладбищах и в церквах кино.)

Князь Трубецкой, опускаясь по необходимости в своем внешнем положении богатого и знатного человека, никогда на это не злобился и не лишался даже свойственного ему юмора. Так вот однажды он в кабацком оркестре играл на виолончели[6]. В кармане же у него, как всегда, была тростниковая дудочка, на которой он умел сыграть все, что только захочет. Однажды, играя в оркестре, он получил записку такого содержания: «Ваше сиятельство, сыграйте по желанию начальника милиции на дудочке соло "Не искушай"[7]». В ответ князь немедленно выступил и сыграл «Не искушай» на тростниковой дудочке.

Я подтолкнул его для заработка писать рассказы и дал несколько добрых советов по литературной технике. В какой-нибудь месяц он научился писать смешные приключенческие рассказы, имел успех и хорошо зарабатывал в журнале «Вокруг света»[8].

Вспоминаю и записываю, раздумывая о пределах унижения: по существу нет этих пределов для идеального глубокого человека, отвечающего за жизнь свою перед любимыми людьми и перед Богом. Но у каждого человека в отдельности есть потолок личной чести, сквозь который он не может подняться, и его смертельная вспышка за честь – есть удар головой об этот потолок. Наше сочувствие таким выходкам исходит из нравственных требований к росту личности в том смысле, что если не можешь выйти духовно из оскорбленного и униженного твоего тела, то лучше разбей его в его поганости. И может быть, тем самым определи свое лучшее – расти в новом, более счастливом, воплощении.

Текущее: вчера ходил к директору с Лялей и выпросил 1 $^1/_2$ кило ниток. Для этого Ляле пришлось поднять ногу и показать свой рваный чулок. Все проходило смехом, и я после показа чулка сказал директору строго: – После такого аргумента, товарищ, нельзя отказать женщине. – Тут директор взял карандаш и, улыбаясь, написал.

С Кононовым разговор на случай его призыва: отдать мне запчасти и инструменты.

Поездка Кононова в Москву.

Солнечный день, в полдень можно было без перчаток снимать: снимал лесной питомник. Пришло в голову иллюстрировать детский рассказ о белке своими снимками[9] (ход белки).

К рассказу прошлого года «Наказанная елка»: нашел, что эта елка была под сосной и, значит, к наказанию ее присоединяется еще, что ель эта разметала под сосной ток. Можно соединить оба рассказа, и этот и тот, где ель и сосна стонут (сплелись корнями).

К вечеру принесли елочку, принялись искать лампадку, не нашли лампадку, состряпали из моего цветного стакана, но масло подвело, и лампадка наша погасла. Под влиянием Ляли прочитал рождественские тропари. Она искренно жалела, что Рождество в своем глубоком смысле мало коснулось моей души.

– Ты бы должен понять, что Рождество – это чисто человеческий праздник, это именно праздник человеческой души.

– Милая, – отвечал я ей, – до нашего быта от Церкви Рождество мало дошло, но о том, что ты говоришь, я всегда чувствую по рождественским звездам, пойдем сейчас посмотрим, какая Медведица раскинулась над нашим домом.

И мы вышли смотреть рождественскую звезду, и увидели елочные огоньки в окошке лесничего, и зашли к нему. Оказалось, он сделал свечи на елку из медных охотничьих патронов, налил в них керосину, через пробочку в керосин просунул стеклянные трубочки, в трубочки фитили, и зажег таких керосиновых фитилей штук двадцать. Так горит керосиновая елка, –

дети, все еще малыши, спят, женщины сидят, как куклы, лесничий скучает без водки. Вяло разговаривали о разгроме немцев под Сталинградом, об общей неудаче немцев, о неминуемом близком конце войны, независимом от наших побед, о том, что сегодня всенощная не удалась: поп здесь, церковь отеплена, но ждут какую-то комиссию из Переславля, что она в ночь должна приехать, а завтра, скорее всего, обедня наладится.

7 Января. (Рождество.) Вышел в темноте, мороз, как вчера, довольно значительный (15–20). Небо чистое, но все-таки некоторых звезд не досчитаться, и ветер восточный.

Службы не было. Все валят на предсельсовета Александрова, но это козел отпущения: службу нельзя было совершить оттого, что не прибыла приемочная комиссия. Настроение, однако, уверенное, и полное сознание совершившегося переворота. Старому воробью, однако, мелькнула мысль о том, что может быть, там думают, будто священники остались старенькие «сергиянцы», и верующие – это бабы, тоскующие по мужьям и сыновьям. Если же там так думают, то надо поостеречься. Вместе с этим второй фактор хорошего праздничного настроения – это наши победы под Сталинградом (говорят, 1,5 мил. немцев разбито), но это именно не первый, а второй фактор. Главное же – это охватывающая всех уверенность в том, что вообще война кончается.

Искусство с точки зрения поведения (искусство как поведение) есть средство личного спасения (от рабства), ближнего оно спасает лишь косвенно, сам художник не обязан задаваться целью помощи ближнему. Мораль искусства есть верность себе самому, как исполнителю воли Божией.

Но поведение художника минует непосредственные обязанности к ближнему (между прочим, в обычном слове «человек», «человеческие отношения» и т. п. понимается человек именно как «ближний»). Говорят: «как художник и как человек», это значит, человек (художник) в отношении к Богу и человек в отношении к ближнему, или человек как личность (художник) и как гражданин, т. е. человек, определяющийся в отношении к другому человеку (гражданин).

Религиозное движение современности есть освобождение человека от принудительных обязанностей к ближнему (кто этот ближний?) и возвращение к личности человека, ответственной перед Богом.

Вспомнился А. Толстой со своей новой проповедью «Родины»[10] и вместе с этим соединился Сергий с его церковью: что-то общее. Какие-то нужные люди, и в то же время знаешь, что как только все освободятся и будут иметь возможность говорить и по-своему жить, – эти люди, и Сергий, и Толстой, будут ненужными и их время пройдет. Это временные люди, время перейдет, и они пройдут, какие-то необходимые проходимцы.

8 Января. Мороз, бывший в сочельник, сломился уже в Рождество, а сегодня подсыпает мелкого снежку.

9 Января. Утром в полной еще темноте вошел я в темный наш бор, и тут мне показалось, будто свет невидимой луны проникает, и деревья на снегу дают легкие тени. На поляне я огляделся по небу и понял, что луны сейчас быть не может: месяц еще не родился. А тени в лесу ложились по снегу от ясного неба: такое ясное, такие звезды, что от деревьев тени ложатся на снег.

Такое звездно-ясное небо, что в лесу на снег от деревьев ложатся легкие тени.

И такая тишина, что, как тени без луны, приходят откуда-то звуки и явственно слышится музыка: это, значит, моя музыка, собственная тайная музыка моей души, благодаря которой, может быть, узнаю, как родную, обыкновенную общую музыку.

Так и мысли, бывает, приходят из неизвестного источника свои собственные мысли, и как будто взамен тех, общих, которыми живут повседневно все умные и разумные люди.

А жизнь, сама жизнь в своем существе, разве тоже [не] как легкая тень от звезд вместо тени обыкновенной, всем понятной луны?

Разве тоже не бывает так, что какая-то жизнь легкой звездной тенью проходит взамен утраченной, и человек безутешный

хватается за эту призрачную жизнь и углубляется в нее до тех пор, пока вдруг ему не откроется, что жизнь эта новая не взамен пришла жизни настоящей, а есть сама настоящая жизнь, вновь открытая через утрату жизни призрачной, признаваемой всеми за настоящую.

Тогда человек, собираясь в Боге, утверждает личность свою и на рассвете общей жизни со страхом и трепетом просит у Бога силы обороняться от искусительных призраков.

И тогда все перевертывается – и то, что считалось раньше призраком, становится жизнью, а действительная раньше жизнь – призрачной.

Власть: 1) Москва слезам не верит.

2) Не хвались – «в Москву», а хвались, когда «из Москвы».

Бюрократия: одна сошка и сто ложек («Площадка»).

Поп здесь (74 года, но голос замечательный). Службы нет, потому что не собралась комиссия для оформления передачи церкви (отчего люди остались без Рождества).

В первый раз в жизни благодаря Ляле почувствовал праздник Рождества, как бывает в темном лесу ясной ночью по легким теням деревьев на снегу догадываешься о звездах на небе.

Да, Рождество – это звезды, и звезды, как души.

Это страшное разбойничье лицо я часто вижу среди молящихся в церкви, то лоб утюгом, то один глаз красный в трахоме, другой глядит в сторону, или шею свело, голова на боку и трясется. Проходит мимо такой человек – и невольно отстраняешься и думаешь одно: «Ну, проходи, проходи, не заслоняй мне милый свет. На, что ли, Бог с тобой!»

У нас сейчас, где я живу, в лесничестве, сторож такой. Разговор у нас шел о церкви, что разрешение получено и остается только оформить и что поп уже приехал, 74-х лет, а голос чудесный.

– Вредные они люди, – заметил сторож.

– А сам говорил, что первый пойдешь Богу молиться, когда церковь откроется?

– И пойду, только пойду, конечно, не на попа смотреть, а к народу.

– Глядеть на народ?

– Зачем глядеть – я к людям пойду, люди будут молиться и я буду с ними Богу молиться, а не к попу. Что это поп? Это шофер и пр. (включить рассказ, как в 17 году собрали «митинг – в лесу, и посыпались снаряды в лес, и положили почти всю дивизию. Бросились в церковь, а там под престолом поп по телефону корректирует стрельбу неприятеля).

10 Января. После одного мороза в Сочельник погода опять стала пасмурная с легким снегом, – слава Богу! зима сиротская, половину почти отмахнули, и горя не видали.

12 Января. Ветер с морозом. На рассвете показывалась обрывками полоска зари, а ночь была звездная. Месяц вечером увидели новый.

Текущее: Кононов уезжает в Москву за бензином. По приезде Кононова (если благополучно с бензином) заставить его немедленно ремонтировать машину: к концу января чтобы машина была готова.

Основная задача учителя в школе состоит в таком преподавании детям достижений человеческого опыта, чтобы эта нагрузка чужого опыта не подавляла собственную душу ученика.

Рушится брак как форма мужского господства и переходит в брак – форму устроенной души. В современном браке на первом месте не размножение с хозяйственными видами, а сочетание мужской и женской души, определяющей размножение и хозяйство. Мы перебрали в памяти устроенные в этом отношении браки и нашли, что таких истинно счастливых браков много.

То же делается, что и с браком, – с религией: отношение к Богу становится не традиционным и обязательным, а личным делом, творчеством истинной свободы.

Текущее: с Ботика телеграмма о близком окончании отопления колонии. Через неделю с чем-нибудь можно рассчитывать на возможность начала намеченной работы с детьми. От журнала «Дружные ребята» просьба[11] дать рассказ к моему 70-летнему юбилею. Это напомнило мне о юбилее. В связи с этим намечаю такое письмо:

В Президиум Союза Писателей. Скосыреву.

Дорогой Петр Георгиевич, на всех моих юбилеях Вы были первенствующим деятелем, и потому теперь обращаюсь к Вам с просьбой, если Вы найдете удобным на фоне великих исторических событий занимать Президиум фактом моего юбилея (4 февраля 1943 г., родился в 1873 г. – 70 лет), то, между прочим, в конце текущих дел прочитайте им это мое письмо к Вам, как члену Президиума. Я не сомневаюсь нисколько в том, что Президиум и во время войны пожелает отметить мое 70-летие, как в еще более тяжелых условиях был отмечен юбилей Л. Н. Сейфуллиной и несколько ранее С. Н. Сергеева-Ценского. К сожалению, я лично не в состоянии присутствовать на юбилее по следующим причинам: 1) тяжелая дорога, так как моя личная машина поломана, и вследствие метелей часть пути от Усолья до Переславля почти наверно пешком, если бы машина и нашлась. 2) На том самом Ботике, где я написал 20 лет тому назад известную книгу «Родники Берендея» и все охотничьи рассказы, теперь водворилась колония эвакуированных из Ленинграда детей. Под руководством замечательных воспитателей из того же Ленинграда дети быстро оправились от перенесенных ужасов. Я предпринял большую работу с параллельным наблюдением движения солнца и теперь с возрождением детской души. Я очень надеюсь, что эта работа мне создаст юбилей, не этот, обусловленный угрожающей моей жизни датой времени, а настоящий, преодолевающий время. Между тем, если мне теперь оторваться от работы на тот юбилей от этого, – я чувствую, – ну, что это нельзя.

Вот мне и пришла в голову мысль такая, нельзя ли этот юбилей отложить до того, а теперь Президиум помог бы, облегчил бы мне тяжелую борьбу за существование, уделив мне

или Honoris causa[*], или в кредит настоящего юбилея хоть часть того, что расходуется при юбилеях обыкновенных.

Ну вот и все. А чтобы избавить «юбилейную комиссию» от излишней траты времени на меня, сообщаю, в чем я нуждаюсь.

1) Чай или кофе, сахар, масло, немного вина.

2) Деньги для ремонта машины и квартиры в Москве. Эти деньги можно достать частью путем выплаты моих 40 % из Госиздата, а частью (если не хватит) из Литфонда в долгосрочную ссуду.

3) Содействие Президиума в скорейшем ремонте моей московской квартиры для переезда в Москву.

Пишу об этих моих нуждах с легким сердцем, потому что совершенно уверен в том, что мой настоящий юбилей не за горами.

Чагину. Дорогой Петр Иванович, на днях я Вам послал письмо поздравительное с портретом моим на лосе. Вслед за этим письмом посылаю и это, вызванное предложением одного журнала почтить мой юбилей (4 февраля с. г. мне 70 лет). Мне едва ли удастся попасть на свой юбилей в Москву, и в связи с этим я прошу Президиум о помощи мне в некоторых отношениях. Я помню, Вы мне говорили, что в январе 1943 г. с некоторыми хлопотами можно устроить мне получение денег из 40 % за мои книги. Вот я теперь думаю, что факт 70-летнего юбилея облегчит те «хлопоты» и Вы возьмете на себя труд оформления с тем, чтобы не вышло того неприятного промедления в несколько месяцев, как в тот раз.

13 Января. Зима все та же сиротская, время летит и как-то складывается в душе, что не в зиме и даже не во времени дело...

Текущее: 1) Отправить телеграмму в Загорск Ефр. Павл.: Поздравляю Новым годом. Михаил Пришвин.

2) Письма отправить в Союз, юбилейное.

[*] Honoris causa *(лат.)* – чести ради, ради почета.

3) Помнить на 16-е: «Праздник отмороженной ноги» или Встреча наша[12].

Спишь – не спишь, думаешь – не думаешь, а скорее всего, видишь во тьме все, что ни приходит в голову в его сущности. Как жаль, что потом, когда встанешь, не можешь собрать, все рассеивается.

Вот мне было в этом полусне, что Христос в своем Рождестве есть истинное и единственное дитя любви. Так, что если хочешь понять и определить любовь – думай о Рождестве.

К этому вспоминается наша Встреча: что наружность Ляли не имела тогда ни малейшего влияния на сближение наше, что телесная встреча приходила мало-помалу в сгущении чисто душевного сближения, как сгущение Духа в души и как необходимость сближения душ.

А еще мне виделось, что и у всех так жизнь определяется любовью, и не какой-нибудь другой, а именно этой: это у всех, но из всех миллионы падают и единицы остаются.

Но и всегда падали, во все времена, и всегда оставались единицы, создающие культурные ценности, эти свободные единицы-утéшители страдающего в рабской заключенности человечества.

На себя самого смотрел в полусне и видел ясно, что я обладаю каким-то неоценимым сокровищем, которое, однако, в существе своем до сих пор от меня скрыто. Чувствую, что с приходом Ляли я приблизился вплотную к этому сокровищу, но еще не вижу его.

Спящие почки. Путь Алпатова есть путь личности[13], заключенной в оболочку рядового массового русского «интеллигента» с наивным материалистическим кругозором («как все»).

Но личность, происходящая от Слова, противоположна этому наивному материализму, и вот она, эта личность, как спящая почка лесной породы, десятки лет спит и не движется, пока не переменяется среда.

Тогда спящая почка пробуждается, и растение из него, дерево, поднимается вверх к солнцу.

Это движение к свету, к солнцу в человеке происходит как «идеализм». Так что все, принятое раньше на веру, через материализм переиначивается (личность, прорастающая через марксизм).

Маша была вся в красоте, Дуни́чка в правде[14], и не странно ли? Маша умерла с готовым добрым ответом на Страшном Суде, а Дуни́чка правдой своей не оправдалась и знала это. Маша лежит в цветах как живая, и о ней говорили: как была красавица, так и лежит как живая. А Дуни́чку принесли в крематорий, там играли ей на плохих скрипках Брамса, и только один правдивый голос такой же служительницы Правды сказал: – Это умер у нас хороший человек. Такие все революционеры, они борются за правду, а сама правда им никогда не дается. Борются за правду, но правды в них нет.

Если возгорелась такая большая война в человеке всего мира, то, значит, весь мировой человек попал под действие страшной болезни: загорелось все – тело, душа и дух блуждающими огнями нависшего над бездной хаоса.

14 Января. (Новый старый год.) Стали замечать прибыль света, и вечером и утром, морозы рождественские сильно не жмут, время летит.

К началу 20-го века человек в происхождении своем окончательно осознал себя обезьяной, и в Советском Союзе в Москве, в Зоопарке, из обезьянника была выделена [часть] специально для демонстрации на людях несомненного факта происхождения человека от обезьяны.

Но еще оставались те, которые видели человека в происхождении своем от Бога.

Дела ли много у Бога, и человек так мал в этих делах, но только человек на земле часто остается бессмысленно покинутым и не может чувствовать Бога возле себя, и тогда сам встает на место Бога, и эту волю свою быть Богом называет Правдой.

Лес высокий, сильный и такой частый, что ветер обегает его, не проникая внутрь: внутри леса почти всегда тишина, и в темноте предрассветного часа по своей знакомой, ставшей мне священной тропе, я тихонечко иду, сливаю шаг с ударами моего сердца и в этом ритме твержу одни и те же слова, имеющие направление и вызывающие свет из тьмы. Я вижу, как обозначаются мало-помалу под деревьями на белом легкие тени.

Это в злой борьбе с Богом человек объявил себя в происхождении своем от обезьяны.

Дарвин, как прислуга у господ, подсмотрел в делах Божьих обыкновенность Его творчества. Чудесные пироги делаются из обыкновенной муки, так и состав материи тот же самый у человека и обезьяны.

Природа в понимании Ляли и моем: я с трудом научил ее отличать сороку от галки, а грача от галки отличить она так и не могла научиться. И в охоте тоже: не может понять, почему нельзя стрелять дробью без пороха. Ее сопротивление в понимании техники болезненно-истерического происхождения, но эта болезнь на фоне всеобщего технического безумия, этой слепой веры в слепую материю, является скорее не болезнью, а здоровьем души.

15 Января. Опять пришли лунные ночи и, наконец-то, настоящий рождественский мороз и такой, что деревья стреляют в лесу.

Лесничий принес газету с речью Рузвельта[15] о том, что немцы должны были победить в 42 году, если же нет – то можно математически рассчитать, что они погибнут. А когда говорил о переустройстве мира на принципе 4-х свобод: религия, слово, нужда и страх, то нам казалось, будто это он прямо о нас говорит.

Нашим же теперь остается только надеяться на революцию у немцев.

Тяжело было думать о прошлом, и, может быть, чем больше будет освобождаться душа от неволи, тем все тяжелей и тяжелей будет оглядываться на прошлое.

Так девочка на Ботике привязалась к воспитательнице и считала ее своей мамой и звала мамой. А когда улучшилось питание, и стало хорошо, и заиграл патефон, она стала плакать: это, когда ей стало хорошо, она вспомнила настоящую маму.

Так и мы, русские люди, придет время хорошее, и тогда только мы заплачем о потерянной родине.

Сжимается сердце, когда вспомнишь, что вся интеллигенция русская была уничтожена и заменена евреями...

Но когда одумаешься и оторвешься от себя, русского, или разберешь «интеллигенцию» по-лично (вспомнишь, например, Бухарина и др.), – мало того! вспомнишь дворянство тоже по-лично при царе, то понимаешь неизбежность совершившегося, и о самих евреях думаешь, что...

Замечаю: 1) одни евреи, когда думаешь о них, как русский,

2) другие евреи, когда думаешь о них, как... кто?

Кто этот, думающий о евреях совсем по-иному, иногда даже, как о подвижном спасительном творческом ферменте человечества. Кто?

Нат. Арк. однажды до того посочувствовала Наташе, до того это той понравилось, что она спросила: – А как вас зовут? – Нат. Арк. ответила. – Ну, так я и знала, – ответила Наташа, – что вы тоже Наталья. – Почему же ты знала? – Потому что вы так хорошо со мной говорите.

Наташа привезла дрова, мы ее усадили за чай, погреться. Она выпила чашку, другую. Говорила о пустяках и, когда дошли до войны, зная, что муж ее на фронте второй год и у нее двое детей, и мы, сочувствуя ей в этом, утешительно сказали: – Скоро кончится.

Она ничего не ответила, но потом вдруг расплакалась в радость и в ответ на наше «кончится», сказала: «Хозяин мой пришел» и это значило в ее существе, что война кончилась.

– Кончилась война для нее, – сказал я после ее ухода.

– Нет, не кончилась, – ответила Нат. Арк., – ей будут завидовать, а кончится, когда обрадуются все.

Мы немного поспорили, потому что я знаю больше народ: в таком несчастье как это, люди не будут завидовать, напротив,

сорадоваться. И тем не менее все-таки война кончилась только для Наташи...

Я к тому это, что в личном удовлетворении не может быть насыщения, между тем как постоянно чувствуешь так, будто вот «мне бы» – и всё, но это не всё.

16 Января. (Трехлетие со дня нашей встречи: «Праздник отмороженной ноги».)

Установились хорошие звездные и лунные рождественские морозы. Ляля переписывает мои дневники. Встретилось, где я записываю о Валерии, что знай я, что есть на свете такая женщина, я бы ни одну не пропустил мимо себя, не спросив, не она ли Валерия? – Видишь, – сказала Ляля, указывая на это место, – ты пишешь, что не знал, но представь себе: я знала. Если ты искал, не зная даже, то как же было не искать мне, если я знала.

Эта мысль – что искал, не зная (может быть, иначе выразить?), а она искала, зная, может стать одним из важных планов романа. Кстати, народное поверье: если кто найдет крест с лицевой стороны, – тут же есть и Христос, если же с исподней, – то надо искать. И так женщина крест находит с лицевой стороны, а мужчина – с исподней. (Эту мысль развить в Нагорной проповеди на Светлом озере.)

В постели вспоминали, что было три года назад. И вспомнилось, как я дал ей 500 р. купить мне материю, а она деньги эти потеряла, и как трудно было ей их достать и отдать мне назад. Я, услыхав это, слегка застонал от боли. – Что ты? – спросила она. – Очень больно, – ответил я, – что не могу сейчас тебе их отдать. Она засмеялась и, подумав: – Но ведь и ад на этом построен. – На невозвратности? – Да, и невозможности. – А ты веришь, что есть выход из невозвратности? – Не знаю. А ты? – Я мало знаю, как думали об этом отцы церкви – ведь об этом же много думали. Но если положиться на свое непосредственное чувство и на то, как я понимаю христианство, мне кажется, выход должен быть. – И все из ада уйдут? – Все. – И останется

один Сатана? – Я слышал от одного священника (о. Александр Устьинский)[16], что и Сатана тоже уйдет.

Естественная для русского нелюбовь к еврею есть чувство, которое необходимо преодолеть, потому что оно ведет в тот же ад, куда немцы попали. Может быть, евреи для того и существуют, чтобы погубить и уничтожить на земле воинствующий национализм. Ведь они уже это испробовали, и за то были рассеяны, и все будут рассеяны, кто во имя этого поднимал меч. И недаром теперь власть над миром попадает в руки той стороны, которую Гитлер назвал этнографическим винегретом.

Прошлую кампанию немцы, наступая на Москву, убедились, что прямая не есть кратчайшее расстояние между Москвой и Берлином. В нынешнюю кампанию 42 года они убедились под Сталинградом, что и кривая не есть истинный путь.

Алпатов по своим рассказам понял природу творчества и в этой природе увидел Бога, и в чувстве Бога познал Христа. Но ведь творчество могло прийти к нему и через Люцифера (ведь Люцифер тоже против ratio)?

– Надо признать еврея наравне с машиной и Ratio и всеми последствиями, т. е. что машинный век, поработивший человека, был необходим, чтобы создать человеку движение, теперь задача нового века освободиться от этого рабства и подчинить машину себе.

Евангелие нашего времени должно бы, наконец, людям открыть, что первые христовы ученики не просто рыбаки, а художники и ученые, и вообще это были люди, близкие к Природе и потому способные к творчеству культуры. Эти люди потому избраны Христом, что...

17 Января. Стоят морозы большие –30, заря на восходе оранжевая в полнеба, лунными ночами каждое дерево в звездах и между кронами как небесные озера...

По священной тропинке своей иду к своей Троице (три дерева), становлюсь там на молитву, и эта тропа священная по земле уходит в небо, а я все иду, все тружусь...

И вот я возвращаюсь домой, и со мной пришел мир в себе, как я его обрел на молитве, чистой сердечной мысли и удивления всему внешнему. Вот в эти минуты, когда ты обнимаешь весь внутренний мир, тебе из внешнего мира кто-нибудь, пусть даже по делу, придет из людей, и ты встречаешь его с удивлением, и это есть самая дорогая сила художнику... В такой миг я когда-то начал писать, и я старался довести написанное до того в своей ясности, чтобы и другие, кто-нибудь, меня поняли в утверждении мною виденного и тоже, как я, удивились.

Я долго думал раньше, что вещи, созданные мною, и есть продолжение творчества, которым создавался весь мир природы и человека. И я старался вникнуть в свое дело, чтобы понять его природу, причины и открыть людям... Но всех я убедил, что творить можно прекрасное одинаково в силе добра и зла. Тогда я стал искать истоков для утверждения не в самом творчестве, а дальше, глубже его. И мне тогда захотелось написать о тех хороших людях, которые были возле меня, когда я рос.

18 Января. Морозы настоящие стоят, но мы их вовсе не чувствуем – с одной стороны, топим хорошо, с другой – стало так, что внимание обращено не на морозы.

К Наташе «хозяин» пришел с войны, и война для нее кончилась, но ведь не по Наташе же нам судить о конце: к ней пришел, а к нам нет. – Погодите, не сразу же всем, Наташа ваша счастливая, потерпите и вы, и к вам тоже придет.

Молитва моя сегодня оборвалась: я почувствовал в себе раздосадованный голос: «Бездельник и лицемер, чего ты у меня просишь? Тебе все дано, у тебя все есть, немедленно приступай к делу и строй». Это правда, надо кончать это вынашивание и приступать.

Легенда о конце войны. Предсказатели. В вагоне старичок один, когда женщина при оплате билета спуталась в счете... ска-

зал ей, сколько у нее денег в кармане. Все удивились, один военный засмеялся: – Что ты баб морочишь, ты скажи, сколько у меня денег в кармане. – 550 р. 60 к., – сказал старичок. – Сам не знаю, – смеялся военный, – ну давай вместе считать. Сосчитали и копейка в копейку вышло – 550 р. 60 коп. Тут в вагоне все стали серьезными, замолчали. И через некоторое время кто-то робко спросил старика:

– Дедушка, скажи, когда война кончится?

– Не знаю, – ответил дед, – знаю только, что тебе она не кончилась, а вот тебе, – обратился он к другой женщине, – тебя как зовут? – Наталья. – Ну, вот, Наташа, ты теперь празднуешь, тебе война кончилась: к тебе твой хозяин пришел. – Так и есть, – сказала Наташа, – ко мне пришел, без ноги, я рада и праздную. – Ну вот и все, вот и конец, и так будет каждому. – А к кому не придет? – Не придет – утешишься чем-нибудь по вере своей. – Нет, не то, – вмешался военный, – ты прямо скажи, когда всем кончится война. – А всем никогда не кончится на земле война: сделают вид – кончилась, а она еще пуще. На земле война без конца. – Ну, а вид-то когда сделают? – Этого я не знаю... зачем это? Сотвори сам, как тебе нужно – и кончишь войну. – Да я же военный, если я кончу, так меня расстреляют. – Ну, зачем расстреляют, может, ты героем кончишь. У всякого, батюшка, свой конец, ты на то и надейся, а общий конец – это ждут слабые люди и никогда не дождутся.

Личность человека, конечно, содержит в себе и закон, но попробуйте объявите свободу личности, и массы человеческие эту свободу примут как беззаконие.

Англичанин умеет открываться, не отдаваясь, а русский, если откроется, то тем самым и отдается, а после будет страдать.

19 Января. Морозы стоят. У меня хандра третий день. Ляля думает на табак (опять бросаю, и это ломает), я – на застой.

Сама Ляля признала, что я в отношении тещи преодолел себя. И я думаю, что да: почти преодолел неприязнь к старуш-

ке. Но я боюсь, что это досталось дорогой ценой, за счет нашего с Лялей полета. Мы, было, как птицы взлетели, но из-за больной и благоразумной старушки сидим. Возможно, что, сидя на месте, мы сохраняемся – это возможно, и с точки зрения всех тещ – похвально даже. Но полет наш задержан, и та струя воздуха, по которой надлежало нам лететь, навсегда улетела, и будет ли другая такая волна воздушная, способная нас уносить. Знаю одно, что старушек устраивать надо, но нельзя из-за этого жертвовать и часом того драгоценного летного времени. И я доволен собой, не будь этой войны, я бы Лялю от старушки умчал.

У нас в Усолье ликвидируют молочную ферму и коров отправляют на лесозаготовки. Остается колхоз без коров. Злые языки сулят роспуск колхозов: все общее будет отдано государству, а сам спасайся как хочешь. Еще говорят о роспуске бюрократии и возвращении к прежнему дешевому управлению.

20 Января. (Крещенье.) Мороз. Полнолуние. Ляля [печатает] дневники и часто радуется, и есть чему: сам удивляешься своему чувству.

– Только мне кажется, – говорит она, – ты теперь привык ко мне, вот как мы к Норке привыкли.

– Какие глупости.

– Ну, скажи, когда было лучше тебе: тогда или теперь?

– Ты в моих глазах осталась такой же, как была, когда я написал тебе первое любовное письмо. Разве этого мало? Найди любовника или поэта, кто мог бы за три года жизни такой суровой, в такой тесноте, да еще с больной тещей на руках, не остудить свое чувство! А я все такой же, ни муж твой, ни поэт, ни любовник, а если хочешь, и муж, и поэт, и любовник, и еще кто-то гораздо больший. И потом я вообще как-то не привыкаю.

– Это чудо! Я считаю это прямо чудом, как ты в свои годы живешь, повседневно почти меняясь, как будто самая сущность твоя есть перемена в движении.

– Ну, скажи, странник, вот и все: есть такие люди. И вот теперь я на твой вопрос, что лучше: ты тогда, или теперь, я, по-

жалуй, так скажу: что тогда было наше творчество: ты истинная, какой мечтала быть, воплощалась во мне, а я тоже такой, каким я лелеял себя с детства, воплотился в тебе. Теперь нам горевать не о чем: мы нашлись.

21 Января. Страшенный мороз. Огромная утренняя, как солнце, луна и звезды при ней бледные как бисер.

Пришли газеты от 17/I с победой под Воронежем и др. Наш политик высказал нам такие свои соображения. Это победа не случайная – о ней если не знали у нас, то надеялись. Так почему же такие уступки Америке, как признание религии и погон (!).

А еще, помните, как перед Рождеством обрадовались у нас церкви, как заговорили о благовесте. А церковь на деле и теперь не открыта, и разговор об этом снова затих. Не напоминает ли вам это время дружбы с Германией, официальной дружбы, и тоже некоторые тогда этой дружбе, как сейчас церкви, обрадовались, потихоньку же шепотом, с губ передавалось другое.

Одним словом, прошлый год надеялись на Германию, теперь надеемся на Америку, и в то же время побаиваемся, как бы и с Америкой не вышло то же, что и с Германией.

22 Января. После ужина ходил на лыжах в тот лес, где сосны лишь немного выше роста высокого человека. В полнолуние из каждой такой в рост человека засыпанной снегом сосны сложился или человек, или зверь, но больше всего сложилось фигур, только чуть чем-то, где-то, в каком-то повороте похожих на человека или зверя, большей частью все было ни на что не похоже. Все эти призрачные фигуры обыкновенно прячутся во тьму, а при дневном свете сливаются с общим фоном леса, и каждая в отдельности большей частью ничего из себя не представляет. Теперь в полнолуние они все вышли и зажили какой-то своей жизнью.

Когда идешь и лыжи скрипят и шелестят по снегу, и сам думаешь под мерный скрип и шелест о чем-то своем, – все ничего. Но только остановишься, как чувствуешь – все остановилось и смотрит на тебя и ждет. Тогда тишина становится плотной, как вода в океане, и как будто ты опустился на дно тишины, и стало

как в воде: там не дышать, тут не слыхать, и там не дышишь – задохнешься, здесь не слышишь – обезумеешь. Ужас стал проникать в меня, и видимые фантастические фигуры в белом начинали кивать мне, кто носом, кто крылом, кто когтем, кто всей головой, и казалось мне, как у Вия[17], что вот сорвутся они со своих мест и начнут беситься возле меня.

Но тогда, спасаясь от ужаса, я поднял голову и увидел очень высоко над собой – полная луна спокойно светит, и возле нее звезды были, как всегда это бывает, и облака пеленой проходили по луне, и все это было там надо и сердцу нашему понятно. И тогда вдруг я понял, что делается тут под луной, просто глух и не слышу симфонии, и только в этих танцующих фигурах вижу последствие музыки: застывший балет.

Да, в лесу, около Крещенья в полнолуние такая бывает тишина, что догадываешься о неслышной музыке.

22 Января. Суббота (ошибся, это – пятница, день вышел ни туда ни сюда).

Вчера во второй половине ночи, к утру, слегка порошило, и мороз сдал. После рассвета небо стало пролысиваться наверху, и солнце тускло намечалось через дымные навесы вокруг лысины. В течение дня все небо стало лысым, но солнце, совершая свой низенький зимний путь, так и не вышло из дымки внизу. Зато вечером небо все открылось, и опять там в лесах и болотах, засыпанных снегом, начались лунные гоголевские бесовские действа.

Прошло три года нашей жизни с Лялей, и наши нынешние отношения любовного сотрудничества можно было бы всем поставить в пример, если бы раньше нас не было таких довольно частых примеров. Мы перебрали своих знакомых – Фаворских, Лосевых, Реформатских, других и нашли, что таких браков на почве любовного сотрудничества много.

Почему, когда Ляля рассудительна так, что и слова не вставишь, и поучительна до принуждения, – я не любуюсь ей, а только уважаю и слушаюсь, иногда с ворчанием. Что-то похожее на сочувствие читателя Обломову[18], когда хорошие люди

стараются вытащить его из болота: как-то не видишь этих уважаемых людей, какие они настоящие.

Так и Ляля бывает очень почтенной, но это не Ляля. Моя Ляля безмолвно глядит в меня, и я от этого загораюсь на какие угодно действия. Пишу это после чтения в дневнике ее письма мне из Москвы во время тяжбы с сыновьями: она действует, и правильно, и с достоинством, и все в словах ее правда. Но... что это «но»? Мне кажется, это «но» в том, что она торопится и говорит, как лично задетая. Торопится обвинить меня в мягкости в то время, как я знаю, что я тверд в себе очень. Не твердости не хватало во мне, а внешнего выражения этой твердости и находчивости. Последующая жизнь показала правду мою и твердость во всей силе, какую можно только женщине желать от своего друга.

23 Января. Метель с морозом.

Сколько тогда, три года назад, в этом сосредотачивалось волнения, неуверенности, страха и неожиданных наград, и как теперь это просто выходит и нечаянно, как естественное последствие обычной ласки и нежности. Что же лучше, теперь или тогда? Тогда было, конечно, интересно, зато теперь хорошо: «интерес» теперь сосредотачивается не на этом. Это «хорошо» в том, что мы из нашей борьбы вышли как нераздельные люди и неслиянные; нераздельность в том, что каждый из нас делает для другого, как для себя, и, может быть, больше, а неслиянность в том, что мы люди разные, и каждый из нас живет сам по себе.

– Не понимаю, как мог ты иметь детей, иметь необразованную жену и не приобщить их к церкви?

– Я сам от церкви отстал и не мог вернуться: не любил попов, нищих, я думал так, что все лучшее, что в церкви, пребывает во мне, я радостно вставал, принимался за работу, играл с детьми и думал, пример мой воспитает их в добре.

– Ну, что это за радость, встаешь как жеребец? А где же трагичность жизни, какое же может быть воспитание без страха Божия, без чувства греха?

– Я думал, это само собой, жизнью передастся: я буду хорош – и дети вырастут хорошие. Раньше я жил так, будто грех

снят Христом, и люди спасены, и единственный остался грех – это возвращение к тому состоянию... Я хотел жить без греха.

– Ты просто не любил их, и тебя не любили.

– Зачем это повторять? И то же о церкви: я же не мог войти в церковь без помощи, ты мне помогла.

– А попы с нищими тебе больше теперь не мешают?

– Как тебе сказать? Я туда смотрю как-то сквозь тебя: службу церковную я вижу в сердце твоем и туда молюсь. Ты мне церковь, и в ней попы и нищие не мешают мне.

– Меня страх берет, что я отстаю от времени в своих старых понятиях, не понимаю теперь, кругом вижу и слышу недовольство правительством, мальчики уходят на войну, как обреченные, и мать провожает с проклятиями. И кажется – не за что воевать: дома нет ничего своего, за что бы постоять. А между тем там человек преображается и становится героем. Что это, какая сила его поднимает? Боюсь, что по старости лет отстаю от времени и чего-то существенного не понимаю. – Ну, что вы! – ответил лесничий, – вы-то не понимаете, вы не первую войну переживаете и должны все понимать. – Японскую? но там было полное соответствие, – народ не хотел воевать и слушаться и оттого проиграл войну. В первую германскую? То же самое, не захотел народ и бросил. Но почему же в эту войну народ не больше хочет, чем тогда, а воюет и, мало того, побеждает.

Лесничий растерялся. А я про себя думаю, что в нынешнюю войну совершается нечто небывалое:

1-е – главное: каждая воюющая сторона борется за господство над всем миром в целях единого управления мировым хозяйством. Может быть, этот мотив был глубочайшим мотивом и всех прежних войн, но теперь мотив обнажается: война идет за единство, и уже победитель, как единый хозяин мира, показывается.

2-е – вот почему может быть и оказывается, что не в народе дело и не в его правительстве, а в воле сверхнародной, сверхправительственной. И если мы видели так часто человека в одиночку несогласного с общим мнением, а в обществе голосующего за это мнение, то чему же удивляться, если тот же человек геройствует на войне (т. е. тоже голосует) за какую-нибудь

«Америку» (прошлый год мечтой была Германия, теперь стала мечтой Америка). Вот, может быть, почему и происходит у меня отставание в понимании современности: я по старинке пытаюсь мерить мировую войну национальными мерками.

Во время большевизма дело дошло до боязни своего имени.

Помню, Мантейфель испугался, когда я хотел похвалить его в газете, помню, что человек похвалы себе личной боялся больше порицания. Это было время организованной борьбы общества с именем (личностью). В то время, помню, вся моя лит. деятельность состояла в том, чтобы охитрить общество и как Вакула-кузнец на черта сел[19], так сесть на машину (общество, Левиафан[20]) и добыть царицыны башмачки.

Моя борьба за свою личность была не безуспешна, но я, как один, страдал и вызывал из темной бездны себе на помощь друга. И друг мой услышал, и пришел, нас стало двое в одной мысли, и это было Бог. Тогда-то я почувствовал, наконец, что мысль моя, встречаясь с мыслью [другого], не погаснет, как в обществе, а процветет...

Ну и вот сказалось, что общественная слиянность (социализм, коммунизм), равно как и общественная разделенность (анархизм), происходят из родового источника. (В сердце своем в прошлом я могу нащупать до сих пор точку боли и радости, где социальная вера рождалась взамен разложения семьи. И так у всех.)

Родовое «счастье» заменялось радостью мученичества. (Семейная нравственность заменялась нравственностью общественной, коммунистической.)

Поэзия всех примитивных народов говорит о борьбе внутри семьи, рода личного и безликого родового (общественного) начала: семья – это поле такой борьбы. Но вот семья разлагается: борьбы больше нет, каждый выбирает себе жену, какую ему захочется, и родовое надо переходит в принудительную общественность.

«Роман», равно как и религия, становится делом «личным», так материя совершенно отделяется от жизни духа, состояние настолько тяжелое, что крестьянам-колхозникам разрешается для себя лично иметь корову одну и кур, а лошадь не разрешают.

24 Января. Мороз вернулся и солнце, ночи лунные.

Теща носит в душе своей немецкой какую-то священную идею порядка и готова всегда защищать ее, а Ляля признает порядок только служебный, как необходимость. Сегодня они сцепились.

Так было утром, а когда легли вечером спать в холодной комнате и залезли каждый под свои три одеяла, она сказала: – Ты хочешь ко мне? – Как тебе сказать, – ответил я, – я только что устроился, разве тебе еще холодно? – Нет, я согрелась. И мы помолчали и не тронулись друг ко другу из-под своих трех одеял. – А помнишь, – шепнул я, – три года тому назад мое первое прикосновение к твоему телу? – Помню, еще бы! – Когда-то в газете писали, я читал: ребенку велели пальчиком тронуть пуговку, он тронул, и взлетела на воздух гора. А теперь вот лежим и знаем: тронь – гора не взлетит. – И не нужно, – ответила она, – помнится, гора эта разделяла воду канала – рассыпалась вода от взрыва, и воды слились. Так и у нас. – Да, конечно, нам теперь не нужно взрываться, у нас любовь, как свободная вода, и мы плывем в океан. – А если бы не это, я понимаю так, что надо бы наши отношения кончить и начать другие с другими, и опять прикосновение и опять взлетает гора – как интересно! Ну, вот видишь, теперь понимаешь, почему я злюсь с мамой: она этого ничего не понимает. У нее вместо взрыва, разделяющего горы, теплится в душе «закон», и она его не проверяет, она из него не выходит и еще им, этим каким-то законом, аргументирует, – вот я и злюсь.

Ляля спросила меня вчера: – А если бы удалось мне когда-нибудь остаться наедине с А[лексеем] Толстым и спросить его напрямик? – Он не дается, Ляля, – ответил я, – он хитрый и увильнет. Он излукавился и еще над тобой посмеется. Вот разве Горький – того можно было спросить, только почему-то никто его не спросил. И я передавал ей рассказ Ценского, как Горький, подъезжая к Севастополю, догадался не доехать одной станции, ускользнул от встречи и потихоньку добрался в Алушту, нашел его. «И тут я ему сказал все», – сказал Ценский. – Но ты помнишь Ценского на его юбилее? – спросил я. – Можешь ли ты представить себе, что он у Горького спросил все? Мало

того, как мы с тобой далеко ушли, а между тем я не посмел бы спросить Горького и сейчас, и признаюсь – сам трепещу перед возможностью стать самому под такой вопрос и о добром ответе каждый день молюсь в предрассветный час. – Я понимаю, – ответила Ляля, – твой ответ ведь должен быть в творчестве, и ты стоишь, как всякий артист, в трепете перед своей задачей. Но я знаю, ты можешь ответить в своем романе...

И мы стали обсуждать вопрос и ответ в романе, что именно для этого кроме двух фигур – он и она, – движущихся к горе, которая должна взорваться, нужно ввести два мужских лица, которые как два противника с заряженными пистолетами направляют друг в друга страшный вопрос о «всем». К этому я предполагаю, что Горький мог бы сделаться этой парой к Алпатову: Алпатов, как наивный [человек], ищет страшной встречи, а Горький, смутно где-то в подсознании знающий, что только Богу в этом можно ответить, боясь, ускользает от прямого вопроса Алпатова (так вроде того и было оно).

25 Января. День весны света, при сильном морозе солнце затемно грело щеки, сияли голубые снега, и самое главное, – пахло точно так, как пахнет в снежных горах, когда солнце сходится с морозом.

В состав внушенного мне в детстве «страха Божия»[21] входит и страх перед Всевидящим Оком, что вот увидит тебя и спросит, и тебе увернуться от прямого ответа будет нельзя. Я этот страх ношу в себе и по сих пор, и он помещается у меня между «ей-ей» и «ни-ни», в таком состоянии, что вот сейчас, вот сию минуту дойдет до тебя, и тебе надо будет сказать твердо или «ей-ей» и «ни-ни», а если промолчишь, то пойдешь к лукавому.

Из этого невыносимого состояния выходит мое писательство, как особый мой ответ: – Слышу, Господи, Ты спрашиваешь, но дозволь мне подумать немного.

И Бог разрешил мне подумать, и я стал художником, значит, как бы вольноотпущенным рабом, обязанным в свое время принести Хозяину Его долю.

Точно то же душевное состояние вызывает во мне и предстоящий ответ на страшном Христовом судьбище: этот вопрос

стоит во мне так: – А ну, покажи, что ты сделал? – Страшный вопрос тем, что именно нужно показать.

Да, я испытываю вечную робость перед страшным вопросом, и у меня мороз подирает по коже, когда слышу или близко вижу людей, что-то без колебаний утверждающих.

Ценский, который, по его словам, спросил у Горького «все» и ответил на «все», несомненно чует в себе страх Божий, или хотя бы Ляля, которая собирается задать Толстому вопрос, от которого ему не отвертеться.

Фотография стала моим ремеслом. И я должен снимать так, чтобы мои снимки оставались знаком внимания моего к жизни.

26 Января. Из хмари выбился в конце концов такой же морозно-солнечный день, как и раньше.

Снимал баб и ссорился с Лялей, которая, ничего не понимая в фотоделе, старалась мне помочь. Раздумывая о природе этой въедчивости в дело, я пришел к тому, что эта въедчивость коренится в стремлении к властвованию: мало ли что я знаю, как специалист, но распоряжаться своим знанием или организовывать могу не уметь. Так в наше прежнее время директор завода был непременно инженером, а теперь инженер– специалист и им распоряжается организатор, часто простой рабочий («мы научим кухарку управлять государством»)[22]. Организатор – это современный властелин. По всей вероятности организаторы воспитались в процессе капиталистического производства и...

Сейчас намечаются уже три партии: коммунистическая, национально-поповская и американско-еврейская и существует блок между национальной и американской. И еще четвертая партия погибает: немецко-монархическая. (Иван Кузьмич, Птицын – это уже люди прошлого.) А мы, какой мы с тобой держимся партии?

27 Января. Морозы, ветрено, солнечно, луна на исходе.

28 Января. Мороз сломило. Верчусь около философии времени, потому что без этой философии невозможно понять глубоко современность.

29 Января. Вчера вечерняя заря кремово-розоватая распространилась кольцом вокруг всего горизонта и кончилась на востоке голубым, а на западе розовое оставалось очень долго, так долго, что мы в этом схватили для себя начало весны, а еще по-весеннему опять пахло, по-своему, снегом, и еще сквозь мороз шалил ветерок с юга. И утро вышло такое же предвесеннее, только еще заметней.

Наши растущие победы перестают удовлетворять и поднимать в людях настроение, потому что все конца не видно: так много у нас отнято земли, что можно побеждать без конца.

Пришла минута полного спокойствия, и я увидел свою душу, как темную комнату с единственным отверстием, распространяющим свет. Мое спокойствие исходило от этого света, и ясно мне было, что Бог, как мы это называем, находится за пределами моей темной души. Спрашивать себя о вере было мне незачем: я чувствовал свет в себе, и религия моя являлась мне простым делом охраны источника света, почти таким же простым, как охрана моей темной фотографической комнаты от внешнего света.

У Ляли есть два душевных порока, происходящие от напуганности жизнью – один порок (не ее собственный, а ее матери) – это «экономия», другой (ее собственный порок) – готовность отступить перед борьбой за настоящее, земную жизнь, и переместиться душой в страну нераскрытых радостей (будущую жизнь).

30 Января. С вечера высыпают все звезды, к утру на высоте яркий обрывочек луны и тишина! все для мороза, но мороз не растет, и тоже не тает, и день проходит весь, как весенний утренник. Я никогда этого не замечал в Январе.

Одноглазый грузчик сказал, что голосовать он будет за Рузвельта, единого хозяина всего мира. – Там в Америке евреи-капиталисты, вы хотите за евреев? – И за евреев, за всех: все свое место найдут в общем деле. – А почему же именно вы за Рузвельта? – Не именно за Рузвельта я, а так выходит: победи Гитлер – я стал бы за Гитлера, Сталин – за Сталина, Рузвельт выйдет победителем – и я за победителя, за единого в мире хозяина.

Колхозники голодают и разбегаются, а единоличники живут еще ничего.

Ляля переписывает дневник: – Это гениально. – Не я гениальный писатель, Ляля, – ответил я, – а Существо, которому я, как писатель, служу, наш дневник вообще весь – гениальное произведение, потому что он единственный в мире: все, что единственно в своем роде и может служить другим людям стимулом движения вперед – гениально.

В дневнике можно понять теперь уже общую идею: это, конечно, творчество жизни в глубочайшем смысле с оглядкой на аскетов, разделивших дух, как благо, от плоти – зла. Дневник это не разделяет, а именно утверждает, как самую святость жизни, акт соединения духа и материи, воплощения и преображения мира. Творчество это непременно требует двух лиц и называется любовью.

Состояние, в котором я пребывал до встречи с Лялей, она называет затянувшейся юностью.

Итак, любовь как творчество есть воплощение каждым из любящих в другом своего идеального образа. Любящий под влиянием другого как бы находит себя, и оба эти найденные новые существа соединяются в единого человека: происходит как бы восстановление разделенного Адама.

31 Января. Тепло, метель. Сегодня воскресенье, придет много народу сниматься. Я с вечера составил большую бутыль проявителя. – Месяца на два хватит, – сказал я. – Дай Бог,

чтобы до конца хватило и больше не пришлось бы его составлять. – А мне как-то жалко расстаться с этим ремеслом: фотография для меня – форма лени. – Вполне согласна. – И лени, нравственно оправдываемой: во-первых, это ремесло в руках художника есть знак внимания к жизни, а потом заработок все-таки не такой противный, как от литературы.

Узел советского строя не в Совете, а в колхозе и связанной с ним бюрократии. Тронь колхоз – и все рассыплется.

– А вы мечтаете, что вслед за свободой веры дадут свободу от колхоза.

– Нет, мы и не мечтаем, мы и свободы веры не видим: церковь закрыта. Мы ждем только конца войны и больше ничего: конца и конца.

Неужели истоки Лялиной «пустыни» таятся в желанном святом материнстве?

А что же тут плохого: одна дева злится за это на людей и кошек разводит, другая это материнство превращает в святое дело, значит, суть не в самом материнстве, а это другой человек, другая душа...

Бывает, зимой, выспишься раньше времени и среди глубокой ночи, когда нельзя вставать, лежишь и так независимо думаешь, и все, что только ни придет в голову, получает особое мысленное освещение, и как будто от этого в самом привычном и решенном открываешь «Америку». В эту ночь мне показался привычный «Бог» Рузвельта в таком освещении. Что если, думал я, во время такого ужасного падения человечества этот американец-прагматист вспомнил о «рабочей ценности» понятия Бога и по-американски практично пустил его в дело устройства этого мира: от этого выиграет прежде всего сама Америка, а потом и все страны, жаждущие мира. И замечательно это понятие Бога в Его рабочей ценности.

1 Февраля. Мягко после пороши. Вступили в последнюю треть зимы. Ждем конца войны, как голодный ждет хлеба. Ляля переписывает дневник и делает открытия в разных смыс-

лах нашей жизни. Я ничего не делаю, кроме фотографирования баб за картошку. Выполняю ремесло радостно, понимаю его как форму лени.

Может быть, впервые сознаю, как велик труд писателя, как трудно быть свободным: нет ничего на свете труднее свободы и вот почему люди – рабы. Даже большинство талантливых людей трудятся только над тем, чтобы убежать от труда, обеспечивающего свободу: все материальные накопления происходят под страхом остаться наедине с самим собой и с необходимостью, трудясь, создавать свободу. Пора холодно всмотреться в человеческий муравейник и понять его в естественной простоте.

Так нам кажется какой-нибудь тигр интересным, потому что мы его не видим вблизи, а посмотришь близко на его жизнь – какой ленивец! большую часть времени лежит, потом ищет себе пищу, наестся и опять лежать. Человек интересен только в своем движении, т. е. в личности, т. е. в своих исключениях.

Надо удивляться влечению некоторых лиц к власти, обязывающей заниматься интересами массы, инертной и простой в жизни своей, как тигры. Но, может быть, эта самая власть, эти самые вожди и являются мастерами, техническими работниками в деле создания моста между творческой личностью и массами, и царь есть действительно помазанник Божий, и в этом смысле действительно нет власти, кроме как от Бога, и каждый вождь делает невозможное (для Бога все возможно).

Творчество. Норка сидела на стуле, мордочка у нее миниатюрная в кудрявой шевелюре, глаза огненно-живые и как будто вечно мыслящие. – Это Пушкин, – сказал я. Тогда внезапно, как искра перелетная, как радио-искра, подымающая воздушную волну, и все наши в один голос за столом воскликнули: – Пушкин, Пушкин! И даже наша корректная теща тоже согласилась, поняла, одобрила, и только уже когда некоторые из нас стали обращаться к Норке по имени и отчеству: Александр Сергеевич, – возразила: – Но все-таки давайте воздержимся: неудобно называть собачку таким священным именем. – Почему неудобно? – возразил наш гость, – перед нами же в одно мгновенье пробежала картина всего человеческого творче-

ства: один из нас усмотрел в собаке образ Пушкина – возникла искра, поднялась воздушная волна, все за столом радостно приняли. А разве не тем занимался Пушкин, да будь он с нами, увидь он Норку, так он бы расцеловал ее, а не то что обиделся.

2 Февраля. Окна от внезапного потепления, слава Богу, осветились, и стало опять возможно снимать баб у себя в комнате. Утром, не зажигая лампы, пью чай на рассвете, вечером тоже стало не жалко керосину: хватит!

Съезд Рузвельта с Черчиллем в Африке мы поняли как ответ на мирное предложение Германии, ответ крепкий: биться до полной капитуляции. А что Сталин не приехал, то нас встревожило: не есть ли это демонстрация нашего особого мнения в предстоящей организации мира.

Пришел гость и спросил:

– Не помните ли, Михаил Михайлович, как это было в Троянской войне у Гомера[23]: там одни боги стояли во время войны за Трою, другие – за Итаку, и когда Итака победила, а Троя погибла, то как помирились между собою боги-победители и боги-побежденные?

– Да, боги, – ответил я, – и не ссорились, и не воевали: у них были разные мнения только, а люди дрались и умирали.

– А мнения богов?

– Верные мнения у богов определились победой, неверные были приняты во внимание со своей полезной стороны.

– Вот именно, что приняты были во внимание. Так, значит, при победе американцев и мнения немцев с полезной стороны будут приняты во внимание.

Это все к началу разработки мысли: нет бо власти, аще не от Бога[24].

Сюда же: власть слова, власть денег и власть меча – формы одной и той же власти, как же это власти разных богов?

– Власть и сила – одно и то же?

– Нет, власть предполагает субъект, а сила может быть и безлика.

История Олега. Ходили в Купань за молоком и фотографировать на картошку. По пути Ляля рассказывала мне об Олеге[25] и потом опять о себе.

3 Февраля. Оттепель. Окна наполовину освободились от ледяных узоров, и стало хорошо фотографировать удостоверки.

Вопрос о механической добродетели. Ляля с довольным лицом высказала свое удовольствие относительно перемены в моих отношениях к теще и смягчения углов моего характера. – А я, – ответил я, – должен тебя огорчить: эта перемена произошла не от нравственной работы, не от добродетели. Так бывает: птичка, посаженная в клетку, побьется, побьется головушкой о железную проволоку и, поняв, спокойно садится на жердочку. – Пусть и так! – ответила она, – в опытах Отцов Церкви замечено, что пусть даже, если нет чувства, человек механически выполняет нравственные правила: это тоже необходимо приводит его к добродетели. – Ты говоришь так, – сказал я, – а я думаю сейчас о Р., которого жена привела к добродетели, и он стал такой бабой, что без молитвы Иисусовой не может перейти людную улицу.

Возможно, однако, что и Ляля права, и с какой-то точки зрения я стал лучше, но я обладаю нормальным сознанием здорового душой человека, не заносящего свои добродетели в книгу прихода.

4 Февраля. Галки на колокольне.

Яркий легкоморозный день. Совсем ничего не делал и от этого к вечеру заскучал. В сумерках тихо прохаживался по деревенским улицам. Слушал мирный разговор галочек возле колокольни, вглядывался увидеть их и не увидал. Они спали где-то в колоколах. Сколько их народилось за 25 лет сов. власти, сколько умерло: новые так и не слыхали колокольного звону, старые забыли, привыкли и спокойно спят теперь в колоколах. Эти красные лучи от зари попадали туда и не давали им совсем уснуть, и перед наступлением тьмы они так уютно, так тихо и мирно и так «совсем для себя» перекликались.

И я, бедный человек, несущий на себе тяжесть человеческих 70-ти лет, вспомнил с любовью все мирное, все свое невоен-

ное. Так, вспоминая бедного Евгения[26], устремленного к своему домику с невестой, вспомнил бедных женщин, окруживших на Кавказе автомобиль строителя курорта Калмыкова: эти женщины всю жизнь свою растили личные сады и жили ими, а Бетал из-за курорта их разорил, и теперь окруженный ими, сокрушенно повторял: «Ах, крестьяне, крестьяне, не понимают они большого дела».

Вспомнилось же, главное вспомнился мой галчонок – Ляля, как она пришла ко мне три года тому назад, такая прекрасная душой, такая умная и добрая и такая несчастная. И как все такое, о чем нельзя людям высказать, чем нельзя аргументировать: ведь только это, только тут человек, а все остальное – все, все ци-ви-ли-за-ция, все большое дело – все новый курорт.

Смутно было мне на душе и такой лег я дома спать и виделся мне Сталин, как хороший человек… и тоже как галчонок в существе своем истинном, притаившийся в колоколах на вечерней заре.

А заря эта, догорающая на небе малиновым светом, мне уже в постели казалось, вся складывалась из всего этого множества существ, как галчата, сопровождающие светом своим движение нашей планеты: двигаться надо нашей земле. И вот, наконец-то, я разглядел при последнем красном луче: там в глубине колокольни, между колоколом не то на жердочке, не то на веревочке плотно одна к другой сидели рядом галочки в своем тепле, в своем уюте. И на мгновенье я принял в себя что-то слышанное о переселении душ и в галочках этих, вместе собранных, увидал любимых людей…

5 Февраля. Гебургстаг (Geburgstag)*.

Обратный счет лет.

Заря красноветреная с морозом. Решаю в своей личной жизни день встречи своей с Лялей (день моего рождения) считать эрой своей личной жизни и с 5 февраля 1940 года отсчитывать свои годы назад, т. е. тогда мне было 67, и сегодня, через три года, не 70, а 64.

---

* Geburgstag *(нем.)* – день рождения.

В этом нет ничего придуманного, потому что движение духа нормального человека, возвращающегося в лоно матери, так же «естественно», как естественно считать, прибавляя к числу лет новые единицы, если иметь в виду разрушение материи[27].

Я не только верю в такого рода обратное движение к детству, но это знаю; смущает меня только одно, и то, я надеюсь, только сейчас во время войны, во время зимнего плена: меня смущает, что я мало и недостаточно страстно работаю над этим обратным движением, мне слишком хорошо с Лялей, я чуть-чуть заспался.

Ляля сегодня, в день нашего праздника, не пишет дневника. Подсчитала переписанное за год – оказалось 25 печ. листов, значит, за все три года соберется листов на 75 записей течения своей собственной жизни.

Читатель как ближний по духу и дальний по расстоянию.

Читатель, ближний к писателю, тот и ближний, которому он пишет, кого ждет к себе, тратя дни, ночи, всю силу ума и сердца – этот ближний находится от него дальше всех.

Вот оттого так и трудно вызвать его, оттого художник седеет, желтеет и морщится в его ожидании, потому что он ближний по духу и столь дальний по расстоянию.

И все искусство такое, все оно, как решето, рассчитано на избранных, все оно учит лучших.

А война – та учит всех...

(На минуту мысль оборвалась телеграммой о награде меня орденом Красного Знамени.)

Война учит «всех», пришло мне в голову, когда я снимал за картошку двух мальчишек по 15 лет. У одного были на груди стрелковые ордена, и я не знал, как мне с ним быть, потому что в комнате стена мешала отодвинуть аппарат, чтобы могли выйти все ордена. – Что делать, – сказал я, – если снять ордена, то обрежется вверху голова, волос почти до самого лба, а если сохранить голову – срежем ордена.

Мальчик задумался. А я ему пословицу: «или грудь в орденах, или голова в кустах».

– Режь голову! – ответил мальчик.

А сколько я их видел таких, идет на войну ярым контрой, бахвалится, собирается в лес убежать на дезертирское положение, а попал на войну – и там стал героем.

Это потому, во-первых, что там сразу же ставится выбор: или в кусты, или к ордену, что там есть стадное чувство движения к победе. И так это кажется легко, даже мне кажется, так манит присоединиться ко всем.

В этом свете, напротив, до чего же трудным кажется свой путь, когда все становятся против тебя. Мне думается, что вся трудность этого впервые так ярко стала в моем сознании.

Москва, Воровского, 52. Союз писателей. Скосыреву.

Горячо благодарю Президиум. Приехать мешают снежные заносы. Постараюсь одолеть. Михаил Пришвин.

<*На обложке тетради № 75:*> «Милости хочу, а не жертвы»[28], это значит: хочу, чтобы люди шли за Мной по доброй воле, а не по принуждению.

6 Февраля. Сильный мороз и солнце. Месяц народился. Утром до почты какой-то монтер прислал мальчика с текстом поздравительной телеграммы (5 февраля день рождения 70 лет (64), награжден орденом Красного Знамени).

(Причина радости – это свобода от страха.)

Естественный процесс.

Этот гражданин (nomina sunt odiosa*) прошлый год страстно ждал немцев, теперь перенес свои чувства на русского солдата: «русский солдат – это все!» Мало того, он сознается, что прошлый год от немцев ждал умного правительства – «и все!» Так перерождается пораженец.

В следующих этапах после русского солдата у него появится родина, потом полководцы, вожди и сам главный вождь. Это «естественный» процесс и не новый, ново только одно, что видишь теперь своими глазами то самое, о чем только слышал, о чем с детства долбили нам, детям, без всякого нашего внутрен-

---

* Nomina sunt odiosa *(лат.)* – не будем называть имен.

него отклика: о родине, отечестве, о властях предержащих и о всем, что идет «родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу»[29].

7 Февраля. Орден. Злой восточный ветер с морозом, в полях поземок.

Прошлый год в это время, разве немного раньше, сказал А., вы хотели бросить в реку свой орден, а теперь вы получили второй.

Макеев хитрый дурак: тем хитер, что занят вечно своей личной выгодой, а дурак тем, что ему только бы сорвать «на сейчас», а о будущем никогда не думает.

Да так и вообще: то, что называют «умным человеком» является дробью, в которой числителем является настоящее, а знаменателем будущее.

Христианин = настоящее/будущее = бесконечность.

8 Февраля. Ночью порошило, и основательно. Утро навислое, мягкое. Кононов собирает машину.

Решено, что если удастся пробраться сквозь снежные заносы, то Ляля в Москву поедет на мой юбилейный вечер (12 февраля). Одно из соображений: 1) в политической обстановке этого времени мне трудно сейчас выступать с программными словами, а искренне тоже не могу. 2) Юбилейные дары собирать легче жене, чем самому юбиляру. 3) Необходимо выждать время и зря не показывать себя. Лучше я напишу что-нибудь, а Ляля прочтет, и это хорошо будет, что она покажет себя: она будет, наверно, иметь успех и ее в какой-то мере это развлечет.

Юбилейная политика.

Дорогие друзья, читатели и товарищи, пишу вам на случай, если Валерии Дмитриевне удастся прорваться сквозь снежные заносы в Москву. Лично я не в состоянии быть на вечере, потому что на одной из моих лесных прогулок растянул себе сухожилие и некоторое время ходить не могу. Но я буду рад и тому, если Валерии Дмитриевне удастся прочитать вам эти мои слова, написанные почти в буквальном смысле сло́ва из медвежьей

берлоги. Я пишу это потому, что все вы помните обстоятельства во время первой бомбежки Москвы, когда и более молодым писателям пришлось бросить Москву и уезжать, куда глаза глядят. Так я и после попадания фугасных бомб, разрушивших несколько квартир писателей в доме на Лаврушинском, спешно должен был куда-нибудь собраться с близкими мне людьми, с архивом своим и необходимыми для жизни вещами. Мне предложил т. Фадеев эвакуироваться вместе с почетными стариками.

Происхождение сознания.

Ночью она выразила мне свой протест: – Нехорошо! Если можно тебе, отстранись. – Почему нехорошо? – Я чувствую. – Чувствуешь, но ты подумай. – Хорошо, я скажу: потому нехорошо, что происходит от случайного, и это выходит у тебя из-за случайности как-то отдельно от всего тебя: наша страсть имеет оправдание, если она сопутствует движению всей личности.

Я подумал о ее словах, и у меня сразу все прошло, и я увидал, как она права. – Знаешь, – сказал я ей, – ты очень права, и я вижу сейчас начало самого страшного греха человека: его отвлечение в частное, в специальное, теряющее связь с целой личностью. – Ну да, вот например, шахматы. – Шахматы и всякое отвлечение, может быть, на этом пути произошли все смертоносные орудия. Мы оба согласились в этом безоговорочно, потому что по себе понимали этот грех человека, показавшийся нам сразу во всей всемирной истории, от искушения Евы в раю до бомбежки, пикирующей над убежищем детей и старушек, в «тотальной» войне.

Грипп у меня начался, и всю ночь вставал вопрос: как могли ученые и достойные, культурные немцы проиграть битву, и как могли их победить большевики? Вопрос, который будет разбираться всеми людьми на свете много столетий.

Пришел Митраша. Я этот вопрос задал ему, и мы вместе «на пока» с ним согласились так: прошлый год вся Россия, весь этот «женственный» народ, как невеста, ждал жениха и в немце видел героя-освободителя. Но жених явился с самыми грубыми требованиями, и разгневанная невеста погнала его, хлопая

говеной метлой по заднице. Правда, что же другого осталось русскому человеку: дом разорен и нет ничего, и мечты больше нет: гнать, гнать!

Больная теща читает в постели бесконечную «Цусиму». Ляля взяла у нее на минуту книгу, перелистала и, возвращая, сказала: – Пошляк твой Новиков-Прибой. Я прочитала сейчас, как он описывает пасхальную ночь на корабле. – И очень хорошо! – ответила теща. – Он описывает ее как иллюзию, как выдуманное для людей утешение, обман. Но если он человек неверующий, мало ли неверующих? – Вот вздор! Это было когда-то, теперь это брошено, теперь нет таких людей, это пошлость.

9 Февраля. Номер «Правды». После метели проглянуло солнце. Дорога занесена. Делаем попытку просить трактор отбуксировать машину с Лялей в Переславль.

Пришла газета от 6-го с напечатанным указом о награждении писателя Пришвина. Приказ окружен поздравлением Сталина с победой президентом Рузвельтом и другими важными лицами, свидетельствующими тут же чуть ли не о вечной славе его имени в истории. Что может быть фантастичнее! Разве только вот на окнах февральские полдневные солнечные лучи и ночные морозы, сменяясь в борьбе своей, тоже создают подобные неожиданные картины. Самое же чудесное в такой картине, сложившейся на первой странице Литературной газеты, было, что и небывалая в истории победа, и чудовищное поражение, и сочетание имен Рузвельта и Сталина складывались как будто именно к тому, чтобы своим узором сказать Пришвину: – А ты что говорил? – Мало ли, что я болтаю в своем дневнике, – ответил я, – но помните, когда Птицын глушил меня своими непрерывными аргументами: у них, у немцев, разум, порядок, закон, у них полная преданность индивидуума коллективу, Pflicht, а у нас что: нищета, воровство, обман, распущенность, бездорожье, грязь – как можем мы победить? А помните, я на эти слова ответил: – Почему вы думаете, что непременно должен победить разум, почему не может наша грязь победить?[30]

Я принял этот орден, как «свободу от страха» и частью от нужды и особенно, пожалуй, в положении писателя, как свободу от обиды и несправедливости, 25 лет сопровождавших мою писательскую деятельность в Советском Союзе. Эти страхи, нужда и обида, поселяясь в душе человека, вечно ведут к ненависти и злобе, к поискам основной глубокой причины – врагу всего этого душевного плена.

Я с детства помню этого Кащея человечества, и чуть ли не с детства мне внушено, будто эта причина заключается в царе[31]. И как сейчас помню пробуждение свое в Петербурге, когда мне сказали, что стрельба на улицах началась, что царь отказался от престола.

Это был блаженный миг освобождения; казалось, рухнула с плеч и рассыпалась железная Кащеева цепь. Мне помнится, что чувство свободы от Кащеевой цепи с этого одного дня не пребыло во мне, и Кащеева цепь еще крепче сдавила, и тогда эта власть, ставшая на смену царской, превратилась в причину зла, и так продолжалось 25 лет.

Теперь же эта победа Сталина, несомненно признанная самим Рузвельтом, и вместе с тем этот орден, освобождающий меня от страха и обиды, создали во мне настроение свободы от злости на власть – не то, что как 25 лет тому назад мне представилось, будто рушится Кащеева цепь, а что не в этом дело, не власть и не Сталин сами по себе являются причиной зла. – Мне кажется, – сказал я, – в этом отношении у нас будет жизнь, как в Америке: власть будет свое делать, но лично мы не будем о ней думать так много, как думал прежний наш интеллигент, и наша личная жизнь пойдет по иному пути. Мне кажется, нам с тобой теперь будет лучше. – Неправда! – ответила Ляля, – не может быть лучше жизни, как мы жили с тобой эти три года, мы жили здесь, в лесу, так независимо, так свободно, так прекрасно, как на свете мало кто живет. Ты это натаскиваешь на себя старое, пережитое. – Но свобода от страха? – Это раньше было, а когда мы с тобой сошлись, мы этот страх победили и жили здесь свободно, как цари.

Поздравительная телеграмма Чагина содержит в себе в отношении меня эпитет «русского большевика», а статью «Певец русской земли» проф. Федосеев заканчивает словами: «Его вы-

сокоталантливые произведения приобретают особую многозначительность в наши дни». Эти слова ясно указывают, что награждение орденом меня является политическим актом в таком значении: Пришвин не хочет подхалимствовать, как прочие, ну так сами устраняем от него необходимость в этом. И так вроде как бы ласковой рукой погладили по затылку непокорное дитя. И как бы там ни было, но мне это было приятно.

Pflicht и послушание.

Немецкое Pflicht и русское послушание. В немецком Pflicht содержится некоторый вредный своей неподвижностью избыток самоутверждения в разуме (ограниченность). В русском послушании упрекает нас легкомыслие в отношении разумного ограждения своей личности.

– Теперь Сталин, – сказал я, – великая историческая личность.

– Не хотелось бы мне быть на его месте, – ответила Ляля.

– И мне тоже.

– Почему?

И вспомнились блаженные минуты в лесах: идешь, идешь, думаешь о чем-нибудь важном или пустяках и ничего особенного не видишь, но вдруг, именно вдруг, непонятно как и почему, вступаешь в луч какой-то гармонии мира, и покажется, будто кто-то на стороне глядит на тебя, даже вздрогнешь, повернешься туда – и это елочка в рост человека стоит, глядит на тебя, как человек, и действительно видишь в ней хоть не человека, а образ тоже живого одушевленного существа, и все вокруг тогда становится вот таким живым, интересным, и самое удивительное в этом, что оно не иллюзия: стоит захотеть – и другие люди поймут. Да вот тоже сейчас вижу сквозь форточку деревья, и между ними тихо падает снег, а кажется, там все делается, все самое главное для нас, для нашего лучшего, чего словом нельзя никак выразить.

– Что это такое? – спросила Ляля. И она ответила:

– Вот это самое, из-за чего не хочется быть историческим деятелем: они для этого слишком заняты, у них не может быть этой праздности, из которой рождается это чувство.

10 Февраля. Солнце днем плавило узоры на окнах, к вечеру опять стало затягивать и вечером светил молодой месяц со всеми звездами, и снова морозило.

11 Февраля. Поздравления.

На дворе весна света разгорается с каждым днем[32].

Охотник Иван Троф. выдержал 8 припадков падучей и, когда стал в себя приходить, вспомнил первое, что собирался со мной по весне на глухарей (без времени ведь тоже не вспомнишь – время подходит).

Письма с поздравлениями все идут каждый день; Петя телеграфировал: «Дважды орденоносцу», Е. К. Миллер: «Поздравляю с прибавкой таланта», а Чагин, хитрец: «русскому большевику» (каждая из этих трех телеграмм характеризует умонастроение значительных групп).

Ляля на ходу бросила мысль: – Напрасно ты не пишешь сейчас романа о религиозных исканиях: мы, оставаясь с Христом и церковью, можем так написать, что защита наша Христа большевикам будет казаться полнейшей антирелигиозностью.

Есть отношения человеческого благоустройства, в существе своем содержащие в себе божественные начинания, но эти отношения исключают произнесения «во имя». Я думаю, эти отношения настолько естественны и так просто вытекают из жизненной необходимости, что у честного правдивого человека выходят сами собой, как будто Бог поручил человека оставаться в них своим заместителем.

И тот деятельный человек, в своем тайном сознании знает этот договор и, когда приходит другой человек с именем Божьим и требует в делах этих «во имя», тот деятель знает, что это пришел обманщик и говорит ему: «Тут в этих делах Бога нет! твой Бог – сатана». (Из мыслей «русского большевика».)

Ночью меня сдавила, наверно, старинная тоска, и после 3 лет счастливой своей жизни я впервые опять увидел во сне невесту моей юности. Проснувшись после сладостной встречи, я ужаснулся: неужели это измена Ляле? И крепко подумав, при-

шел к выводу, что бес (лукавый) действительно с нами живет и обитает, но только не в сердце Ляли, а у того, кто...

Самая сущность дела беса это, конечно, обман, принимаемый за правду, за действительность.

И начало всего обмана стоит в любви, именно стоит и мут*и*т чистейший поток.

Пескари сначала охотно идут на червяка, но скоро в чистой воде начинают видеть крючок, таящийся внутри червяка. Вот как только они перестают клевать, мы разуваемся, мутим воду ногами, и в этой мутной воде рыбки опять начинают клевать.

Так и любовь наша начинается в чистой воде, продолжается в мутной.

Мы же будем писать о той любви, о таком потоке чистом, где все видно, где нет крючков и замутить невозможно.

Крючок в обыкновенном потоке любви это, конечно, собственность, возникающая вслед за тем, как он говорит: «ты моя» и она отвечает «ты мой». Глотнув это сладчайшее блюдо, оба влюбленные вскоре выхватываются из свободной стихии и бьются на сухом берегу, покоряясь ветхой заповеди: «В поте лица обрабатывай землю, в болезнях рождай детей».

Вот и все. А мы будем писать о таком свободном потоке, где любящие обходятся без «мой» и «моя», и говорят одно только «Ты»!

Ефросинья Павл. сломалась только на этом «ты мой». И Нат. Арк. мучает свою дочь только своим кумирным дурманом: «ты моя»! И весь протест, все движение Ляли, вся ее сила, и мудрость, и мука, и радость души ее исходят из веры ее и утверждения личности своей во Христе, и этот истинный Христос делает ее царицей.

12 Февраля. Теплеет и веет к метели. Обещаются прислать трактор. Союз телеграфирует, что вечер откладывается до 15-го. Ляля собирается ехать вместо меня. ¾ газетного листа определены на чины и ордена. Это необходимо в государственных делах, и смешки либералов над орденом глуповаты.

N. сказал им: – Поймите, что народ на войне работает на свое будущее счастье, и пусть дикий народ выйдет победите-

лем. Что же это будет, если он сразу весь предъявит государству свои векселя? Будет то, что было в 17-м году. Вот почему надо создать очередь в распределении жизненных благ: первые станут маршалы и герои, потом дальше все ниже по чинам и орденам, и каждый будет иметь превосходство в отношении сзади стоящего, и местом своим дорожить. Орден и чин – это право на получение жизненных благ.

13 Февраля. Величайшая метель сверху и снизу. Трактор не мог пройти и вывезти мою машину на шоссе.

Написал послание в Союз вместо речи на юбилее.

14 Февраля. Мягкая, тихая, пасмурная погода после метели.

Посылаю письмо Скосыреву и статью (послание).

Дорогой Петр Георгиевич, Переславский район принял участие в доставке меня в Москву на юбилей, выслали трактор в помощь моей машине, но и трактор не мог одолеть снежные заносы, разделившие меня с выходом на шоссе (20 км от Усолья до Переславля). Жена моя, Валерия Дмитриевна, «жена» это маленькое дело, а главное, друг и соавтор будущего моего произведения (3-я часть «Кащеевой цепи»), взяла на себя инициативу пробиться одна и выступить на вечере вместо меня. Я вооружил ее посланием, и мне очень хочется, чтобы прочла его именно она. Если Валерия Дмитриевна не пробьется, то поручаю Вам, Петр Георгиевич, прочитать на вечере. Между тем трактор из Переславля с клином рано или поздно пройдет, и как только пройдет, я приеду, и можно будет устроить экспромтом какой-нибудь вольный вечер в компенсацию официального.

Всего Вам хорошего. М. Пришвин.

Если Вы найдете возможным печатать мое юбилейное послание – отдавайте в печать.

Ляля определенно болеет машинофобией, болезнь, которую я впервые увидел, и, может быть, это даже неизвестная еще болезнь. Лялю отталкивает от машины ее принудительная сила: каждый механизм есть сложная система принуждения с заветом: «ты только тогда будешь владеть механизмом, когда сам... как составная часть, вступишь в нашу организацию».

Христос, поймите! – это, прежде всего, Бог, а потом уж человек, а Бог – это свобода, и Богочеловек – это есть воплощенная свобода или любовь. Поймите же человека, воспитавшего свое сознание во Христе – эту Лялю, мою царицу, принуждаемую вступить в организацию шестерён, зубчаток, валиков, подшипников, рычагов, болтов, винтов, гаек и т. п. Она не боится никакого труда и даже самого грязного, самого черного, но при условии, что она его сама изберет: так Христов человек даже смерть принимает со сладостью потому только, что он сам лично берет ее, берет как свободный и попирает ее принудительную силу, становится богом – существом бессмертным.

А между тем ведь даже ножницы, даже иголки – это машина, и труд человеческий не может обойтись без машины, требующей от человека покорности. Без машины можно трудиться, только молясь, и, может быть, слова в своем происхождении тоже не требуют машины: слова от Бога. Может быть, не в машине тут дело, а еще глубже, в организации для человеческих целей, а не для Бога (церкви).

Человек вынужден делать не свое дело, но всей душой чувствует, что он именно вынужден, а рожден для другого, в чем он свободен, в чем он первый, единственный, царь. Такая Ляля, так она чувствует себя в каждом деле, и потому ей не хочется в нем совершенствоваться, делать лучше, а как бы поскорее, только бы спихнуть. И вот, наконец, найдено свое, для чего она рождена; это свое у нее – это я, Михаил Пришвин, и в этом она первая и единственная: она первая и единственная в понимании Михаила Пришвина... и...

Когда я смотрю на нее со стороны, как на секретаря, машинистку, фотографа и т. п., до чего она плоха, нерадива, трудно хуже найти. Но когда изнутри посмотрю – все наоборот: все, на что раздражаешься, глядя извне, – все мелочь из мелочей! Глядя оттуда, понимаешь все так, будто это царственно-праздная душа, единственная, привлеченная к тому, что легко могут делать обыкновенные рабы. Оттуда я стыжусь сам себя, [если понимаю] ее как рабыню.

А еще потому я мирюсь, что, по правде-то говоря, у меня хотя и лучше выходят дела, но ведь я жил больше, и мужчина, а в существе своем ведь я тоже такой, неделовой: мое дело тоже молитва, а не организация, не машина.

14 Февраля. Погода – только не тает. Фотографический день: Ляля расстроила неповиновением в технических делах. Но вечером я сам себя почувствовал виновником в унынии. Это ведь особенность наших отношений, что уныние является нравственным проступком, свидетельствующим об унижении чувства любви к другу. Ляля, напротив, часто злится, но никогда не унывает, потому что не избалована жизнью, потому что слишком много страдала. Хорошо одно, что я хорошо это понимаю и эту ответственность свою чувствую и каюсь.

Отправил Скосыреву юбилейную речь о молодости и завтра отправлю рассказ «Город света»[33].

Взят Ростов.

15 Февраля. Как и вчера, только не тает. Пробиться Ляле в Москву не удалось. Посылаю вторую речь: «Город света».

16 Февраля. Ждем трактора или перемены погоды (сейчас, как все эти дни, ни то ни се). Есть опасение, что мы застряли здесь до конца апреля: нечего сказать – юбилей.

В воскресение мне было очень тяжело на душе и без причины. Вечером в постели Ляля приняла меры, чтобы развлечь меня, и ей это удалось. – Вот и опять ты меня любишь! – сказала она в заключение. И я действительно через эту радость жизни возвратился к той нашей дружбе, в которой дурные настроения понимаются, как нравственный крах и обида другу. На другой день я встал здоровым, веселым, у нее же на этот день открылась месячная ее болезнь.

И так можно было сравнивать обе необходимости – одну, как необходимость радости жизни, и другую, как необходимость печали (Сирин и Алконост вот ведь откуда появляются).

И Мать скорбящая и младенец, радость жизни у ее груди.

Не раз видел я в лесах и на лугах птицу с надломленным крылом; в каком страхе, то останавливаясь и прислушиваясь, то разбегаясь и цепляясь больным крылом за былинки, она мышкой бежала. Раз так она зацепилась за травку, а я накрыл ее ладонью – как билось у нее сердечко, как сверкала она черно-огненными глазками, с какой силой острым клювиком била в мой мозолистый палец. При первых встречах Ляля походила на чудесную птицу, вроде ласточки, с надломленным ее страхами крылом.

Вчера за столом хлеб, молоко, яйца, масло, даже клюква – все это было получено мною путем фотографии. – Мне это не стоило никакого труда, – сказал я, – какой это труд фотография в сравнении с литературным трудом. – Но ведь, – ответила Ляля, – каждому специалисту кажется, будто он не трудится, а у него выходит. – И это правда, настоящий творческий труд предполагает цельную личность с обязательным риском жизнью, а специальность есть ограничение, своего рода рабство личности, но рабство с хорошим вознаграждением. По-видимому, на этой приятности самоограничения специальностью построена вся жизнь Америки, и Рузвельт выходит таким приятным доброжелательным человеком.

17 Февраля. Вчера после обеда и на ночь моросил дождь. Сегодня утром тоже тепло и тихо. Мы выезжаем в 6 утра с подводой леспромхоза в Переславль.

Видел когда-то и Рублева, и Рафаэля, и ничего не понимал, а теперь сижу в глуши, ничего не вижу и все понимаю. Пришло это потому, что имел соответствующее переживание или просто назначенное время пришло. И я такой весь, рассчитанный на долгую жизнь, а другой (Олег, Лермонтов) рожден, чтобы вспыхнуть: сразу весь. Как бы вам хотелось родиться – на долгую или на короткую жизнь? Хотите сразу сгореть, как Лермонтов, или жить, как я, долго-долго под хмурыми тучами и с каждым годом чувствовать, что тучи мало-помалу расходятся, и вот-вот покажется солнце...

Кровь на фронте и слезы в тылу.

В Переславле. Харьков взят. К этой славе Сталина вдруг и моя слава пришла. Завидев знакомого в городе, издали понимаю, что он надувается для поздравления с «высокой наградой», как индюк, и «Буль-буль-буль»! и я ему в ответ с благодарностью: «Буль-буль-буль»! Злой хитрец Витюков, заведующий творогом, даже почти что во фронт стал, отбулькал, а когда дошел до творога и мыла, сейчас же за трубку – и вот разговор: – Ко мне пришел писатель, дважды орденоносец Пришвин, просит мыла. Да всего кусочек. Есть? Значит, счетов нет? А все-таки есть? – Трубка кладется: – Говорит, есть, но счетов нет. – Нельзя? – Выходит нельзя. За творогом пошли в Молокосоюз.

Заведующий – еврей, слава Богу: с евреями все-таки легче. Разговорились, спрашивает: почему я не черпаю материалов на фронте. Отвечаю, что там кровь, и я крови видел раньше много, довольно, теперь смотрю на слезы в тылу. Слезы ведь тоже материал? – Конечно, материал. – И еще, – говорю, – меня теперь больше интересует личность, чем массы. – Но ведь разве там нет личности, там именно герои. – Герой, – говорю, – это еще в моем понимании не совсем личность: это особь, но еще не личность. – Как так? – А вот, например, я дважды орденоносец, почти герой, по-вашему, личность? – Конечно, личность. – Ну вот, прихожу я, личность, к Витюкову, он поздравляет, значит, я личность? – Конечно, личность. – А потом я прошу кусочек мыла, он не дает: значит, я в этом случае не личность.

Навестили после смерти Д. М. Кардовского старушку его, Де ля Восс. Узнали, что у нее флигель свободен, загорелись – переехать к ней. Беготня по делам ремонта.

18 Февраля. Подморозило. Беготня по ремонту флигеля. Намечена поездка Ляли в Москву 22-го. Возвращались на лошади (4 часа). Теща дома прочитала речь Рузвельта и влюбилась в нее. А мне эта речь напомнила речи Керенского «до полной победы»: точь-в-точь такая же идея благополучия и те же угрозы в сторону левых.

19 Февраля. Война за конец.

Мягкий день после метели. Мысль Рузвельта против «крючкотворцев» (о будущем конфликте с Россией), – что это частные взгляды, упускающие из виду целое, за которое воюет все человечество, кроме фашистов, это Целое в том, что народ сам избирает свое правительство, и все эти правительства согласились между собой в основах длительного мира. Эти основы состоят в обеспечении «свобод» разного рода, свободу, между прочим, от страха.

Изображая конкретно эти свободы, он перечисляет их: один воюет за церковь в своем переулке, другой за семью, третий... и т. п. Все это очень хорошо, только когда представишь себе русского и спрашиваешь, за что он воюет, то... что-то неопределенное, неощутимое, близкое к тому, как если бы сказать, что «воюет за конец войны», за разумное правительство (прошлый год конец и разумное правительство соединилось с немцами: ждали немцев и плохо воевали, теперь за Америку?) Нет! не совсем, но воюют за короткую цель: этих неудавшихся претендентов на русскую власть, немцев, надо изгнать и кончить, значит, опять за конец войны.

20 Февраля. Солнечное утро, небольшой мороз. Собираюсь бросить эти бесполезные дневники для себя и начать какое-то писание для печати. Может быть, это будет просто «Ботик», т. е. прислоняясь к материалам текущей жизни, а может быть, и взовьюсь на большое дело, буду писать мой роман. Лениться становится стыдно и перед другом своим, определившим жизнь свою в помощь мне.

Победа теперь оправдывает. После Харькова (17). Прошлый год немцы били наших; было жалко людей, а теперь, когда немцев наши бьют и теряют, конечно, больше людей, чем прошлый год, чувство жалости и вообще даже счеты убитых исчезли. О наших потерях больше не думают.

Тут не в одной победе, тут и в оправдании потерь достижением победы и близости конца.

Нет! Тут что-то нажилось нами в процессе разрушения: особое чувство народного бессмертия, как-то так стало на душе,

что не в этом дело, не в числе убитых, что убить всех до конца невозможно. Так было, помню, и в той войне, когда там на фронте побыл сам и к делу смерти привык[34] и, поминая милых умерших, радовался в сердце, что сам остался в живых...[35]

Ленинградский фольклор. Рассказ ленинградца. Солдат шел по улице, встретил покойника, обратил внимание на знакомое одеяло. Подошел, узнал свое одеяло и понял – жена! Рассказчик прибавил: – А если бы пошел другим переулком, так бы и не знал, что жена умерла.

Весь день крутится метель – свету не видно.

Разум и воля. Цветков из Тарусы прислал письмо: Цветков, Разумник, теща, Ленин – это все рационалисты и тем самым – упрямцы сильные (Разумник, Ленин) и бессильные (теща, Цветков). Так или иначе, но воля всегда сопутствует Ratio.

Причина побед. N. ответил на мои слова о причинах побед наших над немцами: – Пустяки! все в том, что кормить начали на фронте и деваться некуда – вперед – есть надежда остаться в живых, назад – смерть.

21 Февраля. Метель. После вчерашней метели (не каждый год бывает такая метель) и опять метель, метет, свету не видно. Говорят, что и трактор даже не может пройти, и мы от Москвы отрезаны.

Оправдание Ветюкова. Множитель. Ветюков (зав. торготделом в Переславле) каждого человека принимает, как множителя: много вас таких просят, всем дать по кило – и на складе ничего не останется. Так вот и я пришел с просьбой о мыле. При слове «мыло» в глазах его и мелькнуло: «много вас таких», но вслед за этим он вспомнил, что я не множитель, а дважды орденоносец, и «таких» в городе только один. – Только один, – сказал я, – на что ни множьте, все будет единица: прошу один кусок и один останется... – Но он так и не мог

выйти из таблицы умножения, понять человека, как единицу, и мыла не дал.

Вот такими-то людьми и держится государство, не будь этой стены, каждый бы счел себя за единицу, и все государство разлетелось бы в три дня, как мыльный пузырь.

Два потока: гордость и удивление.

Теща вчера сказала: – Лев Толстой, неужели он был слабый человек? – А что? – Да вот что, попал к бабам в плен и не мог вырваться.

Это подняло у нас с Лялей поток мыслей о любви таких людей, как Толстой, о любви в его романах и о нашей любви, какой мы ее хотим для себя. У Толстого в его любви не было смирения, и вот почему как в своей семейной любви, так и в любви к ближнему и в любви к дальнему[36] он попал в плен «лукавого». Если бы он мог принять в себя смирение, то в любви к ближнему не сделался бы лживым резонером («У меня нет ничего, я все на жену перевел»), в любви к дальнему не променял бы дело художника на претензию быть пророком, в любви семейной не попал бы в плен к бабам.

– А что далеко ходить, – сказала теща, – не будь Ляли, вы бы тоже не выбрались из своего бабьего плена. – Ну, нет, – ответил я, – вы можете найти в моих записях до встречи с Лялей, что мечтаемая и недоступная для Толстого хижина пустынника есть моя квартира на Лаврушинском...

А впрочем, что я? Ведь можно тоже гордиться и своим смирением, [но] это слово так истрепано попами, что требует полного обновления своей словесной оболочки.

Смирение в моем понимании есть русло священного творческого потока, как гордость – потока в другую сторону <*зачеркнуто*: не священного>. Образцом такого священного смирения у себя в любви к Дальнему я считаю некоторые свои детские рассказы, в любви к ближнему – мое последнее письмо в Союз писателей, в любви семейной – мои отношения с Лялей. Я смело называю все эти примеры образцами, потому что я не от гордости говорю, а от удивления самого искреннего: я удивляюсь, как это я, такой-сякой в любви к дальнему мог сделать такой рассказ как «Гаечки»[37], в любви к ближнему – написать

такое прекрасное письмо в Союз писателей, а в любви семейной... найти Лялю.

– Смирение, – сказал я Ляле, – слово избитое, надо его чем-нибудь заменить, что если вместо него будем брать «удивление»?

– Прекрасно, – сказала она, – что будет выражать лишь вторую часть всего душевного движения, называемого смирением: удивление выходит из самопознания.

– Самопознание тоже избито, как и смирение, – придется пользоваться только удивлением.

В первой любви своей я как будто выпрыгнул из себя[38] и не знал, куда деваться с собой, и в этом новом положении двигался, как все, к обладанию предметом своей любви.

Есть в этом процессе момент в каком-то смысле, скажем, мужского насилия, приводящего к обладанию. Это насилие узаконенности, как необходимое мужское свойство приводит обыкновенно к обладанию и в скрытом состоянии к собственничеству: на этом месте психического процесса Толстой ставит свою «Крейцерову сонату»[39]. И он прав, поскольку любовь, как мужское обладание приводит к собственности и драке самцов за самку.

Но есть другая любовь к женщине, которой не знал Толстой вовсе, судя по его романам. В процессе сближения и обладания, в этом процессе природной любви может возникнуть в мужчине понимание в любимой им женщине начала высшего, чем его мужское, обычное в природе обладание. Это понимание не только не отвращает от стремления к обладанию, но, напротив, делает его необходимо священным и выводит с пути к собственности на путь смирения (удивления)...

В таком сближении мужское (пол) сохраняет все свое мужское (силу, талант, творчество), но подчиняет его чему-то высшему, живущему в сердце женщины-матери, а не самки.

Зачатки этой любви содержатся во всякой любви, но в борьбе разных сил обыкновенно первенствует внешняя сила мужского господства, а потом образуется мать–собственница детей и втайне руководит действиями высшей (мужской) силы.

(Материнская любовь – это признанная сила в Советском Союзе.)

22 Февраля. Утром после метели красная заря, умеренный мороз, тихо, и потом снег. Иду в Купань за творогом.

Последние дни, чувствую, надо мною навис мой возраст и давит меня. Нет никакой болезни, даже боли, но душа подавлена и радости нет, хотя я счастлив и у меня все есть. Утром, только чтобы уйти от себя, уйти из дома, пошел в Купань за молоком. Принес 5 литров к обеду и почувствовал себя хорошо: хотя что-то сделал, и стало хорошо. – Я сегодня, – сказал я, – с пользой утро провел. – С большой пользой, – ответила Ляля. И мне стало еще лучше, и я понимал сегодня тех людей, которые утешают душу свою суетой на пользу ближнего. Боюсь, что Ляля вся в этом: испуганная когда-то в прямом стремлении (как все на земле прямо к солнцу стремится), она и стала, как я сегодня из Купани, носить молочко ближним и этим выправлять и лечить душу. Но нет, Михаил, ты-то не сдавайся в ту сторону, ты расти прямо.

Прямо она мне не дала ничего, но через нее я узнал, что талант мой имеет священное происхождение и должен быть возвращен к Богу.

Война, как война – ни хорошо, ни плохо, как ветер или зной или стужа: бывает – плохо, а бывает и на пользу, значит хорошо. Но скажешь, не просто война, а большая, и в слове «большая» при условии, что ты выйдешь из нее победителем, заключается ее нравственное оправдание, как в городе постройка большого каменного дома оправдывает разлом маленьких деревянных. И победи Гитлер...

Ну, конечно, тогда бы мы все с нашими всякими союзниками пошли бы на слом, как деревянные домики при постройке каменных. Гитлер погибает, как Наполеон. В лице Рузвельта торжествует мещанство и компромисс? Не думаю: вернее всего, большая идея Гитлера единой власти на весь мир перейдет лишь в практические руки американцев, и этим большая война себя оправдает.

23 Февраля. По-прежнему дует сильно с юго-запада, вот-вот опять завьется метель, и ни мороза, ни оттепели.

Вчера меня озлило, что Ляля, помогая мне при печатании фотокарточек, ничего не понимающая, лезла ко мне с замечаниями и мешала работать.

– С тобой нельзя работать, – сказал я, наконец, и, передав ей проявитель, ушел. Мать сказала: – С ней вдвоем работать нельзя. Не работайте. Я ответил: – А где вы видели у женщин дружную работу? Каждая женщина спешит в работе и не работает благоговейно. Ляля пришла и хвалится: – Смотрите, как хорошо у меня! – Мы посмотрели. – Ну, что? – Ничего, только заслуги нет: все мной подготовлено, и ты даже и проявителя не можешь составить, и не можешь даже глядеть на аппарат. – Не люблю, я вообще любить аппарат не могу, и люблю только тебя и маму. – Так что Ляля – женщина в самом чистом виде.

Вообще, у Ляли «делать» что-то (творить) это значит делать полезное для любимых людей, если же приходится делать беспредметно, то тогда значит делать не для кого-нибудь, а для себя и значит тут надо быть первой, т. е. выскочить вперед со своим «я». За это ее раньше ненавидели все женщины. А с тех пор как она сошлась со мною и в любви этой погасила интерес к выскакиванию, женщины стали относиться к ней хорошо.

Из «Кащеевой цепи». После главы о Нагорной проповеди, следующая – о читателе:

Какое неприятное слово «читатель» и какой ужасный для поэта повторяется издателем вопрос: для какого читателя вы писали вашу вещь? Не о читателе думал Алпатов, не о критике, конечно. Как всякий настоящий поэт, он имел в виду не ближнего, а дальнего.

Работа для ближнего, женская, всегда легче мужской творческой работы для дальнего, но редкая женщина понимает, что работа для дальнего в существе своем есть тоже работа для ближнего, и редкая стремится служить ближнему через дальнего. Большинство баб свою работу на ближнего считает началом и концом человеческой деятельности, и через эту свою

ограниченность порождает собственность. И часто сам творец, мужчина, под влиянием женщины, меняет свое первенство на чечевичную похлебку[40] и тоже вместе с бабой своей (этот кулак) тащит дары с Божьего поля в свой дом. Такое общее влияние женщины ветхозаветной. А евангельская женщина, не покоряясь природе, во Христе ищет себе удовлетворение в этой любви, чтобы работа самого творца стала служить на добро ближнего.

Гитлер падает, и в оправдание «падающего толкни»! (Ницше)[41] сейчас все в этом мщении соединяются и свариваются. Гитлер падает в человеческий котел, называемый «компромиссом», где все идеи, как кости, вывариваются на здоровье и пользу человечества. Всем будет хорошо, все будут есть Гитлера и хвалить Рузвельта.

Рацио (Ratio) ограничивает нравственность, и отсюда из ограничения является «моральная сила» и самоудовлетворение ею.

Профессорский взгляд на большевиков (Д. Н. Прянишников). Эти профессора на большевиков смотрели, как на случайность и не всерьез. И так было, по-моему, до Сталинграда, до послания Сергия к богоизбранному вождю[42].

24 Февраля. На окнах утром «золото в лазури» (вот и Белый вспомнился[43] – где-то он теперь?), весна света в разгаре, полдни царственные.

Прочитал намеки из речи Геббельса и понял так, что в Европе революция сдерживается лишь военной силой Гитлера, что, пожалуй, действительно, если только Гитлеру капут, то большевики захватят всю Европу, что после героя Гитлера героем выступят массы... и капиталистический рай Рузвельта надолго, если не навсегда, отсрочится.

Не будущая жизнь сдерживает наше поведение здесь, а жизнь недожитая: каждый из нас стоит перед неизвестностью впереди

в надежде и страхе. И каждый видит примеры себе по другим людям: сколько случаев бывает таких, – вдруг что-то перевернется в судьбе человека, и жизнь идет совсем по-другому, и тот же самый человек судит о жизни своей по-другому. Значит, нельзя полагаться на то, что происходит сегодня, и приходится подождать завтра, и это завтра есть не будущая жизнь на том свете, а жизнь, недожитая здесь, на земле. Так живет множество людей, и так Алпатов жил тоже ощупью, как слепой. Тут одно только упование на завтра ведет человека, и в уповании доверчивого простака скрывается невидимая сила, собирающая в смысл и единство весь мир.

Никаким словом нельзя это выразить в обществе, и каждый должен держать это про себя и черпать в нем силу и смысл для своего поведения. Я долго жил, хорошо про себя понимая эту силу недожитого дня и непережитого завтра, я поражался примерами этого доверия в природе животных своему будущему, несмотря ни на какие очевидные жертвы. В смутной тревоге сравнивал их упование со своим и, наконец, утвердился в необходимости каждое утро ритмически напоминать себе об этой скрытой силе нашего упования, закрепленного в детские молитвы мои: Отче наш и Богородица.

Чувствую, вот уже кто-то смеется надо мной из тех, кто еще далеко не дожил до меня, и мне приходится закрываться героем моим, Алпатовым: пусть это не я, пусть Михаил Алпатов... Но далеко еще было Алпатову до Богородицы и не только потому, что он не дожил, а скорее, что ревновал свое чувство и не хотел вручать его измятым словам.

Под вечер наносили воды, дров, выбили пыль из одеял и пошли прогуляться. Вот какой оказался вечер чудесной весны света: на западе небо горит и крупные, самые крупные звезды – там, там, там! И морозик легкий, пахнет солнцем, и такая тишина особенная, – где-нибудь стукнет что-то, и знаешь, что весло только так может стукнуть.

– Вот, Ляля, – сказал я, – праздник: мы празднуем.

– Да, я этого вечера никогда не забуду.

– И это есть праздник, и мы живем, трудимся, мучаемся только для того, чтобы создать праздник.

– Конечно, в этом же и есть православие: настоящий православный 7 недель постится, чтобы почувствовать праздник Пасхи.

– Страшно, что вот живешь, пишешь, и как будто что-то новое открываешь, а оно оказывается уже давно открыто: вот казалось мне, занят был творчеством праздника, а оказалось, так постоянно все делали.

Ничего мы не открываем нового, конечно, ничего! Мы только освобождаем известное из-под привычек. Так вот и праздники: даже сами церковники не знают теперь их смысла, и мы можем им открывать их смысл.

25 Февраля. Шестой день не курю: бросить легче всего – это найти скверный табак с пылью, закуриться, чтобы опротивело до невыносимости, и бросить.

Божественный пир. То бескорыстное чувство и мысль, с которыми мы, художники, вопреки всему, смотрим на природу, я раньше называл «родственным вниманием» и смутно чувствовал всегда недостаточность этого понятия, всегда мне казалось, что внимание, пусть и родственное, таит за собой нечто его определяющее и направляющее.

Теперь я, наконец-то, понял, что это: это особое состояние духа, которое называется празднолюбием. Смутное же сознание, что есть какие-то способы управления родственным вниманием для творчества этим празднолюбием проясняется: это есть то самое, чем создает верующий человек себе праздники.

Оказывается, что праздники церковь делала посредством того же родственного внимания, и это творчество было доведено до высокого совершенства. Но только это действо художников, создававших праздники, давалось массам безучастно, постепенно превращалось в обрядность и сами праздники в праздность.

Так и Космос, наверно, создавал Творец, как величайший праздник в едином ритме, а потом мы, народившиеся существа, не бывшие на том божественном пире, поняли этот творческий ритм, как законы природы, и приступили к их изучению со счетом и верой.

Все наше природоведение основано на замене ритма метром, и творчество праздника Космоса понято как эволюция видов от низшего к высшему. А мы за то и художники, что чувствуем в природе ритм первичного творчества Праздника Космоса, мы, художники, потому что мы участники того великого Божественного Пира.

26 Февраля. Вчера до ночи крутила метель, и сегодня тот же ветер с утра и то же серое, нависшее небо и тепло.

Приказ Сталина к 25-й годовщине Красной Армии объясняет провал немцев под Сталинградом их слепым исполнением плана и неспособностью маневрировать, попросту говоря тем, что немцы вообще люди хорошие, честные, но довольно глупые. Так вот определяется народ, как и отдельные люди, в такой-то год, месяц, день, час, а может быть, и в роковую минуту закончился на Страшном Судилище. Так с французами было в 1783 году, так и с немцами в 1943: там революция, здесь «спасение цивилизации».

Мы же, дети русские, вырастали в гимназиях с немецким режимом и с учебниками и с французской свободой на словах в обществе. Оба эти противоположные начала – личной свободы и государственной необходимости во многих сердцах поселяли верование в западного настоящего человека. Эта уверенность в существе западного человека была так велика, что продремала во мне до сих пор.

Еще несколько лет тому назад в «Детгизе» при обсуждении кандидатуры Фаворского на иллюстрацию моей книги, я привел аргумент в пользу Ф-го, что его иллюстрации моей книжки «Жень-шень» имели большой успех за границей. На это мне ответили так, что всему есть время – это было раньше, заграница была для нас авторитетом, а теперь нет! И тут же вполголоса передали, что сигнал к этому в высшем источнике уже дан: мера по загранице должна быть оставлена. Мне такая самонадеянность была противна.

А вот теперь, когда немцы разбиты, встает образ западного человека, как бы вывернутого изнутри наружу кишками свои-

ми и всем механизмом человеческим, представленным шестернями, зубчатками, гайками, валами, винтами... Этот западный человек под Сталинградом разбился – и не встать ему. А настоящий западный человек в своем восточном синтезе – это будем мы? Или кто?

27 Февраля. Одних метелей длинный ряд, и среди дня мажется и каплет.

Выпросил на площадке трактор, и надеюсь сегодня или завтра отправить Лялю в Москву. У меня кашель, и этого достаточно, чтобы меня в Москву с собой не тащить. Мне же ехать не хочется и, кажется, незачем: как-то чувствую, все там достаточно заняты собой и со стороны это неинтересно. Что же касается деловой стороны, то пусть она сама для меня делается («Отвергнись от мира[44] – и он будет тебе служить как раб»). Это мое чувство жизни теперь похоже, как бывает, поднимаешься на высокую гору и, возвышаясь, расстаешься с миром внизу, и время от времени оглядываешься на него и радуешься, что благодаря высоте твоей он там хорошеет.

Мало-помалу я начинаю понимать Лялю как тип православной женщины, т. е. что она не одна такая, не «ангел», как я вначале ее понимал, а представитель людей «доброй воли», и в этой-то доброй воле и есть человеческая сущность всего православия.

Добрая воля, во-первых, тем добрая, что расширяет Мысль, а не ограничивает ее, как воля недобрая или злая. Германская государственная культура есть культура ограничения Мысли, подмены Мысли Ratio, который и есть Недобрая воля.

Торфопредприятию я решительно заявил: целый месяц я не могу из-за вечных заносов выбраться к шоссе, пожертвовал своим юбилеем, теперь мне хочется слетать в освобожденные районы. Всего на 7 километров дайте мне трактор. У начальников просил трактор, они мне ответили: – Хорошо, мы дадим, но трактор только что вышел из ремонта, что вы будете делать, если он застрянет в лесу?

Наша рассудительная старушка, узнав, что трактор может застрять, стала нас отговаривать и тоже спросила: что вы будете делать, если трактор застрянет в лесу? Я пошел к трактористу Крохину, он мне показал, я убедился, что трактор в порядке. – А ты знаешь, – сказал я, – начальство не очень доверяет тебе, они меня спросили: – А что вы будете делать, если трактор застрянет в лесу? – Что вы им на это ответили? – спросил тракторист Крохин. Я ему подмигнул. А он что-то понял и засмеялся, и сказал: – Я бы тоже так ответил. – Как? – спросил я. – Да вот как вы мне сейчас подмигнули. – Что я подмигнул? – Да, что вас спрашивают, что вы будете делать в лесу, если трактор застрянет, а вы им отвечаете: будем песни петь. – Дома я рассказал это нашей рассудительной старушке, вот как отвечает русский человек. – Песни петь, – повторила теща, – я не понимаю, в чем тут остроумие, раз есть шансы застрять и начальство предупреждает, разве можно распевать? – После мы долго убеждали старушку в том, что, конечно, благоразумнее было бы не ехать, но не воспользоваться трактором совсем бессмысленно, и что слова «будем песни петь» относятся к необходимости риска, и что этим-то особенным смыслом своим и силен русский человек, и этим смыслом отчасти и побеждает Красная Армия.

2-я глава «Начала Века». Бывает сон, как откровение, как нечто яснейшее в своем открытом смысле и утверждении, как желанный конец исканий: найдено, и теперь все будет хорошо, и дальше не нужно спрашивать никого ни о чем, потому что все открыто.

Но бывает, вдруг при пробуждении и забудешь все. Ужасно испугаешься, силишься вспомнить и не можешь, и чем больше силишься, тем железнее дверь и крепче замок. С мыслями так не бывает: если мысль пришла, то раз пришла, непременно опять придет. А вот со снами так наверно у многих бывает: забудется, как и не было, но жизнь, конечно, под влиянием какого-то события в душе приобретает особенный тон и приводит ко встречам, каких без этого может быть и не случилось бы.

Это вот и повело Алпатова. Сказать, что снилась ему у Светлого озера девочка с большими глазами и Нагорная проповедь в ее словах... и нет! Из этого складывается как-то сон, но было

не то: не девочка с большими глазами, а сама душа ее[45] и не те известные слова Нагорной проповеди, а сияние слов. Что-то около этого. Но что? – Осела забота в душу вопросом и повела...

Ночью вспомнилась семья Романова под Белевым, та же старушка благородная, как у нас, одна глухая с аппаратом, какой-то брат-неудачник, делающий белевскую пастилу[46] и...

Моя душа живет независимо от людей и вещей; у нее собственный ритм, который при смешивании с ритмом людей и вещей нарушается в первый момент, и я страдаю от этого. Но вскоре душа моя привыкает к новой среде, не обращает на нее внимания и начинает по-своему жить. И вот это привыкание, если смотреть со стороны, ставится мне в заслугу: хороший характер, хороший человек.

На самом же деле это привыкание исходит из равнодушия к людям – и уж никак не от «любви». Так я жил с Ефр. Павл. без любви, но хорошо 30 лет! И сам даже не знал, привычка это или любовь. Но мало того, мне думается, огромное большинство людей тоже так утопает в привычках, и вот почему все так волнуются, когда приходишь и пристально смотришь: до того забыли себя, что ждут суда со стороны.

Уважаемый редактор, позвольте мне через посредство вашей газеты выразить благодарность всем лицам и организациям, поздравлявшим меня в день моего рождения 5 февраля с. г. с правительственной наградой. Михаил Пришвин.

28 Февраля. Буря с юго-запада. Температура на нуле, кажется, скользит. На окнах ручьевые полоски сверху вниз. С 6 утра ждем трактора: нет уверенности, что приедет, и нельзя отказаться: может быть, и пришлепает.

Читал статью Федина о Красной Армии[47], статья похожа на подметенное гумно перед молотьбой. Но нам-то, знающим лицо хозяина и помнящим, какое это было гумно, – нас не удивляет: событие под Сталинградом так велико и люди так

малы... и вообще, я думаю, тем-то и силен русский человек, что он не резко очерчен: глядеть прямо – человек как человек, а по краям расплывается так, что и не поймешь, где именно кончается этот и начинается другой человек, и в этом вся сила: один выбыл, соседи сливаются – и опять сила...

Смотрю в себя и через себя одного понимаю все русское: до того я сам русский. Так, если хочу понять, откуда у нас берется столько героев, то сам эту готовность к геройству вижу в себе: как будто сидишь ни у чего и ждешь, что тебя позовут, и как только позвали, то ты делаешься будто снаряд: вложили тебя в пушку и ты полетишь, и с удовольствием, с наслаждением разорвешься, где надо.

Из этого все и происходит, что нет у тебя ничего, подлежащего счету, мере, охране. И вот этот нигилизм у себя – для единства коллектива самое-самое добро. И это «добро» пересилило даже «добро» немцев: у нас это глубже, проще, правдивей, сильней, их коллективизм деланный, а наш природный.

– За что ты сражаешься? – спрашивает Рузвельт своего солдата.

– За баптистскую церковь в моем переулке, – отвечает солдат.

– За что ты? – спрашивает он русского.

У него нет ничего, и оттого он ясно ответит:

– За родину.

Пора уже, друзья, понимать любовь человеческую как силу и разделить ее: силу управляемую назвать любовью, а природную любовь, родовую, иначе как-нибудь, скажем: гоном или игрой, и разбить на периоды: как собственно игра или гон, или период выслеживания, кормления, собирания в стаи, разделения на классы, войну, революцию.

Понятно, конечно, что электричество, самодействующее в атмосфере, и электричество, которое в наших руках и освещает города – все электричество. Но мы различаем электричество статическое и электричество динамическое. Так следовало и любовь разделить на статическую, природную, и динамическую, человеческую.

Я хочу писать о любви управляемой...

Ночью в постели, рядом с Лялей, я вдруг вспомнил ее мужа Александра Васильевича с удивлением: Ляля так благодарна за любовь, так вся в нее уходит, так создана для любви: не наслаждения, а делания жизни, что я просто не мог представить себе, как могла она бросить его, хорошего, любящего человека.

– Что ты кряхтишь? – сказала Ляля. – О чем думаешь?

Я ей рассказал, и она мне так ответила: – Мы с ним не равные люди: я могу жить с человеком только равным, чуть замечу – ниже! – и ухожу. Я такая. – Но ведь ты же сама говорила, что он хороший и м. б. гениальный. – Математик! Но какое мне дело до его геометрии, напротив, геометрия его есть заполнение какой-то душевной пустоты. Или геометрия у него, или семья с мужским превосходством, а вместе идти и расти он не может.

1 Марта. Оттепель продолжается, весь день с крыш капель и снег оседает. Вчера в 2 дня отправил Лялю на тракторе, считаю большим достижением.

Свою убийственно-холодную рассудительность теща выработала себе как слабое, нетемпераментное существо в борьбе с естественностью давления на нее здоровья людей. Каждый раз, когда она начинает донимать дочь своей рассудительностью, понимаешь, что эта «логика» происходит от укола самолюбия. У Цветкова, тоже великого рационалиста, невозможно добраться до истоков его чисто головной жизни, но можно догадываться, что и тут Рацио за недостатком таланта подменяет динамическую Мысль цельной личности и обороняет самолюбивое существо. Итак, Рацио человеческое есть распространенное орудие человека – доброе орудие, если человек добр, и убийственное, если он убийца. Так что Рацио сам по себе не подлежит моральной оценке, но вот истинное зло от Рацио, когда он подменяет Мысль. С каких времен стала происходить эта подмена? Знаю, что мы росли под обаянием Рацио и звание профессора было для нас моральным положением учителя. Большевики, поставив профессоров, инженеров и т. п. в зависимое положение от организаторов производства, часто просто уличных ребят, сами фанатики рационализма, нанесли, сами

того не зная, культурнейшему нашему рационализму смертельный удар.

Самое ценное для меня в Ляле, что она не дает к себе привыкать.

2 Марта. В эту ночь слегка подморозило, собака с утра бежит по снегу и не проваливается. Сыплется крупа. Ветер прежний (SW), и к обеду, вероятно, опять развезет.

Читал в «Известиях» Н. Тихонова ругательную статью на Гитлера[48]. Начинает с того, что Ratio Гитлер (я не читал Гитлера, но вероятно, так) подменяет разумом и слова его о том, что кончается век Ratio, переделывает в «кончается век разума». И таким образом в дальнейшем играет на неразумии Гитлера.

Все прежние Серапионовы братья[49] – Н. Тихонов, Вс. Иванов и даже благородный Федин – стали не братья, а снетки, потому что пишут на снедь. Получается впечатление от их работ, что это им необходимо так выправляться. Читаешь и благодаришь Бога за возраст, за ревность в таланте, а правительство – за ордена: слава Богу и Сталину, мне уж можно и не гладить утюгом газетную простыню.

Позвольте, друг Тихонов, вам напомнить, что не Гитлер возвещает конец века рационализма, а Ленин, в словах Ленина: «Мы научим кухарку управлять государством» этот Ratio (разум) и ставится на свое истинное место в подчинение даже самому маленькому представителю человечества – кухарке. А помните, в прежнее время, что значили слова: «государственный человек», «государственный ум»? Ленин понял, что государственная машина есть, как и всякая машина, в подчинении обученного человека. Государство и государственные люди и соответствующий этому разум не есть что-то высшее, а как всякая машина, и люди при ней тоже механизмы и шоферы, а господином в машине сидит Правда. По-моему, если не вся, то значительная часть деятельности Ленина направлена именно к тому, чтобы разум человеческий не возвеличить, как было во Франции, а подчинить, как служебно-механическое начало, Правде. Гитлер думает о таком же подчинении механизма, но

не понимаю, кто в его машине едет, кому она подчинена. Вот об этом-то, Тихонов, и нужно бы вам написать: какого – нового или старого бога везет военно-государственная машина Гитлера. Почему вам нужно подтасовать (Рацио и Разум), почему обман, почему всех считаете маленькими? Неужели же война, нападение Гитлера на Россию не дает вам достаточно фактов, чтобы произнести имя того бога, который расселся в государственной машине и занял в ней место Правды.

Горький питался, как все настоящие русские писатели, народностью. Но он в своем искусстве слова не мог оторваться от первоисточника и так остался в гнезде, не имея способности выбраться и полетать свободно, как летит, бросаясь из гнезда, птенец-ласточка.

Вынес Горького наверх особый, присущий народной среде романтизм, подхваченный Горьким в среде босяков. Вот эта близость к подвижным и малодоступным для интеллигенции слоям народа и была счастьем Горького. Дальше этого счастья он не пошел в своем творчестве и уже не летал на своих крыльях, а ехал вперед на политическом моторе. Я подозреваю теперь, и очень сильно, что это нечто народное; какая-то сила, выметающая немцев из России, в своем психологическом основании и есть тот самый босяцкий романтизм, которым питался Горький: вот на каких дрожжах вырастали наши генералы и герои военные. И вот отчего так смешно читать Рузвельта, когда он обходил своих солдат с вопросом, за что они воюют, и каждый отвечал ему конкретно за что-нибудь подходящее к программе демократических свобод. Поди-ка, спроси наших, за что? И я думаю, что новым Горьким сделается теперь тот писатель, кто с талантом и верой проникнет в среду военных романтиков (героев) и упредметит пухлый и парадоксальный романтизм горьковских босяков.

В следующий раз надо хорошо разобраться в природе этого романтизма босяцкого, или социального, и рядом с ним более глубокого, религиозного.

3 Марта. Ветер постепенно двигался по часовой стрелке с юга на запад, и когда вчера дошло до конца запада, ветер оста-

новился, и сегодня пришло тихое, слегка морозное, прекрасное утро. Рано дятел начал долбить, закричали весенние вороны, показались заячьи и лисьи двойные гонные следы. Я взял на себя терпение не уйти из леса, пока не увижу глазами дятла, радость жизни охватила меня, и я почувствовал весенний праздник в лесу.

Ходил за молоком к Захарихе и смотрел на деревенскую жизнь, как гость с планеты, где не бывает снега. Странная жизнь открылась мне по следам человеческим на снегу: все следы человеческие собираются к центральной дороге, в то время как между соседними избами лежат без следов огромные сугробы. Я узнал из этого, что соседи друг к другу не ходили, и тропинкой от соседа к соседу, от избы к избе вдоль деревни невозможно идти...

4 Марта. Со вчерашнего дня северный ветер нагнал холод, и окна опять расцветились морозом. 5-й день Ляля в Москве.

Вчера вечером теща доняла меня... Я несколько часов вертелся на постели без сна, питаясь почти сладостно кручением как будто ощутимых даже мыслей, пока, наконец, не догадался с большим вниманием и страстью прочитать ту прекрасную молитву, в которой призывается ангел, покрывающий и соблюдающий от всякого зла. Как только прочитал, так и заснул.

Сквозь ветер злой, северный и стужу с хлесткой крупой показался человек-ворон, наш дезинфектор Ал. Мих., уставившийся в меня страшными своими безумными глазами: – Слышал кое-что. – От ворона? – Ворон ворону шепнул. – Ну? – Будто Ленинград опять бомбил и взял у нас обратно три города. – Эх, воронье вы, воронье, ничего не понимаете и знать не хотите: немцам все равно конец пришел, не от нас, так от союзников. Ворон же как будто и не понимает человеческую речь: что такое немцы, что союзники и каркнул: – А нам бы только поскорее конец.

Все люди смертны.
Я человек с бессмертной душой.

Все умрут, а я не умру.

Закон для всех – умереть.

Но каждый может спастись.

Это значит: он умрет, как и все, но смертью своею спасется: ему смерть будет выходом из неизбежного для всех конца.

Для всех смерть уход, для каждого она может быть выходом.

5 Марта. За ночь ветер с севера пришел на запад, навалило опять много снегу сверх наста, передуло дороги, и сугробы преградили путь возвращения Ляли из Москвы. Завтра, вероятно, пойду пешком в Переславль к ней навстречу.

При поддержке второго ордена, данного явно не в обиду, как первый (Знак почета), выскребло из души последние остатки раздражения на Союз чиновников, именуемый Союзом писателей. Это раздражение происходило из неловкости того же характера, как бывает у людей плохо и бедно одетых в обществе людей нарядных. Да и всякие бытовые формы существуют для отбора умных и свободных людей, сам Людовик XIV, быть может, надевал свой бутафорский королевский костюм только для того, чтобы, бросив этот вид на потребу профанов, внутри ее про себя оставаться смеющимся солнечным королем.

Вспомнился Папанин – где он? Кто теперь думает о его подвиге? Что значит плаванье на льдине с обеспеченным продовольствием, в палатке на гагачьем пуху в сравнении с подвигом любой женщины в холодной квартире с детьми на тощем пайке в Ленинграде, да и везде, но... ордена ей не дадут, потому что 1) Папанин берет на себя беду сам, как необходимость при достижении цели, а женщина пассивно разделяет участь. 2) Папанин один, а «таких» много.

Самое большое разделение людей, конечно, в свободе: кто идет от себя, или кого ведут: тут-то и есть весь мотив социального разделения. Среднего нет, кто говорит: «я сам иду и никого не хочу за собой вести». Таких нет, если «сам», то тем самым он тоже кого-то ведет.

Самый великий дар на земле, это свобода, и образец нам Христос. Эту свободу не залепить бриллиантовым орденом. Но… и Христос есть тоже дар, и человеческий хитрый ум отлично подменяет Христа, и опять в церкви происходит то же – создалась очередь свободы, чины духовные, ордена, формы, каноны.

Свобода во Христе. Но если кому-либо не дается свобода в государстве и он прибегает туда только потому, что здесь обделен? Вот если так, то и там, во Христе, образуется тот же порядок, что и здесь. Понятно… и вот для чего создано это мрачное аскетическое училище, этот черный переход отсюда туда (чего слово-то стоит: «черное духовенство»).

Но пусть, перешел, а там опять то же: лиловая мантия с бриллиантовым крестом на белом клобуке. И никаким узилищем не поможешь, если чувство Бога не прямо дано, а ты берешь его в подмен: выбери бесконечный лабиринт самоистязания, и Христос все равно ускользнет. Христос приходит каждому про себя. Итак, Христос дан про себя, но не в подмен, и значит, никак нельзя свободу Христову ставить в какое-нибудь сравнение с человеческой свободой, с распределением ее по чинам и очередям. Христос – это жизнь про себя, совершенно от людей независимая: про себя во Христе может быть каждый свободен. (Милый друг, я живу про себя во Христе, и это есть моя тайна.)

6 Марта. На рассвете сильный мороз в тишине и Каинов дым – это бывает очень редко в мороз при совершенной тишине: дым от труб не поднимается, а садится. И так собирается у земли из всех-то труб столько дыму, что как самый густой туман.

От Ляли телеграмма из Москвы: Задерживаюсь бензином, здорова. Мало сказано, а врать она «во спасение» мастер. Я встревожился, и было трогательно, что теща, для спокойствия которой Ляля только и телеграфирует и врет, старалась меня успокоить.

Славянский спор. В газетах опубликован конфликт СССР с несуществующей Польшей и сказано, что эта война учит сла-

вянские народы объединяться против Германии. Значит, немцы продолжают быть нашими учителями, и величайший их урок – это война. Мало того, немцы в эту войну чему-то научат весь мир.

7 Марта. И еще солнечно-морозный день. Только поздно вечером ветер начал крутиться и установился опять с Ю-З.

Деревья, молча, борются между собой: ни слов, ни крови, ни слез. Но присмотреться – и не только увидишь их ужасную борьбу, но много по ним поймешь и о борьбе в человеческой жизни. Когда я вижу в лесу два тесно растущих дерева, я всегда подхожу посмотреть на их жизнь.

(Рассказ, как две сосны тиранили друг друга двадцать лет и, наконец, догадались: отвернули сучья на свет, и стало хорошо жить. Ели кругом обвал... Фото сосны. Сделать фото и описание двух сросшихся сосен. Возобновить охоту с камерой на лесных прогулках.)

На вырубке сосна осталась одна. Сколько у нее по стволу отмерших сучков! Это кругом ствола и доверху частая лестница, и только на самой высоте зеленая метелочка. Подумать только, что ведь эта жалкая метелочка, и с нею жизнь всего дерева сохранялась неустанной борьбой с соседями, такими же точно деревьями, за свет, как и эти сосны, неустанной утратой.

У них такая борьба, что одно дерево, бывает, насквозь своим сучком прокалывает другое, и все друг друга уродуют. Смотришь на это изуродованное обществом дерево и представляешь себе, каким оно было бы, если бы оно могло расти на свободе! Смотришь на сосну, и думаешь о странных людях, которые стоят против помощи деревьям и говорят о свободе деревьев в девственных лесах! Смотришь на эту сосну и о себе думаешь, о своей долгой жизни, тоже ведь только вершина осталась. Мысль, питающая, и какой бы я был, если бы мог расти в полной свободе! Смотришь на эту сосну и вспоминаешь тех чудаков, кто в старое время смотрел на род человеческий, как на лес, – что пусть он, как девственный лес, бьется деревом о дерево и обновляется пожарами – войнами.

Когда напишется хорошо и поймешь, что действительно вышло хорошо, то всегда бывает – себя не узнаешь, а как будто не от себя или сверх себя это пришло. Вот это-то «сверх» и есть Божья милость, и я лично верю – это делает Бог.

Но у других тоже и хорошо выходит и тоже сверх себя, но и сами они не верят, и люди не могут сказать, что это от Бога (Люцифер). В чем тут дело? Я когда-нибудь, наверно, скажу поумней, в чем тут дело, но сейчас мне кажется – Божественный отпечаток на сотворенных человеком вещах дает чувство радости, а может быть, вместе с тем и свободы.

8 Марта. Снегопад, к вечеру ясно. Снимаю 16-летних допризывников и дивлюсь им: вполне созревшие воины. Думаю, что если в эту войну не придут люди к какой-нибудь более благоприятной форме борьбы, то следующая война будет войной мальчишек и дело войны у них будет школой и университетом.

9 Марта. Ясный день и буря. К вечеру наволочь, тепло.

Сейчас Россия на войне впервые проходит школу государственной жизни, а учителя – те же немцы.

Читаю Достоевского с целью на фоне гитлеровского «все позволено» понять христианский вывод из этой жизненной необходимости всеми средствами вывести свой народ на широкий путь жизни. У Достоевского меня пока не удовлетворяет его запугивание мученьями совести и страхом. Чувствую в этом «смирении» личности перед слепой верой стыда падение идеи христианского смирения и косвенное влияние той же немецкой школы воспитания запугиванием. Венцом христианского смирения мне хочется понимать явление в человеке свободного независимого Духа, который «веет, где хочет».

Вот я бы хотел увидеть в современном христианском герое движение души от формулы: дух веет, где хочет, т. е. действительного освобождения человека от обиды и злобы на внешнюю причину своей несвободы. Одним словом, если «в духе», то действительно все можно: дух веет, где хочет. Но в таком случае убийство процентщицы или карамазовский договор со

Смердяковым[50] исключаются: «в духе» сделать это невозможно. Значит, тема «все позволено» у Достоевского содержит порок, приводящий не к творчеству в Духе, а к преступлению и наказанию. Достоевский прав, такая болезнь существует и состоит в том...

Можно много сделать и ничего не понимать. Детей надо учить не знанию, а пониманию.

10 Марта. Подморозило. Корочка. Красное солнце и ветер. Смердяков, именуемый Витюков, лишил моего писательского пайка из-за того, что я получаю что-то в Купани. Еще укусило Замошкина письмо, что Ставский по-хамски обо мне говорит. Очевидно, это у него накипела обида на меня, как на зеркало, отразившее его нравственное и физическое уродство. Вообще, письмо Замошкина ввело меня в круг настроений мира отмершего.

На глазах наших совершаются чудеса: у русского все отнимают, и в то же время в душе его, может быть, впервые отчетливо, ощутимо складывается родина, из ничего сила берется, и последние из последних гонят первейших воинов – немцев, и множество чудесного, непонятного осуществляется и становится видимым. А блохи в Союзе писателей все те же, и начинает приходить в голову, что эти блохи, да и вообще все виды и формы человеческих душевных состояний, не сумевших найти себе место в творческом движении и примкнуть к целому, – вот они-то эти существа и злые, как блохи, клопы, и милые, как бабочки, голуби, собачки – все это остатки, обрезки творимого человека, и дали материал для образования неизменных видов на земле, млекопитающих, или позвоночных, членистых и нечленистых, птиц, рыб и т. п. Я иногда и на солнце смотрю и на все эти звездные миры, как на обрезки материалов того торящегося существа, потому-то они и вращаются, и так медленно изменяются. И вся вера, все упование нас, обрезков, состоит в том, что Великий Дух, сам вечно возобновляясь, когда-нибудь возьмет нас всех к себе на заплаты, и это будет для нас долгожданным воскресением из мертвых. Вот тогда-то действительно все обрадуются, и лев ляжет рядом с ягненком[51], и голубь ся-

дет на крокодила, потому что всякой заплаточке найдется свое место, свое назначение, свое искупление в великом Целом.

Все, что я сделал худого Ставскому, это – что уклонился из чувства брезгливости от личной встречи с ним в редакции «Нового мира» для объяснения, – вот и все. Он по содержанию своему, да и по виду, конечно, крокодил, и крокодил сентиментальный. Все писатели относились к нему, как к существу, чуждому литературе, глупо-хитрому и злому. Но я... вот мое заигрывание с ним и вдруг откровенное презрение и злобят его. Все, что может для меня выйти худого из этой злобы, – это что он мое молчание в литературе объяснит для таких же глупцов, как сам, счастьем моим с молодой женой.

Не только Мефистофель, Люцифер и т. п. существа, будучи злыми, творят добро[52], – сколько раз я замечал, что укус блохи или клопа имеет последствием рождение в задремавшей было голове какой-нибудь ценнейшей мысли. Так вот и сейчас укус блохи (Ставского) приводит меня к сознанию, что ведь и правда, после встречи с Лялей я ничего не написал для печати. Целые три года я ежедневно что-то писал для себя, но это не роман, не поэма, а какая-то бесконечная многотомная «Фацелия». Это писательство для себя, бескорыстное, сделало меня другим человеком, отстоящим от жизни на громадное расстояние: не три года, а триста лет – срок жизни вещего ворона. Но эта жизнь в себя, если так продолжать дальше расти, может и не выйти наружу для людей. И, пожалуй, если продолжать жить «в себя», никогда не напишешь романа о победе Алпатова над Кащеем. Вернее всего, для гигиены творчества мне надо вернуться к «Падуну».

Эти бесконечные повторения в моих материалах к Падуну «надо» и «хочется» являются вследствие необходимости исходить из конкретности психологии мальчика. А между тем в «Надо» содержится [отец], в «Хочется» [сын], а в исходе борьбы мальчика (творчество). Сын – это «хочется», путь к свободе через страданье, а Дух – это цель, это достижение, это радость и мир, тот мир, который заключен в эпиграфе: «Да умирится же с тобой»[53].

Итак, мне хочется написать книгу для детей, но чтобы из этого вышла книга для всех, как у Сервантеса, – вышло, и особенно близко бы мне у Дефо[54].

11 Марта (1 неделя поста).

Вечер вчера был хорош на заре. Я долго ходил по дороге в надежде встретить Лялю. Благодаря жаркому полдню дорога чуть-чуть наметилась по-весеннему, и так ее к вечеру прихватило легким морозцем. На том высоком берегу, где мы когда-то с Петей рыбу ловили, уже показалась земля, и на ней сплылись массами сосновые шишки и так замерзли. Вспомнилось, как мы тут рыбу ловили и ждал привычного тоскливого чувства утраты прошлого. И нет, ничего не было, напротив, подумалось, что и опять этой весной можно поудить рыбку. Так вот и во всем у меня: <u>как появилось настоящее, перестало щемить прошлое</u>.

Из Чкалова пришло письмо от П. Н. Барто очень шумливое и многословное со скромным намеком выступить со своим кредо. Ответил письмом о пользе молчания, благодарил за поздравление с наградой и сказал, что награда эта мне приятна, первое, конечно, потому, что она от правительства, а второе, что она является свидетельством моей победы после долгой борьбы за русское слово.

А что о «родине» мне трудно писать потому, что я говорил о ней и писал, когда об этом все молчали, и было уже даже вовсе неприлично говорить о родине без эпитета «социалистическая». А теперь об этом все могут писать...

Пустой улей, не убранный с пчельника перед моим окном, так засыпало снегом зимой, что он исчез и потом с наступлением горячих полдней и оттепелей постепенно стал показываться. Теперь снег до того осел, что улей весь на виду, и на крыше его снежная обтаявшая голова величиной с улей. Золотая слеза на глазу гиганта, нарастая, падает и опять нарастает, и опять мерно падает, и постепенно меняется сходство. Пока я обедал, голова была Александром Македонским, потом заплакал Петр Великий, Наполеон. Но замечательно, что весенняя золотая слеза не унижала слабостью победителей, казалось, весна

большого всего, у весны такая сила, что можно и должно плакать и победителю. Среди переменчивых фигур я ждал увидеть плачущим Гитлера, но не дождался: этого «победителя» весна своей золотой слезой не украсила.

12 Марта. Вчера солнце спустилось огромно-красное с черного леса и оттуда неслась сюда к нам буря такая сильная, что едва на ногах удержался, и такая теплая, что повсюду снег осел, оноздрился и даже озернился, и так сильно, что, пожалуй, не будет больше на лыжу липнуть. И утро пришло такое же в буре серое и разрушительное для зимы.

В докторском доме женщины в унынии особенном: ведь они войну понимают чувством к мужьям своим, и все домыслы их навертываются на это основание. Прошел слух («из верных источников»), что наши отдали обратно немцам Лозовую, Краматорскую[55], всего 5 пунктов, что немцы бросили к нам на юг все силы, а союзники сидят и ничего не делают под Тунисом[56] и что от них и не будет ничего для нас, и что, может быть, мы еще с немцами против них соединимся. Словом, полный упадок от одного только слуха, и это очень понятно ввиду молодости возникшего в них после Сталинграда патриотизма.

Я вот думаю, возможна ли на земле любовь без того особенного чувства «моя» или «мой», приводящего к ревности, борьбе с соперником и победе, утверждающей собственность? Отвечаю: все возможно для личности и невозможно для всех.

А то же самое и национальное чувство, – может ли оно благотворно развиваться в слове своем, если народ не будет распоряжаться силой, способной распространить Слово народа на весь мир.

13 Марта. Тот же южный разрушительный ветер в тепле без солнца. На реке темные пятна по снегу с той и другой стороны занавоженной зимней дороги сходятся, вот-вот будет отрезан переход на ту сторону.

После обеда Ляля приехала. Привезла одни неприятности (в Союзе – ничего! Флигель Кардовская назад взяла и т. д.).

Ночью скорбел я о том тяжело, что Ляля вся целиком определилась на обслуживание меня и матери: я-то мог бы отлично обойтись и без ее обслуживания. И вот эта ее промена первенства резала мою душу. И больно уколола меня мысль о том, что за три года нашей жизни я не написал ничего. Да, я переделался в другого, глубокого человека, но до нашей встречи я жил в своей поэзии природы, как Адам до сотворения Евы, и семья моя была не семья, а игра моя в семью, а теперь с Лялей я впервые только и начал понимать жизнь человеческую в ее заботах о «ближнем» и необходимости «пахать землю в поте лица».

А «п*о*том» нашей жизни я считаю бытие тещи. Именно вот теща делает нашу жизнь не артистической мечтой, как мы хотели бы, а жизненной реальностью, в которой живут «все». По аналогии я представляю себе Олега с его благоговейным трудом. После падения Ляли он хочет спуститься с вершины к ней, строить домик, работать, спасать ее. Смерть помешала осуществлению его плана, а если бы не помешала, то, конечно, тоже встретился бы с реальностью тещи, и его благоговейный труд претерпел бы такое же испытание, какой претерпела ее святая любовь к нему. Не знаю, как бы он вышел, как бы вынес эту вечную мелкую борьбу дочери с матерью, этот любовный спор, это жужжанье бытовое, истерическое с утра до ночи. Как бы он разрешил себе вопрос творчества в наше время, когда каждая хозяйственная мелочь приводит в такое же содроганье всех в семье, как волны в шторм бросают корабль. Перед ним тоже встал бы, конечно, этот тяжкий вопрос о жертве Дальним для Ближнего, как в раскаянии пожертвовал своим Дальним у Достоевского Раскольников, или же наоборот, пожертвовал Ближним для Дальнего у Ницше Сверхчеловек. Мне сейчас представляется то и другое как расколовшиеся половинки Христа.

14 Марта. Весна звука. Вчера вечером заря была тихая с легким морозцем, и было очень далеко все слышно: люди разговаривают по дороге – далеко слышно! Вороны, возбужденные гнездованием, шорох лыжный по снежной корке – все приходит из да́ли, – кажется, будто воздух зимний прорвался. Значит, есть не только весна света и потом воды, а еще и весна звука (дятел, ручьи, птицы).

Глиняный сосуд. Зина Б. прислала замечательное письмо-документ и между прочим в нем называет политику паутиной. Стиль письма замечательный, и если стиль есть сам человек, то образ человека из него выходит, как глиняный сосуд с чистейшей водой. Я буду об этом сосуде думать, когда начну письмо Рузвельту.

Влад. Евг. Филимонов умер в больнице. Перед смертью велел передать, что он меня любит. Эта смерть такая, что совсем как-то не беспокоит (обыкновенно смерть, как совершенный покой беспокоит живущего). Потому так выходит, что Владимир Евгеньевич был до того духовный, до того не от мира сего и как-то в мире совсем ни к чему, что смерть его была совсем как детский красный шар, привязанный на ниточке: оборвалась ниточка, и шар улетел. Из его стихов:

Что за нити, тоньше света
И невернее мечты,
В ясных днях заката лета
К нам слетают с высоты...

То слетают в сферах ясных,
И играя и смеясь,
Паутинки всех прекрасных,
Чья порвалась с миром связь.

Ляля: – Чем больше туда уходит людей, тем достоверней становится тот мир.

Ляля: – Человек, который никому был не нужен, а все любили его, и никто не подозревал, что любит, и меньше всех подозревал это он сам.

15 Марта. Садовник Слов (письмо Рузвельту).

Глубокоуважаемый господин Рузвельт! И в те глухие русские леса, где я теперь живу и жил постоянно много дет, приходят газеты, и я узнал из них о Вашей борьбе за свободу совести, слова, свободу от нужды и страха. Я читал, как Вы летали над океаном и, спустившись в Африке, спрашивали отдельных сол-

дат о личных мотивах их борьбы, и ответы солдат вполне совпадали с мотивами борьбы за свободу человека, высказанную Вами, как президентом. Читая это, я вспоминал ту фантастическую «Америку»[57], в которую мы, русские дети второй половины XIX в., пробовали бежать от немецкого режима классической гимназии. Я был один из этих мальчуганов, с первого же года поступления в школу вступивших в борьбу с этим режимом, с мечтой о свободной Америке. С тех пор моя жизнь потекла в категориях немецкого «Пфлихт'а» (надо) и какого-то французского «хочется».

Очень скоро я сам осудил свой побег в Америку, как детское легкомысленное предприятие, но немецкое Pflicht без «Америки» тоже не могло удовлетворить меня. Я после в германском университете понял, что немец в своем Pflicht соединяет и «Америку», т. е. немец выполняет свой долг если не с радостью, то охотно. И вот между Pflicht и Америкой внедряется у русского интеллигента некий посредник, третий нравственный начальник, назовем его «Правдой»; в этой «Правде» радостное чувство «Америки», т. е. личная жизнь, откладывается до тех пор, пока не будет выполнен гражданский долг во имя этой «Правды». Вы сейчас, г. Президент, можете видеть в развернутом виде представленную Вам мною картину души русского мальчугана: весь русский народ теперь, как мальчик, попал в классическую гимназию между немецким Pflicht и американской свободой с окончательной решимостью во имя «Правды» отложить мечту об «Америке».

Я читал в газетах Ваши вопросы солдатам, за что они борются, и, как русский, удивлялся ответам американских солдат: один борется за баптистскую церковь в его переулке, другой за семью свою, третий за положение в литературе и т. д. Спросите внутреннего человека, живущего в русском солдате, за что он борется, и я не знаю, найдется ли хоть один солдат в Красной Армии, кто так конкретно определился бы лично в этой борьбе... Более того, и совершенно искренний человек, настоящий, глубоко русский, не сказал бы вам даже, что он борется просто за родину. И еще больше, человек верующий в Бога никогда бы не ответил у нас, что он воюет во имя Божие. Это безмолвие русских людей на такие вопросы личного самоопределения не

означает, что в народе нет родины, отечества и Бога. Но когда я становлюсь на точку зрения американского человека, мне это безмолвие так же странно, как молчание торфяного моря в наших русских бескрайних лесах. Это безмолвие колоссальных богатств горючего ждет искры – безмолвие русского народа ждет большого вопроса. Я это знаю по себе, вернее, по той части души, которая совершенно русская: эта часть души пребывает в молчании, а когда приходит вопрос со стороны, я сам удивляюсь, откуда что берется.

Но я думаю, в этой войне безмолвие русского народа [кончается], и если отдельный человек не посмеет ответить на вопрос, за что он воюет, то все вместе делом своим, жизнью своей они отвечают, что они борются за Правду. И вот почему у нас нет личных интересов, как в ответах американских солдат: в этой Правде, в настоящую минуту соединенной с именем Сталина, в огненно-сплавленном состоянии содержится все, что и в окаменелых и ничего не говорящих понятиях Родины, отечества, Бога.

Я Вам пишу искренне, г. Президент, как человек, если и не совсем понимающий смысл своей родины, но, смею сказать, созерцающий ее в своей личной душе. Во мне самом лежит это безмолвие, о котором я только что Вам сказал. Большую часть своей жизни я провел в диких русских лесах, ныне так возмущающих немцев своей запущенностью и бесхозяйственностью.

Они уверены, что, приведя их в порядок, они сделают какое-то абсолютное благодеяние всем. Они не могут понять, что высшие ценности человеческой души измеряются не их пользой древесины на метр и кубометр, а особым неизмеримым состоянием благоговения к Целому. Только эти, столь запущенные для немецкого глаза леса, воспитали во мне художника слова.

Посмотрите на природу животных, сколько у них противного визгу, крови и слез. И посмотрите на деревья наших девственных лесов, стремящихся к небу, на растения, на цветы в их благоухании и таком выразительном молчании. Да, Гуттенберг оказал очень большую пользу для распространения слова, но самое слово не [сочиняется], не делается, а вырастает.

Вот и я так научился в тех лесах: я очень и очень стремлюсь, очень желаю – очень, делать много, чтобы вырастить целый

новый сад своих слов, но сам лично остаюсь в безмолвии скромным садовником. Спросите меня, за что я воюю, и я, садовник слов, не сумею найти слова, состояние души моей определить ни одним из обыкновенных слов: Родина, отечество, Бог, и отвечу лишь, как русские: за Правду.

Вы на это скажете, может быть, что вот за что схватился разоренный материально русский человек, выставляя ценность своего безмолвия. Нет! я думаю, Вы этого не скажете, Вы – человек, поставивший себе творческую задачу создания длительного мира – знаете, как творческая личность, без сомнения, тот этап творчества, когда всякое имя плавится в безымянность, с тем, чтобы возникло новое имя с новым содержанием. Но наши бывшие учителя и ныне смертельные враги всего славянства, немцы, наше выжидательное безмолвие понимают как женственность, и себя, высшую расу, как суженого России.

Вот теперь я подхожу, наконец, к той искре, которая воспламенила мое сердце, и ум мой схватился за мысль об «этом»: написать самому Рузвельту, как другу человечества.

В том лесном краю, где я живу, на берегу озера Плещеева, стоит каменный дом, посвященный памяти императора Петра I, строившего на этом озере свой потешный флот. До сих пор сохраняется здесь, как «дедушка русского флота» ботик Петра Великого, и вся усадьба называется Ботик. Из осажденного ныне города Петра, ныне Ленинграда, сюда на Ботик эвакуировали маленьких детей, подобранных большей частью на трупах своих матерей, умерших от голода. Спасаясь от гибельной дистрофии, несколько женщин-педагогов взялись спасать этих детей по мудрому совету одного ученого: спасетесь сами, спасая детей. Это были дети, у которых вместо ягодиц висели мешочки; тело как сумка с костями, а волосы – сплошные колтуны с кишащими насекомыми.

Поход в Переславль. ***16, 17 и 18 Марта.***

Токовик. Лесную птицу, первую с прилета или первое токование, всегда, мне кажется, я первый вижу и слышу, но грачей и скворцов никогда, всегда кто-нибудь скажет, что прилетели грачи или скворцы, и после уже сам увидишь. Я еще не видел грачей, но сказали, что они прилетели за два дня до Грачевника (4–18) марта, что тоже и скворцы уже здесь.

Иду я в Переславль и жду увидеть грачей и скворцов. Вчерашние полдневные лужицы на утреннем морозе обратились в стекло и блестят на восходе, куда только не проникнут солнечные лучи: из глубины леса, как окошечки. Трогательно смотреть, как сосны за сто лет своей жизни сумели все свои огромные сучья направить на восток. Кажется, это не сто лет прошло, а сейчас только случилось: солнце восходит, и они повернули к нему ветки, как руки. Тетерева выбрали себе такой тонкий сухой сучок, чтобы их со всех сторон прогревало и освещало. И когда солнце хорошо разогрело, то один из них, наверно, ярый будущий Токовик, вытянул шею, раздул хвост и впервые попробовал свой голос, и я первый это услышал и очень обрадовался. Весной света я сам такой же: пусть весь мир в огне, а мне радостно и не знаю чему: какая-то сила влечет меня к радости, и я знаю, что если мне удастся как-нибудь показать ее людям, никто меня не осудит, а скорее всего и сам обрадуется.

Разговор со стрелочником.

На рельсе сидел знакомый стрелочник, локти в коленки, голова оперта на кулак, в другой руке дымится козья ножка.

– Опять заходил, – узнал он меня.

– Весна началась, – ответил я.

– Началась, а живем-то как!

– Живем победами.

Он принял мои слова, как самую злую насмешку и, подумав, сказал:

– Ну, хорошо, мы не знали и шли, но ведь были и такие, кто знал и на душу все принимал, те-то как?

– Те, кто знал вперед, – ответил я, – были тогда еще больше под неволей, чем кто не знал: они должны были идти. Те, кто не знал и думал, будто настоящая жизнь есть благополучие, тот был счастливый человек, такой же счастливый, как баран, не ведающий часа своего от ножа.

– Вот это верно, – ответил стрелочник, – как бараны.

– Ну, вот, а те, кто знал, что ножа всем не миновать, повели всех против ножа.

– В каком же расчете всех на нож?

– В том, что всех же не убьют.

– А те, кто выживет, не будут баранами?

– Мало ли таких останется, и опять они жизни обрадуются, и там новые детки, новая травка, и опять станут баранами: не миновать барану бараньей судьбы.

– Нет, ваша неправда: если кто и узнал про себя, что бараном живет на зарез, – помолчи: пусть они жизни порадуются.

– Значит, ты за обман?

– Нет, я за правду, только говорю, что не именно в том правда, чтобы каждый баран вперед знал свою смерть, правда в том, чтобы дать ему до смерти сколько можно и порадоваться.

Ближний и Дальний. «Люби ближнего», это значит, конечно, люби Дальнего в ближнем. А «люби», это значит именно, приближай, потому что любовь есть сила приближения Дальнего. Если говорится, что «враги человека домашние его», то значит и в ближнем враг человека – это его домашняя часть. И «люби врага своего» – это значит: с помощью Дальнего изгоняй из «ближнего» его «домашнего», чему и посвящает бедная Ляля напрасно все свои силы.

Прибежали в избу дети...[58]

Когда встречаются двое переживших ленинградские ужасы[59], то, постепенно разгораясь, они начинают наперебой друг другу рассказывать об ужасах бомбежки и голода. Вероятно, это потому, что смерть раз уже села на плечи, то не стряхнешь ее, и если даже стряхнешь, то все равно стряхнувший «в час урочный гостя ждет»[60].

Раз поутру прибежали к нам дети и кричат: к нашим воротам целую семью привезли в санках и бросили. Конечно, мы сейчас туда, впряглись в санки и марш мертвую семью к чужим воротам, а те дальше, и так едет семья дальше и дальше.

Все дети, спасаемые, были просто мешочки с костями, но один был очень упитанный. После уже дети рассказали, узнав от него, что он съел 17 человек и последнего дядю Костю. Никаких проступков этот людоед не совершал, но самый факт пребывания людоеда в колонии детей был такой, что пришлось мальчику отказать.

Во всех детских колониях непременно бывает вождь, который в играх имеет огромное влияние и облагает детей данью. Непременно тоже всегда есть и шут, достигающий влияния шутовскими приемами. Это годится в Падун. И еще, что дети все кулаки.

Солнышко – девочка, которую родители на руках носили и все ей отдавали: она здорова, пухленькая, а родители умерли от голода, и она осталась одна. Солнышко замкнулось.

19 Марта. Стоят царственно-солнечные мартовские дни. Наст на поле не проваливается, в лесу худо: то идешь, как по сахару, то вдруг с треском ныряешь. Рассказал нашим о катастрофе с бензином: две недели за него страдала Ляля в Москве и привезла московскую воду. Стал вопрос, кто налил воды?

20 Марта. День такой же, как вчера. Постепенно весь воздух наполняется звуками. Девочка маленькая вышла в лес, идет по насту и поет...

21 Марта. Тетерев пробовал начать токованье, давился, запинался и обрывал.

Солнце. Снег держится только северным ветром, но так измывает полднями, так зернится и сбегает с земли водой, что теперь уж и мало его и надежды мало на большую воду. Мы ходили в Новоселки фотографировать. Слышали о разгроме семьи «врага народа» Коршунова и о том, как храбрый родственник Иван Лукьянович проник в НКВД и отбил трех маленьких детей от ссылки на север («Чем детки-то виноваты?»). На обратном пути зашли к Митраше, и я выслушал его символическое толкование моего сдуру написанного и самого глупого рассказа «Филодендрон»[61]. По этому поводу Ляля сказала: – Я не люблю твоего юмора и вообще не люблю юмора народного.

На это я ей ответил, что, может быть, половина меня, как писателя, ценится за этот юмор, что такого чистого детского смеха нет ни у одного писателя.

– Вспомни народный юмор Шекспира: сколько в нем презрения, сколько злости, и даже добрый Чехов настолько интеллигент, что не может улыбнуться чему-нибудь вместе с

простецом. Всякий человек, получивший образованием своим индивидуальную обработку, теряет доброе простодушие, и смех детски-простодушный, как у меня, достоин изумления. А что ты это «не любишь» – это неверно: ты не понимаешь, как не понимаешь материю природы, любишь природу, а не знаешь, как и за что в ней взяться. Ты любишь духовно, а этого мало и, может быть, это и слабо и бедно. За ночь Ляля это обдумала и утром решила написать Замошкину и дать ему идею написать о юморе Пришвина, как о душевном движении, возникающем до мысли или предшествующем мысли.

М. слышал от кого-то с фронта, какой ценой досталась победа под Сталинградом: массы людей просто бросались в огонь. – И ничего не поделаешь, – сказал М. – организация, машина, скрипят, рычат шестерни, а вертятся, всем не хочется тереться, стираться, трескаться, но что поделаешь, – одна шестерня другую вертит. – А нельзя ли такую машину придумать, чтобы она могла людей от машины спасти: машину-спасительницу?

На юге теперь началась, кажется, последняя фаза поединка Гитлера со Сталиным[62]. Удастся Сталину и на этот раз одолеть – немцу капут, и Европа загорится, нет – союзники, подождав конца русского, немца прикончат. Так сейчас понимает войну масса людей.

На закате мы из Хмельников возвращались домой, солнце было совсем низко, но еще не село, а луна бледная еще не окрепла. Луна была на лиловом, ниже лилового голубое переходило в темно-синее, и все вместе на стороне луны было как «на воздушном океане»[63], или как у Врубеля[64]: мир красок в мысли, не спустившейся в сердце.

А со стороны солнца низко над самой землей неслись теплые горячие лучи, зажигали по пути березки, окошечки льда, и вдали окошки человеческих жилищ. Я вспомнил: «Да будет воля Твоя на земле, как на небе», и что небо – это мысль моя и земля – сердце мое. И я молился про себя на ходу, чтобы мысль моя пришла в сердце, и от этого Слово стало плотью и начало быть и влиять.

Митраша – это сектант в чистом виде. Сущность сектанта состоит в самоволии: он дерзает мыслить по-своему, но в царстве мысли он не мыслитель, а самозванец, подменяющий движение мысли движением сердца. Вот почему все сектанты заняты переводом св. Писания на свое понимание, почему художественное произведение они толкуют по-своему: это они делают подмену Мысли (или Образа) движением сердца. Психологически сектанты мало чем отличаются от политиков-революционеров[65], подменяющих своим частным смыслом общее дело Мысли.

Злая воля рождается как ветер, но и эта воля, и этот ветер, разрушая, обновляет воздух, и жизнь на ветру в разрушении, сохраняет в себе мечту о возвращении каких-то милых норм жизни. Мы будем жить долго и не доживем, и после нас, может быть, и так до конца столетия будут жить, мечтая о норме.

<u>Норма</u>. Наталья Аркадьевна чуть что – и сейчас же ссылается на какую-то нормальную жизнь. – Мамочка, да нет же такой нормы теперь. – Теперь нет, но она когда-нибудь да будет. – Вовсе не будет такой, как ты думаешь. – Но она должна быть!

Должна ли?

22 Марта. Пасмурный и холодный северный ветер, но к обеду явилось солнце, и лужи оттаяли.

Чувство родины испытывают все вместе и каждый по-своему.

Вы спрашивали своих солдат, г. Рузвельт, о том, кто за что воюет, Вы хотите убедиться, что в Америке, возглавляемой Вами, заинтересованы все и каждый по-своему, что каждый сучок, каждый листик американского дерева во всех их миллионах единственно и по-своему трудится и радуется в гармоническом сочетании интересов своих с интересами всего дерева...

Мое чувство родины исходит от слова, которое унаследовал я через мать мою от русского народа – это наследство и есть моя родина. Но в любви своей к русскому слову я приложил много своего личного труда, и что бы я ни сделал в меру своего

таланта и усердия представляет собою нечто отличное от всего полученного мною наследства: там, в чувстве родины, я вместе со всеми, едино тело и един дух, здесь, в отечестве, я представляю собой, как и каждый поработавший честно на пользу своей родине, личность единственную, неповторимую и незаменимую. Чувство родины неизъяснимо, мы связываем его с чувством материнства, родина – это мать моя, а собрание дел моих (сочинений) есть мой паспорт в отечество.

Вот, г. Рузвельт, когда я начал писать Вам письмо, я думал только о родине, и, когда я думаю о родине, я все понимаю и принимаю как необходимость и проливаемую русскую кровь ,и себя тоже готов отдать, как жертву, на общее дело. Но случилось, мое письмо оборвал приход одного гражданина, который, узнав о моем намерении писать Вам о необходимости немедленной помощи в деле спасения людей моей родины, сказал: – Какое значение может иметь ваше письмо после того, как с тем же самым выступил у нас комиссариат иностранных дел? – Но ведь это был комиссариат, а я выступлю, как личность, как частный и непартийный человек. – Но что такое личность? Как личности, мы все зависим от среды. – Вот именно, – ответил я, – что в материнстве своем, в чувстве родины мы все зависимы, но как личности, составляющие свое отечество, мы независимы и неповторимы. – Но ведь правда-то одна, а не две, и не десять, значит, в этой правде мы все – пусть личности! представляем... – Вы хотите сказать, – перебил я его, – не мы представляем, а нас представляет комиссариат иностранных дел? – Поскольку правда одна, а именно, что рано ли, поздно ли социализм будет принят всем миром. – В этом и я не сомневаюсь, – ответил я, – и что социализм, как система планового управления материальной жизнью всего мира, победит, и согласен, что правда едина, но я думаю только и тем возражаю, что пути к правде столь же многочисленны и различны, как различны сами люди, каждый из нас идет своим путем к правде. – Своим путем, но почему же не идти по единому самому короткому пути. – Потому что единый путь к правде не имеет измерения во времени и пространстве. Короткий путь есть аксиома, подобная кратчайшему расстоянию между двумя точками – прямой: мы все стремимся

к прямой на своем пути, но тропинки все выходят неправильные. И потом, если даже и выйдет такая короткая общая дорога к Правде, то каждому захочется на ней стать впереди, и от этого поднимается толкотня между людьми и побоище с необходимостью диктатуры и насильного размещения. Россия и Германия ведут войну, конечно, за Правду: Германия за правду лучшего развития национальных сил, Россия – за правду единства общих начал жизни между народами.

<*Вырезано*: Америка рано или поздно победит, потому что она одна воюет не за правду, а за мир, в котором каждый гражданин идет к правде личной тропою>.

23 марта. На солнце тает, в тени морозит. Вчера вечером в тишине с легким морозцем и ароматом таявшего снега из-за леса выдвинулся огромный медно-красный круг с размалеванной на нем глупой рожей. Особенность этого месяца была в том, что рожа его была на боку, как будто дурак напился и не сразу может выправить голову. Мало-помалу, однако, голова выправлялась, красное в роже заменялось бледно-зеленым сиянием, и охмелевший, было, Владыка ночи собрал и захватил в свои руки всю волшебную жизнь.

Этой ночью все местные кобели окружили наш домик, в окно при лунном свете я узнал Капитана, тут же был огромный лохматый черный и маленький беленький... Капитан потявкал – это была его серенада, Норка ныла у нас и мешала спать.

А я сам был в этом же состоянии, и мне совестно было таким оборотиться к своей подруге, и мне было досадно, что она у меня возвышенная и должна снизойти. Но я все это надумал себе, на самом деле я просто сам робел, слушая подлаивание Капитана и себя воображал тоже таким.

Только когда уже стало светло, на восходе солнца я посмел обратиться к своей подруге, и она это сделала, никуда не снисходя, а так же просто и мило, как мать вынимает грудь и дает ребенку своему молоко. Я вышел на двор счастливый и радостный и держал на веревочке Норку. Кобели, зная мою повадку, бросились бежать и расставились далеко. Капитан больше всех получал от меня шибков и за Норку, и за то, что он, гордый и злой, никогда не шел на дружбу со мной. Теперь же он

вдруг что-то понял, и я понял его по ушам, по хвосту, по всей повадке собаки, обращающей гнев на милость. Он понял, что не от нее все зависит, а от меня, от моей милости. И он пошел навстречу ко мне, сдаваясь, обнажая в улыбке своей белые молодые зубы. Что может быть прелестнее этого, когда гордая, злая, могучая зверская собака сдается на милость к человеку. Улыбаясь, он подошел не к ней, а ко мне, и я вспомнил себя в эту ночь и стал милостив к нему, и погладил его, и позволил, и допустил, повторяя про себя соломоново: блаженны, иже и скоты милуют[66].

Вечером Ляля на ходу выбросила неспелую мысль о том, что ей не нравится мой юмор. – Это, – сказал я, – у меня вышло от народного юмора, от фольклора. – А я терпеть не могу этот народный юмор. – Но ведь это же в основе поэзии, у тебя так и в природе: ты схватываешь только верх, духовную сторону, эти сливки и отбрасываешь всю материальную часть. Это такое же уродство, как и у тех, кто подходит к природе только за дровами, только за водой или хлебом, или дачей. Если ты выбросишь из меня фольклор, ты выбросишь половину меня самого... Тебе именно и надо указать Замошкину, чтобы он не забыл о моем фольклоре...

Ляля ночью передумала мои слова, написала Замошкину не письмо, а целую статью о юморе, очень оригинально, очень интересно. И когда мы разговорились о статье, она так вошла в авторство, что совсем забыла о происхождении статьи от меня.

Тоже вот и в фотографии, мало-мальски, едва-едва научилась печатать и уже гонит меня и твердит: я лучше сделаю. Вероятно, так и все женщины, и отсюда происходит собственность, как личная виза на деле другого. Тогда даже и мужское начальное авторство довольно наглая виза на деле Творца.

Есть тип русского человека, ожидающего себе вопроса: спросил бы кто-нибудь и я ответил бы, а не спрашивают – и я молчу и жду. И так он, молча, работает в ожидании, и жизнь проходит, и вот он уже стариком сидит на завалинке и уже больше не ждет: жизнь прошла и его никто ни о чем не спросил.

24 Марта. В тишине падает снег. То, что было во мне и у брата Николая, эта вера в «светлого человека»[67] и в связи с этим какое-то инстинктивное отвращение к попам, это, конечно, была вера во Христа. Я это теперь хорошо понимаю, но только у меня тогда и почти до сих пор это было связано с верой, что так оно и у всех, и если бы потрудиться, или в счастье своем открыться, то все и найдут в себе и узнают и примут к себе этого Светлого человека. Я и теперь Его в себе чувствую и даже делаю свою веру в Него, но я начинаю сомневаться, что все способны понять и принять Его. И даже больше! Я начинаю бояться, что именно все-то должны распинать, и только очень немногие понимать и принимать. История, кажется мне теперь, движется с тем, что *все* кладут свои кирпичи на стену отделения и заключения избранных, чтобы мир этих всех отделен был от влияния избранных.

(Написано после чтения Достоевского «Великий инквизитор»[68]. Ляля не одобрила и сказала: неверно.)

Христианин без церкви и без творчества, без дел, кроме благотворительности – этот бледный идеализм есть признак вырождения христианства.

25 Марта. Пасмурное небо на восходе медленно просветляется пятнами желтых облаков и синего… Тепло, будет хороший день таяния…

Весна идет так же, как сила от земли, уверенно, без всяких порывов.

Мякина. Встретили на улице нашего цветущего командира, он информировал нас о военном положении вполголоса, а когда нами был поставлен вопрос о наших союзниках, то сразу же принялся говорить как на митинге в два голоса, обращенных не к нам, а к кому-то безликому: «В 42 обещали, прошел 42-й, и 43-й пройдет, и 44-й, что будет в 45-м». Словом, все поняли, что союзники обманывают нас.

– А между тем кормят.

– И очень неплохо кормят.

Так ли… да, так мы горим. А там кто-то хочет спокойно сидеть в кресле и учитывает с карандашом в руке момент на-

ступления: надо подождать, когда иссякнут силы немцев и русских, но и не затянуть надо до тех пор, пока не начнется в Европе революционное самовозгорание.

Безбожники, не веруя, веруют. Церковники, веруя, не веруют.

Иван Лукьянович из Хмельников, ходок народный по общественным делам (спас от ссылки трех детей Коршуновых). Иван Павлович – ходок по церковным делам. Ожидание В. П. из Нагорья с маслом. Поездка Кононова 25 марта. По возвращении их наша поездка в Москву и наши очередные дела:

1) юбилей, выступление Ляли со статьей о моем юморе и народном.

2) Искушение начальства:

а) Падун, б) дача и переезд.

3) Подготовка к майскому переезду тещи в Москву.

В Москву переезжать, каждый скажет, теперь нельзя (все может быть). И здесь все хуже делается. – На Алтай ехать?

В газетах портреты жалких лауреатов, тех, кто написал по заказу и кто ничего не написал (Серафимович, Вересаев), «за многолетние заслуги». Серафимович в благодарность пишет о гонениях на него и Вересаева в царское время, а между тем его, и особенно Вересаева, ни за что («Записки врача») на руках носили, и общество Пушкина так не встречало, как Вересаева. Конечно, неприятно, что не дали мне тоже 100 тысяч = 3 пуда сахару плюс 3 пуда масла! Но не сразу же все, я подожду спокойно, и мне тоже дадут.

Мякина. Начало полного провала Рыбникова, потому что все теперь видят, что с американцами идет игра и после Сталинграда нельзя попасть «под Америку». Так что теперь открывается как ориентация на спасение при помощи немцев есть контрреволюция, так и Америка пахнет той «Америкой», в которую мы детьми бежали. Чуть-чуть мелькает: а не есть ли эта агитация против Америки началом поворота к немцам?

«Идеалисты» равно значат с «мечтателями», и если говорят идеалисты, то про себя думают вроде как бы «идеалисты сороковых годов» и хорошие люди. В этом смысле «идеалист» означает человека «не холоден, не горяч», и вообще духовного человека, но не настолько сильного, чтобы этим духом своим преодолеть материю и через это сделаться реалистом. Материалист в вульгарном смысле это дурной... человек, не могущий подняться до «идеи» (духа).

Настоящие православные люди всегда реальны, идеалистами в православии могут быть только немцы, умеющие устранить скрежет встречи духа с материей разумным порядком, пристойностью.

Христос, конечно, присутствует всюду в жизни, но в Церкви люди тесно собираются во имя Христово и тут Его встретить легче.

26 Марта. Солнце вчера и сегодня и мороз какой-нибудь градус-два. Ночью можно бы по насту ходить, но чуть солнце – и проваливаешься, и даже лыжи утонут в зернистом снегу. А если обернуться на лыжах ночью по глухарям, то опять не выйдет: шорох от лыж невозможный. Прогулки даже и то лишь по тропиночке около дома: весь лес на замке.

Наш сосед в первый год войны ждал спасения от немцев, во второй – от Америки. Во время победы определялся по русскому солдату и готов был поверить в русский народ. И вдруг теперь при первом нажиме немцев после победы нашей пал духом и со стоном сказал: – Теперь больше не во что верить!

Теперь его не утешишь даже и нашими победами, потому что это не с Америкой и не с Россией, а будет делом партии, значит, по его убеждению, будет победой вечного рабства.

– Но ведь выходит, вы кустарь или несчастный герой «Медного всадника»: пример перед глазами...

– Укажите выход.

– Каждый сам себе должен выход найти: вы же стоите за свободу личности и ждете ее то от немцев, то от Америки.

Я помню, и даже записал это, что когда такие, как мой сосед, сладостно переживали победу, прилетел ко мне черный ворон и каркал... Я удивлялся тогда, откуда же он мог прилететь. Теперь я понимаю: эта нота радости исходила из двух октав, в унисон закрывающих одна другую: одна октава родина, другая – партия: родина, как выход личный на свободу, партия – принуждение.

Ворон прилетал скорее всего из-за церковной ограды: там во время победы поняли, что счастье победы достанется только партии и что победа партии означает войну до конца столетия: вот откуда прилетал тогда ворон.

Вот примеры личных возможностей: Горький, как околопартийный (его спасала вера в искусство), Разумник хотел быть около и был формально (эсер), около-монах.

27 Марта. Изморная весна. Серое утро, но все еще с морозцем. Все еще зимняя хорошая дорога, лес на замке, весна в точном смысле слова изморная, т. е. вода постепенно уходит в землю.

Вчера после слов лесничего «не знаю, во что теперь остается верить: трудно без веры жить», я пошел в лес и в связи с этим стал думать о себе. Сказать о себе, как лесничий, что трудно жить без веры, я не могу: верю. Трудно жить мне лишь без определенного, ясного отношения к советской идее – это да! Но мое отношение и отношение всякого к такому движущемуся в своем раскрытии факту не может быть словесно логическим: формулировать свое отношение невозможно. Отношение может сказаться лишь в деле, а мое дело какое? И тут я вспомнил многолетнюю свою работу «Падун»; вернулся домой, перечитал, очень понравилось. Главное, понял я, почему я тогда не мог написать, а сейчас могу: потому что мне женщины для моей поэмы не хватало. Вот Ляля пришла – и теперь стало все ясно. И мне стало ясно мое отношение к советской власти и войне: я художник слова, а напишу эту вещь, и она будет моим отношением.

Тайно для сознания чувственно-радостный трепет не покидает до конца меня, когда мы ложимся спать в обнимку. Но раз было,

в упадке я лег, и того скрытого тока от тела к телу во мне не было. Но в то же время не было и естественного отталкивания, какое бывает при соприкосновении с телом другого. Нет! Я чувствовал ее тело, как свое собственное, тело нас двух, как единого человека. Не отсюда ли, из этого единства плоти рождается здоровое естественное состраданье? Подумав об этом, я сказал Ляле:

– Я тебя люблю, Ляля, и если мне будет тебя жалко, то не из состраданья, а потому что я тебя люблю: и ты от моего «жалко» не будешь жалкая.

Мякина. N. очень похож на филера-провокатора. Не успела еще сорока на хвосте принести новую весть, а он уж знает и говорит: – Все обертывается на войну с Англией, и хорошо! они нас живо расколотят, и все кончится.

Мякина. И все сделала победа под Сталинградом: так вышло, что победа наша над немцами стала лучшей победой [над] немцами в мировой мере. Эта наша победа открыла глаза и нам на союзников, и они увидели ясно, кто мы.

28 Марта. Метель с морозом, как в феврале. Кононов уехал в Москву.

<*Зачеркнуто*: Мое письмо Рузвельту в том тоне, как я его начал, отошло в вечность. Перед нами факт обмана, самого гнусного: на Сталинград было отдано нами все[69], и в ответ последовал не удар со второго фронта, а явилось немцев еще больше, чем было. Картина всем ясная и особенно после речи Черчилля о том, что война будет долгая и он, может быть, до конца и не доживет. Вспоминается теперь время конца той войны...>

Религия как борьба с «привычками» (чтобы все вновь).

Власть. Вот мы привыкли к мысли той, что если кто-нибудь в чем-нибудь может, то, значит, и мне дай сюда: ведь я такой же, как он, человек: отсюда произошла уравниловка. Но именно в том-то и жизнь, ее основной закон, что одному если можно, то другому это же самое заказано...

Свое право на свое «могу» мы доказываем в широком смысле слова чудесами (чудо есть сила, создающая новые небывалые вещи). Творящий чудо тем самым получает власть вязать другого человека.

Но неминуемо творящий чудо сам должен пройти подвиг послушания, а это обратно привычке думать, что если кто-нибудь что-нибудь может, то и он тут со своей претензией.

Именно каждый из нас, ищущих творчества чудес, должен признать в другом исключительное его право в его «могу» и должен смиренно этому подчиниться.

«Несть бо власти, аще не от Бога» означает, конечно, что единственная власть – это власть, исходящая от Бога. Но огромные массы людей по привычке, вколоченной в их головы попами (или учителями в школе) понимают, что всякая власть есть власть от Бога, что означает: слушайся всякого, кто захватил в свои руки власть.

Как экономисты видят происхождение земельной ренты в естественной разнице земель, т. е. что рента есть плата владельцу земли за ее естественное качество, или выкуп земли, захваченной собственником для пользования, вроде как бы налог в пользу захватчика.

Вот так точно и власть, как рента, происходит от разности людей между собой: это избыток личной силы против среднетрудящегося человека.

29 Марта. Вчера вечером начал моросить мелкий дождь и на всю ночь и сейчас утром все моросит. Началась весна воды. Вечером начал спешно работу над «Падуном».

«Хочется» есть выражение естественной силы, а смерть есть поправка на всякое «хочу»: «не так живи, как хочется, а как Бог велит». И недаром говорится: до смерти хочется, т. е. до предела.

30 Марта. После суточного дождя туман, тепло, тишина; земля на опушках дышит, и пахнут деревья своей корой, токуют тетерева (начало тока), барабанит дятел.

31 Марта. Утро не теплое и ветреное. После вчерашнего шага вперед шагнуло два шага назад. Все птицы молчат. Вернулся к работе над «Падуном» и опять в моих руках книга, в которой палачи прославляются как благодетели человечества[70].

1 Апреля. С утра тихо, туман, тепло, моросит дождь. На заборе сидят пять краснозобых снегирей, вдали все дерево покрыто мелкими птичками (должно быть зяблики). После обеда пешком идем в Переславль.

Ляля сказала: – А что у меня свое, назовите хоть одну вещь.
– Хорошо ли это?
– И неплохо. Ты сам подумай, что у тебя свое?
– Ну, мои книги.
– Книги, написанные и напечатанные, уже не твои, и ты сам мало ими интересуешься, тебя интересует и это существенное твое – будущая твоя книга.
– Нет, мне еще хочется иметь свой сад.
– Это и мне хочется.

Мы, русские, свидетели, как свой русский «хороший» человек превращается на глазах наших в существо, чуждое нам и действующее против нас лично во имя общего дела. Часто, бывало, достаточно перейти с человеком из обстановки своего домашнего уюта в общее собрание, чтобы своего же приятеля увидеть голосующим против того, о чем только что говорили за чаем. Продумать всю психологию такого превращения – значит понять возникновение среди частных людей государства.

История чемреков в точности совпадает с историей нашего коммунизма[71], в точности совпадает «перековка».

Социализм, конечно, есть величайшая угроза тому, что называют цивилизацией, социализм, как доменная печь, в которой от малого до большого все в перековку.

После обеда в четверг поехали на грузовике на Ботик, но грузовик возле скипидарки сломался, мы пошли пешком и, когда стемнело, достигли Ботика.

2 Апреля. Снег валом валил. Весь день провели на Ботике.

3 Апреля. С утра подмерзло. Легкий северный ветер. Ходили в Переславль. Жаловались секретарю райкома на майора Шуваева: военные глубокого тыла обижают детей фронтовиков. У Вали вопрос – кто украл бензин. Продовольствие – по всем статьям отказ. Но не тужим. Вернулись к вечеру на Ботик и там выслушали Нину Степановну Соколову, мать двухсот детей.

4 Апреля. Холодный северный ветер. Солнце. Утром вышли с Ботика и в 3 часа дня вернулись в Усолье. Записываю свои впечатления.

Материнство – это сила особенная, которую мы, мужчины, по себе непосредственно вовсе не можем узнать и понять. Какая это сила и сколько ее напрасно тратится, можно видеть по такой матери трехсот детей, как Нина Степановна Соколова и Анастасия Ефимовна Андрианова: их двух хватает на триста детей! И сколько же тратится этой великой силы напрасно в обыкновенной семье, и какая это растрата, какая отсталость семьи! Есть женщины, сознающие это, им тесны рамки семьи, они страшатся семьи, как тюрьмы, и вырываются из оков родового начала, стремясь осуществить свою исключительную силу материнства вне рода. Из этой способности расширения души внутрь себя без конца до Бога произошла религия, искусство и знание и главное, что самое главное, личность человеческая, как бессмертная сущность (Божьей Матери хочется родить до без конца, и Она рождает Богочеловека).

5 Апреля. Звездная ночь и мороз, роскошное солнечно-морозное утро. В лесах еще много снегу. Лед на реке поднимается, пересекается верхней водой.

На Ботике было под вечер: заря в полнеба, на фоне этой зари высокие березы, и на них бесчисленные грачи, и все кричат, вниз с берега несутся ручьи. Дети из Ленинграда никогда не слыхали ручьев и потихоньку каждый отдельно ходят послушать. Ляля разговаривает с одной девочкой, вынужденной из-за отсутствия инструмента оборвать учение по музыке:

– Ничего, – говорит она, – я все слушаю, слушаю теперь ручьи, и теперь буду играть иначе, раньше я неверно играла.

– А мне, – сказал я Ляле, – как-то больше ничего не слышится, было – прошло, теперь смотрю, слушая, и ничего не возвращается ко мне.

– И незачем, – говорит она, – ему возвращаться, вылетел птенец – зачем ему гнездо? И откуда это желание возврата. Нет возврата!

Так и вся земля для уходящих не лучше покидаемого птенцами жалкого гнезда: кто из них возвращается?

Со всех далеких берегов снег сбежал, и белое озеро стало в черной круглой раме и под рамой второе сине-зеленое кольцо от сбежавшей сверху и замерзшей воды. Посередине озера, как мушками черными посыпано, – это движутся обозы и люди.

– Рома, где твой папа? – Мой папа на фронте. – Что он там делает? – Пишет письмо.

Так проходит месяц, другой, третий. Папа все пишет и пишет письмо, и оно сюда не доходит.

Роман с Ромой (отцом его). Мама повесилась, сам рассказал: принес ей веревочку и не дал: страшное лицо. Она взяла шелковый поясок, на кровати повесилась. Бумажку ему в карман: сохранить для отца. Три болезни: дифтерит, дистрофия, менингит, и в бреду все видит новую маму. Вдруг ту забыл. Переписка с отцом. Роман. И все хорошо, если только Рома не вспомнит старую маму.

Гром ударил: все дети вскочили, оделись. – Чего вы вскочили? – Бомбежка. – Раздевайтесь!

Дворники – миллионеры. (100 шт. золотых часов.)

– Зина, где твоя мама? – Вот моя мама. – Где она тебя нашла? – Купила в булочной. (Возле булочной была найдена эта девочка.)

– Зина, тебе мама и всем она мама? – Нет, всем она понемножку...

История Коли, сына шкипера. Жили на барже. Свез в морг мать. Нашел 300 р., кормил брата, пока не умер. Свез брата и остался один. Пошел в РОНО. Коля-Зуек.

6 Апреля. Кончик. У Новожиловых сына Алексея послали с трактором в Кубань землю пахать, а немцы опять тут как тут. – Поспешили, – сказал отец. Мать заплакала. – Не горюй! – Как не горевать: говорили, кончится война, сеять сына послали, а войне конца нет. – Полно, – поправил отец, – все на свете кончится, сколько веревочку ни вей, кончик придет.

7 Апреля. Благовещение. С утра было тепло, пасмурно и так нависло, что вот-вот дождь. Но вместо дождя все разошлось, и явилось солнце. На полях «сорочье царство», в лесу зернистый снег на четверть аршина, ходить все-таки еще очень тяжело. Едва добрался до большого леса и наблюдал поведение черных воронов у своих гнезд, особенно интересно тут, и мало кому известны их звуковые сигналы. Есть у них между другими струнный звук, есть слегка сходный с ударами тарелок в оркестре, а то каркает на «а», как человек со сдавленным голосом. До того было похоже на человека, что я попробовал крикнуть так, и мне сейчас же отозвался ворон, еще и еще я кричал, и все он отзывался.

Можно предвидеть время, когда наука наконец-то бросит спор свой с суеверием и вернется к истоку своему, религии. Там она будет свидетельствовать открытием новых и новых законов о единстве мира.

Молитва Господня. Утром, прислонившись к знакомому дереву, повторяя со вниманием слова: «да придет царствие Твое, да будет воля Твоя на земле, как на небе», вспомнил, что в царское время (царь-помазанник) эта мысль была основным смыслом жизни всех. Раздумывая об этом, глядел на Норку и вдруг перекинулся от ее умишка к человеку возле дерева с молитвой о Царствии Божьем на земле – и такая высота открылась мне в человеке, способном в заутренний час в диком лесу произносить слова молитвы Господней!

Вера движет жизнью и, если я живу, значит, я верю, делаю верой свое и молчу. Вот когда только кто поколеблется, спросит, «быть или не быть» – вот тогда только в борьбе жизни со смертью, веры с неверием рождается Слово, и борющийся за жизнь произносит: «Верую, Господи, помоги моему неверию»[72]. (И если Бог поможет и жизнь возвращается, то в дальнейшем Слово и определяет жизнь, потому что Слово это было у Бога и Слово стало Бог.)

Иду без назначения, не спеша, южными опушками большого леса, на проталинках обхожу черепа, косточки умерших животных, кучки удобрения живущих, ногой освобождаю ветки молодой ели, согнутые в дугу оседанием снега.

Соне лет десять, Боре одиннадцать. Два года тому назад у них мать умерла, а вскоре затем и отец. Все крестьянское хозяйство – изба, огород, корова и мелкие домашние животные остались на детей. Поневоле они крепко взялись за дело и теперь живут двое – мальчик и девочка и справляются[73]. Мало того! – их – детей – не гонят на трудработу, им война самим не грозит, и им не за кого на войне бояться. Им даже многие завидуют. И все бы хорошо, но это ведь не дети, это маленькие мужички, и от них идеал наш «будьте как дети» еще много дальше, чем от нас.

Письмо. – Мальчик, где твоя мама? – Умерла в Ленинграде от голода. – А где папа? – Пока на фронте. – Что он там делает? – Пишет письмо. – Ты получаешь? – Нет, он еще не успел кончить. – И все пишет? – Все пишет и пишет. – Когда же ты получишь? – Когда он кончит и пошлет.

– А твой папа? – Мой тоже пишет. – И мой! – И мой!

Пока пишут отцы, и так все дети ждут.

8 Апреля. Как и вчера с утра небо добро хмурится, и не знаешь, чем кончится, теплым дождем или горячим солнцем.

Текущая жизнь: ждем возвращения из Москвы Кононова. Собираемся сами в Москву. В Москве: паек, начальство, дача, база (квартира и т. п.).

Сфотографировать и описать два дерева разной породы – ель и сосну, как они срослись...

9 Апреля. Ночной легкий мороз под звездами, солнечное влажное утро (сквозь легкие облака).

Душа моя, как птица в клетке, бьюсь во все стороны – и становится только больнее, и нисколько не утешает, что и «все так».

Всю жизнь своего сознания имел смутную потребность в постоянном источнике неизменно радостного, бодрого и умного питания духа. С этим я в свое время занимался самообразованием и того же я ждал в себе от писательства. И я нашел в поэзии действительно источник радости. Но это источник непостоянный, то покажется, то спрячется в зависимости от каких-то внешних причин.

Поэт – зависимый человек и свободен лишь, когда божественный глагол до уха чуткого коснется[74]. А то, чего я ищу, – постоянного источника радости – находится на пути святости (подвига).

И тема моя «искусство, как поведение» есть попытка сделать поэзию подвигом, превратить ее в «святое ремесло».

Моцарт и Сальери[75]. Есть в искусстве что-то несовместимое с религиозным подвигом, потому что подвиг есть дело, т. е. труд, а необходимое *нечто* в искусстве предполагает независимость от дела, от труда.

Конечно, и в религии дело подвига – борьба, страданье – оканчивается радостью, воскресением, но все-таки в религии у святых их радость есть заслуга.

В поэзии подвиг (заслуга) не обязательны (Моцарт), в поэзии именно «дух дышит, где хочет».

Религиозный подвиг есть копилка слез, – накопишь полную – и слезы превратятся в вино.

А в поэзии слезы допускаются, как личная интимность, которую особенно тщательно надо скрывать. Поэзия в личности поэта может быть подвигом, но сущность поэзии есть божественная игра, выражаемая в заповеди «будьте как дети».

Милость Божия, посылаемая людям в поэзии, есть именно корректив религиозному подвигу, требование высшего смирения перед щедростью и перед без-мыслием (иррациональностью) Божественного творчества.

Вероятно, три четверти, если не больше, стоящих на пути святости, погибают в своем подвиге от непереносимости без-мыслия милости Божьей, даруемой глупцам (Сальери).

Я вышел после ужина из дому, чтобы прийти в себя после размолвки. Воздух весенний при легком морозце был как в ледниках на солнце. Звезды высыпали. Тишина. Высокие неподвижно мыслящие деревья. Но как я ни бился, не мог войти в тишину апрельской ночи, и молитвы мои не уходили туда, возвращались обратно и падали в меня камнями. Я пришел домой, каким вышел. Ляля внимательно посмотрела на меня и сказала: – А я думала, ты вернешься другой. – Нет, – ответил я, – там (в природе) нет мне помощи, помоги ты! – Милый ты мой, – бросилась она ко мне. И так мы помирились.

Утром Ляля умывалась, я ей сказал: – У тебя на душе смутно? – У меня, – ответила она, – этого никогда не бывает. Я не могу этому в себе придавать значения. Так ли?

10 Апреля. Туманное утро, но утренник довольно сильный: по озими идешь, и не проваливаются ноги в грязь. С каждым днем снег исчезает, но в лесу еще много, на полях везде хрустит черепок.

Это время было, когда у нас в средней России в апрельских лучах на неодетых деревьях раскатываются зяблики и лезет сморщенный пахучий гриб из теплой земли.

Поднимать свои чувства от сердца вверх к голове, там их рассматривать, прояснять, проявлять, дополнять, так разделенное мертвой водой головы опять опускать, опять соединять в живой воде сердца и потом, подняв вверх, стальным пером черным по белому начертать узоры мыслей, – вот в чем искусство писателя.

11 Апреля. Утро 11 апреля. Под звездами на чистом рассвете родился хороший мороз. Начался свет, и мороз заковал ручей, бегущий по озими. Из темного ручьевого ледка везде повысунулись белые заиндевелые вилочки озими, и вся озимь по полю забелела, затвердела, ощетинилась, и ноги перестали вмазываться.

Вдали тетерева токовали, будто бабы во множестве что-то варили, и одна перебивала другую, и так все вместе, не унимаясь, все-таки варили и варили свое варево.

Так в это утро вначале был свет, и когда солнце взошло, было тепло. От этого тепла родилось движение воды в ручье подо льдом, лед стал трещать, вода булькать: родился звук.

Этот треск в ручье услыхал чуткий ворон-самец, стерегущий гнездо, и с криком стал делать свой узорный круг. Самка во́рона ответила ему совсем как человек, если он крикнет, сжав горло. Я попробовал человеческим голосом крикнуть как самка, и мне сейчас же ответил ворон-самец. Многие птицы запели: зяблики, овсянки, жаворонок в небе, дятел забарабанил было в лесу.

Так был вначале свет, потом пришло тепло, из тепла родилось движение и звук. Вскоре сама земля умилилась от этих звуков, и озими стали мазаться.

Идейная мякинка. Кто же теперь не понимает, из-за чего война? Самые простейшие люди с топорами в лесу на бревнах сидят, и у них между собой разговор о войне: – Это не война, – говорят, – это две идеи. – Что же это за идеи такие? Они в этом понимают нашу идею советскую и другую, – все, что против нас, т. е. немцев и тайно их направляющих капиталистов всего мира.

А я эти две «идеи» понимаю, как немецкую национальную, центростремительную и советскую центробежную идею общего дела. У американцев нет никакой «идеи», они главным образом заняты будущим, в котором создается мир, как равнодействующая сил центростремительной (национальной) и центробежной (общего дела для людей).

А еще попутно является идейка о возвращении христиански просвещенного народа к ветхозаветным приемам тотальной

войны избранного народа Израиля (германские «зверства»). А еще идейка, уже чисто наша, преодоление священных основ человеческой личности правдой общего дела.

12 Апреля. Морозно-солнечное утро, но северный ветер, и тетерева совсем не токовали.

Утренняя прогулка. На вырубке снег почти исчез, только на дорожках лесных белый черепок стелется холстом, и там, где обрывается, из рыжей земли лезут желтые иглы новой травы, и на каждой иголочке, растаявшей на солнце, ледышка мороза горит бриллиантом.

На опушке брусника только что вышла из-под снега и, разогретая, мокроблестящая, ярко-зеленая дымилась на солнце. Взялась как будто из-под земли бабочка-лимонница и полетела вдоль опушки. В лесу раскатывался зяблик, на вырубке – жаворонок. Обдуло ветром сырые холодные пни, солнышко обогрело для меня один стульчик.

Лесной рассказ. Кто-то поранил дерево, оно долго боролось, заделывая рану целебной смолой, но справиться не могло: завелись черви. Налетели дятлы, стали червей добывать и долбить дерево. До того раздолбили древесину эти лесные доктора, что при легком ветре, раскачиваясь, дерево начало кряхтеть и стонать, пугать зверей. Так у них в лесу…

Поэты, пойте во время войны о цветах и любви: люди будут знать, за что они умирают.

Искренность понимают, как готовность открыться другому, но бесконтрольно открыться означает отдаться другому. Такой искренностью пользуются старцы и «вяжут» своих овечек. Настоящая же искренность предполагает внутреннюю творческую работу, вызывающую в другом человеке единомыслие. Так что искренним можно быть только с единомысленниками.

13 Апреля. Утро солнечное, тихое, морозное. Птицы поют, тетерева гуркуют, и нужно большое усилие человеку молящемуся, чтобы овладеть вниманием и направить его к смыслу

произносимых слов. Может быть, это и не совсем удается, но зато в самой борьбе открывается великий смысл молитвы, как усилие, и явное приближение человека к Богу. И так понятна становится вся жизнь, как стремление ввысь и с достигнутой высоты жизнь отстающих людей доносится как тетеревиное бормотанье. И природа, кажется, будто это всё, что остается после человека для вечного повторения и в повторении для великого освобождения из плена. А между тем был же человек, понявший себя, как сына Божия, и указавший всем путь, как освободить себе плененного Бога.

(В Евангелии Иоанна даются искорки веры, как самоутверждение в своем божественном происхождении и назначении.)

– Эх, милый, ты это напрасно тужишь, что выходит будто ты не для себя живешь; погляди, поищи, спроси – кто когда-нибудь жил для себя: разве какой-нибудь выродок. Да и много ли для себя-то надо? Погляди, сколько родится шишек у елей и на себя много ли у них идет: все белки грызут, да дятлы клюют...

14 Апреля. Запах тающего снега на лесной опушке сменяется ароматом разогретой хвои. Тихое солнечно-морозное утро. Вода придерживается такими утренниками, а днем просачивается в землю. И так вышла у нас совсем сухая весна, и разлива рек не было. Эту неделю нерестится щука.

Сегодня я чуть ли не впервые почувствовал страданье как человек, а не как «лишенец».

Читал Ев. Иоанна, открыл листок легенды о Великом Инквизиторе.

Каиафа. 47. Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот человек много чудес творит. 48. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, – и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом. 49. Один же из них некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете. 50. И не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб.

Каиафа – Великий инквизитор. Каиафа – это камень общественного благополучия на могиле страдающей личности, благополучие покрывает убийство.

Мысли Ивана Фомича:

1) Если ты не ограничен в уме своем и сердце, так тебя все равно ограничит твой ближний. Вот из этих-то ближних и складывается общественность.

2) Социализм – это механизированная общественность. Закон Божий сменяется законом механики («научный социализм»).

3) Социализм – есть средство связать дураков.

4) Только непонимающий может бороться с социализмом. Это все равно как в свое время была борьба с феминизмом: боялись, что мужеподобие распространится на всю женщину.

5) Социализм универсален – в этом его сила.

6) Социализм в конечной своей сущности есть не соединение, а разделение людей, как на страшном суде разделятся козлы от баранов, так здесь разделяется человек-производитель (страдающая, творческая личность) от человека-потребителя.

7) Если душа болит – разве не ясно, как надо быть.

Надо душу свою положить за друзей своих и тем исцелиться.

А если душа здорова?

15 Апреля. Сухая весна.

После долгих солнечно-морозных утр настало наконец теплое серое утро с теплым весенним дождем, и теперь будет расти трава. И так весна в этом году от весны света прямо переходит в весну зеленых растений без промежутка весны воды: сухая весна.

Потому-то Евангелие и не стареет, что оно написано не для всех, а для каждого, и каждый новый человек в нем находит для себя нечто Новое.

И ты, писатель, тоже старайся писать не для всех, но для каждого.

16 Апреля. Тепло и везде птички поют. Снег остается редкими пятнышками.

С восторгом прочитал Евангелие от Иоанна. И все думаю над Каиафой – Великий Инквизитор.

17 Апреля. Суббота (Лазарева).

Лазарево путешествие. Вчерашний день так внезапно стало тепло, что это нас захватило врасплох, как будто мы, усталые, упали в пуховики и заснули. И такой день мало-помалу перешел в ночь, и мне снилось в тепле географическая карта с неизвестными землями и морями на северо-востоке и будто бы я плыву туда и непрерывно вижу никем не виданное и чудеса путешествия, миры прозрачно-зеленые, и скалы, и хребты снежные, и цветущие земли все больше собираются и все больше удивляют, и конца этому путешествию нет.

В течение дня ветер переменился с западного на северный, и стало холодно.

18 Апреля. Вербное.

Утро серое, сеет теплый дождик. Вчера слышал певчих дроздов, и, колыхаясь, низко пролетел треугольник журавлей. Когда увидал журавлей, то все соединилось вокруг в природе, как подготовка к этому событию: и только черепок хрустит на лесной дороге, и что где нет уже льда, прокалывают землю желтые иглы, и что на опушке запах тощего снега сменился ароматом разогретой смолы, и что блестит соком свежий березовый пень, и что мои знакомые молодые сосенки от прошлогодней встречи за год подались вверх к этим журавлям на полметра, и что я сам за этот год, – Боже мой! – как я поумнел, как поднялся тоже вверх к журавлям.

Алеша потому не удался Достоевскому, что автор выдумал сделать его здоровым (цветущим юношей). Здоровые предполагают в себе длительность, время, «чти отца», напротив, христианство в юноше это трепет мысли такой силы, что все тело дрожит, как осиновый листок. Может именно здоровье, как длящееся время, как род, как множитель, как сила, как государственность и представляет антитезу учению не от мира сего. И как только Достоевский устранил в «Идиоте» здоровье, как у него получился живой образ, близкий к женщинам.

Но важно, что и Достоевский, значит, лелеял мечту о святой плоти, как сделал я святым простой лесной ручей. И если изображать такого человека, то надо смотреть на этот ручей. Ляля говорит, что таким был Олег.

Кто кого перетянет, – сказал Сергий о церкви и большевиках.

19 Апреля. Выехали в Москву. Вернулись через месяц в мае.
В ожидании выезда у круглого омута. Зацветание ольхи.

Итог чтения Ев. Иоанна: 1) религия огня и крови (Отец). 2) Религия воды и света (Сын). 3) Религия дыханья и ветра (Дух). В отношении творчества: 1) прошлое, 2) настоящее, 3) будущее.

Ольха цветет, а рядом осина роняет скрученные прошлогодние листочки, и они делаются корабликами и плывут по воду, гонимые ветром. В них кое-кто перезимовал и переселяется.

Забылся от горя и шел по дороге, пустив глаза. Но в лужице увидал лес, и на голубом деревья вылеплялись так прекрасно. – Да откуда же такое прекрасное небо взялось? – Посмотрел и увидел небо.

Так и мое искусство, друзья, не больше лужицы, в которую из-за нашей спины смотрится невидимый нам весь человек с прекрасным небом... и я пишу вам только, чтобы вы обратили внимание...

Дождь, ветер, холод, поломка машины, ночевка в...

В военном городке некий Смердяков мне сказал: «Сюда посторонним нельзя». – А я не посторонний, я писатель. Сталин сказал: писатель – инженер душ. Я являюсь вождем и могу идти к Сталину. – Пожалуйте! – отвечает Смердяков и, подумав немного, спросил, – когда война кончится?

Ночевали в селе Веселеве от Переславля перед Лисавами (Териброво с часовенкой). Черные тараканы, и Серг. Вас. хотел выморить, да подумал: ведь безобидная тварь, кабы клопы. Козы Зина и Роза.

20 Апреля. Утро вечера мудренее. Кавказ в овраге, пение ручьев и в защите от ветров в тепле птички собрались, и зяблики распевают, трясогузки, овсянки, журавли. Вода в отношении человека это его святая плоть (Богоматерь). Приехали в 5 час. вечера следующего дня.

21 Апреля. Дела: в 9 ч. утра придет Андрианова, узнаем о квартире. В 10 ч. к Леве чинить лейку, от 12 до 1 – в Союз писателей и в 3 – о юбилее (орден).

22 Апреля. Как и вчера холодно, солнечно, ветрено и нехорошо. Встреча с Григорьевым (мир страшнее войны).

23 Апреля. С утра холодно, тихо, солнечно.

Горелова встретил: машину починим, а об остальном...

В Кремле орден. Калинин: дела поправляются. Вечером Замошкин и чтение Лялиной поэмы о Пришвине. «Эти дни» (Страстная): не чувствую, а она... Есть нечто безмерно более серьезное, чем «успех». Ляля серьезна.

24 Апреля. От Федина узнал, что получение ордена связано с Чагиным (потом, что Сталин любит). Узнал о поражении Ставского. В ответ на страхи: – Чего бояться, если будущее никому не известно: это все равно, что болеть своей будущей смертью. Но и к смерти надо быть готовым всегда. Прекрасно в народе молчанье.

Академический паек оказался: 4 коробки крабов на месяц. И вообще эта охватывающая атмосфера голода страшна: ничего не поделаешь как-то и теряешь инициативу жизни.

25 Апреля. (Воскресенье Светлое.)

Жара внезапная. День-то какой. В 4 утра пришли к обедне и в 6 вернулись. – Да воскреснет Бог и расточатся врази его![76] – Христос воскресе!

26 Апреля. Ночью дождь и буря. На рассвете гремело железо.

Дела: в 9 утра Попов: фотоматериалы, в половине 11-го – Оболенские, в 11 звонить Горелову о машине, в 12 – Чагин, в 2 – Лева, в 5 – Звезда.

+ Илья Валуйский, + Колпенские.

+ Семен Маслов и еще живы: Пришвин, Коноплянцев, Семашко[77].

Вот денек! Утро: Попов (пленка) зовет в Москву – оптимизм западника. – А кто же в народе агитирует против Америки и пр.? У Оболенской (Пасха): по ложечке творогу и по яичку. Обед у Левы (советский юродивый): антитеза Ляле. У Чагина о «базе» и о женах мироносицах и что «Союз не знал о награде». В «Красной звезде».

Письмо Микояну.

Глубокоуважаемый Анастас Иванович! Помогите мне написать книгу, о которой я давно думаю и знаю, что пришло время ее написать. Я не могу, однако, с иждивенцами на руках, на писательском пайке, отдаться такому делу и прошу Вас поддержать меня снабжением продовольствием. Я осмеливаюсь просить Вас на основании моей 40-летней литературной деятельности, отмеченной недавно высокой правительственной наградой в день моего 70-летия. Это основание и глубокая личная убежденность в том, что я могу сделать полезную вещь, позволяет мне обратиться к Вам за помощью с легким сердцем: старый конь борозды не испортит.

27 Апреля. Вечером переехали в гостиницу Москва № 617. Конец устройства.

Ботик и «Красная звезда».

Никитин сказал: – История есть история войны, только раньше дрались камнями, а когда стало много людей – бомбами.

Комментарии к разрыву с Польшей (рыбки на удочку).

Елагин объяснил образование воли Левиафана: солдат отдает свою волю.

А если история – история войны, то это относится и к истории государства.

Но есть еще история личности: история культуры.

Приключение Нины Степановны: за ящик с мылом...

28 Апреля. Ссора на почве мук по ремонту машины. Подавленность до спокойствия при безлюбии.

Сейфуллина председатель от клуба, а от Союза назначен Тренев.

30 Апреля. Москва зеленеет, а душа во тьму погружена.

«Не единым хлебом». Отношение государства к церкви, если отнести к личности, отвечает: не единым хлебом, т. е. что всякий материальный вопрос должен начинаться в духе.

1 Мая. Дождь. Обдумываю разговор на юбилее.

Война и юбилей. Фронт и тыл. Фронт – душу за други. Глубина тыла – это «я» в глубине: «я» дитя, наше будущее. Дитя страдает (ленинградские дети), дитя бьется за жизнь; возрождение.

На своем веку я переживаю третью войну и третий раз переживаю борьбу в себе: тянет отдать душу за друга, пробую и не могу. В стыде и унижении отступаю, и начинается мое отступление внутрь себя к ребенку. Так было в Японскую войну: я начал писать и для детей («Родник»)[78]. Во вторую войну (германскую) – охотничьи рассказы, «Кащеева цепь». В третью – «Ленинградские дети».

2 Мая. День подготовки к юбилею. Сейфуллина.

3 Мая. С утра до вечера подготовка к юбилею.

Великолепный вечер. После того, как определились пути помимо Союза и возможности открылись, стало понятно, почему возникают люди, как Фадеев, Толстой, Ставский и вообще властные чиновники и бедное жалкое стадо писателей.

4 Мая. Начало освобождения от Кононова. Приживаемся к Москве. Определяются возможности наших выступлений. Ляля в движении, какая Ляля! и такая женщина в усольской тени, и все-таки в счастье!

Подготовка пирушки (достать водки и хлеба). Винный король обещает блага и освобождение. На пути стал какой-то Болихов. Старичок профессор математики в нафталине и говорит только о жене, с которой прожил 48 лет.

5 Мая. Все эти дни вижу косым глазом зеленеющие почки на солнечном просвете.

Московская жизнь – преддверие американской жизни: каждый за себя, потому что жизнь беспощадна. И каждый обязан быть деловым, дорожить временем, сильным. Быть сильным (сверхчеловек): в идее Ницше и в практике (Гитлер), в идее Иван Карамазов, в практике Смердяков. Ставрогин – Верховенский[79].

Идея сильного человека. Идея единства мира.

Только то есть искусство, когда оно является образом нашего поведения.

Но может ли быть такое искусство, которое истекало бы из поведения художника? т. е. чтобы оно выражало самого человека?

7 Мая. Юбилей. Асеев.

Жара. Подошва отваливается – до того избегался. А резины (на машину) все нет.

У Асеева мой юбилей. «Открыто, искренно чествуем Пришвина» и пр. Чагин – это Есенин в самоваре.

Сейфуллина 25 лет шутом. «С шутами ничего не делают». Сейфуллина – Ремизов.

Асеев про меня: «Ей-богу, кума, ничего не слышу».

Силенки набираем, мысленки собираем.

8 Мая. С 20 апреля до 8 мая – 18 дней хлопот, чтобы сегодня получить ответ: в Москве для М-1 покрышек нет. Переезд из гостиницы на Лаврушинский.

9 Мая. Дождь весенний, теплый. Должен приехать Давид Иосифович Заславский: Капиталистическая душа в коммунистической форме (инженеры душ). Ей-богу, кума, есть ли надежда, что гроза пройдет Балканы. Пересмотр литературы (Ярославский).

10 Мая. Выручали машину из гаража писателей. Смена колес. Посадил двух шоферов.

Немцы войною переживают своего идола Пфлихт, как русские, может быть, войною обретают тот же немецкий Пфлихт. (Немцы отдают, русские обретают – верно ли, что обретают.)

Немецкие записи войны по документам у Заславского.

11 Мая. Уже несколько дней стоит летняя погода. Все на огородах.

В «Правде» пишут писатели не от себя, а от Союза – и это было бы очень хорошо, если бы писатель действительно почитал Союз, как самого себя. Но этого нет, и оттого рождается ложь, облеченная в «Правду».

16 миллионов евреев, из них 3 истреблены Гитлером.

Больше всего будто бы боятся союзники, что мы, когда выгоним немцев из России, дальше не пойдем и оставим их одних с немцами.

Покрышки только в Ярославле. Кононов не едет. Бросаем водку на покрышки. Начало романа с собакой. Заработал телефон.

Бродский: – К осени война кончится. – Вам очень хочется жить? – Хочется. – А мне думается, война кончится года через четыре. – И вам не хочется жить? – Нет, тоже хочется.

Коноплянцев разваливается, но тоже говорит: – Как мне хочется жить.

Готовлюсь к объяснению с Лялей о трудном визите: надо*.

Вчера на улице в ожидании трамвая 16. Дом с колоннами, ни одного человека. Молодая луна и звезды. Перебегающая скорбь и... радость, и опять скорбь. Люди с лопатами (после службы копали огород).

– Разве уже цветет черемуха? – Нет, еще не цветет. – Не горюй, не все же себе: мы свою весну отдали людям. Вспомни наши березовые почки (вечер освящения почек).

---

* Речь идет о визите к Ефросинье Павловне на обратном пути.

Страх перед огромностью площади и тут же страх от беззащитности твоей: все того хотят, что и ты: страх перед человеческой массой... Никакая доблесть не спасет, если ты не нахал, истинное распятие: и не только не знают, что делают, но и не могут знать.

Сколько положено труда, убито сил! Женщина успела отцвести, пока добилась рабочей карточки (на 100 гр. больше обыкновенной, то, что в каждом доме давали нищему «ради Христа»).

Куда ни пойдешь, везде Вальбе, философ, встречается: тоже ходит зачем-то. И всегда мысль у него – сейчас: что после войны люди сблизятся, как после драки, ощупав друг друга, сближаются.

12 Мая. Нашлась одна покрышка и аккумулятор. Встреча с Семашко.

13 Мая. Из-за собаки вывалил все, и что я собираюсь жить один, а она будет заведовать моими делами. Я понимал это как подвиг, а она разоблачила, как эгоизм, и плакала. Конечно, помирились, и я раскаялся и понял свою глупость. Все теперь понимаю, как рецидив моей охотничьей страсти. Главное, что сразило меня, это ее убежденность в невеликой ценности земного бытия, к которому она... только из-за того, что полюбила меня. (Причиной моего восстания была не одна собака, это восстание мужчины.) А еще, что меня напугало: движение Ляли в Москве (дача Семашко)*, жизнь на попрошайстве, и ревность, и ее направление к примиренчеству.

Доверенность Ляле. Пришел вечером А. М. Коноплянцев (рад, что мы через Семашко устроили его в санаторию дистрофиков).

Пришли Лева и Петя. Вечером Кононов достал резину за три литра.

14 Мая. Между прочим, я вчера выпалил Ляле: – О каких желаниях ты говоришь, если в тебе нет основного для них:

* Семашко приглашал Пришвиных жить у него на даче.

страсти. – Мои страсти, – ответила она, – все перешли в любовь.

Определяется отъезд в воскресенье и свиданье в Загорске.

15 Мая. Вчера вечером Ляля по телефону вела разговор с б. мужем, говорила с ним, а мне вспоминалось, как мы с Лялей зимой вдвоем на санках в гору два мешка картошки везли.

Что мы сделали в Москве за 25 дней: с 20 апреля по 15 мая.

1) Орден. 2) Юбилей 1-й. 3) Юбилей второй. 4) Выступление в «Правде». 5) Ремонт машины. 6) Литер А. 7) Вопрос о даче. 8) Ботик. 9) Бензин. 10) Заславский. 11) Коноплянцев. 12) Фото. 13) Лейка. 14) Деньги. 15) Семен. 16) Ремонт квартиры (газ, вода). 17) Пасха. 18) ½ Зины (Семашко). 19) Мир в Загорске. 20) Сюжет... Сирин и Алконост. 21) Путь к Соколину и резина. И пр.

Свет переходит во тьму, радость в горе, счастье в беду, не будь беды, счастья мы бы не поняли. Также радость без горя не была бы нашей радостью, и без тьмы не принес бы в душу нашу животворной вечности солнечный свет.

Вальбе мечтает о сближении народов после войны: после драки люди, пощупав друг друга, входят в конкретную жизнь и начинают друг друга любить (т. е. воплощение идеи). Люди все дерутся за хорошее и потому только дерутся, что не видят друг друга, а когда в драке увидят...

Ляля права, когда говорит, что меня все любят, а я воображаю, будто ненавидят. Она права в житейском смысле, но это уже постфактум, после войны, когда дело движется к миру. Моя война началась с тех пор, когда я взял в руки перо, и до тех пор, пока не победил. Мой юбилей свидетельство моей победы.

Вчера Кононов привез покрышки и отъезд на завтра утвержден. Пришла Сейфуллина, принесла деньги нам за вечер. Собрались.

16 Мая. Итак, прошло без двух дней месяц в Москве, месяц поста от вегетарианской пищи и курева. Сегодня предстоит свиданье. Сейфуллина говорила, что публика радовалась на моем выступлении образу чистого детства, которое вставало перед каждым. А я это получил от матери, и мое поведение спасло эту детскую радость матери, что-то «самое главное». Этот вечер был чудом, и что Семашко пришел – чудо, и что самое главное – это обращение Асеева (Сейфуллина: «м. б. он трижды продался, а душа его тут, несмотря ни на что, вдруг открылась»).

Сирин и Алконост[80]. Мы познакомились с Марьей Васильевной Рыбиной в ту памятную ночь, когда в наш дом на Лаврушинском попала бомба. Тогда у нас только что устроилось плохенькое бомбоубежище с плохими порядками. Когда загудели сирены и мы спустились, люди с улицы опередили нас, жильцов дома, забили убежище, и мы попали в кочегарку и спрятались в ней. Вслед за нами в кочегарку набежало тоже много народу, и когда пробкой был забит обратный выход, вдруг оказалось, что кочегарка место самое опасное, самое уязвимое для бомб. Началось волненье, и еще бы немного – мы бы все подавили друг друга. В это время на котельное возвышение стала женщина, эта самая Мария Васильевна, очень худая, высокая, безгрудая, бестазная, с бледным вытянутым лицом и большими лиловыми глазами. Были ли глаза и вправду лиловые? Конечно, нет. Но как вспоминаешь и спрашиваешь себя, какие это глаза, не мы одни отвечаем: лиловые. Волосы ее были цвета мочалки, жидкие и распущенные. – Граждане, – сказала она, – перестаньте дурить, без воли Божьей ни один волос не упадет с головы.

– То-то у тебя волосы, – крикнул ей кто-то, – не густы, видно Бог все повыдергал.

Кто-то засмеялся, и этот смех добродушный остановил давку.

– Будет смеяться, – сказал кто-то, – над чем смеетесь: будь назначено – и в убежище не спасешься, а не назначено – и в кочегарке жив будет.

– И спасемся! – твердо крикнула М. В.

– Знаешь?

– Знаю.

И спустилась с возвышения и села рядом с нами. Все успокоились, все стали размещаться, и тут началось наше знакомство с этой Мар. Вас. и перешло в близкие отношения к своему человеку.

Не хождение, а езда по мукам с 2 до 11 вечера, и наконец – машина села у Гремяча.

17 Мая. Муки старухи: природа мне как «эгоизм», сила какая-то... И тут вот борьба «эгоиста» за жизнь (язычество), а то умирающее, как христианство (т. е. преодоление в переживании).

Оправдание язычества и есть истинное христианство.

Как исчезла «Фацелия» с цветами своими и как потребовалось снова вызвать ее на помощь*.

Христианское мужество. Мужество Ляли и Зины, примеры побед этого мужества.

1) Алексей Божий человек в собачьей конуре. 2) Мать и дочь в Шамордине**. 5) Мы с Лялей и Нат. Арк. 6) Толстой и жена его, и множество других примеров «мужества».

И мысль о попытках неудачных тоже мужества у Ив. Карамазова (Смердяков), у Раскольникова Ницше (Гитлер).

И вот что значили мои слова: «если бы не Ляля, я бы не смог освободиться».

Сила приближающегося Бога и есть то «мужество», сознание вечное, что Бог недалеко от тебя.

Мобилизовал военных девушек, они вытащили мне машину под Гремячом, и мы после обеда воротились домой.

18 Мая. В Усолье отдых. Не так трудно было добывать свое счастье, как показываться с ним на людях, выдерживать сочув-

---

* В 1941 г. запретили печатать «Лесную капель» (первая часть «Фацелия»), а в 1943 г. неожиданно напечатали.

** Елецкие знакомые Пришвина: дочь постриглась в монахини в Оптиной пустыни, мать, чтобы не разлучаться с ней, тоже приняла постриг.

ствие. После грозы холодно и сыро, но я в лесу: как рыбу из бочки пустили в реку.

Мы вернулись к нашим молодым соснам и удивились их быстрому росту. Все знакомые, они стоят вокруг нас в росе и ароматной смоле, неподвижные в стороны, с единственным движением вверх к небу. И мы через них думаем о себе, что люди мы и так суетно мечемся в стороны, но внутренним существом своим тоже как сосны растем вверх.

И что было раньше близким – земля, то становится в росте нашем все дальше от нас, а что было так далеко – небо, то все близится и близится.

Ляля меня утешала, когда в Москве пропускали весну. Я так жаловался ей:

– Подумай только, ведь это в жизни моей сознательной первая весна проходит напрасно. Она меня так утешала:

– Не напрасно! Вспомни, как люди радовались весне на нашем вечере: мы им отдали нашу весну. А помнишь, как Ойстрах на скрипке играл, все вокруг себя забывая, и ты же сказал: «Мне кажется, что все наше прекрасное в природе через таких людей сюда собирается в город, страдающим людям на утешение».

– Это все верно, – ответил я, – но отдать всю нашу весну для одного вечера – ведь это опустошение.

– И это неправда: так отдавать, как мы, это значит и получать. Почему непременно надо сидеть у природы недели и месяцы, бывает одно мгновенье, взгляд, и разом все получишь.

Так и случилось. Мы уехали, когда в лесах еще белелся последний снег, а когда вернулись вечером после грозы в лесу, на Ботике пел соловей. Мы остановились, вслушались в песню и вдруг все, что было пропущено от снега до соловья, к нам вернулось.

Я сказал: – Такого соловья я никогда не слыхал.

И она: – Такого я никогда не забуду. Это... раз навсегда.

Свиданье в Загорске.

По пути в Загорск в лесу я сломил веточку цветущей яблони: десяток цветов раскрытых и сотни розовых бутонов. Сламывая веточку, подумал: поднесу [ей], может быть, она будет ей веточ-

кой мира. С этой веточкой в руке я постучал в калитку дома, где столько лет жил. Еще раз, еще... – Потяните за узелок, – подсказал мне какой-то мальчик. И я вспомнил, что калитка у нас так устроена, что потянешь за узелок и засов с той стороны открывается... Так тридцать лет было, и в три года я успел забыть.

С цветущей веткой я вошел в калитку и увидел старую женщину, и не мог найти в ней и следа былой красоты... На веточку мою она не обратила внимания, схватилась за меня, чтобы не упасть от горя и от радости, а веточка упала. Поддерживая, я провел ее на балкон. Постепенно от разговора и молчания она стала приходить в себя, оживляться, и я начал узнавать ее, какой она была раньше. Через час, спускаясь от нее по лесенке, чтобы уйти, я обернулся к ней и сказал: – Я принес тебе веточку яблони. – Знаю, – ответила она, – помню. – Ты же ее как будто не заметила: она в траву упала. – Помню? тогда не до веточки было. Не беспокойся: я ее найду.

И когда я ушел, она, конечно, нашла веточку в траве, принесла в дом, поставила в воду и каждый день следила, как раскрывались бутоны. Так наверно все и везде: есть у людей между собой то более важное, чем расцветающие яблони и все прекрасное.

Плен жалости. Все пело вокруг – я слышал, и все цвело – я видел, и в то же время не видел и соловьев не слыхал. А когда все-таки зеленый шум перемогал мое внутреннее невольное сопротивление, мне были неприятны и соловьи, и цветущие вишни, и яблони. «Но ты же не виноват, Михаил, – говорил я себе, – почему же ты весне своей не радуешься? Она сама была причиной своих несчастий, почему же тяжесть давит тебя и весна процветает бездушно?»

19 Мая. Не могу того забыть, как нечто, мне кажется, более важное для человека, чем даже прекрасное; [это] неприязненно встало против всего зеленого шума весны, еще бы, еще прибавить – и не только весна, а и вся радость жизни отделилась от меня и стала ненужной и неприязненной своим равнодушием. Но я стал собирать в себе силы для борьбы за прекрасное и не поддаваться действию жалости и сострадания. Мне стало

казаться в этой борьбе, что сострадание из всех добродетелей самая низшая: я сострадаю, потому что возможность такого состояния переношу на себя. И разве борьба и страдание за общую радость от Прекрасного не бóльшая добродетель, чем сострадание? Так зачем же уныние?

Достоевский всю жизнь посвятил этой борьбе (Ив. Карамазов, Раскольников) и, в конце концов, стал проповедником того плена высших добродетелей низшей добродетелью – сострадания. В результате этой проповеди сильный человек делается пленником слабого и его эксплуатируют. (Семену Маслову зять выбил глаз и дочь донесла, Б., художника его домашние били, и он убежал от них, и меня сыновья с их матерью чуть-чуть на тот свет не отправили.)

Есть два способа борьбы с подавляющим всю личность человека чувством жалости (состраданья): первое – борьба с помощью разумной добродетели. Средство это, как вода в борьбе с огнем. Второе же средство – это война или революция, как у большевиков, в которой личность человека сходит со счета. Третий, настоящий выход – это в собственном смысле слова выход, т. е. уход в борьбу за высшую добродетель, т. е. личное творческое усилие с целью преображения самого мира, в котором живешь. (Житие Алексея человека Божия, жил в конуре, и любящие его не узнали.) В этом усилии сострадание не заменяется прямо жестокостью, но только низшая добродетель становится в подчинение высшей.

Ефр. Павл. любит меня для себя и не меня винит за мой поступок, а того, кто отнял у нее ее собственность. Так точно любит и Нат. Арк. свою Лялю и тайно (в культурной форме) сопротивляется мне. И так за Толстого жена его воевала с Чертковым. На этой силе и строится бессильный бабий мир. Ницше потому же рекомендует мужу, идущему к жене, не забыть плетки[81].

«Мужество» истинное женщин заключается не в любви для себя, как обычно это у них, а любви для Него (Бог).

После дождя как взялись травы! Лесная малина вступила в борьбу за свет с можжевельником. Корявый и медленный,

как разиня-мужик, он поддается лукавому обниманию веточек малины и мало-помалу в них скроется. И когда время придет, малина развесит на нем свои малиновые ароматные ягодки. И когда время пройдет, и малина засохнет и ягодки отпадут, тогда только Разиня поймет, что у него малина была и ушла, а он дураком так простоял.

Наше дело на земле Бога так приблизить к себе, чтобы Он стал возле нас лично, как Сын человеческий.

Когда мы начали домашнюю войну, мы ее хотели понимать, как войну священную, значит, что поставленная нами цель содержит в себе искупление причиняемых нами страданий. Но так ведь и каждая и несвященная война, и каждый зачинщик непременно имеет в виду в победе искупление с оправданием средств. Искупление включается в состав веры в победу, и если он победит, то и не судят победителя. Если же не победит, то все причиняемое им зло ложится на его голову. Значит, война – это суд. И если мы в своей домашней священной войне победили, то, значит, нашей победой все и оправдано, и на что побежденные теперь могут рассчитывать – это только на милость. И эту милость я им окажу.

20 Мая. Как я посмотрел в Загорске на маленькие комнатки с подслеповатыми окнами, где я писал «Жень-шень», на убогую мебель, я подумал, что, может быть, и все так у меня было бедно и жалко, и я сам, как дерево, посаженное в глиняный горшок, рвался к возможной своей высоте, пока не распался горшок.

И какой тут Загорск или даже Хрущево! Возвращаешься к вчерашнему дню, к этим огородикам возле нашего лесного домика и уже чувствуешь скуку повторения и в этом году опять того же.

Но где-то в глубине себя таится еще сила искания чего-то стойкого, независимого, вечного, и кажется, будто возможно еще собраться, как-то разом взяться и начать развертывать оттуда будущие дни.

21 Мая. Ненастье и холод. Запиши, Михаил, себе на все время, на весь остаток жизни своей, что если ты веришь в Бога, то

значит, ты должен именем Божьим властвовать в пределах врученного тебе царства и устраивать в нем жизнь благоговейно трудовую. Значит, преследуй ежедневно и ежечасно: 1) Крепко держи в руках руль власти. 2) Работай и живи благоговейно.

Начало этого решения таится в успехе моего юбилейного вечера, и успех был основан на моем спокойствии в отношении успеха, к чему подготовкой было примирение (равнодушие) с тем, что раньше мешало.

Выехали на Ботик (по утреннему завету сам рулил). Носился по городу, был в Райкоме, 6 часов сидел в ожидании майора, чтобы получить отказ в устройстве на Ботике. Ночью вернулся на Ботик и дальше передал руль Кононову, тот шлепнул машину в яму и разбил картер заднего моста. Вывод: не передавай руля никому.

22 Мая. Бросили машину на Ботике, услали Кононова в Переславль за частью. Сами утром пошли пешком в Усолье усталые, но довольные: все обернулось к хорошему, мы устроились на Ботике, и даже машина сломалась к лучшему, все к лучшему.

Шли кустами, со всех сторон пели нам соловьи, но нашего среди них не было. Хорошо было, однако, знать, что наш соловей есть. Потом мы шли лесом, пели иволги, показывались горлинки и черные красноголовые дятлы, и мы, любуясь ими, говорили, что самое лучшее в мире – цветы и птицы.

Еще говорили о любви для себя, от которой...

25 Мая. Завтра утром направляюсь на велосипеде на Ботик. Собираюсь. Укладываю материалы о детях в памяти[82].

– О Боже! когда на вас глядит эта хорошенькая птичка, доверчиво и счастливо, вам ведь стыдно ее обмануть! Я потому их птичками зову, что лучше птички ничего нет на свете. (Достоевский, «Идиот».)[83]

– Бог вразумил стрекозу садиться на былинку...

3 Июня. Вознесенье. Измученные голодом покинули Ботик и пешком вернулись в Усолье.

4 Июня. Мой очередной бунт против Ляли и мое очередное поражение. Разбираясь в этих своих бунтах, вижу, что в основе их находится моя художническая свобода, стесненная, может быть, не так моральным сознанием Ляли (предупреждающим художническое разрешение), как бытом войны. Какой-то вольный зверь или охотник зашевелится во мне, и тогда я всё, и, конечно, слабость свою и неуменье, валю на Лялю. Ей потом бывает нетрудно разбить меня по пунктам, и мне остается только утирать нос. После этих бунтов мне ужасно стыдно вспомнить, что в обществе меня считают большим писателем и даже мудрецом. На самом деле я бываю как маленький ребенок, орущий, когда его пеленают. И еще мне стыдно бывает после таких сцен, что каждая такая сцена есть шаг по лесенке вниз от мужчины к ребенку и у нее от жены к матери. Впрочем, каждый шаг вниз больно сознается мною и возбуждает страстное желание подняться вверх. В этот раз я, например, убедился, что никакие ссылки на тещу, на фотографию не могут оправдать моего художнического лентяйства, что если я могу написать свою поэму, то должен написать ее, несмотря ни на что, и что самое главное: если бы у меня явилось это «могу», то Ляля вдруг стала бы моим лучшим помощником. Значит, Михаил, будь здоров и весел в день твоего Ангела и благодари Бога за Лялю.

6 Июня. Когда вели меня в Ельце под расстрел[84], у меня вдруг окостенела душа и нечем было бояться. Второй раз я это заметил в себе, когда в Москве сзади наехал на меня милиционер, смял зад моей машины и потом кричал на меня, представляя публике, будто это я сам наехал на его машину задом. Эта наглость привела мою душу в то костяное состояние, я был совершенно спокоен, и теща дивилась, как я, такой вспыльчивый, вел себя безукоризненно. Теперь это стало повторяться всегда, если Ляля чем-нибудь обидит меня: тут мне чудится какой-то конец всему, и я делаюсь спокоен. После, когда опять оживет душа, я начинаю понимать это мертвенное состояние души как болезненное, истерическое состояние, которое послужило Достоевскому материалом для создания демонических образов Ставрогина и всех его бесов.

Дети. 1. Ботик. 2. Папа.

Малейшее движение с нашей стороны к детям, и уже в чьих-то глазах мы читаем робкий вопрос: «Можно ли вас называть папой?» или «Можно ли вас называть мамой?» Правда, взамен мамы у них есть замечательная общая мама, которую каждый считает своей единственной, папа весь состоит в мужественном ожидании с фронта письма, но сверх этого во всякое время каждого хорошего человека [хочется] сделать папой и мамой. Так, может быть, после ужасных исторических катастроф все эти детские голоса, сливаясь, стирают бесчисленные имена своих пап и мам в одно имя «родина» и «отечество»?

Однажды приехал на своей машине военный в больших орденах и вышел к детям с кулечком конфет. Все дети получили поровну, но один только мальчик, круглый сирота, осмелился подойти и так поблагодарить за подарок:

– Разрешите мне, товарищ командир, называть вас своим папой?

Обрадованный военный взял его за ручку и направился к маме-директору. Там они долго о чем-то говорили, что-то записывали. После того военный взял мальчика в машину и увез с собой и через месяц прислал письмо: мальчик жил на Дальнем Востоке.

Вот такого-то папу, ведущего от близкого и трудного к прекрасному дальнему, к чему всегда уводит ребенка игра, и ждут дети на Ботике от каждого, кто к ним подходит с открытой душой...

Вот и вся семья в триста человек запускает змея.

Разве это не родина?

Не потому только родина, что и змей летит над озером, где плавал потешный флот Петра I, что на бойницы Горицкого, на собор XI в. сам Петр, как и мы, глядел с Ботика и тоже, может быть, детям змея запускал, а что покидаемые дети, спасаясь, создают себе родину.

III. Мы спросили одного мальчугана: – Ты кого больше любил, папу или маму? – Папу больше любил, он с нами играл. – А мама? – Мама готовила...

Это значит: папа играл, мама страдала. И еще значит: мама умерла, но это страшно, об этом не хочется говорить, а папа

жив и пишет письма, значит, есть надежда – он вернется и будет играть, и это лучше – играть, это папа, это лучше – жить, это: «я больше любил и люблю»...

Голод во время блокады был для всех голод, но люди-то ведь все разные, и весь человек, каким мы понимали его в мирное время, распадался на все составные природные части: показывались люди-крокодилы, люди-черви, и тут же рядом выпархивали <*приписка*: взлетали> люди-ласточки, люди-бабочки, расцветали люди-цветы. В это время один мудрый старый человек сказал нашим знакомым женщинам: – Бросайте все свои дела, спасайте детей, и дети потом спасут вас.

7 Июня. Она часто поражает меня своим точным знанием законов любви: делает, мелет языком, несет Бог знает что, а вдруг, когда надо, сразу выскажет так, будто любовь для нее особое знание.

Утром после завтрака, если роса не сошла, маленьких детей выпускают на балкон дома, как зверушек из внутренних помещений в вольеры. Балкон на втором этаже, и когда возле проходишь внизу, детишки хором здороваются. Среди этих головок, глядящих вниз на меня, я люблю самую маленькую, похожую на головку парижской цветочницы с вздернутым носиком (nez retroussé). Эта девочка носит имя Мария Тереза Кармен Рыбакова. Имя это содержит историю, которую по одному имени можно бы и самому разгадать: мать ее во время испанской революции была в числе эвакуированных из Мадрида в Ленинград детей. Когда девочка подросла, то вышла замуж за комсомольца Рыбакова и потом погибла во время блокады. Рыженькая круглая головка со вздернутым носиком напоминает мне апельсинное время, когда Москва была завалена испанскими апельсинами, и еще в то время тоже ананасов было множество в Москве, и к этому на каждом перекрестке продавалось русское мороженое. Все это прошло, но девочка Мария Тереза Рыбакова пробуждает уснувшие под тяжелыми плитами переживаний воспоминания, смотришь на хорошенькую девочку, и во рту вкус апельсинов, ананасов и мороженого.

Когда роса сходит, дети группами выходят на траву, и каждую группу пасет воспитательница совершенно так же, как старая бабушка пасет своих цыплят, кажется, будто у бабушки только цыплята, а у воспитательницы только дети да книжка для отдыха.

8 Июня. Целыми днями ходят теплые тучи, даже гремит, но не сверкает, и нет дождя. Ляля весь день в огороде, я весь день снимаю и зато ем творог. Варя поехала за ярославскими вестями на Ботик, Кононов в Москву. Понемногу пишу свое «Дети», и философские чувства, бывает, молнией пронизывают мой ум. И сколько ненужно-частного приходится выбрасывать. Страшно думать, что как у меня с образами, так у социалистов с людьми. Почему же мне можно с мыслями, а им нельзя бы так с ненужными людьми при построении общества? Этот вопрос разрешает Достоевский в Раскольникове, а ты как разрешишь, Михаил?

Ляля при каждом случае уверяет меня, что ей ничего не нужно, что она хлопочет в жизни не для себя. Я, напротив, утверждаюсь в том, что живу для себя, потому что в опыте своем вижу, что если для себя, то другим достается больше, чем если бы я жил для других. Это творческое мужское самоопределение, точно так же, как у нее ее женское служебное. Она это признает, но ее восстание против ограничения личности Женщины как высшей твари на земле родом, равно как подмена творческой природы Мужчины одной борьбой за существование рода. Мужчина при встрече с Женщиной преодолевает препятствие и участвует в этом преодолении не как Раскольников одним разумом, а всей личностью: в этом и есть оправдание «преступления». В этом и должна быть христианская кончина: т. е. в творческом усилии цельной личности, обнимающей собою истинную жизнь и преодолевающей «жизть», как самец преодолевает естественную преграду самки.

9 Июня. Пришла вчера Варя с Ботика. После того как измаяли меня голодом так, что Ботика стал я бояться, после того как я с трудом перестроился опять на фотографию, к тому же теща заболела и у Ляли отнялась возможность со мной стран-

ствовать, нам теперь уже с помощью области дали два детских пайка и обещают две железных кровати. И все потому, что хочется сделать больше, чем делают все.

10 Июня. Когда мы с Лялей сошлись, перед первым нашим серьезным общим делом, она мне вечером читала, и с тех пор взялась во мне мысль об отсутствии границы между этим миром и «тем»: это была тогда не вся мысль, а только начало ее в чувстве. Я носил ее в себе три года и теперь знаю, что мысль эта ближе придвинулась к сознанию. Теперь я знаю, что мир на небе и на земле один и тот же – мир Божий, а то, что называется жизнью, есть борьба с особого рода препятствиями, предъявляемыми каждому человеку в отдельности. Истинное творчество и есть личная борьба за действительность, за Царствие Божие на земле, как на небе, и надо просить Бога больше всего о том, чтобы воля Его осуществлялась каждым, начиная с себя. И потому я иногда вместо «Да будет воля Твоя» молюсь: «исполни, Господи, Твою волю во мне».

NB. Мужской творческий акт начинается преодолением естественной преграды в жене.

Самое грубое и необходимое дело в природе есть убийство. Избежать убийства можно только тем, чтобы поставить свой дух против природы и отдать жизнь свою за дело любви («смертию смерть поправ»[85]). Но люди придумали в обход возмездия за убийство и необходимости жертвы организацию: соединяются два человека, один не убивает, а только приказывает убить и тем освобождает себя от физической грубости дела и от страха возмездия, потому что ведь не он сам приказал, он только передал чей-то приказ по назначению. И кто убивает физически, грубый человек, палач или раб, он тоже теперь не убийца: он выполнил приказ. Так благодаря организации человек как лично ответственное существо делается безликим, и так человеком создается вторая природа, в которой, как и в первой, становится можно убивать.

Общая (тотальная) война есть последствие личной безответственности в убийстве. (Я не я, и лошадь не моя, и сам в ку-

сты.) Задача писателя после этой войны – довести это по мере сил до более широкого сознания.

<*На полях*: Ключ к пониманию современного массового безответственного убийства (мировая война).>

Когда приходят девушки за карточками и одна какая-нибудь бывает недовольна собой и говорит мне: – Я не похожа! – я обращаюсь к свидетельству ее подруг, и они всегда отвечают: – Похожа! – И она вынуждена бывает подчиниться и взять плохую с ее точки зрения карточку. На самом деле этот суд всегда ложь, потому что лучшее, что лелеет в себе лично девушка, знает в себе только она сама, и ей, уж конечно, хочется быть похожей на свое лучшее.

Философ такой же человек, как и все, и тоже должен поднять весь моральный груз на себя. Между тем в философии заключается соблазнительная лазейка удрать в иллюзорный мир и свалить с себя необходимую тягость борьбы за действительность. Потому-то вот и говорится: бойся философии. Истинная же, святая мудрость должна быть делом жизни, а не специальностью. Истинный мудрец, прежде всего, незаметен и прост, а на философа все пальцем показывают, потому что он рассеянный и о действительность спотыкается.

Евангелие от Иоанна и есть путь истинной философии, т. е. чтобы слово стало плотью, и в этом вся жизнь человека.

На чем стоит наша любовь.

Я твердо верю, что меня она не поглотит никогда совсем и меня ей заменить нельзя: родить она, конечно, может [от] другого, но изменить мне нельзя. Точно так же и она знает, что ее я никогда не исчерпаю, что сколько бы я ни погружался в нее, дна ее никогда мне не достать.

Самолюбие (эгоизм) и собственность происходят на пути борьбы духа с препятствиями, дух терпит неудачу, и тут эгоизм, дух ищет успокоения, примирения, и тут собственность.

11 Июня. По всей вероятности, это я табаком отравился. Но сегодня табак – моя воля, а завтра придет болезнь, и не по своей воле, значит, надо считаться с состоянием духа после табачного отравления как с реальностью. Я чувствовал полное равнодушие к Ляле и ко всей жизни. При этом я знал, что это равнодушие, с точки зрения Ляли, есть недопустимое состояние, и она любить меня, пребывающего в таком состоянии, не может, и нельзя любить мертвеца. Поэзия мне казалась в таком состоянии игрой, религия, моя религия – поэзией, а настоящая религия – неведомой мне силой, способной воскрешать мертвецов. После вечернего чаю я бросил курить, ночью мне стало легче, я потянулся к Ляле, и мне вернулась жизнь и любовь. Замечательно, что, пытаясь выйти как-нибудь из состояния равнодушия, я попробовал работать и написал один из самых хороших моих рассказов о детях. Значит, мертвецы могут быть поэтами.

13 Июня. Троица. Ариево заушение[86].

Плохая пришлась мне Троица: проснулся в 2 ч. ночи очень огорченный чем-то неясным, относящимся к Ляле. «Подпольные» мысли стали навертываться возле физически ощутимого центра (солнечное сплетение, пораженное полуторамесячным безумным курением и внезапным прекращением). Все это «подполье» определилось как равнодушие ко всему, и к Ляле, и даже к Богу. Мне оттуда все это вместе, поэзия, религия, любовь, даже и страдание показались как удовольствие, как формы счастья. Ляля, конечно, сразу почуяла мою перемену, и когда я ей признался в равнодушии ночью, она вдруг вскочила и начала в слезах, в рыданиях изо всей своей силенки бить меня по лицу и по чем попало своими кулачками. Это вывело меня из пучин морских темных и страшных наверх к солнечному сознанию: как будто я был утопленник и томился в пучине, а вдруг лопнул пузырь, и меня, как пробку, выбросило вверх, и наверху под солнцем на груди (тут-то и понимаешь, что это грудь женщины) я ожил и обрадовался.

Как солнечная жизнь проста и прекрасна, и какой ужас Достоевский (а я как раз его начитался) с его подпольем. Как Ляля боится водной глубины и какое отвращение чувствует к рыбам.

А что причина всему в табаке, тут ничего обидного, – и так понятно, что величественное состояние духа, демонизм тоже сопровождается и даже вызывается каким-нибудь физиологическим процессом.

И до тех пор как бросить курить, я почувствовал, что навредил себе курением, и когда бросил, то стало щемить под ложечкой (солнечное сплетение) с такой силой, что от этого рождалась в душе тоска, и эта тоска постепенно дня в три привела меня к равнодушию, так что не только Ляля вставала со стороны для меня и я ее критиковал, но Бог, и религия, и даже просто страдание казались мне просто жизненной игрой в сравнении с моим состоянием равнодушия. Ляля косилась на меня все эти дни, и наконец вечером сегодня это стало невыносимо, и я в постели на сон грядущий постарался ей передать об этом страшном чувстве равнодушия.

– Врешь, выдумываешь, – сказала она, – все это ложь или, может быть, Достоевского начитался, пожелал в подполье. Смотри просто на жизнь, как я смотрю, брось догадки.

– Я и сам не рад, я в первый раз чувствую равнодушие.

– И ко мне?

– И к тебе.

– И нашу любовь?

– И любовь.

– Но из-за чего же мы сходились с тобой, к Богу-то ты тоже равнодушен?

– Совершенно!

– Ах, негодяй, как же ты смел меня обмануть!

И раз меня кулаком по лицу.

Я вскочил, она за мной, осыпая меня ударами.

Я на другой день рассказал это теще и пояснил: – Вот вы Лялю все ревнуете ко мне, но ведь любовь ее ко мне совсем не такая, о какой вы думаете, любовь – это слово со многими значениями: значение нашей любви совсем другое, чем вашей, и я считаю, что наша любовь настоящая.

– Пусть, – ответила теща, – но все-таки формы могли бы быть более культурные.

– Если думать, напр., о жизни тигра в скалах Уссурийского края, то можно Бог знает чего надумать, а посмотрите его в Зоопарке: как проста эта жизнь, и точно так же с маленькой разницей такая же его жизнь и на воле. Так точно и человек, и жизнь его так проста, если объективно не нее посмотреть.

Юмор – это отсрочка. Раз цыгана мужики поймали и хотели убить. – Погодите, успеете, – подмигнул он убийцам, – я пока вам поиграю. – Начал играть на гармони и всю ночь проиграл... То же будет и на Страшном Суде, спросят доброго ответа, а знаешь, что нет его. – Может быть, что-нибудь придумаю, – говорит он про себя, – а пока посмешу...

<*Приписка*: Вот ответы на Суде: один сказал так – ему да, другой не так – ему нет, а третий замялся, ни то, ни се, и судьи, улыбнувшись, говорят ему: – Ну, иди назад, поживи там себе еще сколько-нибудь, подумай, а придет время, мы за тобой пришлем. Сколько ни смейся, а Суда не миновать.>

14 Июня. В субботу 11-го мы нашли 1-й белый гриб (подколосник). Лялины огурцы бушуют, уже по 3-му листику. Мы достаточно питаемся, и все у нас есть, но о всем забота, и она сушит нас. Трудно становится опираться на радостное чувство жизни, приходится прибегать к помощи рассуждения на всякий случай, на всякий час, и это рассуждение – это костыль, к этому присоединяются доктора и лекарства. Помоги, Господи, прожить без костыля и лекарств.

16 Июня. Чем дальше залетает мысль, тем сильнее борьба за нее, самая сильная мысль человека – победа над смертью, и самая сильная борьба за нее – крестная смерть.

Можно быть великим творцом в области знания, но самое знание есть не цель, а только средство. Это многие забывают и забивают книгохранилища грудами скопленного знания, которые современность не может поднять (живой пример: наш бедный друг всезнающий и ничего не понимающий Разумник Иванов).

Вся современная школьная методика заключается в подмене личных естественных поисков мысли готовым знанием.

Антирелигиозная деятельность педагога прямо и определяется так (понаблюдать детей на лугу).

Получил письмо с фронта от молодого бойца, что в разгромленном немцами местечке он нашел мою книгу и стал читать ее вечером при свете степного пожара. Но огонь уходил от него, потому что сгорала трава, и он, читая книгу, должен был двигаться под пулями, при разрывах артиллерийских снарядов и мин. И так, подвигаясь вперед, за ночь он прошел три километра и к рассвету кончил весь том. А теперь пишет просьбу прислать ему продолжение.

Конечно, такой жаждущий <*зачеркнуто:* духовной жизни> живой воды мог бы и с другой книгой идти за пожаром, но какая-то капля живой воды, несомненно, заключается и в моем творчестве. Вот эта капля из моего облака и есть основа моего самоутверждения, т. е. что я даже не [на] облаке туманном, а только на одной капле стою. (Cogito, ergo sum[*].) И вот это-то самое cogito (мысль) и обрекает на борьбу.

18 Июня. Пришел на Ботик. Ляля надеется завтра выбраться в Ярославль. Из всего складывается, что делать что-то независимое от «хлеба насущного» нельзя. Итак, идеальное все надо отложить и всю энергию направить на: 1) Восстановление машины. 2) Заготовка дров. 3) Июнь–Июль – заготовка масла. 4) Август–Сентябрь: заготовка меда (фотографией). 5) Сентябрь–Октябрь: заготовка свинины и баранины.

В Июле необходима поездка в Москву: подготовить переезд тещи. В Августе перевезти тещу.

Ртуть, падая, разбивается на шарики крупные и дальше на мелкие, и самые мельчайшие разбить – все будут шарики. Так и человек разбивается на человечков, и человечек тоже на маленьких, малюсеньких человечков, и даже самая пыль человечины в каждой пылинке, если под микроскоп посмотреть, все

[*] Cogito, ergo sum *(лат.)* – Мыслю, следовательно существую (философское утверждение Рене Декарта).

будет иметь ту же форму человечка. И вот мнения об этой человеческой пыли расходятся: одни говорят, что эта пыль, как и всякая пыль, выметается веником, другие намерены пылевых человечков соединить в человека, подобно как мельчайшие шарики ртути сливаются и наполняют сосуды и как тоже капли воды, соединяясь, образуют океаны.

Новый тип русского человека с двойным взглядом: один глаз, воспринимающий вас в лично человеческой правде, точно так же, как это было и в прежней простой, доверчивой России; второй глаз смотрит с точки современно-официальной.

Есть две свободы: в одной свободе человек стремится к себе самому, – это свобода от чужого влияния; в другой свободе, напротив, человек стремится уйти от себя и жить чужими мыслями («свободомыслящие»). Социализм так и понимается массами, как свобода от себя.

19 Июня. Бывало, когда станет от чего-нибудь тяжело, в легкомыслии мечтаешь, как мальчик: а вот уйду от всех, утоплюсь, или замерзну, или просто уйду, и так легко это! и не будет меня. А теперь представляешь остающихся и видишь смерть не физическую только, а и нравственную: подло так бросить людей. Вот только тем люди и держатся и связываются, а те, кто не связан, живут в смутном чувстве ожидания чего-то лучшего.

После обеда, проводив Лялю, сам собрался и пешком опять пустился в Усолье.

Тепло и дожди. Полный расцвет. Шиповники цветут. Поспевает земляника. Еще поют соловьи, и бьет перепел в поле, и дерет горло свое дергач на сыром лугу. Все как было, и так есть оно в действительности. А что люди в горе, то сами они виноваты...

Какое, наверно, было это с нашей точки зрения блаженное время, когда лень считалась истоком всех пороков! Сколько, значит, было ленивых людей, кому лениться было можно.

Поди-ка теперь найди хоть одного, кому бы есть не хотелось и кому из-за этого не надо было спешить. Прошло то блаженное время, и началом пороков теперь надо считать страх, и прежде всего страх опоздать, не успеть, пропустить. В этой спешке и непрерывном дергании человека времена лени сливаются с мифом о золотом веке.

<*На полях*: Разрыв с Кононовым. Конец ему. Сволочь!>

20 Июня. Богородица, когда поливала наши огурцы вечером, не думала о том, что завтра на восходе ее водица на листьях блеснет росою и восхитит всех, кто выглянет на свет Божий. Она делала просто добро и никак не предусматривала красоту: из ее добра сама собой красота выходила. Да и мы тоже так работаем: красота выходит сама собой, если у нас делается добро. Не красота спасет мир, а добро. А кто гонится за красотой, тому-то и открывается вид на поле, где Бог с дьяволом борется[87], а ты себя чувствуешь как корреспондент газетный на поле сражения. Так что ты думай просто о добре, и если ты поэт, то Матерь Божия откроет тебе красоту в своем материнском прикосновении к тварям, потому что поэзия и есть материнское прикосновение.

21 Июня. Ночью слышался длительный гул бесчисленных самолетов, и Ляля не вернулась из Ярославля. – Посмотрите, – сказала теща, – какое красное небо! – Я встал, и ничего не было страшного: не огонь, а вставала заря[88].

Все ждут событий великих после 20 июня, и так сильно, так страстно, что от этого на человеческом небе встает тоже как будто заря зловещая, но в сопровождении, как бывает и на небе, радостных огненных барашков, и смысл всего откладывается вроде радости конца: лишь бы конец!

Расцвели все медоносные летние травы, пчелы начали роиться. Маленькие дети на лугу в траве сами как цветы, одни головки видны, и кажется издали, будто и их головки тоже от ветра теплого летнего покачиваются, сходятся и расходятся вместе с травами.

Но совсем нет – как подойдешь ближе и разглядишь: не ласкаются они с травами, а рвут головки цветов и швыряют друг в друга, или нашли гнездо и теснятся, и каждый хочет потрогать птенца, и один за другим малые птенчики от давления их маленьких пальчиков, едва свет увидев, навек закрывают глаза. А вот трехлетний ребенок схватил лягушонка и давит его и кричит всем: не дам вам, он мой! И под его тонкими пальцами, вытаращив глаза, погибает лягушка, и никто не знает из познающих ощупом мир, что жертвой их познания, быть может, стала лягушка-царевна.

Далеко в стороне от них один против солнца сидел Рома. Вокруг него вплотную стояли, чуть покачиваясь, раковые шейки, мальчик сидел как в корзине цветов. – Ты, Рома, – спросили мы, – почему тут один, что ты делаешь? – Загораю, – сказал он коротко.

Потом набежала тучка, брызнул дождь, дети побежали под навес, присмирели все птички, и многие спрятались под густые елки и там присмирели.

– А где Рома?

Мы нашли его под особенной елкой. Ветви ее так низко лежали, что вросли и вцепились в землю. Мы спросили:

– Что ты тут делаешь, Рома?

– Тише, тише, – шепнул он.

И показал нам: зяблик тоже один спрятался от дождя и на веточке пережидал.

Дождь перестал. Пришла Мать...

(Изобразить мать, как она наряжается и как тоже мучительно не знающие прикосновение материнское...)

В полдень по телефону сказали, что машина Бакалдина из Ярославля не пришла. – Не в машине дело, – сказала Кошкина, – а вот тут писатель Пришвин беспокоится, что заваруха была: женка его в машине. – На это был ответ, что об этом говорили из Ярославля по телефону: завтра приедут.

Так Ляля попала в заваруху.

22 Июня. – Пространство и время – это когда смотрят на сторону, а в себе, внутри, в душе, в самой личности человека –

там нет пространства и времени: «моя птичка, говорится о мечте в киргизской загадке, в одно мгновенье долетает до рая».

23 Июня. Нам сказали по телефону из Переславля вчера вечером, что машина Бакалдина с Лялей не вернулась из Ярославля, потому что там дожидается, когда будет открыт склад с резиной. Пока что… представил себе, будто Ляли уже и нет на свете, и я остался один. И не было мне мучительно от этого, только увидел я себя самого со всеми своими недостатками, которых раньше не замечал, увидел их при свете образа Ляли, вставшего после утраты ее. Я даже не болел этими недостатками, не терзал себя теми уколами, которые делал Ляле иногда: просто увидел себя таким, какой я есть без всякого самомнения. В то же самое время со мной оставалась после Ляли вера в Бога, вера в человека и знание истинной жизни и даже возможного своего поведения, соответствующего знанию.

Так вот из нового поведения мне показался даже пример. Молюсь же я утром усердно, вдумываясь в каждое слово: «Не остави меня во всякое время и на всяком месте» – но вступаю в жизнь, и Бог оставляет меня. А вот если бы по-новому жить, без Ляли, то я бы, кажется мне, мог бы трудиться и держать возле себя Бога, не спуская с Него ни на минуту своего внимания. Ведь Он уходит, конечно, от благополучно-добродушно расположенного духа, и не потому, что это не любит, а что хорошо человеку этому, пусть пока побудет один, пока Я к другому схожу, к страдающему.

Подвожу итог нашей любви и ясно вижу, что это Ляля делала любовь, что заслуга вся ее, а я – молодец! – навстречу ее делу любви собрал в себе все лучшее в нашем роде (Игнатовых, Пришвиных)[89] и единственный из всех них оправдал это в Лялином деле любви. Теперь на молитве «за упокой» я при каждом называемом мною лице пребываю как пчела на цветке и от каждого беру и знаю, что беру, и какой состав имеет этот мёд. Все эти люди были очень русские люди с душою детской, радостной. В жизни они все не раскрылись, и никто из них своего соловья не слыхал, и зато все знали, что на свете есть этот соловей, что и им бы запел, если бы им досталась такая

хорошая жизнь. И вот самое-то главное хорошее, самый медто их и был в том, что никому из них, никогда и в голову не приходило, будто на такую жизнь, на такого соловья каждый из них может предъявлять свои права. И все хорошие русские (православные) люди тем, по-моему, и хороши, что о соловье этом все знают и слушают, но не только не притязают, чтобы он к ним прилетел, но даже и ждать не смеют. И вот так вышло, что соловей ко мне прилетел, хотя я тоже его не ждал.

24 Июня. Вчера вернулась Ляля, и я не узнал ее: до того она была не такая в сравнении с тем, как нарисовалась она во мне в эти дни возможного расставания. Только постепенно, к вечеру я начал входить в тепло наших обычных отношений. Ляля меня усердно натирала, и я чувствовал себя калекой и перестраивал свою душу героя на душу убогого с тем, чтобы, упав до убогого, стать выше, чем был. Мне пришли в голову слова Черчилля о причинах поражения Германии под Сталинградом и в Тунисе и победы англичан: «Потому мы победили, – говорил Черчилль, – что допустили возможность нашей катастрофы, сознали это и преодолели. А немцы не могут допустить своей катастрофы и упрямо идут до конца».

Так вот и я, как англичанин, хочу...

25 Июня. Урожай трав. Начало сенокоса. Цветет рожь. Очень редко услышишь кукушку.

Плата за Лялин героизм: всматриваюсь в нее, и все это как будто не та Ляля приехала из Ярославля, – что это? Напротив, мать ее очень довольна ее настроением. Значит, вероятно, Ляля во время этой поездки перестраивалась в сторону матери и не очень-то была расположена в мою сторону.

Наверно и пора! ведь она человек очарованный и без «чар» ни к чему не подходит, как художники. Но эти чары, этот наплыв мыслей и чувств приходит и отходит, как прилив и отлив. Мы, художники разного рода, на то и художники, чтобы во время этого наплыва-прилива, пользуясь волной, подойти близко к берегу желанной земли, нарвать там цветов и, вернувшись на обратной волне, показать там где-то: «вот, мол, гляди-

те, вот свидетельство: существует желанная земля». И удивляются нам, и ценят, и заключают договоры на поездку на новой волне, и платят авансы.

Так точно и Ляля живет, точно как художники, только без их деловой стороны, без того, чтобы во время наплыва успеть нарвать цветов. Когда чары оставляют ее, она возвращается с пустыми руками. – Что цветы! – говорит она, – цветы увянут, надо создавать самую ту желанную землю повседневным трудом. – Милая моя! – говорю я, – но ведь и все так, само собой разумеется, сами вовсе того и не сознавая, все трудятся над созданием этих берегов, и разве мало создано? Вся наша жизнь на земле в своей реальности вечной создана этим незаметным благоговейным трудом. И все, что нам надо на земле – это войти своей личностью в ритм такого благоговейного дела, данного нам от века веков. С наплывом мыслей и чувств художник должен, отдаваясь ему, бороться, чтобы включить его в тот ритм повседневного общего труда, или, просто говоря, ввести красоту эту в жизнь...

Вот почему, наверно, когда Ляля соприкасается непосредственно со мной как художником, она бывает в полном смысле Ангелом-хранителем, соблюдающим и покрывающим душу мою от всякого зла. Но когда она обращается не к самой душе, а к тому Марфину делу, которое делают все, наплывающие и уплывающие чары искусства ей мешают. Вероятно, вот во время таких состояний духа она возвращается к делу возле матери своей как к единственно реальному делу и вместо цветов привозит какой-нибудь драгоценный кусок мыла, добытый чуть ли не ценою всей жизни <*приписка:* или хотя бы своей личности>. Но тут-то вот ей и приходит ее шах-мат: все-то люди достают то же мыло обыкновенным, данным от веков Адама человеку трудом бессознательным и потому ставшим и легким, а она это мыло приносит вместо цветов. – Тебе бы цветы, дорогая, а ты мыло! – с горечью ей говорю и тем раню в самое сердце, и она, раненая, мне возражает, как весь мир с испокон веков возражает поэту, что, мол, ты – поэт, не всем же быть поэтами, да и ты не Бог знает какой гений, чтобы этим величаться, и что лучше, может быть, спасти одного-двух, чем отдавать себя всем, и т. д.,

и т. д., совершенно противоположное, чем [то], что она говорит прямо к душе, т. е. [что] священное дело поэта – служение не ближнему, а Дальнему.

Мои дела: сходить к Нестерову (паек и хлеб), позвонить Бакалдину (будет ли он завтра, поедет ли завтра в Ярославль, не увидимся ли сегодня вечером?). Напечатать фото для вечера пятницы следующей недели. Подготовить на завтра поездку в Переславль и отправку Вари в Загорск. Улучить бы часок просмотреть «Детей».

26 Июня. За что ни возьмись, о чем ни подумай, и все нельзя приложить к тому, что совершается; и прямо видишь дурака – кто пытается дать текущим событиям какое-нибудь объяснение. Единственное неглупое в этом всем будет смиренное сознание воли, стоящей выше нашего сознания, той самой Воли, о которой мы молимся: да будет воля Твоя на земле, как на небе.

28 Июня. С чувством жалости надо покончить как со слабостью и не допускать до себя этого ядовитого жала. И если станешь беспомощным и друг твой вынужден будет все для тебя делать, то зорко следи, чтобы он это делал <*зачеркнуто:* как равному, но не из жалости> пусть ради Христа, но только не из жалости.

Ляля сильно чувствует природу, но не только ничего в ней не знает, [но] и знать не хочет, что в ней. А меня, охотника, чувство природы тянет проникнуть в нее, все потрогать своими руками, узнать. Меня! старого человека! а ребенку только и хочется, что все догнать, все схватить, сорвать, ободрать. И обдирают веточку ивы для свистульки, срывают головки цветов и бросаются ими, как бомбами – война! хватают лягушонка и душат, обрывают прозрачные крылышки у стрекозы – <*приписка в авторской машинописи*: все для того, чтобы знать. А Ляля так узнавать природу не хочет>.

Лицо природы – все эти видимые солнца и звезды, поверхность вод и земли подозрительны тем, что их прекрасное лицо

всегда обращено к лицу человека, и, восторгаясь лицом природы, спрашиваешь себя: не любуешься ли ты лицом самого человека, отраженным в этих водах, и звездах, и огне, и ручьях, и цветах? Почему так ужасны и отвратительны недра природы, к которым человек не стоит лицом: представьте себе недра воды, где движутся холодные, с остановившимися, страшными для нас глазами рыбы, и раки, и гады. Или взять недра земли, куда хоронят покойников – какая страсть! И так все – с лица это наше лицо, а с черного хода зайдешь – и видишь нечеловеческое и страшное. <*Зачеркнуто*: Да и в самом человеке: когда японец перед своим врагом вскрывает себе живот: он открывает ему брюхо самой природы, показывает ему будущее его.> И думать так: природа – это брюхо мира, у нее своего лица нет, лицо ей дает человек.

Так надо думать и о человеке: его брюхо – это брюхо природы, а человек сам по себе – это лицо мира.

Тут важно, однако, не то, что в природе мы видим отраженное лицо человека, а что сам человек так только в зеркале природы и может увидеть истинное свое лицо. Человек, любующийся природой, не Нарцисс, а «гадкий утенок», впервые, благодаря природе, понимающий в себе лебедя.

<*На полях*: NB. Ветхий Завет сегодня я понял не как мораль, пережитую человечеством, вступившим в мораль Нового Завета. А понял я Старый Завет в себе самом, во всем «животе» моем, а Новый Завет во мне же самом возвышается в Мысли моей над животом. И быть христианином – это значило больше заниматься Мыслью и меньше животом.>

29 Июня. В свое время, чтобы перейти с тона рассказов царского времени в тон советский, или, проще сказать, не отстать от времени, мне нужно было удалиться в пустыню лесов, окружающих Плещеево озеро возле Переславля-Залесского и там «перестроиться». Никаких замыслов в этом отношении у меня не было, все выходило само собой, и я только теперь, вспоминая, осмысливаю свое влечение к простому существу, ребенку, живущему в душе человека с его игрушками и затеями детскими и способно-

стью из всего творить сказку. Я отдался жизни ребенка, живущего во мне, завел собак, стал охотиться, рыбу ловить, бродить по лесным дебрям, собирать сказки, слова и, написав об этом книгу «Родники Берендея», вдруг почувствовал себя со своими детскими и охотничьими рассказами в советской действительности вполне современным писателем. Мало того! как всякий счастливец, я распространял свое счастье на всех и был уверен в том, что если бы все советские писатели поняли человека как ребенка и призванием своим сочли бы игру с детьми и поняли бы искусство вообще не как мораль, а как игру, то и стали бы в этом «будьте как дети» настоящими строителями, инженерами душ.

Общественность двигалась против меня: писатели не сердцем, а умом старались определиться во времени, писали один другого умнее на советские темы. И вот теперь я уверен в том, что если что-либо ценное теперь и отфильтруется из великого множества тогда написанных книг, то это ценное, имея, может быть, в костюме своем для приличия общую форму «хочу все знать и быть умным», в секретных мотивах своих было «будьте как дети» и той же самой игрой с детьми, как делал это я со всей наивнейшей [натуральной] откровенностью просто любящего жизнь человека.

С тех пор теперь прошло без малого четверть века, и я опять пришел к тому же Плещееву озеру на Ботик с тем, чтобы снова определиться во времени...

Да, это не шутка, писателю провести четверть века и опять пережить катастрофу, и опять вернуться на то же место, чтобы набраться сил. Я думал о Толстом, что если бы не я, а он это встал из гроба и пришел на старое место с попыткой жить по-новому и прежде всего для этого проверить себя и определиться во времени. Я бы на его месте ничего своего написанного не признал <*приписка*: ко всему равнодушен>, кроме детских и народных рассказов. Толстой уже и при жизни своей понимал себя почти так. Вспомнив Толстого, я подумал о себе, почему бы и мне тоже не признать настоящим «делом» моим...

Вторые сутки льет окладной дождь непрерывный. Видел сон в ночь на 29-е, будто в каком-то большом городе сплю в

одной комнате с Н. П. Савиным. Просыпаюсь и что-то делаю наверху на печке, и звуки от меня проникают в голову спящего Н. П., он вскакивает и в страшном возбуждении принимает их за сигналы каких-то великих событий. И действительно я слышу с улицы голоса: «Война кончилась!» – и потом опять, и все ближе, и ближе, и на лестнице, и даже из домов, в форточки, все, все в множестве кричат: война кончилась! Вот бы правда-то кончилась бы! Этот сон – рефлекс на всеобщую, всенародную уверенность в том, что война кончается.

30 Июня. «Суточный дождь» продолжается третьи сутки. Варя с поручением к Леве (спасать отца) не возвращается. Молитва моя «исполни волю Твою во мне» сегодня переделалась в: «на Бога надейся, а сам не плошай». В этой пословице и разрешается гармонически и просто сотрудничество в человеке личного начала (Бог) и общественного (сам не плошай), равно как веры и дел (вера без дел мертва).

Вспомнилось, что лет тридцать жизни с Ефр. Павл. я был сам кассиром своих денег и ей их «выдавал», что это кассирство доставляло мне много мучений и я не мог выйти из них, потому что Ефр. Павл. просто не понимала «счета» деньгам. Я не мог за 30 лет растолковать ей необходимость счета, и каждый раз после моей лекции [она] обижалась: – Что же я, украду, что ли, деньги для себя? – Рассчитывать жизнь по деньгам она вовсе не могла, не понимала, зачем это нужно, и рассчитывала по потребностям. Она никак не могла понять, в чем она виновата, если купила что-либо необходимое и тем вышла из бюджета, что не выходить из бюджета более необходимо, чем покупать необходимое. В этом упорном сопротивлении держаться идеи (расчета), отвлекаться от конкретных потребностей дня для будущего есть даже какая-то примитивная женская нравственность того же порядка, как у мужчин иных, старинных купцов, когда они после скаредного накопления вдруг с размаху все пропивают и разбрасывают. Я не мог справиться с первобытной натурой Ефр. Павл. и вынужден был при своей-то страннической поэтической жизни быть раздражительным скрягой. (Думается, что и у Розанова Варвара Дмитриевна была тоже та-

кая, и что считал все сам Розанов.) Правда, миллионов у меня не было, но уход за именем моим как собирателем достатков падал на меня мучительной заботой. Когда Ляля пришла, она все хозяйство с именем и кассу взяла на себя как часть общей заботы обо мне и вся целиком погрузилась в эту заботу. И это событие сразу вывело меня из одного класса людей, у которых мужчина является держателем хозяйства, в другой, где мужчина приносит свой заработок и отдает его жене, в семью.

1 Июля. После недельного дождя начинает прояснивать.

Рожь доцветает, изредка, может быть, раз в день услышишь «ку-ку», начинаются грибы.

Летние, восстановляющие все лучшее в прошлом запахи.

Подкрапивник, малая птичка, поет голосом всех птиц, певших весной, как будто хочет соединить все голоса природы в один, как делает это человек.

Варя приехала из Загорска и привезла от Ефр. Павл. угрозы в сторону Валерии Дмитриевны, как будто не прошло столько времени и не было у нас мира. Пишу в ответ:

Ефросинья Павловна! Наша знакомая Варя передала мне твой разговор <*зачеркнуто*: с ней о В. Д. в прежнем воинственном тоне>. Ты по-прежнему злобствуешь и треплешь языком с посторонними людьми. А мне ты написала, что хочешь помириться со мной и все мне прощаешь. Значит, злоба кипит в тебе, и меня ты обманула <*зачеркнуто*: если бы ты действительно меня поняла и простила, ты не могла бы пыхтеть злобой на человека мною любимого>. Пока ты не погасишь в себе свою злобу и не перестанешь меня обманывать, я к тебе не приеду. Одновременно, как обещал, высылаю тебе за Июнь половину своей пенсии 250 р. и впредь буду высылать. Желаю тебе добра.

Очень понятно, если некий муж в своей естественной жажде счастья потерпит неудачу, будет растоптан и смешан с грязью, как градобойный колос. Но вот что много страшнее и что не всякий может понять и простить: если тот же самый муж свою чечевичную похлебку, полученную за первенство, об-

мануя самого себя и всех, будет возносить выше утраченного первенства. Так несчастный В. В. Розанов возвеличил свой обезьянник-семью. Я был тоже на этом пути, но пришла Ляля и разогнала мой обезьянник, и тут только я увидел насквозь через себя самого, насколько несчастен был В. В. Розанов, столь прославленный когда-то и действительно замечательный писатель. Понятно теперь, и откуда у него выходит злобствование на писательство и даже на Гуттенберга[90]. Понятно даже и происхождение этой формы обмана посредством будничных признаний: какое-то возвеличение будней жизни до праздника и унижение праздника буднями.

Когда Илья Валуйский представил мне меня самого, каким я был в гимназии, я пришел в ужас. Мне казалось, я был прекрасным существом, а учителя были дурные люди. А тут оказалось, я-то именно и был плох. Да так, может быть, и то дитя, которое я лелею в себе как пример для заповеди «будьте как дети», тоже есть моя мечта, что живой ребенок есть копилка из живой материи, куда отец и мать складывают свое лучшее.

Ребенок – это движение, свобода, возможность, готовность, доверчивость. Старики – косность, необходимость и невозможность, подозрительность, недоверие.

– Сказать вполне искренно, детей я не очень люблю, и взрослые люди мне гораздо больше нравятся. Я люблю, прежде всего, себя, как все дети любят себя и все эгоисты. Вот почему я и люблю взрослых больше, что от них можно что-то ждать для себя, а уж от детей ничего не дождешься, кроме того, что они еще у тебя что-нибудь стащат.

2 Июля. В народе все уверены, что война уже кончилась фактически и как-то «за наш счет». Настолько выросло в этом убеждение, что присылают из центра агитаторов против этого вредного для обороны слуха.

Будьте как дети – это значит, будьте просты, не мудрствуйте. Но это ли евангельское дитя лелеет и бережет в душе своей истинный художник, или тут есть еще что-то? (что?)

Ефр. Павл. в разговоре с Варей отмочила непостижимую глупость и просто доказала, что она – индюшка, и я, значит, мудро жил по Шопенгауэру: он рекомендует поэту и философу жить с индюшкой. Так я жил и счастье свое находил вне себя (в природе, в литературе). Теперь я, напротив, имею счастье в себе, и потому я, может быть, больше и не поэт, и все для меня кончилось счастьем, – чем же это плохо?

(Что?) Надо бы сказать: «будьте просты, как дети». Но ведь, лелея дитя в себе, не мог же я думать об одной простоте. Скорее, возвращаясь к прошлому, я думаю о каком-то бесспорном счастье, данном мне, может быть, при рождении, каком-то кладе, который со мной и который я чувствую и почему-то не могу его открыть. И когда я начал писать, я потому начал писать о себе как ребенке, что писать мне было открывать клад, а это я знал, что клад там.

Значит, чувство детства – это во мне значит чувство сокровища, которое я должен открыть и тем и доказать кому-то (вероятно, обидчикам) и оправдать себя перед кем-то. Такое мое дитя изнутри, и когда ищу в детях, вне себя, не нахожу того: дети неприятные, и с ними быть мне тяжело и не нужно. Но я на поддержку себе беру евангельское «будьте просты, как дети».

А еще я и потому к себе прихожу как к ребенку, что ищу там непривычного мне взгляда на мир, предполагая, что когда-нибудь же взглянул я в первый раз, и то, что я тогда впервые увидел, мне теперь как сокровище, потому что теперь я уже не могу взглянуть как тогда... В сущности, чего мне надо сейчас – это первичного чистого удивления[91], какое у меня бывает, и чем я теперь питаюсь и живу. Мне кажется, будто это теперь иногда приходящее мое родственное внимание к миру было когда-то постоянным моим состоянием и что тогда, в детстве, до моей памяти об этом я постоянно жил в удивлении и созерцании вещей мира, какими они в действительности существуют, а не как меня потом сбили с этого и представили не так, как оно есть.

3 Июля. Когда чувствуешь себя неспособным к умственной работе и душа так раздергана, что мысли в ней пляшут, как ко-

мары, берешь себе задачу что-нибудь починить – часы, фотоаппарат или что-нибудь такое, и вот часами возишься, отлично придумываешь, изобретаешь, налаживаешь, и время проходит незаметно.

Значит, в состав ума входят технические способности отдельно и независимо от высших. Эти низшие способности, по-видимому, одного и того же рода с женской деятельностью по дому, по расстановке вещей, порядку.

Может быть, все тут решается в отношении к ритму жизни[92]: когда этот ритм расстраивается, ты не можешь организовать высшую умственную деятельность для работы, а в технике без счета и меры нельзя работать вовсе, и это очень легко, считать и мерить; обращаясь к технике, ты начинаешь считать, мерить, и так отсутствие ритма в душе заменяешь метром.

И наоборот, как только во время технической работы является мысленный ритм, техника вываливается из рук, и найденное метром спокойствие переходит в радость. Лялина душа при утрате ритма почти неспособна к замене его метром, и всякого рода техника ей противна. Ей нужна в этих состояниях легкая земледельческая работа (сад, огород), физическое, безмысленное движение, вводящее ритм в мысленный разброд.

Техникой может заниматься почти совершенный идиот, и потому техника есть великая организующая сила, которой ныне и пользуются политические и хозяйственные деятели – современные властители мира.

Рожь доцветает. Изредка, может быть, раз в день услышишь кукушку. Поспела земляника. Показались грибы. Начали покос, и дождь-сеногной каждый день мужикам помогает.

Глупо искать грибы поздней осенью на том месте, где они были, когда рожь колосилась.

Когда в конце весны все великолепные птицы отпоют известные всему миру песни, то начинает петь всеми этими голосами самая маленькая серая птичка подкрапивник: поет и скворцом, и соловьем, и зябликом, и овсянкой, и щеглом. Люди

идут за грибами, за ягодами или сено косить, а он где-нибудь под крапивой вот заливается, вот старается, и никто-то не слушает его старательного пения после тех великолепных птиц. Может быть, подкрапивник хочет соединить все весенние песни в одну, как человек? Ему это не удастся, потому что он только подражает настоящим певцам, схватывая только внешнюю форму песни и вовсе не понимая той огненной силы, которая эту форму ковала. Так и с нашими поэтами бывает, один пропоет на весь мир, а другой то же самое старательно, на разные лады трудится, перепевает у себя под крапивой.

4 Июля. – Если ты любишь людей, укажи, с кем ты сживаешься? – Ни с кем. – А любишь? – Люблю издали и только тех, кто мне хорош. – Это по-детски. – Именно и хорошо, а что это значит «сживаться», привыкать? – Нет, служить. – Кому служить? – Я так понимаю, если человек тебе хорош и ты его любишь – это счастье, а чтобы оправдать это счастье и удержать его, надо служить тому, кто тебе это счастье принес. – Кому же? – Богу.

Понятия наши содержатся в наших делах, и им дают имена лишь в том случае, если дела не выполняются: тогда их называют и заставляют беспонятных делать не как им хочется, а как надо. Вот это «надо» пришло теперь к сознанию каждого русского человека, и не названные ему в прежней жизни понятия теперь коснулись его души и просятся на определение именем.

В то время имена эти, родина, отечество, служба и даже семья, воспитание детей, родители и т. п. были так пусты сами по себе, что даже и непонятны. Только теперь они доходят до самой души, и в числе этих имен на первом плане, конечно, родина и правительство. (П. И. так еще провинциален в своем бывшем эсерстве, что наше нынешнее правительство называет «шайкой».)

И так вот я мог в России ребенком прожить 70 лет и теперь только впервые начинаю по ходу жизни понимать, что человеку прежде всего надо любить и находить в этом счастье, и если нашел себе счастье, то нужно трудиться за него, значит, служить за него, что у огромного большинства людей счастье

заключается в браке, из которого выходит семья со всеми обязанностями и служба в широком смысле слова, подобно тому, как осенью из отдельных семей соединяется журавлиная стая: эта стая у человека называется обществом, и сюда включается родина, отечество, семья, государство, церковь и т. д. И всему этому человек должен служить, удержать и оправдать свое счастье. Без этой совокупности условий счастье может быть только у детей, для которых все эти условия счастья содержатся в маме и папе.

Мы, русские люди, т. е. те, кто был счастлив при царизме, жили как дети, не считаясь с условиями счастья: мы при царе все были от мала до велика в какой-то степени дети, хорошие дети и дурные. Если были дурные, то дурным слишком много прощалось, потому этот огромный родовой союз расшатывался извне «прогрессивными» силами. Именно потому и распался родовой союз, что дурным детям много прощалось и, как беспризорные, они сделались пораженцами, т. е. хотели разрушения условий прежнего нашего общего счастья.

Недавно, поминая родных на молитве, я заметил, что всех их в моей молитве [поминаю] за их лучшее, это лучшее их я понимал как детскость их душ, и бессознательно соединял это с лучшим в своей душе и относил это к лучшему в Евангелии: будьте как дети.

Теперь понимаю, однако, что Христос сказал эти слова в обществе, где у детей папа и мама в их отношении к детям, к семье были слишком старательны и эту службу во имя «счастья» своего родового сделали законом, превышающим и враждебным Закону Нового Завета, т. е. культурному движению человечества. Слова Спасителя относились к заскорузлым законникам, чтобы они взяли себе детей как пример органической эластичности духа («простоты»).

Что же могли значить эти слова «Будьте как дети» в нашем царском обществе детей, у которых отцы, деды сами были почти все шалуны? Не прямо этими словами, но косвенно между бородатыми детьми нашего старого государства много было и такой пропаганды. И может быть, и вся церковная сила утекала в такого рода протоки от хороших рук в озорные.

Приехала Ляля из Переславля. Дела мои явно ей душу сушат, от встреч с людьми ничего не остается: пчелка выпивает медок из цветка и бросает его, и я с горечью думаю о себе: нет на всем свете такого цветка, чтобы его одного хватило пчеле на все лето! И потом, собравшись с духом, говорю опять: – Нет цветка, да, но человек неиссякаемый есть, и я должен быть таким человеком, Господь мне поможет.

5 Июля. В 7 $^{1}/_{2}$ в. вышли пешком в Переславль, чтобы завтра в 5 у. выехать в Москву с Литмановичем. Не доходя до сторожки, встретили аварийную машину. Приехал буксир и взял нас. Ночевали у Вали.

6 Июля. Вчера сильнейшее впечатление от речи Черчилля: выразительная экономия слов победителя. Узнал о наступлении немцев на Курск от Орла и Белграда[93]. – Они наступают без перспектив. – А у нас разве есть перспективы? (Это «а у нас» произносится в отношении большевиков, остатки пораженческих настроений прошлого года и выражение недоверия к союзникам.)

Приятная весть о возможности продовольственного лимита на 500 р. Лева резину достал. Петя – задний мост.

Друг Ляли Удинцев умирает в больнице. Ляля сказала по телефону Зине: – Тяжело оставаться одной. – Зина написала на это: – Не пугайся, с кем останешься. Ты с Богом останешься.

7 Июля. На свете человеку есть два решительных наслаждения: 1) Это выйти из дому (Рождение) и 2) Вернуться в дом (Брак).

Замечательна многопланность этой мысли, широкой от просто выхода из дому «до ветру», на прогулку, на поиски счастья и т. д. до выхода младенца из чрева матери (первого дома). И так же от простого возвращения ежедневного поспать после работы до полового акта и до той смерти, когда старик становится ребенком.

К этому примечание первое:

Смерть для внутреннего победоносного человека должна бы становиться как освобождение, как окончательный выход из дома. Страдает оставляемый. Радуется выходящий.

Примечание второе:

Дом для всего живого есть утроба матери, а (извне) форма дома для всех живых существ дырочка, щелка, косточка, трещинка, семя (все на свете in Vulva) – и это дом.

Примечание третье:

Мы говорим: «выступление» такого-то артиста, оратора или всякого рядового человека. И к этому разговор: а вот он какой дома.

Не буду Лялю отпускать одну: она в одинокой поездке хиреет, вероятно, не ест и забегивается. А когда мы вместе, всегда у нас все хорошо. – Как же так, – сказал я вечером, – ты так была против счастья настроена и так стремилась к чему-то большему, а что же это теперь, как не счастье? – Да, – ответила она, – это, конечно, счастье, только тебе 70, а мне 43 – вместе 113 лет – в эти годы если приходит счастье, то его можно принимать и без критики.

8 Июля. Мне попалась статья о еврействе в философии Вл. Соловьева[94]: попалась, т. е. я обратил на нее внимание, потому что во мне созрел ответ на один вопрос. В 193... каком-то году на съезде писателей я рассказал еврею Вальбе о жидовстве, один случай в Ельце, когда еврейка, у которой казаки расстреливали отца и потребовали у нее золото, и она взволнованная прибежала и откопала золото и тут же выпросила у меня керенки на случай, может быть, казаки возьмут керенки. Мне противно было, что в поисках моих керенок проходило время, и еврейка ждала, могла ждать, когда казаки в это время могли потерять терпение. – Непонятно! – сказал я. А Вальбе сказал: – Это героизм. – Второй случай с Левиной в Москве: мы могли погибнуть из-за одного золотого, в поисках которого красивая женщина в белом платье ползала по мостовой. – Дьявольская жадность! – сказал я. – Героизм! – ответил Вальбе, – и я даже думаю, что евреи спасут Россию. – Прошло больше 10 лет, мне попалась статья Соловьева, и я теперь ясно понял мысль

Вальбе. Нашей вере в Слово должно отвечать действие с нашей стороны, и от этого происходит жаркое дело воплощения. Вот этот самый жар земной и сохраняют в себе евреи, и мир после Христа распадается на шалунов-христиан (идеалистов) и на кузнецов-евреев...

Мудрец тоже человек и тоже не всегда говорит по-мудрому, бывает, и оговорится. А с ним рядом ближний, не такой уж, конечно, умный, чтобы мудрому глупое слово простить. Этот ближний такие промашки никогда не забывает и мало-помалу по ним устанавливает свое мнение. И вот к мудрецу из далеких стран приезжает царица Савская[95] и вступает в торжественную залу, где на троне восседает Соломон и рядом с Соломоном стоит тот его ближний вельможа...

Соломон выступает с приветствием далекому знатному гостю, его почитателю.

– Выступает, – думает про себя вельможа, – и показывается дальнему, а я знаю, какой он дома, захочу – покажу.

Мудрый Соломон догадался и вдруг говорит вельможе:

– А покажи.

9 Июля. Горячка по делу шин и моста. Телефон Пети. Появление Левы. Все благополучно сошлось. Извинение Павловны: «в последний раз». В 5 $^1/_2$ выехали. В 9 в. приехали в Переславль. Ночевали у Вали.

10 Июля. Утром у Литмановича уговорились о ремонте машины. От Бакалдина в Райисполкоме получен ордер на молоко, творог, сметану, значит, наступает свобода от фотографии. Вечером с кукушкой поехали домой в Усолье. По пути мальчик талантливо рассказывал сказки. Я рассказал ему свое, о том, как заяц съел сапоги.

11 Июля. Жара.

Борис Дмитриевич Удинцев умирает. Лялю это хватает за сердце, а я так близко не знаю его, и меня так не хватает. Что же удивительного, если человек болеет, даже умирает, и природа остается к нему равнодушной. Но был один <*зачеркнуто:*

человек, такой праведный> страдалец такой, что даже и природу хватало за сердце и тьма покрыла мир, когда он умирал на Кресте...

Так, надо Богом быть, чтобы природа потемнела при виде страданий; нам, людям, и думать об этом нечего, чтобы сама природа обратила внимание во время страданий: нам надо в страданиях Бога молить, чтобы, страдая, самим бы не стать равнодушными к природе.

12 Июля. Ягода, ягода! Проходит земляника и на конце самая сладкая, самая вкусная. Во всей силе черника, и там скоро малина, брусника, и на самый конец осенью клюква. Цветут огурцы запоздалые, картошка цветет – наше богатство. Слышал от людей, что разрешили каждому брать по гектару земли и разводить скот без налогов. Одно то уже, что не читали, а слышали от жены коммуниста, показывает, как сейчас «не в этом дело».

У человека на свете есть две радости, одна – в молодости выйти из дома, другая – в старости вернуться домой.

Слепая Голгофа. Это неплохо, когда выпадет доля своему счастью служить – счастливая жизнь! – а вот плохо, когда достанется служить своему несчастью. (Такой службой была у нас в царское время деятельность революционеров. Когда пришла революция, их всех таких перехлопали. Ужасна судьба Семена Маслова.)

Я никогда не понимал, куда идет революция, и смысла в ней никогда не видел. Но в людях революции я чувствовал какую-то серьезность тона и шел по своему пути, оглядываясь на революцию.

Есть маленькая бабочка, голубая, как цветущий лен, у нее две пары крылышек, плотно приставленных одна к другой. Если такая бабочка сядет на травинку, то примешь за цветок, пройдешь и не догадаешься. Наверно, так она и спасается: враги принимают ее за цветущий лен.

Дети хороши, когда у них есть хорошие мама и папа, и это все дети, от самых маленьких и до св. Серафима Саровского, умершего на молитве к матушке Царице Небесной.

Напрасно на небо смотреть, оно не ищет нашего внимания и само смотрит на нас. Но земля вся напряженно ждет нашего внимания, стоит чуть-чуть принудить себя, всмотреться, и сейчас же увидишь гриб или ягоду, или след какой-нибудь птицы, зверушки, а бывает – сам не раз это видел: большой жук лежит на спине, работает неустанно всеми своими ножками, а перевернуться не может: возьмешь, перевернешь его палочкой, он крылья расправит, полетит, зажундит.

Как не поймут до сих пор, что глядеть в природу – это значит глядеть в зеркало, где отражен человек, и не такой, каким мы его видим в меру свою и на той глубине, как видим себя, а Весь человек во всей его глубине и высотою от земли и до неба. <*Приписка*: Мы его не видим, он за нашей спиной, и когда оглядываемся – исчезает. Но перед нами в природе он весь, и по нему бродит, узнавая себя, наше «я». Вот когда встречается наше «я» с тем родным, что там отражается, то вдруг эта мелочь со стороны для себя становится целым открытием. Всю жизнь я мечтаю о том, чтобы найти какой-нибудь метод для таких открытий и всю естественную историю написать, как она нам открывается в отражениях всего человека, а не в меру способностей каждого.>

13 Июля. Жаркий полный июльский день. Меня скрутила поясная лихорадка, двинуться не могу. Но дела наши поправились, казенное молоко полилось по три литра в день, и можно меньше снимать баб на молоко. С фронта нет вестей, но догадываемся, что наступление превратится скоро в инцидент.

Подкрапивник. Когда в конце весны все великолепные птицы отпоют всему миру от сотворения его известные и милые песни, то начинает петь всеми этими голосами самая маленькая серая птичка подкрапивник: поет и скворцом, и соловьем, и зябликом, и овсянкой, и щеглом. Люди идут за грибами, за

ягодами или сено косить, а он где-нибудь под крапивой вот заливается, вот старается, но никто не слушает его пения после тех весенних великолепных птиц.

Может быть, подкрапивник хочет соединить все весенние песни в одну, как делает это человек. Дурачок не понимает, что человеческая песня сплавилась из всех песен мира под действием той же огненной силы, которая плавила миры солнц и планет. Маленький стилист под крапивой схватывает от настоящих певцов только форму песни, не имея понятия и предчувствия о внутреннем непостижимом велении природы, исполнителями которого на все времена и сроки стали великолепные певцы.

Так и с нашими поэтами бывает, один пропоет на весь мир один раз, а тысячи перепевают то же самое на свой лад у себя под крапивой.

14 Июля. С утра шелестит по огороду окладной дождик, и [от] этой мирной музыки даже моя боль (воспаление поясничного нерва) успокоилась.

Что бы там ни говорили о слонах и носорогах, но сила вся в насекомых: так вот если бы вывести муравьиную силу из массы муравьев, равной массе слона – разве один бы слон вышел из этой силы? И так если умельчить наших врагов и увеличить их в числе, то бесконечно малое ($-\infty$) станет противником, быть может, даже и более могущественным бесконечно большому ($+\infty$).

Да взять и самую смерть! Разве все наши человеческие попытки в борьбе со смертью создать героя, т. е. великого человека, не показывают, что смерть является делом сложенной силы мельчайших существ? Да и наука объясняет, что мы умираем от мельчайших организмов, овладевающих нашей кровью. Итак, происхождение видов не по Дарвину объясняется борьбою великанов со сложенной силой мельчайших существ.

Какой-то большой хищник от насекомых с полосатым гибким брюшком запутался в траве, жундел там, выбиваясь, стремительно срывался и опять натыкался, и опять поднимался, и

падал, и злился, и чем больше злился, тем яростней бросался в атаку на былинки, цветочки и ягодки и наконец выбился, полетел и возвратился по кругу, как будто с целью рассмотреть тех, кто ему мешал, кто держал, и потом, может быть, наказать, покорить.

15 Июля. Падают дожди, и солнце приходит, сырость, как в Приморье, бушуют огороды, по изгороди бегают молодые дятлы и смешно учатся долбить.

Искусство и жизнь. Мост от поэзии в жизнь – это благоговейный ритм, и отсюда возникает удивление. Но бойся, поэт, делать себе из этого правила и им подчиняться: ты слушайся только данного тебе музыкального ритма и старайся в согласии с ним расположить свою жизнь.

Попалась газета от 13 июля. По всему видно, что немцам в России сделать больше ничего не удастся, а в Европе, в Сицилии, наконец-то открылся второй фронт[96]. Приходится о России все передумать по-новому и разбить привычное мнение. Вот первый вопрос: обо что в России разбилась немецкая армия с ее несокрушимой Pflicht солдата и механизированным расчетом команды? Мы слышали в России неустанное ворчание населения нашего на правительство, насыщенное презрением. Но рядом с этим мы видели беспримерное послушание солдата на фронте. Человек отдавался у нас войне как необходимости и через это, может быть, оставался свободен в себе. Немец вел войну всерьез, пёр, как осел на рожон, и войну принимал как средство к своему благополучию. Из немецкой попытки разрешить...

16 Июля. Все дожди и дожди без конца. Скрутила болезнь. Газет нет.

Уважаемый Иван Николаевич,

ко мне привязалась хворь такая, что не могу стронуться с места. Пишу Родкевичу, и если он найдет необходимым мой приезд в Переславль, то окажите содействие в том, чтобы при-

слать за мною Вашу или другую машину. Расход бензина возмещу из своего июльского пайка в Ростове. Кстати, и еще просьба. Нельзя ли устроить получение июльского бензина.

17 Июля. Все дожди. Ляля уехала в Переславль узнавать у доктора о моей болезни.

Лева приехал. Пошел купаться, плавал с Норкой, нырял, гоготал. Норка впервые узнала в нем своего человека и теперь от него не отходит.

18 Июля. Всё дожди. Ляля вернулась. Новость: наши на Орловско-Курском направлении прорвали фронт на 40 километров.

Читал у Розанова о двух состояниях: человека побитого и того, кому побить хочется. Мы, русские, по Розанову, живем и думаем как побитые, и только «нигилизм» не входит сюда[97]. – Интересно бы знать, – спрашивает он, – чем этот нигилизм кончится? – Вот теперь бы ему показать на этом побоище немецком, в которое скоро превратится эта война, – показать бы скрытую государственную силу этого нашего нигилизма и смысл слепой Голгофы тех страдальцев[98]. Я помню, как-то раз намекнул ему на это, а он мне ответил: – Я еще в гимназии так думал, а потом оказалось, это лишь наши юношеские мечтания. – Так и все такие люди, уходя в себя, в свое «уединенное», в свое «Хочется», теряли связь с этим русским долгом[99] (надо каким-то новым словом это назвать) и отходили от него, – все талантливые, все, кто стремился реализоваться личностью. А те серенькие люди («бесы»)[100] всё делали свое «надо», и вот теперь, смотрите, Василий Васильевич! – из этого «нигилизма» складывается государственное «Надо».

19 Июля. Утром Лева ушел в Копнино на фотоохоту.

Ночью мучился от болезни своей.

Возможность разгрома немцев всю ночь показывалась как оправдание слепой Голгофы интеллигенции: весь этот прошлый нигилизм, анархизм, социализм и т. п., все как проявление общественного долга, на основе которого строится всякое

государство. И раз уже это было нереально, все в будущем, т. е. если общество желанное было в будущем, то и личность, конечно, тоже вся была в мечте.

Марья Васильевна про себя свою деятельность сводит к Богу, одним людям помогает, других невольно обманывает. Те, кому помогает, молчат (часто помогает умереть, хоронит), а те, кого обижает, вопят. И до того много этих обиженных, что нормального человека уверить в добродетелях М. В. так же трудно, как человека, видящего в жизни одну неправду, убедить в реальности Божественного промысла. Одним словом, в Марью Васильевну верить надо, как в Бога...

Бывает, когда идешь один в пустынной природе, будто кто-то сзади тебя идет и отражается во всем, куда ты кинешь взгляд: всякое дерево, куст, цветок, былинка, жук, заяц являются частью единого существа, Всего-человека, близкого тебе и знакомого. Вот дерево похоже на человека, зарытого вниз головой до полтуловища и ноги расходятся в стороны, и между ногами птичка свила гнездышко...

20 Июля. То, что мы любим больше всего (кроме Бога), не существует таким, как мы любим его. (Подумал об этом при чтении в «Уединенном» о любви Розанова к семье, которая при самом зачатии была в распаде.) Вот это самое сомнение в действительности бытия любимого порождает веру в Бога – и это один род людей. Другой род – это те, кто верят в бытие любимого и потому могут обходиться без Бога: им существует любимое вместо Бога.

Нам дали три литра молока в счет госпоставок, и колхозники стали к нам относиться с заметно большим уважением.

– Это от рабства, – сказала Ляля.

– С точки зрения, – ответил я, – интеллигента, не признающего начальство. С этой точки зрения их ордена – насмешка, а не предмет уважения.

– Конечно!

– И в конце концов и самое государство.

– И государство, конечно, в основе своей носит рабство.

– При глубоком раздумье, – ответил я, – это да, но самое наше раздумье в этом отношении в основе своей носит интеллигентский нигилизм, содержащий в зерне своем волю господства в иных, лучших для себя, не «рабских» условиях. И вот понятия такие, как рабство и хамство, – это с точки зрения интеллигента, – а с точки [зрения] народа получат значение уважения к старшим, к начальникам и т. п.

В этом нашем споре получают разрешение и такие вопросы, как: почему люди в тылу прошлый год немцам сочувствовали и ждали их, а на фронте и ненавидели их, и били. Вот именно потому, что в тылу было раздумье о большевиках, о их колхозах, а на фронте «уважение» и преданность начальству (рабство).

21 Июля. Болею (поясничная лихорадка).

22 Июля. Ляля начинает серьезно вступать в желание иметь ребенка (тут много от «все, все, что смертию грозит»[101], вроде восторга в Ярославле во время бомбежки, но... может быть, и естественное чувство женщины в основе). Дмитрий или Елена? Но к обеду драма закончилась... благополучно.

Ответственность за слова вызывает необходимость логики, пользование логикой бывает жестоко и сурово.

23 Июля. Дождь, парит, солнце, как субтропики. Болезнь проходит.

24 Июля. Дождь. Ходил по грибы на 3 часа. Собрал лисичек, червивых сыроежек. Болезнь отпускает, но слабо.

Было время, я очень боялся встречаться с собой в зеркале, и, вероятно, отчасти это было, как иногда боишься на часы посмотреть и вдруг узнать: время прошло и ты опоздал. Так и сейчас, искоса смотрю на рожь, знаю, что желтеет, что гнутся колосья, а не вглядываюсь: боюсь узнать по колосу, сколько осталось до жатвы, до осени.

<*На полях*: – Брак должен бы возникать в монастыре, а не на скотном дворе.>

И у немцев в идейный круг их войны входит социализм, и у нас социализм, и у Америки демократия, значит, у всей войны мысль главная об устройстве масс. И так все, и победители и побежденные, стремятся к одному и тому же.

Одна, одна валюта в человеческом мире – семья! И если наша литература русская говорит о том, чего не было, то это «не было» – у нас семьи не было и, значит, не было и государства. Мамы нет и папы нет, но в душе ребенка есть мама и папа, и вот дитя создает себе... так создавала в свете этой любви наша литература жизнь, и <*зачеркнуто:* американцы> весь свет удивлялся нашей литературе «из ничего».

Это была страна беспризорников.

Так и моя песнь была как призыв, пришла – и петь больше не хочется.

А между тем православие дало нам форму идеальной семьи, и до сих пор еще как редкость можно встретить остатки такой семьи (Удинцевы, Оболенские, Барютины, Белоярские).

Я иногда возмущаюсь на свою неохоту писать и сваливаю на Лялю: не людям, как раньше, а ей одной себя отдаю. Подумав, однако, понимаю, что ведь и она себя мне целиком отдает, и это все для нее: она женщина. А я, муж, приняв ее душу в себя, должен оправдать ее удобрение, я должен расти выше, лучше, сильнее, чем до нее.

25 Июля. И вчера и сегодня погода осенняя, заливают огороды дожди, огурцы растут в тени огромных листьев не зеленые, а бледно-желтые, картошка споднизу начинает от сырости желтеть. Проводил Леву. Жду к 31-му их с Петей на охоту. Ляля ревнует меня к Леве: не допускает обывательски-добродушные разговоры и требует с его стороны особых почтительных отношений, каких у меня с ним никогда не было.

Лева спал с Норкой, и за одну ночь она так привязалась к нему, что пошла за ним, и он мог бы ее увести. И каждый так,

полаская ее, может увести ее от нас, потому что она проститутка в существе своем, значит, принадлежит всем и каждому. С Лялей у нас об этом бывает спор. – Что это за собака, – говорит она, – если может забыть любовь к хозяину и перейти во всякое время к другому? – Если она переходит к другому, – отвечаю [я], – то, значит, не она плоха, а хозяин ее плохо любил, ведь она прежде всего любит всех, или всего человека, и любовь свою отдает сообразно силе любви этого каждого. А разве не такая Кармен и всякая достойная <*зачеркнуто*: проститутка>? И я сам, как художник, ведь тоже люблю прежде каждого отдельного всего человека. Такие мы все в любви своей к Дальнему, и попробуй, ближний, брось камень свой в <*зачеркнуто*: проститутку>, если ты не грешен тоже в тайной мечте своей уйти к Дальнему[102].

Когда я «Жень-шень» написал и через друзей узнал и понял сам, как хорошо я написал, то мне стало, будто вот все и кончилось и больше уже ничего лучшего я написать не могу: все написал. Так было, и когда Ляля пришла: зачем мне больше звать к себе друга, если он со мной.

Золотая елочка. Елочки когда сохнут, то у нас седые волосы показываются, а у них золотые иголочки, и вся подсыхающая елка стоит не белая, как мы в старости, а золотая.

Глухая крапива. У закрайка поля к лесу рожь стоит колос от колоса не слыхать девичьего голоса, и между колосьями по земле густые частые цветы фиолетовые, ближе к розовому, формой же цветка львиный зев, а листья крапивные, и на дне каждого зевика есть сладость для детей – эти цветы называются глухая крапива.

Когда волнуется желтеющая нива[103]. Было время, я очень боялся встречаться с собой в зеркале: так, бывает, боишься на часы поглядеть и вдруг узнать, что спешить некуда, уже опоздал. Так и сейчас искоса вижу рожь, знаю, что желтеет нива, что гнутся уже и колосья, а не вглядываюсь: боюсь узнать по колосу, сколько осталось до жатвы, до осени.

26 Июля. Делови́к (деловой человек) – надо ввести это слово, потому что «деляга» слово недостаточное. А делец?

Мать моя, Мария Ивановна Пришвина, была женщина не скажу делец в буржуазном смысле, а назову деловик: ей бы в наше время быть комиссаром по социальному обеспечению. И такой-то деловик, чуть коснется дело женских каких-нибудь чувств, жалости, сочувствия, сострадания, вдруг теряет свою силу. Но знали об этом только мы, мальчишки, дети ее, и пользовались безжалостно. И у меня в душе до сих пор сохраняется к каждой интересной деловой женщине завлекающая возможность сладостного удовлетворения [от] обращения такого деловика в женщину: что-то вроде как от пробоины в неуязвимо бронированный танк. (А Ляля – какой это деловик!)

Вероятно, тут что-то в чувстве ритма жизни, ритма труда вне дома и в доме, в малом порядке и большом, в малой правде и большой. Вполне возможно, что женщина, оставаясь женщиной, коснется большого ритма и живет в нем и прячет тем самым в себе, в таком деловике женщину. (Вот пара в Загорске: докторша и ее паршивый любовник: мужчина как слабость женщины.)

27 Июля. Тихое пасмурное утро с обещанием в облаках солнца. Молодые дятлы бегают по стволам сосен и привыкают природным долотом своим добывать себе пищу. Сосновочка, птичка много меньше воробья, цвета ствола сосны, когда он переходит снизу из серого в оранжевое, сидела на торчке ствола и жалобно пикала детям. Закапал теплый временный дождик, две белые бабочки не поверили его силе, играя одна возле другой, начали борьбу, стараясь облететь дождик вверх. Но дождик как будто заметил их усилие и сгустил свою силу над ними, и брачная пара почти с самого верха сосны стала под углом падать... И я, глядя на падение бабочек, подумал опять с удивлением и радостью, что и у них там не все делается по каким-то предустановленным «естественным» законам, что и у них, как у нас, могут народиться какие-нибудь удивительные бабочки, чтобы вступить в своем брачном полете в борьбу с неумолимой силой дождя. И, падая, они своего достигали.

Ляля однажды вгорячах при моем вопросе: – А если тебе пришлось бы выбирать, меня или маму, как бы ты поступила? – ответила: – Конечно, я бы выбрала маму. – Это было сказано в том смысле, что я – это любовь для себя, а мама – это для Бога. Вот почему она и бывает со мною особенно нежна, когда я заболеваю или тоскую: тогда ей делается на душе, будто и меня она любит не для себя. Так точно, как у нее в отношении матери, так и у меня бывает в отношении моей старушки литературы: мне кажется тогда, что Ляля – это любовь для себя, а та любовь больше, чем для себя, и даже против себя. И когда я представляю себе, что я оставляю Лялю для своей старушки, то я свое одиночество всегда понимаю как аскетическое, как радостный отказ от себя с повседневными потребностями.

Вот из такого девственного одинокого состояния духа (от Девы и Духа Святого) родилась моя поэзия, и я в существе своем до встречи с Лялей жил именно таким монахом, представляясь для людей и, может быть, для себя каким-то Паном или Авраамом. Только после встречи с Лялей я как будто с благословения Старца вышел из монастыря в брачную жизнь, и поэзия моя, теперь уже старушка, не ведет меня больше неизвестно куда, а сама просит у меня помощи, определения и назначения, и я, счастливый человек, иногда подхожу к ней и спрашиваю: – Что же ты, моя старушка, приуныла у окна?[104] – И обещаюсь ей, если только счастье мое поставит мне вопрос, – оно, счастье, или она, старушка, – отказаться от счастья и старушку свою честно питать собой: докормить, допоить и похоронить.

Мне думается теперь о войне, что вопросы о том, кто победит и когда война кончится, стали иметь лишь местное и частное значение, что для современных деятелей это уже прошлое, а настоящее в устройстве мира после войны. Существует ли, например, у нас в СССР тайный расчет на массовый народный пожар в Европе и сплав в огне всей Европы с СССР. Мне думается, что наши большевики, выгнав немцев из пределов России, должны отказаться от непосредственного участия в европейских делах и предоставить союзникам самим гасить тот пожар. Россия должна себе брать пример с Индии: будет же после войны Индия и самостоятельной, и дружественной с Вели-

кобританией? Но темна вода... И тут теперь вся современность, а не на войне.

Человек, если его взять как «Я», как душу, мне представляется хрусталиком, прыгающим, вертящимся с кувырканием вниз и вверх в кипящей жидкости. Очень похоже на старинную игрушку «Американский житель»[105] – хрусталик в эфире. Но я так представляю себе душу каждого человека, напр., сейчас доктора Раттая: хрусталик его совершенно гладкий, и глаза как у зверька, и сердечко, как у птички, бьется часто, и голова вертится постоянно во все стороны с опаской. У Розанова хрусталик бьется в одну точку, будто хочет пробить это место и что-то увидеть. А у себя уже чувствуешь весь трепет хрусталика в теле своем, и когда молишься о воле Божией на земле, как на небе, то «землю» понимаешь как тело свое.

28 Июля. Все, в чем я раньше бесполезно любительствовал, чем играл (охота, фотография, машина), теперь стало полезностью и кормит нас всех: трудимся, получаем за труд, мучимся, но живем. Так, может быть, и все пошло от игры: вначале Бог поиграл, а мы теперь мучимся в поте лица.

Чтобы самому сделать что-нибудь новое в какой-либо области, нас учили для этого набирать в себя в этом все, что другие сделали. Нам казалось так, что когда по данному вопросу вберешь в себя весь чужой ум, то из этого чужого свое собственное мнение получится как вывод. И мы старались питаться чужим умом, и многие по этому методу становились образованными дураками, и среди них многие сохраняли в себе при образованности нетронутым свой собственный ум. Случалось не раз, что этот собственный ум внезапно вырывался из оков чужого ума, и человек этот переменял профессию, забрасывал старую и в новой области, где не учился, давал людям что-нибудь совершенно новое. Однако из этого не следует, что не надо учиться, но, к сожалению, ныне у нас такие высказывания...

29 Июля. Солнечное утро после грозы.

Кладбище. Друг мой, перестань возвращаться к этой унылой мысли о нашей России как о кладбище... Нет этого, мертвые с нами живут, а живых мы должны сами рождать.

Рожь поспевает. Показались маслята и белые. Я принес сегодня много маслят к обеду. За что я люблю грибы собирать, это за то больше, что их нельзя выдумать. Вот идешь по лесу, глядишь на землю, и в голове нет никаких мыслей, кроме как о грибах. По привычке писать и подхватывать мысли и тут тоже так кажется: вот сейчас хорошенько подумаю, и гриб вырастет, но сколько ни думай – лес не бумага – от мысли гриб не появится. И тут начинаешь смиряться: «Нет у меня ничего, ни гриба, ни мысли, верь, надейся, ищи». И так постепенно впадаешь в приятное состояние бездумья с нарастающей надеждой. Покажется какая-нибудь ничтожнейшая сыроежка, обрадуешься и даже скажешь: слава тебе, Господи, еще бы десяточек, и будет чем приправить картошку. А вот этого-то как раз и надо, чтобы ты обрадовался и начал этой радостью жить. <*Зачеркнуто*: «Вот, – подумаешь, – чего я это все на опушке жду, дай-ка загляну вот в эту густель елок и молодых берез».> Осторожно палочкой поднимаешь тяжелую ветку, чтобы стряхнуть росу, и когда подлезешь сам туда и оглядишь частые стволы с прогалочками, вдруг как солнечный луч пронзает темный лес, так радость потрясет все тело: десятки в росе стоят, и всё одни только белые. И в десять раз сильней это бывает у писателя, чем у простого человека, любителя грибов: ты знаешь наверное, что это не чужие мысли, которые ты притянул и присвоил себе и сам обманулся, приняв их за свои собственные мысли, а грибы, настоящие нерукотворные грибы, которые жарить можно, и всем показывать, и говорить, и удивлять всех: белые грибы показались.

Рационализм. В рационализме я вижу не философию, а добродетель, выражаемую народной мудростью: «на Бога надейся, а сам не плошай». Правда, бывает в движении человеческой мысли [в] жизни такой момент, когда ленивые и неспособные, прикрываясь надеждой на Бога, не собирают над собой воли к движению, без которого [не может] осуществляться и воля Бо-

жия, и жизнь без движения становится болотом. Тогда живой человек оставляет старого бога в болоте и говорит себе: «Не плошай». Так вода прорывает преграды. И этот прорыв совершается особой добродетелью, называемой рационализмом.

Короче сказать, рационализм – это самопомощь, самоизбавление от рабского труда путем придумки. Почему-то, однако, по пути разрастания этой самопомощи человеческой нарастает в человеке сознание своего всемогущества: человек в его способности приспособлять на свою пользу окружающую его среду становится центром вселенной вместо прежнего Бога: все на свете, оказывается, можно выдумать, даже Бога, и все человеку, даже Бог, идет в пользу.

Так вроде этого я в лесу на отдыхе говорил своему простому спутнику.

– А вот поди, – сказал он, – выдумай гриб.

– Выдумали и это, – ответил я, – искусственно разводятся шампиньоны, а со временем, конечно, будут и белые разводить, и так все, все на свете может быть приспособлено на пользу человеку.

– Понимаю разводить, – ответил старик, – грибы разводить дело полезное, но как же самое семя гриба, его-то нельзя ведь выдумать.

– Это нет.

– А ведь это есть Бог: семя жизни.

Сила гриба взялась такая, что один мощный боровик приподнял старый брошенный лапоть и до того разросся под ним, что и сам показался, и я его взял.

После грозы и проливного дождя одна сыроежка в своем блюдечке собрала себе запас чистейшей воды. В теплое росистое утро сила роста была так велика, что на моих глазах блюдечко сыроежки треснуло и вода пролилась. И тут я понял, почему иногда встречаешь сыроежку, растущую дольками: это, значит, она тоже так треснула во время напора роста. <*Приписка*: Теперь, когда встречаю такую сыроежку изуродованную, всегда вспоминаю, как на глазах моих пролилась с блюдечка вода, и утешаю ее: «Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить».>

31 Июля. Жизнь матери с дочерью – это фехтование друг с другом на рапирах: рапиры – это у них особая, выработанная ими диалектика моральных начал, укрывающая тайное желание каждой быть самовластной в хозяйстве. А вчера их борьба была похожа, что Ляля шла на мать с дубиной, а мать на дочь с миной. Было это так. Ночью, когда улеглись все мы спать, принесли молоко. Ляля вскочила, мать ей: – Перелей в стеклянный горшок. – Нельзя! – отвечает Ляля. – Почему нельзя? – Стучатся, некогда, бегу отворять. – А я тебе говорю, объясни, почему нельзя? – Ляля взбешенная кричит: – Некогда мне с тобой рассуждать и объяснять. – И отворяет дверь и впускает молоко, и как-то устраивается наспех, а мать повторяет: – Почему же не стеклянный горшок? – И дочь кричит: – Прекращаю говорить о стеклянном горшке, молоко перелито. – Теперь мать понимает, что стеклянный горшок стал у дочери больным местом, и холодно, расчетливо вкладывает мину на пути своего неприятеля. Ляля уже начала остывать, уже собралась было мириться, как вдруг в этот-то самый момент в так знакомом Ляле холодно-надменном тоне с такой обманчиво спокойной сдержанностью мать спрашивает: – А все-таки я хочу знать, почему нельзя было перелить молоко в стеклянный горшок. – Вот тогда мина взрывается, и Ляля орет...

Так вот они живут, и эти отношения называются у них любовью.

1 Августа. Пришли газеты, и мы узнали о долгожданной революции в Италии[106]. Замечательно, что, прочитав, я вдруг вспомнил и запел пролежавшую у меня где-то на самом дне души лет 60 итальянскую песенку:

L’amici, la notte est bella	Друзья, как ночь прекрасна,
La luna vas spuntare	Как тихи небеса!

и т. д.

Пел эту песенку и вспомнил латинский язык и удивлялся народу, который сейчас говорит почти по-латыни, и думал, что немцам не удалось сделаться гуннами[107], потому что это неестественно и невозможно <*зачеркнуто*: и безумно... преступно>.

Все, чем мы теперь живем, произошло из моей игры, играл в автомобиль, в фотографию, в сказки, и много было всего: всю жизнь играл, и ордена даже получаю теперь, всё за игру.

Провел теперь чудесное утро в лесу, записывал, как на глазах моих пролилась вода с блюдечка сыроежки, как мощный боровик поднял силой лба своего стоптанный лапоть, и много всего. Радостно пришел домой, а Ляля возится в кухне – то ли извелась на такой полезной работе, то ли устала от борьбы с матерью на женских рапирах, на языках. До того устала, что не с добром меня встретила.

– Опять весь мокрый.

– Вот грибы.

– Что грибы... Ты видишь, как я изо всех сил работаю, и мама работает, а ты играешь...

– Но если я, играя, больше вас обеих делаю, то что ты хочешь от меня? чтобы я не играл, а страдал, как вы?

Ляля очень сконфузилась и долго не знала, как бы загладить свои неудачные слова. Когда же мы переезжали на моей резиновой лодке реку, она сказала:

– Какая полезная вещь резиновая лодка!

Я ответил:

– Да, теперь она стала полезной, а началась эта лодка тоже от моей игры. Надо уметь играть в жизни, а польза сама собою придет.

– Я согласна, что это верно для тебя и для избранных, а всем так нельзя сказать.

– А как же Спаситель сказал: будьте как дети? не сомневаюсь, что Он этими словами именно детскую радостную игру считал источником добра, а не фарисейскую мораль добрых полезностей. Ребенок о пользе не думает, а всю жизнь потом пользуется счастьем детской игры своей и, наверно, если делает людям добро, то пользуется все тем же источником своего детства, игрой. А потому повторяю: «Будьте как дети! и бросьте ведущие в ад благие намерения».

В каком аду теперь Муссолини, а не он ли хотел итальянцам добра, и как хотел!

По теще вижу явление власти в добрых намерениях.

Почему власть всегда родится в добрых намерениях?

Моцарт играл, Сальери имел добрые намерения, и у него из добрых намерений родилась власть (отравил), а у Моцарта из игры явилось людям добро.

5 Августа. 2-го Августа приехали Лева, Петя, Галина, Левик. 3-го все и мы с Лялей поехали на Семино. К вечеру мы расстались с бывшими врагами и пришли в Новоселки. 4-го утром ходил на Фоминку пробовать собаку Фейду (гордон). Массу фотографировали и с Митрашей пришли к вечеру в Усолье.

«Коколь» – прозвище пастуха. Он потерял жену, детей, остался один и стал пастухом (у него на дворе дети играли в грошики, и Коколь от них получал за помещение). Нашел журавлиные яйца, два, проносил под мышкой, вывелись журавли (Журка). Совершенно бескорыстное дело. Журавли выросли и улетели. А Коколь женился на хорошей девушке, и устроила ему хорошую жизнь.

Пришел человек и так говорил нам. Миссия русской интеллигенции (революционной) выразилась в организации террора. А смирение русского простого народа или равнодушие к материальному строительству жизни привело к непротивлению власти. Эти силы, организация террора и неприхотливость народа простого, привели к победе над немцами.

Поездку на Семино надо считать концом семейной войны. Оба мои сына являются как бы продуктом моего распада. Во мне живут и борются два человека, общественник и личник, и в борьбе между собой создают третье – это мои произведения. Сыновья мои Петя и Лева – Лева более выразителен, чем я, как общественник, Петя – как личник, но Пете не хватает качеств общественника, Леве – личника, и оттого нет у них борьбы, движения, творчества: оба как бы заведены раз навсегда...

6 Августа. Солнечные жаркие дни. Жнут рожь. Подходит двухлетняя годовщина Усольского жития. Мобилизуюсь к

переезду на основное житье в Москве. Все к этому подошло: и Петин белый билет, и лимит, и продовольствие в Москве, и провал наступления немцев, и занятие Сицилии, и бегство Муссолини.

Митраша на днях привел нас к будто бы красивейшему месту в лесу: а это был заросший болотными травами омут совершенно развалившейся мельницы. Нет сомнения, что «красота» ему пришла через «вот мельница, она уж развалилась»[108]. Такие они все, служители добра для людей, разного рода сектанты, искатели, даже и подвижники.

Но почему же основатели монастырей выбирали такие дивные места, и эта красота природы у них служила добру? Может быть, по тому же самому, по чему реформация тоже в своем движении к правде красоту оставляет у себя за спиной?

А революция, а война? Может быть, революции, большие войны и движения, как реформация, все они таят в себе неподвижную идею или нравственную норму для всех, в то время как красота есть луч Божий, падающий на каждого в том смысле, что Бог любит всех, но каждого больше?[109] Там, в тех движениях происходит война за место у Бога для всех, а здесь в красоте определяется каждый перед Богом в своих неповторимых особенностях. Короче сказать: добро – это мы, красота – это Я.

Прямой путь всех к добру – это «будьте как дети». Но путь к нашему добру (мы) в красоте каждого избранника не предуказан, и вот именно свое собственное определение этого пути к добру в красоте и определяет мой путь, мое Я, мою личность.

На пути к добру в красоте почти неизбежна встреча со злым духом, который влечет каждого быть в заключенной отдельности. На этом пути тот путь короткий к добру «будьте как дети» закрывается, а между тем выйти на него необходимо: потому что он являет собой единственный вход в Царство Божие.

Так вот почему, значит, я так ценю свои детские рассказы: они свидетельствуют о том, что я не уклонился как индивидуальность от «будьте как дети» и собираюсь со всеми в добре и так определяюсь как соборное существо, как личность.

<*На полях*: Фейда после пробы оказалась бесчутой собакой, и я к ней сразу охладел. Заметив это, Ляля сказала: – Как это нехорошо рекомендует тебя. – Я любил ее, – ответил я, – как охотник, но я же не могу охотиться с собакой без чутья. – А я думаю, что если ты любил ее и она оказалась без чутья, то ты еще больше должен бы ее полюбить. – Как человек – это да, но я любил как охотник, значит, не человек.>

А кто же, как не художник, создает образ Божий?

Бог формы не имеет, но каждая тварь силится к Богу своему, и как она Его понимает, такую форму и сама принимает. А человек тем и человек, что создает единую форму, единого Бога.

И когда это есть, образ Божий найден, так трогательно бывает смотреть на цветок в его совершенстве, или на какого-нибудь жука с рогом на голове, или на зайчика. И когда в летний день солнечного заката в бору ложатся резко тени деревьев, как трогательно смотреть, что одно...

Вот Евангелие, в котором художники слова, Матвей, Марк, Лука, Иоанн дают нам образ Спасителя. Проникновенное чтение этой книги через образ Христа дает нам полную уверенность в бытии Божием, и созданный апостолами образ становится чудотворным.

Апостолы видели Бога, как видел и Рублев свою «Троицу»: он видел и свидетельствует об этом в своей картине. И мы убеждаемся через картину, что Троица существует.

Вот день! Солнце, тишина, спокойные тени деревьев в лесу. И успевает, пока движутся тени, все мельчайшее население леса распределиться: кто темное любит – на тенях, кто ждет солнца и только на свету может жить – копошится в просветах.

Бабочка оранжевая, как цвет ствола сосны, летела в золотых лучах и определялась как бабочка, а когда припала к стволу – исчезла. Мне стало так на душе, будто время исчезло и бабочка эта оранжевая понялась не как учили нас, будто бы многие тысячи лет она приспособлялась в борьбе за существование к

сосне, чтобы укрываться цветом ее, а просто захотелось ей сейчас слиться с сосной, и она слилась. И когда я так почувствовал, будто сама бабочка захотела и слилась, то и все в природе представилось иначе и я понял, что художник – это прежде всего борец со временем, и он, только он, человек в красоте и добре, борец со временем, выходит из времени и тем создает образ Божий. А все иные твари – они во времени, они рабы времени и потому могут сделать лишь усилие в Боге, но не могут создать образ Божий.

7 Августа. «Все люди смертны, но я...» И тут разум отказывается, и каждый из нас делает заключение фактом своего существования и живет в смутном чаянии бессмертия. Так вот происходит и с писателем: про наших и говорить не хочется, но ведь и величайшие гении после этой войны повисли в воздухе. Взять даже Шекспира в нашей обстановке, сделаешь усилие, прочтешь и – хорош! конечно, очень хорош Шекспир, но хорош не больше, как документ из архива человечества, не хватает какого-то плюса, Шекспир + что? конечно, + современность. И как оглянешься на современность, документ из архива человечества валится от скуки из рук. И вот тем не менее писать хочется, и мы будем писать, точно так же, как жить: все слова умирают, как и все люди смертны, но Бог мне поможет, и я, может быть, скажу свое бессмертное Слово.

Читал Ценского («Печаль полей», «Валя»). Он трудно читается, и чувствуешь себя на его страницах как у суетливых хозяек за чайным столом, только начнешь о чем-нибудь интересном, как хозяйка хватится – что-то забыла к чаю – убегает, и ты остаешься с раскрытым ртом. Так у Ценского обстоит дело с тщательным выписыванием подробностей, природы и случайностей всяких, не идущих к делу. Читаешь, значит, движешься, а тут хватают тебя превосходно выписанные пейзажики. Второе неприятное – это старо-модернистский, меттерлинковский тон. Конечно, надо прочитать его «Преображение»[110] и последние вещи, быть может, он очистился от своего эстетизма? но, может быть, перекочевал в традиционный эпос и осерел?

Было не очень приятно читать письма Ценского и Горького к нему, очень уж похоже на письма Горького ко мне[111], а я всегда эти письма от Горького принимал не как к себе, а к какому-то «Пришвину». И вот теперь при чтении писем к Ценскому вижу второго такого сочиняемого Пришвина с именем Ценского, – как-то неприятно.

Хорошие это люди, и Горький, и Ценский, и Леонид Андреев, наверно, вначале был тоже неплох, но все это какие-то не вполне серьезные, и даже чуть-чуть дурашливые люди. Все их высказывания неглупы, грамотны, но в то же время чувствуешь, что самое главное, что-то истинно свое они дурашливо обходят.

А настоящие писатели, Гоголь, Достоевский, Пушкин, даже Чехов, даже Лесков именно за это свое (самое главное) цеплялись. Да и современники Горького, Мережковский, Розанов, Блок были серьезные люди.

Мало того! Горький, мне кажется, это знал и робел перед этим, и старался восполнить этот пробел в себе, оправдать оптимизм свой чтением умных книг и бесчисленными добрыми делами. Я по себе хорошо это знаю, помню, в Петербурге было неловко среди замечательных людей[112] со своим здоровьем: они спорят искренно о частице «ре» в слове ре-лигия, а тебе водки выпить хочется. – Вы как об этом думаете, Михаил Михайлович? – Что-нибудь соврешь, и окажется очень удачно (откуда взялось?), и они сочувственно говорят: – Вы нам близки. – А какое уж там близок, когда хочется выпить или погонять зайцев в лесу.

Вот Горький, которому в жизни как бы всегда выпить хочется, в глубине души всегда чувствовал стыд к этому оптимизму, всегда боялся, что придет какой-нибудь Настоящий человек и разоблачит его и откроет, что вовсе он не пророк и не писатель, а просто выпить ему хочется и хорошо закусить. Думаю, что благодаря этому своему лучшему, этому стыду перед Настоящим, ему и удалось написать замечательную книгу о детстве и бабушке[113].

Начало анализа Лялиной любви.

То, что понимают в первородном грехе – это есть чувство собственности, сопровождающее страсть, и если родится но-

вый человек, то он принимает в себя этот грех. Но возможно это присвоение устранить из всего объема страсти (любви), тогда греховное дитя не родится и любовь обратится в «страсть бесстрастную». Возможно, что «грех» именно и рождается в том насилии, которое мужчина совершает при совокуплении, в этом неравенстве: и если бы прийти к устранению этого насилия – «мужского» или «соблазна» – женского, словом очистить любовь, то получится страсть бесстрастная, или управляемая любовь. Тогда и дети могут рождаться, но уже спасенные, дети любви, подчиненной Мысли.

8 Августа. «Кажется, просто это для всех вообще» (смерть), «но почему же не просто для Каждого?» (Ценский «Валя»).

Есть целый ряд писателей, с которыми я был знаком, но ничего у них не читал, и теперь иногда стыдно, вот хотя бы Ценский. И есть понятия, произносившиеся ежедневно при мне, и я не сделал над собой усилия, чтобы они дошли до меня. Такой символизм.

Что это? Если бы меня об этом спросили до вчерашнего дня, я бы ответил, что символизм есть попытка художников определить свое место в Божьем творчестве. Приблизительно так, что-то очень смутное. Но вчера я на молитве про себя из какого-то очень отдаленного угла подумывал, молясь: «А что если я, обращаясь к Богу, лишь выражаю не больше, как любовь свою к Ляле, и Бога только притягиваю к своему чувству?» – что-то вроде этого... Но вчера, когда я услышал в себе этот шепот Лукавого, вдруг я как бы впервые обернулся туда к страшному месту лицом и ответил туда: «Бога никто не видел, и Его действительно нет в доступной нам форме, но совокупными усилиями, молясь, мы создаем форму или образ Божий». – Дальше тут же на молитве я подумал о символизме и понял его как соединенное усилие всех молящихся создать единый и всем понятный образ Божий, и что таким символизмом занималась Церковь, а наши художники-символисты искали себе место в церкви для творчества.

9 Августа. Жара, насыщенная влагой, как в Приморье. Каждый день гроза, и каждый день на площадке огромит не-

сколько человек, всех закапывают в землю, и один кто-нибудь не приходит в себя.

Какое прекрасное выражение: «Бог вразумил»! так и представляется, как на какой-то день своего миротворчества Бог вразумил всю созданную тварь, а в человека вдунул бессмертную душу.

Бывало, в старое время, до революции, помещица мелкая насидится в своем гнезде, и вдруг вышло поехать куда-нибудь в город вносить деньги в банк по закладной. Проезжая мимо нас в город, редкая выдержит, чтобы не завернуть к матери моей. Гостья является с полной душой, жаждущей перелить избыток свой в душу другую. Мать моя это знает, подставляет свою душу, как таз... – Ну-те! – говорит. Гостья открывает рот, а няня громко шепчет сзади: – Марья Ивановна, беда! – Какая беда? – Бык забрухал. – Кого бык забрухал? – И поднимается кутерьма. Мать убегает, а гостья остается с открытым ртом. Это и понятно, хозяйство – это серьезное дело, этому делу нужно время, а переливание душ – потеха, и потехе нужен час. В таком положении гостьи находится во время войны искусство, и литераторы сидят в глупейшем положении с открытыми ртами и уже не сказать хотят, а только бы дали поесть...

И такое положение испытывает каждый малый и великий творец в своей собственной семье, если он только участвует в семейном строительстве: с какой легкостью обрывается мысль при столкновении ее движения с движением «обстоятельств» и насколько эти обстоятельства важнее всякой мысли, существеннее.

Так вот сегодня бросаю мысль свою, обрываю и бегу за веревками, потому что верю: мысль если пришла, то вернется, а веревки расхватают, и больше их не получишь. Веревки – это моя служба, это мое Надо, а Мысль – это мое Хочется: это жизнь бессмертной души моей. Тут происходит немой разговор хозяина с душой в таком роде: «Душа, ты бессмертна, и для тебя нет времени, а мы все связаны веревочкой времени, пропустишь – и нет! а тебе, Мысль, хоть бы что: отойдешь и придешь гостить, когда у нас будет досуг».

Так что действительно, мы сидим все на веревочке времени, а Мысль бродит свободно, где хочет и когда хочет. Так все мы и живем в двух заветах, в Ветхом – на веревочке времени, а в Новом с Мыслью не от мира сего. А существо церкви и есть соборное усилие людей ввести в границы времени безграничную Мысль и остановить текущее мгновенье.

(Пример: как оставляют сенокос для праздника, для утренней молитвы домашнюю суету и с молитвой входят в суету и ставят все на свои места.) В этом и есть таинственная сущность причастия, претворения вина и хлеба в тело и кровь Христову, или в Мысль, и обратно Мысли в человеческую плоть и кровь, в единство двух заветов.

Трудно выдумать машину, а научить ею действовать можно каждого, и каждый при машине не обязан вести свою мысль, напротив, легче действовать в согласии с машиной безмысленно. Так и весь мир благодаря машине погрузился в безмысленное действие, и это привело к действию совершенно бес-смысленному – к механической войне.

Задача наших союзников создать в Европе мир не тем, чтобы, как немцы хотели, поставить каждого под начало, а вернуть утраченную Мысль в повседневный труд человека. Это именно намеревались сделать коммунисты своим способом, и теперь, при победе, всякий трудящийся смотрит на коммунистов во все глаза. Но капиталисты были хозяевами положения и капитала в Америке, значит, причина войны, вина войны лежит там, а там победители, и победителя не судят – значит, окончательно: насилие в Европе будет необходимо: американцы будут насиловать, а большевики соблазнять свободой. И тут опять два мира и опять в какой-то форме война.

10 Августа. Огонь грозы очистил воздух, и грозовая небесная вода в бору омыла каждый сучок. В утренних проникающих в глубину леса лучах каждая сосна, как свеча, вспыхнула. Я прислонился к такой сосне-свече, выбрав дерево шире моей спины. И когда прислонился, вспомнил (В. Е. Филимонова, Пяста и подобных им) людей до того духовных, что идут они по земле и как бы колышутся на слабых ногах.

Я знаю, и во мне есть такой человек, болтающийся неверно на воздухе, как привязанный на ниточке детский воздушный шар. Но я боюсь и стыжусь перед людьми этого человека в себе и крепко за что-то держусь. И дерево, эта широкая сосна, когда я к ней прислонился, стала мне могучей державой, и я, человек, соединенный с могучим стволом, стал смелым в духе, не боялся больше людей, не стыдился, набрал в душу свою такой тишины, что все в лесу стало мне показываться в вечном согласии покоя и движения.

Я восхищался прежде всего согласию цвета сосновой коры и света, исходящего от солнца, в этом свете неподвижная в цвете своем кора вспыхивала согласно с движением света.

Я видел, как из этого горящего золота отделилась и полетела бабочка такого же цвета и, совершив свой короткий путь между стволами, пропала и исчезла в золоте другого ствола.

Так точно птичка-сосновка, тоже оранжевая, вспыхнула и пропала.

И видел, как на сучке оранжевом определилась форма оранжевой белки и как она прыгнула горящая и тоже скрылась в оранжевом цвете другой сосны.

А потом в совершенной тишине стал подниматься снизу серый пар от земли, охватывать каждое дерево снизу, как дым. А сверху везде, я заметил, в полной тишине стали опускаться светящиеся золотом мельчайшие легкие кусочки от пленочек оранжевой коры. Мне показалось только странным, почему эти крошечные огненные парашютики спускаются не согласно предполагаемой мною их тяжести, а гораздо легче, ближе к тому, как с земли поднимается пар. Их было много везде, и один спускался передо мной, и я рассмотрел, что парашютик оставлял после себя паутинку и выпускал ее маленький паучок, и что так было во всем бору.

А потом я заметил, как вместе с движением солнца стали расти на земле резче черные тени деревьев и к этому темному со всех сторон [стали] ползти, подлетать и подпрыгивать мельчайшие тенелюбивые существа, а светолюбивые удаляться от теней на свет. И так тени двигались, и множество существ двигалось, и так на весь день, пока двигалось солнце. И потом не знаю, не помню, какое-то смутное чувство шевельнулось во мне и тоже заставило двинуться.

Читал газеты от 5–7 августа (наступление на Харьков)[114]. Подходит время к развязке и нарастает необходимость точного самоопределения.

В этом свете... все посулы Рузвельта кажутся сосульками, которые при встрече с солнечными лучами растают. Но откуда Солнце взойдет? Вот об этом и надо помнить, о Солнце, и не вмешивать это в суету и не делать суетой вечное. Что же касается самоопределения в событиях, то все сводится к выбору того, что делает солнечный луч: выбирай светлое и удирай от темного, а что темное и что светлое, об этом тебя Бог вразумит на всякое время и на всякий час.

После обеда вернулась с Семина наша экспедиция: Лева, Петя, Галина и Левик. Пришла из Переславля радостная весть, что «часть» пришла из Москвы. Завтра Лева уезжает в Петровск фотографировать, Петя с Лялей устраивать дела в Переславле, Галина в Москву.

<*На первом развороте новой тетради*: Что день грядущий нам готовит?[115]>

11 Августа. Встали в 5 у. и с 7 у. наши уехали. Ляля при встрече с моими ребятами ужасно волнуется и расстраивается: с одной стороны, ей хочется показать им нашу жизнь как высокий пример, с другой, ее кусает ущемленное в борьбе с ними самолюбие, с третьей, она меня к ним просто ревнует, с четвертой, ей не хочется обойти и мои естественные чувства к сыновьям, в-пятых... всего не перечтешь... – От каких пустяков, – сказала она, – мы с тобою так волнуемся! Нам можно жить только в пустыне. – Напротив, – ответил я, – мы оттого и волнуемся при встрече с людьми, что в пустыне живем.

Вечером Ляля пришла из Переславля, а Петя привел на буксире машину в гараж и начал ремонт.

12 Августа. Сколько я бился, чтобы вдохнуть в Петю ведущую человека Мысль и ничего не мог сделать, потому что некоторое время человек должен сам вести Мысль: и вот это

необходимое усилие он не мог сделать. Он очень исполнительный и вообще умный парень, но от себя он ничего не может начать. Это лентяй русский и современный: трудится, делает, но не от себя, и это за труд не считается, потому что самое главное в труде – это своя ведущая Мысль. Оставаясь, однако, в роли исполнителя, Петя предпочитает оставаться исполнителем чужой воли, чем начинать что-нибудь во имя своего личного благополучия, как американцы.

На этом примере легко понять всего русского человека: он хорош в «да будет воля Твоя» (не своя), т. е. он пребывает в состоянии европейского человека до Возрождения (своя воля). И тут-то вот и есть коренная разница с европейцем: тот обрел законным путем свою волю, вроде как Адам, вкусивший от древа познания добра и зла; наш русский ничего этого не знал, и даже ужаснейшая революция не могла взять его душу, и самая «война моторов» (машин) была для него не следствием эпохи Просвещения, как у европейца, а напротив, эпохи новой формы рабства. В этом-то и состоит восточная особенность души русского человека (как и японца, и китайца). Наше Возрождение (если только не быть концу?), как и всех восточных народов, начнется лишь после этой войны...

Наши победы над немцами в малом плане (для всех) объясняются низкими личными потребностями нашего «дикаря», приставленного к истребительной машине, и соответственной современной технике организации террора. В этой машинной организации человек будто бы потерял свою волю. Но мы поправим это тем, что своей воли-то у русского никогда и не было, он этого не вкусил.

13 Августа. Возможно, что Петя сегодня приведет машину, – большое событие! переезд обеспечен.

Тип советского пессимиста накануне победы: он происходит в основе из пережитого ужасного душевного бедствия с утверждением в сознании совершаемой нами какой-то неправды, и что с этой неправдой не может быть никакого честного соглашения других народов, и что «наши» от своего никогда не отступятся.

Через эту бездну не перелетит ни одна райская птица будущего. На этой пустоте невозможно ничего построить.

Всякий лелеющий лучшее думает о себе лично: что он перейдет бездну так, будто бы это хорошо и всем, – и что эти «все» есть Россия будущего. А наплевать мне на такую «Россию».

Оптимистом имеет право быть лишь человек дела: покажи мне, что ты сейчас делаешь.

Мы переплывали реку, я греб, она мне говорила:

– Для тебя, только чтобы успокоить тебя, я бежала с Ботика, думала, как бы поспеть до 8 вечера, избавить тебя от поездки на велосипеде.

– Но ведь и я так всегда спешу везде во всем для тебя, как для себя.

– Нет, это не совсем для себя: это ведь не всегда приятно.

– Разве всегда приятно делать для себя, необходимо – да, но управлять собой не есть удовольствие – это долг. И в этом долге я не знаю, где я, где ты: мне все равно, ты – мое я, и сверх этого, т. е. чтобы соединиться с человеком другим в одно существо, я дать ничего не могу.

– А я хочу видеть в тебе больше, чем хочется для себя.

– Да, хорошо, пусть! но путь-то к этому высшему лежит через себя.

Так мы переплыли реку, она пошла по делам на том берегу, а я улегся в лодку, смотрел в облака, на ласточек и думал о наших словах: для нее это «высшее вне себя» есть некое Данное, из которого она исходит, для меня это Данное <u>неощутимо</u> без себя: я, моя личность есть единственный путь к этому Данному.

Может быть, такой обязательно <u>личный</u> подход к Сверхличному – есть именно путь художника?

Может быть, потому и Гоголь, и Толстой, и другие, искушаемые (через Черткова, о. Матвея и т. п.), покидают свой художнический, личный путь[116] именно в соблазне скорейшего соединения со Сверхличным?

Неужели в лице Ляли именно и приближается ко мне подобное искушение?

Я думаю, нет, потому что Ляля по природе своей тоже художница, не умевшая устроиться и раскрыть свой талант, и по-

тому она так особенно и любит меня, что понимает меня как свой талант. Это и спасет меня от искушения.

Но есть другая Ляля, <*зачеркнуто*: моралистка, церковница> которая любовь между людьми хочет сложить не лично-творчески, а как вывод, как вытяжку человеческую из существа Божия. Эта Ляля-моралистка, прямая и настойчивая, как дятел: долбит и долбит.

Личность человека – путь к божеству: не есть ли это формула Возрождения? На этом пути были созданы величайшие творения, вышли величайшие личности, но именно <u>вышли</u>, а массы остались одни на каком-то обезьяньем пути (вроде наших стахановцев). И замечательно в нашей революции, что когда она была искренняя, то была именно против личности (выстрел матроса в актера, произнесшего в стихах слово Христос)[117].

– Именно потому и не удалось Возрождение, что, освобождая людей от внешних норм, оно освобождало их и от обязательств к Богу: великие личности выходили сами по себе, а собственники сами, и их, этих «самих», было множество. Вот почему дальнейшее развитие идей Возрождения вплоть до нашей войны представляло такую картину, будто Бог людей покидал, подавая лучшим людям сигналы, и эти люди по этим сигналам уходили за Богом. И когда все ушли, началась казнь: на города сверху посыпались бомбы.

Оставляя людей, Бог послал к ним Сына Своего сказать, что Он землю покидает и кто хочет спастись, пусть уходит к Нему вслед за Сыном. С тех пор лучшие люди и стали уходить к Богу, и когда все ушли и люди остались совсем без Бога, то началась казнь и посыпались над городами бомбы. Это и был конец [света], которого давно уже ждали и...

14 Августа. Вчера я написал о Богом оставленных людях после раздумья о Возрождении и писал в отчаянии горестного выражения христианства. Но Ляля приняла это как выражение истинной сущности христианства. Подумав ночью о написанном и о Ляле, понял, что Ляля права и написанное правильно и

не ново. Но моя исходная точка печали, необходимость ухода смутила меня: значит, какой же я христианин...

<*На полях*: – Бык захворал, коровы без быка спины себе обломали.>

Какой прекрасной показывается земля и люди, когда приходишь к неизбежности расставания (прекрасное видение Коли, одетого в десять пар белья в день разлуки с Хрущевым). Но бывает прекрасна и встреча: у меня была встреча, и я этой встречей живу[118], как весенний человек <*зачеркнуто:* а Ляля видит прекрасное, как человек осенний>. Я человек начала, и мое чувство жизни есть поэзия начала, но не конца.

Домовой. Люди нарушают посты, обрывают молитву и всякое высокое творчество, если этого требует какое-нибудь чрезвычайное домашнее обстоятельство: роды жены, несчастье с ребенком, внезапный припадок у стариков. Значит, это текущее домашнее, материальное сильнее и, бывает, нравственнее и всем судьям понятнее и уважительнее величайших устремлений человека к Богу и к творчеству.

С человеческой точки зрения, нельзя понять человека, не оставляющего молитву, когда рядом в комнате, умирая, захрипел близкий человек. – Прости, Господи! – машинально прошепчет молящийся и оставляет Бога ради ближнего, хотя в прошлом имеет пример Авраамова сыновнего жертвоприношения.

И так чем гуще жизнь, чем больше людей, населенней города и сельские местности, тем утвердительней становится мораль человеческая, отрывающая душу от Дальнего ради ближнего, пока наконец вся эта тягота ради ближнего не находит свое обоснование разумное в материализме, социализме. Человек остается сам с собой, а Бог удаляется в пустыню (Ницше: «Бог умер», но это «умер» – стилистический вздор: Он удалился)[119].

15 Августа. Ждем не дождемся Петю с машиной, чтобы ехать в Москву. То, что не удалось мне в это лето найти на Ботике с детьми, т. е. возвратить себе пустыню творческую, теперь предстоит сделать через Москву.

Моя задача – это отвести Лялю от стремления посвятить всю себя уходу за мной... Надо ей дать возможность заняться монографией «Михаил Пришвин» (для чего, собственно, она и была приглашена Литературным музеем)[120].

Но в общем думать больше об этом всем нечего, за два года жизни в Усолье «ближний» придвинулся ко мне столь близко, я так хорошо понял его, что вопрос о создании новой пустыни стал простым практическим делом.

Раньше, потерпев крушение в попытке воплотить Дальнего в ближнего (первая любовь), я создал себе наивную пустыню (дверь на крючке, примитивная семья, что-то вроде игры, без нравственных обязательств). Это была жизнь поэта в пустыне и без всякого человеческого опыта. В этой жизни...

Приехал Петя. Машина не доделана (без тормозов). Завтра, 16-го ему надо на службу. Выехали, чтобы оставить машину в Загорске и ехать в Москву по ж. д. Встретили доктора Рутковского на велосипеде. Выпросили отсрочку Пете до 21.

16 Августа. Вернулись в Усолье. Вечером бродили с Петей по болоту.

17 Августа. С неделю тому назад послышались на полях журавлиные крики и в лесах треск дроздов. Роса холодная, седая.

Происхождение видов. Что можно знать о переселении душ? Но каждый в формах природы может, как в зеркале, увидеть знакомую душу (кто не узнает в сороке или в сосне или...). Мы узнаем душу человека в формах природы.

18 августа. Вчера проводил в лес Петю, вернулся и страдал от невероятной боли (нарыв на боку). От боли в боку и лишних слов я стал капризничать. Ляля на мои капризы отвечала советами о смирении. – Никогда! – ответил я, – никогда я не буду подставлять смирение там, где нужно собрать энергию для перемены условий. Мне нужна, необходима отдельная комната для литературной работы – вот и все! и я буду этого добиваться

со всей энергией и ни в коем случае не буду это право мое заменять смирением.

Стрекоза неосторожно свалилась в воду, долго билась, но изнемогла, легла на все свои четыре крыла, и река понесла ее. Потом какая-то рыба схватила ее и проглотила.

(Поездка в Москву.)

25 Августа. Философия, вмещенная в жизнь, – это и есть «вначале бе Слово и Слово стало плотью». На этой почве под влиянием Церкви <*зачеркнуто:* и земледельческого труда> у нас и вырастали мудрецы (старцы, братцы и т. п.). Так что Церковь есть школа жизненной мудрости.

Представить себе бесконечность нельзя, но мыслить о ней можно. Всякая вещь на земле конечна и, значит, напр., бесконечно малая величина существовать не может. И вот обыватель говорит: «Нет!» – в то время как мыслитель, оперируя несуществующими величинами бесконечно малыми, взрывает горы. Так точно и с бесконечно большим понятием Бога – один говорит «нет!», другой именем Бога даже смерть покоряет.

– Нет, едва ли в математических исчислениях на что-нибудь годится понятие Бога...

– Есть чувство Бога в единстве всего человека на земле: весь человек в совокупности осуществляет волю Бога, и смерть каждого ручается за бессмертие всех. И есть другое чувство Бога, определяющее лицо человека каждого как единственного.

26 Августа. Вчера мы были на трофейной выставке и дивились технике немцев и спрашивали себя, изумленные, чем же это мы их побеждаем. И, раздумывая, пришли к тому, что ведь выдумать было трудно эти орудия смерти, а какой труд по этим образцам сделать свои, пусть похуже, подешевле, но тоже страшные, да еще в руках человека, которому терять нечего.

Спаситель открыл нам лицо человека, и с тех пор померк для нас образ Всего-человека, воспроизводимый в Ветхом Завете как родовой тип и у эллинов как божественный.

В наших романах писатели постоянно пользуются этими типовыми и личными силами как изобразительными средствами.

«Типы» у Гоголя – это издевательство величайшего личника над самым существом типа: человек, становящийся типом, тем самым становится «мертвой душой». А у Достоевского? типичны только второстепенные фигуры, все главные роли никем не повторимы.

Вместе с лимитом на продовольствие пришло такое же чувство в отношении к войне, как это бывает в деревне у бабы, когда ее хозяин после ранения получит белый билет и вернется домой: хозяин пришел, и тем самым для бабы война кончилась.

Даже и грустно немного: два года неустанной борьбы за существование, и казалось высшим счастьем достигнуть удовлетворения в повседневном хлебе насущном, казалось... а оказывается, поел – и все кончилось, и нет ничего, и напрасными кажутся истраченные усилия.

Кто не видал, как среди неодетых темных деревьев, стоящих над последним изнывающим снегом, показывается впервые после зимы голубая река. Нам кажется тогда, будто это небо с землей перекликнулось и подарило небо земле, еще темной, свое извечное голубое добро. И вот такая голубая река – это лицо воды: вся вода на земле в небесном своем происхождении с лица голубая. А там, в самой реке, в глубине, там и холод, и скользкие рыбы с неподвижными глазами, и черные раки топырщатся, и мертвецы.

Человека встречаешь и спрашиваешь себя, – на кого он похож? И только уверившись, что существенное в этом человеке не его подобие с другими, а отличие от всех, начинаешь с интересом узнавать его и понимать в своеобразии. При чем же тут «тип»?

27 Августа. Вчера на авторемонтном заводе (ВАРЗ) обещали хвостовик. 28-го жду Петю из Пушкина для ремонта машины. Собираемся съездить на дачу свою в Рузе и Николину гору. Хлопочем у Фадеева о грузовике для перевозки вещей из

Усолья. Слухи об американских магазинах. Агаша с козами в Звенигороде и Марья Алексеевна. <*Приписка*: Викторова (нашлась!)> Душевная мямля (Коноплянцев) и тяжкое воспоминание о нападении сыновей.

– Но тут уже не философия, а вера[121], а вера – это красный цвет. (Достоевский.)

«Жид и Банк господин теперь всему: и Европе, и просвещению, и цивилизации, и социализму, – социализму особенно, ибо им он с корнем вырвет христианство и разрушит его цивилизацию. И когда останется одно лишь безначалие, тут жид и станет во главе всего. Ибо, проповедуя социализм, он останется меж собой в единении, и когда погибнет все богатство Европы, останется банк жида. Антихрист придет и станет на безначалии»[122]. (Достоевский.)

– Победа началась в России, когда появилась первая банка с американской колбасой. Наелся человек и кого-то разбил...

Бог в подобии и Бог в отличии.

Вечером явилась Марья Васильевна.

28 Августа. Успенье.

Дела:

1) Звонок и добывание «хвостовика».

2) Поликлиника: мытье и перевязка.

3) В 1 ч. дня Преферансов (о гараже).

4) Ожидание Пети.

5) Отправление Вари в помощь сборам по переезду.

<*Приписка*: Все сделано. 1-го Сентября машина поступает в ремонт.>

Наука и искусство н*е*когда, не разделяясь, входили в религиозное постижение мира. После падения религиозного опыта наука сохранила из него свою специальную область: единство мира в подобии (законы), а искусство: безграничное многообразие мира (лицо).

С тех пор ученый рассматривает вещи в их соотношении, а художник в от-личиях.

29 Августа. Повесть Достоевского «Белые ночи»[123] совсем не содержит описания природы белых ночей, природа их целиком дана через людей, и гораздо сильней, чем если бы в повести шла речь непосредственно о природе белых ночей. На моей памяти это единственная повесть изображения природы исключительно в человеческих переживаниях.

В газетах о войне союзников демонстративно даются самые скудные сведения на последней странице петитом, по радио часто совсем ничего не говорят. Вместе с тем периодически поднимается волнами шушуканье против союзников о возможности мира с немцами. Тут все непонятно, и никакие догадки невозможны. Было бы очень тяжело жить так, если бы не уверенность в близком разрешении загадки.

Петя сказал, что некое обличие общества и государства держится сейчас остатками сил перегруженных работой людей, что как только эти люди после войны станут свободными, вот тогда-то мы и увидим, что у нас действительно нет ничего. – Вот я, – сказал он, – работал по 18 ч. в день, и вдруг ты меня освободил: и вдруг я почувствовал себя никуда не годным, как будто все вокруг меня развалилось и я ничего не могу и ничего не хочу.

Может быть, то непонятное исходит именно из этого «ада»? Может быть, поддержка упрека о 2-м фронте направляется туда в оправдание бедствий?

Наши победы – это сверх сил.

30 Августа. Ляля как только глаза продерет и сейчас же с вопросом: какой у тебя план?

– Идем к Гусакову, – ответил я.

И мы направляемся с утра в район просить материалов для гаража, стекол для квартиры. Всем этим ведает Гусаков.

Живу в Москве уже две недели, не видел ни одного человека, и странно! видеть не хочется. И чувствуешь, что, если и встретишь кого, ничего не узнаешь от него хорошего.

Это вечно сопровождающее меня жизнеощущение какой-то своей несерьезности, – ни слава, ни заслуги, ни ордена и ни годы не избавляют меня от какого-то живущего в сердцевине души моей шалуна. И в то же время, когда с умом вглядываюсь в людей, то в каждом выдающемся человеке вижу такого же шалуна, а те совершенно серьезные люди, перед которыми стыдно за шалуна, решительно все эти хорошие – люди ограниченные какой-нибудь нормой (шалун Гоголя и о. Матвей, Толстого и Чертков). Но больше! и настоящие святые, даже как пр. Серафим, ничем не ограничены и свободны совершенно в Боге.

Взятие Таганрога. Когда стали спускаться вниз, началась пальба, а когда спустились, кончилась: это был салют Москвы[124].

У Р-их. Мать игуменья ([подчинение] и сублимация). Результат сублимации: полная связанность нравственная. И Ляля как блудница. Ж. – очень страстная, но не очень умная. И какое положение мужа, когда жена в нравственном подчинении другого…

Я обрисовал необходимость художника быть перед Богом самим собой как единственному (монах).

31 Августа. Приедет в полдень Петя ремонтировать машину. Сходить к Треневу или Никулину по поводу стекла. Вопрос о грузовике. Вопрос о переезде в Москву Нат. Арк. и перевозке вещей.

<*Приписка*: «Детгиз».>

Вчера, спускаясь с 6-го этажа, мы, не зная о Таганроге, услыхали пушечный выстрел и подумали о нападении, и когда я первый отворил дверь, Ляля удержала меня: «выйдем вместе, пусть вместе убьет». Выйдя на двор, узнали о радости взятия

Таганрога и были по-своему тоже несколько обрадованы. Но через несколько шагов по улице увидели бледного молодого человека с повязкой на глазах, его вела девушка.

– И сколько таких! – подумали мы, и наивная радость о победе от нас отошла. И мы стали думать о радости чистой, без лица и изнанки.

В церкви. Под Успенье во всенощной прикладывались люди к большой иконе Успенья Божией Матери. А подальше от этой иконы висела какая-то маленькая, и, приложившись к большой, многие потом прикладывались к маленькой. – Это какая же икона? – спросила Ляля. – Введенье во храм Божией Матери: это Успенье, а то Введенье. – Какая маленькая икона! – сказала Ляля. – Так ведь, – ответила старушка, – ведь и Божия Матерь тогда была маленькая, может быть, всего по третьему годочку. – Рассказав это, Ляля заметила: – Вот вера чистая, как слезинка.

Но... вот вопрос: а если ум у тебя, то ты ведь должен этому уму, данному тебе от Бога, ты должен уплатить по счету. Можешь? плати и береги свою веру, или садись в долговую тюрьму. Вот Ж. и ей подобные и сидят в тюрьме. Для нее Ляля – это блудница. А Ляля о Ж.: «у нее не хватило ума, она ограничена». И тогда все переносится к суду над старцем: какое право имел он связать ум Ж.? поработить.

И дальше все распространяется на личность и массы.

Никто не имеет права вязать волю другого, или, напротив, всякий верующий должен вязать волю маловерного? И единственный ли это путь, быть овцой или пастырем.

Для овцы и пастыря это единственный, но есть, например, такое существо, как козел: овца глупая, а козел умный, овцу надо гнать, а козел идет, не думая ни об овцах, ни о пастыре: он идет сам по себе, и умный пастырь, облегчая себе труд, ставит козла впереди стада: козел идет сам по себе правильно, а за ним идут овцы. Так вот это и есть наше положение в церкви: мы, художники, ни овцы, ни пастыри, мы, как козлы, идем сами по себе, а за нами без всякого нашего старания идут овцы. Мы – козлы... нам нет дела ни до овец, ни до пастырей, а дорога наша одна.

Позавчера весь день шел мелкий дождь. Я ожидал перевязки перед комнатой № 29. В узкое щелевое окно от желтых стен тускло отсвечивало в полутемный коридор.

Меня перенесло в Петербург в осень 1902 года, на Пушкинскую в номер паршивой гостиницы. Я тогда с утра до ночи околачивал пороги Министерства Земледелия, пытаясь достать себе командировку в Данию для изучения молочной кооперации. Я понимал и в кооперации и в коровьем деле столько же, сколько и теперь. А в Данию хотел попасть, потому что узнал, что Она поехала в Данию. Я сходил с ума и напрягал все силы, чтобы это не заметили. И успел: после месячных хлопот я добился командировки в Данию. И когда добился, получил от нее письмо, в котором она намекала, что я с ума сошел и что если я действительно приеду в Данию, то она мне сделает что-то очень скверное. Это письмо сразило меня, я не поехал в Данию, бросил Петербург и... опустился на дно русской жизни. С тех пор так и жил до встречи с Лялей в 1940 г.: жил 41 год, чтобы опять бросить себя на счастье, бросил – и в этот раз все получил.

Вернувшись с перевязки, я стал рассказывать Ляле о Дании, она слушала, обрывая меня словами:

– Не говори, зачем мучиться, ведь я же с тобой.

И в заключение мы оба сказали вместе, что душевные страдания от любви все-таки труднее всего на свете.

Читаю Бунина и узнаю в тонком письме его тот же самый порок, которым и сам страдал некоторое время: этот порок состоит в особом эстетизме, похожем на любовь, о которой говорят, что если бы он (или она) любил ее меньше, так и она (или он) любили бы: какая-то сверх-любовь и какая-то сверх-поэзия. Эта любовь трудно любится, эта поэзия трудно читается.

Письмо Бунина изящное, но несвободное.

1 Сентября. Вчера опять и дважды праздновали, первый раз еще засветло взятие Ельни, второй в темноте – Глухова и других городов.

Пришел наконец основной московский житель и ввел нас в курс политики. Он говорил, что до зимы мы, вероятно, освобо-

дим Донбасс, а зимой пойдем за Днепр, что в случае катастрофы у немцев союзники, конечно, не обрадуются нашим успехам, что после войны наше военное государство станет против Америки в союзе с пораженными странами, с Германией, Францией, Польшей и западными славянами, и будем готовить новую войну лет через 15.

Становятся понятными мрачные народные настроения и неверие в победу в смысле возвращения хорошей жизни. В то же время понятно, почему с этими настроениями внешне смыкается и агитация правительства нашего в народе: правительство агитирует против оптимизма, связанного с победой союзников (Америки), т. е. против благополучия нашего через Америку, а обывателям этого хочется.

Делаю заключение свое. Мне думается, что мы вступаем в то же соотношение с миром, в каком была Германия в начале войны: все возьму (Германия) и все куплю (Америка)[125]. Теперь же и мы, голодные, побеждая, начинаем этот круг «все возьму» против «все куплю». Естественно, что в этих условиях возникает мысль о смычке с Германией, и значит, германская идея насильной переделки мира приходит к нам, как от нее же пришел нам социализм, и продолжается нами...

N. говорил: – До чего живуче в обывателе умонастроение, связанное с верой в законы морального развития людей к лучшему. Никак не хотят, имея факты перед глазами, думать о том, что законов этих не существует, что мы вовсе не движемся к лучшему, что никакой воли народной не существует, что народы попадают во власть случаев и личностей, что и ты сам живешь нисколько не более обеспеченным, чем любая птичка, вечно вертящая в страхе от нападения головку свою в разные стороны.

В Европе считают, что немцы, если оставаться в пределах разума, разбили Россию и вполне выполнили свою стратегическую задачу, но что Россия им все-таки не далась и что это надо понимать как «чудо». А нам, русским, так понятно это чудо. Оно состоит в том факте, что выдумать машину трудно, а пользоваться ею слишком даже легко.

Пример – фотоаппарат Лейка: нужно было пережить несколько сот лет фотографического опыта, чтобы выдумать Лейку, а у нас сделали Фэд по образцу Лейки в несколько месяцев, и еще наглядней пример ребенка, нажатием кнопки взрывающего гору. А к этому прибавить, [что] «чудо» случилось оттого, что человеческая капля, называемая личностью, в этом механизме под давлением других капель слилась, как вода, и масса человеческая действует покорно и сильно, как в гидравлических сооружениях вода. Коммунизм и есть распространение законов механики на человеческое общество. Немцы эту силу применяют в военном деле, но и то, наверно, с чем-нибудь в человеке считаются. А тут ребенок, взрывающий гору, ни с чем не считается, – вот и все «чудо».

Так является один из планов «Падуна»: река Выг, дикая, порожистая, заключается в машины, и ребенок, поворачивая ручкой, может управлять водопадом. Согласно с этим механизмом и люди организуются, вживаются в создаваемые участки и под предлогом коммунизма становятся механизмом.

2 Сентября. Война стала похожа на весы, одна чаша – мы, другая – союзники наши: чем наше наступление выше, тем ниже чаша союзников. Так что у нас весы, а немцы теперь на стрелку поглядывают.

То, что раньше мы понимали в народе отдаленной причиной, определяющей действия правительств, теперь никто об этом не скажет, что причина эта в народе. Но нельзя тоже назвать, как иные говорят, эту причину «шайкой»: действия «шайки» тоже определяются чем-то, но только не народом.

Определяющая сила этой войны находится в точке встречи всех сил истории народов всего земного шара, начиная от русского чернозема, кончая идеями Платона и т. п. Тут все сошлось в одну точку, и все мы брошены в действие, и никто не знает, к чему это действие выведет.

Но во всех планах жизни, для всех людей частных и общих теперь обязателен закон о том, что зевать нельзя, т. е. что хотя и ничего не узнаешь, но надо узнавать все, надо, определяя свои

действия, быть чрезвычайно внимательным к всей современности. Короче сказать, что всякий народ, может быть, и правда достоин своего правительства, но не всякое правительство исходит от народа, и что вообще не в народе тут дело.

Вчитывался в Бунина и вдруг понял его как самого близкого мне из всех русских писателей. Для сравнения меня с Буниным надо взять его «Сон Обломова-внука» и мое «Гусек»[126]. «Сон» тоньше, нежнее, но «Гусек» звучней и сильней. Бунин культурнее, но Пришвин самостоятельней и смелее. Оба очень русские, но Бунин от дворян, а Пришвин от купцов.

Сорвался было на войну, но Ляля заболела ангиной...

«Откровение помыслов»[127] – труднейшее и мучительнейшее в системе послушания. Но мы с Лялей с тех пор как встретились, так и живем 4-й год в состоянии полнейшего откровения, и это дается не только без труда, а прямо в охоту. И это потому, что у нас любовь. Ну а без любви какое же послушание, какое же откровение. Значит, потому так и трудно людям откровение, что нет любви.

Вчера я почувствовал крайнее нарастание того роскошного чувства к другу своему, которое в счастливых случаях кончается тем торжеством жизни, жалким подобием которого бывает у людей празднование победы с фейерверками.

Взят г. Сумы. Обычный фейерверк и некоторая степень безотчетного радования и удивления, как у детей. (У Ляли этого чувства нет.)

3 Сентября. Вчера встретился Дмитриев, и я чуть-чуть не бросился с ним на фронт. Удержала болезнь Ляли (ангина или дифтерит?) и некоторая одумка с опасением попасть в сомнительное общество. Сколько, наверно, жулья возле фронта, этих «живцов», не подлежащих военной механизации.

Слушаю по утрам радио о том, что какая-то баба, услыхав о победе, в ответ на это сделала две нормы, что ефрейтор Мил-

лер, перешедший к нам, высказался о неминуемой гибели дела Гитлера, и т. д. Прямо чувствуешь, как все на свете в процессе войны механизируется и как с этим борются люди, выходя в герои и в жулики.

<*Приписка*: Начало (смутное) попытки понять факт победы...>

Всякая власть (одинаково, и злата, и булата) сопровождается обезличением (писатель и читатель, а между ними издатель-властелин, писатель пишет не для читателя, он пишет для друга, это издатель-властелин создает читателя).

Значит, происхождение власти находится в неравенстве людей: более сильный, покоряя слабого, обезличивает его и делает рабом, а средства обезличения в существе своем одинаковы. Неравенство физическое – булат, умственное – злато.

В германском восстании (булата против злата) нас вначале радовало здоровое движение против злата («жида»), но дальше... Исход коммунизма, конечно, это борьба против процесса капиталистического обезличения: это равенство всех в материальном обеспечении: освобождение личности путем уравнения материальных возможностей. Не кажется ли нам это, как казалась кустарю злом каждая машина, вырывающая у него из рук хлеб? Не стоит ли перед каждым нравственная задача овладеть этим механизмом и направить его от злой силы обезличивания к обеспечению материальному личного начала?

Носитель истинного личного начала – христианин: не его ли теперь задача взяться за руль этого механизма и направить его к благу, сделать грядущую войну священной войной. Коммунисты, овладевшие властью, стоят перед этой задачей: вместить в свой механизм власти христианскую мораль без Христа, потому что Церковь христианская везде слилась с обезличивающим началом капитализма...

<*Приписка*: (Христиане с презрением отвертываются, как от дьявола. Так ли это?)>

Ход мыслей на улице: преподавание «Добродетели» – это шаг к обрастанию скелета коммунизма – результат победы.

Дальше будет замена государственных приживальщиков (стахановец и пр.) личностью.

Что же у немцев, ошибка или случай? Их ошибка была в недооценке России (сила или «чудо»), таилась в отрицательном отношении русского к власти («головешка»).

Русский смотрит трезво на власть государственную, т. е. что [это] необходимость, а не добро (не смешивает, не заменяет, не подставляет). Власть <u>гонит</u> на войну, но «я» тут ни при чем. Отсюда неограниченное послушание.

Смысл современных исторических событий таится в «чуде», т. е. в причине поражения немцев под Москвой. Понять «чудо» – значит понять Европу и Россию. Им (европейцам) непонятна победа из ничего. Наши пытаются назвать это чувством родины, но всякий знает у нас, что дело не в родине.

В деревне я бросаю курить, потому что табак мне <*зачеркнуто:* мешает думать> сокращает время: скоро устаю и после некуда время девать. В городе я дела делаю, живу накоротке от папироски к папироске, подгоняю себя папиросой, как кнутиком. И дела эти все обрываются и не связываются, дробная жизнь.

То, что убивает папироска, Толстой называл «совестью».

4 Сентября. Вечер проболтал с Гладковым. Начинаем борьбу за ремонт дома. Кончается ремонт машины. Вникаю в политическую бузу с союзниками. Повторяются те же настроения, как было перед концом дружбы с Германией. Десант в Италии. Доктор В. П. глаза вы[таращил], когда я дал ему «Правду» с разоблачением политики союзников (Баку).

Я сказал ему: – Наши победы там (у них) понимаются как чудо. Но посмотрите на борьбу нашу с Германией с точки зрения Бисмарка, помните? Германия активная, мужская сторона, Россия пассивно-женственная, – очень верно. Только почему же заключать, что муж в борьбе непременно одолеет жену? Не видим ли мы везде наоборот: муж, какой-нибудь дважды герой, возвращается в свой дом, и там герой становится ребенком, а

самая обыкновенная баба обходится с ним, героем, голеньким, без орденов, как с младенцем. Так и теперь с немцами-героями вышло: это баба их победила, и не как-нибудь символически, а самая обыкновенная баба, выполняющая в колхозе под управлением пьянчужки-председателя нечеловечески тягостную работу. Тут весь бабий секрет в стихийном терпении. Вот тут-то в дебрях тыла бабьего и таится то «чудо».

(Эта мысль требует большого раздумья с углублением в быт: напр., баба же не пьянствует, не распутничает, ждет, работает, рожает, и у нее дети, и тут открывается родина. NB. Мысль смыкается с наблюдениями детей на Ботике.)

Самое характерное в нашей стране от начала революции, когда начальники (Чапаевы) ходили в калошах на босу ногу, и доныне, когда иной начальник имеет лимит – 1000 р. на себя + на жену 500 р., и он и она в погонах золотых, – это что народ обходится с этим начальником не как с титулованной куклой, а как с живым человеком («Знаем мы, откуда вышел Калинин»).

5 Сентября. Все смертны, а личность бессмертна (потому что бессмертная душа имеет личную форму). Все люди смертны, а я человек. Все умрут, а я как-нибудь проскочу. (М. Пришвин. Родники Берендея.)

Сегодня собираюсь приехать в Пушкино, узнать, нельзя ли устроиться вместо Усолья в зверосовхозе.

Итак, борьба капитализма с социализмом содержит две правды: К – правда личности, С – правда общества.

«Чудо» (буду называть «Чудом» русский отпор немцам, в этом «Чуде» фокус истории). Для анализа «Чуда» надо (самое главное) понять психологически рабочую ячейку русского народа, т. е. взаимоотношения просто рабочего и его руководителя. Эти взаимоотношения на войне трансформируются в отношения солдата и офицера. Понять это – значит понять «Чудо».

«Приказ» немца своему подчиненному определяется культурной категорией немецкого общества «Pflicht». Как назвать подобное соподчинение у русских?

Из «Колобка»[128]: – А приказать? (спрашивает европеец) – Да, милый мой, приказать-то не у чего: кругом море, ветер, лед, Божье непомилование. Нет, приказать-то не у чего. Вот я и говорю: – Дети мои, надевайте чистые рубашки, молитесь. – И они за мной, как малые дети (пересказ «Колобка»).

Вот соотношение в рабочей ячейке перед грозной опасностью.

И так было в «Чуде»: немец не спасет, надо самим спасаться и слушаться. Вот наш «приказ».

А потому сопротивление отдельностей на словах есть лишь жужжание: а работают, значит, слушаются, потому что вокруг «Божие непомилование».

Итак, грубое, первичное соотношение рабочей ячейки:

1) чувство безграничной воли как реальность, 2) наличие самой жестокой необходимости (террор).

В этой борьбе множеству (не каждому) является путь обмана: улизнуть.

Вот отчего «героическая» борьба происходит в ореоле жульничества, плутовства.

Большая Мысль, дробясь, блестит, как электричество в коротком замыкании. Вот почему являются <u>блестящие</u> умы. А Мысль действительная приходит в молчании и тишине. Дробясь еще сильнее, Мысль переходит к умам практическим (техника, дипломатия, политика и т. п.). И так, все мельчая и мельчая, Мысль становится хитростью.

Признания А. М. Коноплянцева. (50 лет прожил с женой, не любя ее, но «компенсируя» себя короткой любовью на стороне, слабость свою прикрывая обязательствами к детям.)

Любовь к детям как сублимация большого чувства, потерянного.

Ездил в Пушкино к Пете. С трудом узнал Трубача. Зверосовхоз стал серым, но шкурок на продажу дает больше. Воспоминания о Шмидте: его презрение к русским и предполагаемая его одумка теперь (фашист до Гитлера).

6 Сентября. Русская смекалка и категорический императив.

Пришла повестка военной комиссии о докладе на тему «Русская смекалка и война». Я сказал Шурке-хозяйственнику:

– Русскую смекалку можно обернуть во все стороны.

– Совершенно верно: во все стороны.

И моргнул.

– Без этого не проживешь! – сказал я.

– Еще бы! пока нет ничего, я – Шурка, а как есть у меня: Александр Алексеевич.

И показал золотые часы.

– Какие часы!

– 30 тысяч! А вот ружье: 12 тысяч отдал. И на днях привез коленку.

Я не знал, что это, коленка, и не посмел сознаться в том, что не понимаю.

– Хорошая коленка? – спросил я.

– Ну!!

– А где достал?

– С Волги из Горького привез.

«Наверно, – подумал я, – это рыба».

– И много?

– 13 пудов.

– 13 пудов! значит, посолил?

– Живую привез, кормить буду, растить.

– Шура, извини, я не знаю, что это такое, коленка, – может быть, жеребенок?

Он опешил и даже отшатнулся, чтобы лучше издали ошарашить меня, и вдруг выпустил слово на «о» по слогам, как из пулемета:

– Ко-ро-ва!

– Молодая?

– Известно: коленка, телушка.

– Куда же ты ее дел?

– А на базу отправил.

Тут оказалось, что база его в Орехове-Зуеве, там живет его мать у дочери, а дочь замужем. А муж начальник N-отдела.

– Богатый?

– Ну, конечно, муж любит жену здоровую, а брат – сестру богатую.

– Шура, – сказал я, – признаюсь тебе, до сих пор не знаю, что это, N-отдел?

Он опять отшатнулся и ответил изнутри и убежденно:

– N-отдел? – это все!

– А!

И я понял как коленку: N-отдел – для Шурки тоже корова.

Так вот это все и есть «сметка» русская в одну сторону и в другую, в хорошую, как «нет худа без добра», «помирать собирайся – рожь сей» и т. п. народная мудрость. «Сметка» и есть элемент народной мудрости, свойственной земледельческим народам.

Против этой «сметки» женского рода и был направлен европейский категорический императив германского народа, начиная с дубинки Петра. И нас всех теперь изумляет, каким образом «Сметка» одолела «Императив».

Загадка разрешается тем, что для обуздания русской «Сметки» Сталин <*приписка*: сов. правительство> пользовался чисто немецким категорическим императивом, открыто и грубо его применяя (чего стоит один только штраф за опоздание на службу и т. п.). И все военные орудия и военная техника – это сколок с западных германских орудий и техники <*приписка*: где выработан категорический императив. К этому надо прибавить, что и царь Петр бил по сметке дубинкой>.

Таким образом, немец (европеец) своим категорическим императивом косвенно побеждает русскую сметку. И дай Бог!

Такова диалектика истории.

7 Сентября. Перечитал «Смекалку» и обрадовался себе: жив, жив Михаил Пришвин и в свои 70 лет.

Вчера была Магницкая, барыня, – как похудела! и отчего? исключительно от «внутреннего сгорания», от невозможности

отвечать в духе внешним великим событиям, происходит вместе с утратой благополучия утрата себя: внутреннее сгорание.

Пришел опять Шурка. Ляля завела было речь о своем сочувствии людям, умирающим от голода. – От голода! – возмутился Шурка, – какие же это люди, если умирают от голода: вот я бы никогда не позволил себе умереть от голода. – Мы засмеялись: Шурка от голода! Но он рассказал о себе, когда умирал от болезни и как одумался и в жару своем 40° пришел к начальнику, взял командировку за спиртом в Ярославль, привез спирт и опять слег. – И попользовался? – спросили мы. – Нет, из этого спирта прямо нельзя было попользоваться, но косвенно было: мне кое-что перепало, и я не умер с голоду. – Шура! ну, а если бы силенок не хватило? – А не хватило бы, так туда мне и дорога: я бы умер от болезни, а не от голода.

После ухода Шурки мы спорили с Лялей, она стояла на своей христианской позиции сочувствия умирающим от голода, а я, как Шурка, свое понимание христианства обращал против слабости.

Ляля устроила так, что я, здоровый, спал под одеялом, а она, больная, под своим пальто. Я по рассеянности этого не заметил и расстроился. Она же утешала меня тем, что меня плохо воспитывали. – Вот то-то, – возражал я, – что именно хорошо воспитывали, но сам такой, слишком здоровый: я [не] по нравственности, я по здоровью своему не заметил, а ты меня подстерегла и теперь торжествуешь. Обрати ты мое внимание на себя простыми словами, я бы рубашку снял с себя для тебя, а ты меня подкараулила и теперь торжествуй. Гнилая это мораль!

В религии тоже есть производители, те, кто не для себя обращается к Богу и через это сам создает для людей образ Божий, и есть потребители, кто этим самым образом Божиим пользуется для себя. Да так, впрочем, и сам Христос подал пример, кровь и тело свое отдав на спасение. И вот так создается промежуточный тип человека: он слишком здоров и слишком жить ему хочется, чтобы отдать кровь и тело свое за ближних, и в то же время не может быть просто потребителем.

Молчаливо появлялся,
Как роса на землю сходит,
Принимающая форму
Лишь тогда, когда коснется
До травы или деревьев,
Но невидимая смертным
В час прихода и ухода. (Лонгфелло)[129]

8 Сентября. Разгар борьбы за остекление квартиры.

Вчера слушал «четьи-минеи» времени от смерти патр. Тихона до соглашения Сергия[130]. И новый раскол. И опять антихрист (тогда царь, теперь патриарх).

Сущность православия была в том, что царь почитался как помазанник Божий, и новый раскол стоял за царя (старый против царя).

Так что большевиков никто и не обвиняет, а обвиняют Сергия, соглашателя. Все движение 2-го раскола чистейшая контрреволюция, как и 1-й раскол. (Так быстро движемся, что некогда назад оглянуться.)

Сергия спросили однажды, свободно ли делал он свое соглашательское воззвание или под давлением. «Под удавлением, – ответил Сергий». Верно ли? Может быть, Сергий не принял жертвенную смерть под тем предлогом, что он хочет спасти живых, что умирать по очереди легче гораздо, чем брать на себя позор выживания.

Есть в «Краю непуганых птиц»[131] у меня раскольница старушка, переход которой в православие в книге оправдан: настало время, когда стоять на старом можно лишь с угашением духа: жертва вышла из времени. Так, может быть, и у Сергия явилось сознание, что жертва его собою уже вышла из времени, что царя не вернуть (как хотели и немцы) и что новая церковь будет жить на тех же основах, как и в Америке и на всем свете. Быть может, это обязательство увязки церкви с царем носило характер раскольничьего упрямства, осложняющего идею соединения церквей. Одним словом, «жизнь за царя» в лице Сергия не удалась не потому, что Сергий есть подлец, а потому, что самая «жизнь за царя» вышла из времени.

Мой современник – это не тот, кто устраивается потребителем всего нового, а кто сам участвует в создании нового времени, кто на это душу свою положил.

Жертва принимается, когда пылает огонь, а если огонь погас, то жертвенный дар остается трупом животного. А пылающий огонь в жизни нашей – это время, нужно, чтобы жертва не вышла из времени...

9 Сентября. Капитуляция Италии[132]. По радио сказали, что этот успех – дело Красной Армии. И по случаю взятия Бахмута – фейерверк[133].

Борьба за стекло кончилась: у нас в квартире 19 кв. м стекла. Это большая победа. И еще, Петя почти доделал машину. Значит, за этот раз мы: 1) освободили Петю (спасли машину), 2) устроили жилье в Москве, 3) вылечили мою болезнь, 4) отвоевали лимит, 5) грузовик для перевозки.

10 Сентября. Воины Красной Армии вырастали в бою. Эта армия росла, как ком снега: мальчишки бессмысленные налипали и делались героями. Но так же путем сплющивания личности строились и каналы, и фабрики.

Но «личность» – это европейская личность, сплющивание относилось к такой личности, носительнице разумной формы.

Рядом с этим складывался отчаянный человек, кому жизнь своя пустяк – и это главный тип бойца Красной Армии. Вот этот отчаянный человек под давлением с выходом для себя (человек-воин in statu nascendi*) и есть тот самый чудотворец, сотворивший победу. И вообще этот русский ком (коммунизм в коме) для Европы подобен древнему азиатскому кому кочевников (и души кочевников).

Интеллигент – это прежде всего носитель культурных ценностей, их охранитель, значит, устроенный человек и тем самым обессиленный в сравнении с субъектом in statu nascendi

* In statu nascendi *(лат.)* – в момент зарождения.

(беспризорник). Так что Европа встретилась с Азией в борьбе интеллигента с беспризорником в самой России. Наша история и есть история этой борьбы, разрешившейся войной против немцев.

Теперь немец кончен, вопрос и для союзников, и для нашего правительства – куда деть и как прибрать к рукам «ком», навернувшийся за время войны.

(Создают под палкой, разрушают свободно: так и рос «ком».)

Вчера таскали снизу на 6 этаж стекло, одна девица воспротивилась нести свою долю, мастер дал ей в морду и, взяв у нее стекло, присоединил к своему и с трудом донес. Этот мастер возбудил сочувствие других, все ругали девку. Таким образом, начальник поднялся в глазах коллектива, а девка и в морду получила от начальника, и весь коллектив ее ругал. Этот пример мастер привел мне как образец русского «приказа» в сравнении с немецким. У немцев «приказ» действует сам по себе, независимо от личности начальника, у нас письменный приказ есть ничто без личности, проводящей его в жизнь.

11 Сентября. После карбункула грипп (от Ляли), да так вот и сижу в Москве, как в тюрьме, с салютом и фейерверками. После капитуляции Италии мысль вертится все вокруг «кома».

Помнить о строительной ячейке Беломорского канала, прообразе всего «кома».

Самое трудное из всего – это наладил машину, и тоже трудно остеклил квартиру и отштукатурил. Так что в общем дела превосходны, если прибавить лимит на 500 руб., обеспеченность переезда и пр. Но никакая, даже очень успешная практическая деятельность, ни свое здоровье не целит души моей, напротив, при таком успехе тупею. Но стоит написать даже маленький рассказик, вполне совершенный, как радость возвращается вся целиком. Значит, устроившись в неотложном, надо скорее писать «Падун».

Хорькова Тат. Вас., инспектор по нежилым постройкам пришла ко мне по делу устройства гаража. У нее газета, и в ней – что немцы заняли Рим. – Тем лучше, – сказала Ляля, – значит, немцы будут защищаться, значит, это 2-й фронт. – Ну, нет, это не второй фронт.

12 Сентября. Преодолевая грипп, выхожу.

Вчера узнал о состоявшемся Соборе и выборе Сергия патриархом. Самая ретивая антисергиянка при глубоком разборе времени не решились стать на раскольничий путь: – Но в церковь ходить пока не могу: слишком свежа кровь на руках патриарха.

Обращение Коноплянцева: у него это в крови было, вошло к нему православие в кровь вместе с церковными напевами, а старушки церковные – да это же его елецкие тетки родные: среди них он как в семье. И у всех-то них, множества таких православие выражается в такой смягченности духа, в какой-то приятной бытовой форме смирения с несколько, пожалуй, отрицательным отношением к трагедии: это, мол, взял Христос на себя – там у Христа или тут в Церкви Христовой это уже сделано, и к этому верующему человеку и надо припасть с сокрушением, а чтобы лезть самому на трагедию, как интеллигенты – это или болтовня суетная, или зло (интеллигентщина).

Вчера у Ляли была выходка против меня, ничего не значащая в существе своем и для нее непонятная в своем давлении на мой дух. Впрочем, я и сам всегда это знаю: ничего не значит! – но почему-то я очень страдаю. Дело в том, наверно, что я почитаю в себе какое-то идеальное существо, идеальное «Я», почитаю и культивирую с первого моего сознания (я – герой). <*Приписка*: NB. Православие против героя.> Это внутреннее самосознание иногда встречается с тем, что в этом внутреннем образе видят люди со стороны. Особенно это резко было, когда Илья Валуйский при встрече со мной осветил мне, как свидетель, мое поведение в 4-м классе гимназии в отношении Розанова[134]. Я почитал себя героем, почти что пострадавшим за грех мира, а оказалось, я был просто отвратительный мальчишка, получивший вполне по заслугам.

А еще было с моей Загорской семьей. Ведь я больше тридцати лет прожил с ними, и ни Петя, ни Лева не могут привести хотя бы одного примера моей несправедливости к ним, моей родительской ошибки в наказании: я никогда их не наказывал, жил как с товарищами и, помню, раз на охоте, усталый, пошел с чайником далеко вниз за водой только потому, что на меня выпал жребий. Мне все время казалось, что дети должны бы меня бесконечно любить. Но когда пришло испытание, они стали против меня, и я увидел ясно, что они меня совсем не понимают и только пользуются мной как источником их радостного благополучия. Тут и вскрылось, что такое мое благодушное отношение к детям было вовсе не подвигом, а баловством и мне самому давалось легко и доставляло самому удовольствие. И вся моя жизнь с семьей оказалась какой-то охотничьей поэмой, но никак не подвигом (вот православие-то и является коррективом такому геройству: там настоящее, а мы – шалуны).

Так вот почему, когда у Ляли бывает выходка, я серьезно расстраиваюсь: в это время мне кажется, что и Ляля является женщиной моего воображения, что она хороша, поскольку я творю ее, но я так много вложил в эту мечту, я всего себя вложил и с верой своей в Бога и в чудо. И когда колеблется этот образ, то и все колеблется, и я сам никто... И под конец всего приходит мысль о конце: вот где последнее испытание, вот где ens realissimus*, т. е. не в самом конце, а в том деле, которое венчает конец (Finis coronat**). Это я чувствую, и это меня обращает к действию, к борьбе.

Проведя день и переспав ночь на 13 Сентября, – пишу:

все это терзание похоже, как будто человек точит нож на свое счастье. Да так это и надо, только при этом надо, чтобы нож не попадал в любимого человека (как в ревности). Нож счастья должен быть направлен на узы, останавливающие движение духа, и в этом случае, конечно, узы мои в себе самом.

---

* Ens realissimus *(лат.)* – реальнейшее сущее.

** Finis coronat opus *(лат.)* – конец венчает дело.

Между прочим, мои выходки происходят исключительно из попыток выйти в несродную мне область прямого воздействия на среду: я могу воздействовать лишь путем примера творчества образа, воздействующего косвенно, но не прямо в определенное лицо (я не педагог).

В природе нет ничего такого, чего нет в человеке: зайцы, крокодилы, цветы, червячки, – все, все это есть и в нас. Но в человеке, в личности есть нечто не существующее в природе. Так точно и в обществе, казалось бы, не должно бы содержаться такого, чего нет в личности, но мы знаем обратное: общество действует часто силой, которая отсутствует в лицах, его составляющих («сила греха»). Личность, имеющая определение в Боге, имеет против себя эту силу легиона (дьявола).

Ночью царь Петр приходил ко мне как определитель коммунизма.

В каком ужасном бедствии Италия! а занятие немцами Рима и создание мир[ного] правительства – это похоже на удар ножом в себя: после Дании стало определенно плохо положение немцев[135], а после Италии – началась агония.

<*На полях*: Самый глубокий тыл – это ребенок, и пусть он и не далеко от фронта и даже на самом фронте, но детская душа, если она действительно детская...>

Вчера приходил Яковлев, рассказал, что находит утешение писать в Информбюро очерки по 4000 букв по 150 р. Пишет он о тягости жизни народа, нашел семью, живущую в ящике. Можно сказать в точности, что он сам как писатель живет в ящике. Но одну вещицу о детях я должен тоже туда же дать и потом напечатать в «Красной звезде».

В четверг 16-го предполагаю выехать с Петей в Усолье и там ожидать Лялю на грузовике.

Говорили о Скрябине, что держал в уме музыкальным действием перестроить мир[136]. Кажется, сумасшедший? но кто из

настоящих художников, может быть, и бессознательно, не живет этой мечтой. И может быть, оно так и происходит с извечности: личности производят свет, и все, ими сделанное, ложится в свет, а легионы создают тень, и все их ложится в тень.

В субботу у нас была Хорькова, инспектор нежилых построек. Обещалась найти мне гараж, а я подарил ей «Жень-шень». Сегодня мы с ней ходили смотреть гараж. – Вы прочли «Жень-шень»? – спросил я. – С большой радостью прочла, – ответила она, – а что эта женщина возле вас, – это ваша дочь? – Нет, представьте себе, это моя жена. – Она много моложе вас. – Это ничего, наш брак не во времени, это ведь женщина из «Жень-шеня». – А! понимаю: там две женщины, это ведь первая. – Да, первая, но она пришла после второй. Она пришла, когда я написал книгу, пришла сказать мне, что книгу поняла как призыв. – Вот и я так поняла. – Вы так поняли? это прекрасно, и я, значит, могу вам сказать, что это пришла действительно та самая женщина, которую я вызывал. Ее приход был для меня победой над временем, как я вначале вам сказал.

По приезде в Усолье вопьюсь в материалы «Падуна» и начну работать на ходу. Присоединить в «ком» Вл. Евг. Филимонова (его стихи тоже).

Ком людей, который навертывался при постройке канала, в настоящее время вырос в Ком, разбивший немцев. Помнить, что коммунизм как механизация государства – это не все: ведь механизация и у немцев, но «Ком» разбил немцев. Этот какой-то плюс (или минус) надо открыть в людях действующих.

Работа должна быть направлена к освобождению себя от «мыслей»: так освободиться от «мыслей», чтобы осталось только движение, увлекающее за собой даже простейшего читателя. Это путь «будьте как дети».

Центральная мысль – это «да умирится же с тобой и покоренная стихия», т. е. творчество мира.

Дела до отъезда:

1) Заправить дело с ордером на гараж (остальное поручить Ляле).

2) Сходить в Информбюро (позвонить) завтра.
3) Военное общество: порох (откладывается).

NB. По примеру, как было в работе по фотографии, взять всю работу по архиву, т. е. размещение всех приходящих бумаг, рукописей и т. п. в свои руки.

Говорят, на рынке появились страшные люди, это инвалиды с костылями, сидят и чуть что – костылем (кому костыль, кому орден).

Решено выехать в четверг 16-го мне с Петей на заготовку овощей, а Ляля приедет на грузовике между 20 и 25. По приезде Ляли отправляем тещу с грузовиком, а сами в Ярославль.

Итак, мы выехали из Усолья в четверг 19 Августа и возвращаемся в четверг 16 Сентября. За этот месяц без 3-х дней сделано следующее:

1) Ремонт квартиры.
2) Освобождение Пети (шофера).
3) Добыча хвостовика и пр. ремонт машины.
4) Гараж в Москве (свой).

14 Сентября. Каким-то хозяевам, собственникам в Америке[137] выгодно, чтобы нас, русских, расстреливали больше и дольше. Может быть, по <*зачеркнуто*: Божьему> высшему суду истории мы заслужили такой казни, но как понимать, за кого считать тех существ, кому выгодно уничтожение русских с их детьми и стариками? Пусть они действуют, как палачи, не своей волей, пусть даже и погибнут все славянские народы на счастье американцев, как погибли индейские племена, можно ли современной мыслящей личности молча и в этот раз пропустить в будущее такое счастье и не погрозить кулаком самому богу этого счастья?

Так почему русский писатель молчит, будто набрал в рот воды, и жалким плутом юлит возле казенного пирога? Почему, получая лишь возможность существовать, удовлетворяется этим существованием и не встанет на защиту не призрачного счастья людей, основанного на истреблении себе подобных, а настоящего счастья, подобного солнцу.

Счастье? да ведь это же, конечно, солнце, перемещенное в душу человека. И как солнце человеку нельзя ни обнять, нельзя даже прямо и посмотреть на него, а только погреться, порадоваться около него вместе со всею тварью, так и наше душевное солнце, наше счастье нельзя сделать собственностью. <*Приписка*: Вставай же, Слово, вставай, русский писатель.> Так будем же к счастью стремиться и выситься в нем, как дерево, как трава в цветах, будем счастливы, отдавая душу за други свои.

Так в повышенном тоне... а если про себя сказать, к себе самому отнести все и спросить: ты-то сам, Михаил, как все признают, «настоящий» русский писатель, почему ты-то, все сознающий, набрал в рот воды? Если ответишь, что тебе не дадут сказать и зажмут рот, то ведь это же неправда: пойди к самым высшим людям, откройся, закрепись в верности, согласись с ними, и тебе все разрешат. Или, может быть, ты согласиться не можешь, или ты пугаешься согласителей? Или страшит тебя голос совести, отвечающий на готовность твою такими словами: – Скажи, Михаил, если ты встаешь против будущего кровавого американского счастья, то вспомни время, когда за будущее счастье свое пролетариат поднял руку на близких тебе по крови и мыслям людей, призывая к полному их уничтожению. Тогда ты не мог примкнуть к строительству такого пролетарского счастья на крови, – так почему же теперь ты хочешь согласиться с этим пролетариатом восстать против будущего американского счастья?

Не знаю почему, а хочу: это факт!

Вечером приехал Петя. Заехали в гараж и попали в ловушку, едва выбрались.

Мальчишки во дворе церкви Ивана Воина. Какая дрянь! и как смешно, что их хотят сделать хорошими преподаванием добродетели.

В. думает, что Гитлер достаточно силен, что он нам еще покажет, но в конце концов будет разбит.

15 Сентября. Ходили к горловику. Лялю будем лечить гомеопатией.

16 Сентября. Выехали, как задумали, в 8 утра. Приехали хорошо.

17 Сентября. Поехал с Петей в Нагорье за маслом. Секретарь ВКП Павел Иванович Иванов, бывший учитель. Привез масло, сыр, и стало веселее.

С Петей целый день о теще, чтобы увидеть в Пете свою жизнь, как в зеркале.

Сколько на земле счастья было загублено тещами![138] и все потому, что мать сохраняет свое право на дочь, как на собственность. Диктатура тещи означает окончательный распад семьи: безвыходность материнского чувства создает забор собственности на личность.

18 Сентября. Петя ушел на глухарей. Я у директора получил ордер на 150 к. капусты и 20 к. свеклы. (Гора с плеч.) В походе за капустой узнал, что взят Брянск.

19 Сентября. Утром собрал маслят на обед. Глядя в Петю, как в зеркало, увидел, что теща действительно, как я думал про себя, есть вампир-мучитель своей дочери и через нее и мой собственный. И прав Петя, говоря, что в этом мучительстве нет креста: стоит только нам устроиться отдельно (средств больше чем надо), и все будет хорошо. Я попробовал для проверки себя провести такое рассуждение. «Теща» в нашем современном понимании как всеобщая категория мучительства семейного потому только и мучит, что дочь у нее единственная, и право на ее личность она предъявляет лишь потому, что она ее родила. «Теща» в этом случае является последней материальной претензией разложенного рода. Недаром и Ляля постоянно в спорах с ней выступает противником родового начала. (Теперь все понятно: в лице тещи кончается заповедь Адаму «в поте лица работать» и Еве «в болезнях рождать», доколе не придет Утешитель. К Ляле Он уже пришел, – она живет в Новом Завете, а теща живет в Ветхом.)

– В этой капле воды, Петя, – сказал [я], – отражается вся мировая история, поэтому нельзя успокоиться простой эгоистической формулой, как это все делают в Америке, что если

муж берет себе в жены дочь, то мать ни в коем случае не делается членом семьи. А если жизненные условия, как, напр., у нас теперь война, и вообще мало ли что! вынуждают жить с тещей, то вот тебе и крест из-за любимого человека.

– Может быть, где-нибудь крест, – ответил Петя, – но в твоих условиях я не вижу этой необходимости. При твоих возможностях ты всегда можешь отделиться, отделишься – и возникнут превосходнейшие отношения. И если ты на это по деликатности, по особенной любви твоей к В. Д. не решаешься, то ведь она-то, любящая тебя, должна по своей инициативе устроить тебя, дать возможность работать не только для дома, а и для всех.

– Она, – ответил я, – только об этом день и ночь думает, но в этих условиях войны ей трудно было сделать.

Вечером хватила лихорадка (не малярия ли?). Принял аспирину, улегся и беседовал с Петей. – Какая у тебя, Петя, прикосновенность к народу, и как мало ты соприкасался с интеллигенцией. – В моем прикосновении к народу всегда была двойственность: меня в народе всегда, от детства до нынешнего дня, травили за интеллигентное происхождение, за тебя.

[В Следове у него было положение подростка (Достоевский).][139].

«Детские» сюжеты (взрослые как дети): 1) Зажигалка (как я прописался в Москве). 2) Коньяк (наперстки пил директор). 3) Автограф.

20 Сентября. Ездил в Переславль и выдержал борьбу за молоко. Впечатление от Собора[140] в Москве – ничтожно, с иронией – и как это сильно в народе, и серьезно. Точно так же и от нового школьного распорядка[141]: что немного спустя «все зажмут» и так это надо, хорошо. И что так это будет во всем и везде после войны: и в Европе, и у нас страшнейшая реакция.

Вчера мельком просмотрел свою книгу «Скорая любовь» и почувствовал, что эта моя «старушка» больная стала и брошенная. Берись, Михаил, за дело, и все станет на свое место.

Часа в два мы ждем из Москвы Лялю на грузовике. Возможно, она приедет с расчетом сложиться сегодня и выехать завтра. Я думаю, что она останется со мной, а Петя уедет в помощь теще. Я начну работу о детях, Петя же получит октябрьский бензин и вернется числу к 10-му Октября. Тогда мы сделаем поездку в Нагорье и в Ярославль.

К 10 октября кончить «Соловья»[142].

23 Сентября. Предчувствие реакции в Европе и у нас и видение всей картины русского бунта от «сами-сами комиссары, сами председатели»[143] до последних выступлений православной церкви с Сергием. Так и прошло это время от безбожия личности, освобожденной от долга, до признания всеми необходимости долга и ограждения внутренней, священной личности от самоволия внешней.

24 Сентября. Ездил в Переславль определять Петю в лесничество.

Религия долга и религия личности. Как на наших глазах явилась религия долга...

25 Сентября. Ждем Лялю. Пишу «Ботик». Фотографирую. Устраиваю Петю.

26 Сентября. Петя, вижу, Ие ничего не обещал и требует от нее свободы себе. С точки зрения Левы, это безнравственно. А по себе смотрю: да ведь это точно то же, что и у меня. Чувствуешь, что не то, а жить надо, и решаешь на «пока»: буду честнейшим семьянином условно: пока не явится настоящая. У Ляли было то же самое. И у огромного большинства, и если «всех» поощрять в их опытах на «настоящую», то будет блуд. Значит, для избранных можно нарушать браки, для всех брак нерасторжим. Но чтобы попасть в «избранные», надо быть избранным во Христе, который и есть единственный отделитель козлов от баранов.

Я почувствовал что-то приятное и захотел проследить – отчего это? Причина всегда бывает рядом, и оказалось, что ря-

дом с приятным ощущением была теща! «Неужели, – подумал я радостно, – это оттого, что она последние дни не раздражала меня и я ее начинаю любить?» И только подумал об этом, как вдруг вспомнилось, что она сегодня сказала мне о 1000 руб., собранных ею за мои фотокарточки! Так часто бывает, что в глубине нашей любви бывает скрыта корыстная причина, и мы забываем ее, и кажется нам тогда, что любовь – это чудесное чувство. Но, а может быть, и самая святая любовь тоже расцветает от чего-нибудь приятного себе, как в тепличке расцветает цветок оттого, что где-то топится печка.

27 Сентября. Писал о Ботике. Снимал баб. Тревога о Ляле.

28 Сентября. Сентябреет. Наступают длинные ночи. Приходит в бессонный час ясное сознание, что пора выделить из жизненной суеты и никогда не смешивать с ней свою абсолютную, независимую от суеты точку духовного зрения, откуда, с высоты, все понятно. После утром оказывается, что как раз же для этого и существует молитва, и каждый день утром ведь именно же об этом я и молюсь: «да будет воля Твоя на земле, как на небе». И еще я сам свою молитву направляю о том же: «Исполни волю Твою во мне».

Топится печь – наше солнышко, и под ним все живет. А чтобы жизнь сохранялась и процветала, над всем небо, как крыша в доме. И по этому образу и мы тоже, [посылая] солнечный огонь из себя, строим над нашей земной любовью крышу...

29 Сентября. Ночью (вчера) темной кто-то подкрался к нашему дому и трехгранным шилом исколол новую резину на моей машине, а сколько трудов положено было на эту резину (Ляля чуть не погибла из-за нее при налете на Ярославль). Подозреваем Кононова, но, может быть, и мальчишки. Теща сегодня спросила их, что они делают, а они, оказалось, «вешали немца», так почему бы им и не исколоть будто бы вражескую машину.

Не нужно только думать, как часто думают старые люди, знающие по опыту, с каким трудом и болью скоплялось добро и как, значит, трудно будет его восстановить. Это неправда: когда собиралось добро, труден был путь к неизвестному будущему, а раз оно было, имеется уже образ его, то восстановить бывает не так-то уж и трудно: так сгорают в деревне дома, – каких трудов многолетних стоило их поставить, а когда сгорят, дома в один год вырастают и еще даже лучше.

Так и гиблые нравы войны: тут вдруг дунет правдой, и пойдет, и пойдет все расти.

30 Сентября. Солнечно-морозное утро.

Рассвет в золоте. Потом золото бледнело, а внизу небо полоской голубело в тумане, и потом из голубого на бледное золото начинали показываться черные зубчики леса.

«И на дела Твоя подвизаюсь...» почему так выходит, что принимаешься за работу по плану и вдруг не хочется по плану: вся душа против плана, и знаешь по старому опыту, что если пересилишь себя, сделаешь по плану, но как не хочется, то погубишь дело.

Вот тогда получается, что по плану, или, что то же самое, по закону, то это – легче сделать, а отдаться в своем «хочется» милосердию Божию, то все и получится, как надо. И так в этом смысле планы и законы для того как будто и создаются, чтобы их нарушать. Планы и законы как будто служат препятствиями с испытанием на героя: не посмел против плана-закона, и ты обыватель, возвращайся на печку, разбил – и ты герой и даешь бедным слабым людям новый план и закон, чтобы они породили героя, могущего их снова разбить.

Таким нарушителем является Иван Царевич, нарушающий девственность Спящей Красавицы. Такой нарушитель и Христос, смертью своей попирающий Ветхий закон, т. е. смерть.

И так все в мире живет и бьется с законом и планом. И так было немцы пошли против закона и были разбиты, потому что не могли перешагнуть через свой собственный план.

1 Октября. В темноте до рассвета моросит теплый дождик.

Слова молитвы тогда только живут, если от каждого повторяемого ежедневно слова ежедневно является новая мысль, т. е. мысль или содержание слова показывается в новом плане; если же слова повторяются механически, то они могут вызвать изнутри даже крик...

Со мной это бывает в лесу и на улице при встрече с чем-нибудь, что «мозолит» глаза (пошлость) – является при частом повторении, навязывании, тогда как, наоборот, Мысль рождается [при] встрече глаза с от-личием: «новое» и все удивительное и чудесное, чего никогда и никто еще не видал и только ты, счастливец, сей день и сей час и сие мгновенье заметил – вот это явление Бога, озаряющего мир, в нашем восприятии осуществляется вниманием, организующим выбор, предшествующий открытию от-личия, т. е. лица. А как увидел, узнал лицо среди рож, то тут-то как раз и встает вокруг заря от лица Божия.

А бывает, не отличие встречает глаз, а наслоение, уничтожающее в безнадежности всякую возможность в этом увидеть лицо, – тогда в лесу я тихонечко, иногда шепотом кричу, напр., «Ляля!» – это значит в сущности крик ребенка: «мама, спаси!»

3 Октября. Вчера, не спав ночь ни минуты (из-за «Плюшкина»), встал в 5 у. и в 8 у. выехал с Петей в Москву. В Переславле Петя получил назначение, к вечеру приехал в Москву, встретился с Лялей, будто из ада выбрался в Рай.

4 Октября. Пока наши будут переезжать, буду работать усердно над «Ботиком», мять свои эскизы и сплавлять в цельную вещь. После того крепко берусь за «Падун» и подчиняю этой работе всю остальную жизнь крепко.

Рассказ для детей: Добро.

Развить рассказ о добре: Ляля: посажу себе три мешка и четвертый на добро: раздам бедным. – Зачем же загадывать: ведь если приблизится необходимость, можно и свои три мешка отдать бедным. – Это что! а приятно добро загадать и сделать. Вот Елена Исааковна: Рассказ о дяде Степе: у трамвая болел голодный зеленый старик. Дала ему денег и хлеба. Ехала: а он все стоит на том же месте. – Поехала к его родным: Дядя Степа!

5 Октября. Написал «Козочку»[144]. Ходил к Катынскому.

Петя достал грузовик для перевоза тещи, завтра приедет из Пушкина.

Истоки добра в личном почине. Личный почин (инициатива) является источником добра. Значит, нет добра без личной свободы. Можно заставить другого делать добро, но нравственный счет добродетели в этом случае будет приписан не тому, кто непосредственно его делает, а тому, кто принудил. На этом пути принуждения к добру возникает богоборчество: принуждаемый борется с принудителем за свою личную инициативу. На этом пути борьбы за себя бывают победы человека над Богом, и зачинатель принуждения летит в ад (дорога в ад устлана добрыми намерениями). Так что в богоборчестве борется собственно не сам Бог, а тоже человек, берущий на себя поручение Божие.

– Из-за любви ко мне брось курить.

– Ты меня к этому принуждаешь, и я не могу. Оставь меня принуждать, я почувствую, что от себя надо бросить, и в этом «надо» (от себя) будет любовь.

Не буду пить, если не будешь запирать водку (иногда выпью), но если запрешь водку, я взломаю замок... и т. д.

Есть наслаждение, свойственное женщинам, делать добро, и они этим наслаждаются в ступенях своего умственного развития и темперамента: так вот императрица Александра Федоровна, желая сделать добро раненым, пригласила в лазарет для богослужения первейшего в Петербурге дьякона. Добро такое, как пасьянс, обеспечивает душевное спокойствие и делается для себя.

Истинное добро совершается без загада, а выходит само как следствие из общей правильной организации личности. Истинное добро совершается без загада, всегда мгновенно в свете озаряющей находчивости (правая рука не знает, что делает левая)[145]. Добро как правильная, разумная деятельность есть общественная деятельность, благотворительность – дело полезное, как здравоохранение и т. п. Так что есть два рода

доброделания: 1) добро как личное творческое усилие, 2) как общественная деятельность.

6 Октября. Бензину 270 литров.

Грузовик с вещами и Лялей из Пушкина и обратно в Москву с вещами + Петя + Н. А. + Варя = 170 км. = 80 лит. Ляля остается в Усолье. Легковая с Петей, Варей и мною в Усолье – 30 лит. Итак, остается в Усолье 270 – 110 = 160.

7 Октября. Решено так:

8-го октября мы с Лялей едем в Пушкино к Пете угощать директора Совхоза за грузовик: ½ лит. водки + 1 бут. вина; будем уговаривать директора отпустить жену Пети Ию. 9-го я возвращаюсь в Москву, а Петя и Ляля едут с вещами Пети в Усолье. 10–11-го грузовик привозит Петю и тещу в Москву, а Ляля остается в Усолье дожидаться меня. 14-го забираем бензин и с Петей уезжаем в Усолье и оттуда, если будет бензин, в Ярославль.

Итого у меня рабочих утр: 8, 10, 11, 12, 13 = 5.

8 Октября. Войска перешли через Днепр[146]. Начало конца войны (очень всем уж хочется). Выделываю «Рассказы о прекрасной маме» (это будет книга). Если не будет отказа из Пушкина (директор), увожу Лялю в Пушкино для дальнейшей поездки на грузовике. Решено открыть новый фронт: борьбу за здоровье Ляли (стрептококки заели). Чуть заболеет, и сердце отрывается: вот что значит поздняя любовь.

В «Известиях»: при Совнаркоме Синод. Фото войны со священником и у священника крест.

9 Октября. Увез Лялю в Пушкино. Партиец Команов (директор совхоза) секретно сообщил, что бои происходят на улицах Киева, что война кончится скорей, чем мы думаем. (Посмотрим.) И что Киев горит.

10 Октября. В существе человеческих характеров таится война, и она всегда начинается, когда к одному человеку приходит другой, за исключением тех случаев, когда сходятся

люди по любви или по необходимости обоюдного подчинения третьему (напр., закону). Если же нет ни любви (Бога), ни соединяющего, ни закона, то они дерутся между собой и разбегаются, и разъезжаются (и как хорошо бывает потом, разъехавшись, друг ко другу в гости ходить).

Так если об этом подумать, то ясно становится, что революция должна кончиться непременно войной, революция – люди разъезжаются, как кому хочется жить. Война – люди соединяются в одно, подчиненные военному закону (надо было в революции дойти до последнего распутства, чтобы потом диалектически вышел тигровый прыжок через Днепр).

Закончил «Рассказы о прекрасной маме».

Делает то, что делается.

Я не знаю... Нет! в своем возрасте и положении я должен знать, да... Говорите, спрашивайте, я должен дать вам ответ.

Пробую перо, чем оно плохо? не подает чернила и мажет.
Не можете ли сделать, чтобы перо тоньше писало.
Так сделайте это.

12 Октября. Война и мир. Вчера шел по Якиманке нанимать гараж, радио передавало военный марш, меня он подхва-

тывал, я воображал себе тысячи товарищей, совершающих со мной под марш смертный тигровый прыжок через Днепр. И радостна была мне эта воображаемая смерть под военный марш.

После марша радио передавало вальс Штрауса, и я с войны перенесся на бал и плавал там в круглых волнах на сладкой воде с прекрасной женщиной. Так, пока я дошел до церкви Ивана Воина на Якиманке, в районной музыкальной радиопередаче кончилась война и начался мир, потому что война в музыке – это марш, мир – это вальс.

13 Октября. Был на конференции Союза писателей. Открывали съезд два плута: Толстой и потом Тарле, речи были на высокой ноте патриотической и национальной. Тарле, увлеченный военным маршем, прославлял «Капитанскую дочку» как образец исторического романа на весь мир. – А что у «них»? – спрашивал он и отвечал: – У них Фейхтвангер, – упустив из виду, что у них был Вальтер Скотт и что сам Пушкин в «Капитанской дочке» признавал себя учеником Вальтер Скотта[147].

Толстой говорил, что у нас в литературе сейчас замешательство, как в 18–19 гг., и что это скоро пройдет, и что необходимы новые формы, и это должна сделать критика: – Не рождается Белинский, надо его сделать. Надо в музее Горького посадить высоких [критиков] по литературе, и они будут судить строго произведения писателей, а писатель суда их [чтобы] боялся, пусть у писателя будет страх Божий (так и сказал, только потише и в сторону).

Если будет «Падун», то, отвечая времени, можно вместить в роман больше истории (раскол – Выговская пустынь)[148].

15 Октября. Вчера читал «Прекрасную маму» Замошкину и отдал в «Новый мир». Вечером снес ее в «Красную звезду». Сегодня отдам в Радиоцентр. Словом, в третий раз делаю литературную карьеру: 1) 1905–1917 = 12 лет, 2) 1917–1941 = 24 г., 3) 1941.

Вспоминаю речь А. Н. Толстого: «Не рождается Белинский, – сделаем его» – и каким способом! посадить критиков в Музей Горького и дать им право суда, чтобы писатель имел страх Бо-

жий. Вспоминаю и ясно вижу, что Толстой глуп, и вообще он нищий в принцах: пустое место.

Марья Алексеевна обратила мое внимание на некоторую устрашенность Ляли в отношении жизни и вследствие этого упование на иную жизнь где-то «там». Такое разделение происходит под действием страха к жизни и по существу своему иллюзорно. В действительности «тот мир» («загробный») существует в здешней жизни, и мы можем, если захотим, жить в нем на земле (монашество). Между прочим, одна из основных черт верующего православного – это бесстрашие в отношении извне действующих на человека враждебных сил и радость внутри. Не хватает православному воинственного отношения к враждебным силам (пассивное отношение, компромисс). Но можно надеяться, что война подвинет к этому русских людей.

К «Падуну»: Один из планов «да умирится же с тобой» и пр.

<table><tr><td>Сюда:</td><td>{</td><td>раскол – православие
народ православный – большевики
Лагерники – канал</td><td>Сейчас происходит это умирение на поле битвы.
Мишка – предатель,
Мишка – герой.</td></tr></table>

Тоже к «Падуну»: вчера говорили о том, что Бунин, Чехов и Ценский объединены в себе маловерием и неудовлетворенностью вследствие этого. Так вот это-то маловерие и было признаком неизбежности гибели старого мира и победы большевиков. В «Падуне» все герои должны погибнуть, потому что лист на деревьях пожелтел и должен опасть. И смысл всего, что на смену опавшего листа должен новый родиться (герой, воин). Зуек и будет этот герой (а раскольница мать его).

Какой-то святой (говорила Марья Алексеевна), узнав, что какой-то человек, попав в новое место, пострадал от волков, высказал такую мысль: новое место на земле человек должен выстрадать (вот так мы выстрадали Усолье и потому его держимся).

– Не всегда, однако, – ответил я, – следует отдаваться такому страданию. Вот сегодня я поехал на трамвае, меня в нем давили, душили, и когда дошло до того, что еще бы потерпеть и, пожалуй, задушили бы, я, собрав силы, локтями растолкал толпу, кому в ухо попало, кому в бок, кому ногу отдавил и выбрался, и обрадовался воздуху и пошел с песенкой.

– Вот-вот, – подхватила М. А., – это показывает, что воевать нужно, как нам этого не хватает в православной церкви!

– Нет, – ответил я, – моя мысль не в том, чтобы воевать, а в том, чтобы иногда, прежде чем решиться идти на страдание, надо подумать, нельзя ли в этом случае обойтись без Голгофы. Я именно вот необходимостью терпеть и успокаивал себя в трамвае, но когда подумал, то оказалось: мне стоит сойти с трамвая, идти пешком, и мне будет хорошо: ходить я люблю, времени много, для чего же Голгофа? Вот в этом-то и есть смысл и оправдание революции и ее рационализма, революционер говорит: – Мы не против Голгофы идем: всякая новая мысль человеку дается страданием. Но мы восстаем против слепой Голгофы, или бессмысленного страдания[149]. – Так вот и я в трамвае был: зачем, подумал я, мне страдать в тесноте, если я могу сойти и с песней от удовольствия шагать по ночным улицам, любуясь при месяце городскими огромными и резкими тенями.

Революция именно и освобождает нас от слепой Голгофы, предоставляя каждому мыслящему и верующему человеку переключиться в смирении своем от человека к Богу через посредство просто разумного начала жизни: подумай и раздели свое существо: высокое божественное начало свое смиренно приведи, как Сын Божий, в связь с Отцом Небесным, а кесарево включи в разумную связь всех вещей на земле. Смысл этой заповеди, впрочем, состоит не в разделении единой личности человеческой, а в устранении постоянно совершаемой подмены божественного начала смирения в страдании, порождающего в человеке свободу и радость, смирением раба перед человеком-господином или обществом подобных господ. Вероятно, в этом-то и состоит тоже смысл отделения церкви от государства: все, что зависит просто от человеческого разума, должно относиться в область государственную, а самоопределение личности относится в область божественных начал жизни.

16 Октября. Ходил к Леве. Добрый парень, с него три семьи три шкуры дерут. Как жаль, что он показывается Ляле таким ежом и дураком.

Мелькнуло «Прекрасную маму» искать не среди детей в их творчестве, как было на Ботике, а среди старух, и вообще написать «Старухи» и среди них Богородицу. Каких героев я найду среди них! и каких собственниц, Кащеевых матерей!

Старухи на фоне войны: от Кащеевой матери до Богородицы.

Старухи – это гениальная тема. Старики – это нельзя. Мужчина исполняется в деле: отработался и на помойку; но женщина исполняется в любви, и в этом женщина растет, и самая Богородица в понимании русского православного народа почитается не как дева, а как матушка. Одним словом, старушка Божья Матерь как старушка доступней русскому сердцу, чем Божья Матерь.

17 Октября. «Прекрасная мама» принята с восторгом в «Красную звезду». Это значит, что в моей 3-й литературной карьере сковано звено. Итак, 1-е звено было получение ордена в день рождения, 6-го Февраля 43 г., второе – это мой юбилей в мае, и 3-е – выход «Мамы» в «Красной звезде» 18 Октября.

Радует меня по следующим причинам: написать в газете на читателя всей страны и от себя, по-своему, не уступая ни в чем себя «заказу», было тайной мечтой моей – и она осуществлена. Еще радует меня как доказательство в том, что оскудение литературы зависит не целиком от внешних условий, а и от самого писателя: пусть не будет литературной общественности, но писатель может быть при всяких условиях, что он как личность больше условий.

18 Октября. Вышла в «Красной звезде» «Мама». Не знаю, как дальше, но сейчас ликую: кажется, мне удалось сказать для всех, и не пóшло (вопреки формуле Мережковского: «что пóшло, то пошлó»[150]).

Рассказ о Марье Васильевне.

Замошкин говорил, что в признании меня сходятся <u>все</u>... Так это со стороны и, возможно, от малой моей выразительности и слабого их внимания, а когда попадется на глаза, скажет: – Недурно! – и тут все сходятся. Что же касается моего личного чувства, то я все время остро чувствую врагов, действующих против меня. Но каждый раз, когда являлся предполагаемый враг какой-нибудь личностью и я нападал на него, то приводил его в изумление: он никогда не был моим врагом. Я думаю, что, скорей всего, на меня просто мало обращали внимания и я, раздутый в себе и, может быть, отчасти и не без основания, на это и сердился. Не обращают же внимания на меня просто потому, что я пишу не на злобу дня, а хожу кругом-около.

Доклад Пети о ремонте машины (мотор), намечается поездка в пятницу или субботу.

Намечено выступление по радио в среду или в четверг.

Как люди могут сойтись и понимать друг друга, если одному жить хочется и все впереди, а у другого все в прошлом и впереди только кончина и страшный ответ на грядущем «судилище»? И все-таки они сходятся, бабушка с внучкой, и соединяются в сказке: бабушка сказывает, внучка слушает.

Так, наверно, и наши стихи, наши повести, романы – все это та же самая бабушкина сказка, предназначенная для связи людей между собой.

Это внутреннее, в глубине каждой души таящееся сознание о предназначении искусства для связи жизни вырывается у каждого наружу в дневное сознание, когда выходит в свет какое-нибудь новое замечательное произведение. И если сейчас у нас говорят, что критика очень плоха или плохо пишут, – это значит, что расстроилось здоровье в народе, бабушка ли больна, не может рассказывать, или животик у внучки болит, и ей не хочется слушать.

На всем юге, от Киева до Крыма происходит последнее, все решающее сражение, и все уверены, что немцы скоро будут разбиты, и все, встречаясь, говорят: – Ну что, еще повоюем, год или два?

Страшен становится не тот немец, который дерется под Киевом, а тот необходимый для русского немец-учитель, который учил нас и до войны во всех школах, и во время войны. Всякий способный ученик в конце концов преодолевает необходимость своего подчинения учителю и смотрит на него с улыбкой (вспомнилось, во время разбора памятника Александру III выступал такой честный немец и говорил: – Розги, розги, вам нужны, и будут розги!) Но как далеко нам до этой улыбки! Как нужен будет этот немец после войны, чтобы всех прибрать к рукам, всем наладить порядок жизни. Этот немец уже и сейчас к нам возвращается в школы, в церковь, в семью. И он, конечно, страшен для всех. Но все-таки очень хорошо и слава Богу, что многие русские для этого сами переделаются – в этого немца необходимости общественной жизни, чем если бы водворился сам исторический немец. Пусть лучше через нашего Сталина немец придет, чем через Гитлера. Наверно, после войны и самый социализм сделается орудием порядка этого немца необходимости. И весь наш анархический социализм будет тогда системой, обеспечивающей в государстве порядок.

В нашем обществе Сталинской эпохи у многих отставших в сознании действительности граждан есть в душе несмотря ни на что какое-то идеалистическое представление о социализме, с точки зрения которого они критикуют социалистическую действительность.

Этот идеалистический социализм, социализм как мораль, как поведение осталось у нас от предков, оно живо было еще при Ленине и превратилось из желания (Хочется) в строй (Надо). Социализм как желание остался теперь у провинциалов жизни, социализм как строй действует как государственная реальная сила.

Достаточно утром пройти по улицам Москвы, посмотреть на девочек с тоненькими ножками, превращаемых в строю в тысяченожку, на мальчиков, на разные группкомы, чтобы определить социализм как строй, и понять через этот строй государственную необходимость в чистом виде; не мечту отдельных людей, [а] движение нашей революции как собирание людей в строй для извлечения из них силы, как сознательное

направление этой силы строя на промышленность, на войну, на восстановление жизни в опустошенных районах после войны.

<*2 строки вымарано*> Теперь очень понятно стало, почему так [надо]... Это вышло потому, что никому не хотелось попасть в строй, все отлынивали и ворчали. Но эти «все» были каждый в отдельности, –а в ячейке строя каждый растворялся во всем.

Капиталистический мир действовал силой конкуренции составляющих его атомов, социалистический – силой раздробленных атомов, силой, собираемой от расщепления самой личности (атомного ядра).

Чтобы личность свою сохранить, надо было не противопоставлять личность свою строю с неизбежной судьбой расщепления и обращения в строй, а надо было сохранять свою личность, приспособлять к условиям строя.

Теперь, когда Пастернак пишет в «Правде»[151] и Ахматова становится чуть ли не лауреатом Сталинской премии[152], это самоопределение в строю личности скоро сделается всеобщим движением, и тем самым определится «свобода» и отпадет государственная необходимость дробить личность для добывания физической силы: теперь в добровольном самоопределении личности в строю эта добровольность переменит качество силы: сила «Строя» будет определяться не как физическая, а как, может быть, и «духовная».

Нашим провинциалам представляется, будто сейчас возвращается старое царское время, на самом же деле старое не возвращается, а лишь соглашается стать в ряды нового Строя. (Старому деваться больше некуда, и оно становится в строй новый, и неумные люди это понимают обратно, будто новое сменяется старым и наступает реакция.) Нет, наверно, никогда старое не возвращается определяющей силой, разве лишь за исключением эпох падения от старости.

Качество сил физических или духовных...

Есть качество силы, именуемое как физическая сила, и есть качество, именуемое как духовная сила. Сила в себе, конечно, одна, физическая она или духовная, а все зависит от точки зрения: сила, независимая от человеческой личности, понимается

как физическая, а сила, исходящая от личности, – духовная. Но в существе сила одна, и это единство достигается через Бога, который определяет действие «физических» сил.

Все движение личности с ее духовной силой состоит в одухотворении (сознательном) силы физической, ее обожествлении и очеловечивании. Значит, материализм как стремление человека овладеть физическими силами (материалами), может быть, даже и ближе стоит к Богу, чем идеализм.

Мало того! Материализм и идеализм совершенно так же, как Ветхий и Новый Завет, могут быть поняты как разные пути к одной и той же сущности: путь Крови и путь Слова. Что из этого, если эти пути встречаются, пересекаясь крестом? На кресте распинается человек, тот и другой путь обнимают одну и ту же круглую сущность.

Взять в пример любознательного путешественника вокруг света: ведь не то важно, что он окрутил земной шар, а *что* он в сближении своей личности с шаром земли узнал. Так и наши пути земные, путь Крови (Материализм, Ветхий Завет) и путь Слова (Идеализм, Новый Завет) пересекаются, скрещиваются, но обнимают одну и ту же сущность.

Нужно так строить свою жизнь, чтобы можно было собирать в себе тишину и распространять ее от себя. В этом и состоит творчество мира (тишины). Борьба моя за тишину начинается утренней молитвой, продолжается писанием, пока сильна голова, а дальше держится охраной тишины в доме путем связывания враждебных сил (хозяйственных споров жены и тещи).

Листики встающих от земли к солнцу деревьев не оставляют в воздухе следов, мысли человека тоже раньше рождались и опадали неизвестно куда, но люди придумали делать отпечатки мыслей в словах. И так стало, что и ноги всех животных оставляют следы на земле, и мысли человека, только не оставляют следов в воздухе цветы и листики. И вот осень, склонили головки цветы, падают листья, и жалко, потому особенно и грустно и жалко чего-то осенью, что от самого прекрасного на земле, от цветов и зеленых листиков не остается никаких следов.

19 Октября. Вечером пришел Шишков, награжденный орденом Ленина. Читал ему рассказы «о маме», хвалил. Указал на собрата моего и тезку Зощенко. Не знаю только, кто у нас с Зощенкой Соловей, кто Петух.

Достал «Красную звезду» со своими рассказами, пытаюсь остатки (лучшее) дать в «Правду» через Заславского.

20 Октября. В 8 $^1/_4$ вечера читал по радио.

Привыкаю к образу жизни в Москве.

21 Октября. Петя захворал (прострел). Поездка расстраивается. Путешествие Ляли в «Правду» с рукописью к Заславскому.

Чувство социализма как новой морали не заглохло еще в обществе и, наверно, не может заглохнуть в силу напора самой жизни. Эта мораль не допускает возможности распространения военного механизма на последующую мирную жизнь. «Мне хочется жить», и это «я больше люблю».

Кажется, нет ничего на свете слабее воды – соломинка разбивает струю. И в то же время нет ничего и сильнее: небольшой ручеек разрезает и рушит гору. Помните, друг мой, дождь? Каждая капля отдельно падала, и капель этих всего было неисчислимые миллионы. Пока эти капли носились облаками и потом падали – это была наша жизнь человеческая в каплях: мы, люди, тоже так носимся в каплях и падаем. А после все капли сливаются, вода ручьями и реками собирается в океан, и опять, испаряясь, вода океана порождает капли, и капли опять падают, сливаясь. Так точно и жизнь человеческая: мы тоже в каплях, каждый по отдельности поднимается от неведомой нам какой-то человеческой стихии, подобной океану (самый океан-то, может быть, и есть отраженный образ нашего человечества). Каждый из нас знает, что каплеобразное состояние жизни не вечное, что за каплей таится какое-то Целое, и в то же время сам свою каплю не может разрушить и должен отдаваться ее неведомому назначению. Помните тот дождь, всегда носите впечатление от того дождя, во всякое время, во всякий час, во всяком месте как истинный образ всей жизни человеческой

на земле, считая себя самого каплей, имеющей свое отдельное назначение.

22 Октября. Раскладывал по местам свои дневники, 50 тетрадей с 1905 г. Навестил Петю на Бахметьевской и устроил в больницу.

Получил из Информбюро рукописи обратно: нельзя в Англии знать, что в соц. государстве водятся воры[153].

Вспомнились Дуняша и Архип. До брака Д. давала всем, Архип женился на бляди, зажал ее и все прекратил. Они жили хорошо, она больше никого не искала: нашла себе силу.

23 Октября. Вернулся в Москву Б. Д. Удинцев, бывший враг сергиянства. На вопрос его, как обстоит дело с церковными вопросами, я ответил, что вопросы эти существуют вопросами в сознании отдельных людей. – Да и то, – сказал я, – русская интеллигенция научилась высказываться осторожнее: выскажет свое несогласие с данным положением и тут же обращает внимание на возможность осуществления такого нежеланного им положения. Что же касается провинции, деревни, то разрешение открыто молиться Богу в церквах там принимается с непосредственной радостью и благодарностью.

К нашему удивлению, непримиримый Б. Д. горячо принял сторону «провинции» и даже поинтересовался, в какую церковь в Москве теперь удобнее ходить, с каким священником иметь дело. Переворот у него произошел под влиянием сына Глеба, православного комсомольца и лейтенанта-патриота. Замечательно также обращение Б. Д. в сталинца («гениальный!»). Обращение старика-пораженца через сына в патриота – процесс естественный и знаменательный, и даже такой, что иначе это и быть не может (сам по себе старик не может заживить свою душевную рану, он может это сделать лишь любовью к сыну: сын, чистый от сомнений, тащит за собою отца). Так один из штрихов «умирения» в «Падуне». Мир (тишина) как продолжение жизни рода человеческого.

NB. 25-го в Понедельник на юбилее Шишкова сказать о Ремизове как учителе словесности русской[154].

Личность бессмертна, род вымирает. Личность бездетна, род продолжается. «Умирение» есть уступка личного в пользу рода, и потому умирение не нравственно (компромисс). Но бывает, личность переживает каким-то образом свой духовный смысл, от нее остается лишь традиция, не свойственная существу личности, мертвая традиция эта противоречит живой, естественной и даже священной традиции рода. На этом пути мы равно приветствуем борьбу прот. Аввакума с косностью официального православия, как и победу православия над косностью раскола.

Все к тебе лезут, – вот жизнь Сталина, и это все можно видеть у любого директора фабрики, зав. жилищным управлением и т. д. И потому-то именно все лезут, и ты определен на всех всегда и неустанно и должен это переносить – собственно, [в этом] и есть сущность души государственного человека. За эту ужасную обреченность и выносливость человек возмещается властью: преодолевший такую несвободу становится держателем свободы других, что-то вроде жизнию жизнь попрал, понимая «жизнь» как насилие.

24 Октября. Осень проходит сухая, с легкими утренниками. В домах не очень холодно: в валенках и ватнике вполне терпимо. Дифференцированное снабжение каким-то образом дифференцирует и нас самих, и получается так, что в Москве я так же далек от товарищей, как в Усолье. Хорошо, что душа не болит больше о моих женщинах: они теперь на месте, устроены. Архивы разобраны, тетрадка к тетрадке в стеклянном шкафу. Боюсь приступить к большой работе из опасения потерять время (может быть, это страх ложный ленивого писателя).

Чувствую по здоровью Ляли, что придется мне скоро расставаться с любимым севером и ехать на юг, куда-нибудь на Сев. Донец. [На днях нашел меня композитор Аврамов (жил с ним в Кабарде), урожденный донской казак, и советовал ехать на Донец: горы, сады, виноград.]

Завтра юбилей Шишкова, вспомнился Ремизов (у Ремизова встретился с Шишковым). Вот неудавшийся святой! Пример, как, в России будучи, можно оторваться от России живой, выдумать себе свою Россию и жить в ней десятки лет сочинительством. А Шишков обратно: ему близкое заслоняет дальнее. (На юбилее: я бы разобрал сочинения Шишкова, поглядывая на святую и обезьянью Русь Ремизова, – какую Русь дал нам Шишков.)

Снилось мне этой ночью много-много всего, и как будто все держалось в связи и единый смысл какой-то имело, но под самое утро будто дунул ветерок, сдул все, как туман, и я все забыл. Но так ведь точно и жизнь, – дунет, и все забудется. Сколько лет, ведь десятки, ведь почти полстолетия я записывал в свои тетрадки с тем, чтобы потом, когда время придет, по этим намекам восстановить картину. А время, неизменно проходя, уносит с собой и переживание.

Я поздно спохватился и стал записывать, добиваясь какой-то формы в самый момент записи. И теперь вот только так, что записалось в форме, то и осталось, и переживает время и радует. Так что нельзя полагаться на время, нельзя ему ничего доверять, и если надо бывает хаос просеять и временем воспользоваться как ситом, то надо быть очень сторожким, чтобы не упустить все через решето времени.

Так что жизнь очень похожа на сон, – конечно, сон! только мне все кажется, будто из этого сна можно сделать что-то хорошее и в нем остаться самому и людям сделать добро.

Зина сказала верно, что у Ляли слишком много слов. Мало того! она, как юноша, придает словам слишком много значения, вернее, не словам в смысле Логоса, а словам, оформляющим Мысль. Дело в том, что сама Мысль ведь расположена в молчаливой среде, как корни озими в земле. Слово как рожь вырастает: рожь из земли, а слово, наверно, из крови? Мозг человека, вероятно, обладает способностью, как барабан, вертеться и на холостом шкиву и приводить в движение молотилку.

Вот когда мозг в работе своей не перекинут на кровь, он выбрасывает пустые слова, и мы тогда призываем к молчанию и

говорим: «разговор серебро, а молчание золото», и понимаем в этом молчании и землю-матушку, и труд наш вековечный, и неверие к неоправданным словам, и неприязнь к ним.

А Ляля, как юноша, как умная гимназистка, верит наивно в слова. – Почему же ты ему не сказал? – вот ее обычный упрек. – Я бы не оставила так, я бы сказала, почему же ты? – Потому что перед свиньями бисер не мечут, ему надо было дать в морду, а не сказать, дать в морду – он даст мне, и я ушел молча. – Нет, я бы молча не ушла, я бы сказала.

Досадно бывает, когда она так говорит, но и трогательно: до чего же человек может быть определен, может родиться для слова! Пусть верен мой упрек и моя ссылка на молчание как на среду, рождающую слово, но она всегда может ответить: – Ты-то и в морду не дал, и ничего не сказал, – ты никто! а я должна сказать, я скажу, и совесть моя чиста. Ты не прав: непременно нужно сказать.

25 Октября. Юбилей Шишкова. Честный сибирский труженик. Его трогательная искренняя речь. И после такой речи появился как бы из ада пошлейший актер Лебедев и сделал из юбилейного вечера талантливого юмориста самый вульгарный балаган. Возможно, что в этом появлении черта виноват и сам Шишков: он злоупотреблял «народностью» своего юмора и теперь за это получил награду из ада. Присутствовали обе жены Толстого. Н. В. Крандиевская нашлась поздравить меня с «веселым делом» (моим вторым браком). И тут пошли «дела семейные». В общем, полное убожество. (Бахметьев называл Шишкова «язычником». Сейфуллина провозгласила меня как философа Пана[155] и т. п.) Под конец юбилея радио передало о взятии Днепропетровска и порадовало: конец войны не за горами, а там и надежда на встречу с настоящими людьми, таящимися в п*о*рах жизни.

Узнал, что на днях выходит моя «Фацелия» (сходить в издат. «Советский писатель» и заказать сверхавторские экземпляры). Замошкин очень хвалит «Фацелию», и если книжка понравится мне, возможно, она подтолкнет меня на продолжение ее.

Подошел какой-то грузинский поэт и очень звал в Тбилиси. К весне придется из-за Ляли съездить в Цхалтубу.

Вообще скоро будет наверно (удивительно в этих случаях употребление слова «наверно»: именно для того говорят это «наверно», чтобы выразить сомнение), наверно, будет хорошо, появятся новые острые писатели, а старые почтенные начнут заплывать в благополучии. Наверно?..

26 Октября. Любовь – это история личности (война – история общества).

Движение в любви зависит и от культурности лиц, т. е. от глубины связи их.

27 Октября. Теперь, когда и вокруг себя в обыкновенных людях видишь на каждом шагу эту жизнь сверх сил (когда становится «легче»), только теперь начинаешь понимать людей эпохи строительства большевиков и последующей за нею войны: эти мутные глаза, эти устремленные вперед бритые подбородки, щеки, обтягивающие чуть-чуть одной кожей костяки, колтуны на головах, задевание друг друга в трамваях и весь этот ад. И вот почему бедная моя Ляля никак не может стать на ту точку спокойствия в благоговейном труде.

А впрочем, и мне самому она вчера открыла глаза на себя: я-то почему не успел устроиться в Москве и уже думаю, куда бы уехать «после войны».

Поминая милых умерших своей семьи, думал сегодня о таящемся в каждом [человеке] сокровенном желании броситься в бездну. Пусть в большинстве эта мечта оканчивается какой-нибудь авантюрой (часто создающей «положение»), но в основе этого стремления заложено движение к Богу (вспомнить жизнь купца Волкова[156], жизнь брата Николая[157], дяди Ив. Ив., свое завершение в преодолении «а если»?).

Революция, как и война, – это явления спора людей между собой при их жизненном устройстве. В отношении Бога война то же самое, как вековечная биологическая борьба всех живых существ на земле. А революция в отстранении своем от Бога есть сравнительно с войной шаг вперед: своим отстранением

Бога от человеческого спора она дает возможность верующим не ломать себе голову над утверждением Божественного промысла там, где участвует только сам человек. В революции человек берет зло на себя, и тем самым он освобождает нам Бога. Пора бы так избавить Бога от участия Его в войне как величайшем зле, создаваемом самим человечеством. В этом смысле русская революция была всегда направлена против войны.

Сегодня в очереди нашего лимитного магазина стояли Барсова и Асеев, получающие высший паек: они стояли за водкой, выдавали по ½ литра. Когда Ляля сдала приказчику свою бутылку, он удивился и похвалил: хорошая, настоящая бутылка. – Сами, наверно, пьете? – спросил он. – Сами, – ответила Ляля. – Ну, конечно, а то вон свою водку продают, а нам такие бутылки сдают! – И кивнул недовольно в сторону Барсовой. (NB для будущего историка: рабочие руки в частной жизни, даже услуги дворника можно получить только за водку.)

Почему я написал горы и все по правде, от себя, а не вдохновенно, как пишут настоящие поэты. Это, конечно, потому, что я хочу правды, а она кажется ближе к себе самому. Да, кажется… А когда возьмешься писать вдохновенно («Жень-шень»), то оказывается, что тут, в этом вдохновении больше правды, чем у себя. Так вот кажется одно, а оказывается другое. Кажется, правда в том и состоит, что за нее отвечаешь своей собственной личностью, а оказывается, что в лично безответственной сказке правды больше. Вот почему я и называю себя очеркистом: очерк – это форма ближе к себе, к человеку, а поэма ближе к Богу, а раз Богу ближе, то это ближе и к истине, куда правда входит только как часть.

Подкрапивник, серая птичка, чудесно поет для своих ближних у себя под крапивой. А жаворонок поднимается к небу и поет для всех…

Редко я взлетаю наверх, как жаворонок, больше у себя под крапивой пою <*зачеркнуто:* и благодарю Бога>. Как-то страшно взлететь: ведь и ворона сверху орет.

Так сижу я, как птичка на сучку, и распеваю песенку свою для своих окружающих, а жаворонок поднимается.

Так вот и Розанов писал свои «Короба», воображая, что он единственный в поэзии. Нет, он меньше меня мог взлететь, но больше меня стремился к правде, и эта правда связала его, и он стал поэтом-юродом[158].

Взять Бунина – вот жаворонок! и насколько он пишет лучше меня! Но ведь и Лев Толстой пишет куда хуже Бунина, а когда взлетит, то это орел. Да ведь и я даже, когда взлетаю, становлюсь крепче Бунина. Вот почему неплохо тоже держаться ближнего в человеческой правде: трудно подняться к истине, но если поднимешься, то летишь не жаворонком, а птицей орлиной.

О, как мне хочется взлететь, и чувствую, силы достаточно, и в то же время как подумаешь о таком жаворонке, как Барсова: да, подумать только, Барсова за полулитром стоит в очереди! Как об этом подумаешь, страшно станет взлететь: а ну-ка, не долетишь и будешь вороной сверху орать.

Розанов, по признанию его современников, был самым лживым писателем («с органическим пороком», – писал о нем Струве). И как не подумать о лжи, если он об одних и тех же вещах в разных газетах писал противоположные мнения. А между тем это был поэт правды[159].

28 Октября. Ляля устроила мне мучительную сцену ревности к Пете и наговорила много неприятных вещей. Я не был ни в чем виноват и чувствовал себя, вероятно, как Вронский, когда на него, глупого, набрасывалась умная Анна Каренина, или, наверно, как А. Толстой при Крандиевской...

Болезнь Ляли состоит в том, что всякое дело свое она выполняет сверх-силами и сама оценивает это обыкновенное дело как сверх-дело. У нее нет благоговейных минут в труде, когда человек, радуясь, перестает тревожиться, отдыхает, сводит концы с концами. Мне казалось, что именно так спокойно и уверенно должны жить религиозные люди и что именно благодаря такому благоговейному труду создавалось доброе в

православном быту. С этой точки зрения, вся Лялина деятельность есть не труд, а суета.

Не раз она признавалась мне, что при неравенстве чувств она не могла бы любить, а между тем и я тоже так чувствую, что если бы она перестала любить меня, я бы тоже перестал. Получается любовь, исключающая драму: как только одна сторона перестает, сейчас же и другая отходит. Это же и есть «любовь для себя». Так, наверно, и любовь к Богу бывает такая: Бог любит меня, и я люблю Бога, а оставит Он, и я Его оставляю. Но я не верю, что Ляля такая в существе своем, она видит душу мою в Боге, и это ее любовь, а не то, что она говорит. Ее слова что-нибудь значат лишь при озарениях. Она ужасно много болтает, вернее, рассуждает.

Она не знает того благоговейного чувства в молчании, когда человек вынашивает слово и, как беременная женщина, осторожничает, чтобы не вышло преждевременных родов...

Особенность ее в том, что в себе она настоящая, умная, все понимает, все правильно чувствует, [а] в делах она выходит из себя. И вот Александр Васильевич одно время, как она сама говорит, разлюбил ее за эти «дела» и, только уж когда она его бросила, вдруг понял всю ее в себе. Ляля предупреждает и меня в этом, как бы и со мной того не было, если бы я ее утратил. На это я ответил, что я-то ее «в себе» (т. е. мое выражение: ее душу в Боге) хорошо понимаю, и как раз это меня и расстраивает: кажется, будто она уже вся со мной такая, и если она, бытовая, уйдет от меня, то та останется со мной. – Какая нелепость! – воскликнула она, – выходит, что если я умру, так тебе еще лучше будет. – Конечно, нелепость, – ответил я, – но выходка твоей ревности тоже нелепость. Из этого следует, что тебе надо добиться управления собой, в постоянной борьбе с суетой. – Я это сделаю, как сделала я в отношениях с мамой: нет же у нас с ней больше тех сцен. – И это правда, под угрозой распада нашего союза она переменила отношение к матери. Наверно, и тут мы все уладим.

Моя вина в этой истории состоит только в том, что я при Пете слишком «просто» к ней относился, упустив из виду, что

Петю она не знает и, естественно, хочет ему показаться существом высшим для него. Впрочем, я именно и вел все к этому и только разве чуть-чуть вел себя вольно.

29 Октября. После бессонной ночи от спора с Лялей весь день ходил как после тяжелой болезни, а она винилась. Да, совершенно необходимо (и можно, и не трудно) учитывать ее слабости и относиться к ним спокойно. Дело поправимое.

Вечером пришла Зина и была в восторге от рассказов о «маме». В них есть такое простое, о чем я даже и недомечтал, и я в них делал то, что делалось. В этом и состоит секрет настоящего творчества – участвовать деятельно в том, что само делается или, все равно, кто-то делает, или сливать свое «хочется» с тем, что «надо».

Заминка на фронте снижает уверенность в близком конце войны, русские несколько падают духом, а евреи, как говорят, голову поднимают, и опять после некоторого снижения наступают везде и склоняют на все лады родину (наша родина). Было бы очень мудро не давать им выскакивать со своими легкими словами в русском ужасном молчании.

30 Октября. Первый зазимок. Петя уехал в Пушкино и останется там до выздоровления (радикулит).

Так вот что значит «врачу, исцелися сам»: это значит: «Я – это Ты в моем сердце, Возлюбленный»[160], или что Бог содержится в «я» и если я люблю, то и Бог меня любит, потому что в любви «я» – это Бог.

С некоторого времени меня преследует А. Н. Толстой в образе повара: я вижу его упитанное, улыбающееся лицо в поварском белом колпаке среди жареных индюшек, которых он ест и сам и другим подает в обилии и говорит: – Чего вы с меня спрашиваете еще, разве так-то плохо? – А вокруг изможденные голодом и злобой лица... – Ну, Ляля, – говорю я, – посмотри, какая у него добродушная морда, покушай немного, ведь очень вкусно, ведь и это Бог дал. – Ляля, улыбаясь, не кушает, а кусочек индюшки завертывает в газету для своих бедных. И, успокоив себя бедными, говорит мне: – А морда его такая меня

тоже интересует: очень смешная, и глаза живые, веселые. – Конечно, – отвечаю, – это занятней, чем те обездаренные голодной злобой лица, вроде Бахметьева и др.

Так мы миримся с Толстым, и так он поваром в белом колпаке проходит по советской литературе. И так латинская поговорка «de mortuis aut nihil, aut bene»* переиначивается на живых в том смысле, что и о некоторых живых надо тоже так говорить, как о мертвых: или ничего, или только хорошее.

Хотя, кажется, на свете очень мало таких, как мы двое, чтобы до такой степени друг перед другом были в откровении помыслов, но все-таки, мне думается, до конца открыться друг другу невозможно при всем желании. Как откроешься, если нет средств у живого человека добраться до всей глубины колодца сознания: каждый из нас тратит всю свою жизнь, чтобы добраться туда, а между тем несознаваемая, недосягаемая глубина колодца главным-то образом и определяет наши поступки и помыслы, неуловимые ни собой самим, ни другими.

Я не сомневаюсь в том, что Ляля верит в Христа и знает Его, но это живое чувство до того ревниво к формам его выражения, до того противоречиво в жизни, что, только любя ее, можно не сомневаться в подлинности ее веры даже в Христа.

Больше всего смущает в Ляле ее вечная игра: в жизни она, как талантливая актриса, вполне верит в то, во что играет. Подчас я, несмотря на весь ее героизм в любви, сомневаюсь, не разыгрывает ли она и эту любовь. Именно героизм-то ее и наталкивает меня на эту мысль: так в природе не бывает, так может любить только Божий актер[161].

Но что это – Божий актер? Может быть, истинная любовь и есть Божья игра? И в этой игре отношения любящих определяются их соревнованием, как и в театре: актер любит такую актрису, какая, играя с ним, больше других помогает ему играть свою роль?

---

* De mortuis aut nihil, aut bene *(лат.)* – о мертвых или ничего, или хорошо.

Ну, а я сам-то разве тоже не Божий актер? Разве я выбрал ее не для того, чтобы лучше было вместе играть?

Есть образ любви, столь нам привычный: она любит его даже при всех его слабостях, определяющих его полное ничтожество, любит, как собака хозяина, и все рожает и рожает детей. Этот идеально-собачий образ любви передан нам Ветхим Заветом, поэзией родового строя, и продолжает до сих пор господствовать, хотя и прикрытый не очень прозрачным флером современности. Общий мужчина – не скажем «кобель», и жена его – не скажем «сука», как презрительно говорят иные люди о животных, священных в своей преданности человеку. Мы так не скажем, но...

Любовь как Божественная комедия[162] именно и начинается в тот момент, когда кончается та обыкновенная любовь людей как священных животных. Является Ут*е*шитель, и начинается игра Божьих актеров перед честн*о*й «публикой» священных животных в их чаянии конца, их необходимости множиться и вступить в царство свободы.

«Смертию смерть поправ» – и тут крест как пересечение древнего пути по горизонтали вертикальной чертой (F).

Вчера мы с Лялей были во всенощной, и я впервые понял, что к церковной службе следует относиться так же, как к личной молитве: надо от этих произносимых слов подниматься к своим собственным...

Еще я понял, что мой замысел в писаниях своих перенести свое чувство природы к человеку может осуществиться, если только я сам так же близко подойду к церкви, как подошел к природе, что там, в церкви, и находится та питательная среда, которую я получал в природе, что если природу понимают как мать человека, то церковь будет ему как невеста...

Старый священник во всенощной у Ивана Воина был мне приятен: высокий, строгий, и видно, что молится от себя, а не только для нас. После Евангелия я решился подойти к нему под

благословение. И когда я прикладывался к его руке, то почувствовал, что он этой своей рукой тихонько пожал мою руку.

– Ляля, – сказал я тихонько, – мне кажется, священник потихоньку мне руку пожал.

– И мне тоже...

Я посмотрел на других, идущих под благословение, и сказал:

– А может быть, он так и всем: каждый думает, это только ему, а он всем с таким выражением, будто он каждого любит больше.

– Точно следует Богу, – ответила Ляля, – мне всегда казалось, что Бог любит всех, но каждого больше.

30 Октября. Слышал и принимаю только как творимую легенду: будто патриарх Сергий живет как в заключении и за ним следит 100 глаз; и будто бы в числе 100 глаз были два глаза англичанки, приставленной от союзников, и что эта англичанка отказалась от этой службы: «не могу, – говорила она, – видеть мучения этого старца», и что за это ее будто бы отравили. Сказание не более правдивое, чем в деревне легенда об огненном змее, влетающем в трубу женщины, муж которой бывает убит на войне.

1 Ноября. Такое положение. Женщины родят поневоле: попадают в «такое положение». Если бы их воля, они бы не рожали (вспомним у нас время разрешения абортов). Роды – это закон и необходимость. Сила России была в полной подчиненности закону, необходимости: из этого сложилась государственная сила. Два выхода из «такого положения»: 1) убийство (аборт и т. п.) 2) монашество. Оба выхода имеют множество вариантов компромиссного характера, среди которых исключительное занятие искусством, мистикой, исканиями. Вариантом убийства, вероятно, является и домогание власти: вся власть на крови.

Итак, история человечества есть история борьбы индивидуума за выход из родовой необходимости путем убийства (организация власти) или путем любви (организация личности).

Оба пути в точке своего пересечения (крест) сосредоточивают борьбу этих сил: дня и ночи, света и тьмы, любви и власти, личности и государства, Христа и Антихриста, Бога и Дьявола.

Так что крест как таковой в жизни невозможен, подобно тому, как математическая бесконечность есть невозможная реальность. Жизнь же есть борьба этих сил, в которой люди распределяются между этими двумя полюсами, власти и любви, как распределяются опилки на магнитном поле.

Жизнь отдельного существа есть борьба за место в этом магнитном поле между двумя полюсами. Давайте пересмотрим с этой точки зрения жизнь знакомых людей.

Первый из этих знакомцев «аз есмь» Михаил Пришвин. Центральная, органическая сила, определившая мое место на магнитном поле, была в борьбе за имя с отталкиванием от родовой силы и ненавистью к власти. При недостаточном темпераменте борьба за место на магнитном поле потребовала долгого времени, и в этом секрет моей долговечности.

Второй знакомец, женщина Валерия с ее друзьями. Ее можно понять по друзьям – Олег – монах, «Дяденька» – монах, М. Пришвин – писатель, почти монах. Ее друзья-женщины: Зина – монахиня, Мария Алексеевна – монахиня, Женя и всякие церковные животные: Мар. Вас., Варя и др. – старые девы.

Оба эти «герои» характерны тем, что с особенным трудом находят свое место на магнитном поле и постоянно попадают в несродную среду. Этим объясняется их вечное движение к месту своего назначения.

Близится час моего решения прекратить эти записи и сесть за большой роман в изложенном плане (3 часть книги «Кащеевой цепи» – «Начало века»). Это решение будет поддержано двумя другими: 1) правильным хождением по утрам к Ивану [Воину], 2) окончательным решением не курить никогда с отказом таким же, как от самоубийства. NB. Третье решение –

прекратить записи – объясняется необходимостью экономии сил: эти записи само собой будут входить в тело романа.

Но это грядущее решение засесть за роман пока еще борется с тяготением моим к схватыванию жизни в картинах в коротких записях моих, подобных «Фацелии». То выбрать или другое – не знаю.

Ноябрь начался дождем и туманом.

Так вот почему Бога называют милосердным и человеколюбивым: огонь должен сушить, а не жечь, и Божие милосердие и человеколюбие в том состоит, чтобы не жечь нас, чтобы Бог считался с нами, не жег, а сушил.

Священник Голощапов, по словам Ляли, был большим церковником, но монашества чурался (вспомин[ается] о. Александр Устьинский). Такие люди являются тоже через милосердие Божие, аскетизм монашеский жжется (трудно вынести, «вместить»), а эта любовь для человека терпимая, теплит, но не жжет. Это милосердные люди, и их мотивы отказа от монашества совсем иные, чем у материалистов.

У русского интеллигента это всегда было, и особенно открылось во время революции: если ты что-нибудь знаешь больше другого, так этот другой имеет какое-то право требовать, чтобы ты ему этот избыток из себя вывалил. Это перешло в коммунистическую мораль и сделалось бичом особой нашей варварской инквизиции [типичен в этом отношении мой «хохол», имевший наглость приставать ко мне за то, что я «занял такое положение» (писателя)].

2 Ноября. Рыбников вчера передал, что слышал по радио декларацию Рузвельта, Сталина и Черчилля[163] о принятии мер к скорейшему окончанию войны, а сегодня взят Перекоп (Турецкий вал)[164].

По всему видно, что скоро выйдем из глупого состояния, бараньего положения мириться с полным отсутствием сведений о том, что люди на свете думают, как и чем живут.

Копилка любви. Можно жить с человеком десять, двадцать лет и больше, утешаясь мыслью, что из этих отношений что-то откладывается в копилку, и собирается в ней капитал души. Большинство средних людей так и умирает с верой в копилку. Но случается еще при жизни собирателей душевного добра, копилка бывает взломана и, оказывается, что там нет ничего!

Почти 30 лет я так жил и верил в копилку – и вдруг оказалось, там нет ничего! Как же так, не может быть, это сон. Тереблю себя за бороду: «проснись, Михаил, вспомни!» И все нет и нет: пустота.

Так раздумываю о своей копилке и вижу ясно: все 30 лет никого не любил, и все тепло, из чего складывалась любовь, излучал из себя, образуя миражи. Да и сейчас, конечно, могу ли я сказать, что Ляля у меня вполне любовь? Разве только потому это любовь, что без копилки живем: нам хорошо – и живем, и, сравнивая жизнь возле пустой копилки, говорим, что это любовь. Брось, Михаил, черные мысли, – это любовь настоящая! Потому настоящая, что копилки не чувствуешь: раз есть копилка, значит, нет любви. Потому что любовь проста, и Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной друг друга без копилки любили[165].

Любовь – это борьба перед лицом Бога: кто больше, кто сильней, чья возьмет! Любовь – это объятия в Господе с готовой коленкой, чтобы дать ею в любимого и скинуть его в бездну, если ты ослабел и не можешь любимую душу друга своего в Боге любить. (Эту мысль развить, как ревность о радости перед Господом). Уныние, как падение. Вот этот возбудительный задор, как особенность Лялиной любви: каблуком в тебя перед Богом, чтобы любовь как борьба за радость, за живое (движение). К этому: истребление трутней[166], в этом понять тайный смысл Египетских ночей[167]. В этом понять трагедию Олега и оправдать блудницу.

Табак. Свечка горит перед Богом – это жизнь человеческая жертвой горит. А у черта жизнь человека, как папироска. Милосердный Бог печалится о разных людях, а черт курит и радуется.

Нет, если уж бросать курить, то надо соединить это решение с какой-нибудь мыслью, бросить и что-то начать новое, хорошее. Так и всякая жертва. В этом и есть творческий смысл аскетизма. Для Бога можно всем жертвовать, и от жертвы будешь расти, а если будешь отдавать жертву по спросу людей, ослабеешь. Голодная болезнь (дистрофия) есть именно проба на человека: это вроде Страшного суда: загорится в голоде навстречу лишению душевный огонь – это человек сгорает, как перед Богом свеча, нет – черт свернет тебя в папироску и покурит тобой. Такова жизнь всех людей: сгорают перед Господом люди, как свечи, и черт всегда с табаком.

3 Ноября. Радио дьякона. Убийственный трафарет (пленный ефрейтор такой-то сообщил и т. д., всегда одно и то же). Это повторение ежедневное всем противно, потому что в нем ни малейшего движения мысли и чувства. Но почему же «Господи помилуй!» никогда не наскучивает? Потому что тут культ, а там известия: в культе вечное, в известиях текущее.

Когда смотришь на что-нибудь прекрасное в природе, то думаешь: никакой художник этого не может дать, это нерукотворно. А когда, наоборот, видишь чудесную вещь, сделанную руками художника, тоже так думаешь, что природа так сделать не может: прекрасное в природе всегда проходит, а прекрасное в человечестве всегда движется к бессмертию. Там всякое дыхание хвалит Господа[168] и само умирает, тут всякое дыхание являет Господа.

Бахметьев на юбилее Шишкова назвал его «язычником», Замошкин и Лева убеждены в том, что я тоже язычник. Наверно, и у наших комсомольцев и всей полуобразованной массы «язычник» означает нечто определенное, что?

По-моему, они в «язычнике» понимают хороших, веселых людей, которые в церковь не ходят, любителей компанейской выпивки, всегда поддержат товарища, может быть, любят свою семью и т. п., вообще же это люди несерьезные.

Я, как законнейшее дитя русского народа, сам чувствую в себе этого «язычника». В наших купцах это было: разгуляется и язычествует.

Дяди мои в Оптиной пустыни – с икрой приехали, выпивали в келье и добродушно говорили моей матери: – Ну иди, иди седая к своему Амвросию, придешь от него молодая и черная, мы тоже тогда поверим.

А когда она вернулась к ним и после старца, и после купанья в св. колодце, то как ни в чем не бывало рассказывала им, пьяным, как она купалась и что вода была «ужас каких градусов», и она не хотела, не могла лезть в воду, но монах ее спихнул.

– А монах был тоже голый? – хохотали дяди мои.

И она, верующая, не обижалась и тоже ела икру. И сами дяди эти, если бы всерьез с ними что-нибудь случилось, тоже бы, наверно, и к старцу пошли и тоже купались бы в св. колодце. Вот и все это язычество наше православное – в икре, в блинах. Купцы все объедались и опивались. Но когда я их теперь поминаю, своих родных дядей, на молитве, то нахожу и у них, и у матери, и у братьев что-то хорошее, общее: все они люди детски-наивные, ходящие в глупости под Всевидящим Оком и знающие в сердце своем, что на Страшном судище Христовом придется рано или поздно им ответить. Их смех над попом и монахом имеет смысл как бы оттяжки этого времени: придет время, и мы там будем, а пока поживем как хочется. Интеллигентское немецкое (Гете) эстетическое и религиозное язычество к этому народному язычеству не имеет никакого отношения, от него у нас только слова.

Поминая на молитве своих покойников, я, как писатель, чувствую себя наследником и культурным выразителем этой объединяющей всех их черты, добродушного юмора у св. колодца, и хорошо понимаю: это происходит не от французского сарказма и не от еврейского скепсиса. Мне думается, что и святые наши не обижаются этим смехом, а скорее даже в виде поощрения простым сердцам сами способны иногда подмигнуть. К этому «язычеству» относится и то, напр., что старец-священник во всенощной, когда подходишь к нему чинно под благословение, потихоньку возьмет и пожмет тебе попросту руку, и т. п. И так, по-моему, и у настоящих святых-православных должно быть милостивое отношение к этому народному и, если хотите, языческому юмору. Так, наверно, через это милостивое отношение святых к простодушию народа совершился переход от культа

Богоматери Девы к культу Божьей Матери как Матушки царицы небесной.

Нужно сказать, что весь этот переход совершился не идейно, а вырастает из человека как бы само собой, как из земли. И вот это-то «само собой» из души, как из земли, и особенно ценится в русском народе, и так возникает особая русская добродетель простоты. Так, в числе первейших качеств характеризуемой личности называют: он простой, она простая, это значит – хорошие. Все идейное подлежит контролю этой святой простоты, и все нарочитое, горделивое время испытания ломает вдребезги. Так, напр., была отброшена (даже и самим автором) в свое время книга неоправославия Флоренского «Столп и утверждение истины»[169]. Одним словом, вся русская православная культура сводится к Ивану Дураку, а что сверх того, то от лукавого. А сколько во время революции было ораторов! И каждый оратор, как вглядишься в его лицо, чувствуешь, он сам смеется над своей важностью. И у нас в Союзе только глупый, вроде, бывало, Ставского, говорит вполне серьезно, а, напр., Фадеев всегда, кажется, готов подмигнуть, а Толстой откровенно сам над собой хохочет и сам перед собой строит рожи. Я всегда имею успех, потому что умею всякую условность сбросить с себя и говорить в обществе по-домашнему.

4 Ноября. Без результата. Ждала Москва на конференцию Рузвельта, а он не приехал. Вышло без Рузвельта. – Без рузвельтации вышла конференция, – острит Москва.

Русский неглупый и дельный человек в старину любил умом своим поиграть и вызвать на игру такую собеседника. Так вот вчера затащил меня Лева к Григорьеву Сергею Тимофеевичу; тот пригляделся ко мне, и вижу – до смерти ему хочется узнать, как я ориентируюсь в современности. Старый умник, чтобы выведать мои позиции, а потом повести свое наступление, так начал:

– За время войны я пытался пророчествовать и у меня это не раз выходило, а теперь все спуталось, все нити потерял, как ни думаю, все выходит безрузвельтации.

– Знаю, – подумал я, – старый умник – и хорошо понимаю тебя: никаким расчетом тут теперь ты не возьмешь, и не тебе быть пророком по нашему времени.

– Как вы ориентируетесь? – спрашивает он.

– Вы, наверно, о конце войны? – сказал я. И чтобы сразу сбить его, выпалил:

– Думаю, что до конца столетия война не кончится.

Выстрел мой попал в цель. Старик взыграл:

– Вот это так!

– Но я не удручаюсь, – продолжал я, – концы войны вижу часто. Вот баба одна ждала, ждала... Да зачем тебе конец-то, спрашиваю, как зачем, говорит, хозяина жду. Вскоре поле этого разговора приходит хозяин без руки и с белым билетом, вчистую. Ну вот, говорю ей, хозяин пришел, вот, значит, тебе и ждать нечего конца, кончилась твоя война. Кончилась, отвечает радостная баба, теперь опять будем жить. И я за нее порадовался. А вчера прихожу в «Советский писатель», там мне говорят, что книжка моя о радости «Фацелия» напечатана, та самая книжка, которую именно за радость и запретили перед войной. Война на носу, писали о ней, а он радуется. Теперь же понадобилась радость, и книжку напечатали, и в ней о войне ни слова, как будто она давно кончилась. Весь день я ходил радостный, и в моей душе это было концом войны, и я смотрел на улице людей и по себе узнавал тех, у кого радость, и значит, конец войны: тот что-то раздобыл, тот выдумал, тот орден получил, там девушка туфельки достала.

– Туфельки, туфельки, – хихикал старый сатир, – а кругом страдание.

– Страдание, – ответил я, – не характерно для времени, с этим я покончил, как баба с войной, пусть война – хозяин пришел, пусть страданье – а я буду вестником радости.

– Так это эгоизм?

– Нет, это милосердие.

На этих словах вошел Володя Елагин и еще кто-то, и разговор наш остановился. Но, выйдя на улицу, я вспомнил себя всего, как писателя: именно, что я все свои 40 лет писательства писал о радости. Знаю, и всегда это знал и терзался, что меньше, много меньше давал, чем дано мне, но теперь ясно мне было, что может быть потому и мало давал, что писал только о радости, что, может быть, в этом я единственный писатель, и что быть таким очень трудно.

Да, да! Теперь понимаю вполне ад таких людей, как Григорьев. Он по природе своей рационалист и стремится для спасения людей что-то выдумать, изобрести. В сущности, он на тех же пружинах стоит, как большевики, но не большевик и не личник, как я: он и не может быть личником, потому что по природе своей умник, изобретатель, строитель и втайне хочет господствовать.

Читал «Ифигению» Еврипида[170] и раздумывал о том, как теперь нам стал близок эллинский мир. Я не говорю о мифах, о той серьезности переживаний, которая вызывает на свет эти мифы. Появление таких же рабов, как в Элладе – рабочие и специалисты, и господ – «организаторы», и боги бессмертные – абстрактные существа «пролетарии», так серьезность переживания распределяет людей в вечные классы. <*Зачеркнуто*: А жертвы>, и алтари, и жрецы, и жрицы.

Организатор – центральная фигура современности.

Не упустить из виду любовь – соревнование полов в равенстве. (Доброта и жестокость Ляли попеременно в движении, и что-то не пойму, не могу ухватить.)

«По песенке, как по лесенке» – это самое первое начало оправдания радости (личности).

Разбирая отношения в моей старой семье, Ляля говорила, что в существе этих отношений много сходного с семьей Льва Толстого, – только пониже разбором. – Повыше? – поправил я. – Ну, в том смысле, что там графы, а у вас мужики. – Значит, – повыше, – повторил я.

Вчера я говорил Григорьеву, что радость моя явилась в страданиях, но из этого вовсе не следует, что нужно искать страданий для радости... Напротив, именно в борьбе со страданьем, как средство против их зла, я рождал это добро: радость.

Он сказал:

– Это личный выход, я сорок лет тому назад считал это выходом, но теперь все против этого.

– Неправда, сорок лет тому назад личный выход видели в страдании. Но теперь время переменилось, теперь личный выход стал в радости и среди всех. Надо считаться со временем и понимать его. Раньше лучшее свое люди вкладывали в жажду страданий: только бы пострадать! И брали на себя бремя (Каляев брал бомбу, Толстой – пахал). Теперь время подходит выхода из страданий, и каждый лично (а не общественно) должен найти свой путь к радости.

На 8-й симфонии Шостаковича. Это музыкальный миф о современной войне, вещь настоящая, без подтяжек. Я пришел на симфонию, простояв с женой проф. Виппер 5 часов за колбасой, был измучен глупостью положения, болела спина, и после симфонии пришел домой свежий, как после всенощной. Сам Шостакович маленький человечек, издали будто гимназист 6 класса, капризное дитя современности, вместивший в себя весь ад жизни с мечтой о выходе в рай. Но то ли будет, когда люди пробудятся!

Публике, кажется, симфония не очень понравилась, а может быть, еще не разобрались и были в недоумении.

5 Ноября. Хватил мороз, но день солнечный, и радиаторы нашего отопления, слава Богу, потеплели: начинают топить. Но все еще ходим все в валенках.

Дела: 1) Леве о ремонте машинки, 2) ремонт пера, 3) определиться в ЦДРИ, 4) приезд Пети (возможный). Выкупить бензин. 5) Ремонт машины.

Собирался в старое время человек [верующий по обету] сходить пешком за 2 тысячи верст в Соловки. И когда собрался, туда провели железную дорогу: идти полгода, ехать три дня. Поехать легко, обет теряет смысл, пойти – бессмысленно перед Богом. Поехать или пойти? Стал ждать, как люди. И дождался: люди поехали. Это к мысли о том, когда человеку определиться на подвиг, и когда подвиг ищет другую точку приложения, а здесь вместо подвига тащит буксир.

Время меняет точку применения силы подвига. Нельзя тратить силу личного подвига там, где это можно сделать трактором. Значит, чтобы найти точку приложения силы личного

подвига, надо понять время, или иначе: надо быть современным.

А что это значит быть современным? В мое время мы, мальчики, именно для этого пичкали себя книгами и стремились «все знать». Когда прошло время юности, мы поняли, что добытые знания не дали ответа на наши вопросы, что ценным было лишь скрытое в этом стремлении к знанию желание познать себя самого. И, выходя из юности, мы познавали себя через любовь. Значит, чтобы понять время или быть современным, надо понять самого себя через любовь, и что знание без любви не может сделать современным, и что только одна любовь определяет точку применения силы подвига.

Подмена любви верой в знание привела к подмене личного усилия переменой внешних условий существования.

Вследствие этого стремление познать себя подменялось техникой, и машина сделалась идолом, противопоставленным личности.

Люди, утратив понимание личных отношений, отдались во власть идолов: так произошла подмена культуры, как связи между людьми, цивилизацией, связью вещей.

И так вера в знание, поднимающее личность человека ввысь (самолет), стало орудием смерти личности.

Капитализм (по Марксу) и есть система фетиширования производимых человеком вещей или подмены культуры цивилизацией. С этим спорить нельзя. Мы спорим с тем, что социализм и коммунизм в движении человека к себе самому, т. е. к личности, уповает целиком на изменение внешних условий существования, а не делает это путем движения самой личности.

Вследствие этого личность и попадает в социализме в еще большую зависимость, чем при капитализме, значит, сила личного подвига заменяется принудительной силой общества еще в большей степени: общество, как организм, заменяется обществом-машиной, а страдающий раб становится рабом благополучным. Таким образом, социализм имеет своим идеалом благополучного раба (стахановцы), а не творческую личность в ее движении от страдания к радости.

У нас принимают социализм, как необходимый этап от разлагающегося капитализма (война) к лучшему будущему, проще сказать, как неизбежное зло, и в это верит огромное большинство. Мы в этом загипнотизированы и готовы за это умереть. Перед «свободомыслящим» остается вопрос: нет ли в самой системе капитализма своих собственных средств для освобождения личности от машинного рабства к самоопределению? Он, иностранец, конечно, пожалуй, скажет: личность при системе капиталистической машинизации есть все-таки некоторая несовершенная реальность, тогда как при социализме она должна для того, чтобы возродиться, совершенно исчезнуть. Что-то вроде самоубийства с целью загробного возрождения.

Значит, весь спор капиталистов и коммунистов относится к спору о вере: одни верят в наличие реальной человеческой, способной к развитию личности, которая в совокупности с такими же личностями, пребывающими во всех классах общества, переменила к лучшему условия высшего своего существования; другие утверждают, что личность зависима от внешних условий и верят, пропуская наличие живой реальной личности, в то, что новые лучшие условия создадут новые личности. Таким образом, реальностью становится не личность, не зависимая от положения в классах общества, а человечество как среда, порождающая феномены (личности).

Итак, в этой войне принимают участие боги и, может быть, даже и конечно, так воюют боги между собой: Рузвельт, Гитлер и Сталин, прямые выразители воли этих богов. В настоящее время фактический зачинщик войны Гитлер выходит из строя, <*зачернуто*: потому что защита его основных идей войны...> ... наши русские делаются националистическими социалистами в чистом виде, а не в смешанном, как у Гитлера.

Национальность у Сталина перестает быть узкой германской: здесь всякая национальность является воплощением социализма.

У Рузвельта цель защиты личности, независимой от нации, положения, класса: творческой личности.

Мировая война теперь в сущности своей происходит между Америкой и системой капитализма, питающей личность, и

Россией, питающей внешнюю среду, как абстрактное человечество без отношения к личности. В дальнейшем ходе войны вопрос сводится к форме войны: будет ли война продолжаться в настоящей ее форме, или в форме какой-нибудь новой, экономической, неопределимой в настоящее время.

NB. Все это написанное имеет смысл только для себя как леса: без этих лесов я не могу думать дальше.

Характерно в этой войне, что Рузвельт открыто является защитником религии, питающей личность, а Сталин, уступая внешнему давлению Рузвельта, лишь допускает религию, втайне являясь ее непримиримым врагом (личность-феномен).

То, о чем я пишу сейчас, есть то, чем я живу, я не пишу, а достаю из себя то общее, что движет мною для личного своего рассмотрения и проверки. В большинстве случаев достаешь из себя такое, что при проверке оказывается глупостью.

Сегодня я говорил некоему Саакову, директору ЦДРИ, что писать очень приятно и легко, трудно удерживаться от писания и беречь свои мысли, чтобы их сгустить: чем меньше писать, тем гуще и сильнее выходит. И трудность писания, его подвиг состоит в том, чтобы строить плотину потоку слов и регулировать спуск их.

6 Ноября. Морозное утро, солнце. Радио жует конференцию.

Не забывается, как во время конференции два какие-то иностранца из членов посольства в полувоенной форме (возможно, охранники, или повара, или что-то вроде этого) шли по Москве в ногу и точно между белыми шашками пешеходов. Шли они, чистые-чистые, выпятив груди, сытые, довольные, и все-то все глядели на них и улыбались. – Почище наших, – говорили одни. – Они и природой почище. Наши военные Митюхи[171] при встрече улыбались на них. И все кругом казались такими пыльными, истрепанными и оказывалось нам самим, что Бог знает, до чего мы дошли!

По пути в ЦДРИ (обед) за мостом увидел скопление народа возле громкоговорителя. Слышались позывные: «Широка страна моя родная». В 4-20 радио передало о взятии Киева.

Вечером у Шишкова в очень плохой передаче слышал речь Сталина, оправдавшую оптимизм Рыбникова. Раздумье об этом вечном легкомысленном оптимизме русского народа и таком же вечном мелком скептицизме еврея. Этот полевой оптимизм соответствует географической обширности страны и пессимизм – безземельности еврейского народа.

7 Ноября. Мороз при солнце в теневых местах белым пролежал до ночи и ночь пережил.

Солнце, утренний мороз на крышах, как снег. В первый раз теперь в Октябрьскую годовщину пришел такой сияющий день в соответствии с делами большевиков: встала слава и на такой крови! Ляля остается верна себе и ни малейшего интереса не оказывает к победе. Она последовательна тем, что не как прочие... не включает внешние изменения жизни – отказывает внешним событиям в своем моральном признании. С обыкновенными людьми постоянно бывает так, что когда внешние события им на пользу – это они называют добром, а когда события во вред – злом. Ляля от этой морали отказывается.

Толстой сутки тому назад получил приглашение на прием в Кремль с указанием на повестке: мужчины во фраках, дамы – в бальных платьях. Шишков мне шепнул: – Обидели нас, стариков. – Меня нет, – ответил я, – искренно говорю: не заслужил.

Историческая справка: был ли после Пушкина кто-нибудь из писателей на приеме при дворе?

Фрак и бальное платье Толстым сшили в одни сутки.

Толстой был в эмиграции, с ним были Бунин, Ремизов, Мережковский – все очень умные, очень образованные и любящие свою родину люди, но почему только один Толстой догадался вернуться на родину и один из всех выжил и сохранился писателем? Ответ ясен: выживают не лучшие.

Брат жены Шишкова, какой-то молодой капитан Михаил Михайлович рассказывал о войне ужасы и между прочим, как они под Ленинградом, обливая на морозе груды сложенных трупов водой, делали из них прикрытие. – На войне, – спросили его, – лишаешься чувства страха и жалости к мертвым? – Нет, – ответил он, – на войне люди очень привыкают друг ко другу, очень скоро сживаются и расставаться бывает и жалко, и страшно: там у людей очень много дружбы, и я верю, что это они привезут к нам ее после войны.

Гуляя от головной боли, завернул к Ивану Воину к «Достойной»[172] и сразу пришел в умное настроение души, чувствовал всем своим существом, что только здесь молящийся человек соответствует тем, кто впереди на войне.

Бедная Ляля, ей хочется почета для меня, и еще ей хочется того самого, чего не мог я всю жизнь получить и что так просто дается другим. Я, может быть, и писать-то начал, чтобы это найти в себе и, казалось, даже и нашел: славу и Лялю. Но вот оказывается, чего-то и тут не хватает с точки зрения любящей женщины. Вот все-таки у Толстого есть это все. Не знаю, как это «все» назвать, как определить, но оно вполне соответствует ее женской душе: по всей полноте ее любви ко мне у нее не хватает от меня ребеночка. Такого же ребеночка не хватает и в моей славе: моя слава какая-то монашеская.

Среди людей я всегда был, как, помнится, один послушник в Жабынской пу́стыни[173]. Помнится, мы стояли с ним на берегу Оки, и с той стороны, из деревни, несутся к нам звуки деревенского праздника. Послушник мне и говорит: – Дух у нас в келье складывается особенно. Ведь я вот тоже из деревни и тоже гулял на улице. А пожил в монастыре и страшно кажется теперь туда попасть, и звуки эти, песни и все страшно, будто какие-то животные.

Страшно, нехорошо, а втайне хочется. Мне кажется, я с этим чувством послушника, слушающего со страхом песни родного села, я так и родился на свет. Не случайно пришлась мне в лице Ефр. Павл. такая жена, с которой я никуда не мог показаться в обществе. Не случайно и Ляля нашлась, она хотя и из обще-

ства, но у нее тоже такая душа, как у меня, и недаром она любила монаха. Какое-то у обоих нас промежуточное положение: и в келье холодно, и страшен козлиный гам за рекой из родного села.

Вчера говорили с капитаном об ужасах на передовых позициях. – А что, – спросил я, – мы с вами выберем, испытание голодом, как в Ленинграде, или там на позициях? – Конечно, на позициях! – не раздумывая, сказал капитан. Это потому, что там, на позициях, перед лицом смерти люди сдружаются, а от голода спасаются поодиночке, и каждый, [как] мышь в наводнение, ищет отдельного спасения.

Есть – и много их, мечтателей из работников искусства, уповающих на конец войны: они будут творить после конца. Им никогда не дождаться такого конца! Я же уповаю не на конец, а на то время, когда от войны сварится весь человек для новой, доступной и мне, старику, формы жизни. Это будет что-то вроде «ныне отпущаеши»[174].

8 Ноября. Вчера, вспоминая прежние парады, я вышел утром на Красную площадь, там было пусто. Стояли кое-где милиционеры. Какой-то странник в ушанке с большой палкой переходил площадь. На тонкой веревочке рядом с ним шла коза, видно, очень ручная, постоянный друг этого странника. Он прошел площадь, спустился вниз к набережной и спокойно дошел до Каменного моста, и по мосту свернул в Замоскворечье, и там скрылся где-то на Б. Полянке между домами. Казалось, странник с козой в это утро, выйдя откуда-то, переходил Москву, чтобы снова выйти в большое пространство. Проводив глазами странника, я вспомнил в нем героя моего романа «Кащеева цепь»: не он ли, этот Алпатов, переходит Москву в знаменательный день 7 ноября? Не пора ли мне взяться за дело и рассказать его историю с тех пор, как я остановился...

Пороша.

Вчера, 7-го, при ярком небе до восхода на крышах белый мороз. Когда солнце взошло, мороз стал сходить и крыши чернеть.

Но городские дома все разные высотой: большие дома бросают тень на малые, и так есть дома в вечной тени. Вот там, где оставалась тень, мороз перележал весь день и остался на ночь. Так началась зима: кое-где на крышах снег от мороза перележал до ночи. А после полудня пошел снег и лег этот снег новый на вчерашний. Сегодня утром все крыши были ярко-белые. Бывало, когда такая первая пороша заставала меня в городе, я отводил себе душу на следах по крышам домов, с высоты своего шестого этажа там и тут возле труб я радостно наблюдал путешествия котов, оставляющих разные цепочки следов. Сегодня следов этих не было, и белые крыши оставались пустынными: наверно, люди военного времени по недостатку питания себе бросили кормить котов, и они постепенно перевелись в Москве.

И в городе даже становится светлей и радостней на душе от первой пороши. – С обновой, с обновой! – встречаясь, говорят люди. Но коты в это радостное утро так и не вышли на белые крыши.

Даю слово никогда не писать рассуждений, а писать всякую мысль в законченной образной форме. Крепко берусь за это для экономии времени. Кончено. Клятва!

У Шишкова за ужином была гречневая каша и большая роскошь по нынешнему времени – сливочное масло.

– Берите больше масла, – предлагала хозяйка Клавдия Михайловна, – маслом кашу не испортишь.

9 Ноября. Вчера за день пороша сошла. Сегодня с утра валом валит. Наш отъезд в Усолье назначен на 12 ночи.

Жизнь изменчива, но А. В. упрям (поповская кровь). Упрямство не спасло – жизнь ушла: «привыкну, разлюблю тотчас»[175]. А корректив физический останется несмотря ни на что в силе: доходит до этого – так нет и нет. – Как нет дыма без огня.

– Наплевать! – сказал Михаил. У меня есть своя звезда: нет огня на земле – я возьму на звезде.

<*Зачеркнуто*: Имею свою звезду от рождения и она до смерти моей будет гореть. Весь вопрос об «огне» для тех вопрос, у кого нет звезды.>

10 Ноября. Пороша каждую ночь, но за день в Москве ходим в ужасающей слякоти. У Ляли непрерывная ангина.

Русская культура в семенах возрождения (разговор с Марией Алексеевной). Героиня падуна: женщина так предается идеальному мужу (от идеального чекиста до Христа), что сама принимает образ мужа: «мужественная женщина».

Хочется и Надо: хочется жить, а надо умереть, вот и вся история человека со всеми его государствами, обществом и религией личности.

Забота о всех дело государства и общества. Забота о каждом (личности) – дело религии.

11 Ноября. Читал книжку о церк. благотворительности в древнее время, автор Троицкий цитирует слово Евангелия Иоанна о том, что «нищие с вами всегда, а Христос не всегда»[176], таким образом: «нищие будут всегда». Передернув так слова апостола, попович этим выпадает против социализма – что, мол, ничего не поделаешь, нищие будут всегда, и выставляет церковную благотворительность, как могучее средство помощи бедным, т. е. что это всем сделать... нельзя, но помочь можно каждому. В этом противопоставлении церковной благотворительности и социализма для меня открылась основная фальшь, я не стал и читать, а Ляля от книги в восторге, потому, вероятно, что она по природе своей добро-деятельна. Напротив, я, тоже добрый человек, в смысле расположения своих мыслей и чувств не обладаю живым стремлением помогать бедным, и мне помогать им непосредственно почему-то всегда стыдно. Еще одно коренное различие в нас: она, любя добродетель, не любит вещей и не связывается с ними совершенно, у нее никогда нет ничего. Даже свою способность женщины удовлетворять физическую любовь она готова всегда отдать за добро и не отдает только потому, что любит меня в Боге, и это служит ей препятствием. Таким образом, Ляля – это физическая христианка, «урожденная» и никаких романов с вещами у нее не происходит, как у меня (тоже слабовато). Из всего сказанно-

го вывод: есть люди многострастные и есть однострастные, мы с Лялей – однострастные, у меня страсть – красота в природе, у Ляли – добродетель.

Прямых линий нет в природе, прямая внесена в природу человеком с пересечением центростремительной силы всемирного тяготения. Наша прямая человеческая пересекает эту линию тяготения, и все движения через это становятся не по кругу, а по прямой в бесконечное будущее. И мы веруем, что там впереди будет лучше.

Вечером состоялся журфикс: Всеволод Вячеславович Иванов с женой Тамарой Владимировной, Сейфуллина, Чагин с женой. Читал рассказы о «маме». Иванов поднял вопрос об оскудении поэзии.

– Какая поэзия без дружбы, – ответил я, – вспомните время Пушкина, – какая там была у людей дружба. А вот на днях один лейтенант приехал с фронта, рассказывал нам, как они обливали водой трупы, морозили и делали из них баррикады. Там людей уже и не жалко, спросили его. А он отвечает, там-то вот и жалко, там быстро привязываются друг к другу, там перед лицом смерти большая дружба, увидите, когда кончится война, они нам это привезут.

– И вот тогда, – сказал я, – можно будет думать и о поэзии, будет дружба, будет и поэзия.

– А если не придет дружба? – спросил Иванов.

– Ну, это дело веры, – ответил я, – нам нужно еще не один графин выпить и не два, чтобы разговаривать о вере.

На этом и покончили, а Чагин рассказал о своей беседе с епископом Николаем[177] после его приема у Сталина: доволен был приемом, так доволен: «чего-чего не надавали – и синод, и курсы; так мало того, под конец спрашивает: просите еще, говорите, что надо».

А еще мы беседовали о собаках, и я защищал охотничьих собак перед домашними: охотничья собака привязывается к человеку не через еду и ласку, а через охоту: бросит еду, бросит половую страсть и любит человека не для себя, как домашняя, а для охоты.

12 Ноября. Опять грипп! Надо сделать усилие и поехать из Москвы на охоту.

13 Ноября. Порошит. Собираемся на лося. Рассказал все Ляле на тему «раскол не даром был», т. е. что революция вышла из раскола и определила характер победного действия. Она очень согласилась со мной при следующей оговорке: – Может быть, я когда-нибудь переменю свои взгляды, но сейчас я считаю революцию злом и очень понимаю, что она вышла из раскола, потому что раскол был основным злом православной церкви.

Итак, раскол состоял в том, что содержание любви, веры и дела раскололись на веру без дел (официальная церковь) и на дела без веры (раскол в своем последующем выражении: революция).

14 Ноября. Вчера в 7 ч. по радио объявили, что через 10 мин. будет передано важное сообщение. После того начались обычные позывные: «широка страна моя родная»[178]. Я стал с волнением ждать, Ляля посчитывалась с Марьей Васильевной и не обращала внимания ни на позывные, ни на последующее о взятии Житомира, на наши салюты. Я же стал у окна, любовался фейерверком и считал залпы с интересом и удовольствием. Глуповато, правда, в который раз глядеть на ракеты, но делать нечего, чувствую в себе ребенка и радуюсь и огням, и что немцев бьют, и генералам, вырастающим как грибы на полях сражений. И вообще, ведь это чуть ли не впервые, что мы бьем, а не нас бьют, и что мы, дрянь такая, что-то большое теперь значим.

Читал о расколе, понимая своеобразие русской истории, в которой инициатива движения всегда находится в руках государства, а не народа: Никон, Петр, интеллигенция, большевики, и так, что даже картофель вводится в культуру с оружием против народа. Так что и революция происходит не от народа, а от государства: народ безмолвствует[179]. И революцию интеллигенции надо понимать, как недовольство данным состоянием государства, и каждый деятель интеллигенции («революционер») является претендентом на трон… Итак, это неверно, что

революция происходит от раскольников: она от государства движется и к государству. Старообрядцы противопоставили этому движению... Теперь после революции и победы начала сошлись с концами, жизнь начинается вновь.

Раскол с какой-то точки зрения есть национализм в своей центростремительной силе. Напротив, дело Никона подчинено центробежной силе, универсальной (вселенская церковь). Это обратное расположение сил, образующих естественное круговое движение истории, привело у нас к подавлению национальности, и трагическому идейному устремлению интеллигенции по прямой вперед. Вот почему идейно мы улетели далеко вперед, а национально отстали от всех в мире. Отсюда открывается перспектива на будущее: после войны Россия устремится в себя, и в первую очередь будут вскрыты моральные сокровища нашей религии.

Эсхатология. Отец расстрелян. Жених расстрелян. Сама в ссылке, в тюрьме. Работа на канале. Вот отчего религиозное чувство сопровождается эсхатологическим (чувство конца мира, разделение на здесь – временное и там – вечное). Отсутствие интереса к политике, ко внешнему устройству, к вещам. В точности современные староверы[180].

Думаю о своей героине – раскольничьей старухе с ее эсхатологией, думаю о прекрасной маме, создаваемой детьми, вижу перед своими глазами страдальческую душу. Наконец, в себе вижу, в своей судьбе, как страдания, лишения привели меня к творчеству, наконец, ужасное бедствие всего народа, выходящего победителем. И как же после всего этого опыта не признать наличие исходного страдания всего творчества человека!

Но страдание дается и неизбежно, а радость делается, и вот тут в путях творчества радости происходит разделение: одни (эсхатология) всю жизнь на земле принимают, как страдание, как обреченность человека на распятие и сопричастие Христу, и делом своим считают (творчеством) организацию радости при уходе из этой страдальческой жизни в ту, радостную.

Другие люди каждый момент своего бытия понимают как борьбу со страданьем и их «здесь» и «там» является как начало и конец их ежедневных усилий в деле преображения жизни.

Ежедневно утром они становятся на молитву, собирая себя в предстоящем им усилии. Одному удается это лучше, другому хуже, третий совсем не может преодолеть «греха» (страдания).

NB. Страданье есть последствие греха, т. е. падения: упал – впал в... ушибся.

Итак, есть два понимания жизни:

1) одно (раскольники, отчасти и православные) имеет предметом своим всех людей, определенных на страдание здесь, на земле, и радость там, имея в виду соответствующие усилия каждого (ад или рай).

2) Другие не думают о всех, равно как отрицают границу между жизнью той и здешней: общей грани нет, но она есть для каждого в каждодневном и каждочасном усилии преодоления смерти.

Разница между первым и вторым в том, что мысль о всех во 2-м исключается, как нереальность, а единственной реальностью устанавливается личность (каждый) в своем творческом движении.

Третье понимание, материалистическое: усилие каждого (личности) не считает реальностью, а единственной реальностью считает дело всех, общее усилие для создания жизни лучшей здесь на земле для каждого.

Социализм – это дело всех (общество).

Религия – дело каждого (личности).

Каждый может найти себе место в соц-ме, но если в соц-ме станет вопрос – все или каждый, то каждый (т. е. личность) приносится в жертву всем. Наоборот, если в религии спор явится между всеми и каждым, то все даже со всем с их землей превращаются в ничто перед личностью в Боге.

Вся история есть борьба между каждым за себя (в Боге), т. е. личностью, и всеми, или между властью духовной и светской, или, как теперь, между церковью и социализмом.

– Ну, и попали в положение!

– Ничего не поделаешь: согнули бумагу, и рваться будет она там, где согнули.

Ум приспособительный – характернейшая черта русского народа – и какой это ум!

И вот на этот ум пришла лазейка...

15 Ноября. Приехал Петя из Пушкина, сказал, что за Москвой легла зима и снегу столько, что становится трудно ходить, а беляки еще рыжие. Уговорились ехать в четверг на лося.

Открыл себе, что мой стиль речей в обществе и в писаниях, с обращением к хорошему человеку-другу, заправленный во мне речами Репина, писаниями Розанова, принят мною от народа и является исконным русским стилем, начиная от протопопа Аввакума[181]. Калинин тоже так говорит, обращаясь к хорошему человеку.

Читал легкомысленно-талантливый роман Толстого «Хождение по мукам»[182], обиделся на злую карикатуру Блока, но радовался женщинам. Вот бы Горькому в «Мои университеты»[183] – изобразить хороших женщин, которым он, как и Толстой, целиком обязан, как и все мы. Взять от Толстого для своей «Былины» частично легкость и свободу словесного потока, подобно тому, как взял я незаметно для всех эту легкость у Джека Лондона для своего «Жень-шеня».

Сколько мучений доставляла нам теща в Усолье, но теперь здесь, в большой квартире, живем очень хорошо. В этом для Ляли хороший урок уважения к людям, направляющим свою деятельность к перемене внешних условий жизни, т. к. если не единым хлебом жив человек, то и без хлеба жить он не может. И если бы каждый про себя смел думать: «я-то могу и без хлеба, я усилием духа сброшу с себя то, что питается хлебом, и уйду свободен в вечную жизнь, – я так могу, пусть! Но ты-то, мой друг, смотрю на тебя, ты слаб сейчас, ты этого не можешь, жалею тебя и нечего делать! Иду в поте лица добывать тебе хлеб».

Вот откуда происходит правда традиционного этического русского социализма: правда эта в борьбе с заносчивостью личности, презирающей земную жизнь, равно как с демонической индивидуальностью, возвращающей свое частное к общему.

Вот почему гнушение браком Ляли и Олега было ересью, искажающей в корне дело любви.

16 Ноября. Пришло известие, что Ставский убит на войне. Тяжело было думать, что ушел человек с такой неустроенной душой.

– Мне жаль его, – сказала Ляля.

Я ей ответил, что с этой стороны «нестроения» мне тоже жаль его. Я даже пытался найти какое-нибудь оправдание поведению его в моей борьбе за «Фацелию» и, все вспомнив, не нашел оправдания. Но моя «Фацелия» на днях выходит в свет, и я сам жив, а он мертв. Я победитель в этой борьбе за слово, и ему вреда от меня не было.

На губах висит сказать «христианский социализм», но он ведь уже давно был провозглашен в Европе, и теперь эти слова кажутся кощунственными в отношении нашего социализма. По-видимому, такой социализм присущ Евангелию, содержится даже в словах: «люби ближнего».

«Хождение по мукам» надо бы назвать «Скольжение по мукам беллетриста». Художник настоящий начинается в муках своего собственного этически-философского разрешения вопросов жизненной современности и, переболев ими, обращается к средствам своего художественного таланта. Так писал настоящий Толстой, а у этого Алеши муки-то не свои собственные, а чужие, внешние для него, и он ходит как беллетрист превосходнейший. Вот к этой легкости, светскости пера у меня в душе тайно была всегда зависть точно так же, как всегда втайне меня тянуло к аплодисментам, <*зачеркнуто*: к геройству>, к танцам, к успеху у женщин, хотелось быть графом, князем, миллионером, Дон-Жуаном. Может быть, А. Н. Толстой знает свою дешевую легкость, и ему хотелось бы погрузиться в муки, но он «граф» и не может: он родился веселым и в веселье своем не оправданным, как был оправдан третий Толстой – Алексей Константинович. Вот то – счастье, того бы я открыто хотел для себя и для всех пишущих.

17 Ноября. Оттепель. В Москве весь снег слетел. Сегодня Петя приедет из Пушкина и завтра утром едем в Усолье на лося, на зайцев и вывозить оставшиеся вещи. Взять с собой: 1) папку с Былиной, 2) бумагу, перо, чернила, карандаш, зап. книжку, 3) патроны для 20-ки.

20 Ноября. Усолье. Любовь – это общее чувство: любовью, как хлебом, весь мир живет. Но каждому, вступающему в любовную связь, кажется, будто его любовь не такая, как у всех в мире, что он в этом единственный и в простоте своего опыта через это пристрастие делается собственником всего, что попадает в лучи его чувства.

Так через пристрастие происходит собственность, за которую все между собой дерутся, любовь перерождается во власть и попадает в руки дьявола. Значит, власть есть любовь дьявола. Без любви какой труд! И вот, трудясь, вкладывает любовь свою в землю, и земля, как и женщина, тоже делается собственностью, и так всякая вещь на земле, происходящая в своем создании от личной любви, перерожденной в пристрастие. И вы, граждане, имеющие в виду построить коммунизм, имейте в виду самую причину образования собственности, эта причина заключается в самой творческой силе любви, возбуждающей в субъекте своем процесс создания фетиша из всего любимого...

Надо освободить любовь от пристрастия.

Снег пошел, наконец.

Вечером за чаем, обсуждая Петину неудачу в устройстве лесничим в Усолье, Ляля заметила, что есть получше места. Я возразил ей, что в охотничьем отношении и рыболовном под Москвой таких мест нет. Начался спор, раздражительный для меня тем, что она охоту не любит, природу нашу охотничью не понимает, а судит. Между тем она эту природу нашу прямо назвала «порочной». На мое возражение: – Пусть порочная, болотная, я сделал из нее свой сад, ты на курортах южных по саду ходишь, а ты вот сделай на севере сад.

– А в твоей литературе тоже частица порочная, об этом-то Платонов и сказал[184], и т. д.

Увлекаясь защитой природы моей и работы, я не заметил, что она спорит со мной, имея в виду одного Петю: ей было обидно, что я при Пете ей резко возражаю и показываю ему наши несогласия, что, имея в виду прошлое скандальное выступление Пети против нашего брака, я должен был в таких спорах учитывать ее самолюбие, что в словах ее должен был понимать женщину и не спорить. Ночью она мне все высказала, и я ей сказал: – Я, конечно, виноват, что в споре своем смотрел в природу и в литературу, не обратил внимания на слабую больную душевно женщину. Я виноват, но ведь и ты виновата: ты знаешь, что я две недели был болен и с постели прямо в лес, что я три дня тому назад бросил курить и т. д. Ты убежденно служишь, как сама говоришь, моей личности, т. е. моей душе, наконец, тебе 40, а мне 70 лет! Ты бы должна была вникнуть в мои слова, а не вынимать против меня свою бабью шпаженку. – Эти слова ее пробрали, и так, разделив вину, мы под утро заснули на полчаса.

Так было мучительно и так хотелось покурить! Так мучительно, будто все горело внутри, и табак представлялся, как вода на пожаре: только покурю и все затушу. И вспомнилось мне, что лет 10 тому назад, когда я бросил курить, один измученный на общественной работе человек сказал мне: – Бросили? Закурите. На это я ему ответил: – Вот уж я-то не закурю, сказал нет – будет нет табаку. Курильщик посмотрел на меня с холодным удивлением и ничего не сказал. Теперь я понимаю его молчанье, он в этом молчании говорил мне, что закуривает-то человек не от радости, а с горя, что в благополучии бросить легко. А вот попробуй-ка брось на общественной работе или на войне, когда знаешь, что сегодня жив, а завтра нет тебя. Как же так можно гордиться своей благополучной жизнью и обещаться не курить, хорошо ли это?

Сюжеты: 1) Эвакуированный козел. Возвращение эвакуированного стада возле Ботика. Измученные путем люди, узнав об эвакуированных из Ленинграда детях, подарили детям новорожденного козленка. Директорша несла его на руках, висела пуповина. Дети хотели подергать, а директорша: – Нельзя

козла обижать, – он эвакуированный. – Так же, как мы? – Да. – А где его мама? – А маму обратно эвакуировали домой. – В Ленинград? – Нет, в Калинин. Дети стали ухаживать (сделали соску), пока не окреп и перешел на попеченье кухни: то накормят, а то и забудут. Плохо. Стала заботиться бабушка: куры, дети, козел. Топает по лестнице. Он приходит к бабушке, только если ему есть недодали. А когда поест, то уходить не хочет. Она его уговаривает. Он не слушается. Выпихивают. Дети приходят ежедневно, приносят не только хлеб, но и ласки, а козел...

2) Водяная курочка.

3) Бежал Вася из плена[185], оброс, опух, в лохмотьях, в Переславль в темноте к родному дому. Страшится просить ночевать. Старуха: – народу много. – Нет, у вас только двое. – Как ты знаешь? Молчит. – Положить негде. – Да у вас три койки железные. Да хоть возле двери положите. Девочка: – мама, он на Васю нашего похож, не Вася ли? Всматриваются, не узнают, отговаривают, к соседям посылают. Девочка узнает: – Это Вася. Обнялись и стали самовар ставить.

а) В Пушкине перед войной ветеринар, чтобы освободиться от службы, выстроил дом (с каким трудом, с женой). Сжились. Война, похоронная. Два года пенсию получала. И вдруг письмо: был в плену и был освобожден. Наступление Красной Армии. Радость: дождалась.

б) Соседка ветеринара, получив похоронную, вышла замуж уверенная: ведь и похоронная была, и пенсию получала два года. А вот теперь: – А если придет? Счастье померкло: одно исключает другое.

в) Была третья семья: знала, что жив, что даже герой, но полюбила и вышла. И вот пришел. И она, простая женщина, стала матерью героя, а мужа любила как мужа.

21 Ноября. Весь день провел на охоте.

22 Ноября. Не учитывая Лялиного душевного состояния, брякнул: – После этой охоты чувствую себя впервые после долгого времени совершенно здоровым. Она подумала, что я это не просто сказал, обрадовался охоте и сказал, а что я в ее

огород в присутствии Пети пустил камень. Она что-то мне сказала, а мне и тут невдомек, и я ответил: – А твои близкие люди все герои Достоевского, все вы разве здоровые, все – продукт разложения. Я это и раньше не раз говорил, но тогда она не придавала значения, теперь же слова мои были как нож в открытую рану...

Когда у нас разгорелась семейная сцена (все, я думаю, из-за ревности ее к Пете), я ей сказал, что мое положение сейчас похоже на положение Вронского в «Анне Карениной»: тот думает о скачках, а она к нему со своей душой пристает, и оба друг друга не понимают. Так вот и я сейчас радостно говорил об охоте, а она ко мне со своей ущемленностью (через Петю). – Этого, – ответила она, – я всегда и боялась, что ты не тот в действительности, каким я тебя полюбила. После этого мы каким-то образом подошли к Олегу и она мне сказала: – Олег был гений, а ты кто? Разве ты гений? И сделала мне ту женскую улыбку презрения, ранящую душу больно-пребольно. Я, однако, за время занятий своих литературой приучил себя к этому удару. Я ей спокойно ответил, что у нас, служителей искусства перед Богом у всех равенство: пусть Пушкин велик, но то, что я делаю, он не мог сделать. И он, если бы встретил меня, обнял бы меня как равного, и мы перед Богом нашим чувствуем себя в равенстве. Но, конечно, если бы пришла женщина, и у нас начался бы из-за нее спор, то эта женщина могла бы уколоть меня: «Ты не Пушкин, и не Толстой, и не Тургенев».

Ничего этого я не сказал ей, вернее, не сумел сказать, и сейчас сказать не могу, потому что мне жалко ее, очень хорошая она, но измученная. Надо взять понимание из самого себя. В душе моей, верю я, таятся слова неисчерпаемые и, сжигая мысленно все свои книги прошлые, я держусь за веру свою в то, что напишу, наконец, книгу несгораемых слов. Эта вера, однако, держится вся на какой-то вечно дрожащей струне и – такое дело художника – на открытой струне: каждый может махнуть по ней кулаком. Так я и живу вечно под грозящим кулаком. (– Разве, – говорит она, – ты-то сам не чувствуешь, что есть кто-то выше тебя, придет и поведет тебя? – Бог, – ответил я, – да, но человека такого не чувствую, потому что перед Богом

я в смирении, а перед человеком я считаю себя не идущим за кем-нибудь, а ведущим. Это женщина ждет высшего, кто ее поведет, а мы сами ведущие.) И так через самопонимание к ней: на мою струну нельзя наступить, и у нее такая же и еще более чувствительная: она сама царица, женщина-царица, Дева любви, и вот я прихожу к ней и говорю: это Ты! У меня почитатели, я их верой живу. Они мне говорят: это ты! а у нее только я, единственный ее «читатель» и поклонник. Михаил! пойми, как же серьезно положение и с кем ты играешь? Помни всегда, что с царицей спорить нельзя, как с простым человеком: ты споришь, значит, ты отрицаешь, что она царица, и она тогда неминуемо говорит нелепости, как будешь и ты говорить, если на твою струну будут наступать сапогами и говорить, что ты просто говенный поэт. Будь серьезным человеком, Михаил, брось этот спор навсегда: не спорь никогда, и Золотая Рыбка, Царица морей, будет служить тебе, как никакая женщина, ни простая, ни знатная не будет служить.

Только не спорь. Кончи это и относись к ней, как к царице. Заруби себе это на носу: ни-ко-гда! – Но позволь, Михаил, если тебе в твоих повседневных отношениях будет нашептывать голос тайный: «какая она царица!» – как ты будешь с этим бороться? Избавь меня от лукавого, буду я отвечать на этот шепот. Да разве, когда я Богу молюсь, не слышу я голос: нет Бога, ты сам Его делаешь. И я отвечаю на это: да, делаю, творю Бога, прибавляю что-то свое новое, но от кого это во мне – от Бога же? Так и тут: живет Царица Небесная в душе моей слабенькой Ляли, и я буду к этой Царице что-то свое прибавлять.

24 Ноября. Летит снег. Отправили вещи с Петей и Варей в Москву. Петя выедет из Москвы или в четверг на ночь, или в пятницу. Значит, в субботу или в воскресение будем охотиться на лося. А Иван Трофимович начал.

Наконец-то мы опять в деревне вдвоем, как было в Тяжине. Ляля счастлива.

Наполеон был гений, но не святой. Чудо есть свидетельство гениальности святого, и мощи... Кто в истории был святым гением? Или гений и святой исключают друг друга?

25 Ноября. Сегодня выдержал искушение мелочью и сумел воздержаться от спора, но понял, этого мало, воздержаться от спора: нужно еще самому в себе преодолеть возникающую при споре неприязнь: что это, если воздержаться от слова резкого, а в себе сохранить отравляющую душу неприязнь к другу. Значит, надо что-то делать с собой раньше, чем на языке появляется бранное слово (спор это – брань или война). Словом, воздержание от спора должно исходить из миротворчества.

В наше время люди получали образование или в университете, или в церкви, и все образование получалось через уважительный страх к стоящему выше тебя: в церкви – священник, в университете – авторитетный профессор. А сектанты, все, групповые или единичные, лишены образа, определяющего образование. Это происходит у них от гордости, прерывающей свободу потока любви. Самомнение человеческое порочит у них образ Божий, и потому они необразованные.

Жил один отец, как достойнейший пример двум своим сыновьям, и они видели ежедневно достойный образ, чтобы сделаться людьми образованными. Но они жизнь отца не сделали себе примером. Теперь этот отец спрашивает: – Они смотрели и не видели, почему же они не видели, разве мало было им для воспитания моего личного примера? – Мало, отец, – ответили ему, – для образования поведения твоих сыновей мало твоего личного примера, нужно еще слово, а ты, показывая пример, не принуждал себя внедрять в них через этот пример слово. Мимо чудеснейших примеров добра и красоты люди постоянно проходят, не обращая никакого внимания. А в слове есть сила, принуждающая к этому, и вот почему мало того, чтобы жить достойно и служить примером: нужно еще и что-то сказать. Так что не всегда бывает правильно «меньше слов, больше дела», бывает наоборот: «довольно дела, нам нужен смысл, нужно Слово».

К собачьим рассказам: Норка беременна. Капитан не отходит от моего крыльца. Этот Капитан кроме своей хозяйки ни к одному человеку не подходит. Я много раз соблазнял его даже

говядиной – нет! Теперь гоню его от дома поленьями каждое утро. И вдруг в это утро он, не обращая внимания на полено, подходит ко мне. Я тронут, ласкаю. Он идет со мной на прогулку в поле, в лес. День, два. Я ослабляю бдительность. Капитан улучает минуту и кроет Норку. После того больше ко мне не подходит.

Ангел-хранитель. Случалось так наверно не со мной одним, а почти с каждым работником, что в трудный час придет кто-нибудь к тебе и подскажет: вот то-то ты можешь сделать, и ты сделаешь, а не подскажи он, этот друг, ты и не знал бы того, что можешь. Есть он почти у каждого, такой друг-советчик, <*зачеркнуто*: или по-древнему Ангел-хранитель… уходит, приходит, откуда знает о тебе>, и не знаешь только, где он живет, куда обратиться, на восток или запад, чтобы позвать его; на север, на юг кличешь – и не приходит, а умолк и опустил руки в изнеможении, – он тут, работает за тебя. Увидишь и опять обрадуешься и опять забудешь спросить, где он живет,<*зачеркнуто*: твой Ангел-хранитель и после так и не знаешь> даже потом с недоверием к себе самому после спрашиваешь: не во сне ли это так все мне показалось?

Можно жить, можно плыть в потоке любви, но разве можно увидеть, обнять, представить себе самый образ Потока? Так и нельзя увидеть любовь как Бога: никто нигде и никогда любовь как Бога не видел, а только веровали люди в разных богов любви, и мы веруем во Христа, как в источник самой любви.

27 Ноября. Снизили хлебные пайки на 100 гр., и цены на хлеб и на все сразу вскочили, и с ними высоко поднял голову Змей (который в избы по трубам влетает). Этот удар пришел так незаметно и так ужасно, как ужасно незаметно весной в половодье приходит в береговые норки вода, и зверушки в ужасе, не помня себя, бегут куда-то, неизвестно куда.

И мы, конечно, тоже сразу же взяли под сомнение прочность нашей жизни в Москве и закрепили за собой жилище в Усолье. Но возможно, эта деревенская осторожность преувели-

чена. Надо... Во всяком случае мне так выгодно: Усолье остается за мной.

Чувство родины сейчас связалось у всех с концом войны: кончится война, сделаем все последнее дружное усилие для конца, и тогда все то хорошее, что мы ждем, будет родиной. Недоверчивые язычки лизали дни заседания конференции, но взятие Киева и речь Сталина рассеяли все сомнения, и опять стало радостно ждать конца, почти так же, как в старину раскольники ждали конца света, чтобы начать новую жизнь. И вдруг после всей этой подготовки в собирании всего народа для последнего удара по врагу – этот страшный удар по себе!.. И все в одну мысль сошлись, что это Америка ударила по нам, что на конференции произошла скрытая от нас катастрофа. Впрочем, все эти переживания проходят как волны. Пройдем, хуже было.

28 Ноября. Снег тает, на обдувах не видно следов. Гоняли русака – не вышло. Тропили беляка – не подняли. Петя стрелял в лисицу, она, сильно раненая, потерялась в Блудовом болоте. Не скажу, силенок не хватает физических, а скорее нет уже прежнего девственного духа, чтобы выносить скуку охоты.

29 Ноября. Легенькую порошку скрепил легенький морозец, и тишина была прекрасная и свежесть. Гоняли зайцев. Завтра справимся в Купани о лосе и на днях в Москву.

30 Ноября. И еще день на полградуса мороза, и совсем тихо. До обеда Петя подготовляет машину. После обеда на ночь идем в Купань и день 1 декабря охотимся на лося. 2 декабря поедем на Ботик с ночевкой и 3 рано утром едем в Москву. Так рассчитываем, а там, как выйдет.

1 Декабря. Вчера весь день валил снег. Ночь прошла без снежинки. Классическая пороша должна быть. Петя с вечера ушел на Купань бить лося.

Читаю «Типикон», и вся служба церковная является мне диалектическим раскрытием словесных судорог царя Давида и молчания рождающей Девы (Слово стало плотью).

И все пришло от евреев: вся духовная культура! И сейчас с материальной стороны кто побеждает мир? Америка, а в Америке евреи. Мир-то человеческий оказывается какой маленький!

Скоро будет (январь 1944) четвертая годовщина жизни нашей с Лялей: четыре года каких! За эти четыре года она, как охотник на зайцев, обошла меня со всех сторон, и я, как зайчик, лежу где-то во мху под елочкой и наблюдаю удивленно, как она меня кругом со всех сторон окладывает. Впрочем, мне это только приятно, потому что чувствую в себе какое-то «я-сам», свободное от оклада. Мало того! Я и в ней это же самое чувствую, и мы с ней в этом равные, и еще больше: не будь этого «я сам» во мне, она не стала бы меня окладывать, а я ее.

Клубок. Валил снег вчера, валил сегодня весь день, и лес наш совсем завалило, лес стал глухой.

– Какое это счастье, – сказала Ляля, – сидеть в тепле одним и смотреть, как падает снег! Тебе это вышла награда за твою мучительную борьбу.

– Мне моя борьба, – ответил я, – была в охоту, а вот тебе, да, за твое страданье, правда, это счастье.

– Да, я совсем счастлива! Давай шерсть разматывать, – предложила она.

И мы стали, глядя на падающий снег, распускать кофточку, она распускала и связывала нитки, я наматывал. Снег падал, клубок мой рос и рос, время незаметно проходило, как будто время, грызущее сердце, покинуло нас и сматывалось на клубок. Стало темнеть.

– Я как-то не чувствую времени, – сказал я.

– А это же и есть счастье – не чувствовать времени: мы наше время сматываем на клубок.

Мы зажгли лампу и продолжали наматывать, и время шло, и мы его не чувствовали. Потом стало клонить ко сну. Мы уснули, а клубок вырос до огромных размеров. И спали мы долго, может быть, мы столетья спали блаженные, а наше злое время отдельно от нас все моталось и моталось в огромный клубок.

И сколько снегу нападало. И весь лес стал глухой.

2 Декабря. Теплый снег в такой массе испугал зайцев, и ночью, хотя снега и не было, но они не вышли. И зайцы даже лежали, когда еще в полной темноте и тишине этот человек вышел из дома в лес и прислонился к дереву. То, что он делал в этот заутренний час было, с точки зрения «всех», бесполезно и бессмысленно. Именно, что он шептал какие-то слова с верой, будто эти слова, произносимые им в этой лесной тайне, войдут в жизнь, воплотятся и будут двигать людьми.

Военный рассказ: шофер так относился к своей жене и ребенку, что заглядывал домой, чтобы стянуть что-нибудь. Дома почти и не жил, и домашние даже не знали, как и когда он попал на войну. И вот он приходит на побывку и так переделался, что не наглядится на жену и носит ребенка по улице и просит прощения. Оказалось, что он в отпуск ушел незаконно, его назначили в штрафную роту, и он скоро был убит.

3 Декабря. Сильнейшая метель с утра. Свету не видно. Рассветало в лесу не как всегда, через светлые небеса за лесом, а прямо внутри леса само от себя. Через это стволы сосен, наполовину опушенные белым, казались гигантскими.

Завтра попробуем уехать из Усолья, если одолеем сугробы.

Но забыли мы, что осияно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.
(Гумилев)[186]

Из вечера стихов, прочитанных Лялей 4-го декабря, когда оказалось, что из Усолья в такую метель нельзя выбраться.

Петя клеит резиновые сапоги, Ляля читает стихи Гумилева и, прочитав одно стихотворение, спрашивает меня:

– Ты, наверно, видел Гумилева, скажи, какой Гумилев?

– Я видел его раз...

– Валерия Дмитриевна, – полушепотом спрашивает Петя, – мне нужно гвоздиков, где у вас гвоздики?

– Сейчас, – отвечает она ему. И мне:

– Где ты его видел?

– Видел я его у Манасеиной, редактора детского журнала «Тропинка»[187], за столом сидела, разливая чай, Манасеина и рядом с ней Поликсена Соловьева.

– Поищите, Петя, гвоздики, на столе в той комнате, в баночке от американского консерва. – Поликсена – это сестра Владимира Соловьева. Какая она?

– Стриженая дама лет под сорок, лицо удлиненное, глаза Соловьева – большие карие.

– Валерия Дмитриевна, – шепчет Петя из другой комнаты, – баночка от консерва пустая.

– Ах, я забыла, Петя, гвоздики я уложила. Сейчас приду.

И оставляет меня. От нечего делать я беру корочку хлеба, жую.

– Ну, так что же, Поликсена, а что дальше?

– Дальше раздается звонок. Это, наверно, Гумилев, сказала Манасеина. Вошел Толстой. И т. д.

(Записываю на память о мелькнувшем плане изображения домашней застольной беседы в двух, трех или больше планах. Мысль, перебиваемая необходимой хозяйственной суетой. Специальная дама-хозяйка, задающая формальные вопросы, на которые отвечать надо ловко, на лету. Чуть серьезно – и попадешься. Типичная Нат. Арк. – губернская светская дама.)

4 Декабря. Метель на вторые сутки ослабела. Берем с собой лопату и постараемся пробиться через сугробы. В последний час перед отъездом пришли девки и принесли нам за фотографии, сделанные в августе, хлеб и деньги. Это подстегнуло меня, чтобы не бросать фотографию, а зимой этой подготовиться к весне. (Значит, по приезде в Москву помнить о трех вещах: 1) избегать спора с Лялей. 2) Не соблазняться ни в каких случаях даже на одну папироску. 3) Наладить фотографию в Москве.)

Когда принесли хлеб и деньги, Ляля сказала:

– Вот, Бог послал!

А Петя, укладываясь, пробурчал:

– Послал фотоаппарат.

– Ляля, – поднял я Петино ворчанье, – ты слышала? Петя сейчас сказал, что не Бог послал, а фотоаппарат.

– Ну что же: это два понимания, одно через мотивы, другое через вещи. Сейчас, может быть, вся война проходит как спор культуры с цивилизацией.

И пошло, и пошло... Петя уперся, было, в природу, как в средство спасения культуры.

– А все равно и природа не спасет, если делать ее фетишем, не все ли равно, летать на самолете по чужому велению или землю пахать без Бога, как и снимать фотокарточки, а с Богом везде и всюду, чем бы ни занялся – все будет культура, значит – связь между людьми и любовь, вот почему мы говорим: Бог послал нам хлеб и деньги.

После рассвета началась опять снежная вьюга. Пробовали уехать и не могли выбраться даже из Усолья. Ляля вечером читала стихи.

Говорили об устройстве на Торговище возле Хмельников.

(Подготовить фототехнику, спиннинг, пчелиные отводки и пр.)

5 Декабря. Снежная метель продолжается на третьи сутки. Мы попали в мышеловку и сидим, готовые к отъезду. Необходимы два условия для выезда: 1) прекращение снега, 2) проход грузовой машины.

К вечеру прошло сразу 6 машин. Мы быстро уложились и распростились с Усольем. Около 12 ночи приехали в совхоз Пушкино.

У Пети в семье скарлатина: Ия с Сережей в больнице. Ввиду Лялиного горла, ночевали у Портновой. Эта умная Нина выросла из беспризорства и так, хлебнув в жизни всего горького, с подозрением относится ко всему «сладкому» в жизни. Из этого чувства подозрения всей жизни в обмане, вырастает тот путь общественного долга, которым жили наши старые революционеры до самого Ленина и его комсомола.

Ляля подходит к заподозриванию радости жизни религиозным путем, но психологически, конечно, исход этого чувства в личном страдании. На этом вырастает вся религиозная и революционная мораль: неприятие жизни земной в том виде, как она дана, и неизбежная необходимость личного воздействия на нее.

Вся моя жизнь как художника была вечной борьбой с этой моралью, точно так же, как было у Пушкина, Толстого, Гоголя (Декабристы, Чертков, о. Матвей).

Каким-то чудесным образом так сошлось, что у Ляли в душе не заглох живой родник радости жизни – безотносительный, и в то же время она обладает полнотой морали в смысле контроля поведения. К сожалению, Ляля, сама лично не связанная с искусством, выключается из этой неслиянности ликов искусства и морали – и становится обычной моралисткой.

Обе женщины, Ляля и Нина, напали на меня за Петю. Нина сказала, что я испортил Петю своими приманками к охоте и жизни вольной и независимой.

– Вы-то сами, – говорила она, – я понимаю, имели право на охоту, поэзию, свободу: вы подошли к этому... Но зачем вы сманивали сына своего на этот путь жизни без страдания? Сын ваш должен был пострадать лично, как все мы: у нас не на кого было надеяться.

– Кроме как на себя, – подсказал я.

– Зачем именно на себя, – сказала Ляля.

– Ты хочешь сказать, на Бога, но ведь Нина комсомолка.

– Все равно, и комсомолка. Не на Бога, так на любовь.

– На ближнего, – ответила Нина.

– А кто ваш ближний? – спросил я.

– Всякий хороший человек.

– Правильный ответ, – подхватила Ляля, – может быть, именно в простоте такого ответа и заключается правда.

Так обе соединились против меня: беспризорница Нина – за то, что я не бросил сына своего на самоопределение. Ляля – за то, что я был ему в своей личности образцом поведения, но не учил словом, обращенным к нему самому.

И я оставался [виноватым], как всегда с такими хорошими людьми, что не могу, как они, определить свои отношения к ближнему непосредственно – из-за каких-то смутных обяза-

тельств к Дальнему. Знаю, что не могу оправдаться перед ними «художником» (какой я художник), но в то же время знаю, что если не оправдывает меня сделанное, то, кажется, в будущем оправдает, и нельзя это будущее бросить. А в этой мечте о Дальнем забота о ближнем проваливается, как в решето.

Конечно, все-таки очень-очень хорошо, что Нина и Ляля судят меня с точки зрения морали ближнего, что бы это было, если бы все прощали мне, как художнику. Теперь я слышу их голос: сотням тысяч тебе далеких людей ты, как близкий друг, показал радостные огни впереди, но единственному твоему ближнему ты не мог сказать властного слова, чтобы он мог устроить жизнь свою по правде.

6 Декабря. Проснулись в 6 утра под хрип радио. Так вышло, что когда приехали в глушь, так огорошили вестью об урезке хлеба и через это спустили настроение д*о*низу, а приблизились к столице – узнали о конференции в Тегеране[188] – и опять ничего, хорошо и можно жить.

Часов в 11 утра приехали, поели, отдохнули, и я думал спокойно о нашем разговоре в Пушкине о том, что в мечте моей о Дальнем ближний проскочил, как в решето. Пусть проскакивает ближний, сказал я себе, пусть даже и все ближние проскочат к чертям: нет во Христе ни Дальнего, ни ближнего, и никакой ближний не соберет на мою голову упрека, если моя мысль о Дальнем лежит во Христе.

7 Декабря. От пустынного аскетизма через церковь, преломившись в толстовстве, пришло к русской интеллигенции стремление к спасению себя через отъединение от общества путем опрощения. Я был всю свою жизнь невольником этого чувства, и вся моя жизнь усеяна смешными и горькими попытками сделать что-то необыкновенное через такое опрощение в деревне у земли.

Однако душа моя была настолько здорова, что всякая ошибка шла ей на пользу: вот именно такое отъединение и опрощение воспитало во мне слово, как средство общения и выражения обретенного в одиночестве чувства природы.

В советское время, однако, такой уход в природу приобрел характер дезертирства, а во время войны это стало интимнейшей и желаннейшей мечтой, почти райским представлением жизни «после войны».

Так эволюционировал древний аскетизм от дела личного подвига в Боге в средство личного спасения в жизни земной; то, что древнему пустынному аскету было сладостным страданьем, то его нынешнему последователю является как счастье потребителя.

У нас есть средство верное: мы-то можем раскаяться в своих грехах, сознать свои ошибки и их исправить. Но как снять с себя грех вины на Духа Святого во имя блага своего ближнего? Ведь грех угашения Духа во имя блага своего ближнего наказывается тем, что личность человека превращается в полезную деталь механизма, потому что в сущности своей ведь каждая машина есть организация убиенных на пользу живых.

И в Дантовом Аду не представлено такое наказание[189], чтобы личность человека под предлогом пользы своему ближнему превращалась в какой-нибудь рычаг или шестерню, винт, вечно винтящийся, крючок, вечно перебегающий от петельки к петельке, или в фонарик с красной или зеленой щекой: красная щека запрещает, зеленая пропускает. Да, в то время, когда писался этот Ад, не мог еще Вергилий сесть за руль автомобиля и перед красной щекой фонарика в ожидании, когда фонарик повернется зеленой щекой, сказать своему пассажиру:

– Этот фонарик с красной и зеленой щекой был когда-то человек, преисполненный добрыми намерениями на пользу ближнего, это была премилая женщина Нина Портнова, выпившая всю долю человеческих страданий на пользу ближнего, но лишенная зрения в сторону источника Света. Так, не видя Дальнего в своей ограниченности, она выдержала слепую Голгофу на пользу ближнего и после смерти превратилась в сигнальный фонарик с красной и зеленой щекой.

Но самое важное, что нынешнему Данте вовсе и не надо бы было куда-то спускаться далеко в Ад подземный. Он бы все мог видеть, проезжая на автомобиле, не где-то там за роковой чертой, а прямо же на земле на улице большого города. Проехав немного дальше по зеленому сигналу фонарика, Данте увидел

бы человека, стоящего на невысокой тумбе с палочкой в руке. Этот человек повертывается к экипажам то одной щекой, то всем лицом: когда лицом – все экипажи стоят, когда щекой – движутся.

– Но ведь это же человек еще живой, – спрашивает Данте, – это не как фонарик после смерти живого?

– Нет, – отвечает Вергилий, – это человек живой, но он имел несчастье родиться прямо в аду и стал исполнять свое адское представление за грехи своих предков. Ты, Данте, имел счастье жить и творить на небольшом острове счастливых, ты не замечал, что ад давно уже вышел из подземных своих недр и распространился на поверхность всей земли. Вот смотри, идут процессии с красными флагами и портретами вождей, идут и поют. Ты, поэт, думаешь, будто они сами радостно покинули свои жилища и вышли на улицу и поют: только позволь им всем – и они бросят флаги и разбегутся по домам к себе. Нет, они идут не сами: точно так же, как тот фонарик и тот человек на тумбе, они обречены быть деталями общественного механизма. Оглянись вокруг себя, и ты увидишь, что ад распространился на живых, что граница между живыми и мертвыми исчезла.

А впрочем, я это лучше могу показывать тебе на войне.

В следующей главе Вергилий показывает войну, как механизм, как организацию убиенных, т. е. машин, и на организацию живых существ по подобию машин. Особенность психологии этих людей, заключенных в механизмы: будущее им представляется не как движение к лучшему, а как страшный суд,

После которого одни умирают в смысле исчезновения сознания, другие возвращаются в рай, как им представляется их прошлая жизнь со своими семьями в родной природе.

Есть еще особые грешники, которые, распространив свое страдание до Христова, упились им, как пьяницы упиваются горьким вином, и оно становится им сладким. Эта сладость страданья, доведенная до пьянства во Христе, в противоположность угашения духа приводит к издевательству над телом и гнушению браком.

А то есть грешники, создающие на причастии кровью Христа свое умеренное благополучие: это как бы воришки крови и плоти Христовой, принимающие вид особых церковных животных. На том свете у них вовсе отнимается разум, и человеческие черты остаются лишь поскольку мы узнаем их в чертах некоторых животных, например, у собак, обезьян, хотя у некоторых даже и такие черты вовсе стираются и психика выражается бесформенной живой плазмой, даваемой в ощущении холодной слизи...

8 Декабря. Гололедица.

За вчерашний день и ночь в Москве слетел весь снег.

И также в городе в один день слетели с нас деревенские настроения под влиянием тамошних толков по поводу урезки хлеба (что будто бы у нас нелады с союзниками). Москва слезам не верит! Радио передает о народном энтузиазме по поводу встречи в Тегеране и что там и тут колхозники на радостях жертвовали свои избытки хлеба. А мы-то ведь знаем, мы их видели, эти слезы колхозников по поводу лишения этих избытков. Но... что эти слова, что эти слезы искренние – из города, [где] основное материальное самоопределение строится все-таки на лимитном магазине и прочих приметах. Основное самоопределение в это время исходит от невозможности нравственно, т. е. лично определиться в этом всеобщем бедствии: ты ничего с этим поделать не можешь и благодари Бога, если тебе дают хлеб «днесь», завтра, может быть, и ты сам станешь жертвой времени. Вот почему все вздохи в сторону «бедных людей» фальшивы.

Тегеранская конференция временно заделывает всеми ощущаемую тревогу по поводу прочности союза капиталистов с коммунистами. Тревога эта откладывается на будущее, а на сегодня всем радостно объявление начала конца войны. Сила конференции в том, что открывается всё больше и больше бессмыслица сопротивления немцев: когда и для немца потеряется весь смысл их войны, то все у них, конечно, и развалится.

У Пети и у Левы ошибка в том, что они погнались за мной и не могли совершить, как я. Значит, ошибка моего приема –

действовать примером, – в том, что я дал им непосильную задачу, т. е. думал о себе, о своей цели, но не о «ближнем». Так что на своем пути я был лишен внимания к ближнему. А чтобы на большом пути сохранить внимание к ближнему, нужно определиться во Христе, соединяющем в себе и бесконечное движение вдаль, и особенное внимание к ближнему[190].

Слышал я, конечно, как все, что был Христос и пострадал и тем спас людей, но сами люди плохо понимают это и пользуются дарованным благом очень редко. Вот и все существенное, что мне осталось от домашнего воспитания и школьных посещений церковной службы. Прошло много, много лет, и вот я стал замечать, что когда мне удается что-нибудь в работе моей, то кажется, будто кто-то был со мной, помог и ушел. В особенности мне это стало ясно, когда пришла ко мне Ляля, мне стало с ней точно так же, как с тем, кто, казалось мне, являлся помогать и уходил: теперь, когда Ляля пришла, то и Он пришел с ней и остался, и я узнал Его и назвал.

Бывают у меня изредка ссоры с Лялей, я выхожу из себя и забываю о том, Кто с нами. Но после некоторого времени я чувствую ужасную пустоту, прихожу к Ляле, мирюсь с ней, и тогда Христос опять к нам возвращается и с нами постоянно живет и работает.

Случается на трудной работе, когда час решает за год, будто кто-то придет к тебе и подскажет, как надо сделать, и ты это сделаешь и потом сам себе удивишься.

Так годы и десятки лет проходят в труде, и это уже станет в привычку ждать помощи от неведомого друга. Не все в этом разбираются, не все замечают, но у всех он есть такой друг-советчик, и наверно, поэты его-то и называют музой своей, а простые верующие люди ангелом-хранителем.

Иногда до того близко чувствуешь, бывало, возле своего труда этого Друга, что кажется, вспомнить бы в то время, спросить бы Его, где Он живет, как его вызвать в трудную минуту, и Он бы ответил, и ты бы знал и был бы в жизни самым счастливым.

Но счастливое мгновенье проходит, и ты не спросил, а когда станет опять очень трудно, то опять мучишься и не знаешь, куда обратиться – на восток или на запад, чтобы позвать Его. Кличешь на север, на юг – и не приходит, а умолк и опустил руки в изнеможении – глядишь, Он тут и работает за тебя. Увидишь, обрадуешься и, конечно, опять забудешь спросить, где Он живет.

Когда пришла ко мне Ляля, то и Он тоже пришел с ней, мой неведомый друг, и остался. Я теперь больше не спрашиваю, где Он живет, на востоке, на западе, на юге или на севере. Теперь я знаю: Он живет в сердце моей возлюбленной.

9 Декабря. Гололедица.

С того самого дня, как прибыл в Надвоицы...[191] (начал писать «Былину»).

Вечером был Попов и рассказал нам, что началась по распоряжению правительства чистка Союза писателей и других учреждений искусства, чистка от избытка евреев, что С. П. Бородин попал в Киностудию и там чистит. Обсуждение конкордата с папой. Если это правда, то страшное в фашизме есть то, что злоба на евреев распространяется и на Св. Писание, и даже на Христа: страшно, потому что бессмысленно.

– Америка победит мир, но сама-то Америка, т. е. Американские варвары от встречи с европейской культурой переменятся.

После того, как брат Саша отдал любовь свою другой женщине[192] и умирающий вернулся к старой жене – что она получила, старая жена.

– Могилу, – сказал я.

А Ефр. Павл. ответила: – И то хорошо. Сядет на могилу она и будет говорить: мой, все-таки мой!

Ляля сказала: – Чудовищное выражение собственности.

– А вместе с тем, – ответил я, – и утверждение постоянства: на трупе я утверждаю неизменное, а та другая – миг пролетающий. В этом, наверно, и есть трагедия собственности: в попытке тленное сделать вечным.

Ближний	Дальний
в каменном веке:	
жена занимается ближним	муж на охоте дальней
центростремительная сила	центробежная [сила]
(ближний)	Дальний (дух)
Любовь	Творчество

10 Декабря. На спектакле «Щелкунчик» в Большом театре Ляля открылась, что она нездорова и пришла, пересилив себя. Дома поднялась высокая температура, я встревожился, представляя себе, что останусь без нее жить. Она это поняла и сказала: – Ты единственный человек в мире, перед которым я не виновата. – Мне кажется, – ответил я, – что и я так себя чувствую перед тобой, а что это значит? – Это значит, что мы с тобой пришли к единству и грехи наши, если есть такие, не могут относиться отдельно ко мне или к тебе.

Ночью она бредила, я просыпался и слушал и опять возвращался к тому, что, а вдруг я останусь один. – И что ж такое, – говорил я себе, – буду жить один (монах) во свидетельство возможности и на земле любви и счастья: такая Ляля бессмертна и всегда будет со мной. Ляля умершая, мне кажется, даже как-то реальней, чем живая: я всю жизнь желал ее, но не верил, что она такая может быть на земле. Я шел, отдавая себя ей, на риск великий, шел через себя, и когда после все осталось таким, как я мечтал о ней, то нужно было прожить четыре года, чтобы увериться в ней, как живой, что не я ее выдумал, а она есть.

11 Декабря. По всей Москве грипп. Ляля вчера слегла. Зима продолжает быть сиротской. Приходил наездник покупать мой дом в Старой Рузе. Немедленно заказать газеты (и через Шверника).

– А позвольте, перед кем стесняться-то? Не перед кем, я чувствую себя везде, как дома, но отнюдь не нахалом держусь: я просто не стесняюсь и живу, как дома.

Доброта Ляли видна в облезлых бровях, а когда она их подведет, то это исчезает, и она делается просто более или менее

интересной женщиной. Между тем редкое сочетание доброты и ума создают весь ее облик внутренний.

Цветок и сено. Дальний – Цветок (бесполезное). Ближний – Сено (полезное).

– Книги гибнут в Книжной палате, надо спасать.

– Людей надо спасать, а не книги (точка зрения «ближнего»).

– Книги больше людей (точка зрения «дальнего»).

12 Декабря. Предлагаю гостям своим для ориентации моральной в понимании войны свое толкование и вижу, оно имеет успех.

Маркс и Ницше – вот два бога современной войны, вокруг Маркса навертелась вся наша русская революционная философия Ближнего: ради идола Ближнего мы, русские, систематически стараемся уничтожить все, стремящееся к Дальнему (личность). У немцев, напротив, война ведется именем сверхчеловека (Дальнего) с крестовым походом против Ближнего.

Оба эти бога – Маркс и Ницше, с религией Ближнего и Дальнего являются от распада в сердцах людей единого истинного Бога Иисуса Христа: Христос содержит в себе и борьбу и мир двух этих враждебных начал – Ближнего и Дальнего.

Повседневно ведется у нас борьба с Дальним, вот хотя бы это спасение книгохранилища (Книжная палата) упирается в возражение: «людей сейчас надо спасать, а не книги».

(NB. Собирать примеры и читать Евангелие с вопросом плодотворной борьбы этих начал.)

Например, еще: любимый цветок, как «бесполезность» коса срезает для сена. – Если будем стремиться только к полезному (Ближнему), то у людей будет сено, но не будет цветов.

Причина распада существа Христова на культ Дальнего и Ближнего заключается, по-видимому, в самой церкви: так разлагается церковь. Выступая против Христа, Ницше ли, Розанов и каждый такой (неудачник быта) по существу выступает против церкви (Розанов в своем протесте начинается в своей биографии неудачного семьянина с обвинения церкви в том, что не

давали ему развода)[193]. Ницше, как я слышал от Мережковского, на пути своего безумия узнал в своем Сверхчеловеке Христа[194]. А наши революционеры, человекобоги (Дост.) тоже питаются ненавистью к церкви[195]. Итак, вся наша современная война в корне своем исходит из распада основ христианства: в разделении церквей и разложении в дальнейшем каждой из них.

Грибок разложения содержится в рационалистической закваске: человек рассуждает о цветке с точки зрения полезности для сена и лишен непосредственного чувства цветка.

Утрата удивления и благодарности[196].

Наконец явился Рыбников, переживший неведомую нам нравственную катастрофу. Он говорил, что пережитая нами за время коммунизма «грязь» в Тегеранской конференции превратилась в доблесть, и переживания наши стали понятны, если иметь в виду нашу победу. И сам Сталин был сосудом Божьим, и т. п. что-то вроде «ныне отпущаеши» (дожить, понять и простить).

Ну, а те, кто не дожил до конференции в Тегеране, или, что все равно, кто не дожил до окончания строительства канала и умер без этого объяснения цели воли Божией?

Философия Рыбникова тоже есть философия «Чана», т. е. определение личности на пользу ближнего...

Канал («Былина») есть Чан, и путь строительства канала, с личной точки зрения, есть путь святости (освобождения от Чана). Так, может быть, и все служение Ближнему (канал) есть с личной точки зрения служение Богу и тем самым через службу ближнему освобождение себя.

– Почему же ты протестуешь, когда я указываю на Ближнего, определенного старцем на служение своей семье? Так вот ты мне говоришь, что невольник канала или невольник победы не в канале и не в победе находят оправдание себе, а на пути святости, по которому они идут лично, гонимые по пути неволи. Но почему же ты отвергаешь путь Ближнего?

– Потому что в этом случае личная святость достигается ценой нравственного разложения лиц, которым служишь. И тут

ты можешь сам изменить условия неволи (бежать), а там – нет: ты не отвечаешь за свою неволю.

Значит, цель не в том, чтобы построить канал или создать победу, а в том, чтобы этот путь неволи сделать путем своего освобождения.

Итак, «дедок» и будет образом этой свободы (взять с себя, когда, делая агрономию, стал писать про себя[197]). Мудрость именно в том и состоит, чтобы выделить из общественно-вещественного комплекса личность: мудрец сосредотачивает свое внимание исключительно на самой личности конкретного живого человека, т. е. на душе его.

Но надо быть святым, чтобы видеть души людей.

13 Декабря. Что за ужас, когда соберется перед эскалатором в подземелье огромная толпа, и каждый в толпе нажимает на другого, своего ближнего, чтобы самому скорей попасть в выводящий поток. Люди кричат, крутятся, их отбрасывает в сторону, и [идут] непрерывной массой, как ледоход (мысли о том, что все в размножении, и вот два пути выхода: перемена нравственности через культуру отталкивает от рода и рационализация размножения по-немецки.

Дорогой А. А.[*], я не мог Вас добиться по телефону и потому оставляю Вам письмо с просьбой о следующем. Не найдется ли у Вас времени заехать ко мне, хотя бы на один час, чтобы обсудить вместе замысел мой обратиться в ЦК к Александрову с вопросом требований, предъявляемых к нашей литературе, с целью помочь мне преодолеть нелепые рогатки на пути <*зачеркнуто*: распространения моих произведений. Я потому к Вам обращаюсь, что к кому же мне, с кем же мне посоветоваться попросту перед тем... А может и не следует мне> с вопросом о расхождении требований, предъявляемых к нашей литературе, и состоянием наших редакций.

Названный вопрос хочу проиллюстрировать на одном произведении, которое Вы еще не знаете, и хотел бы, чтобы Вы

[*] По-видимому, имеется в виду Фадеев. Речь идет о «Рассказах о прекрасной маме», которые, за исключением нескольких газетных публикаций, так и не удалось опубликовать при жизни писателя.

первый его прослушали. Чтение отнимет времени меньше часа и скучно Вам не будет. <*Зачеркнуто*: Если Вам невозможно приехать.> Придете – не придете, позвоните В-1-44-30.

(Не пошлю.)

14 Декабря. Буря. Тает. Грипп везде нарастает. Ляля все лежит.

15 Декабря. Ветер злой с морозом при солнце. Сильнейшая гололедица.

– Обижен явно человек, а пожаловаться некому и взыскать не с кого.

– Неправильное положение, избалованность! А сколько есть виновных только за то, что родился не так, от пьяницы ли, от больного или в беспризорстве человеческом от какой-нибудь нищенки и горбуна, природой обиженного человека.

16 Декабря. Хороший, градусов в 10 первый настоящий мороз. 4-я процедура дионина. Полугрипп. Не хочется писать, не пишу и томлюсь.

Если понимать «перековку» на Беломорстрое как наиболее яркое пятно всего опыта коммунизма в стране, то явно, что человек в этом опыте не исправился и, если это был, напр., вор, то ворами сделались более или менее все. Раньше торговля, т. е. распределение товаром, была частным делом и воровство частностью торговли. Теперь все стали торговцами и все ворами. Не воруют только привилегированные, получающие продукты питания «по блату». Впечатление стороннего человека такое, будто самая идея коммунизма была уворована, и в коммунизме каждый материально обеспеченный деятель является примером государственного воровства: этот обеспечен, а другой изыскивай свои средства спасения, т. е. воруй. Социальными идеями люди себе только зубы заговаривали, оправдывая тем свое право насиловать людей, попавших в «такое положение». Это были люди, «взявшие меч» и все от меча погибли: были расстреляны.

Ты, Михаил, пиши так, будто сам попал «в такое положение» (на канал) и должен сам определиться.

17 Декабря. И опять после единственного мороза в 10 гр. погода смиренная: гололедица и только-только не тает.

Получил свою книгу «Лесная капель», в ней столько мудрости, что читать можно лишь, выхватывая места, как мы читаем Св. Писание. Вообще, наверно, неплохо, но, конечно, лучше бы скреплять группы летучих записей легким сюжетом вроде того, как сделана «поэма» Фацелия.

Проституции больше нет, каждая женщина поняла это и... вопрос о границе порядочной женщины и проститутки исчез: все это приняли, как явление природы, естественное отправление. И так же воры: все причастились воровству.

Вопросы к Шкловскому: 1) перековка: полезное создать (канал) или нравственность...

а) судьба героев канала, б) чекист, в) советская нравственность.

18 Декабря. Шкловский сразил меня известием о канале: канал разорен и Повенчанка бежит прежним руслом. А я пишу о строительстве канала!

Генерал назначил выдать всем новые сапоги, но только после боя (половина будет убита).

– Как вы себя чувствуете на строительстве (Беломорканала)? – Шкловский: – Как чернобурая лисица в меховом магазине (какой еврейский ответ!). А между тем Шкловский чуть ли не отрицает свое еврейство.

Бомбежка писателей будто бы возникла после речи Сталина (6 ноября) с похвалой колхозам. Верно ли? Попов говорил, что бомбежка направлена на евреев только. Верно ли? Верно одно, что люди седеют, бледнеют, морщатся, грязнеют и вместе с тем мелют всякий вздор...

Вечером был в Президиуме ССП, докладывал узбекский ССП очень важно, и по мелочам складывалась картина нищеты...

Пригласил Фадеева на чтение «Мамы», которая должна меня оправдать. (Говорят, после речи Сталина 6 ноября в бомбежку может попасть и «Фацелия».) А впрочем... какой с меня (в 71 год) спрос и кому спрашивать?

Полоснуло по сердцу собственное благополучие при виде писателей... Что-то вроде дистрофии Слова: как при физической дистрофии все хочется есть и, значит, жить, так и при запрещении слова все хочется-хочется до без конца сказать, и надежда на то, что скажешь новое, не покидает. Там есть и жить, тут сказать и тоже значит жить: и так жить хочется и в хлебе, и в слове. Вот откуда бессмертие и вся тайна.

Ночью после Союза на улице было скользко, и ветер дул теплый, как весной, и напоминал мне, каким щенком я по жизни прошел: щенок и щенок! А теперь так стало нельзя и стыдно так себя чувствовать перед людьми.

Болезнь Черчилля. У него такой размах в делах, такая, наверно, развилась инерция в движении, что при болезни дух движется, сказать, самокатом.

19 Декабря. Николин день. Гололедица. Подтаивает. Грипп резко снизился. В Харькове повесили немцев. Леонов написал...[198] для изображения родов не обязательно присутствовать на них поэту. Так точно война и казни.

Всякий неудачник, впадающий в уныние, есть эгоист. Если я нахожусь в церкви (церкви в широком смысле слова), то неудачи у меня быть не может: ничего не умеешь, ходи с тарелочкой, и оправдаешься. Не можешь быть Пушкиным – любя его, чисть ему сапоги.

Нечего жалеть неудачников, они эгоисты... человек, который не в состоянии выйти за пределы своей индивидуальности, сделать что-либо сверх себя (ни Богу свечка, ни черту кочерга).

20 Декабря. Сделали великое открытие, что имеем право мыться в Кремлевке. И вымылись.

Он говорил нам о мотивах речи Сталина 6 ноября, о колхозах и последующем «полевении»: причина всему та, что надо же американцам противопоставить нечто свое (некапиталистическое), т. е. необходима «идея». Так и остается на будущее «идея», т. е. «за что мы боролись», как нечто национальное, свойственное в своем происхождении только России, т. е. некий «чан», противопоставленный личности: «чан» как сокровенная сущность всякого государства и личность (с бессмертием) – сущность церкви.

Чан против личности, действует необходимость полезности ее, т. е. чтобы цветок был сеном, т. е. чтобы цветок доказал право на свое существование своей полезностью, как сено.

Казнь гитлеровцев: добрались до личности, и это впервые «реально».

Кто-то разрешил спор сена с цветком таким соображением:

– А дайте колхозу средства – и все будет хорошо, и все будут довольны и спора не будет. Спор происходит потому, что колхоз теперь является не экономической сущностью, а административной.

– Подождите, пока не кончится война: тогда увидите.

И так все ждут...

– А фронт сказать ничего не может, в нем нет лица, сегодня одни, завтра их перебьют, будут другие, и время другое...

21 Декабря. Сиротская зима продолжается так ровно, будто время остановилось и так останется, и вся зима пройдет незаметно.

Пишу новый рассказ «Победа»[199].

Слышу со всех сторон о повороте политики налево, т. е. в сторону роста партийной дисциплины и в то же время явные признаки поощрения русскости и юдофобства и делают заключение о возрождении союза русского народа (!)

Гимн, сочиненный Михалковым и Эль-Регистаном, произвел тяжелое впечатление: столь великие дела на фронте нашли столь жалкое выражение в поэзии![200]

22 Декабря. Продолжаю писать рассказ.

Исторические перспективы России, см. у Мамина, рассказ «Бойцы»[201] (это к спору с Птицыным по поводу борьбы разума немецкого с русским безобразием).

Мамин: Истинными завоевателями и колонизаторами всей Сибирской Окраины были не Строгановы, не Ермак и сменившие его царские воеводы, а московские волокиты, воеводы, подьячие, земские старосты, тяжелые подати и разбойные люди, которые заставляли «брести врозь» целые области.

23 Декабря. Очерк Мамина «Бойцы» является ключом к социальным вопросам России. Понять эту войну – надо понять сущность отношений солдат и начальников.

24 Декабря. Продолжаю писать «Победу» (откуда что взялось!).

25 Декабря. (Спиридон-солнцеворот). Начался мой Новый год прибавкою света.

Были у всенощной на Крымской площади. Диакон Румянцев (Успенский собор) великолепно пел. Впереди стояли генералы. Чудеса! Пришло в голову: на войне люди себе дом рубят (этому общему делу противопоставить частный дом и в этом свете дать личность Аггея Никитича).

В связи с правильной мыслью о том, что каждый <u>«неудачник»</u> есть эгоист, пришло в голову, что и каждый старик и старуха перед лицом жизни должны бы стать неудачниками, но на деле не все (пример И. П. Павлов и всякий, заслуживший христианскую кончину живота и добрый ответ на страшном судьбище, а еще старые девы...). Идеал неудачника всегда есть благополучие. Неудачники мне, как и Ляле, всегда были органически ненавистны.

26 Декабря. Приехал Замошкин с печальным известием, что совершается погром литературы[202] и что в спешке зарезали и мои ни в чем не повинные «Рассказы о прекрасной маме». Зарезал их Александров, а официально редактор «Нового мира». Мне советуют теперь написать жалобу на «Новый мир» этому самому Александрову.

Уважаемый т. Александров.

В 1941 г. редакция «Нового мира», начав печатание моей вещи «Лесная капель», резко оборвала печатание, мотивируя это моим уклоном в тему о природе, минуя гражданскую современность. Однако в процессе войны родная природа стала весьма актуальной темой, и «Лесная капель» была напечатана в срочном порядке. Происшедшее недоразумение вполне понятно: художественная мысль автора выходит за рамки общего политического кругозора, редакция не могла предусмотреть мировые события, вследствие которых чувства природы и родины заняли первое место в грядущей современности. Изложенный инцидент, казалось бы, должен был редакции «Нового мира» послужить уроком впредь относиться с большей осторожностью к политическому чутью признанных крупных художников слова. Не тут-то было! К сожалению, только урок, полученный «Новым миром», не стал ему уроком: «Новый мир», приняв серию новых моих рассказов для напечатания в декабре 1943 г., внезапно, как и в 41 г., отверг их, на этот раз уже без всякого объяснения причин. Вследствие вышесказанного обращаюсь к Вам, т. Александров, с жалобой на редакцию журнала «Новый мир» и прошу Вас лично перечитать мою вещь, имея в виду следующие мои соображения:

Серия этих рассказов, предложенная «Новому миру», имеет внешний вид чрезвычайно простых очерковых миниатюр, лишь тематически связанных между собою. На самом деле «простота» эта и есть труднейшее достижение и содержит в себе огромную работу автора, прошедшего школу фольклора. Если всмотреться в вещь, то каждая миниатюра является одной из необходимых граней, создающих цельное впечатление у бойца на фронте о любовном отношении к детям, оставленным им в глубоком тылу.

Имея в виду эту цель, я поселился вблизи Детдома возле Переславля-Залесского и с перерывами наблюдал работу детдома около года. Все рассказы целиком пересажены мною из жизни на бумагу, о чем могут засвидетельствовать известные педагоги А. Е. Андрианова (Переславль-Залесский, детдом № 96) и ее сестра М. Е. Андрианова. Имея в виду цель написать рассказы на современную тему, совершенные по форме и в то же

время доходчивые до всех, как фольклор, я, естественно, робел перед задачей, и прежде чем предоставить на Ваше рассмотрение для самого широкого распространения, я решил проверить их посредством чтения в собрании, по радио и печатанием частями в газете и в Информбюро. Все это я теперь сделал, везде получил большое одобрение, но особенно сильно было впечатление на читателей газеты «Красная звезда», где частично печатались рассказы этой серии. Из лично полученных мною с фронта писем привожу здесь одно следующее...

Мне думается, что в редакции «Красная звезда», наверно, имеется и еще много отзывов читателей. Но самый важный отклик на мой рассказ о сироте Марии-Терезе (дочь испанской комсомолки, умершей в Ленинграде), напечатанный в «Красной звезде», был получен в Детдом № 96, откуда я черпал свои наблюдения. Подруга умершей в Ленинграде испанки, два года живущая в боевой обстановке, имеющая не одну награду за боевые заслуги, [прислала] письмо, которым [уведомила] Детдом, что она оставляет Марию-Терезу за собой и после войны будет ей матерью.

Вот, т. Александров, приведенные выше факты поселили во мне уверенность, что мне удалось создать рассказы, могущие удовлетворить современные требования. Я намеревался первую серию «Рассказов о прекрасной маме» направить Вам, как проверенные мною образцовые рассказы для распространения и как пример для молодежи, ищущей художественные формы своим переживаниям. К сожалению, мне пришла погибельная мысль проверить их напечатанием всей серии в «Новом мире».

Обращаясь к Вам с этой жалобой, прошу рассказы эти взять из «Нового мира» и прочитать их внимательно, и может быть, как мы делаем всегда, не доверяя себе, выслушать суждения других, равно как и проверить сообщенные Вам факты о впечатлении на читателей. Я Вам буду очень благодарен, если Вы своим особенным вниманием восстановите мое несколько охладевшее вследствие грубости «Нового мира» рвение к труду и допустите возможность распространить мои рассказы и написать новые в этом роде. Но еще более мне будет дорого, если Вы своей проникновенной критикой убедите меня в неверно-

сти моего гражданско-художественного пути и укажете конкретно, взвесив все мои пожелания, что же мне нужно делать, как мне действовать лучше, чтобы не получить впредь таких изощренных ударов, как я получил их в 1941 и 1943 гг.

В Совнарком Генерал-майору...

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в ремонте моей персональной машины М1 или заменить мою машину другой, более хорошей. Ремонт сводится, главным образом, к замене поршней, покрышек и, конечно, также к смене некоторых мелких деталей – подшипников, хвостовика и др. Машину свою я использую для собирания материалов народного творчества в отношении войны. Езжу на ней большей частью сам, без шофера. В мои годы мне трудно бывает возиться с машиной в пути при авариях, которые вследствие износа частей невозможно предусмотреть. Вот почему обращаюсь к Вам с просьбой ремонта или замены машины, на которую получаю из СНК бензин.

27 Декабря. Ляля под влиянием удара, нанесенного погромной цензурой, сказала, что не понимает, как я, нервный человек, мог заниматься литературой в современных условиях и что-то делать. – Ты герой, – сказала она. – Такой же герой, – ответил я, – как огромное большинство людей у нас в советское время: кому же сладко жилось, все двигалось слепыми жертвами, кто знал и понимал, когда и за что на него обрушится беда. И если мне удалось что-то сделать, несмотря ни на что, и выпала доля более героическая, чем жертвенная, то это счастье: так мне вышло, такая счастливая выпала доля.

28 Декабря. А погода как была на нуле, так и остается, только все подсыпает и подсыпает снежок, уже и солнце пошло на лето, а зима так и не идет на мороз.

На таком подъеме писал повесть, и оставалось день-два, и была бы создана вещь одним духом. Но вот вздумалось этому Александрову полыхнуть писателей, попало нечаянно в меня, и повесть брошена, и я третий день ничего не делаю и набираюсь духа.

«Набираться духа» в писательстве – это значит, удерживаясь от дела, испытать скуку, [лень] по делу: скука по делу приводит к потребности заменить чем-нибудь дело, и вот когда эта потребность дойдет до крайности, то является соответствующая Муза. Что бы там ни говорили Маяковский и Шкловский о работоспособности, без этой Музы ничего не сработаешь. А Муза появляется – именно взамен дела. Нигде, кроме искусства, непонятна эта рабочая ценность лени. И вот, когда из-под государственной машины вырвется камень и попадет прямо в Музу, то нужно сидеть и ждать, пока не оправится от удара Муза и не придет снова. Так вот сиди и жди.

Сегодня в английских газетах (сообщают в «Известиях») была заметка об опасности фашистского яда после войны, и приводятся примеры того, как в самой Англии всюду назревают признаки диктатуры. Одним словом, Германия всем оставит большое наследство.

Узнал, что Ставский перед тем, как быть застреленным, сам застрелил немца. Ввиду того, что Ставский был на положении писателя, у него была своя машина, он мог всегда уехать, то стрельба его из окна в немца исходила не из необходимости, а из любопытства, как на охоте. Но и охота его была не как наша, поэтическая: в этом отношении он был очень плохим охотником. Но, рассказывая мне однажды о своей охоте на джейранов из автомобиля, я помню, он упивался сладострастием самого убийства: джейран его был весь в крови, а он все стрелял, и он все кровянел и все бежал. Помню, мне было очень противно. Возможно, он таким способом, убийством, добывал себе и материал для описания войны: при бездарности в области воображения, искал материал в жизненном опыте...

Фадеев испортил ему карьеру в Союзе писателей, но, став на его место, ничего не мог сделать лучшего, и теперь погибает сам...[203] Суета сует.

29 Декабря. Начинаю успокаивать себя тем, что это мне сделали зло не сознательно, а просто, надо считать, как бомба попала в дом: швыряют в военные объекты, а попадают в

частные дома и что такая вся война, как смерть личности, и что средство против этого есть... Ляля это выражает так: – Ты при всякой беде помни, что я с тобой, и пусть у тебя отнимут творчество, я-то ведь с тобой, а неужели же я, твой друг, не больше твоей литературы. (За обедом она сказала, что ее-то, может быть, вовсе и нет, и что она сама по себе ни на что не нужна, но что единственное и несомненное в ней – это Христос.)

Мое счастье, что я мало знаю ту среду, откуда посылаются бомбы, а то бы при каждом несчастье показывались бы люди и принимались бы люди, как причина зла. Вот сейчас вижу только Бахметьева (Иудушку), а во время РАППа меня преследовал некий Ефремин, бывало, никого не знаешь, не видишь из рапповцев, а как что случается, валишь все на Ефремина[204].

Не дает покоя заметка в газете о фашистском яде, что этим ядом после войны отравятся и победители, и что не только рая, но и отдыха «после войны» не будет, и что не будет даже и времени такого «после войны», и так все пойдет до конца столетия.

А как подумаешь, то что же тут нового, разве я не говорил сто раз, что «после войны» не будет, что если есть, то это есть сейчас и что Ляля права: сейчас, на это мгновенье, единственно реальное, ценное только наши с ней отношения: в этом мгновении вечность, и вся эта вечность в единственном слове: Христос.

«Живцы» кончились, и церковь их в Сокольниках перешла к сергиянцам. Плененная Иверская (к живцам народ не ходил) теперь освободилась, и народ повалил к Иверской в Сокольники. В тех кругах не чувствуют нажима, как у писателей, и наверно эти бомбы направлены на еврейскую интеллигенцию и только нечаянно попадают в нас.

Самое вредное дело – это отравляться своими неудачами: надо разобраться, почему же именно «Рассказы о прекрасной маме» были отвергнуты и в «Правде», и в Информационном бюро, и радио, и в «Новом мире». Скорее всего они отвергнуты, потому что в доме покойника поднимается разговор о покойнике: они очень чувствительны и на время войны, возможно,

и вредны. Вообще вопрос о жертвах войны теперь поднимается лишь в отделе информации о зверствах.

Всех представителей нашей власти, от Сталина до председателя колхоза, нельзя упрекнуть, как в других странах, в присвоении власти. Кажется, на каждом из них власть держится, как одежда с чужого плеча и во временном пользовании и под непосредственным контролем бесчисленных глаз...

Никто на свете не может позавидовать нашему властелину с точки зрения личного бытия. Каждый из властелинов этих обречен, и наследникам своим ему нечего оставить.

В таком случае, почему же не может возникнуть голос сердечный в пользу этой власти, почему Бахметьева называют Иудушкой, а не героем, не повторяется ли у нас теперь традиционная бунтарская ненависть к власти? Не происходит ли сейчас чистка литературы именно из самых чистых побуждений очистки от озлобляющих и разлагающих государственную власть элементов[205].

КОММЕНТАРИИ

«Мысль – это жизнь бессмертной души моей…»

Дневники Михаила Пришвина, с первой записи 1940 г. и до последней, сделанной в канун кончины 15 января 1954 г., разительно отличаются от дневников всех предыдущих лет: по тону, настроению, отношению к жизни и даже графически. Почерк Пришвина, по природе склонный скорее к остроте, чем округлости, убористый, торопящийся, но устойчивый, с небольшим наклоном вправо, на протяжении жизни не меняется. Но дневниковые тетради прежних лет, иногда по размеру не больше записной книжки, с разной по качеству бумагой, на которой порой расплываются чернила, исписаны мелким, а бывает, что и мельчайшим почерком, иногда почти без пробелов между строчками, испещрены приписками на полях, вставками, исправлениями, зачеркиваниями, из которых одни прочитываются, а другие нет. Начиная с 1940 г. записи упорядочиваются и читаются значительно легче: реже встречаются приписки на полях, недописанные слова, увеличиваются интервалы между словами и строчками, уменьшается количество исправлений и вставок, а если они есть, то достаточно четко оформлены. С уверенностью назвать причину такой перемены трудно – сам Пришвин, кажется, этого не замечает, по крайней мере, не удивляется сам себе. Остается предположить единственно возможное: все дело в том, что наступала новая эпоха.

Перемены во внутренней политике наметились в стране во второй половине 1930-х гг. Пришвин отмечает их в дневнике, но не обольщается, понимая, что стратегия Сталина в большой степени определяется вероятной в скором будущем войной и потому допускает некоторые призрачные послабления в жизни [«15 Февраля 1936. "Жить стало веселей" надо понимать как тактический прием <...> Слова "родина", "Великороссия", мелочи быта вроде елочки и т. п., принимаемые обывателем "весело", имеют не меньшее рабочее значение на войне, чем пушки и противогазы. Будет момент, когда встанет опасность разномыслия в обществе. В такой момент людей можно бросить на войну <...> И так, по всей вероятности, жизнь будет делаться все веселей и веселей вплоть до войны» (Дневники. 1936–1937. С. 19)]. Пришвина не оставляет ощущение, что эта политика «кнута и пряника» не касается самой жизни – по крайней мере, в отношении «пряника», – а остается только на словах [«20 Февраля 1936. Все возвращается на преж-

нее место, и родина, и Великороссия, и елка <...> Но все это возвращается сравнительно с прежним как бы в засушенном виде, вроде как бы растения в гербарии» (Дневники. 1936–1937. С. 23)]. То же самое происходит в культуре: к примеру, русскую классическую литературу издавали с идеологическими комментариями и толкованиями, рассматривая ее как идеологическое средство воспитания масс [«30 Января 1937. <...> лично-творческое начало, Пушкин, на наших глазах обращается в государственно-родовое или даже прямо в технический прием» (Дневники. 1936–1937. С. 456)]. По Пришвину, все это было продолжением пронизывающего русскую историю явления: оппозиция «слово – дело», которая с каждым годом все больше и больше углубляется, усугубляется и оказывается едва ли не главным принципом политической и общественной жизни [«1 Ноября 1937. <...> кое-что я ненавижу смертельно в создавшемся новом и больше всего ненавижу газету "Правду" как олицетворение самой наглой лжи, какая когда-либо была на земле» (Дневники. 1936–1937. С. 779)]. Так или иначе, все эти записи несут напряжение совсем другого времени [«4 Января 1939. Мысль: я пережил, и все переживут: я – мертвец: и я жду, когда все переживут и можно будет дальше жить» (Дневники. 1938–1939. С. 250); «26 Октября 1939. Если ты себя считаешь сыном своего русского народа, то ты должен вечно помнить, в каком зле искупался твой родной народ, сколько невинных жертв оставил он в диких лесах, на полях своих и везде. Наш долг перед потомством помнить о них и до того допомнить, чтобы наше сознание получило наконец-то понимание» (Дневники. 1938–1939. С. 458)]. Прошла эпоха революционных преобразований и надежд 1920-х гг., завершилась эпоха коллективизации и массового террора 1930-х. Парадоксальным образом военный дух нового десятилетия – 1940-х гг. XX в. – на самом деле становится очистительным [«5 июля 1941. С русским человеком произошло <...> чудесное воскресение <...> все вдруг почувствовали, что плен кончен <...> и начинается народная жизнь» (Дневники. 1940–1941. С. 505)]. Это не могло не повлиять на Пришвина, одного из летописцев своего времени. Ничего принципиально не изменилось, но акценты внутренней политики сместились. Угроза войны сделала свое дело: прекратились массовые аресты и процессы, причем власть дистанцировалась от этого – вся вина была возложена на репрессированного Н. И. Ежова. В первые же месяцы войны у Пришвина появляется надежда: война – предвестник перемен [«11 Июля 1941. После возможной победы нам будет непременно легче: по миновании военной опасности не будет такой большой необходимости в принудительной силе. Второе, почему будет легче, – это что на некоторое время будут держать голос фронтовики, третье, – что к нашей дикой революции присоединятся культурные народы и смягчат жестокость коммунизма» (Дневники. 1940–1941. С. 510)]. И вот в первый день 1940 г. по-новому, без помарок – кажется, что писать иначе уже невозможно – Пришвин, еще не зная, что знаки перемен вот-вот появятся и в его личной судьбе, записывает, как в новогоднюю ночь сжигает листок со своим тайным желанием, которое спустя две недели исполнится [«1 Января

1940. Жгли в кумирне арчу и загадывали, у меня в загаде вопрос: "Крестик" или "Приди!" И мгновенно, как на охоте стрельба по взлетающей птице, я сказал: "Приди!"» (Дневники. 1940–1941. С. 5)].

В 1942–1943 гг. Михаил Пришвин, изредка наезжая в Москву, продолжает жить в эвакуации в селе Усолье под Переславлем-Залесским, куда уехал в августе 1941 г. Эти места Пришвин знал и любил – в 1925 г. он жил в Переславле-Залесском в местечке Ботик [«6 Мая 1925. В краю, где не было революции» (Дневники. 1923–1925. С. 368)], в 1920-х и 1930-х гг. охотился в здешних лесах и боролся против уничтожения леса торфоразработками, не раз публикуя в газетах очерки об этом. Валерия Дмитриевна Пришвина пишет в своих воспоминаниях: «Этот лес, вся разнообразная, дикая природа этого края и было то Берендеево царство Пришвина, которое он "создал среди болот и простого народа", описанное им в книге "Родники Берендея". Мы устроились на окраине села, в небольшом бревенчатом частном доме, сняв половину с двумя комнатами. Их объединяла старинная голландская печь, в которой я готовила еду и даже ухитрялась печь хлеб. За домом сразу же начинался огромный хвойный лес с болотами и сосновыми сухими гривами, лес грибной, ягодный, богатый зверем и птицей. С другой стороны протекала неподалеку неширокая тенистая рыбная речка Векса»[*]. Несмотря на варварское уничтожение леса, которое уже началось в связи со строительством торфопредприятия и поселка вокруг торфоразработок («15 Октября 1942. Когда я приехал в Усолье, тут был отвратительный хаос: люди вырубили прекрасный лес у реки, и лесная речка, такая раньше грациозная в своих излучинах, стала распутной и наглой. Особенно жутко было встретить бор, изуродованный пожарами и вырубками»), жизнь в Усолье текла по прежнему руслу, сохраняя независимость и самобытность [«26 Августа 1941. В Берендеевом царстве люди говорят о себе "мы", часто включая в это "мы" своих лошадей, коров, птиц и вообще всех бессловесных» (Дневники. 1940–1941. С. 551)]. Базовые структуры и ценности традиционного общества оказались здесь нетронутыми современной жизнью, сохранялся традиционный уклад, нормы общения и правила поведения, но во властных структурах района или области, как и по всей стране, естественному народному миропониманию противостояло советское партийно-бюрократическое, которое война не только не изменила в лучшую сторону, а может быть, даже усугубила. Усольский дневник писателя передает сложный и противоречивый дух военного времени («4 Февраля 1942. Фокин Ив. Ив. рассказывал <...> было две буханки черного хлеба и два куска сахару. В бараке от беженцев смрад, стон, крики детей. Человека не было. Он отрезал ломоть и дал. Тогда показались признаки человека и лучезарной благодарности. Это понравилось ему, и он отрезал еще, и так обе буханки отдал и жил двое суток на двух кусочках сахару. В Ярославле зашел к ученику своему, председателю Облисполкома. У того сыр, масло, яйца. – А ты не знаешь, что

[*] *Пришвина В. Д.* Война // Личное дело. С. 185.

делается в бараках? – Нет. Я не был. Когда тут? Весь день в канцелярии. – Надо бы посмотреть. – Схожу. – Сходи. – Через некоторое время, отведав всего, Фокин спросил: – А ты это как получаешь? – По ордеру. Хочешь, тебе устрою. – Не стоит, как-нибудь обойдусь. А ты в барак-то сходи. – Схожу. В передней, когда прощались, председатель еще спросил: – А то я тебе устрою. – Не стоит, ты только в барак сходи. – Схожу»; «12 Ноября 1942. <...> каждый начальник в деревне имеет образ короля и вора»).

За два года Красная армия прошла огромный путь. Начиналось все с потерь и неудач после победной Московской операции в декабре 1941 г. («5 Января 1942. Пришли давно жданные морозы, которыми угрожали немцам и на которых строили нашу победу. Но вот уже месяц мы топчемся под Москвой и удовлетворяемся взятием городов, как Малоярославец, Клин, Дмитров, о которых никогда не оповещалось, что они взяты немцами»). За этим последовал ряд стратегических поражений в течение лета–осени 1942 г., которые за недостатком информации обрастали предположениями и догадками («4 Июля 1942. Слухи о разложении фронта, об измене под Севастополем <...> Севастополь пал и скоро возьмут украинский урожай, а второго фронта все нет и нет. Так возвращается упадочное настроение и встает вновь ориентация народная на немцев, как неизбежных устроителей русской земли»). Потом была героическая оборона Сталинграда летом–осенью 1942 г., когда было еще трудно поверить, что события на фронте могут в скором времени кардинально изменить ход войны («17 Сентября 1942. Вести о Сталинграде <...> – Бои в окрестностях Сталинграда. – Так и сказали, в окрестностях? – Так и сказали. – Если не случится чего-нибудь неожиданного, то, по-видимому, Гитлер будет зимовать на Волге, мы в Москве в положении осажденных. Весною же начнется эвакуация в Сибирь, и мы тоже будем готовиться к путешествию на Алтай... А впрочем, там будет видно»), и, наконец, наши победы в Сталинградской и Курской битвах, первые московские салюты, которые вначале казались фронтовой стрельбой [«14 Ноября 1943. <...> любовался фейерверком и считал залпы с интересом и удовольствием <...> радуюсь и огням, и что немцев бьют, и генералам, вырастающим как грибы на полях сражений. И вообще, ведь это чуть ли не впервые, что мы бьем, а не нас бьют, и что мы, дрянь такая, что-то большое теперь значим»].

Как и в первый год войны [«17 Декабря 1941. <...> именно вот дрянью-то своей мы и победим немца. Я это изнутри чувствую вопреки смыслу» (Дневники. 1940–1941. С. 731)], Пришвин понимает, что из подсознательной глубины коллективной народной души поднялась объективно-реальная сила, не имеющая отношения ни к цивилизаторским достижениям, ни к культурным нормам. И пусть это считается «дрянью», – он уверен, что и цивилизация и культура могут расти только при условии, что это здоровое детское народное нутро – органическая жизнь нации – существует. С самого начала войны Пришвин знает, чтó способно выдать русское народное сознание – «несметная азиатская орда» – в минуту настоящей опасности. Иррациональность архаики противостоит рациональ-

ности, и он чувствует, что народный дух питает древняя архаическая культура, которая не ушла в небытие. Процесс рационализации бытия, т. е. устройства упорядоченной жизни, идущей строго по новым правилам и нормам, который начинается в послереволюционные годы, не находил отклика в народе, и если осуществлялся в российской глубинке, то насильственно («14 Ноября 1943. <...> своеобразие русской истории, в которой инициатива движения всегда находится в руках государства, а не народа: Никон, Петр, интеллигенция, большевики, и так, что даже картофель вводится в культуру с оружием против народа. Так что и революция происходит не от народа, а от государства: народ безмолвствует»). В 1942–1943 гг. Пришвин наблюдает, как уходят на фронт усольские мальчишки («23 Января 1943. <...> кругом вижу и слышу недовольство правительством, мальчики уходят на войну, как обреченные, и мать провожает с проклятиями. И кажется – не за что воевать: дома нет ничего своего, за что бы постоять. А между тем там человек преображается и становится героем. Что это, какая сила его поднимает?»; «5 Февраля 1943. А сколько я их видел таких, идет на войну ярым контрой, бахвалится, собирается в лес убежать на дезертирское положение, а попал на войну – и там стал героем. Это потому <...> что там есть стадное чувство движения к победе. И так это кажется легко <...> так манит присоединиться ко всем»). И в этом писатель тоже обнаруживает некое начало, соответствующее спонтанному народному стихийному движению – «эффект снежного кома», который стоит только подтолкнуть, и он покатится, на ходу обрастая массой, увеличиваясь, ускоряясь, пойдет самоходом, сметая все чужое на своем пути. «Ком» – метафора нарастающего патриотического чувства, удивительного для окружающих, созидающего победу [«10 Сентября 1943. Воины Красной армии вырастали в бою. Эта армия росла, как ком снега: мальчишки бессмысленные налипали и делались героями <...> складывался отчаянный человек, кому жизнь своя пустяк – и это главный тип бойца Красной армии. Вот этот отчаянный человек под давлением, с выходом для себя (человек-воин) и есть тот самый чудотворец, сотворивший победу. И вообще этот русский <u>ком</u> (коммунизм в коме) для Европы подобен древнему азиатскому кому кочевников (и души кочевников)»]. Пришвин определяет существо народной души, глубинно – архаически – связанной с родной природой, землей, домом. Он всегда чувствовал это как самое лучшее в русском человеке, не исчезнувшее ни во время революции, ни в течение всех последующих лет существования советского государства, которое не смогло ничего этому противопоставить. Теперь обнажилась способность русского народа, сохраняя в неприкосновенности ядро («ком») нации, вписываться в современность – в данном случае, всей народной массой участвовать в новой «большой» войне, противопоставив современному рациональному сознанию не просто иррациональное архаическое, но сплав архаики и современности: «древний азиатский ком кочевников», «стадное чувство движения к победе», «бессмысленное налипание». Из глубины этого почти мифологического мира выходит в современный мир

побеждающий герой; и снова, по закону жанра, удивляя и своих и чужих, начинает твориться новый миф, – и это уже не просто герой, а «человек-воин», «сотворивший победу чудотворец», а на полях сражений начинают «как грибы вырастать генералы» («26 Декабря 1942. Из ходячих реплик: все дело в армии в командире, т. е. личности, а не в массе. Такая официальная установка, а масса тем самым злобится, как раньше злобилась, бессильная, на стахановцев. Но герой-командир уходит далеко вперед от стахановца: ведь успех его не в одном принуждении масс... Можно было обыграть личность в образе стахановца, можно обыграть массы чувством родины, но в войне вся эта игра никуда не годится: командир должен стать личностью, а "массы" народом»). Так мифологизация народного сознания не мешает Пришвину понимать, что самым главным в современном смысловом пространстве остается ответственная за все личность и народ как соборная личность, как цельное существо («12 Июля 1943. Весь человек во всей его глубине и высотою от земли и до неба»).

Напротив, заорганизованность, слишком серьезное отношение каждого солдата («я») к власти Пришвин как раз считает причиной поражения нацистской Германии, где попытка рационализации бытия удалась значительно лучше. По Пришвину, все рациональное, с точки зрения современной культуры положительное – план, долг, порядок, сила, разум, то, чего с лихвой хватило Германии на завоевание десятка стран – в войне с Россией стало парадоксальным образом отрицательным [«3 Сентября 1943. Что же у немцев, ошибка или случай? Их ошибка была в недооценке России (сила или "чудо"), таилась в отрицательном отношении русского к власти <...> Русский смотрит трезво на власть государственную, т. е. что [это] необходимость, а не добро <...> Власть <u>гонит</u> на войну, но "я" тут ни при чем. Отсюда неограниченное послушание <...> Наши пытаются назвать это чувством родины, но всякий знает у нас, что дело не в родине»]. Писатель понимает, что предельно идеологизированная советская власть использует естественное для каждого человека понятие «родина» как культурно-идеологическую конструкцию, призванную вызвать у всех одинаковое сильное единое чувство* – а он уверен, что только личное понимание родины, которое зарождается в душе каждого человека, может повести его за собой («10 Марта 1943. На глазах наших совершаются чудеса: у русского все отнимают, и в то же время в душе его, может быть, впервые отчетливо, ощутимо складывается родина, из ничего сила берется, и последние из последних гонят первейших воинов – немцев, и множество чудесного, непонятного осуществляется и становится видимым»). Это необъяснимое чувство родины, которое вдруг приходит от знакомого с детства запаха черемухи или от соловьиной трели, Пришвин стремился передать и в книге «Лесная капель» (1940), и

* Ср.: *Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Венский альманах славистики. Спецвыпуск 50. Wien: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien, 2001.

в рассказе «Голубая стрекоза» (1941). Чувство родины, связанное с любовью и материнством, которое он выразил в «Рассказах о ленинградских детях» (1943), тоже имеет прямое отношение к войне и победе («11 Марта 1943. <...> о “родине” мне трудно писать потому, что я говорил о ней и писал, когда об этом все молчали, и было уже даже вовсе неприлично говорить о родине без эпитета “социалистическая”. А теперь об этом все могут писать»).

Во время войны ухудшается и без того трудное положение крестьянства, и писатель не может обойти эту тему – все происходит на глазах: война как тяжелое дело, как трудный быт, как смерть вошла в каждый дом («8 Декабря 1943. Радио передает о народном энтузиазме по поводу встречи в Тегеране и что там и тут колхозники на радостях жертвовали свои избытки хлеба. А мы-то ведь знаем, мы их видели, эти слезы колхозников по поводу лишения этих избытков»). При репрессивной системе организации труда и в то же время хозяйственной неразберихе, сокращении числа колхозников, прекращении производства сельскохозяйственной техники у колхозов изымалась большая часть урожая. Власть, с одной стороны, разрешала продажу продукции подсобных хозяйств, а с другой – увеличила налоговое обложение с доходов, при том, что не было лошадей, а личные коровы подчас использовались на пахоте. С конца 1942 г. становится труднее с продовольствием («23 Января 1943. Колхозники голодают и разбегаются, а единоличники живут еще ничего»; «19 Января 1943. <...> ликвидируют молочную ферму <...> Остается колхоз без коров. Злые языки сулят роспуск колхозов: все общее будет отдано государству, а сам спасайся, как хочешь»; «23 Января 1943. <...> состояние настолько тяжелое, что крестьянам-колхозникам разрешается для себя лично иметь корову одну и кур, а лошадь не разрешают»). Пришвин отмечает христианскую подоплеку народной («бабьей») стойкости и терпения: несмотря на десятилетия борьбы с церковью, варварского разрушения и осквернения церковных зданий, преследования служителей церкви всех рангов, уничтожения колоколов, икон и церковной утвари, несмотря на атеистическую пропаганду и сомнения в чистоте и подлинности разрешенной «сергиянской» церкви, вера остается естественной опорой, сохранившейся в глубине народного сознания. Ничего из внешнего разрушения не коснулось внутренней жизни («4 Января 1943. 6-го сочельник. Приехал поп, убирают церковь <...> Говорят, что будут звонить»; «5 Января 1943. Совсем приготовились, что в сочельник откроется церковь и раздастся в Усолье благовест. Но сейчас доходят слухи, что предсельсовета <...> против открытия, а предколхоза <...> за открытие, мотивируя тем, что без этого колхозницы не станут работать»). После всех демобилизаций в колхозах работали в основном, конечно, женщины («4 Сентября 1943. Наши победы там (у них) понимаются как чудо <...> это баба их победила, и не как-нибудь символически, а самая обыкновенная баба, выполняющая в колхозе под управлением пьянчужки-председателя нечеловечески тягостную работу. Тут весь бабий секрет в стихийном терпении. Вот тут-то в дебрях тыла бабьего и таится то “чудо” <...>

баба же не пьянствует, не распутничает, ждет, работает, рожает, и у нее дети, и тут открывается родина»). И, несмотря на нечеловеческие трудности, эти «бабы» справлялись с задачей снабжения армии и города продуктами («20 Декабря 1943. <...> колхоз теперь является не экономической сущностью, а административной»; «31 Января 1943. Узел советского строя не в Совете, а в колхозе и связанной с ним бюрократии. Тронь колхоз – и все рассыплется»). В народе по разным поводам из уст в уста ходили легенды, в которых и проступают народные надежды и ожидания («15 Января 1942. Легенды, связанные с Америкой. Рассказывают, что будто бы Америка предложила Сталину распустить колхозы и вообще бросить всю партийную политику. А Сталин ответил: – Все распущу и со всем покончу, но сейчас этого сделать нельзя: начнется кутерьма»). К 1942 г. стало понятно, что на оккупированных территориях с фанатичной жестокостью осуществлялся режим «полной колонизации» страны, и люди постепенно избавлялись от всяких иллюзий («1 Июля 1942. В деревне люди изверились, что война скоро кончится. Это изверие соединяется с концом недавней уверенности, что немцы освободят Россию от большевиков. Так что "немцы" – это было последним обманом: чаяли, что большевизм через три дня кончится, потом через месяц, потом нэп их съест, потом... без конца, и наконец пришел конец – "немцы" – такой верный и ясный конец, и вот опять – нет конца»).

Так Пришвин чувствует своего современника, провинциального простого человека, далекого от пропагандистских лозунгов и идеологического пресса, но несущего в себе великое, невыразимое чувство жизни, включающее в себя, конечно, и чувство родины, и смерть за нее – тут и лермонтовский Максим Максимыч, и толстовский Платон Каратаев, и Василий Теркин («28 Февраля 1943. Смотрю в себя и через себя одного понимаю все русское: до того я сам русский. Так, если хочу понять, откуда у нас берется столько героев, то сам эту готовность к геройству вижу в себе: как будто сидишь ни у чего и ждешь, что тебя позовут, и как только позвали, то ты делаешься будто снаряд: вложили тебя в пушку и ты полетишь, и с удовольствием, с наслаждением разорвешься, где надо. Из этого все и происходит, что нет у тебя ничего, подлежащего счету, мере, охране. И вот этот нигилизм у себя – для единства коллектива самое-самое добро. И это "добро" пересилило даже "добро" немцев: у нас это глубже, проще, правдивей, сильней, их коллективизм деланный, а наш природный. – За что ты сражаешься? – спрашивает Рузвельт своего солдата. – За баптистскую церковь в моем переулке, – отвечает солдат. – За что ты? – спрашивает он русского. У него нет ничего, и оттого он ясно ответит: – За родину»). Писателя интересует частный человек ("маленький человек") в годы войны – исторического события, в которое вовлечен без единого исключения каждый живущий. В дневнике он выявляет мотивацию поступков, ход мыслей, записывает десятки личных историй, многие из которых войдут в его будущую «Повесть нашего времени». Естественно, что как поражения, так и победы Красной армии влияют на формирование народных настроений, на динамику общественного мнения, но писатель встречает и таких людей,

которые не только имеют свою собственную точку зрения на события, но и не боятся прямо высказывать ее, несмотря на ее абсурдность относительно реальности («30 Января 1943. “<...> грузчик сказал, что голосовать он будет за Рузвельта <...> Не именно за Рузвельта я, а так выходит: победи Гитлер – я стал бы за Гитлера, Сталин – за Сталина, Рузвельт выйдет победителем – и я за победителя, за единого в мире хозяина”»). В 1943 г. появляется надежда на скорый конец войны, и Пришвины подумывают о возвращении в Москву [«26 Августа 1943. <...> как это бывает в деревне у бабы, когда ее хозяин после ранения получит белый билет и вернется домой: хозяин пришел, и тем самым для бабы война кончилась»; «4 Ноября 1943. Теперь время подходит выхода из страданий, и каждый лично (а не общественно) должен найти свой путь к радости»].

В октябре 1941 г. в Советском Союзе был создан Всеславянский комитет, который в течение военных лет организовал четыре Всеславянских радиомитинга. 10–11 августа 1941 г. в Москве прошел первый митинг «Славяне едины в борьбе с немецким фашизмом», сопровождавшийся радиотрансляцией на весь мир. Главной задачей радиомитинга был призыв к объединению славянских народов для борьбы с фашизмом и помощи Красной армии в борьбе с общим врагом. В 1942 г. Пришвина приглашают выступить по радио на следующем митинге. Пришвин понимает, что его мысли не вписываются в масштаб мероприятия. Он думает о послевоенном устройстве мира, и его точка зрения определяется не сиюминутными пропагандистскими задачами борьбы и войны – к чему он абсолютно неспособен, – а участием в решении проблем, перед которыми, по его убеждению, рано или поздно окажется человечество. Пришвин – писатель, он не пускается в отвлеченные рассуждения, но несет в себе бремя личного участия в делах мира, бремя ответственности за мир... И в первую очередь он пересматривает идеальный образ европейского человека, издавна сложившийся в русской культуре («5 Апреля 1942. Яд отравы вливается в мою душу, и я начинаю думать, не пора ли пересмотреть это завещанное нам дедами и прадедами чувство смирения русского человека перед иностранцами»; «26 Февраля 1943. Мы же, дети русские, вырастали в гимназиях с немецким режимом и с учебниками и с французской свободой на словах в обществе. Оба эти противоположные начала – личной свободы и государственной необходимости во многих сердцах поселяли верование в западного настоящего человека. Эта уверенность в существе западного человека была так велика, что продремала во мне до сих пор»). У Пришвина бесполезно искать рациональное разрешение поднятых мировой войной вопросов, как и готовые модели послевоенного устройства мира. Однако у него, «кровно русского человека», есть что противопоставить идее «превосходства германцев перед всеми народами мира». В разгар «большой войны», которая на самом деле еще неизвестно когда и чем закончится, Пришвин строит идеальную и, кажется, единственную в своем роде, – а с его точки зрения, единственно возможную – универсальную модель существования человека на земле: без войны («5 Апреля 1942. Зовут

сказать по радио на Всеславянском митинге. Идти боюсь, но сказать мог бы приблизительно следующее: С малолетства и до старости во мне, как кровно русском человеке из города Ельца, живет странное чувство, которое не встречал ни у одного народа. При встрече с представителями любой народности <...> я узнаю в них нечто лучшее, чего не знаю в своем народе. <...> После возвращения пленных 1914–1916 гг. из Германии нужно было видеть, какое благоговение к разумной жизни германского народа распространилось в народах России. И нужно было видеть теперь в эту войну, какой отравой вливался гитлеризм, как чувство превосходства германцев перед всеми народами мира, в это <...> состояние души русского человека <...> мне приходит в голову мысль: – А что если в этом запрете русскому человеку думать и говорить о себе хорошее и есть превосходство его перед всеми народами мира. Что если в этом восторге перед другими народами и умолчании о себе таится путь морального переустройства всего мира <...> если каждый народ будет о другом народе думать лучше, чем о своем, разве это не станет возрождением мира, не станет истинным путем в интернационал?»). Среди написанного Пришвиным во время войны нет ни одного рассказа о ненависти к врагу, о борьбе, о победе – понимая войну как «болезнь, охватившую все человечество», сделавшую смерть «массовым явлением», он живет и работает для мира («11 Сентября 1942. В сердцах людей во время войны складывается будущий мир. И назначение писателя во время войны именно такое, чтобы творить будущий мир»; «28 Апреля 1942. Война пройдет <...> После войны будет мир. Так вот я для того мира пишу»). Надо сказать, что Пришвин отнюдь не отрывается от реальности. Огромный интерес вызывает у него личность Рузвельта – он даже начинает писать в дневнике «открытое письмо» американскому президенту. В связи с выступлениями Рузвельта в дневнике регулярно появляются записи о послевоенной Европе и Америке. Писатель хорошо понимает свое время и интуитивно чувствует вектор развития событий – иные его суждения оказываются едва ли не пророческими («22 Декабря 1942. Теперь уже становится всем видно и без помощи Шпенглера, что Германия это последнее национальное государство, что после ее гибели Америка будет господствовать над всем миром, и весь мир под владычеством Америки пойдет по пути благополучия. В этом движении, конечно, всякого рода национальная расцветка человека сделается блюдом, украшающим стан всеобщего благополучия: разного рода религиозные секты и общины станут модными. Всеобщая популярность немцев в деревенской России в прошлом году происходила от скрытого национализма»). Многие суждения кажутся на удивление прозорливыми («27 Июля 1943. Мне думается теперь о войне, что вопросы о том, кто победит и когда война кончится, стали иметь лишь местное и частное значение, что для современных деятелей это уже прошлое, а настоящее в устройстве мира после войны. Существует ли, например, у нас в СССР тайный расчет на массовый народный пожар в Европе и сплав в огне всей Европы с СССР. Мне думается, что наши большевики, выгнав немцев из пределов России, должны отказаться

от непосредственного участия в европейских делах и предоставить союзникам самим гасить тот пожар»).

В последний день 1939 г. Пришвин еще не подозревает, что с этого момента он будет бесконечно воспроизводить в дневнике философские рассуждения о смысле и значении любви, ее происхождении, об ожидании, о встрече, о превращении отвлеченного поэтического образа любви в принцип самой жизни. Но, ни о чем этом еще не подозревая, он как будто уже прокладывает путь, как будто строит дорогу, по которой пойдет [«31 Декабря 1939. О, как же опошлено это французское: "Ищите женщину!" А между тем этим сказано, что в глубине всего искусства только женщина и если нет ее, то нет и самого искусства, нет поэзии и только "проза"» (Дневники. 1938–1939. С. 495)]. Он и не знает, как много ему предстоит на этом пути понять («7 Мая 1942. До встречи с нею в глубине души не верилось мне вообще в объективное добро, и любовь как движущая сила жизни была непонятна мне»; «26 Октября 1943. Любовь – это история личности»). Это был крутой поворот в его судьбе: после женитьбы на Валерии Дмитриевне Лебедевой (Лиорко) все стало складываться: каждый день наполнялся смыслом, бытовые трудности и непонимание так или иначе преодолевались, любовь становилась надежной действенной силой, и каждую минуту своей жизни оба понимали, что это и есть счастье («20 Января 1943. – Ты в моих глазах осталась такой же, как была, когда я написал тебе первое любовное письмо <...> я все такой же, ни муж твой, ни поэт, ни любовник, а если хочешь, и муж, и поэт, и любовник, и еще кто-то гораздо больший. И потом я вообще как-то не привыкаю»; «1 Марта 1943. Самое ценное для меня <...> что она не дает к себе привыкать»). Михаил Михайлович не уставал удивляться тому, что принесла с собой в его жизнь эта женщина («5 Февраля 1942. С нею впервые <...> увидел, узнал и принял как очевидность существование на земле в человеке божественной души. В сущности, это была моя первая встреча с человеком»). Он понимал, что стоит на пороге нового сознания – и, быть может, нового витка в творчестве («9 Ноября 1942. <...> я сейчас нахожусь накануне такого же выхода из нравственного заключения, которым было мне путешествие в край непуганых птиц, с таким же чувством благоговения, как тогда в природу, я теперь направляюсь к человеку <...> Так и начну свой новый круг жизни»). Каким будет этот «круг», и круг ли это будет, предугадать он, конечно, не мог. Шекспировские строки из трагедии «Король Лир», которые Пришвин выписал в дневник («2 Июня 1942. "Итак, мы станем жить вдвоем и петь, / Молиться, сказку сказывать друг другу, / Смеяться над придворными и слушать / От них рассказы о мирских делах"»), можно было бы считать эпиграфом к домашней жизни Пришвина в Усолье, – по крайней мере, в те редкие дни, когда они с Валерией Дмитриевной оставались вдвоем («13 Октября 1942. Вчера <...> мы остались одни, и вдруг, как [у] бродяг весной, [старая] ветхая одежда стала ненужной, и мы сбросили <...> и остались вдвоем среди неоткрытых, неведомых миру современных людей сокровищ»).

Начиная с 1940 г. Пришвин впервые регулярно читает творения Св. Отцов, у которых находит единство деятельной любви и веры, и рассматривает сквозь призму христианской парадигмы русскую церковную историю и русскую революцию («13 Ноября 1943. <...> раскол состоял в том, что содержание любви, веры и дела раскололись на веру без дел (официальная церковь) и на дела без веры (раскол в своем последующем выражении: революция»), а также свое служение слову – писательство. По Пришвину, как только художник теряет творческое дерзновение, творческую свободу, он превращается в начетчика, того же фарисея, который производит мертвые слова: они абсолютно верны, но не способны пробудить чью-то душу и распространяют вокруг себя скуку. Это очень важный для Пришвина вечный парадокс культуры, поиск «золотого сечения». Он всегда понимал, что зло интересно, а добро просто и ясно, и можно сказать, что его творческой задачей и одновременно существом его личности были более или менее успешные попытки наполнить радость, красоту, а может быть, и добро живой жизнью («7 Ноября 1943. Страшно, нехорошо, а втайне хочется. Мне кажется, с этим чувством послушника, слушающего со страхом песни родного села, я так и родился на свет <...> Какое-то <...> промежуточное положение: и в келье холодно, и страшен козлиный гам за рекой из родного села»). Пришвин делает сознательный выбор, единственно для себя возможный – он остается художником («9 Апреля 1943. И тема моя “искусство как поведение” есть попытка сделать поэзию подвигом, превратить ее в “святое ремесло” <...> Есть в искусстве что-то несовместимое с религиозным подвигом, потому что подвиг есть дело, т. е. труд, а необходимое *нечто* в искусстве предполагает независимость от дела, от труда. Конечно, и в религии дело подвига – борьба, страданье – оканчивается радостью, воскресением, но все-таки в религии у святых их радость есть заслуга. В поэзии подвиг (заслуга) не обязательны (Моцарт), в поэзии именно “дух дышит, где хочет” <...> Поэзия в личности поэта может быть подвигом, но сущность поэзии есть божественная игра, выражаемая в заповеди “будьте как дети”. Милость Божия, посылаемая людям в поэзии, есть именно корректив религиозному подвигу, требование высшего смирения перед щедростью и перед без-мыслием (иррациональностью) Божественного творчества».

Кроме того, Пришвин сталкивает религиозное и революционное (большевистское) сознание: в том и другом он отмечает общее морализаторское начало, которое невозможно оспорить, но которое замораживает жизнь в добродетельном застое и неизбежной мертвящей скуке. Такое часто бывало в русской истории: под предлогом помощи «ближнему» отказаться от служения «Дальнему» («13 Марта 1943. <...> этот тяжкий вопрос о жертве Дальним для Ближнего»). Один из важнейших ницшеанских вопросов, в котором, по Пришвину, выражена квинтэссенция современности, в его дневнике обсуждается постоянно: личность и общество, «хочется» и «надо», Евгений и Медный всадник; этот вопрос писатель пытается художественно решить в романе «Осударева дорога» («Падун»), к

которому в очередной раз возвращается в годы войны. Тысячу раз прав революционер в своем желании добиться справедливости – а получается часто «стахановец», и точно так же прав верующий человек в своем рвении достучаться до заблудшей души – а выходит подчас фарисейство. И только художник знает и верит, что «ближний» – это не «маленький человек» («7 Декабря 1943. И в Дантовом Аду не представлено такое наказание, чтобы личность человека под предлогом пользы своему ближнему превращалась в какой-нибудь рычаг или шестерню»), а личность, которой открыт путь к свободе и творчеству («16, 17, 18 Марта 1943. "Люби ближнего" – это значит, конечно, люби Дальнего в ближнем»). Но научить этому невозможно ни словом, ни личным примером, можно только осветить путь тому, кто сам ищет и вопрошает. Именно это и делает писатель. Чтобы в такие-то годы быть мыслящим человеком, нужно оставаться свободным и бесстрашным. Пришвину это удается («4 Ноября 1942. <...> преступная "идейность" одинаково содержится и у фашистов, и у наших, там и тут оправдание преступления в том, что это большое дело <...> О время, время какое! все маски сброшены с государства и церкви, и все пережитое человечеством в этих формах опрокидывается в открытую душу каждого, как бремя, которое он должен вынести»); «28 Марта 1943. "Несть бо власти, аще не от Бога" означает, конечно, что единственная власть – это власть, исходящая от Бога. Но огромные массы людей по привычке, вколоченной в их головы попами (или учителями в школе), понимают, что всякая власть есть власть от Бога, что означает: слушайся всякого, кто захватил в свои руки власть»).

Так или иначе, но переворот в личной жизни коснулся его творчества и литературной судьбы. В поэме «Фацелия» (первая часть книги «Лесная капель», 1940) Пришвину удалось выразить одновременно полноту и недостаточность природы для человека, который встречает настоящую любовь («13 Июля 1941. "Фацелия" именно потому и провалилась, что она была демонстрацией "мнения", а не лозунгом необходимости общественной. Она свидетельствовала о том, что несмотря ни на что кто-то еще может "дурить"»). «Фацелию» начали печатать в канун войны, но неожиданно прекратили, а в 1943 г. книга «Лесная капель» была целиком опубликована («4 Ноября 1943. <...> "Фацелия" напечатана <...> которую <...> запретили перед войной. Война на носу, писали о ней, а он радуется. Теперь же понадобилась радость, и книжку напечатали, и в ней о войне ни слова, как будто она давно кончилась»). Но это был еще только самый первый звонок: начиная с 1943 г. ни одно большое произведение Пришвина, за исключением «Кладовой солнца» (1945), напечатано при его жизни уже не будет.

«Рассказы о ленинградских детях» (1943) были написаны уже, пожалуй, «по-новому». Тема этих нарочито непритязательных рассказов – спасение детей блокадного Ленинграда. В них, как обычно у Пришвина, просторечье неожиданно обнаруживает философскую подоплеку, это может быть евангельское «будьте как дети» или вырастающая из соловьиной песни идея

совмещения «хочется» и «надо», из чего складывается родина и вырастает личная любовь. Все это, как кажется, вписывается в современный контекст культуры военного времени, когда страна на фронте и в тылу напрягает все силы для победы («8 Апреля 1942. Был от "Литературной газеты" Перцов с предложением написать "от души". Я ответил, что с самого начала пробовал: "Голубая стрекоза", но Фадеев отверг, как "не остро-политическое"»). Рассказ «Голубая стрекоза» все же был напечатан в 1941 г. В «Рассказах о ленинградских детях» обсуждается две модели поведения: родовая (которая в новом военном времени теряет свое абсолютное значение, вытесняясь прежде всего смертью) и прагматично-христианская («15 Марта 1943. Спасаясь от гибельной дистрофии, несколько женщин-педагогов взялись спасать этих детей по мудрому совету одного ученого: спасетесь сами, спасая детей»). На пятачке небольшого детского дома на Ботике Петра I создается новое духовное отцовство-материнство, возрождается детство, проступая из военного небытия, мелькает возможность новой послевоенной любви. Это мир, организованный простыми женщинами-воспитательницами, которые создают для детей образ «прекрасной мамы» – и доброй, и веселой, и нарядной, и любящей, и справедливой, и способной к борьбе за свою большую семью. Есть в рассказах и жизненные реалии военных будней: поездки воспитательниц на грузовике по грязи за продуктами, хитрость и воровство этих бесценных продуктов, ночные дежурства у постели болеющих детей. В них нет морали, советских поведенческих норм, пафоса и разговоров о фашистах или о Сталине – зато есть соловей с его песенкой, по которой, как по лесенке («лествице»), поднимается все выше и выше, оживая, человеческая душа, детская и взрослая. Не так давно Пришвин впервые в жизни прочитал Иоанна Лествичника. Соловьиная песенка-лесенка, проходящая лейтмотивом сквозь все рассказы, вырастает, конечно, из христианской традиции – но у Пришвина она сплетается в единство с целительной силой природы («13 Мая 1943. Оправдание язычества и есть истинное христианство»), с прагматикой повседневной жизни (31 Января 1943. <...> показался привычный "Бог" Рузвельта <...> во время такого ужасного падения человечества этот американец-прагматист <...> практично пустил его в дело устройства этого мира: от этого выиграет прежде всего сама Америка, а потом и все страны, жаждущие мира. И замечательно это понятие Бога в Его рабочей ценности») и с русской историей (Петр I со своим ботиком). Кто знает, быть может, все это явилось из той же архаической глубины собственной души писателя: тон и язык рассказов просты, мысли сложны, глубоки и современны, – а читать их можно и детям и взрослым. Эпиграфом к «Рассказам» Пришвин собирался поставить слова Ф. М. Достоевского «Через детей душа лечится»*. Однако при жизни Пришвина удалось опубликовать рассказы цикла только вразбивку, а полностью «Рассказы о прекрасной маме» вышли только в 1957 г.

* *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. С. 58.

Зимой в усольском лесу – этом храме природы – разыгрывается настоящая зимняя мистерия снегопадов и метелей с участием снежных фигур от крокодила до ангела, и писатель становится ее участником («17 Декабря 1942. На восходе солнца меня окружили мои снежные лесные фигуры, и я узнал их и вспомнил, как прошлый год я им радовался под гром выстрелов близких сражений. Откуда бралась эта радость?»). Главное место действия мистерии – лесная тропа, над которой он ежедневно трудится, протаптывая ее и превращая в священную («17 Января 1943. Стоят морозы большие –30, заря на восходе оранжевая в полнеба, лунными ночами каждое дерево в звездах и между кронами как небесные озера... По священной тропинке своей иду к своей Троице (три дерева), становлюсь там на молитву, и эта тропа священная по земле уходит в небо, а я все иду, все тружусь»). Тропа человеческая – окультуренное, знакомое место, но, оказавшись на лыжах в глубине леса, Пришвин неожиданно застает совсем другую картину, в которой лес-бес завораживает и пугает – благо спасение тоже рядом («22 Января 1943. <...> ходил на лыжах в тот лес, где сосны лишь немного выше роста высокого человека. В полнолуние из каждой такой в рост человека засыпанной снегом сосны сложился или человек, или зверь <...> Все эти призрачные фигуры обыкновенно прячутся во тьму <...>Теперь в полнолуние они все вышли и зажили какой-то своей жизнью <...> только остановишься, как чувствуешь – все остановилось и смотрит на тебя и ждет <...> Ужас стал проникать в меня, и видимые фантастические фигуры в белом начинали кивать мне, кто носом, кто крылом, кто когтем, кто всей головой, и казалось мне, как у Вия, что вот сорвутся они со своих мест и начнут беситься возле меня <...> спасаясь от ужаса, я поднял голову и увидел очень высоко над собой – полная луна спокойно светит, и возле нее звезды»). С наступлением тепла зимняя мистерия постепенно превращается в весеннюю, и тут перекидывается мост от мира природы в мир человека: образы добра и зла, фундаментальные этические категории, в пришвинской мистерии соединяются с красотой; эстетический идеал – красота – в соединении с добром становится силой («10 Января 1942. Сколько зла, сколько злобы в зиме, столь красивой для того, кто живет в тепле, и столь ужасной для застигнутого врасплох в поле путника. Ведь нет теперь в такую метель никаких путей, и твой собственный след тут же за тобой заметает. Сколько замерзает в одну только такую метель живых существ, сколько наломанных ветвей, сколько изуродованных деревьев. Но придет время, и каждая прекрасная и злая шестигранная звездочка зла превратится в круглую каплю добра, включающую в себя и красоту. Сверху добро, внутри красота – как сила. А зимой наружу красота, а внутри зло»). Так мистерия охватывает человеческую историю, в которой в это время идет открытая борьба добра со злом; хотя граница между этими этическими полюсами не столь очевидна: если со злом все ясно (природа фашизма), то с добром значительно сложнее. Между тем, если мудрость усольской лесной мистерии заключается в обязательной, непременной, неотвратимой победе добра – приходе весны, то в человеческой

истории одной лишь победой добра не отделаешься, невозможно просто обрадоваться, невозможно забыть («11 Января 1942. Я продолжаю думать об этом чудовищном скоплении снежного зла, от которого родится богатейшая весна. Перебрасываюсь от этого в человеческий мир, и вся война представляется мне, как болезнь, охватившая все человечество. И пусть вырастут на крови цветы – не утешительно. Пусть и тут каждый кристаллик зла превратится в каплю добра – не утешительно»; «6 Декабря 1942. Сколько умерших! <...> Одна за одной души умерших выходят на прямой свой и единственный путь из кругового лабиринта нашей жизни. <...> Помяни, Господи, души усопших во Царствии Твоем. Так молюсь я в предрассветный час и знаю и чувствую, что с каждым ударом сердца моего непременно выходит на священную прямую чья-то душа и удаляется, и новый удар сердца – и новое мгновенье, и так складывается у нас время, а у них путь в Царствие Небесное»). Усольский зимний лес военных лет – кто бы узнал об этой разрезающей сугробы упрямой тропе и о снежных фигурах, и о светлом небе и об идущих впереди звездах? Читая дневник писателя, понимаешь, что не переведи он в слова свои дни и ночи в этом лесу – и само существование леса (реальность) бесследно исчезло бы в прошлом. Но теперь исчезновение усольскому лесу тех военных лет больше не грозит («13 Января 1942. Почти что нет ни одного сука в лесу совершенно бессмысленной формы <...> слон как бойко вскинул хобот <...> человек в противогазе сидит за столом и дремлет – Кто же их создавал? – Лично никто. Ветер был ваятелем и материал его – снежинки – шестигранные звездочки <...> создавались, значит, сами собой, формы, понятные человеку, намекающие на него самого, на его душу, на повседневную и даже современную жизнь? <...> я думаю, что весь мир и есть сам человек: всё, всё – человек <...> крокодил, спит на берегу Нила <...> а вот и Ангел летит <...> и ветер ничего не может сделать вне нас. Мы все вмещаем, и ничего нет вне нас»).

Интересно, что по этой же самой протоптанной ежедневным проходом тропе выступает из прошлого начинающий писатель Алпатов – alter ego Пришвина («20 Января 1942. –43°. <...> Алпатов идет по занесенной снежной тропе, нащупывая палочкой или свободной ногой тропу, пробитую людьми. Сквозь метель ничего не видно, путь слепой, но ощупью медленно идти можно. Вот и следует разобрать, из каких элементов состоит это "ощупью". Начнем с того, что у писателя должно быть... Данное: это его талант. Как убедиться в этом?»). Писатель идет по тропе, чтобы понять, есть ли у него талант. Целую жизнь, ощупью, прокладывая путь, он медленно в раздумье движется вперед («9 Августа 1943. Мысль – это мое Хочется: это жизнь бессмертной души моей»).

Яна Гришина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Собр. соч. 1982–1986.	–	*Пришвин М. М.* Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982–1986.
Собр. соч. 2006.	–	*Пришвин М. М.* Собрание сочинений: В 3 т. — М.: Терра – Книжный клуб, 2006.
Собр. соч. 1956–1957.	–	*Пришвин М. М.* Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956—1957.
Собр. соч. 1935–1939.	–	*Пришвин М. М.* Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Гослитиздат. 1935— 1939.
Ранний дневник.	–	*Пришвин М. М.* Ранний дневник. 1905–1913. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007.
Дневники 1914–1917.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1914–1917. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007.
Дневники 1918–1919.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1918–1919. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2008.
Дневники 1926–1927.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. — М.: Русская книга, 2003.
Дневники 1930–1931.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1930–1931. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2006.
Дневники 1932–1935.	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1932–1935. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2009.
Дневники. 1936–1937.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1936–1937. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010.
Дневники 1938–1939.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1938–1939. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010.
Личное дело.	—	Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2005.
Невидимый град.	—	*Пришвина В. Д.* Невидимый град. — М.: Волшебный фонарь, 2009.
Незабудки.	—	*Пришвин М. М.* Незабудки. — М.: Издательство «Художественная литература», 1969.
Путь к Слову.	—	*Пришвина В. Д.* Путь к Слову. — М.: Молодая гвардия, 1994.

РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства.
Мф.	—	Евангелие от Матфея.
Лк.	—	Евангелие от Луки.
Ин.	—	Евангелие от Иоанна.
Быт.	—	Книга Бытия.
1 Коринф.	—	Первое Послание к Коринфянам.
Ис.	—	Книга пророка Исайи.
Иак.	—	Послание Иакова.
Еккл.	—	Книга Екклезиаста.
Притч.	—	Книга Притчей Соломоновых.
Откр.	—	Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).
Римл.	—	Послание к Римлянам.
Дан.	—	Книга пророка Даниила.
Деян.	—	Деяния святых Апостолов.

1942

[1] *Русские типы в диккенсовскую повесть.* – В дневнике появляются записи о встреченных в Усолье людях, которые впоследствии окажутся героями будущей «Повести нашего времени» (1946); записи представляют собой разработку идей, характеров, рабочие материалы к повести и потому частично перенесены в комментарии: «Есть такой Гаврила Алексеевич, старец-церковник, который чуть не проклял, было, Лялю за то, что она ушла от мужа своего ко мне. Узнав же недавно, что церковный брак ее не расторгнут, примирился с уходом и даже пожелал в гости прийти. Ляля не пожелала его видеть, потому что ей стыдно было с человеком, который смотрит на нее, как на блудницу. Так вот этот Гаврила, праведный по-церковному, является типом всемирным ограниченного церковного человека (“церковное животное” – Ляля), достойным словесного резца Диккенса, у нас в литературе не нашел места. Не знаю, может быть, у Лескова где-нибудь, но Достоевский пальцем не шевельнул, чтобы его показать. Если будет “Начало века”, то этот тип надо соединить с тещей: приходил к ней по двунадесятым праздникам. В одной комнате с Гаврилой живет, как трость, колеблемая ветром, Владимир Евгеньевич Филимонов, поэт и математик. Гаврила молитву читает, а тот бормочет стихи. Какой это человек, если дерется с дочерью, а между тем очень может быть и гениален. Он понимает Гаврилу, а тот его понять не может и за человека не считает. Роман его с Зиной Барютиной (односторонний: Зина сумела его поставить на такое место, на котором он жил, согреваемый ее светом. – *Примеч. В. Д. Пришвиной*). А в темной комнате рядом с большой (5 человек, разделенных шкафами) спит на голых досках религиозный бухгалтер, человек, впрочем, практический, много помогал Гавриле, но в последние дни огорчил: заявил претензию на темную комнату, как на свою собственную. Гаврилин церковно-обрядовый “материализм” (назовем так пока): на ногу себе топор не уронит. А Владимир Евгеньевич вечно все роняет себе на ноги».

[2] *...ничего нет хорошего, если оратор мыкает.* – О манере Пришвина держать себя и говорить с людьми – не важно, с глазу на глаз или с трибуны, вспоминают многие. Сам Пришвин отмечал, что стиль и манера разговора с людьми Ильи Ефимовича Репина, поразившие однажды в мо-

лодости, освободили его от общепринятых норм и правил. Ср.: «Я один раз слышал его выступление на большом съезде художников, и его манера говорить поразила меня и на всю жизнь вдохновила. Он говорил не как ораторы говорят для отвлеченной аудитории, а как говорит кто-нибудь для семьи своей или друзей дома. Мы все во время речи Репина, очень смелой, освобождались от условностей, становились большой семьей почитателей искусства, людьми, родственно связанными своим служением большому делу» (Личное дело. С. 298).

[3] *(Дон Жуан и Командор.)* – Аллюзия на одну из маленьких трагедий А. С. Пушкина «Каменный гость» (1830).

[4] *...почувствовать любовь к «Дальнему».* – Далее ср.: «Когда дальний родственник Гаврилы Андрюша хотел подписаться в анкете как “неверующий”, старик на коленях у мальчишки стоял, только чтоб его уговорить написать “верующий”. Это пример любви к “Дальнему”». Эпизод вошел в «Повесть нашего времени» (1944), которую удалось опубликовать только в 1957 г.

[5] *...о невозможности ему любить «ближнего».* – Далее ср.: «Скажите, – спрашивает Гаврила про Владимира Евгеньевича, – кого он любит. – Зину. – Зину он любит как женщину, а кого кроме? – Так и я сейчас себя спрашиваю: кого ты любишь. – Лялю. – Ты ее как женщину любишь для себя, кого же кроме нее, назови хоть кого-нибудь. – Коноплянцева. – Его ты любишь только потому, что он тебя любит: вот это да, он – да, а ты – нет. – Итак, лица ты никакого назвать не можешь, кроме Ляли, которую тебе любить интересно. Ты просто никого никогда даже и не любил без своего интереса. – Но я любил всегда неведомого друга и так писал ему, что от этого многим делалось лучше, и у них возникала любовь ко мне. Пусть я не любил никого, но я любовь в других возбуждал и с такой силой, что друг мой пришел ко мне. А если я любовь возбуждал, значит, я-то сам тоже любил, только не “ближнего”, как вы хотите, а “дальнего”, живущего где-то за морями, за горами, в тридесятом царстве. Меня любовь к “дальнему” так поглощала, что “ближнего” просто некогда было любить. Если же вы требуете от меня любви к “ближнему” и это служит вам коррективом личности, то я вас тоже в свою очередь спрошу, как ваша любовь к “дальнему”? – К Богу? Я верую, молюсь, служу Богу, как могу. – Хорошо, но это ваше отношение к Богу настолько ли чисто и лишено личного интереса, что возбуждает в людях такую же любовь, как моя любовь к “дальнему”?»

[6] *Современная легенда.* – Эпизод вошел в «Повесть нашего времени».

[7] *...(от Прекрасной дамы к проститутке).* – Аллюзия на цикл стихотворений А. Блока «Стихи о Прекрасной даме» (1901–1902) и стихотворение «Незнакомка» (1906).

[8] *...взглядов ап. Павла на женщину и брак.* – Ср.: «Но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (1 Коринф. 1: 2). «А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, и мужу не оставлять жены [своей]» (1 Коринф. 10: 11).

[9] *...как шли волхвы со звездой.* – Далее ср.: «После долгого поста на молоко, я сегодня за обедом выпил стакан, и у меня долго бурлило в животе, и борьба эта в животе подавила мой дух. Мне было скучно слушать, как Ляля учила, как простая учительница, безнадежных ребят (Вале м. б. что-нибудь и западет). – Ляля, скажи мне, – спросил я потом, – можно ли бороться с таким состоянием духа, когда кажется, и Бог, и Христос, и Богородица, и звезда Вифлеемская существуют, вот как... – За окном бор шумел. – Вот как там шумит, ты слышишь? – Слышу, еще бы. – Какое дело им, этим соснам, морозу, метели, и какое дело нам до них, если у нас тепло. Так вот и Бог: нужно почувствовать смертоносную силу мороза, но ты не чувствуешь, тебя это в тепле не касается. И благотворную силу Божью почувствовать нужно тоже, чтобы тебя это коснулось, но представь себе, сейчас я слушаю, как ты говоришь ребятам, а меня это не касается. – Понимаю, – ответила Ляля, – ты художник, ты не нуждаешься в благотворительности, тебя моя благотворительность может даже раздражать. – Нет, не то: я просто равнодушен. – Ну, значит, у тебя что-нибудь не в порядке, такое состояние называется унынием, и борьба с ним простая: стать на молитву – и все пройдет. – Послушай, неужели ты не понимаешь то, что я выходила сейчас за мамой нехотя, я знала, что ей это будет приятно, вот и вышла, это моя благотворительность. А ты художник – тебе это не нужно. – Мне кажется, что это вовсе не от художника, а от человека: для чего притворяться? Ты бы сказала ей, что тебе сейчас не хочется. Возможно, ты бы ее в этот раз огорчила, но зато вышла бы с ней в духе, когда тебе хочется, и она бы тогда была вознаграждена во много раз за твои отказы гулять с ней, когда тебе не хочется. Ты ее избаловала, изнежила, и все, что отнимает у вас с ней в отношениях почти все время, ее болезни, на три четверти ею мнятся: все это выдумано, и любовь ваша, и все отношения ваши, на мой взгляд, мнимые, как болезнь с ее стороны средство тебя привлечь, так и любовь твоя к ней – мнимая любовь. – Понимаю, – слышишь, как шумит бор. А когда мы вышли с ней на крыльцо, и она мне сказала: слышишь, как это там шумит и свистит, и так это там все чуждо и отвратительно, я не поддержала разговор, и мне даже было неприятно слышать от нее об этом. Понимаешь. – Я, конечно, понимаю, и тоже так чувствую, но это чувство одно и то же к дикому лесу вводит в мой секретный для нее мир и в ее секретный мир, где мы существа до ненависти противоположные. Для нее страшен бор, как противоположность ее утвержденности в полнейшем благополучии. Ночью зимой в метель бор нам одинаково с ней страшен, но у нас разный не-бор, т. е.

наш желанный мир. И вот почему эти ее жалобы на жестокость стихии я понял как введение в тот желанный мир, где мы вовсе не понимаем друг друга. Она женщина и только женщина, и ты, любя меня – человека с мужским умом, вообразить себе не можешь, до чего мелок этот женский мир и до чего он меня отталкивает от себя, этот специфический мир ограниченности, утверждаемой всем Ветхим Заветом, а отчасти и Новым, как низшее состояние. Вспомни Павла, как даже он судил о женщине. Помнишь? – Помню и дивлюсь. – Не дивись. Апостолы, устраивая церковь, были слишком заняты общественной деятельностью, им некогда было подумать о личных отношениях. – Значит, то же, что для наших революционеров: сначала устроим разумную общественность, а потом возьмемся за личность. То же самое было причиной гонений на мою "Фацелию". – До точности. Павлу слишком много дела было, но он не мог глубиной своей души не знать, не чувствовать того, чем мы теперь живем, к чему теперь нас само время подводит. Об этом говорят слова Павла. – А когда мы вышли на крыльцо с мамой, – продолжала шептать мне Ляля со своей подушки, – и когда она начала говорить о шуме бора, ясно с намеком на тебя, и меня резко оттолкнуло от нее не из-за тебя, а из-за того, в чем я тебе признавалась, ты помнишь, – это моя священная тайна. – Тайна твоей любви? – Ну да, ты же мой, ты, как я, то же самое и ты должен все понимать. Когда меня так резко оттолкнули слова мамы, я почувствовала к ней физическую неприязнь, почти как в электричестве, то, что там называется минусом, отрицательным током, я собралась вся в обратное, в поправку этому неприязненному чувству, и сердцем своим вникла в сущность этого страха от бора. Мне стало, как будто тебя нет уже, и только мама, и вот мамы не станет, и тогда вот этот бор, метель, вьюга, и я одна, совсем одна. Это не так одна, как в пустыне: совсем без людей с Богом, а по-настоящему одна, как бы осталась здесь без мамы: та же мама Дуня, ее ребята, лесничиха, болото с его деятелями: Конюхов, банщик, бухгалтер, Маруся, капуста мороженая, соленые помидоры – все, все, во всех мелочах, и я среди всего этого одна, и бор шумит. Вот это ужас и последнее, чего я страшусь больше ада, больше всего. Я не в первый раз это почувствовала, я это знаю в себе и мгновенно перемещаюсь в этот ад, когда я оскорбляю свою мать. Так и теперь острая жалость охватила меня, я преодолела неприязнь, я забыла о ней и начала ее утешать, утешать и скоро утешила. Ее ведь просто утешить – вся трудность себя преодолеть, а как преодолеешь, так жалко становится. – Что же, выходит, эта жалость родилась от страха одиночества. – Да, вот так она рождается. – Но разве такая любовь? – Точно так же было со мной в моих отношениях с Ефр. Павл. От страха остаться одному родилась жалость к ней, раскаяние... И ей этого было довольно, все это шло за любовь. Я думал дальше о "люби ближнего как самого себя". И понял, что вся суть этого рода любви в этом "как". Вот мы с Лялей любим друг друга не "как", а просто соединяемся в одно существо до того, что отношения наши, как отношения частей в организме, это отношения зависимости такие, что муж и жена – это мало

и сказать, что это любовь. Нет, пожалуй, уже это и не любовь: любовь нас вывела к этому, но теперь это уже не любовь. А в сторону матери Ляля этого единства не чувствует, она смотрит в ту сторону и берет пример с себя и туда относится как к себе. Так что в этой формуле "люби ближнего как самого себя" пропущен глагол, определяющий отношение к себе самому, потому что отношение к себе самому не есть любовь. Может быть, так бы сказать: люби ближнего так же свободно, как действуют легко и свободно руки и ноги твои, заменяя друг друга. Или лучше: относись к ближнему, как к самому себе. – Так что вот, Нат. Арк., не сомневайтесь в Ляилиной любви: любит она только вас, а меня она не любит: я – это ее я, я – это ее организм. И если бы в ее любви к вам вопрос: вы или я, она бы, конечно, мною пожертвовала бы точно так же, как жертвует собой ежедневно для вас».

[10] *...родился «Смертный пробег»...* – имеется в виду один из лучших охотничьих рассказов Пришвина «Смертный пробег» (1925), цикл «Календарь природы» (1937) (Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 333–337).

[11] *Читал «Черного араба» вслух...* – цикл очерков «Черный араб» с подзаголовком «Степные эскизы» был впервые опубликован в журнале «Русская мысль» в 1910 г. Ср.: «Я рванулся в путешествие в Среднюю Азию к пастухам и написал "Черного араба", для которого я столько изведал, что мог бы написать о Средней Азии десять <...> книг» (Дневники. 1920–1922. С. 158). «Это чисто поэтическая вещь, она может служить самым ярким примером превращения очерка в поэму путем как бы самовольного напора поэтического материала <...> поэзия <...> без оглядки на какое-нибудь практическое дело <...> очерк <...> поэтический – свободный и, осмелимся сказать, праздничный» (Собр. соч. 1956–1957. Т. 2. С. 801).

[12] *...читал вслух «Никона».* – Имеется в виду рассказ «Никон Староколенный» (1912) (Собр. соч. 1982–1986. Т. 1. С. 475–500). Ср.: «Б/д. Опять новое усилие к безмыслию, и пишу в одну неделю повесть – "Никона Староколенного"». РГАЛИ.

[13] *...о попытке Мережковского дать революции религиозное основание...* – ср.: «В настоящем <...> очень раннем фазисе русской революции разительно отсутствует идея религиозная»; «Нам предстоит соединить нашего Бога с нашей свободой»; «религия и есть революция, а революция и есть религия» (*Мережковский Д.С.* Революция и религия // Русская мысль. М., 1907. № 2. URL: htt://www.bestreferat.ru/referat-6550.html).

[14] *...глас вопиющего в пустыне...* – Ис. 40: 3–4.

[15] *...в поте лица работая и в болезнях рождая...* – Быт. 3: 29, 3: 16.

[16] *...«люби ближнего как самого себя».* – Мф. 22: 39.

[17] *...два треугольника неба и земли в Неопалимой купине.* – Исх. 3. Иконографию иконы «Неопалимая купина» (горящая и несгорающая Неопалимая купина – один из ветхозаветных прообразов рождающей и остающейся в девстве Божьей матери) – перекрещенные сине-зеленый и киноварный ромбы, Пришвин толкует с точки зрения символики цвета неба и земли. Нераздельное единство неба и земли в данном случае писатель видит в образе падающих с неба («мне все дано в нерукотворной природе») сложнейших шестигранных снежных пылинок, образующих снежные массы, пригибающие к земле деревья.

[18] *Читал вслух «Голубые бобры».* – Название первого звена автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь» (1927), посвященного детству главного героя Алпатова. Символика голубого цвета играет важную роль в поэтике Пришвина. Рисунок этого фантастического зверя подарил восьмилетнему Мише Пришвину отец Михаил Дмитриевич Пришвин [«Отец <...> хорошо рисовал, одним движением сделал на бумаге каких-то необыкновенных животных в елочках и подписал: голубые бобры» (Собр. соч. Т. 1. С. 32)]. Голубые бобры – символ, не только связанный с образом вскоре умершего отца – своеобразный завет отца сыну, но и знак иной судьбы, обозначивший рождение личности в мальчике. Связь с отцом – «мечтателем по природе» [«природа моя пришла от отца» (Дневники. 1918–1919. С. 365)] Пришвин всегда чувствует. Интересно, что писатель стремится придать вымышленному «голубому бобру» статус реального и связывает его с геральдической историей соседа по имению Хрущево (где Пришвин родился) Федора Петровича, изменив, правда, его фамилию Корсаков на Азимов («13 Июня 1914. Старик Азимов Федор Петрович бывает двенадцатого мая именинником. К этому числу съезжаются все Азимовы, а их в нашем уезде довольно: это те самые Азимовы, которые некогда, выехав из Европы, имели в гербе бобра, редкое вымирающее животное голубого бобра. В России Азимовы, однако, до того сильно размножились, что Иоанн Грозный лишил их голубого бобра: «Вы плодитесь как свиньи, – сказал он и повелел им носить [вечно] в гербе кабана» (Дневники. 1914–1917. С. 72).

[19] *...вера без дел мертва.* – Иак. 2: 26.

[20] *...«Ромео» Шекспира...* – имеется в виду трагедия У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (1591).

[21] *...у Лермонтова в «Ангеле»...* – имеется в виду стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ангел» (1831).

[22] *...Чехов «Степь» написал, «Даму с собачкой»...* – имеются в виду повесть А. П. Чехова «Степь» (1888) и рассказ «Дама с собачкой» (1899).

[23] *...Пророк?* – Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

[24] *«На красных лапках гусь тяжелый»?* – Имеется в виду строка из романа «Евгений Онегин» (1823–1831): «На красных лапках гусь тяжелый, задумав плыть по лону вод, ступает бережно на лед» (гл. 4. XLI).

[25] *«Медный всадник»?* – Имеется в виду поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

[26] *...начинаю понимать Бетала.* – С Беталом Калмыковым, первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), Пришвин познакомился во время своего приезда в Кабардино-Балкарию. Ср.: «Передо мной живой человек. Не могу преодолеть в себе самом человека и пользоваться живым существом, как материалом для романа. Ничем не хочу от него “пользоваться” и берусь за перо, только желая ему добра: мне он очень нравился, и я хочу, чтобы о нем больше знали. Это Бетал Калмыков <...> о нем впервые узнал от Н. И. Бухарина в кабинете редактора “Известий”. – Поезжайте в Кабарду, – уговаривал меня Бухарин. – К Беталу Калмыкову. Там увидите необыкновенное строительство в сельском хозяйстве. Кстати, поохотитесь на кабанов. – Бухарин там был, все видел, охотился и очень полюбил Калмыкова, как чисто дитя природы, и за его личную необычайную храбрость, и за его государственный талант, и за интеллигентность» (Дневники. 1936–1937. С. 878, 42–256).

[27] *...влечет меня к таким, как Лермонтов...* – один из прафеноменов творческой личности Пришвина [«по-настоящему я Лермонтов» (Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 27)] связан со стихотворением М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины». В летописи (1918) Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Маша прельщает неземным (Лермонтов)». Ср.: Дневники. 1918–1919. С. 365.

[28] *...(преодоление неудач).* – Далее ср.: «Пришли от лесничего и сказали теще, что пели. – Что же пели? – спросила теща. – А твою “Белую акацию”. – А еще что? – Тоже все в этом роде. Знаешь, по этим песенкам сразу можно судить о мещанском их происхождении, – довольно “Белой акации”. – Чем же это плохо? – скрытно обиделась теща. А Ляля прямо и начала о мещанстве военной среды, в которой они жили и т. д. Теща упорно оборонялась, пока наконец Ляля не заставила признать не только мещанство, но даже что и отцу было тесно в этой среде. Тогда теща отсутствие стремления к росту своему приписала среде: виновата среда. – Среда есть среда, и виноватой не может быть, виноватой может быть личность: ты только, ты сама виновата, и если не хочешь этого признать, то это гордость твоя и упрямство, и в этом причина всех твоих неудач: раз ты сваливаешь все на среду, то и остаешься всегда неудачником. Тогда разговор наш перешел

к анализу душевного состояния неудачника: неудачник это – кто не хочет вину в своих неудачах взять на себя. А ссылка на среду в сущности своей есть выступление против Бога. И, значит, у неудачника тоже есть путь: он может двигаться по пути удовлетворения самолюбия, "демонический путь" (демон – поверженный ангел)». «Удивительно, как Ляля, бесконечно жалостливая к матери, когда встречает с ее стороны отпор, по чисто "мещанской" гордости делается жестокой, беспощадной и ничем не стесняется для того, чтобы ей доказать правду. Ее трагедия и состоит в том, что духу ее нет выхода из этого круга упрямых и любящих ее людей – матери и Александра Николаевича Р. и других... будто мать постоянно под влиянием ее воздействия изменяется, что она ее ведет по тому пути, по которому мог бы вести ее отец, если бы достиг достаточного духовного развития. Оно бы и пришло, если бы он не умер и дождался бы влияния дочери».

[29] *...после исключения моего из Елецкой гимназии Розановым...* – Пришвин был исключен из гимназии в 1889 г. за грубость преподавателю географии Василию Васильевичу Розанову. Ср.: «Состоялось свиданье с Розановым. – Пришвин был тихий мальчик, очень красивый. – А я бунтарь... – У меня с одним Пришвиным была история. – Это я самый. – Как?! Встретились два господина, одному 54 года, другому 36, два писателя, один в славе, сходящий, другой робко начинающий. 20 лет тому назад один сидел в кожуре учителя географии, другой стоял возле доски и не хотел отвечать урока... – Это было когда-то. Я не мог поступить иначе: или вы, или я. Я посоветовался с Кедринским, он сказал: напишите докладную записку. Я написал. Вас убрали в 24 часа. Это был единственный случай... <...> Он рассказывает, как плохо ему жилось учителем гимназии <...> Мой фантастический полет... Я говорил часа три подряд. Меня слушали, переспрашивали. Когда я сказал о том, сколько потеряло человечество, меняя кочевой образ жизни на оседлый... Розанов сказал: это у Ницше <...> Он дарит мне свою книгу с трогательной надписью. <...> Так закончился мой петербургский роман с Розановым. В результате у меня книга его с надписью "с большим уважением", "на память о Ельце и Петербурге". А когда-то он же сказал: из него все равно ничего не выйдет! И как и сколько времени болела эта фраза в душе...» (Ранний дневник. С. 226). Диалог с Розановым, который не прекращается в дневнике Пришвина в течение всей жизни, а также история их взаимоотношений является одним из интереснейших сюжетов русской культуры начала XX в. Ср.: «Страна обетованная, которая есть тоска моей души, и спасающая, и уничтожающая меня – я чувствую, живет целиком в Розанове, и другого более близкого мне человека в этом чувстве я не знал. Недаром он похвалил меня еще в гимназии, когда я удрал в "Америку"» (Ранний дневник. С. 197).

[30] *...сделал концом Журавлиную родину.* – Речь идет о романе «Журавлиная родина. Повесть о неудавшемся романе» (1929). Ср.: «Задумал написать роман о творчестве, но предпочел самое творчество, и роман разбил-

ся» (Дневники. 1928–1929. С. 334). Задуманная фенологическая структура книги («под диктовку весны») разрушается по причине задержки весны, исподволь из глубины текста прорастает тема творчества, творческого пути, возникают ростки автобиографического романа об Алпатове. Ср.: «Как правило, испытание слова сочетается с его пародированием, – но степень пародийности, а также и степень диалогической сопротивляемости пародируемого слова могут быть весьма различны <...> Как исключение, возможно испытание литературного слова в романе, вовсе лишенное пародийности. Интереснейший пример такого испытания – "Журавлиная родина" М. Пришвина. Здесь самокритика литературного слова – роман о романе – перерастает в лишенный всякой пародийности философский роман о творчестве» (*Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 224–445). На протяжении всей творческой жизни Пришвин моделирует собственный миф, и роман «Журавлиная родина» – важная веха в процессе автомифотворчества писателя.

[31] *...как кончаются «Голубые бобры»...* – имеется в виду конец первого звена романа «Кащеева цепь»: «Тогда показалось Курымушке, будто кто-то третий тихим гостем явился сюда и стоит. – Кто это? – Кого ты видишь? – Вон, Голубой! – Ах, это уже рассветает. – Но отчего же там голубое? – Это всегда так, весной на рассвете так голубеют снега <...> спи, ничего не бойся <...> когда-нибудь я научу тебя летать по-настоящему, и никто над этим не будет смеяться <...> Сладко спит победитель всех страхов на белой постели Марьи Моревны. Тихий гость вошел с голубых полей. Несет по облакам Светлого мальчика Сикстинская прекрасная дама. Гость пришел не один, с ним вместе с голубых полей смотрят все отцы от Адама с новой и вечной надеждой: "Не он ли тот мальчик, победитель всех страхов, снимет когда-нибудь с них Кащееву цепь?!"» (Собр. соч. 2006. С. 77).

[32] *...у лесничего пели «Белую акацию»...* – имеется в виду старинный романс «Белая акация» (сл. А. Волина-Вольского, музыка неизвестного автора), популярный в начале XX в.

[33] *...вернется Бог, покинувший нас...* – аллюзия на слова Ф. Ницще «Бог мертв», вокруг которых идет непрерывная полемика, впервые прозвучали в книге «Веселая наука» (1882). Ср.: «Л[егкобытов] говорил так: когда Бог работает, человек спит, и когда спит Бог, работает человек. И я говорю то же: теперь Бог спит. А наши говорят: Бог умер. Практически выходит совершенно то же, в нашей работе Бог не участвует, мы одни» (Дневники. 1932–1935. С. 464). Ср.: «Вопреки мнению его христианских критиков, Ницше не вынашивал планов убийства Бога. Он нашел его мертвым в душе своей эпохи. <...> Если Ницше нападает на христианство, то это в первую очередь относится к его морали, он никогда не затрагивает личности Христа, с одной стороны, и цинизма церкви – с другой. <...> По Ницше, не вера, а творчество в широком смысле является заветом Христа» (*Камю А.*

Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М., 1990. С. 17–171).

[34] *«Горные вершины»...* – возможно, имеется в виду романс «Горные вершины» (1840) на слова М. Ю. Лермонтова, муз. А. Е. Варламова (хотя существует еще несколько композиторов, написавших музыку на эти слова).

[35] *...«Не осенний мелкий дождичек».* – Имеется в виду романс на слова А. Дельвига «Не осенний частый дождичек» (1839), муз. М. И. Глинки.

[36] *...мысль старого союза русского народа...* – имеется в виду правомонархическая общественно-политическая организация (1905–1917).

[37] *...Бог обратил внимание.* – Позднейшая приписка в машинописной копии: «Проклятый задний ум! как ясно теперь видно, что героизм мой не на том должен был сказаться, чтобы “махануть” душой и взять дочь вместе с матерью. Надо было не величаться в себе по общему трафарету, а любовно, с родственным вниманием вдуматься в сущность отношений и, устроив хорошо как следует тещу, Лялю спасти от нее, именно спасти, потому что истинная жертва любви к ближнему, с подрывом превышающая любовь к Дальнему. Впрочем, м. б. я и грешу на задний ум. Разве еще и тогда, когда начали сменяться прислуги, когда возникла Малеевка и эта дача в Рузе и поездка на Псху, на Кавказ, разве и тогда не было уже все это реализацией необходимости пустыни. Нас в этот треугольник сбила война, и конец войны для нас откроет возможность продолжать путь свой от ближнего к Дальнему».

[38] *...бысть в вещех бывших прежде нас».* – Ср.: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот все – суета и томление духа» (Екк. 1: 9).

[39] *...встречает, как новость.* – Позднейшая приписка в машинописной копии: «Итог, три начала: 1) Божественное. 2) Человек входит в него (личность). 3) Человек выходит из него в повторяемость; значит, принцип повторяемости личной жизни есть смерть».

[40] *Со времени выступления Японии вовсе нет ничего.* – Имеется в виду успешная операция Японии 7 декабря 1941 г., когда японская эскадра сумела подойти к главной базе Тихоокеанского флота США в Перл-Харборе (Гавайские острова) и успешно атаковать ее. США и Англия объявили войну Японии, в ответ Германия и Италия объявили войну США.

[41] *...«дух Божий носился над водами»...* – Быт. 1: 1, 2.

[42] *...речь Рузвельта...* – вероятно, имеется в виду ежегодное послание конгрессу о положении страны (6 янв. 1941), в котором Рузвельт, в частности, выделил три принципа своей будущей политики: «Всеобъемлющая национальная оборона; полная поддержка тех народов, которые противостоят агрессии; удержание нашего полушария от превращения его в арену боевых действий».

[43] *...представил себе Алпатова...* – главный герой автобиографического романа «Кащеева цепь», alter ego писателя.

[44] *Среди писателей-богоискателей, начиная с Мережковского...* – в октябре 1909 г. Пришвин становится действительным членом Петербургского религиозно-философского общества (1907–1915); знакомство с кругом петербургских символистов играет важную роль в формировании его художественного стиля («день – год в моем развитии» (Ранний дневник. С. 175–316)).

[45] *...поверженный своей любовью к недоступной...* – имеется в виду разрыв с Варей Измалковой.

[46] *...знания, полученные при изучении специальности...* – в 1902 г. Пришвин закончил Лейпцигский университет (агрономическое отделение философского факультета).

[47] *...не морозами, а утренниками.* – Далее запись с позднейшей пометкой Пришвина: «Смутно». Ср.: «Радость распятия. Читаем вслух “Кащееву цепь”, и мне странно думать, как я мог писать роман о себе, когда сам был еще во власти жизни и не мог даже приблизительно предвидеть, куда меня жизнь приведет. Я говорю о “жизни” в смысле поглощенности своей тем делом служения слову, которому я совершенно отдался. Это служение в сущности своей было распятием (всякий настоящий писатель есть распятый), а радость жизни я брал не из той природы, которую называют девственной или физической, а делал заем радости из той же преображающей деятельности, которая освобождается, когда человек отбрасывает (распинает) то лишнее, то ненужное и вредное для творчества, что называется “плотью”. Я был так наивен (а это очень хорошо), что источником радости своей считал просто природу и народ, и не то, что следует назвать радостью распятия. Называя эту человеческую способность самоограничения с целью усиления в себе желанного, я не думаю собственно о Евангельском Распятии. Мало ли сектантов, антропософов, оккультистов и маньяков-писателей, графоманов, распинающих себя не во имя Христа, а как раз наоборот – для удовлетворения гордости и обретения власти над людьми. Всех одинаково увлекает радость и сила распятия, как во имя Христа, так и во имя Люцифера, и даже Ваала, когда какой-нибудь купец, рискуя

всем, приобретает капитал и в благодарность ставит дорогую церковь: он служит Ваалу, а дары попадают Христу. Вот Евангельское Распятие тем и отличается от других, что там человек, распинаясь, знает, во имя чего он распинается. Тут же, у Алпатова, его радость распятия освобождалась вслепую, путь верой он чувствовал, но не сознавал».

[48] *...сей есть Сын мой возлюбленный.* – Мф. 3: 17.

[49] *...книга «Начало века»...* – имеется в виду продолжение автобиографического романа под названием «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции», который Пришвин задумал до революции в 1909–1910 гг. Ранний дневник (1905–1913) явно рассматривался писателем как материал для романа: записи двух папок под названием «Начало века» и «Богоискательство» свидетельствуют, что речь в нем должна была идти о религиозно-философских взглядах сектантов и символистов; в раннем дневнике обнаруживается план будущего произведения, множество черновых набросков, вариантов записей, рассуждений, портреты десятков известных и неизвестных участников напряженного духовного поиска, персонажи романа и даже их предполагаемые имена; этот замысел так и не был осуществлен, однако в последующие годы Пришвин неоднократно к нему возвращался. Ср.: Ранний дневник. С. 175–316, 581–643.

[50] *...как молился Авраам...* – Быт. 22.

[51] *...(Несговоров).* – Несговоров – персонаж романа «Кащеева цепь», его прототипом был елецкий товарищ Пришвина Н. А. Семашко (Личное дело. С. 27–31).

[52] *...привело бы к той «мировой катастрофе» (Бебель)...* – в 1896–1897 гг., будучи студентом Рижского политехникума, Пришвин принимает участие в одном из первых марксистских студенческих кружков («школа пролетарских вождей») под руководством В. Д. Ульриха. Ср.: «Близится время мировой катастрофы. Чтобы спасти человечество, надо стать впереди и бросить свое личное дело. Вот в этом “бросить” и был весь нравственный упор. Мать моя работала всю жизнь на банк, чтобы дать нам образование, – как же это бросить? С другой стороны, основная тревога, перешедшая в мою душу, может быть, через гувернеров моих под амбаром, требовала бросить все личное и отдать свою жизнь за какие-то новые идеалы передового общества» (Путь к Слову. С. 53–72).

[53] *...победа <...> очутились на Западной Двине, перерезав Великие Луки, взяли Холм.* – Речь идет об успешной Торопецко-Холмской операции, в ходе которой в 20-х числах января 1942 г. наши войска вышли на рубеж Холм – Великие Луки и перерезали железную дорогу Великие Луки – Ржев.

[54] *Уход Крипса...* – Черчилль отзывает Стаффорда Крипса, посла Великобритании, который не пользуется доверием Советского правительства, чтобы установить доверительные отношения со Сталиным.

[55] *...см. «Башмаки»...* – в 1923–1925 гг. один за другим появляются очерки «Башмаки» – результат «журналистского исследования» кустарного промысла башмачников Талдома.

[56] *...считать началом весны света.* – В 1918 г. в дневнике писателя появилась составленная им летопись жизни, в которой отмечено: «1885. Второй класс. Счет годов с весны»; весна начинается, по Пришвину, в день Солнцеворота 25 декабря, и Пришвин считает это время года весной света. Ср.: «30 Декабря 1953. Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям "весну света"».

[57] *Враги человека домашние его...* – Мф. 10: 35, 36.

[58] *...не знаю, но оно так.* – Далее позднейшая приписка: «Получил от кума (А. М. Коноплянцева. – *Ред.*) письмо и глухо почувствовал – какую жизнь я пережил и какую ценность для общества представляет мое сознание. Я это до того сознаю, что каждое утро свое начинаю с молитвой о цельности моего сосуда...»

[59] *«Хорь и Калиныч» – гениальное произведение.* – Рассказ И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» (1847) входит в цикл «Записки охотника».

[60] *...против «суеты сует»...* – Екк. 1: 2.

[61] *Нимфа Калипсо.* – В древнегреческой мифологии нимфа, жившая на острове Огигия на Крайнем западе, куда попал спасшийся Одиссей на обломке корабля, разбитого молнией Зевса за истребление быков Гелиоса.

[62] *Теперь вот речь Черчилля...* – по-видимому, имеется в виду речь Черчилля после Вашингтонской конференции в декабре–январе 1942 г. 13 августа 1942 г. Черчилль прилетел в Москву для встречи со Сталиным и подписания антигитлеровской хартии.

[63] *Вспоминал Софью Павловну...* – речь идет о романе с С. П. Коноплянцевой в 1919 г. (Дневники. 1918–1919).

[64] *...не посмотрели на его угрозы Сталиным и выслали.* – Ср.: «16 Февраля 1942. ...отвлечь его от пекарства на общее спокойное рассуждение я случайно рассказал ему об экономике фашистов, как случайно и поверхностно сам от кого-то слышал. Я ему рассказал, что у них кулаков не уничтожили,

как злодеев, а предоставив им личное потребление от своего производства в той мере, как оно было у них до фашизма, весь доход сверх этого потребления определили на государство. Таким образом, кулаки стали у них полезнейшими людьми; у нас же когда способных людей уничтожили, пришлось довольствоваться жуликами. (Нода: «нас 30 %».) Когда я это сказал, лесничий к тестю: – Но ведь в этом же смысле и состоит твой учет? – Видите, – успел я сказать растерявшемуся “Минину”, – дело не в том, что пули не попадают в цель, а в том, что целят неверно. Пекарь и лицом, и темпераментом, и рационализмом и еще чем-то неуловимым чрезвычайно похож на Ленина. “Неуловимое”, может быть, состоит в сильнейшем чувстве правды и полнейшей готовности за нее постоять. И еще неуловимое в самобытности: пекарь, являясь в Госплан, несет туда весь свой личный опыт и остается, не отвлекаясь, самим собой. В насмешку кто-то сказал: Ты кто же, быть может, Христос. – О Христе говорить, – ответил он, – надо быть ученому – был или не был Христос. Но я знаю, что был плотник Иисус, а я пекарь Семен. “Неуловимое” еще и в том полном отстранении от себя философии, искусства и религии, взамен всего этого Сл*о*ва у них Дело (хлеб же все едят, это касается всех, а не личности). На этом ограничении “хлебом” для всех, вероятно, и получается просчет в прицеле, на котором “Минин” построил свой учет. Нет сомнения, что учет “Минина” – дело известное, но вследствие политических условий нельзя его применить как в Германии. А сделав сначала не так, и дальше все приходилось делать не так: именно приходилось. И раз уже Ленин начал, то не “Минину” все поправлять. Итак, революция и началась-то с хлеба (в Петрограде его не хватало если бы) и дальше в лозунге “земля” тоже был хлеб, и в материализме Ленина – хлеб. И Ленин сказал: социализм есть учет. Так что “Минин”-пекарь до точности поступает как Ленин, а приходит к экономике фашизма. У него даже и “бытие определяет сознание”. Усольский – гражданин, как живущий исключительно для себя и среди них “Минин” (кандидат в пастухи). На другой стороне не хлеб для всех, а Слово и личность, его несущая к личности, в смысле: сознание определяет бытие. Так строится нравственный мир, предполагающий личность. Хлеб – все (не всё, а все). Слово – личность. А еще Неуловимое: нельзя ни тому, ни другому возражать. Развиваю мысль свою начиная от каменного века. И еще “неуловимое” самое главное, конечно, безбожие, вытекающее из формулы: – Я пекарь Семен (не Христос, который есть плотник Иисус), пеку хлеб для всех. Тут в конце концов Личность образцово нравственная, совершенная до того, что влияет, ничего не делая, и предоставляя деланье другому, и на другой стороне, я – пекарь, делающий правду для всех. На вопрос: “Что делать?”, пекарь отвечает: печь хлеб с правильным учетом. Другая сторона: стройте свою личность в Христе и это станет высшим делом для всех». (Когда же в Усолье Минина сделали пекарем, он начал с того, что стал красть хлеб.)

[65] *...(вспоминаю Кондрикова)*. – С Василием Ивановичем Кондриковым Пришвин познакомился во время своей поездки на Север в 1933 г., а в 1937 г.

узнал о его аресте. Пришвин оценил масштаб его личности. Ср.: «1-й тип. Господствующий тип в наше время – это филистер “перековки” человека, имеющий в голове постоянную мысль о том, как бы всякого встречного человека “использовать” для того дела, которому сам служит (тип вышел из политики, из ГПУ). 2-й тип. Это современный “герой” вроде летчика Водопьянова: сам по себе он ничто, но его посылают лететь, и он геройски расшибается и обращается в ничто. При неразвитии своем и молодости в нем нет личности, а значит, и никакой собственности, он весь в потенции, в готовности действовать. Его состояние похоже на того передержанного мужчину, к которому может прийти всякая женщина и взять его. Во что бы то ни стало к чему бы то ни было пристать. И так он пристает к мотору на самолете и сам превращается в летающую машину. Смерть ему совсем не страшна. Молодых людей в этом роде великое множество, и герои для будущей войны у нас теперь налицо. 3-й тип, это грюндера, [организатора] вроде американских пионеров: Кондриков, Успенский и много других – это герои стройки...» (Дневники. 1932–1935. С. 309–310). [Ср.: Колобок. Строитель Кондриков (Письмо к другу) // Собр. соч. 1935–1939. Т. 1. С. 421–427]. В. И. Кондриков возглавил трест «Апатит» в 1929 г. на стадии организации нового производства, а к лету 1936 г. уже совмещал должности управляющего трестом «Апатит», директора Севхимкомбината, директора комбината «Североникель» и начальника треста «Кольстрой». Город строили раскулаченные спецпереселенцы и заключенные, условия жизни которых оставляли мало шансов на выживание. Именно Кондриков начал переселять рабочих из палаток в теплые бараки, добивался продуктовых спецпайков; рассказывают, что во времена Кондрикова многие умудрялись поддерживать своих родных, оставшихся в средней полосе России, посылая им мешки с сухарями. По его инициативе в городе открывались школы и кружки, куда принимали всех желающих независимо от социальной принадлежности. В 1937 г. Кондриков был арестован, обвинен в «троцкизме, вредительстве и создании контрреволюционной организации», не признал своей вины и был расстрелян (http://www.kirovsk-hibinogorsk.ru/history.html). В настоящее время в Кировске установлен памятник В. И. Кондрикову, «великому человеку Хибин».

[66] *...Господи, Владыко живота моего...* – слова из великопостной молитвы св. Ефрема Сирина.

[67] *...у Пушкина переложение великопостной молитвы...* – имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Молитва» (1836).

[68] *«Я, Матерь Божия, ныне с молитвою».* – Имеется в виду стихотворение М. Ю. Лермонтова «Молитва» (1837).

[69] *По радио: пал Сингапур.* – 15 февраля 1942 г. японские войска захватили Сингапур.

[70] *...чего нет ни в одном народе.* – Ср.: рассказ Пришвина «Город света» (1943) (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583–587).

[71] *...мужем царицы Менелаем.* – Муж спартанской царицы Елены.

[72] *...вроде «Гаечки», «Раки»...* – речь идет о рассказах Пришвина «Гаечки» (1926) и «О чем шепчутся раки» (1941).

[73] *Поездка в Москву обеспечена.* – См. далее: «Письмо Леве. Дорогой Лева, получил твое письмо и очень удивился твоей ссылке на незнанье места моего пребывания. Ты же сам нас провожал, когда мы, приехав летом в Москву, возвращались в Усолье. Мало того! и до нашего приезда в Москву, как ты сам говорил, ты знал, что я в Усолье и что я тогда еще отказался от Нальчика. Говорю это не в обиду тебе или себе, а в удивленье: до того человек замотался, что вроде как бы память отшибло. Может быть, ты вспомнил обо мне в связи с возвращением некоторых писателей в Москву? Я в курсе этого возвратного движения и думаю, что оно меня, пенсионера в 69 лет, мало касается. Мне теперь требуется по состоянию моего здоровья тишина и особенно заботливый уход, которым я теперь окружен. Правда, и здесь у нас теперь не густо с питанием, 400 гр. хлеба, немного молока, кое-что осталось из купленного в Москве при отъезде – вот и все. Но зато здесь у нас воздух целебный и тишина. Если бы даже и кончилась война, то, во всяком случае, остаток жизни своей рассчитываю провести не в городской суете, для достижения славы и денег и пальцем не шевельну. Ты можешь быть уверен (как тяжело, что тебе я должен об этом говорить!), что если бы явилась помимо чаяния хоть какая-нибудь возможность помочь твоей матери, а может быть и тебе, то я сделал бы это без всякого напоминания о каком-то “моральном долге”. Контузия Пети, как ты сам понимаешь, событие в этих условиях скорее радостное, потому что ожидаешь всегда гораздо худшего. Я надеюсь, его болезнь даст ему досуг о многом передумать. В последних словах своих Петя, при нашем расставанье, выражал мне опасения в том, что я разочаруюсь в В. Д. и, главное, что он тогда будет меня презирать. Успокой его, пусть нищета, полуголод, а частенько утрата надежды увидеть лучшее. Но я никогда не был душевно так удовлетворен, как теперь, и никакое внешнее благополучие и самую славу не возьму за то, чем теперь обладаю. Впрочем, боюсь, что мы говорим на разных языках: Петя понимает это “обладание”, как “мужское” счастье, у меня же все приходится как долг в отношении души своей: я должен был так поступить, чтобы не презирать самого себя. И то духовное удовлетворение, о котором я говорю, происходит именно от выполнения своего долга, а не от “счастья”, которое неизменно всегда и всех приводит к разочарованию. Рецепт твой зарабатывать, как Кожевников, мне не по силам и не по годам».

[74] *«Дай мне зреть мои прегрешения!»* – Слова из великопостной молитвы св. Ефрема Сирина.

[75] *...письмо от Замошкина.* – См. далее: «Дорогой Николай Иванович, спасибо Вам за дружеское письмо, особенно ценное для меня тем, что при страданьях ваших, почти библейских, находите в себе все преодолевающее мужество. Я уже засвидетельствовал однажды мое восхищение этой вашей силой в рассказе “Мужество”, где Гарун целиком списан с вас. Только в ответе вашем на вопрос мой: “куда бы вернее к весне укрыться?”, я усмотрел непонимание существа моего вопроса. Вы поняли, что я ищу “покоя” (ваше слово), причем в подкрепление сего вам подвернулся под руку образ олимпийца Гёте. Нет, я не покоя ищу. Если по правде сказать, что мало бы нашлось и писателей, кто позавидовал бы моему нынешнему покою. Зимой приходилось, как нищему, из избы в избу ходить в поисках крынки молока, отмахивать по 30 км на собственных ногах куда-то за маслом и отвечать на вопрос: – А что пишешь, небось рóманы? – Нет, не рóманы, пишу на пяти языках воззвание по радио. Да чего же ты ко мне лезешь: ты сам должен знать. – А ты чего обижаешься? Сколько тебе масла? И потом с кило масла, с куском тухлой колбасы на своих на двоих опять назад 30 км. И так далее, а в конце концов, отдохнув, радуюсь, что сыт, что тепло и пишу друзьям о великолепии. Может быть, вам даже и легче дают масло в Москве карточками. У нас одно неоспоримое преимущество – это картошка. Так вот, батенька мой, это скорее похоже, если идеализировать, то на жизнь Платона Каратаева, чем на Гёте. Но должен сказать, что все это, и хлопоты о молоке, о масле, о дровах, и мелкие обиды, и все такое, столь вам известное, ничто перед той основной тревогой, которую приходилось всю жизнь, до последней встречи с другом моим, укрывать не только от «всех», но и от друзей, а то еще хуже – самому от себя (самому – одно существо и от себя – другое). Так вот, дорогой друг, Вы слишком уже доказали мне свою верность и любовь и время такое, что пора сбросить все личины вольные и невольные. Каюсь Вам, что демонстрация “счастья” своего в литературе, в поведении (охота) и даже в письмах, в частности к Вам, вводит всех в заблуждение относительно себя самого в своем “счастье”. В этом искусстве скрывать свое горе я достиг такой своеобразной формы “мужества”, что начиная с Иванова-Разумника все почитали меня за какого-то жизнерадостного “Пана”. Но мало того, в литературе и поведении в обществе я ухитрился воспитать в этом обмане бывшую мою жену Ефр. Павловну и сыновей Леву и Петю и держать их в обаянии этого обмана до тех пор, пока вдруг они сделались жертвами: принимали за “пана” и вдруг оказалось нечто такое, чего им невозможно понять. Вы знаете по Достоевскому, что чувство своей греховности (я виноват) может быть доведено до того, что человек чувствует себя виноватым перед птичкой за то, что ее не услышал, как она прекрасно поет, перед деревом за то, что не восхитился его роскошной тенью (см. жизнь Зосимы). Но это “я виноват”, по-моему, не смиренномудрие, а как раз обратное: это именно грех против смиренномудрия: это грех в том, что человек берет на себя слишком много. Вот и я, именно желая оставаться в пределах смиренномудрия, говорю: – Нет, я не виноват в этих жертвах роста моего сознания, и не имею права

взваливать этакую вину на себя, потому что и они не маленькие и все было бы иначе, если бы они любили меня. Какой же тут “покой”? Если б я хотел этого покоя, самоудовлетворения, называемого “счастьем”, я бы давным-давно устроил как-нибудь свою семью и ушел бы от них. С Ефр. Павл., как Вы должны догадываться, нас связывало с первого дня не любовь, а порядочность, а ребята... И я, и лучший друг нашего дома А. М. Коноплянцев, крестивший обоих ребят, теперь поражен полным отсутствием в них любви ко мне и благодарности. Я лично, если бы имел в детстве своем такого товарища-отца, каким я был им, я... Но я не только не уходил более 30 лет, но развил “мужество” широко для всех жизнь свою представить, как образцово-радостную и безупречную. Я не виноват в этом обмане, потому что хотел пересилить судьбу и преодолеть семейную неудачу, воспитать ребят в этой борьбе за такую зависящую от себя, а не от природы радость жизни. Я не виноват в том, что и ребята мои не вышли, и это не случай, что в один какой-то день вся эта маскированная жизнь разлетелась вдребезги. Итак, я не от старого счастья ушел к новому – к новой любви, а, пронеся через всю жизнь одинокую любовь свою в себе, я нашел наконец ее выражение в другом. И это не благополучный апофеоз, а открывшийся путь духу. Путь этот не на Олимп, подальше от страдающих людей, а к самому человеческому сердцу. Если я пишу о том, чтобы мне найти “покой”, то это потому, что я уверен в своем высшем долге сказать людям новое слово о любви, никак не в смысле “счастья”, а любви, как о силе, преодолевающей страданье. А о Кавказе я писал потому, что после всего переживаемого мы уже не в состоянии вернуться к благополучию Лаврушинского переулка... Итак, дорогой Н. И., после сказанного, давайте навсегда покончим и с “Паном”, и с гётеанством. Не знаю, дойдет ли это письмо раньше, чем мы приедем в Москву. Вот почему я снял с него копию и послал ее почтой, а оригинал привезу с собою. Сейчас ремонтируется моя машина и готовится пропуск в Москву. Можно ли отремонтировать Вашу дачу? Не слыхали ли чего о судьбе Старой Рузы и моего домика?»

[76] *...елка раскачивалась вместе с сосной...* – Ср.: «Лет двести тому назад ветер-сеятель принес два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле большого плоского камня. С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья разных пород боролись между собой корнями за питание, сучьями – за воздух и свет. Поднимаясь все выше, толстея стволами, они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья так стонали и выли на все Блудово болото, как живые существа, что лисичка, свернувшаяся на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку. До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услыхав его, выла от тоски

по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему» (*Пришвин М. М.* Кладовая солнца. М., 2007. С. 24).

[77] *Розанов увлекся своей биографией <...> нельзя создать новую Библию на лично семейном опыте.* – Семейная история Розанова (незаконность брака с В. Д. Бутягиной и незаконнорожденность их детей) обусловила его обращение к теме семьи и пола. Причиной написания «Уединенного» и трагического тона «Опавших листьев» была также личная драма – паралич жены в августе 1910 г. В своих «семейных коллизиях» Розанов видел «величайшую по интересу историю, вовсе не биографического значения, а, так сказать, цивилизационного, историко-культурного» [*Розанов В. В.* Ответы на анкету (1909) // В. В. Розанов: pro et contra: Антология. СПб., 1995. Кн. I. С. 40]. Так, он проводил аналогии между своей биографией и библейской историей: «Авраама призвал Бог: а я сам призвал Бога... Вот вся разница» [*Розанов В. В.* Уединенное (1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 79]. (Комментарий А. Медведева.)

[78] *Прочитал речь Сталина...* – по-видимому, имеется в виду речь и приказ от 23 февраля 1942 г. Ср.: «Теперь уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью» (http://genhis.philol.msu.ru/article_105.shtml).

[79] *...узнал <...> что под Старой Руссой окружена 16-я герм. армия...* – ср.: «Символом боев Северо-Западного фронта стала Старая Русса, за которую воины сражались 880 дней и ночей. С целью ее освобождения от противника в 1942–1943 годах были предприняты две стратегические и несколько частных фронтовых и армейских наступательных операций, не принесших желаемых результатов в силу недостаточной подготовленности. Первая Старорусская наступательная операция, начатая 7 января 1942 года, завершилась 20 января. Войска 11-й и 34-й армий прорвали оборону противника в полосе до 40 километров и с трех сторон вышли на окраины города и юго-западнее Демянска. Таким образом, 16-я армия вермахта оказалась в полуокружении с севера и юга. Одновременно в ходе Торопецко-Холмской операции 3-я и 4-я ударные армии к 21 января разгромили пять пехотных и одну кавалерийскую дивизию СС, освободив свыше двух тысяч населенных пунктов, выйдя на рубеж Холм – Великие Луки – Велиж – Нелидово. Эти результаты были достигнуты ценой больших жертв: в наступательных боях 1942 года СЗФ имел 184 263 человека безвозвратных и 559 108 человек санитарных потерь. В феврале 11-я, 34-я армии, а также 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса окружили под Демянском семь дивизий 16-й немецкой армии (сто тысяч солдат и офицеров вермахта). “Пистолетом, нацеленным в сердце России”, – называл Гитлер этот плацдарм и требовал удержать его

во что бы то ни стало. 20 марта мощная группировка генерала Зейдлица начала наступление в направлении на Рамушево и к 21 апреля пробила “коридор”, удерживая его затем в течение всего года. Кровопролитные бои в районе “рамушевского коридора” привели к гибели 90 тысяч немецких и 120 тысяч советских солдат. Ожесточенные сражения велись длительное время и за город Холм. Весной 1942 года, не имея поддержки и резервов от Ставки ВГК, войска фронта перешли к обороне, а летом вели упорные бои местного значения. Новое наступление под Старой Руссой началось 23–26 февраля 1943 года в ходе разработанной Ставкой операции “Полярная звезда”. Гитлеровское командование, напуганное катастрофой под Сталинградом, начало отвод демянской группировки к Старой Руссе. Войска СЗФ преследовали врага и, освободив 302 населенных пункта, вышли на реку Ловать. Однако ранняя распутица прервала дальнейшее наступление. Оно сменилось новым тяжелым периодом позиционной обороны. За весь 1943 год потери фронта составили 88 789 человек (безвозвратно), 335 451 – санитарные потери. 19 ноября 1943 года Северо-Западный фронт был расформирован. В наступление южнее Старой Руссы перешли 1 февраля 1944 года войска 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, которые в течение месяца освободили территорию Старорусского района (http://dolina.home.nov.ru/sever.htm).

[80] *Это бывает по причине подмены целого «Я», как личности, частным своим «я» в его бытовой ограниченности.* <...> *Впрочем, у меня это является результатом дурного литературного воспитания и подражания Розанову.* – Утверждая в «Уединенном», что «частная жизнь выше всего», Розанов предстает в образе «обывателя»: «Я самый обыкновенный человек; позвольте полный титул: “Коллежский советник Василий Васильевич Розанов, пишущий сочинения”» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 84–85, 379). Современная Розанову критика закрепила за ним имидж «*гениального обывателя*» (Н. А. Бердяев, 1908), «гения обывательщины» (Вяч. Полонский, 1916) (В. В. Розанов: pro et contra: Антология. СПб., 1995. Кн. II. С. 27, 276). А. Д. Синявский видел в этом образе «обывателя» розановский эпатаж «общественности»: Розанов «становится в нарочитую позу обывателя, мещанина, частного лица, которое полностью довольствуется своей частной жизнью и знать ничего не хочет дальше своего дома, своей кухни. Если принимать все это всерьез, не учитывая полемической направленности этих строк, – а прижизненная критика очень часто так и воспринимала Розанова, – пришлось бы говорить о низменности и ограниченности его вкусов и интересов. Но мы-то знаем, что интересы Розанова очень широки – вплоть до проблематики всемирной истории и культуры» (Там же. С. 463). *Розанов глядел на Леонтьева или на Ницше, подменившего Христа Сверхчеловеком.* – Для Розанова Леонтьев был «plus Nitzsche que Nitzsche meme» (больше Ницше, чем сам Ницше. – *фр.*): «Леонтьев имел неслыханную дерзость <...> выразиться против коренного, самого главного начала, Христом принесенного на землю, – против *кротости*» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные

изгнанники. М., 2001. С. 327). См. также запись от 25 октября 1930 г. и коммент. к ней (Дневники. 1930–1931. С. 260–261, 666–669). О Сверхчеловеке Ницше см. коммент. к записи от 3 мая 1939 г. (Дневники. 1939. С. 572).

[81] *...который вас понимает и открывает.* — Иванов-Разумник – автор первой статьи о творчестве Пришвина «Великий Пан» (1910–1911). Полемика с Ивановым-Разумником уходит корнями в его статью – первую серьезную критическую статью, посвященную творчеству Пришвина, в которой критик отводит писателю важнейшую роль в задаче обновления культуры: «Он [Пришвин] хочет подойти к решению вечных мировых вопросов, но чувствует, что для этого недостаточно “безумно вопить” (как многие из современных писателей) <...> надо, прежде всего, суметь слиться с тем миром природы, в котором живешь <...> Перед нами тонко чувствующий, чуткий, субъективнейший художник, ищущий <...> у природы ответа на вековечные вопросы духа. Зло мира, грех, смерть». Великий пан, «примитивная стихийная мировая душа», в статье критика вполне обоснованно становится вехой на пути художественного освоения мира Пришвиным («из всех книг... обрисовывается примитивная, стихийная душа самого автора: примитивная – в смысле “лукавого мудрствования” на пути его духовного поиска – заметим, что речь идет о преображенном художественным видением пантеизме, а не о мировоззрении (пан – бог, исполненный природного вдохновения»). В 1936 г. Пришвин рассуждает в русле давней статьи Иванова-Разумника [«7 Марта. Рождение пана – вот чудесная тема <...> Страсть к жизни: радость творчества. Творчество как процесс рождения пана» (Дневники. 1936–1937. С. 34)], а в 1937 г. отмечает новый этап в своем мироощущении [«7 Мая. Чувствую теперь стыд за длительную эпоху своего кокетства варварством, дикостью, пантеизмом. Противно смотреть на себя. Искупает подлинность и глубина переживания» (Дневники. 1936–1937. С. 564)]. Ср.: *Иванов-Разумник Р.В.* Великий пан // *Иванов-Разумник Р.В.* Творчество и критика. Статьи критические 1908–1922. Пб.: 1922. С. 98. Воспоминания Иванова-Разумника о Пришвине см. в: *Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 264–265.

[82] *...общее состоит в целомудрии детства, чудесно сохраненного счастливцем (Моцарт) <...> благодатному все можно...* — в творческом сознании Пришвина Моцарт – символ благодатной свободы гения, даром получающего вдохновение [«дух веет, где хочет» (Ин. 3, 8)], в противоположность «ослиному» труду и необходимости (*Пришвин М. М.* Незабудки // Пришвин М. М. Весна света. М., 2001. С. 360–361). Ср. слова ап. Павла: «Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их, и совесть» (Тит. 1, 15). (Комментарий А. Медведева.)

[83] *У Розанова замечательно, что он с целомудрием, детством, невинностью играет как кошка с мышкой. <...> свободно пристроился между Богом*

и дьяволом, и как ребенок играет то с Тем, то с другим. – Архетипический образ ребенка – ключевой для понимания Розанова: «Во мне *застыл* мальчик и никогда не переходил в зрелый возраст» (*Розанов В. В.* Ответы на анкету // В. В. Розанов: pro et contra: Антология. СПб., 1995. Кн. I. С. 40); «В сущности, я ни в чем не изменился с Костромы (лет 13)» [*Розанов В. В.* Опавшие листья (Короб первый) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 263]. Внешней по отношению к свободе личности, морали (имморальное «равнодушие к “хорошо” и “дурно”») у Розанова противостоит образ играющего ребенка, выражающий его свободные отношения с Богом: «Я люблю Его и покорен Ему. <...> Но я шалунок у Бога. Я люблю шалить. Шалость, маленькие игры (душевные) – мое постоянное состояние. Когда я не играю, мне очень скучно, и потому я почти постоянно играю. <...> свои шалости я считаю невинными или с маленьким грешком. Грехов тяжелых, омрачающих душу, я не знаю и никогда не знал» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Сахарна. М., 1998. С. 166); «Я вечно бы с людьми “воровал у Бога”... не то золотые яблоки, не то счастье, вот это убавление грусти, вот это убавление боли, вот эту ужасную смертность и “окончательность людей”, что все “кончается” и все не “вечно”. Это мое “симпатичное воровство у Бога”" какой-то другой истины вещей, чем какая открывается глазу, не было, однако (отнюдь!), восстанием против Бога...» [*Розанов В. В.* Опавшие листья (Короб первый) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 263–264]. Ср. также пришвинскую оценку «Гаврилиады» А. С. Пушкина (см. запись от 20 октября 1942). (Комментарий А. Медведева.)

[84] *Я ведь русский человек, живу между Европой и Азией и все жду, когда же я к какому-то делу-назначению буду приведен.* – Ср. трагические размышления Розанова об исторической судьбе России в «Апокалипсисе нашего времени» (1917–1918): «Русские в странном обольщении утверждали, что они “*и* восточный, *и* западный народ”, – соединяют “и Европу, и Азию *в себе”,* не замечая вовсе того, что скорее они и *не* западный, и *не* восточный народ, ибо что же они принесли Азии, и какую роль сыграли в Европе? <...> Между Европой и Азией мы явились именно “межеумками”, т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азии. Только пьянство, муть и грязь внесли» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 36). (Комментарий А. Медведева.)

[85] *В России социализмом евреи воспользовались...* – ср.: «Проблема заключалась в том, что, по официальным марксистским меркам, евреи были далеко впереди советского культурного строительства <...> ни один народ СССР не отличался столь мощным представительством в советской элите и не проявлял столь мало интереса как к нападкам государства на его религию, так и к поддержке государством его “национальной культуры”. Никакой другой народ не был таким советским, и никакой другой народ не проявлял такой готовности к отказу от своего языка, обрядов и традиционных мест проживания. Никакой другой народ, иначе говоря, не был столь

меркурианским (сплошь голова и никакого тела) или столь революционным (сплошь молодость и никакой традиции)», («Разница между аполлонийцами и меркурианцами – первостепенное разделение между теми, кто производит пищу, и теми, кто создает понятия и приспособления» <…> *меркурианцы* – народы, которые в истории любого общества играют посредническую роль (евреи, армяне, восточноевропейские немцы, китайцы, индийцы) торговцев, менял, переводчиков <…>, пр.); эти качества (создание понятий и приспособлений), так или иначе, были востребованы новым советским государством. «Цель создания этнических кадров, культур, территорий и учреждений состояла в том, чтобы устранить националистические препятствия на пути к социалистическому образованию, урбанизму и интернационализму <…> Новоиспеченная, самоуверенная, жизнерадостная и страстно патриотичная советская интеллигенция 1930-х годов содержала чрезвычайно высокий процент евреев и чрезвычайно незначительное количество их хулителей <…> История еврейского возвышения, еврейского отцеубийства и еврейского обращения в нееврейство не является специфически советской. Специфически советским... является отсутствие конкуренции со стороны старой элиты» (*Слезкин Ю.* Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М., 2007. С. 266–355).

[86] *Рассказ «Фашист» ...* – рассказ написан не был.

[87] *Читал Шолохова фельетон «На юге».* – Имеется в виду очерк М. А. Шолохова «На юге» (1942).

[88] *...сектант-апостол «Нового Израиля»...* – три первые книги Пришвина («В краю непуганых птиц», 1907; «За волшебным колобком», 1908; «У стен града невидимого. Светлое озеро», 1909) были написаны после путешествий по северу (Олонецкая губерния, 1906; Белое море, Кандалакша, Лапландия, Печенегский монастырь, Соловецкий монастырь, Мурман, 1907; Нижегородская губерния, Светлое озеро, 1908) и определили направление его поиска в жизни и творчестве: оппозиция природы и культуры, сектантской стихии народного религиозного сознания и официальной церкви; он почувствовал, что здесь «сходятся великие крайности русского духа»; в Петербурге писатель знакомится не только с представителями интеллектуальной элиты, но и с лидерами многочисленных в то время хлыстовских сект. Ср.: «Пятьсот тысяч людей “Старого Израиля” и быстро растущая громадная армия “Нового Израиля” живут вместе с нами в той же России такой своеобразной жизнью, что страшно становится: ведь тут что ни шаг, то отживший миф и легенда, направленная в живую струю земной жизни, ведь это – не люди, а тени» (О братцах // Собр. соч. 1982–1986. Т. 1. С. 750–752).

[89] *...сергиянец...* – термин, вошедший в обиход после появления Декларации 1927 г., изданной заместителем местоблюстителя патриаршего пре-

стола митрополитом (с сентября 1943 – патриархом) Сергием (Страгородским) , идеи которой легли в основу отношения руководства Московского Патриархата к советской власти.

[90] *...(капитан Тушин, Максим Максимыч).* – Аллюзия на героев романов Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869) и М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838–1840).

[91] *Узнал от Ляли, что Новоселов ушел от Толстого, потому что тот был весь в душевной жизни, но не в духовной.* – Об отношении М. А. Новоселова к толстовству вспоминала В. Д. Пришвина: «Его духовный голод не был насыщен толстовством. Он говорил мне впоследствии, что Толстой столь же гениален в прозрениях о душевной жизни человека, сколь ограничен в области духа. Какие-то страницы Шопенгауэра стронули Михаила Александровича с места и помогли развязать путы рассудочности» (*Пришвина В. Д.* Невидимый град. М., 2003. С. 195). (Комментарий А. Медведева.)

[92] *Она и о Розанове говорила*, что *сам по себе он не мог быть духовным...* – см. запись от 12 сентября 1942 г. и коммент. к ней. (Указано А. Медведевым.)

[93] *...в одной книге он поместил портрет своей семьи...* – семейные фотографии жены и детей Розанов поместил в «Опавших листьях» (Короб первый. СПб., 1913. С. 38; Короб второй и последний. Пг., 1915. С. 194). В этих семейных карточках В. Б. Шкловский видел «документальность изображения», «домашность» как прием розановской поэтики (*Шкловский В. Б.* Розанов // В. В. Розанов: pro et contra: Антология. СПб., 1995. Кн. II. С. 328–329). (Указано А. Медведевым.)

[94] *...мои голодные рассказы 18-го года...* – имеется в виду цикл из 7 рассказов (очерков), опубликованных в 1918 г. в газетах «Раннее утро» и «Новый вечерний час», которые под общим заголовком «Голодные рассказы» должны были войти в книгу «Цвет и крест». В архиве Пришвина сохранилась папка с материалами к книге, по которым была осуществлена ее реконструкция (*Пришвин М.М.* Цвет и крест. СПб., 2004).

[95] *«Рука дающего не оскудевает»...* – Притч. 11: 25.

[96] *Читаю вновь Джеффериса...* – во вступлении к английскому изданию повести Пришвина «Жень-шень» (Jen Sheng: the Root of Life by Mikhail Prishvin) профессор биологии Джулиан Хаксли (Гексли) сравнил Пришвина с Ричардом Джефферисом («История моего сердца»), что естественно вызвало интерес Пришвина. Пришвин читал книгу Джеффериса «The Story of my Heart» (1883) в немецком переводе (Richard Yefferies. Die Yeschichte meines Herzens. Yena, 1906). Книга находится в библиотеке При-

швина (ГЛМ). На страницах книги остались пометы писателя и записи на полях; вот некоторые из них: «Итак, “усиление” души = моему “методу” исследования жизни» (с. 13), «А это часто бывает, что чувствуешь, насколько больше таится в душе, чем понимаешь. Но редко кто в этом видит наше неизмеримое богатство» (с. 13), «Чудом я называю природное явление в тот момент, когда оно достигает внимания и душевного понимания человеком, таким образом, вся так называемая естественная история есть история чудес» (с. 38), «Мы любим природу, хотя она к нам равнодушна: мы можем любить ее, потому что мы больше ее, любим и не спрашиваем о взаимности» (с. 62).

[97] *...довлеет дневи.* – Мф. 6, 34.

[98] *...в Советской энциклопедии литературной...* – по-видимому, имеется в виду издание «Литературная энциклопедия» (М., 1929–1939. Т. 1–11; 12-й том не был издан). Издание осуществлялось издательствами: Коммунистическая академия (т. 1–5); Советская энциклопедия (т. 6–9); Государственное издательство художественной литературы (т. 10–11).

[99] *...сказать по радио на Всеславянском митинге.* – 5 октября 1941 г. в Советском Союзе был создан Всеславянский комитет, который в течение военных лет организовал 4 Всеславянских радиомитинга. 10–11 августа 1941 г. в Москве прошел первый митинг «Славяне едины в борьбе с немецким фашизмом», сопровождавшийся широкой радиотрансляцией на весь мир. Главным пропагандистско-мобилизующим лейтмотивом радиомитинга стал призыв к объединению славянских народов для борьбы с фашизмом и помощи Красной армии в борьбе с общим врагом. 30 марта 1942 г. состоялся Пленум Всеславянского комитета, на котором было принято решение о проведении второго Всеславянского радиомитинга в Москве.

[100] *...в Уссурийской тайге выискивал китайцев...* – в июле–октябре 1931 г. Пришвин по договору с газетой «Известия» совершает поездку на Дальний Восток, где в это время много корейцев и китайцев (Дневники. 1930–1931. С. 363–561). Кроме путевого дневника, по материалам путешествия были написаны очерки «Гибель Даурии» («Новая Даурия», опубликовано под заголовком «Дорогие звери», 1932), а затем поэма «Жень-шень» (под заголовком «Корень жизни», 1933).

[101] *...чувство природы привело Тютчева к буддизму...* – ср.: «Обратимся теперь к его, Тютчева, личности. С одной стороны, мы видим настойчивое желание отринуть границы и формы личностного бытия, “вкусить уничиженья”, смешаться с “миром дремлющим” – то есть предаться буддийской нирване, войти в некий сон без сновидений, перестать быть сознающим себя и страдающим существом, – а с другой стороны, мы видим такое предельное напряжение личностного существования, такую тревогу, то-

ску, боль и страсть, такую работу ума и души, которая делает личность поэта явлением далеко-далеко "выходящим из ряда вон", выходящим из смутно-невнятного ряда буддийской цепи воплощений. С одной стороны: "Сумрак тихий, сумрак сонный, / Лейся в глубь моей души, / Тихий, томный, благовонный, / Все залей и утиши. / Чувства – мглой самозабвенья / Переполни через край!.. / Дай вкусить уничиженья, / С миром дремлющим смешай!" А с другой: "О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги, / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!.."» (*Убогий А.* Россия и Тютчев. URL: http://prstr.narod.ru/texts/num1003/ubo1003.htm).

[102] *...о своей прекрасной «Муравии»...* – название сказочной страны Муравии (трава-мурава); ср.: «*И Муравский шлях, собственно, не был дорогою – это было только направление, по которому следовали татары, это была широкая, местами сужившаяся полоса земли, в зависимости от рек, болот, трудно проходимых лесов, и ведшая от Крымской Перекопи в самое сердце России, к Туле*» (http://dalizovut.narod.ru/shlah/shlah.html).

[103] *(Есть пример: «Хозяин и работник»).* – Имеется в виду рассказ Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» (1895).

[104] *...«Голубая стрекоза», но Фадеев отверг, как «не остро-политическое».* – В первые дни после начала войны Пришвин пишет и посылает в издательство рассказ «Голубая стрекоза», который был вскоре напечатан. В рассказе граница войны и мира (смерти и жизни) проходит сквозь душу раненого: образ летающей голубой стрекозы оказывается той нитью, которая связывает его с жизнью, а исчезновение стрекозы с очевидностью означает разрыв этой связи (смерть); однако стрекоза, исчезнув из поля зрения в воздухе, возникает в водном отражении, то есть образ зеркально удваивается, а цвет вытесняется светом (отражение – игра света); в отражении видимое совпадает с невидимым, желаемое с действительным – образ стрекозы становится символом победы жизни над смертью. Рассказ «Голубая стрекоза» под названием «Моему другу на фронт» был впервые опубликован в кн. «Вперед за нашу победу» (М., 1941).

[105] *...разрушение мира европейского по Шпенглеру...* – в 20-е годы книга немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы» (1923) воспринималась как «апокалипсис» о грядущих судьбах западного мира.

[106] *...рассказ «Ленин на охоте»...* – имеется в виду рассказ «Ленин на охоте» (1926).

[107] *...«времени больше не будет»...* – Откр. 22: 5.

[108] *...о Петербурге никто не писал...* – петербургская тема занимает значительное место в творчестве Пришвина [«Я начал свою литературную жизнь в городе света... я полюбил Петербург за свободу, за право творче-

ской мечты... этот город света... в своей трагической славе встает передо мной и поднимает меня» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583–587)] и с полным правом может быть включена в так называемый петербургский текст (термин В. Н. Топорова). Кроме дневника, где постоянно возникают обращения к поэме «Медный Всадник», к мифу о Петре, «Униженным и оскорбленным» Достоевского, оппозиция «Петербург – Москва», «Петербург – коренная Россия», «Петербург – Ленинград», мотивы большого города и «маленького человека» в нем и т. д., петербургская тема развивается в очерках и художественных произведениях писателя начиная от первого, утраченного рассказа «Домик в тумане» (1905), рассказа «Голубое знамя» (1918), романа «Кащеева цепь» до рассказа «Город света» (1943) и романа-сказки «Осударева дорога» (1948–1954).

109 *...пишу только другу и не считаюсь с «читателем»...* – творческое поведение Пришвина направлено на преодоление традиционного одновременно и маргинального и элитарного положения художника («поэт и чернь»). Важнейшей для него идеей универсальности творчества [«Хорошим ли мастером ты был, делал ли больше в своем мастерстве, чем это нужно тебе, все равно, писатель ты или сапожник Цыганок из Марьиной рощи» (Собр. соч. 1982–1986. С. 262)] писатель внедряет искусство в повседневную жизнь; кроме того, он переосмысляет как роль читателя, которую рассматривает как активное сотворчество, так и цель художественного произведения, которая заключается в побуждении к творчеству; сотворчество и творческая деятельность требуют понимания – друг-читатель.

110 *...от подмены большого «Я» своим маленьким, индивидуальным.* – Ср.: «б/д. Неопытному человеку может показаться, будто я действительно о себе это пишу, о себе, какой есть, – нет, нет! Это «я» мое – часть великого мирового «Я», оно может свободно превращаться в того или другого человека, облекаться той или иной плотью». (РГАЛИ.)

111 *...я для того мира пишу.* – В тексте появляются материалы к автобиографическому роману, 3-ю часть которого Пришвин собрался писать, но так и не осуществил этого намерения. Алпатов – главный герой романа «Кащеева цепь», alter ego писателя: «Нора так умно по-своему смотрела на Алпатова, что он невольно стал искать в себе самом такого же зверька, который точно так же смотрел на каких-то ему неведомых в опыте Старших. И он вспомнил из этого времени, когда только начал читать с пониманием. Тогда он смотрел на великих людей, поэтов, художников, ученых тоже точно так же, как на богов, на великих счастливцев, все понимающих. А между тем, как странно было узнавать, что все они страдают больше других, сходят с ума, стреляются, вешаются. – Как же так может быть, – спрашивал себя маленький Курымушка и точно такими же глазами, как Норка сейчас смотрела в окно, смотрел выразительно на свою Марию Моревну. В то время он тоже как Норка мог только умно

смотреть в глаза, но выразить это словами не мог. – Значит, – подумал он теперь, – Норка все знает и стоит с вопросом тоже, как стоял тогда Курымушка у самого главного, но только не может спросить. И я не могу, как не могла тогда умная и прекрасная Мария Моревна, сойти вниз в эту душу и собрать пучки исходящих лучей и теней в слова. Было Алпатову в этом состоянии внутреннего понимания собачьей души какое-нибудь одно мгновенье или секунда, но в это мгновенье все окружающее переменилось. И когда он отвел глаза от собаки, то близ стоящий кустик можжевельника, собранный веточкой, как маленький кипарис, казалось, подвинулся за это время поближе к нему и спрашивал по-своему, тоже как и Норка: он должен все знать, все понимать, он великий счастливец, он бог в лесу, и почему он всех не подымет к себе, не объяснит им – долго ли стоять им на полянке, зачем? За можжевельником на старом пне спрашивала маленькая елочка, и мышка-землеройка из трещинки пня блестела своими бисеринками-глазками».

[112] *Из «Бесов» Достоевского, из Кириллова...* – аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871), Кириллов – один из главных персонажей романа.

[113] *...спрашивать Кармен...* — речь идет о новелле П. Мериме «Кармен» (1845).

[114] *Фет мог забросить на двадцать лет поэзию...* – в 1860 г., будучи известным поэтом, Фет покупает хутор в Мценском уезде, живет там безвыездно и успешно занимается хозяйством.

[115] *...лишь на стожарах.* – Шесты, располагаемые клеткой или конусообразно для просушки на них сена.

[116] *...вспомнил «Горе от ума»...* – аллюзия на комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1828).

[117] *...делала книгу нашей любви.* – Эту идею В. Д. Пришвина осуществила в 1964–1965 гг. после смерти М. М. Пришвина. Книга «*Пришвин М.М., Пришвина В.Д.* Мы с тобой. Дневник любви» была впервые издана в 1996 г. и выдержала три издания.

[118] *...о возможности мести своей не кровью, а слезами.* – Аллюзия на трагедию У. Шекспира «Гамлет» (1600–1601).

[119] *...от Фауста до Печорина и Ставрогина...* – имеются в виду трагедия Гете «Фауст» (1808), роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838–1840) и роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880).

[120] *Брут у Шекспира...* – имеется в виду трагедия У. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599).

[121] *...бичеванье торгующих...* – Ин. 2: 13–16.

[122] *...стих Тютчева «Все во мне и я во всем»...* – имеется в виду стихотворение Ф. И. Тютчева «Тени сизые смесились...» (1835).

[123] *Теперь после Керчи ясно становится...* – 19 мая советские войска оставили Керчь.

[124] *Раз покури и брось.* – Ср.: «4 Февраля 1935. Опыт борьбы с курением табака и Льва Толстого, и знаменитых медиков <...> не только не дал каких-нибудь положительных результатов, но даже, по-моему, в конце концов, прибавил курильщиков <...> И потом, если табак сейчас мне полезен и вред скажется только в старости, то зачем я буду бросать и портить молодость ради счастливой старости... Мне лично табак в 30-летнем опыте жизни кроме пользы и радости ничего не давал, и бросил я курить совсем по другим причинам. Было это утром, я встал с левой ноги и обидел жену. Я был не прав и сумрачный вышел из дома. И тут вдруг я увидел в это утро, что жизнь везде хороша: солнце, воздух ароматный, птицы поют. Все чудесно вокруг, а у меня сумрачно, и я виноват. Разве, – подумал я, – вернуться домой и попросить у жены прощения? Нельзя: в сущности я же не так перед ней, как перед собой виноват. И надо не замазывать вину просьбой прощения, а в себе самом исправить навсегда общением. Но ведь забудешь обещание, как бы сделать, чтобы не забыть. И тут мне пришло в голову оторвать от себя вдруг тридцатилетнюю привычку курить: тогда ведь никогда не забудешься... А могу ли? Ну вот еще, конечно же, я могу! Нужен договор, нужна клятва: с кем же договор, кому клясться? Людям сказать – посмеются и не поверят, скажут: опять закурит, знаем... И вдруг мне пришло в голову с самим табаком заключить договор. Я вернулся домой и написал: Договор с табаком. 193... года месяца числа <...> Табак освобождает меня от курения навсегда. Я обещаюсь и клянусь никогда никому не говорить о вреде табака и никогда ни при ком... Немедленно после подписания этого договора радость жизни вернулась ко мне, и я в восторге от всего, как маленький, отправился по своему делу. И первый день я не могу сказать, чтобы мне было особенно трудно. На другой день вечером по возвращении домой вдруг грусть, что ведь никогда! Третий день я страдал и ночь всю не спал... Следующий день жить было почти невыносимо, ночью бредил. <...> и через неделю было трудно, и через две... И прошло уже пять лет, а в душе я все так же люблю табак и часто радостно гляжу на хорошенькие табачные коробочки. Иногда в хорошем ресторане за столом я вижу, на полке лежит шоколад, на другой полочке апельсины, а пониже полочка с чем-то апельсинного цвета. – Что это? – спросил я, – на третьей полке? – И мне ответили: это папиросы “Сафо”. Какие милые коробоч-

ки! Какая прелесть. <*Приписка:* О, Табак, какая ты прелесть.> Курите же, граждане дорогие, милые юноши и даже девушки... ничего! курите, курите себе на здоровье и радость. Но только если придет время и заставит жизнь дать клятву – держите слово свое твердо, благодарите табак за принесенную радость и не говорите никому о вреде... И не стоит убеждать <*приписка:* исправлять> людей пустыми [хитрыми] рассуждениями о вреде табака» (Дневники. 1932–1935. С. 601–603).

[125] *Занялся работой над «голодным поваром».* – Ср.: «18 Января 1940. Голодный повар – как это может быть? А вот бывает же: <*зачеркнуто*: голодный повар – это поэт> поэт похож на голодного повара, он, создающий из жизни обед для других, сам остается голодным <...> поэма о голодном поваре жизни. И что ужасно: как будто оно в отношении писателя так и быть должно <*приписка*: мои первые книги>: сытым писателем так же трудно быть, как голодным поваром. Сытые писатели – все-таки есть, голодные повара...»

[126] *Ляля пишет о себе, детстве.* – Так начиналась работа над автобиографическим романом В. Д. Пришвиной «Невидимый град», который был написан в 1962 г. и присоединен к огромному, в то время неопубликованному и неизвестному, а ныне уже частично опубликованному архиву Пришвина, который В.Д. хранила, над которым работала, исподволь подготавливая его к возможной публикации в будущем. К работе над автобиографией она обратилась во многом благодаря настоятельному совету Михаила Михайловича, который, с одной стороны, видел в ее судьбе судьбу поколения, с другой – уникальную историю женской души: размышления о судьбе Валерии Дмитриевны и близких ей людей Пришвин включает в круг размышлений своего полувекового дневника как необходимую составляющую современности. Роман «Невидимый град» был впервые опубликован в 2003 г., а в 2009 г. переиздан.

[127] *«Ты должен знать, что время делает людей». (Король Лир.)* – Слова из трагедии У. Шекспира «Король Лир» (1605–1606) (пер. А. Дружинина. Акт пятый, сцена II).

[128] *Итак, мы станем жить вдвоем и петь...*— там же.

[129] *...женщина может стать проституткой, не теряя своего достоинства.* – В. Д. любила пьесу М. Метерлинка «Мона Ванна» (1902), сюжет которой связан с готовностью Моны Ванны пожертвовать собой ради спасения родного города Пизы.

[130] *...знаете Герострата, который сжег Эфесский храм...* – Геростат – грек из г. Эфеса (Малая Азия), в 356 г. до н. э. сжег мраморный храм Артемиды Эфесской (одно из 7 чудес света), чтобы обессмертить свое имя:

его имя стало нарицательным в отношении актов варварства и вандализма.

[131] *Карнеджи <...> наткнулся на мысль о том, что <...> обязанности наши относятся к настоящему.* – Карнеджи (Carnegie) Андрью, североамериканский промышленник, миллиардер и филантроп, родился в 1837 г. Пожертвовал 2,5 млн долларов на учреждение бесплатных библиотек в 21 американском городе, 5 млн долларов на библиотеку в Нью-Йорке, огромные суммы на основание университетов, музеев, на помощь рабочим кассам. В многочисленных брошюрах «Евангелие богачей», «Обязанности богачей», «Мировая власть купечества» (1904) он пишет о нравственных обязанностях богатых перед неимущими: считает, что при жизни каждый обязан позаботиться о том, чтобы вернуть свои богатства обществу.

[132] *...Мережковскому я сказал, что «Пан» Гамсуна превосходная поэма.* – Ср.: «12 Декабря 1909. Отвращение Мережковского от Гамсуна и Андреева – они зовут к реакции (не реализму, идеализму)... Гёте – у него есть [реализм]» (Ранний дневник. С. 233).

[133] *Как заяц сапоги съел.* – Запись представляет собой почти готовый рассказ «Как заяц сапоги съел» (1942).

[134] *...несомненно, что события крупнейшие на волоске...* – неудачи на Керченском полуострове и под Харьковом в мае 1942 г. привели к прорыву советских войск немецкими войсками на Юго-Западном направлении, в середине июля немецкие войска вышли в большую излучину Дона, что резко осложнило обстановку на Сталинградском направлении.

[135] *Углем на стене.* – Привычка кавказского монаха-пустынника о. Даниила, расстрелянного в 1930 г., о котором Пришвин узнал из рассказов В. Д., записывать мелькнувшую во время молитвы мысль «углем на стене кельи» органично вошла в писательский обиход Пришвина, который всегда стремился записать возникшую мысль, «пока писатель не успел излукавиться» (Невидимый град. С. 309–316).

[136] *...кто поверил заверениям Черчилля...* – вероятно, речь идет об открытии второго фронта.

[137] *Немцы же все идут: Тобрук пал, Севастополь пал...* – утром 21 июня английские войска сдали город Тобрук (Ливия), где с января 1941 по ноябрь 1942 г. шли ожесточенные бои между странами антигитлеровской коалиции и странами нацистского блока; 4 июля советские войска после 250 дней осады оставили Севастополь.

[138] *...(Светлое озеро).* – В 1908 г. Пришвин отправляется в путешествие: Керженские леса Новгородской губернии, Светлое озеро, раскольничьи места. В результате поездки была написана и опубликована третья книга писателя «У стен града невидимого. (Светлое озеро)» (1909).

[139] *...недостаточность в**е**дения для постижения Промысла у Канта выражена утверждением, что мир есть лишь наше представление.* – Пришвин излагает духовное поучение из знаменитых «Слов подвижнических» сирийского мистика и богослова VII в. преп. Исаака Сирина, писавшего о том, что при умножении в человеке благодати он не боится смерти и ради Бога терпит скорбь, телесное страдание и верит в Промысел Божий, но при оскудении в человеке благодати «все сказанное оказывается в нем почти в противоположном виде», над верой начинает преобладать «в*е*дение» и человек подвергается демоническим искушениям: «У него в*е*дение, по причине исследований, бывает больше веры, и упование на Бога имеется не во всяком деле, и Промысл Божий о человеке понимается иначе. Таковой человек постоянно подвергается в этом козням подстерегающих *во мраце состреляти* (Ср.: Пс. 10, 2) его стрелами своими» (*Исаак Сирин, преп.* Слова подвижнические. М., 2002. Слово 1. Об отречении от мира и о житии монашеском. С. 5–6). «В*е*дение» (духовное познание) преп. Исаак Сирин в определенном смысле противополагал вере, называя его «ступенью» «на высоту веры», при достижении которой в нем уже нет необходимости (Там же. С. 187, 194). Излагаемое Пришвиным поучение входит в «Добротолюбие» (Подвижнические наставления св. Исаака Сирианина // Добротолюбие в русском переводе, дополненное. М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1895. Т. 2. С. 643–645). Опытное богословие преп. Исаака Сирина Пришвин переводит на язык кантовского трансцендентализма, соотнося «в*е*дение» с «феноменальным миром» Канта, различавшего в «Критике чистого разума» (1781) «феномены» («вещи для нас» – такие, какими мы их представляем) и «ноумены» (объективные «вещи в себе»). Кантовскую антитезу феноменального и ноуменального миров развил А. Шопенгауэр («Мир как воля и представление», 1819–1844). (Комментарий А. Медведева.)

[140] *На этом пути погибли как художники Гоголь, Толстой.* – Ср.: «25 Января 1933. Общий путь всех русских больших писателей – это выйти из сферы искусства к чему-то более важному для человека (Гоголь, Толстой, Достоевский). На этом пути, однако, все эти великие люди имели однообразный конец в демонизме. Теперь представим себе обратный путь: художник не отдается во власть выманивающих его из сферы искусства идей, а напротив, как только идея начинает выманивать его, соблазнять, отрывая от земли, он самую идею выбрасывает и за то самое, снижаясь, получает в свое видение новую деталь. (Так построена «Журавлиная родина».) На этом же пути разрешить все вопросы только средствами искусства, оставаясь художником до конца, Пришвин находит свою скромную [задачу

сближения], родственного внимания (Гаечки), имеющего общие корни с первобытным анимизмом (Дерсу: люди). Он враг грубого очеловечивания (Холстомер), но он в природе находит наросший слой человечества, который дает нам зверя в родстве (Собаки)» (Дневники. 1932–1933. С. 249); «Б/д. Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на место действия самой жизни, не становиться тем, что делает религия (дело жизни, как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника ставить на разрешение проблемы морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромен, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он – не солнце... Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно всем русским большим писателям. Это происходит оттого, что посредством художества, кажется, нельзя сказать всего. Вот в этом и ошибка, потому что "всего" сказать невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать "все", то жизнь человека на земле бы окончилась» (Незабудки. С. 141–142).

[141] *...а я ее – за состраданье к ним».* – Слова из трагедии У. Шекспира «Отелло, венецианский мавр» (ок. 1604) (пер. М. М. Морозова. Акт первый, сцена III).

[142] *Россошь отдали.* – 7 июля 1942 г. немецко-фашистскими войсками была оккупирована Россошь.

[143] *...другому малейшую частицу отдавать.* – Слова из трагедии У. Шекспира «Отелло, венецианский мавр» (акт третий, сцена III).

[144] *...всегда вина одних мужей.* – Слова из трагедии У. Шекспира «Отелло, венецианский мавр» (акт четвертый, сцена III).

[145] *...какой-то садовник любил.* – Далее следуют два варианта записи: «Он ей говорил: – Люблю лес, пусть и плохенький, но девственный, чтобы рос сам, без всякой прочистки. Я вхожу в такой лес и воображаю себе, что он мой собственный, и я могу в нем делать все, что мне только захочется. Тогда я начинаю любовно разглядывать каждое дерево и помогать ему лучше жить: там вырубая подрост, даю свет, там освобождаю прекрасное деревцо от его угнетателя. Так мало-помалу я осваивал весь участок леса, каждое дерево узнаю в лицо, как человека, и этим весь лес преображаю, строю свой небывалый лес. Вот почему культурный лес, парки, я предоставляю дачникам, а сам люблю дикий лес, до того нетронутый, девственный, что и войти-то в него можно только с топором в руке. Она ему на эти слова возразила: – Значит, парк – это улучшенный лес, над ним кто-то уже трудился и привел в нем все в порядок. Не понимаю, почему это надо возвращаться к началу и любить неустроенный лес. – Она была женщина

красивая, уравновешенная, хорошо прибранная и довольно еще молодая. Он посмотрел на нее и сказал: – Потому я люблю девственный лес, – и вдруг, поглядев на нее, покраснел, – что он пусть и плохенький, но мой, и я в нем хозяин, а над парком я не трудился, а какой-то другой лесничий.– Но ведь это был когда-то тоже лес. – Да, лес, который не я, а какой-то другой лесничий любил, – и больше ничего не сказал»; «Мы встретились недавно с моим старым другом. Вспомнилось то место в школе, та скамейка в третьем ряду, у окна, где мы когда-то сидели, и как он передал мне однажды любовную записочку от красивой маленькой девочки Маши. В ней было написано: "Согласны ли вы со мной познакомиться?" Эта Маша была троюродной сестрой моего друга. – Что с ней сталось, жива ли она?– Она умерла молодой, давно умерла, но только теперь, через 25 лет, понял я ее слова о любви. Давно это было, – рассказывал мой друг, – не могу и теперь вспомнить, когда потерял я детство, когда разложилось мое чувство: этот стыд от женщины, с которой сошелся на час, и страх перед любовью большой. Однажды я решил признаться Маше в этом мучительном раздвоении. Загадочно и лукаво улыбаясь, она ответила:– А ты соедини... – Но как же это соединить? – Еще загадочнее улыбаясь, она мне сказала: – Но в этом же и есть вся трудность жизни, чтобы вернуть себе детство, когда это все было одно. Тут ничего не может прийти со стороны, никто не научит: помучься – соедини, и создашь любовь настоящую, без стыда и страха. Прекрасная моя Маша вскоре после того умерла. Прошло много лет, и всегда, когда я бываю в духе и вспоминаю Машу, пытаюсь сказать ей что-нибудь хорошее. Но только после упорной борьбы всей моей жизни, совсем недавно удалось мне выполнить ее завет. Недавно, вспомнив о Маше, я прошептал ей: милая Маша, только теперь я выполнил твое порученье, и совесть моя стала покойной: я победил в себе эту смерть – эту силу разложенья. Если б снова ты пришла – я подошел бы к тебе без стыда и страха перед темной сладостью бездны, как подходил в далеком детстве, поцеловал бы твое лицо. Снова ожила бы его нежность, такая, что ищу с тех пор и нигде не могу ее больше увидать. И если б страсть пришла – не вспомнил бы я о бездне, а только о тебе, моя любовь».

[146] *...усилия немцев – взять Кавказ.* – Летом 1942 г. после Харьковской катастрофы немецкое командование начинает наступление на юг (нефтяные месторождения Грозного и Баку) и к Волге, связывающей европейскую часть страны с Закавказьем и Средней Азией.

[147] *...образ жены, облеченной в солнце...* – символический персонаж Откровения Иоанна Богослова (12: 1–17).

[148] *...после необъятного «Севастополя» пишет необъятный «12-й год».* – Речь идет о романе «Севастопольская страда» (1937–1939), посвященном первой обороне Севастополя в 1854–1855 гг. Весной 1942 г. Сергеев-Ценский пишет роман «Брусиловский прорыв» о наступлении русских войск в 1916 г.

[149] *Долина* Псху... – ср.: «Медовеевка – было поселение монахов, состоящее из нескольких полян с кельями, разбросанными друг от друга на расстоянии “вержения камня”. Она находилась верстах в 30 от Красной Поляны. Там уже издавна обитали несколько уважаемых старцев, и был посредине храм, ничем внешне не отличавшийся от остальных домиков, только в нем никто не жил и туда собирались раза два в год по великим праздникам окрестные пустынники для совместного богослужения и совершения таинства. Это были единственные дни их свиданий. Если кто не приходил – значит, заболел или помер. Тогда шли к нему помочь либо похоронить. Такое же поселение было в районе Сухума, глубоко в горах за несколькими хребтами, называлось оно Псху. Там жили раздельно и монахи, и монахини. Псху называлась “Глубокой”, устав жизни там утвердился весьма суровый, и о Псху говорили с великим почтением» (Невидимый град. С. 316). Курелло узнал от Валерии Дмитриевны об этих местах и туда уехал и там спасался, пока его не выпустили на родину в Германию.

[150] *Проект письма.* – Ср.: «Прошло довольно времени, дорогая Ефросинья Павловна, с тех пор, как мы расстались: ты считаешь, по моей вине, я считаю – по твоей. Не пора ли теперь разделить вину и покончить все миром. Я уверен, что если бы ты забыла вражду и узнала бы женщину, из-за которой вы все накинулись на меня, то поняла бы ее как достойную моей любви. Я тебе напоминаю, хотя это тебе очень трудно понять, что мое расставание с тобой вышло по моей судьбе, но В. Д. тут ни при чем, просто я как человек и как художник должен был так сделать, иначе моя душа уснула бы и умерла. Я очень хотел бы, чтобы и она тоже узнала тебя, какая ты есть хорошая, а не какой представлялась во время нашей войны. Я понимаю, конечно, как тяжело было бы тебе увидеть меня у себя в доме с другой женщиной. Я этого и не ищу и не для того пишу. Мне довольно, если ты откликнешься с добрым чувством и согласием забыть вражду. Очень скоро решится вопрос для меня – переезжать из Усолья поближе к Москве или, напротив, уезжать сначала в Ярославль, а потом и дальше на восток по Волге и Каме. Оставаться под Москвою боюсь, потому что будет голодно и холодно, никаких запасов на зиму у нас нет. Уезжать на восток неизвестно куда и на что – очень страшно: через несколько месяцев мне будет 70 лет, и само собой понятно, что сил для скитаний мало. Если уеду на восток, то едва ли скоро вернусь, и очень возможно, что и совсем не вернусь. Вот почему я тебе написал, чтобы ты простила меня, как и я тоже готов простить тебя и забыть вражду: ведь возможно, что мы больше и не встретимся в жизни. Хорошо бы нам с тобой взять пример великодушия и мудрости с оставленного В. Д. ее бывшего мужа, который, пережив горе расставания, признал все достоинства и смысл нашего союза с В. Д. и назвал меня и В. Д. своими друзьями, хотя мы и не встречаемся».

[151] *Кто был ничем, тот будет всем.* – Строка из песни «Интернационал», слова Эжена Потье, муз. Пьера Дежейтера; русский текст А. Коца.

[152] *...(да умирится же с тобой и покоренная стихия) и о Евгении...* – аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

[153] *В Индии объявлено состояние гражданского неповиновения.* – Речь идет о массовых антибританских выступлениях в августе 1942 г., когда японская армия оккупировала Бирму и находилась у границ Индии. Только в октябре 1942 г. победа английской армии под Эль-Аламейном и высадка в Северной Африке англо-американских войск в ноябре переломили ситуацию в пользу союзников и остановили продвижение немецко-фашистских войск у границ Индии. К лету 1942 г. Германия и ее европейские союзники взяли под контроль огромную территорию: от Ливии на юге до Баренцева моря на севере и от побережья Бискайского залива на западе до Волги на востоке.

[154] *...выступит Турция.* – В июне–июле Турция увеличила численность войск на кавказской границе.

[155] *Всякое искусство предполагает у художника наивное, чистое святое бесстыдство <...> Розанов этот секрет искусства хорошо понял...* – новизной «Уединенного» Розанов считал интимный тон, преодолевший «литературность»: «Можно рассказать о себе очень позорные вещи – и все-таки рассказанное будет “печатным”; можно о себе выдумывать “ужасы” – а будет все-таки “литература”. Предстояло устранить это опубликование. И я, который наименее опубликовывался уже в печати, сделал еще шаг внутрь, спустился еще на ступень вниз против своей обычной “печати” (халат, штаны) – и очутился, “как в бане нагишом”, что мне не было вовсе трудно» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 250). (Комментарий А. Медведева.)

[156] *Если пасмурен день, если ночь несветла...* – строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» (1860–1862).

[157] *...(несть бо власти, аще не от Бога)...* – Римл. 13: 11.

[158] *...превращается в Пульхерию Ивановну...* – аллюзия на повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» (1835), первую повесть из цикла «Миргород».

[159] *...если бы не было Бога, то его надо было бы выдумать.* – «Случись, что Бога нет, Его б пришлось создать» – Вольтер «Послание к автору новой книги о трех обманщиках» (1769).

[160] *В колонии детей.* – Имеется в виду детский дом в местечке Ботик под Переславлем-Залесским, куда были вывезены ленинградские дети.

[161] *...отец на войне, мать в колхозе, они пилят бревно...* – так появляются жизненные реалии будущей известной повести Пришвина «Кладовая солнца» (1946), жанр которой писатель определит так: «сказка-быль».

[162] ...слова Христа: «Будьте как дети». – Мф. 18: 3.

[163] ...слова Христа: «Любите врагов своих». – Мф. 5: 43–45.

[164] *...в «Бесах», в «Онегине».* — Имеются в виду роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871) и роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831).

[165] *...Раскольников у Достоевского...* – аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866); Раскольников – главный герой романа.

[166] *...бросить Церковь, как сделал Толстой.* — См. об этом: *Басинский П.* Лев Толстой: Бегство из рая. М., 2010. С. 487–517.

[167] *...ехала у Пушкина капитанская дочка...* — аллюзия на повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836).

[168] *...Курымушка для всех...* — детское домашнее прозвище Миши Пришвина.

[169] *«...сия есть кровь моя».* — Мф. 26: 26–28.

[170] *...вопрос Великого инквизитора...* — аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880).

[171] *...в эту ночь погиб ее отец.* – Дмитрий Михайлович Лиорко был расстрелян в 1918 г. Ср.: Невидимый град. С. 76–83.

[172] *...Зуек из моей поэмы «Падун»...* — имя мальчика, главного героя будущего романа «Осударева дорога» (1948), над которым Пришвин постоянно раздумывает.

[173] *Читал Белого о Гоголе, Блоке, Сологубе.* – В предисловии к книге А. Белого «Мастерство Гоголя» Л. Каменев пишет: «Автор сближает здесь приемы Достоевского, Сологуба, Блока, Белого, Маяковского с приемами Гоголя. Сопоставления, сделанные здесь Белым, показывают, что ни один из названных художников не избежал повторения некоторых приемов Гоголя» (*Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 7).

[174] *...сыроежка величиной с чайное блюдечко...* – ср.: рассказ «Старый гриб» (1945).

[175] *Понимание... состояния неиспорченности человеческой через «язычество» было навязано нам с Запада...* – речь идет о мыслителях Просвещения, которые считали необходимым возвращение к естественной, неиспорченной природе человека путем просвещения, противостоящего невежеству и религиозному фанатизму.

[176] *...чуть не погиб от медведя.* – В январе 1932 г. Пришвин в первый и последний раз в своей жизни принимал участие в охоте на медведя. Ср.: «20 Января. Мы потом смерили: тот выворотень был ровно в трех шагах от меня. Я услышал рев под собой: два раза. Сбросился с лыж и утонул. Но ружье мгновенно само собой стало к плечу. А там, в трех шагах показалось и стало расти. У меня очень отчетливо в голове: “совершается то же самое, что и вчера, действуй совершенно так же, как и вчера”. И опять началось это <*зачеркнуто*: долгое> медленное время, как и вчера: нарастает, нарастает. Вот и знакомая полоска между ушами, вот она становится шире, шире, сейчас скоро покажутся глаза и тогда, конечно, прекрасно выйдет, как и вчера: мушка моя опять на стальном пьедестале, ум и вся сила собрались в указательном пальце. И вдруг все переменяется. Полоска лба становится все уже, уже, показывается точка носа, уходит тоже назад, и обнажается горло. Но я не знаю, могу ли я в горло стрелять. Я не знаю, а надо. Мушка моя разделяет горло напополам. Вот это верно, а дальше неверная решимость: что будет, то будет. И указательный палец делает свой тигровый прыжок» (Дневники. 1921–1935. С. 32–52).

[177] *Вести о Сталинграде.* – Сталинградская битва началась 17 июля 1942 г. и до 12 сентября шли оборонительные сражения на подступах к Сталинграду, с 13 сентября до 18 ноября бои шли в городе.

[178] *...читали «Монархист» Горького...* – имеется в виду очерк Горького «Монархист» (1924), герой которого нижегородский купец В. И. Бреев. Ср.: «Откровенно скажу вам, – затем ведь и сошлись, чтоб говорить без запятых, – открыто скажу: смелостью письма вашего в ответ на мое я был даже восхищен: вот как нижегородцы пишут! Но согласиться с мыслями вашими – не мог, не могу и теперь, когда видимое основание империи рушилось и царь в плену своих подданных. Подумать жутко, до чего легко свел нас с ума несчастный этот союз с французами, – вот и мы низвергли трон! – Да, так согласиться с вами – не могу я. Я – народ знаю. Ему совершенно наплевать, кто там, на троне, сидит, пускай хоть татарин или киргиз, лишь бы сидел и было бы за что уцепиться мечте. Народ живет мечтой, народу нужно иметь огромное воображение, чтобы помириться со своей жизнью, а жизнь эта дана ему на веки веков... – Я прервал речь Бреева, указав, что вот мы снова живем во дни революции, – он вскочил на ноги, лицо его побурело от возбуждения, он заговорил приглушенным голосом: – Революция? Свобода? Полноте! Завтра же выскочит кто-нибудь, крикнет: «Цыц! Я вам покажу, как надо жить!» И – пойдут, и поведёт, и

дойдут снова до своей каторжной точки. Поверьте мне, уважаемый земляк: истинно народная свобода – это только свобода воображения. Жизнь для него не благо и никогда не будет благом, но всегда – ныне и присно – ожидание блага. Для народа нужен герой, праведник, генерал Скобелев, Фёдор Кузьмич, Иван Грозный, все едино – кто! И чем дальше, смутнее, недоступнее герой, тем больше свободы воображения и легче жить. Надо, чтобы кто-то жил-был! Сказка нужна. Не бог в небесах, а вот на темной земле нашей был бы кто-то великого разума и чудовищных сил. Чтобы он все мог. Захочет – и все счастливы, – вот какого надо вообразить! – Так что доказывать народу, будто Романовы – немцы, бесполезное дело. Хоть – мордва, я вам говорю, я же знаю народ! Ему нужно не многовластие, не аглицкий парламент, он механику, машину не любит, он тайну любит. Нужна ему власть великой единицы, хотя бы эта единица была круглым нулем, он сам наполнит нуль силой воображения своего – да, да! <...> Внизу, на улице, оглушительно шумел русский народ, разрушая, ломая тысячелетием созданную железную клетку государства...» (http://readr.ru/maksim-gorkiy-monarhist.html?page=3#).

[179] *...Горький <...> Розанов <...> в какой-то мере и я <...> люди озарений, вспышек в момент соприкосновения всей своей личности с каким-то родственным материалом.* – Для Розанова, назвавшего себя пророчествующим «странником-проповедником», было характерно профетическое представление о своем творческом процессе: «Какое-то непреодолимое внутреннее убеждение мне говорило, что все, что я говорю, – хочет Бог, чтобы я говорил. <...> Эта вера доходила до какой-то раскаленности. Я точно весь делался *густой,* душа делалась густою, мысли совсем приобретали особый строй, и “язык сам говорил”. <...> В такие минуты я чувствовал, что говорю какую-то абсолютную правду, и “под точь-в-точь таким углом наклонения”, как это есть в мире, в Боге, в “истине в самой себе”» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 98–99, 124). Тема семьи, к которой Розанов обратился по биографическим причинам, стала вдохновившим его «родственным материалом», на котором он реализовал свой творческий пафос: «Музыка (в душе) есть, а пищи на зубы не было. Печь пламенеет, но ничего в ней не варится. Тут моя семейная история и вообще все отношение к “другу” и сыграло роль» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 533). (Комментарий А. Медведева.)

[180] *Письмо.* – Далее черновик письма Ефросинье Павловне: «Дорогая Е. П., ко мне в Усолье приезжал Лева, и мне было очень приятно узнать, что он успешно работает и помогает тебе. Особенно удалась наша встреча и потому, что чуть ли не в первый раз он у меня ничего не просил, а напротив, сам предложил мне взять у него денег, из чего я понял, что он потрудился добраться до меня и повидать меня бескорыстно. Впрочем, я всегда думал о нем, что он парень не без сердца. Как бы мне хотелось, чтобы ты

пересилила свою гордость, свое несчастье, невольной причиной которого был я, и отнеслась бы тоже как к человеку любимому и вспомнила, сколько в жизни я доставил тебе хороших дней. Только злые, глупые люди могут нашептывать тебе, что я по злобе не хочу тебя поддерживать. Недавно я откопал свои фотоаппараты и начинаю заниматься тем же промыслом, что и Лева. Успех его подает надежду и мне, что тоже скоро разбогатею. Я даже занял у него сто рублей, вытащил немного из пенсии и посылаю тебе. Если дело мое пойдет, я непременно буду тебе посылать, сколько могу. Лева мне предлагал приехать к тебе, повидаться. Я, было, согласился, да и просто рад бы был. Но потом подумал, не хуже бы от этого сделать: приеду – это хорошо, но ведь я должен уехать – и вот как бы это не причинило тебе еще больше горя, чем было. Напиши мне лучше хорошее письмо в ответ от сердца и без посторонней помощи и своей рукой: я эту руку знаю, а то может быть... Напиши, вырви из сердца крапиву, выкинь ее и пусть само собой сложится все к хорошему и не будет страшно встретиться».

181 *...в связи с появлением в «Правде» пьесы Корнейчука...* – речь идет о пьесе А. Е. Корнейчука «Фронт». Ср.: «Я просмотрел зарубежные отклики о вышедшей пьесе, что было о ней сказано <...> Их автор – литературный критик – Вера Александрова. В них сказано больше правды, чем в официальной советской печати, а главное – высказана верная мысль о том, “кто” и “что” стоит за пьесой. <...> Пьеса вроде бы “объясняла” всем, “кто виноват” и “что делать”, чтобы победить противника. Когда пьеса была напечатана, поступило “высочайшее разрешение” на свободу мнений. Насколько я помню, за все сталинское время так называемая свободная критика была разрешена советским людям в первый и последний раз. Автор пьесы отыскал “козлов отпущения” – это поколение командиров Красной Армии, выдвинувшихся в Гражданскую войну и за прошедшие годы “раздобревших” на лаврах и превратившихся в пустомель <...> как воспринял пьесу фронт <...> Начальник штаба дивизии, не стесняясь, грубо обрушился на пьесу: “За кого нас принимает товарищ Корнейчук? Пьеса – вредная. Это откровенная попытка вбить клин между различными поколениями командиров. Кто-то наверху решил свалить собственные грехи на героев Гражданской войны...” <...> Когда пьеса была напечатана, поступило “высочайшее разрешение” на свободу мнений. Разумеется, в рамках содержания пьесы. “Постороннему человеку, – пишет Вера Александрова, – незнакомому с особенностями советской жизни, пьеса может показаться подлинным потрясением всех и всяческих основ жизни. Но люди должны понять, что в советском обществе ничего не делается без разрешения сверху...” И далее следует вывод: “В дни, когда решалась судьба Сталинграда и всей страны в целом, надо было дать армии и обществу хотя бы видимость свободы, высказаться о событиях... Ибо самая смелая критика, разрешенная сверху, менее опасна, чем самая робкая и косноязычная критика “шептунов” снизу”. К сожалению, немногие из нас тогда понимали, что драматург как смог исполнил партийное задание. Написал пьесу-агитку,

а Сталин поднял ее чуть ли не на недосягаемую высоту. Почему? Сталин прекрасно понимал: идет второй год войны, и армия, и народ, мировая общественность все чаще задают вопрос: “как могла произойти катастрофа в 41-м?” Допустим, тогда он объяснял происшедшее внезапностью нападения. В 42-м внезапности уже быть не могло. Вновь – катастрофа. И какая! В чем причины, кто виноват во всей этой огромной трагедии в истории России? Пьеса “Фронт” должна была объяснить миллионам встревоженных людей: виноват в новых катастрофах не товарищ Сталин, Верховный Главнокомандующий, а армейские ошибки...» (*Горбачевский Б.* Великая Отечественная: Неизвестная война. URL: http://lib.rus.ec/b/256570/read).

182 *...напишу «Дети Ленинграда».* – В течение 1942–1943 гг. был написан цикл «Рассказы о ленинградских детях».

183 *...жизнь мучеников советских была напрасна.* – Ср.: «<Идет зима 1928–1929. — *Ред.*>. Вокруг шли аресты священников и мирян, не признававших митрополита Сергия. Михаил Александрович <Новоселов. – *Ред.*> приходил к нам усталый, грустный, часто напоминал он зверя, измученного преследованиями охотников. Люди, дававшие ему кров, начинали его побаиваться: и правда, у всех была трудная жизнь, семья, нужда... Вокруг исчезали все лучшие. Церковь обнажалась. Скоро, возможно, и не останется преемников благодати, которыми, как мы понимали, были священники, не примкнувшие к митрополиту Сергию. Об этом я как-то спросила Михаила Александровича: – Как нам быть, если не останется священника старого посвящения? – Не надо создавать новый раскол, – ответил Михаил Александрович. – У нас единая Церковь, внутри которой ведется борьба. Если никого не останется – идите с ними, только не забывайте крови мучеников и пронесите свидетельство до будущего Церковного Собора, который нас рассудит, если только не кончится история и не рассудит уже Сам Господь» (Невидимый град. С. 404–405).

184 *...поэзия скуки (Аптека, Крендель булочной и т. п.).* – Аллюзия на стихотворение А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (цикл «Пляски смерти», 1912).

185 *(«Мгновенье, остановись»).* – Ср.: «Осторожно я раздвинул побеги винограда и увидел всего в нескольких шагах от себя осыпанную своими собственными зайчиками ланку. <...> Я почти не дышал, а она приближалась <...> и если бы я задел своим дыханием хоть один только виноградный листик, она бы топнула и скрылась. Но я замер, и она медленно опустила ногу, сделала один и еще один шаг ко мне <...> сделав еще несколько шагов к моему шатру, вдруг поднялась на задние ноги, передние положила высоко надо мной, и через виноградные сплетения просунулись ко мне маленькие изящные копытца. Мне было слышно, как она отрывала сочные виноградные листы, любимое кушанье пятнистых оленей, доволь-

но приятное и на наш человеческий вкус. <...> Как охотника, значит тоже зверя, меня очень соблазняло – тихонечко приподняться и вдруг схватить за копытца оленя. Да, я сильный человек и чувствую, что, возьмись я крепко-накрепко обеими руками повыше копытцев, я оборол бы ее и сумел бы связать поясным ремешком. Всякий охотник поймет мое почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим. Но во мне еще был другой человек, которому, напротив, не надо хватать, если приходит прекрасное мгновение, напротив, ему хочется то мгновенье сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда. Конечно, все мы люди, и понемногу у нас у всех это есть: ведь и самый страстный охотник с трудом скрепит в себе слабое сердце, когда простреленный зверь умирает, и самый нежный поэт хотел бы присвоить и цветок, и оленя, и птицу. Я как охотник был себе самому хорошо известен, но никогда я не думал, не знал, что есть во мне какой-то другой человек, что красота, или что там еще, может меня, охотника, связать самого, как оленя, по рукам и ногам. Во мне боролись два человека. Один говорил: "Упустишь мгновенье, никогда оно тебе не возвратится, и ты вечно будешь о нем тосковать. Скорей же хватай, держи, и у тебя будет самка Хуа-лу, самого красивого в мире животного". Другой голос говорил: "Сиди смирно! Прекрасное мгновенье можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками"». В поэме «Жень-шень» охотник противостоит поэту – но поэту, способному к осуществлению реального дела производства лекарства («В загороженном Орлином Гнезде, где свободно паслась одна Хуа-лу, мы построили питомник оленей со стойлами, со двором для выгула и панторезным сараем»), органично соединяющему в своей личности традицию (культуру) и современность (цивилизацию). «Прекрасное мгновение» становится в поэме «Жень-шень» развернутой метафорой новой модели мира и нового человека в нем: Запад в лице главного героя (сложный, сомневающийся, рефлексирующий человек «фаустовского» типа) и Восток в лице китайца Лувена (простой, органичный, традиционный, чувствующий и понимающий жизнь человек) не противостоят друг другу, но творчески взаимодействуют, дополняют друг друга, осуществляя задуманный проект организации оленьего питомника. В художественном мире повести этот проект становится моделью мира, в котором снимаются оппозиции «Восток–Запад», «природа–культура», «культура–цивилизация», поскольку осуществление вполне прагматичной цели, стоящей перед человеком, требует и умения, и трезвого расчета, и знания, и поэзии, и мудрости, и любви (Жень-шень // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 600–602, 644).

186 *Какая-то Пиковая дама.* — Аллюзия на повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1833).

187 *...мне открылась «Гаврилиада».* — Речь идет о поэме А. С. Пушкина «Гаврилиада» (1821), произведении невозможном по цензурным условиям того времени. Некоторое время оно было известно только в узком

кругу друзей Пушкина, но уже начиная с лета 1822 г. стало расходиться в списках. Вяземский, посылая 10 декабря 1822 г. А. И. Тургеневу значительный отрывок из «Гавриилиады», написал: «Пушкин прислал мне одну свою прекрасную шалость». В 1828 г. по доносу дворовых отставного штабс-капитана Митькова, имевшего у себя список «Гавриилиады», митрополит Серафим (Глаголевский) довел до сведения правительства информацию о существовании поэмы. Следствие, начавшееся по распоряжению Николая I в июне, было прекращено 31 декабря того же года его же резолюцией: «Мне дело подробно известно и совершенно кончено».

[188] *...как отрок в пещи огненной.* – Дан. 1: 7.

[189] *...«и введи меня в Царство Свое вечное»...* – утреннее правило, 3-я молитва Макария Великого.

[190] *...как ап. Петр <...> его одели, опоясали и повели, куда ему не хотелось.* – Деян. 9, 1–9.

[191] *...возможность насыщения всех пятью хлебами.* – Лк. 4: 4.

[192] *...путешествие в край непуганых птиц...* — имеется в виду первое путешествие Пришвина, совершенное летом 1906 г. по рекомендации этнографа Н. Е. Ончукова, с которым Пришвин, тогда журналист, познакомился в Петербурге. Он поехал собирать северные песни и сказки в Заонежье (Выговский край, Олонецкая губерния). Для себя он сразу назвал это путешествие «в край непуганых птиц». Так, начитавшись Майн-Рида, они назвали с друзьями-гимназистами свой побег из гимназии в дальние страны, Америку или Азию (1885). Из поездки Пришвин привез записанные сказки, которые вошли в сборник Ончукова «Северные сказки» (1908), а также путевой дневник, который стал его первой книгой с названием «В краю непуганых птиц» (1907).

[193] *...понял слова Антоныча о правде...* – образ лесника-Антипыча – один из смыслообразующих в сказке-были «Кладовая солнца» (1945), прообразом которого стал усольский знакомый писателя. С ним связаны слова о правде, которую лесник, умирая, «перешепнул своему другу собаке», и потому об этих словах можно только догадываться: «Мы думаем: эта правда есть правда вековечной суровой борьбы людей за любовь» (Кладовая солнца. Рассказы о природе. М., 2007. С. 79).

[194] *...почувствовал Гостя в голубом...* – см. коммент. 31.

[195] *...во время своего юношеского крушения и потери веры в <...> (прогресс)...* – речь идет о первой парижской любви к Варе Измалковой. Ср.: «1902. Марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть –

просто полезным для родины человеком. Сумасшедший год. Весной после окончания в Лейпциге еду посмотреть Париж. Встреча (4 момента) и последующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение до сего дня (1918 г.)» (Дневники. 1918–1919. С. 520–521).

[196] *Выписка из жития святого Андрея...* – по-видимому, выписка из книги житий святых православной церкви – Четьи миней св. Димитрия Ростовского.

[197] *Читал Эрна о свободе хотения и свободе дела...* – Пришвин, видимо, имеет в виду следующие рассуждения из сборника философских трудов В. Ф. Эрна «Борьба за Логос» (1911): «При свободе хотения я могу только свободно хотеть. Но над тем, что выйдет из этого хотения я совершенно не властен (VI)», «Есть свобода хотения, и есть свобода делания. Свобода делания немыслима без свободы хотения. Она обширнее и содержательнее. Она есть продолжение и завершение свободы хотения. Но продолжение столь необходимое, что, в свою очередь, без нее свобода хотения есть понятие – мертвое и для жизни абсолютно ненужное (V)» (http://copy.yandex.net/?fmode=envelope&url=http%3A%2F%2Fwww.bdn-steiner.ru).

[198] *На ночь читал «Роза и Крест»...* – имеется в виду пьеса А. Блока «Роза и крест» (1912).

[199] *...(а Васька слушает да ест).* – Аллюзия на басню И. А. Крылова «Кот и повар» (1812).

[200] *...это Сирин, а этот – Алконост.* – В славянской мифологии райские птицы, поющие песни печали и радости.

[201] *...немоляки...* – старообрядческая беспоповская секта.

[202] *...как источник духовный всякой революции.* – Ср. запись от 15 ноября «Раздумье о мире занесло мою мысль к расколу...»

[203] *На этом Ботике я написал книгу «Родники Берендея»...* – в 1925 г. Пришвин жил в местечке Ботик под Переславлем-Залесским, в этом же году вышла его книга «Родники Берендея» [«Просто удивительно: вся жизнь целиком ушла в книгу “Родники Берендея”» (Дневники. 1926–1927. С. 17)].

[204] *...начиная от первого гражданского сознания в восемь лет при убийстве царя Александра 2-го...* – убийство царя Александра II народовольцами в 1881 г. Пришвин всегда считал началом своей сознательной жизни и одним из прафеноменов собственной личности. Ср.: «20 Июля 1915. Матери дома нет, по лестнице бегут, кричат: — Царя убили! Нянька при-

читывает: – Пойдут теперь мужики к господам с топорами» (Дневники. 1914–1917. С. 206).

[205] *...из Назарета не может выйти пророка...* – Ин. 1: 46.

[206] *...и Прудон, конечно, прав, определяя собственность, как воровство.* – Имеется в виду работа французского социалиста Пьера Жозефа Прудона «Что такое собственность» (1840).

[207] *...о новой нашей победе на Дону...* – имеется в виду успешное контрнаступление Красной армии силами Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов в ноябре–декабре, разгром фланговых группировок немецко-фашистских войск, окружение армии фельдмаршала Паулюса.

[208] *Помните живую церковь...* – обновленчество (также Обновленческий раскол, Живая Церковь, живоцерковничество; официальное самоназвание — Православная Российская Церковь; позднее — Православная Церковь в СССР) – движение в российском христианстве, возникшее после февральской революции 1917 г. Декларировало цель «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения. Выступало против руководства Церковью Патриархом Тихоном, заявляя о полной поддержке нового режима и проводимых им преобразований. К 1935 г. обновленчество теряет сторонников и государственную поддержку.

[209] *...дело «богоискателей», чтобы ввести движение в церковь.* – Имеется в виду деятельность Религиозно-философского общества. Ср.: Ранний дневник. С. 175–316, 581–643.

[210] *Та «любовь», о которой пишут Л. Толстой, Розанов <...> недостаточна для современного человека.* – «Фундаментом семьи» Розанов считал не «красоту», «молодость», «связь умов», а религиозно освященное «животно-плотское» начало (*Розанов В. В.* Семья как религия (1898) // Розанов В. В. Собр. соч.: В мире неясного и нерешенного. М., 1995. С. 69). В этой родовой философии семьи Розанов опирался на творчество Л. Н. Толстого, давшего «в тихих и прекрасных картинах поэзию и почти начало религии семьи»: «Анна разрешается от бремени; Кити – в муках рождения кричит; Наташа смотрит пеленки ребенка» (Там же). Пришвин полемизирует с этой основанной на «чувстве рода» концепцией любви, противопоставляя ей «единую» любовь, «раскрывающую в человеке личность» (запись от 1 марта 1942 г.). (Комментарий А. Медведева.)

[211] *После чтения статьи А. Толстого «Разгневанная родина»...* – имеется в виду статья А. Толстого «Разгневанная Россия» (1942).

[212] *...Лев Толстой своим незаметным героем Тушиным...* – аллюзия на роман-эпопею Л. Толстого «Война и мир» (1863–1869). В капитане Ту-

шине воплощаются простота, народная мудрость и естественный героизм.

[213] *...в нашей Игнатовской семье...* – имеются в виду родственники по материнской линии, Мария Ивановна происходила из староверческого, перешедшего в православие, купеческого рода Игнатовых, родилась в г. Белеве Тульской губернии.

[214] *В авторской машинописной копии имеется несколько записей, сделанных при переписке.*

1 Июня 1942. Вот разница: я не скуп только при встречах: он, неведомый ближний, появляется неожиданно возле меня, я узнаю его и открываю ему свою щедрость. У нее же, ее ближние – она их знает давно, она о них думает, и они у нее не появляются, как незнакомцы, а живут как свои, как родственники. Я думаю, что из этих обязанностей к своим (верующим) и возникла в свое время Церковь и в церкви ближние становились своими не по крови, а по духу. Однако в этих постоянных заботах о своих ближних вырастали привязанности, приводившие к хоз. деятельности. Состав верующих пополнялся хозяевами, деятелями мира сего. Ляля находится в серьезном разладе с такой церковью, она живет в движении духа, в борьбе с рутиной. Но церковь есть собственность не во имя свое, а во имя ближнего, и женщина, собственница по природе, становится церковной хозяйкой. Лялин круг верующих, симпатичных страдальцев, очень невелик, но в этом малом кругу, как девочка с куклой, она настоящая церковная хозяйка.

В воскресенье мы отправились в последний раз в лес на раскопку клада тещиных серебряных ложек. Мы захватили ее с собой, чтобы постепенно она узнала о похищении клада. И вдруг ложки нашлись. Оказалось, в болоте тяжелые вещи постепенно переместились. Я чуть не заплакал от радости за Лялю – как она томилась, как она за мать страдала. Мы с ней обнялись на радостях, и вдруг эти тещины ложки мне стали противны с их гравировкой, серебром и вензелями. Что-то бесконечно непроходимо бабье, тупое сохранялось в этих ложках, то вечно женственное, определяющее всякую собственность, заключающую дух живой в мещанской форме. Я возненавидел их за горе, причиненное ими Ляле. (Рассказать о кладах. Подробности.)

20 Июня. Вчера после тяжелой дороги и ужаса от внезапной смерти Майорова Ляля плохо спала ночь, а сегодня утром поссорились с матерью из-за баночки с лекарством (упрекнула в том, что та оставила лекарство на свету). Слово за слово... Мне пришлось вступиться за Лялю, но я вышел из себя и вывалил теще все, что накопил в моей душе против нее. Основная мысль в моем нападении на тещу состояла в опровержении обвинения Ляли в эгоизме (т. е. что она счастлива и любит меня, а ею пренебрегает: ревность). Я сказал, что Ляля святая, что я служу Богу, который живет в

ее сердце, и вижу: ¾ времени ее уходит в заботах о матери. Кроме того, я сказал, что факт рождения ею Ляли еще не дает ей права собственности на нее, ее личности, а моральный состав Лялиной души никак не от матери происходит. В заключение выпалил, что после войны ни в каком случае не буду с ней жить, что сейчас моя отдельная рабочая комната мне служит маяком в моем освобождении. – Вы, – сказал я, – с Лялей такие несхожие люди, что по-моему я тут теперь ни при чем, вы – нищая эгоистка, я уверен, что вы между собой и до меня ругались. Ночью, тоскуя о Ляле один в своей комнате, я вспоминал свои ссоры с Е. П. Бывало после схватки с ней я чувствовал полное нарушение душевного равновесия, приводившее меня к раскаянию и необходимости, как можно скорее «загладить» душевную рану. Бывало, из леса я приходил до того наполненный счастьем решимости принять вину на себя, что она, только увидев меня таким, сдавалась и веселая, радостная говорила о каком-нибудь хозяйственном своем пустяке. Я теперь понимаю, что при тех потерях себя я терял основное свое утверждение в чем-то, что тогда не смел назвать Богом, а теперь ясно вижу, это именно Бог приводил меня к раскаянию. Всегда, помню, перед этим чувством раскаяния у меня мелькала мысль о неравенстве нашем с Е. П., она – дитя природы, я же в людях высокопоставленный. От этого мне становилось стыдно за себя до боли и очень жалко ее. А после того являлся свойственный всей моей русской природе приступ веры в какой-то лучший и возможный для себя в достижении сияющий солнечный мир. А уж после того вся вспышка моя представлялась таким ничтожно-мелким событием, что я возвращался уверенный в своей победе и побеждал. И так мы жили 35 лет, когда наконец-то я вину в нашей размолвке не мог принять на себя, не раскаялся, ушел, и то великолепное чувство солнечного мира, в силу своей сущности снимавшее вину с меня, как бы изгонявшее своей полнотой из души все лишнее – это чувство теперь я понял, как действие Бога. Я поклонился этому Духу, живущему в сердце моей Ляли, и захотел ему служить сознательно. А теперь после ссоры с маркизой я не чувствую на себе той вины, как было с Е. П. Это удивительно, я ждал и ничего, кроме неприязни к теще не находил в себе. Объясняю, что вспыхнул я теперь не за себя, как теща, а за Бога, оскорбляемого словами тещи. Ни в болезни ее, ни в ограниченности умишка ее, ни в этой ее естественной животной ревности я не находил оправдания. И главное, обвинения в эгоизме. Не вину свою я теперь чувствую, а обязанность измыслить пути освобождения Ляли, чтобы она могла отойти наконец от матери, с полным радостным сознанием своей правоты, как было это у меня при освобождении от Е. П. Мне нужно изгнать из нее чувство подавленности своими обязанностями, похожее на «искушение». Возможно, что только теперь, когда Ляля узнала возможность личной жизни в радостном удовлетворении своих высших жизненных потребностей, под моим невольным влиянием у нее усилилась эта ее вечная борьба между исканием личной жизни с необходимостью служения в Боге эгоистично ее любящей матери. Я могу себе представить, что если бы я сделался жертвой этой борьбы, то, может быть, тогда все

ее служение эгоизму матери открыло бы ей (как отцу Сергию у Толстого) пустоту мира в отношении Бога.

12 Августа. Зина Б. все рабочее время свое отдает нелюбимой службе для добывания пищи и домашнему хозяйству. Ее подвиг состоит в том, чтобы при каторжной жизни сохранить связь души своей с Богом. Если все нелюбимое, что ей приходится ежедневно преодолевать, назвать дьяволом, то ее жизнь есть борьба с дьяволом, как было и у древних святых: она мученица. Если бы не было церкви, куда жизнь ее уходит, собирается с жизнями других мучеников и через это воздействует на общество верующих, то вся борьба ее с дьяволом была бы только для себя, для своего душевного равновесия. Напротив, жизнь Ел. Фед. направлена непосредственно на помощь людям. Но то, о чем молится Зина, эта делает. (Слово и дело, Мария и Марфа.)

1943

[1] *...подъема надежд от побед на Дону...* – в декабре советские войска форсировали Дон и продолжали наступление на Сталинград.

[2] *...Красная Армия будет просто армия...* – 6 января 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной армии была установлена единая система воинских званий, вместе с погонами и формой одежды в официальный лексикон вернулось слово «офицер».

[3] *...принялась за дневник нашей любви.* – Имеется в виду дневник 1940 г. Это было началом работы Валерии Дмитриевны над архивом Пришвина, но в годы эвакуации полностью отдаться работе она не могла. После кончины Пришвина (1954) работа над архивом стала для Валерии Дмитриевны единственным и самым главным делом: в течение трех лет она перевела в машинописный текст рукописные тетради дневника за 50 лет (120 тетрадей), систематизировала фотоархив писателя, принимала посетителей в его дачном доме (д. Дунино под Москвой), который постепенно превращался в дом-музей, издала Собрание сочинений в 6 томах (1956–1957), три из которых состояли из неопубликованных при жизни писателя произведений, подготовила к изданию том воспоминаний современников о Пришвине, как составитель издала десятки сборников произведений писателя, написала несколько книг о его жизни и творчестве, в 1978 г. смогла опубликовать в журнале (правда, с 17 купюрами) последнее из еще не опубликованных художественных произведений Пришвина повесть под названием «Мирская чаша» (1922), подготовила к изданию новое Собрание сочинений в 8 томах, которое вышло уже после ее кончины.

[4] *...может быть и мякина.* – Имеется в виду поговорка «Старого воробья на мякине не проведешь»; мякина – отходы при обмолоте зерна.

[5] *...(Америка начнет мирную конференцию).* – Возможно, речь идет о готовившейся конференции в Касабланке (Сев. Африка, 14–24 января), где Рузвельт выступил с заявлением о продолжении войны вплоть до безоговорочной капитуляции Германии. Сталин отказался принять участие в конференции, т. к. была в разгаре Сталинградская битва.

[6] *Князь Трубецкой <...> играл на виолончели.* – Владимир Сергеевич Трубецкой в 1923 г. переехал в Сергиев Посад из Богородицка, где у дальнего родственника графа Бобринского оказалась в 20-е годы его семья. В 1926 г. в Сергиевом Посаде поселился Пришвин, они познакомились и подружились. В дневнике появляются записи о князе и его семье, а в фотоархиве писателя замечательные снимки Владимира Сергеевича и его жены Елизаветы Владимировны (урожд. Голицыной). В повести «Журавлиная родина» (1929) под именем музыканта Т. Пришвин вывел Трубецкого, который подрабатывал тапером в кинотеатре и игрой в ресторане вечерами. В эти же годы Трубецкой под псевдонимом В. Ветов печатал в журнале «Всемирный следопыт» свои очерки и рассказы. В 1934 г. Владимир Сергеевич и его старшая дочь Варвара были арестованы и на 5 лет высланы в Среднюю Азию (Андижан). Семья уехала из Сергиева Посада (к тому времени Загорска) к месту их ссылки. В 1937 г. Владимир Сергеевич был вновь арестован и расстрелян.

[7] *...“Не искушай”...* – имеется в виду романс М. И. Глинки «Не искушай...» (1825), написанный на слова Е. Баратынского «Разуверение» (1821).

[8] *...зарабатывал в журнале «Вокруг света».* – «Вокруг света» – приложение к журналу «Всемирный следопыт» (1925–1932), который издавался негосударственным издательством «Земля и фабрика»; в журнале и в приложении печатались А. Беляев, В. Ветов, А. Платонов, В. Ян и др. Публикации прекратились в связи с закрытием журнала.

[9] *...иллюстрировать детский рассказ о белке своими снимками...* – интерес к фотографии впервые возник у Пришвина во время путешествия на Север в 1906 г., и свою изданную после поездки первую книгу «В краю непуганых птиц» (1907) он иллюстрировал и собственными фотографиями. Впоследствии Пришвин вспоминал, как издатель, рассматривая эти фотографии, спросил, не живопись ли его основное занятие. Тогда у него в руках оказался фотоаппарат случайного попутчика. Только в 1924 г. Пришвин, наконец, приобрел фотоаппарат, освоил его, и с этих пор фотография – феномен культуры XX в. – постоянно сопутствовала его художественному творчеству («2 Сентября 1930. До того я увлекся охотой с камерой, что сплю и все жду, поскорей бы опять светозарное утро»). Писателю будто недостаточно словесного образа, он стремится к полноте, восполняя недосказанное зрительным образом, и неустанно фотографирует: «Б/д. К моему несовершенному словесному искусству я прибавлю фотографическое изобретательство» (РГАЛИ). Увлечение фотографией стало для него способом изучения нового языка – языка зрительного образа, открыло новые возможности выражения – фотография оказалась в одном ряду с записной книжкой и дневником. Он мечтает о том, что сможет издавать книги, как когда-то первую, со своими фотографиями. Введение фотогра-

фий в текст литературных произведений Пришвин объясняет творческой необходимостью. Писатель стремится использовать фотографию не только и не просто как иллюстративный материал, выстраивая параллельный тексту зрительный ряд, но встраивая снимок в самый текст («7 Декабря 1930. ...я в последнее время ввожу в свои литературные произведения фотоснимки <...> с целью создать мало-помалу художественную форму, наиболее гибкую для изображения текущего момента жизни» (Дневники. 1930–1931. С. 204, 295).

[10] *...А. Толстой со своей новой проповедью «Родины»...* – вероятно, имеется в виду очерк «Родина» (7 ноября 1941), одно из самых известных произведений писателя о войне.

[11] *От журнала «Дружные ребята» просьба...* – журнал «Дружные ребята» был создан в 1927 г. по инициативе М. И. Калинина для сельских детей (в 1933–1937 гг. выходил под названием «Колхозные ребята»). Просуществовал до 1953 г.

[12] *...Встреча наша.* – Речь идет о встрече с Валерией Дмитриевной 16 января 1940 г.

[13] *Путь Алпатова есть путь личности...* – герой автобиографического романа «Кащеева цепь» (1927).

[14] *Маша была в красоте, Дуничка в правде...* – Маша (Мария Васильевна Игнатова) и Дун*и*чка (орф. автографа, Евдокия Николаевна Игнатова), двоюродные сестры Пришвина, оказавшие в детстве огромное влияние на формирование его личности. Ср.: «Двоюродная сестра Маша прельщает неземным (Лермонтов)» (Дневники. 1918–1919. С. 519), «12 Июля 1942. Мне вспомнилась моя вековечная раздвоенность: позор обыкновенной любви и страх перед большой любовью. Еще мальчишкой в 20 лет я в этом сознался Маше, а она мне на это лукаво, как Джиоконда, улыбаясь, ответила: – А ты соедини» (РГАЛИ). Евдокия Николаевна в юности вслед за братом стала членом народовольческой организации «Черный передел», затем учительницей в деревенской школе, организованной на собственные средства – через Дунечку в раннем детстве Пришвин воспринял идеи народничества, а сама ее жизнь стала для него символом кризиса народнических идей: «Дун*и*чка была застенчивая, она всегда жила и пряталась за стенкой. Маша, напротив, жила свободно в обществе. Дун*и*чка в морали и связана была любовью к брату, а Маша любила свободно. Дун*и*чка пряталась, как бы виноватая тем, что не жила для себя и боялась жизни. Маша была правая, свободная, неземная» (Путь к Слову. С. 35). В летописи своей жизни (1918) Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Дун*и*чка учит любить человека (Некрасовым)». В 1929 г. в дарственной надписи на книге «Кащеева цепь», подаренной Е. Н. Игнатовой, Пришвин написал:

«...в первые дни моего сознания моя великая учительница Дун*и*чка внушила мне долг и любовь к природе и людям». Е. Н. Игнатова в последние годы жила и скончалась в доме для престарелых ветеранов революции в Москве, где Пришвин ее навещал (Путь к Слову. С. 8).

[15] *...газету с речью Рузвельта...* – имеется в виду речь Рузвельта на совещании глав правительств в Касабланке; слова о гибели немцев, которую можно математически рассчитать, и о том, что страны «оси» знали, что должны выиграть войну в 1942 г. или они потеряют все, связаны со Сталинградской битвой. Что касается планов военных операций союзников против Германии на 1943 г., было решено начать военные действия на Сицилии и отложить открытие 2-го фронта в Европе, на севере Франции.

[16] *...слышал от одного священника (о. Александр Устьинский)...* – речь идет о новгородском протоиерее о. Александре Устьинском, с которым Пришвин познакомился в 1911 г., когда жил в Нижнем Новгороде (Ранний дневник. С. 581–643). О. Александр – прототип главного героя в рассказе Пришвина «Отец Спиридон» (1917). Ср.: «В начале войны я посетил отца Спиридона, “как-то он теперь молится, думал я, во время войны за соединение всех людей в одну церковь?” <...> и в этот вечер я узнал, что храм св. Троицы все строился, и отец Спиридон теперь молится за виновника войны. – За Вильгельма? – спросил я. Неверно и некстати вышел мой вопрос. Нет, не за Вильгельма: отец Спиридон нашел в себе силу вынуть частицу... – За то существо, – как выразился отец Спиридон. И будучи не в силах выговорить “дьявол”, рассказал мне, как он понимает “то существо” – причину войны» (Цвет и крест. С. 322).

[17] *...и казалось мне, как у Вия...* – аллюзия на повесть Н. В. Гоголя «Вий» (1835), входит в цикл «Миргород».

[18] *...сочувствие читателя Обломову...* – главный герой романа И. А. Гончарова «Обломов» (1859).

[19] *...Вакула-кузнец на черта сел...* – персонаж повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1830–1832), входит в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки».

[20] *Левиафан.* – Уподобление абсолютной власти государства библейскому чудовищу Левиафану, сильнее которого нет ничего на свете, впервые обнаруживается в книге Т. Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). У Пришвина Левиафан – устойчивая метафора государственной власти. Ср.: «26 Мая 1937. На государство надо смотреть <...> как на необходимость, и если даже от поезда надо посторониться, чтобы он тебя не задавил, то от Левиафана надо почтительно посторониться с вежливым поклоном», «17 Июня 1937.

Коммунист есть непременно Левиафан, государственное животное на всех четырех ногах. И он смотрит на всех с точки зрения этого животного и часто в высшей степени расположен, готов сделать добро, готов быть щедрым, милостивым. Долг гражданской чести каждого двуногого должен состоять в том, чтобы показать четвероногому возможность неподкупного, независимого ни от каких его благ личного существования <...> мало-помалу этим путем «не от мира сего» двуногие рано или поздно войдут в силу. Весь вопрос только в сроках и через сколько барьеров должны еще перескочить четвероногие и двуногие, составляющие СССР», «18 Июня 1937. ...через революционеров, пусть это сам Ленин, все это "само делается" и в этом нет "Я". Смутно я это чувствовал, когда взялся за перо, я на упреки совести отвечал сам себе: то все, рабочее движение, остается и совершится, как я думал об этом, но все это само сделается, а мне нужно "Я" <...> когда <...> возвращаешься к этому «само делается», то понимаешь потерю понимания всего личного в наше время, понимаешь людей вроде С[талина], Левиафана на четырех ногах» (Дневники. 1936–1937. С. 592, 636, 640).

[21] *...внушенного мне в детстве «страха Божия»...* – речь идет о няне Евдокии Андриановне. В воспоминаниях Пришвина традиционный в русской литературе образ няни, рассказывающей ребенку сказки и поющей народные песни, вытесняется и переосмысляется. Евдокия Андриановна своим глубоким непостижимым народным чутьем понимающая трагичность и неизбежность наступающего времени и не скрывающая этого понимания от ребенка, воспитывала в мальчике готовность к будущему. Ср.: «...чувство конца света воспринято от русской старухи, когда, указывая мальчику на хвост кометы, она говорила ему: "Вот начинается, скоро загорится земля"» (Ранний дневник. С. 301).

[22] ...(«*мы научим кухарку управлять государством*»). – Ср.: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством <...> Но <...> требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (*Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? // Собр. соч.: в 74 т. Т. 34. С. 315).

[23] *...в Троянской войне у Гомера...* – имеется в виду эпическая древнегреческая поэма Гомера «Илиада» (русск. пер. Н. И. Гнедича).

[24] *...нет бо власти, аще не от Бога.* – Рим. 13: 1, 2.

[25] *...Ляля рассказывала мне об Олеге...* – далее записан рассказ В. Д.: «Олег: отец его – Поль, француз, композитор, мать – польского рода,

пианистка и певица, отчим – художник. Когда родился, такие глаза, что "страшно смотреть" (мать говорила). Семья – богема, неверующие. Глаза – мысль. От мысли пришел к вере, а не от церкви. Реальное училище. Голодное время: чтобы не утруждать собою семью, ушел к толстовцам. Изготовление мистики. От толстовцев к теософии, и там попал на путь классической философии (Лейбниц) и отсюда к православию, к старцам. Поиски старца. Москва. Зубакин. Зубакин отклонил и послал к Валерии. Жили в подвале турецкого консульства. Не было ее дома. Сказали, что Олег придет в церковь. В церкви сразу узнала, спросила: «Вы Олег?» Она отвела его к о. Роману и подготовила к таинству. Записать четко по годам поездки Ляли на Кавказ к Олегу и перипетии Лялиной жизни в Москве. Выяснить чувства Олега к ней, как к Прекрасной даме его творчества (не скрывается ли в его любви Ляля, как пружина его творчества?). А она не хочет быть "пружиной" – она царица и ее влечет "темная сила". (Искуситель-конденсатор чувства пола – собиратель многолетний – домогатель сладострастный Александр Васильевич – как его отшлепала жизнь!) В конце концов Олег понял свое заблуждение и сошелся бы с Лялей не как монах, а как агроном, но смерть... Каждый раз, как Ляля рассказывает мне эту историю, я нахожу в ней новый смысл. Сейчас мне больше, чем раньше, понятно ее отступничество от Олега и от Алекс. Вас. и раздражение на старцев, на гностиков: все, потому что она узнала (видела) Христову правду: ей это дано, как мне дан талант <...> Вчера в который раз Ляля рассказала мне о своих романах с Олегом и мужем, монахом-романтиком и поповичем. И я впервые ясно понял необходимость ее брака после гнушения браком с Олегом и необходимость всякого рода опытов, чтобы выйти из брака. Она в этом руководствовалась тем светом, который видится как выход в темной душе простака».

[26] *...вспоминая бедного Евгения...* – аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

[27] *...если иметь в виду разрушение материи.* – Ср.: «Любой предмет реальности в нашем мире изменяется во времени в сторону увеличения энтропии, а текст ее исчерпывает, следовательно, можно считать, что сам текст движется во времени в противоположном направлении, в направлении уменьшения энтропии и накопления информации. Таким образом, текст – это «реальность» в обратном временн*о*м движении <...> Человек семиотического поведения, то есть такой человек, который строит свою жизнь как сообщение, как текст (Пришвин без сомнения вписывается в такую парадигму. – *Я. Г.*) («5 Февраля. Обратный счет лет. <...> Я не только верю в такого рода обратное движение к детству, но это знаю <...> смущает меня только одно <...> что я мало и недостаточно страстно работаю над этим обратным движением»), воспринимает свою будущую смерть не как конечное состояние, не как следствие причинного процесса, не как окончательное увеличение энтропии, <...> но как

цель, окончательное исчерпание энтропии <...> Смерть для него в этом случае представляет собой скорее рождение». См. в: *Милн А.* Winnie Пух. Дом в медвежьем углу / аналитические ст. и коммент. В. П. Руднева. М.: Гнозис, 2010. С. 5–13.

[28] *«Милости хочу, а не жертвы»...* – Мф. 12: 7.

[29] *...«родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу».* – Слова молитвы перед началом учебного года.

[30] *...почему не может наша грязь победить?* – Ср.: «18 Ноября 1941. – Рассудите, – говорил он, – на одной стороне разум, сила, культура, на другой сплошное безобразие. – Вот именно безобразие-то и победить может, – ответил я, – мы их победим своим безобразием»; «17 Декабря 1941. <...> именно вот дрянью-то своей мы и победим немца. Я это изнутри чувствую вопреки смыслу» (Дневники. 1940–1941. С. 731).

[31] *...причина заключается в царе.* – Детские воспоминания Пришвина сохранили домашние разговоры кузины народоволки Дунечки (Е. Н. Игнатовой) с матерью Марией Ивановной. Эти разговоры то и дело всплывают в дневнике разных лет, звучат в автобиографическом романе «Кащеева цепь». Ср.: «Курымушка мало-помалу складывает себе историю <...> про Дунечку <...> В большом купеческом доме на маминой родине у одного из ее братьев был мальчик по прозвищу Га-ри-баль-ди. Когда он стал довольно большим, то поднял в этом доме восстание, и с ним ушла его сестра Дунечка. Куда они делись, нельзя было узнать; мать говорила: "Все покрыто мраком неизвестности". Мать признавалась, что сама в этом плохо понимает, – почему-то они ненавидят царя, такого хорошего, освободителя крестьян <...> – У них про-грам-ма: жить без царя. – А потом? – Я не знаю, но у них потом выходит как-то очень хорошо, я сама не понимаю, как люди вдруг переделаются, если не будет царя <...> Прежний голос поет: "Не с росой ли ты спустилась. / Не во сне ли вижу я? / Знать, горячая молитва / Долетела до царя". Дунечке это не нравится, она не любит царя: "Какое старье ты поешь!" И читает: "Добрый папаша! К чему в обаянии / Умного Ваню держать, / Вы мне позвольте при лунном сиянии / Правду ему показать". – Какую же правду? – Правду какую? Вот: "В мире есть царь, этот царь беспощаден..."»; «Совершенно один был в старом доме Курымушка, и вдруг слышит голос: "Царя убили!" Какие голоса, кто это крикнул, только явственно слышал: "Убили царя". Курымушка, услыхав, подумал сразу о Дунечке: "Теперь Дунечке хорошо будет". Но за криком и плач начался, шум, топот: это няня с Настей бежали по лестнице. И Курымушке стало жутко отчего-то. – Да вот убили царя-батюшку, – всхлипывает няня. – Чего ты плачешь, няня? – спросил Курымушка. – Что будет от этого? – Как что! Теперь мужики пойдут на господ с топорами» (Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 36–37, 63). Убийство царя Александра II народовольцами в 1881 г., когда Пришвину было 8 лет, он сам считал на-

чалом своей сознательной жизни и одним из прафеноменов собственной личности.

[32] *...весна света разгорается с каждым днем.* – В начале одной из дневниковых тетрадей 1918 г. находится летопись жизни, которую впервые составляет Пришвин. В ней есть пометка: «1885. Второй класс <...> Счет годов с весны» (Дневники. 1918–1919. С. 365). У Пришвина есть рассказ под названием «Весна света» (1938), который включается во все сборники рассказов писателя (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 567–570). В конце жизни в дневнике появляются такие записи: «2 Марта 1951. В Москве уже лет тридцать и больше я наблюдаю чудесное время, названное мною весной света, когда первый воробей запоет по-своему в стенной печурке, желоб высунет из себя ледяной язык, и с него закапает, и поперек тротуара побежит первый маленький ручей <...> Лет пятьдесят я уже веду пропаганду весны света», «30 Декабря 1953. Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям "весну света"» (Собр. соч. 1956–1957. Т. 6. С. 372–373, 794).

[33] *...завтра отправлю рассказ «Город света».* – Рассказ «Город света. (Автобиографический очерк для чтения на юбилейном вечере)» (1943) был впервые опубликован в 1955 г. (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583–587). В конце 1904 г. Пришвин переезжает в Петербург и здесь начинает свою жизнь «бродяги-писателя»: в Петербурге выходят его первые книги и газетные корреспонденции, здесь он знакомится с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и становится членом Религиозно-философского общества, знакомится и дружески общается с А. М. Ремизовым, встречается с А. Блоком, В. В. Розановым, которого знал гимназистом как преподавателя географии в Елецкой гимназии. Петербургская тема занимает значительное место в творчестве Пришвина («Я начал свою литературную жизнь в городе света... я полюбил Петербург за свободу, за право творческой мечты... этот город света... в своей трагической славе встает передо мной и поднимает меня» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583–587)). В дневнике писателя в разные годы по разным поводам возникают обращения к поэме Пушкина «Медный всадник», к мифу о Петре, «униженным и оскорбленным» Достоевского, оппозиция «Петербург–Москва» («Я не люблю Москву за ее довольство собой, за сладостную приятность дыма отечества, за самоудовлетворенность»), «Петербург – коренная Россия», «Петербург–Ленинград», мотивы большого города и «маленького человека» в нем, а также неуловимый дух города («Есть у нас в стране города, где мне приятно было бы жить, хорошие, милые города, в числе их, как всякому русскому, родная Москва. Но прекрасным городом в нашей стране остается мне один Ленинград: я не по крови люблю его, а за то, что в нем только я почувствовал в себе человека») (ср.: «петербургский текст», термин В. Н. Топорова). Петербургская тема развивается не только в Дневнике, но и в очерках и художественных произведениях писателя начиная от перво-

го, утраченного рассказа «Домик в тумане» (1905), рассказа «Голубое знамя» (1918), романа «Кащеева цепь» до рассказа «Город света» (1943). Ср.: Ранний дневник. С. 175–316.

[34] *...когда там на фронте побыл сам и к делу смерти привык...* – во время Первой мировой войны Пришвин совершил две поездки на фронт в Галицию с 24 сентября по 18 октября 1914 г. и с 15 февраля по 15 марта 1915 г. Военные очерки Пришвина публиковались в газетах «Русские ведомости», «Речь», «Биржевые ведомости». Военные очерки см.: Цвет и крест. С. 466–487; В Августовских лесах // Собр. соч. 1982–1986. Т. 2. С. 602–608; а также см.: Дневники. 1914–1917. С. 95–124, 242–260.

[35] *...поминая милых умерших, радовался в сердце, что сам остался в живых...* – аллюзия на эпическую поэму Гомера «Одиссея» (русск. пер. В. А. Жуковского).

[36] *...и в любви к ближнему и в любви к дальнему...* – ср.: «Разве я советую вам любовь к ближнему? Скорее я советую вам бежать от ближнего и любить дальнего! Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему; выше еще, чем любовь к человеку, ставлю я любовь к вещам и призракам. Братья мои, не любовь к ближнему советую я вам – я советую вам любовь к дальнему» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. URL: http://www.gumfak.ru/filos_html/zaratustra/zarat17.shtml). Пришвин переносит акцент с предмета любви («ближний» или «дальний») на сам источник любви – личность человека (в данном случае, Толстого), одинаково ответственную как за любовь к ближнему, так и за любовь к дальнему.

[37] *...рассказ <...> «Гаечки»...* – один из ранних рассказов Пришвина «Гаечки» (1926).

[38] *В первой любви своей я как будто выпрыгнул из себя...* – речь идет о «парижском» романе с Варей Измалковой в 1902 г.

[39] *...ставит свою «Крейцерову сонату».* – Имеется в виду повесть Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» (1899), напечатанная в 1891 г. после ряда цензурных запретов и вызвавшая широкий общественный резонанс и бурную полемику в русском обществе. Ср.: «Ну, а если есть цель жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигнется цель. <...> Цель человечества – благо, добро, любовь <...> Мешают страсти. Из них самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти <...>, то <...> цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить. <...> Род человеческий прекратится? Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом? Ведь это так же несомненно, как смерть. Ведь по всем учениям цер-

ковным придет конец мира, и по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странного, что по учению нравственному выходит то же самое?» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. М., 1982. Т. 12. С. 146–147).

[40] *...первенство на чечевичную похлебку...* – Быт. 25: 32–34. Этот библейский сюжет лежит в основе одной из стратегий Пришвина в 1930-е гг. Ср.: «15 Мая 1932. Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, чтобы не сорваться и не отдать первенство за чечевичную похлебку» (Дневники. 1932–1935. С. 131).

[41] *...«падающего толкни»! (Ницше)...* – ср.: «Все половинчатое портит целое. Что листья блекнут, – на что тут жаловаться! Оставь их лететь и падать, о Заратустра, и не жалуйся! (http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt_with-big-pictures.ht).

[42] *...до послания Сергия к богоизбранному вождю.* – Имеется в виду известная поздравительная телеграмма митрополита Сергия Страгородского Сталину от 9 ноября 1942 г., опубликованная в «Правде»: «Я приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя, который ведет нас к победе, процветанию в мире и светлому будущему народов».

[43] *...утром «золото в лазури» (вот и Белый вспомнился...* – аллюзия на сборник стихов А. Белого «Золото в лазури» (1904). С Белым Пришвин познакомился в 1908 г. в Петербурге у Мережковских, а в послереволюционные годы известно об их встрече на семинаре молодых литераторов в Москве, благодаря воспоминаниям участника встречи С. А. Бондарина, а также о встрече в 1932 г. на Пленуме Оргбюро будущего Союза писателей. Ср: Личное дело. С. 137–143.

[44] «*Отвергнись от мира...* – Мф. 25: 21.

[45] *...не девочка с большими глазами, а сама душа ее...* – ср.: «4 Декабря 1941. Чтение Нагорной проповеди у Святого озера поселяет в Алпатове образ его "Прекрасной дамы". Та женщина, которую он ждет, о которой мечтает, которую вызывает, для которой пишет, приобретает черты девушки у Святого озера. Автор же подхватывает эту мечту и показывает читателю, что всякая мечта существует и ее можно даже и показать читателю». Запись возникает под влиянием рассказа Валерии Дмитриевны о ее поездке с отцом к Светлому озеру, где она читала Евангелие старушкам-паломницам – год поездки точно вспомнить она не могла. Пришвин был на Светлом озере в 1908 г.

[46] *...делающий белевскую пастилу...* – Мать Пришвина Мария Ивановна Пришвина, урожденная Игнатова, происходила из староверческого рода купцов-мукомолов г. Белева.

[47] *Читал статью Федина о Красной Армии...* – вероятно, имеется в виду цикл статей К. Федина «Письма русского» (1943), написанных после Сталинградской битвы.

[48] *Читал в «Известиях» Н. Тихонова ругательную статью на Гитлера.* – Возможно, имеется в виду один из очерков из книги «Ленинград принимает бой» (1942).

[49] *...прежние Серапионовы братья...* – «Серапионовы братья» — объединение писателей (прозаиков, поэтов и критиков), возникшее в Петрограде 1 февраля 1921 г. Название заимствовано из цикла новелл немецкого романтика Э. Т. А. Гофмана «Серапионовы братья». В группу входили Вс. Иванов, М. Слонимский, М. Зощенко, В. Каверин, Н. Никитин, К. Федин и др.

[50] *...убийство процентщицы или карамазовский договор до Смердяковым...* – аллюзия на романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) и «Братья Карамазовы» (1880).

[51] *...лев ляжет рядом с ягненком...* – Ис. 11: 6.

[52] *...Мефистофель, Люцифер и т. п. существа, будучи злыми, творят добро...* – подобная точка зрения, хотя она часто оспаривается, имеет под собой теологическое основание. Ср.: «Сатана противостоит Богу не на равных основаниях, не как божество или антибожество зла, но как падшее творение Бога и мятежный подданный его державы, который только и может, что обращать против Бога силу, полученную от Него же, и против собственной воли в конечном счете содействовать выполнению божьего замысла — “творить добро, всему желая зла”, как говорит Мефистофель в “Фаусте” И. В. Гёте (перевод Б. Пастернака). Поэтому противник Сатаны на его уровне бытия – не Бог, а архангел Михаил, предводитель добрых ангелов и заступник верующих в священной войне с Сатаной» (*Аверинцев С. С.* Сатана. URL: http://ec-dejavu.ru/d/Devil.html). Ср. также: «Ты кто? – Часть силы той, что без числа / Творит добро, всему желая зла» (*Гете И. В.* Фауст. URL: http://www.velib.com/book.php?avtor=g_440_1&book=131_52_9).

[53] *...в эпиграфе: «Да умирится же с тобой».* – Аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833). В процессе работы над романом «Осударева дорога» о строительстве Беломоро-Балтийского канала сменилось три эпиграфа: «Да умирится же с тобой...», «Ужо тебе, строитель!» и последний, библейский, на котором Пришвин остановился и который завещал дать к роману: «Аще сниду во ад, и Ты там еси»; также сменилось несколько названий: «Быль», «Былина», «Падун», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Новые берега» и, наконец, «Осударева дорога». В течение всех последующих лет

до самого конца жизни писатель будет разрабатывать в своем многострадальном романе одну тему: «хочется и надо», «личность и власть», «Евгений и Медный всадник»; связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций становится все более и более очевидной: «Медный всадник» А. С. Пушкина, «Фауст» Гете, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте. Роман был опубликован после кончины Пришвина в 1957 г.

[54] *...особенно близко бы мне у Дефо.* – Ср.: «8 Ноября 1930. Один из главных рассказов представляет нам 7-летнего деревенского мальчика, заблудившегося в огромном лесу, его переживание, его спасение. Как и в “Робинзоне” у Дефо здесь взят в основу тоже факт, но разработан с чрезвычайным реализмом вплоть до фотографии, до краеведения без погашения чисто худож. значения рассказа» (Дневники. 1930–1931. С. 275).

[55] *...наши отдали обратно немцам Лозовую, Краматорскую...* – видимо, речь идет о февральской наступательной операции советских танковых войск, в результате которой в числе других городов был освобожден Краматорск. Однако ко 2 марта к западу от Лозовой советские войска оказались в окружении, из которого вышли 3 марта с большими потерями техники.

[56] *...союзники сидят и ничего не делают под Тунисом...* – на самом деле союзники провели несколько успешных сражений (Тунисская кампания ноябрь 1942 – май 1943); 21 марта 1943 г. началось наступление англо-американских войск, и 13 мая итало-германские войска (250 тыс. человек) капитулировали. 17 августа 1943 г. американские войска заняли Мессину и овладели Сицилией.

[57] *...я вспоминал ту фантастическую «Америку»...* – Пришвин часто по разным поводам вспоминает, как в 1885 г., будучи гимназистом Елецкой гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майн Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц» – событие это стало поворотным в его судьбе: «тигры, дикари, прерии», т. е. «Америка» Майн Рида – метафора девственной природы, которую Пришвин искал и находил в собственной стране, любил и ценил всю свою жизнь. В летописи своей жизни (1918) он отмечает: «Побег “в Америку”». Ср.: «Конечно, тут книга виновата, что-то вычитанное... Прочитав книгу, мальчики бегут в неведомую страну, взрослые мальчики из народа начинают странствовать, искать невидимый град». Ср.: О двух крайностях // Собр. соч. 1982–1986. С. 781; также: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 95–111. Ср.: «16 Мая 1932. Вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов – “индейцах”. Мы из-за них бежали в Америку» (Дневники. 1932–1935. С. 132). Ср.: «Никто и никогда не пытался создать

подобие энциклопедического словаря, где приводились бы биографии популярных личностей, начавших свою карьеру с того, что в детстве они удрали из дому. В нынешние времена Майн Рид хоть и переиздается, но особой популярностью среди молодежи его книги не пользуются. На рубеже XIX и XX столетий картина была совершенно иная, и русские гимназисты, начитавшись Майн Рида, в массовом порядке удирали "в Америку". Их ловили... с позором возвращали домой, но они все равно бредили бескрайними прериями, индейцами... и прочей подобной экзотикой» (*Евгений Манин* (Филадельфия). Убежавшие к славе // Чайка. 22 июля 2002. URL: www.chayka.org/oarticle.php?id=683 - 21k).

[58] *Прибежали в избу дети...* – строка из стихотворения А. С. Пушкина «Утопленник» (1828). В первой публикации был подзаголовок Пушкина «Простонародная сказка». Ср.: «Прибежали в избу дети / второпях зовут отца: "Тятя, тятя! наши сети / Притащили мертвеца"».

[59] *Когда встречаются двое переживших ленинградские ужасы...* – блокада Ленинграда была полностью снята в конце января 1944 г. В течение многих лет свидетельства об ужасах блокадных лет не появлялись в печати, но в народе слухи о подлинной трагедии Ленинграда распространялись из уст в уста; дневник Пришвина также сохранил свидетельство эвакуированных ленинградцев.

[60] *...«в час урочный гостя ждет».* – Аллюзия на стихотворение И. Бунина «Сапсан» (1905).

[61] *...моего <...> глупого рассказа «Филодендрон».* – Рассказ «Филодендрон» (1929).

[62] *На юге теперь началась <...> последняя фаза поединка Гитлера со Сталиным.* – По-видимому, речь идет о наступлении на Северо-Кавказском фронте, где с 23 февраля по 27 марта советские войска освободили ряд населенных пунктов на Кубани и подошли к опорному пункту противника – станице Крымской, освобождение которой произошло в апреле–мае 1943 г.

[63] *...«на воздушном океане»...* – аллюзия на поэму М. Ю. Лермонтова «Демон» (1841).

[64] *...как у Врубеля...* – ср.: «Он был похож на вечер ясный: / Ни день, ни ночь – ни мрак, ни свет» (Там же). Видимо, имеется в виду сине-лиловая палитра М. Врубеля.

[65] *...сектанты мало чем отличаются от политиков-революционеров...* – в октябре 1909 г. Пришвин становится действительным членом

Петербургского религиозно-философского общества (1907–1915), что было исключительно важно для него, в частности и потому, что писателя крайне интересовала проблема современного религиозного сознания, которая занимала существенное место в деятельности религиозно-философского общества. В Петербурге, а также во время путешествий, особенно в 1908 г. к Светлому озеру («У стен града невидимого», 1909) Пришвин столкнулся с народным религиозным поиском сектантского толка, затем в Петербурге познакомился с яркими представителями сектантских общин и увидел в этом поиске узел самых острых проблем современности. В Раннем дневнике (1905–1913) обнаруживается целый ряд записей, в которых революционные идеи, деятели, структуры уподобляются сектантским («1908–1909. История секты Легкобытова (“Начало века”) есть не что иное, как выражение скрытой мистической сущности марксизма. Тем и другим хочется, а жить нельзя (например, стыдно жить, когда кругом нищета); между тем совсем нельзя не жить, потому что не пережито, и вот это не пережитое и недоступное материально обвеивается новым, предустановленным к нему отношением, получается не земля просто, но земля обетованная, государство будущего вместо обыкновенного государства. Не пережитое и страстно желанное <...> А потом уже начинается с этим расправа (сознательное требование)» (Ранний дневник. С. 253). Ср.: *Эткинд А.* Хлыст. 20–25, 454–486.

[66] *...блаженны, иже и скоты милуют.* – Притч. 12,10.

[67] *...вера в «светлого человека»...* – ср.: «Б/д. Николай Михайлович... был человек очень хороший, но, как все хорошие люди, он не знал, что хорош, и всю жизнь свою мучился, что он не такой, как настоящие люди. Где эти настоящие люди, кто они такие – в жизни он едва ли видел, но настоящий человек был ореолом его личного существования; после, в самые тяжелые минуты своей жизни, он недоуменно меня спрашивал: если все кругом так безобразно, то откуда же пришло к нему, что есть какой-то светлый человек?» (Путь к Слову. С. 19–20).

[68] *...после чтения Достоевского «Великий инквизитор».* – Глава из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Ч. 2, кн. 5: Pro и contra. Гл. 5. Великий инквизитор).

[69] *...на Сталинград было отдано нами все...* – надо отметить, что в труднейший момент Сталинградской битвы – в октябре 1942 г., когда бои шли на улицах города, английские войска начали наступление в Египте, а 8 ноября союзники высадились в Северной Африке (операция «Торч»), успешное наступление союзников в Африке на некоторое время отвлекло внимание немецкого командования от Сталинграда. 19 ноября началось новое наступление в районе Сталинграда.

[70] *...опять в моих руках книга, в которой палачи прославляются как благодетели человечества.* – Имеется в виду сборник «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства» (под редакцией М. Горького, Л. Л. Авербаха и С. Г. Фирина, 1934). Осенью 1933 г. Пришвину передали предложение Горького написать очерк для коллективной книги о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Пришвин взялся за предложенную ему для участия в сборнике тему, совпадающую с его творческими планами (после поездки на Беломорский канал и Соловки в 1933 г. Пришвин приступил в работе над романом о строительстве канала). Однако пафос строительства получает у Пришвина в очерке, предложенном им в сборник, совершенно иное – не идеологическое – измерение; славословящий канон отсутствует («25 Августа 1933. Положа руку на сердце, говорю, что слушаюсь и всегда начинаю дело приблизительно так, как мне велят, но вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и что самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи <зачеркнуто: и является свидетельством моей личности>»), ориентиром оказывается не полезность сооружения («25 Августа 1933. Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист. странах, и тогда эта плотина ничего не представляет особенного»), а сопровождающее сооружение столкновение идей, не «перековка» («1 Сентября 1933. ...нельзя понимать “перековку” в глубоко моральном смысле») и не пафос построения социализма, а труд сам по себе и присущее человеку в любой ситуации желание участвовать в общем деле – работать («25 Августа 1933. Пришли люди и трудились: не хотели, а надо. Через 500 лет стало свободно, а жили тут, потому что тут человек был покорен, и родина тащила. Такая природа всякой родины. Вот и канал...» (Дневники. 1932–1935. С. 293–295). Текст, подготовленный Пришвиным для сборника, был отвергнут. Очерки «Отцы и дети. (Онего-Беломорский канал)» были опубликованы в журнале «Красная новь» (№ 1, 1934). Горький в письме к Пришвину от 28 апреля 1934 г. пишет: «История с рукописью для “ББ канала” – не ясна для меня и очень длинна, поговорим о ней при свидании» (ЛН. Т. 70. С. 361). Ср.: «4–5–6 Июня 1934. 5-го колебался, идти или не идти на очерковый съезд. Пошел и вдруг увидел, что там все за меня: Ставский, Агапов, Шкловский и др. Третье лицо Шкловского: такой-то человек и вдруг прославляет меня за очерк, не напеч[атанный] в “Канале”» (Дневники. 1932–1935. С. 415).

[71] *История чемреков в точности совпадает с историей нашего коммунизма...* – см. коммент. 65.

[72] *«Верую, Господи, помоги моему неверию».* – Мк. 9: 24.

[73] *...мальчик и девочка и справляются.* – Будущие герои сказки-были «Кладовая солнца» (1945), первое издание которой вышло под названием «Брат и сестра».

[74] *...божественный глагол до уха чуткого коснется...* – строка из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

[75] *Моцарт и Сальери.* – Далее приписка: «Прочитал ей Моцарта и Сальери. Ей понравилось, она мне напомнила: И говорит Им: чашу мою будете пить и крещеньем, которым Я крещусь, будете креститься. Но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим».

[76] *Да воскреснет Бог и расточатся врази его!* – Пс. 67: 1; 2.

[77] *+ Илья Валуйский, + Колпенские. + Семен Маслов и еще живы: Пришвин, Коноплянцев, Семашко.* – Елецкие знакомые Пришвина. Илья Валуйский и Семен Маслов, Коноплянцев и Семашко – друзья с гимназических лет.

[78] *...начал писать и для детей («Родник»).* – Первый рассказ Пришвина «Сашок» появился в 1906 г. в журнале «Родник»; впоследствии варианты рассказа под названием «Гусек» вошли в автобиографический роман «Кащеева цепь».

[79] *...в идее Иван Карамазов, в практике Смердяков. Ставрогин – Верховенский.* – Герои романов Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880) и «Бесы» (1873).

[80] *Сирин и Алконост.* – В русских легендах мифические птицы-сестры с ликами дев, Сирин поет в раю вечную песню радости, Алконост – вечную песню печали.

[81] *Ницше <...> рекомендует мужу, идущему к жене, не забыть плетки.* – Имеются в виду слова из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1885): «Ты идешь к женщине? Не забудь плетку!». Книга «Так говорил Заратустра» хранится в последней библиотеке Пришвина в доме-музее (д. Дунино, филиал ГЛМ).

[82] *...материалы о детях в памяти.* – Имеется в виду детский дом на Ботике под Переславлем-Залесским. На первой странице новой тетради надпись: «Тех, кто прячет под подушку плюшевых зверей, / Чтобы их не обидел кто-то. / Тех, что слушают шаги у дверей, / Когда же папа вернется. (Эренбург)».

[83] *...лучше птички ничего нет на свете. (Достоевский, «Идиот»).* – Аллюзия на образ князя Мышкина (роман Ф. М. Достоевского «Идиот», 1868), слова которого о детях Пришвин выписывает, вероятно, потому что в данный момент это созвучно его, связанным с посещениями детского дома, размышлениям; кроме того, в образе князя Достоевский изобразил

человека, который остается ребенком, сохраняет детскую чистоту и доверчивость, что для Пришвина является одним из фундаментальных свойств идеальной творческой личности (http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=158931).

[84] *...вели меня в Ельце под расстрел...* – имеется в виду эпизод из биографии Пришвина во время нашествия Мамонтова и взятия Ельца во время Гражданской войны в августе 1919 г. Ср.: «Приехали подводы с десятками вооруженных киргиз, меня приняли за еврея. – Покажи крест! – Я показал паспорт. – Читать не умею, давай крест! – Ах тот крестик... Бабушка наша принесла этих крестиков множество и на всех надевала, но я отказался, и как ни уговаривали, этим способом спасаться не захотел. – Давай крест! Нету? – Нету. – Давай часы. – И взял у меня часы. Другой взял пальто. Третий навел на меня винтовку. Тогда вдруг оказалось, что умирать-то не очень и страшно, только вспомнились мне в это мгновение тетрадки мои, и вдруг откуда-то пришла ко мне необычайная смелость. – Хабар-бар! – крикнул я. Это было единственное, что я знал по-киргизски. Пьяница опустил винтовку, услыхав родное слово. – Хабар-бар, негодяй! – заорал я на него, а “хабар-бар” означало по-киргизски что-то вроде нашего “здравствуй”» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 5. С. 260). Дневник Пришвина этого периода утрачен.

[85] *...(«смертию смерть поправ»).* – Слова из Акафиста Воскресению Христову.

[86] *Ариево заушение.* – Пощечина, которую св. Николай архиепископ Мир Ликийских дал на первом Вселенском соборе (Никея) еретику Арию, отрицающему единосущность святой Троицы.

[87] *...поле, где Бог с дьяволом борется...* – аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. 1972–1990. Л.: 1976. Т. 14. С. 100).

[88] *...не огонь, а вставала заря.* – <*Примечание в копии:* (На самом деле в эту ночь пылал Ярославль после налета.)> В июне немецкие бомбардировщики бомбили Горький, Саратов и Ярославль.

[89] *...собрал в себе все лучшее в нашем роде (Игнатовых, Пришвиных)...* – ср.: «Напрасно я думаю, что мой талант происходит только через мать мою от умного, гордого в прошлом староверского рода Игнатовых, у них были злые язычки, но не было добродушного юмора <...> моя тетушка <...> в словах ее, даже просто из письма чувствую свойственный мне юмор. И через это понимаю связь мою с предками неведомого мне, умершего в детстве моем отца»; «Чувствую, что природа моя пришла от отца, а справляться с этим чувством и стать на служении поэзии – это мне дала мать» (Путь к Слову. С. 24–26).

[90] *...злобствование на писательство и даже на Гуттенберга.* – Ср.: «Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушелись “в печати”, потеряли лицо, характер» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 39). Немецкого изобретателя печатного станка Иоганна Гутенберга (Gutenberg, ок. 1399–1468) Розанов мифологизировал как «Мефистофеля-Гуттенберга», определившего своим изобретением «печатный», публичный, обезличенный характер литературы Нового времени. См. коммент. к дневниковой записи от 3 мая 1937 г. (Дневники. 1936–1937. С. 929–930). Возможно, источником розановской демонизации Гутенберга были немецкие народные легенды о Фаусте, о которых упоминал Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника»: «Доктор Фауст, по суеверному народному преданию, есть великий колдун, и по сие время бывает обыкновенно героем глупых пиэс, играемых в деревнях или в городах на площадных Театрах *странствующими* Актерами. В самом же деле, Иоанн Фауст жил как честный гражданин во Франкфурте-на-Майне, около середины пятого-надесять века; и когда Гуттенберг, Майнцкой уроженец, изобрел печатание книг, Фауст вместе с ним пользовался выгодами сего изобретения... и как простолюдины того века приписывали действию сверхъестественных сил все то, что они изъяснить не умели, то Фауст провозглашен был сообщником дьявольским, которым он слывет и поныне между чернию и в сказках...» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 17). (Комментарий А. Медведева.)

[91] *...мне надо <...> первичного чистого удивления...* – в 1928 г. Пришвин закончил повесть «Журавлиная родина» и прочитал ее в кругу писателей. Их реакция стала полной неожиданностью для писателя: он со своей новой повестью оказался чуть ли не в эпицентре культуры, даже не подозревая об этом («31 Января 1929. Замятин открыл в моем писании “обнажение приема”... Пришлось познакомиться с учением Шкловского, – очень интересно. Уж очень вышло странно: я думал, пишу авторскую исповедь, а они признали в этом форму обнажения приема по Шкловскому притом»). Прием остранения, который считается формальной школой универсальным приемом построения художественного текста, появляется в творчестве Пришвина как бы с противоположной стороны, и им осмысляется не как формальный, а как органический и наиболее ему свойственный («25 Мая 1928. Сверкая, переливалась капля росы на хвоще, а я принял это за жизнь: каплей росы в майское утро сверкала жизнь в ее возможностях, в истинном ее назначении. Мне было, будто я в своем полном разуме и чувстве вновь только что родился и, не зная, что будет завтра, всему удивился». Остранение как способность удивиться, увидеть предмет или явление «первым глазом», отбросить привычное, банальное до самых последних написанных страниц останется едва ли не основным методом художественного мышления Пришвина (Дневники. 1928–1929. С. 356, 51).

[92] *...решается в отношении к ритму жизни...* – ср.: «5 Декабря 1938. Идет человек и поет – нет в песне того, куда и зачем он идет, он идет по делу, а песня поется сама по себе. И так многие делают одно и то же, а песни у всех разные. Мне же надо, чтобы и дело и песня сошлись, как в книге Бюхера: «Работа и Ритм»: к этому счастью, мне кажется, когда-нибудь и добежит Род человека» (Дневники. 1938–1939. С. 230). Книга немецкого экономиста Карла Бюхера «Работа и ритм» (1896), с которой Пришвин познакомился, будучи студентом Лейпцигского университета, произвела на него сильное впечатление: исследуя производительный процесс и технологию труда у диких народов, Бюхер пришел к выводу, что на первых ступенях своего развития работа, музыка и поэзия были органически связаны между собой, причем доминирующим и обусловливающим элементом являлась работа.

[93] *Узнал о наступлении немцев на Курск от Орла и Белграда.* – С 5 июля по 23 августа 1943 г. продолжалась Курская битва, в результате которой были освобождены и Орел и Белгород. Эта победа рассматривалась советским командованием как решающая и переломная в ходе войны с Германией.

[94] *...попалась статья о еврействе в философии Вл. Соловьева...* – ср.: «Главный интерес в современной Европе – это деньги; евреи мастера денежного дела, естественно, что они господа в современной Европе. После многовекового антагонизма христианский мир и иудейство сошлись наконец в одном общем интересе, в одной общей страсти к деньгам. Но и тут между ними оказалось важное различие в пользу иудейства и, к стыду мнимохристианской Европы, различие, в силу которого деньги освобождают и возвеличивают иудеев, а нас связывают и унижают. Дело в том, что евреи привязаны к деньгам вовсе не ради одной их материальной пользы, а потому, что находят в них ныне главное орудие для торжества и славы Израиля, т. е. по их воззрению, для торжества дела Божия на земле. Ведь кроме страсти к деньгам у евреев есть и другая еще особенность: крепкое единство всех их во имя общей веры и общего закона. Только благодаря этому и деньги идут им впрок: когда богатеет и возвеличивается какой-нибудь иудей — богатеет и возвеличивается все иудейство, весь дом Израилев. Между тем просвещенная Европа возлюбила деньги не как средство для какой-нибудь *общей* высокой цели, а единственно ради тех материальных благ, которые доставляются деньгами каждому их обладателю *в отдельности*. И вот мы видим, что просвещенная Европа *служит* деньгам, тогда как иудейство *заставляет служить себе* и деньги, и преданную деньгам Европу» (*Соловьев В. С.* Еврейство и христианский вопрос. (1884). URL: http://www.vehi.net/soloviev/solovevr.html).

[95] *...к мудрецу <...> приезжает царица Савская...* – 3 Цар. 10: 13.

[96] *...в Сицилии, наконец-то открылся второй фронт.* – Сицилийская военно-десантная операция, или операция «Хаски», началась ночью 9 июля и окончилась 17 августа 1943 г.; стратегически операция достигла поставленных союзниками целей: сухопутные, военно-воздушные и военно-морские войска стран оси были выбиты с острова, средиземноморские морские пути были открыты. Ср.: «29 Августа 1943. В газетах о войне союзников демонстративно даются самые скудные сведения на последней странице петитом, по радио часто совсем ничего не говорят».

[97] *Читал у Розанова о двух состояниях: человека побитого и того, кому побить хочется. Мы, русские, по Розанову, живем и думаем как побитые, и только «нигилизм» не входит сюда.* – В «Уединенном» (1912) Розанов выделял «с основания мира» «две философии» – «философию человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть» и «философию выпоротого человека»: «Наша русская вся – философия выпоротого человека. Но от Манфреда до Ницше западная страдает Соллогубовским зудом: “Кого бы мне посечь?” <...> Толстой всю жизнь положил за “Максима Максимовича” (Ник. Ростов, артиллерист Тушин, Пл. Каратаев, философия Пьера Безухова, – перешедшая в философию самого Толстого). “Непротивление злу” не есть ни христианство, ни буддизм: но это действительно есть *русская стихия* – “беспорывная природа” Восточно-Европейской равнины» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 76–77). Исключением из этой русской пассивности, ее подтверждающим, для Розанова были нигилисты: «Единственные русские бунтовщики – “нигилисты”: и вот тут чрезвычайно любопытно, чем же это кончится; т. е. чем кончится единственный русский *бунт*. Но это в высшей степени объясняет силу, и значительность, и устойчивость, и упорство нигилизма. “Надо же где-нибудь, – хоть где-нибудь надо, – побунтовать”: и для 80-миллионного народа, конечно, – “это надо”. Косточки устали все только “терпеть”» (Там же. С. 77). Розанов считал, что «венцом революции, если она удастся, будет великое volo: – Уснуть. Самоубийства – эра самоубийств...» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 196). (Комментарий А. Медведева.)

[98] *...смысл слепой Голгофы тех страдальцев.* – В статье «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы)» (1918) Розанов раскрыл в сознании революционно-демократической интеллигенции XIX в., жертвующей собой ради народа, христианские интенции «голгофского» страдания. Однако, по Розанову, это нецерковное, гуманизированное христианство («без упоминания имени Христова»), которым обосновывался социализм, являясь ложным, «предательским» («мнил себя *святым,* “жертвою”, *замученным* и *праведником...*»), «привело именно к тому, что все “провалилось, погибло”» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: О писательстве и писателях. М., 1995. С. 667, 669–670). (Комментарий А. Медведева.)

[99] *...уходя в себя, в свое «уединенное», в свое «Хочется», теряли связь с этим русским* <u>долгом</u>*...* – В «Уединенном» (1912) Розанов писал о соотношении в своей жизни «долга» и свободы («хочется»): «идея “долга” только и начала приходить под старость. Раньше я всегда жил “по мотиву”, т. е. по аппетиту, по вкусу, по “что хочется” и “что нравится”. Даже и представить себе не могу такого “беззаконника”, как я сам. Идея “закона” как “долга” никогда даже на ум мне не приходила. “Только читал в словарях, на букву “*Д*”. Но не знал, что это, и никогда не интересовался. “Долг выдумали жестокие люди, чтобы притеснить слабых. И только дурак ему повинуется”. Так приблизительно... Только всегда была у меня *жалость.* Но это тоже “аппетит” мой; и была благодарность, – как мой *вкус*» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. С. 97). (Комментарий А. Медведева.)

[100] *...серенькие люди («бесы»).* – Герои антинигилистического романа-памфлета Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871–1872). (Комментарий А. Медведева.)

[101] *...«все, все, что смертию грозит»...* – строка из пьесы А. С. Пушкина «Пир во время чумы» (1830, цикл «Маленькие трагедии»).

[102] *...в тайной мечте своей уйти к Дальнему.* – Ниже вклеен машинописный текст, вариант записи: «<*Зачеркнуто:* <u>Проститутка</u>.> <*приписка:* <u>Грешница</u>.> <*зачеркнуто:* <u>Блудница</u>.> Лева спал с Норкой на чердаке, и за одну эту ночь она так привязалась к нему, что утром пошла за ним, и он мог бы ее от нас совсем увести... И каждый так, полаская ее, может от нас увести, потому что она <*зачеркнуто:* проститутка> в душе своей <*зачеркнуто:* и значит> принадлежит всем и каждому. С Лялей у нас об этом бывает спор. – Что это за собака, – говорит она, – если может забыть любовь к хозяину и во всякое время перейти к другому? – Если она переходит к другому, – отвечаю я, – то, значит, не она плоха, а, может быть, хозяин ее плохо любит, ведь она прежде всего любит <u>всех</u>, любит всего человека и любовь свою отдает сообразно силе [любви] каждого. А разве не такая Кармен и всякая достойная <*зачеркнуто*: проститутка> «грешница»? И я сам, как художник, тоже люблю прежде каждого именно Всего человека, который идет за нашей спиной и отражается в природе. Такие и все мы в любви нашей к Дальнему, и ты, ближний, брось первый свой камень в <*зачеркнуто*: проститутку> “грешницу”, если ты не грешен тоже в тайной мечте своей уйти к Дальнему. – А кто этот Дальний? – спросила она. – Я говорил, кто стоит за нашей спиной и впереди нас вдали отражается в воде, или в облаках, или, бывает, в лесу на закате в косом солнечном луче в глубине у последнего освещенного дерева стоит он, Дальний, в своем отражении и манит тебя. И ты идешь, а тебя ближние за это, за любовь ко всему человеку хотят побить камнями. Кто не грешен, брось камень. – Вот уж я-то не бросила бы: я сама такая. Но к чему это все, ведь мы же говорим о собаке. – Да, мы начали

о собаке, но Дальний стоял у нас за спиной и тоже смотрел туда, и мы в собаке увидели “грешную” женщину».

[103] *Когда волнуется желтеющая нива.* – Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837).

[104] *Что же ты, моя старушка, приуныла у окна?* – Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер» (1825).

[105] *...похоже на старинную игрушку «Американский житель»...* – игрушка, представляющая собой запаянную стеклянную трубочку с жидкостью, в которой «скачет» плавающая фигурка. Ср.: «Из всех петербургских весен та весна 16-го года представляется мне самой типической, когда вспоминаю такие образы, как: <...> пеструю от конфетти ярмарочную слякоть Конно-Гвардейского Бульвара на вербной неделе <...> деревянные игрушки <...> картезианских чертиков, называемых “американскими жителями”, – крохотных бесенят из стекла, поднимающихся и опускающихся в стеклянных трубках, наполненных розоватым или сиреневым спиртом, вроде как настоящие американцы <...> в лифтовых шахтах прозрачных небоскребов» (*Набоков В.* Память, говори: К вопросу об автобиографии. URL: http://www.tovievich.ru/news/10.11.2008/0018.htm).

[106] *...узнали о долгожданной революции в Италии.* – После захвата англо-американскими войсками Сицилии в Италии произошел государственный переворот, устранивший Муссолини от власти; новое правительство заключило договор о перемирии с командованием англо-американских войск.

[107] *...немцам не удалось сделаться гуннами...* – в фашистской Германии был восстановлен культ бога войны и победы Одина (Водана), почитаемый гуннами; он провозглашался олицетворением чистоты арийской крови и воплощением арийского духа (http://www.edic.ru/myth/art_myth/art_4064.html).

[108] *...«вот мельница, она уж развалилась».* – Строка из неоконченной драмы А. С. Пушкина «Русалка» (1826–1831).

[109] *...Бог любит всех, но каждого больше?* – Ср.: «“Однажды К[алерия] (Валерия. – *Ред.*) написала мне: Бог любит не всех одинаково, но каждого больше. Это – откровение о тайне личности”. Читая в 1940 году это письмо Олега, Пришвин записывает: “Бог любит не всех одинаково, но каждого больше (Слова Валерии). Вот чудесно-то!” Сквозь эту мысль, высказанную когда-то по вдохновению, писатель с этих пор будет рассматривать действительность, в разные годы по разным поводам возвращаясь к ней в дневнике: “Существует и должна существовать для каждого тайна тайн,

которую он открывать не может. Вот эта-то тайна образует из хаоса всех людей – каждого из нас, хранящего эту тайну… Но ведь Христос нас спас. Вы это чувствовали хоть раз в жизни? Если он нас спас, тогда надо верить и жить верой и любовью. И вот это состояние души остается тайной каждого, образующее его личность”; “И так все великое – в исторических лицах, например, Наполеон… есть как бы имя тому, что делается всеми. Но что же есть не все, а “я”, единственное мое “я”, какое не было на свете и не будет? Это “я?, эта личность есть не что иное, как явление Бога в каждом из нас. Бог есть любовь, Бог любит всех, но каждого больше: вот это “больше” и чувствуется нами как “я”, это и есть личность, и есть Богочеловек”» (Невидимый град. С. 301).

[110] *Читал Ценского («Печаль полей», «Валя») <…> прочитать его «Преображение»…* – по-видимому, речь идет о рассказе «Печаль полей» (1929) и об эпопее «Преображение России» (1914); «Валя» – первая часть эпопеи.

[111] *…письма Ценского и Горького к нему очень уж похоже на письма Горького ко мне…* – *Сергеев-Ценский С. Н.* Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким // Собр. соч.: в 12 т. М., 1967. Т. 4. Переписка Горького с Пришвиным (1911–1935) опубликована в: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН, 1963. С. 319–362.

[112] *…в Петербурге было неловко среди замечательных людей…* – ср.: «Разобрать когда-нибудь, почему я совсем не умею вести себя в обществе и всегда напряженно и неумело стараюсь преодолеть свою застенчивость» (Путь к Слову. С. 165).

[113] *…удалось написать замечательную книгу о детстве и бабушке.* – Имеется в виду автобиографическая повесть М. Горького «Детство» (1913), в которой главный персонаж – воспитавшая его бабушка.

[114] *…газеты от 5–7 августа (наступление на Харьков).* – 3 августа советские войска Воронежского и Степного фронтов начали наступление на Харьков, 23 августа был освобожден Харьков, и это означало победоносное завершение Курской битвы.

[115] *Что день грядущий нам готовит?* – Строка из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831).

[116] *…Гоголь, и Толстой <…> (через Черткова, о. Матвея) покидают свой художнический, личный путь…* – речь идет об издателе, редакторе, душеприказчике Л. Н. Толстого В. Г. Черткове и о духовном наставнике Н. В. Гоголя протоиерее Матфее Константиновском, чье духовное влияние на жизнь и творческую судьбу обоих писателей и

в настоящее время вызывает горячие споры и обсуждается литературоведами.

[117] *...(выстрел матроса в актера, произнесшего в стихах слово Христос).* – Пришвин часто возвращается в дневнике к случаю в одном из петербургских театров в первые революционные годы, который обсуждался в обществе. Ср.: «7 Июля 1935. Нет ни малейшего сомнения в том, что человек живет не о едином хлебе, но если <зачеркнуто: доведен человек до того, что> кто-нибудь из последних сил добывает хлеб, то как сказать ему это "не о едином хлебе"... Напротив, каждый из нас, испытавших крайнюю нужду, знает момент, когда сильное желание хлеба раскрывает его солнечную природу, в которой исчезает разделение жизни сытых людей на заботу о хлебе и еще о чем-то "высшем". <На полях: Это момент рождения всех пролет. революций. Самое ненавистное существо в это время – кто говорит, что "не о едином хлебе"... (Матрос при слове "Христос" стрельнул в актера). Слова "не о едином хлебе" относятся к сытому человеку, голодному почему-то это сказать нельзя, напротив, голодному надо сказать именно, что в хлебе единство солнца, земли и труда человека.> И вот искушение сатаны... утверждение существа, независимого от хлеба... Вот современная тема, если взять во весь рост: хлеб – это жизнь, это солнце, и ты против (об этом рассказано в Евангелии). Но что может сказать в свою защиту современный человек, положивший свое счастье в дело добывания хлеба?» (Дневники. 1932–1935. С. 745–746).

[118] *...у меня была встреча, и я этой встречей живу...* – речь идет о встрече с Варей Измалковой, первой любовью Пришвина.

[119] *(Ницше: «Бог умер», но это «умер» – стилистический вздор: Он удалился).* – Аллюзия на слова Ф. Ницше «Бог умер» (*Gott ist tot*) —в книге «Веселая наука» (1881–1882). В философии Ницше Пришвин, как и многие исследователи, видит не столько сомнение в существовании Бога, сколько трагичность положения современного человека, который «Бога убил», чему и противопоставляет сектантский перевод религиозного в бытовое и повседневное с его обыденной терминологией: «отдыхает, ушел, Его нет». Ср.: «6 Ноября 1908. У хлыстов... Бог – звук. Когда Бог работает, люди спят, и когда Бог отдыхает, люди работают. Когда говорят "Бог" – значит, Он ушел... везде говорят теперь про Бога, значит, Его нет...» (Ранний дневник. С. 183).

[120] *...она и была приглашена Литературным музеем.* – 16 января 1940 г. Валерия Дмитриевна по рекомендации пришла к Пришвину, который искал себе секретаря, которому можно было бы доверить подготовку своего архива к передаче в Литературный музей.

[121] *...тут уже не философия, а вера...* – ср. «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще непрерывно воз-

буждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна – Христос. Но тут уж не философия, а вера, а вера – это красный цвет» (Ф. М. Достоевский. URL: http://grani.agni-age.net/articles3/fmd.htm).

[122] *«Жид и Банк господин теперь всему...* – одна из последних записей в записной тетради Ф. М. Достоевского 1881 г. (http://niknas.narod.ru/dost_min.htm).

[123] *Повесть Достоевского «Белые ночи»...* – имеется в виду ранняя повесть Ф. М. Достоевского «Белые ночи» (1848).

[124] *Взятие Таганрога <...> началась пальба <...> это был салют Москвы.* – Первый салют прозвучал в Москве 5 августа 1943 г. в день освобождения городов Орла и Белгорода.

[125] *...все возьму (Германия) и все куплю (Америка).* – Аллюзия на четверостишие А. С. Пушкина «Золото и булат» (1827, перевод анонимной французской эпиграммы).

[126] *...надо взять его «Сон Обломова-внука» и мое «Гусек».* – Имеется в виду рассказ И. Бунина «Сон Обломова-внука» (1906) и глава «Гусек» из Первого звена автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь» (1927). Первый рассказ Пришвина «Сашок» (1905) посвящен этому же крестьянину-птицелову по имени Александр (Сашок) по кличке Гусек.

[127] *«Откровение помыслов»...* – ср.: Творения святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 7. Письма. № 74. Об откровении помыслов. Игнатий Брянчанинов пишет, что откровение помыслов «установлено самими Апостолами» (Иак. 5:16) и было в монашестве всеобщим (http://dearfriend.narod.ru/books/dab/).

[128] *Из «Колобка»...* – имеется в виду книга Пришвина «За волшебным колобком» (1908) (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 227).

[129] *...В час прихода и ухода. (Лонгфелло).* – Строки из поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (1855, русск. пер. И. Бунина, 1896–1903).

[130] *...от смерти патр. Тихона до соглашения Сергия.* – О событиях послереволюционной внутрицерковной жизни Пришвин узнавал из рассказов Валерии Дмитриевны и писем Олега. Это были не объективные факты, а жизнь В. Д., о которой она много позднее рассказала в своей автобиографии. Ср.: «...выступление в центральных газетах нового заместителя патриаршего местоблюстителя епископа Сергия <...> епископ Сергий провозгласил единство Церкви с советской властью, признавая эту власть народной, народом принятой и потому обязательной и для

Церкви, которая никогда не боролась с государственной властью и имела свои, чисто духовные, независимые от мирской жизни цели <...> “Несть власти, аще не от Бога”, и потому “ваши радости – наши радости и ваши печали – наши печали”. Сколько раз потом по-разному и разные люди повторяли друг другу эти слова из статьи – споря, не соглашаясь, страдая и соглашаясь, сколько раз потом я слышала их <...> Во главе Церкви с ноября 1917 года вновь, впервые после Петра Великого, находился избранный Патриарх всея Руси Тихон (Белавин) <...> Патриарх Тихон не шел на компромисс с новой властью <...> Усилия Патриарха Тихона отстоять свободу Церкви, уберечь своих детей от лишних страданий были нам неведомы, но мы догадывались о них. Мы знали, что под конец жизни Патриарх Тихон был уже под негласным домашним арестом, в котором и скончался. Один уважаемый нами человек, пробившийся к Патриарху Тихону с каким-то поручением, на вопрос: «Приходится ли вам делать уступки под давлением гражданской власти?» – услышал от старого умирающего Патриарха такой ответ: «Не под давлением, а под удавлением». Патриарх Тихон скончался в 1925 году весной. По церковным правилам Патриарх не мог быть избран без собора епископов. И потому временно вступил назначенный умирающим Патриархом местоблюститель его престола епископ Петр Крутицкий <...> Петр обнаружил себя человеком до самозабвения любящим Церковь. Что иное могло бы дать ему силы непреклонно держаться, как Тихон, не идя на соглашение с властью вплоть до безвестной и бесславной кончины? Очень скоро он был арестован и сослан в Обдорск, где в тягчайших условиях прожил сколько-то лет и там скончался <...> Патриарх Тихон оставил точный список пастырей в последовательном порядке, достойных занять его престол. С 1925 по 1927 г., т. е. за два лишь года все они покорно и мужественно вступали «по порядку» на место заместителя патриаршего местоблюстителя <...> и по очереди следовали за ним в заключение, исчезая там безвозвратно. Это были епископы: Серафим, Агафангел, Кирилл, последним по списку вступил на престол заместителем местоблюстителя епископ Сергий. И вот он-то не последовал за своими предшественниками, а выбрал другой путь и выступил в центральной гражданской печати с упоминаемым выше и дошедшим до нас на Кавказе воззванием. Все мы были далеки от церковной жизни, где она соприкасается с жизнью государства и, значит, с политикой <...> Мы своими глазами читали письмо митрополита Петра, замаранное, измятое, прошедшее множество рук, пока дошло оно до Москвы, до митрополита Сергия. Петр умолял в нем Сергия не разрывать единства, не уступать свободы совести, помнить, что Церковь жива не благополучным процветанием на земле, а кровью мучеников за Истину. Он умолял не пренебречь этой кровью и верить в ее силу. Митрополит Сергий избрал иной путь» (Невидимый град. С. 374–376).

[131] *Есть в «Краю непуганых птиц»...* – в первой книге Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907). (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 154–156).

[132] *Капитуляция Италии.* – После освобождения англо-американскими войсками Северной Африки к маю 1943 г., высадки союзных войск в июле–августе на Сицилии и бомбардировок итальянских городов, а также в результате государственного переворота и устранения Муссолини от власти, 3 сентября Италия подписала акт о капитуляции.

[133] *...по случаю взятия Бахмута – фейерверк.* – Имеется в виду г. Артемовск (до 1924 г. – Бахмут), освобожденный войсками Юго-Западного фронта в ходе Донбасской наступательной операции.

[134] *...мое поведение в 4-м классе гимназии в отношении Розанова.* – Грубость Миши Пришвина привела к исключению из гимназии по требованию Розанова. Ср.: «Постановление педагогического совета от 14 апреля 1889 года “об увольненни из Елецкой гимназии ученика IV класса Пришвина Михаила” последовало в ответ на докладную записку от “учителя Елецкой мужской гимназии Василия Розанова”. Розанов писал: “Честь имею доложить Вашему Превосходительству о следующем факте, случившемся на 5 уроке 18 марта в IV классе вверенной Вам гимназии: ученик сего класса ПРИШВИН Михаил, ответив урок по географии и получив за него неудовлетворительный балл, занял свое место за ученическим столом и обратился ко мне с угрожающими словами, смысл которых был тот, что если из-за географии он не перейдет в следующий класс, то продолжать учиться он не станет, а выйдя из гимназии, расквитается со мною. “Меня не будет, и вас не будет”, – говорил он между прочим. Затем сел, и так как тишина класса не нарушалась, то я продолжал урок, до конца которого оставалось несколько минут. Через небольшой промежуток времени он встал и попросил извинения, ссылаясь на то, что вышеупомянутые слова сказаны были им в раздражении, при котором он вообще не может себя удерживать. Я предложил ему сесть, заметив, что о поступке его будет доложено Вашему Превосходительству. Он исполнил мое желание, еще раз сказав, что, принеся извинение перед всем классом, исполнил то, что от него требовалось, и по тону слов его было видно, что он считает это извинение почти заглаживающим вину. В субботу я остаюсь после 5-го урока дежурным с арестованными учениками, между которыми был и ПРИШВИН Михаил (за 2 по географии, по желанию, ранее выраженному г. классным наставником). Передавая ему запись, в которой родители извещались об его аресте и причине оного, я спросил его, что побудило его к поступку такой важности, и, указав ему на тон извинения, спросил его, какие вообще представления он имеет о себе и других людях, с которыми ему приходится вступать в отношения. Он высказал, что вообще не считает кого бы то ни было выше себя; что же касается до самого поступка, то он сделан был для того, чтобы выдаться из учеников, показав им, что он способен сделать то, на что никто из них не решился бы. Считая самый поступок выходящим из ряда обычных явлений гимназической жизни, а объяснения, его сопровождавшие, в высшей степени значительными с

нравственно-воспитательной точки зрения, я почел своим долгом обо всем этом доложить Вашему Превосходительству, как высшему руководителю гимназической жизни и охранителю дисциплины в ней. Преподаватель В. Розанов. 20 марта 1889 г.» (Русская литература. 1986. № 2. С. 14).

[135] *...после Дании стало определенно плохо положение немцев...* – в течение 1940–1943 гг. фашистская Германия поддерживала в Дании режим «мягкой оккупации», при котором Дания оставалась формально независимым государством; в 1943 г. в Дании состоялись выборы, на которых датские фашисты потерпели полное поражение; после выборов по стране прошли забастовки и стачки и был образован Комитет освобождения Дании.

[136] *...держал в уме музыкальным действием перестроить мир.* – Ср.: «Вот почему важно понять взгляд этого художника на смысл и значение искусства. Он не хотел быть служителем одной только Музы, хотя и доводил свое служение именно ей до тончайшего подвижничества и непорочной, совершенной святости. Но этим он лишь утверждал центр, из которого как бы огненным циркулем чертил он свои теургические круги, обнимавшие последовательно все пространное царство поделившихся, но для него нераздельных искусств, и далее – всю сферу человеческого духа, и еще далее, как ему желалось и верилось, – все наше космическое окружение. Музыка для него, как для мифического Орфея, была первоначалом, движущим и строящим мир. Она должна была расцветать словом и вызывать образы – всяческой и всей красоты. Она должна была вовлекать в свой чаровательный круг природу и новым созвучием вливаться в гармонию сфер. Ибо как могла бы Мировая Душа, если она есть, – а она есть, – и живая Природа, если она жива, – а она жива, – не отозваться согласному с ее волей, созвучному ее томлениям соборному зову человечества своим многозвучным *Аминь?* ...Таково было священное безумие Скрябина, – то безумие, из которого единственно рождается все живое. Ибо все живое родится из экстаза и безумия! Такова была излучающаяся энергия этого солнечного художника, забывавшего, что он – только художник, как солнце, плавясь и истекая своею животворящею силой, – мнится, – забывает, что оно – небесное тело, а не поток текучего огня (*Иванов Вяч.* Взгляд Скрябина на искусство. URL: http://www.v-ivanov.it/brussels/vol3/01text/02papers/3_081.htm). Ср.: «Б/д. Мы живем в природе и между людьми для согласия. Возможно, мне скажут: “А для какого согласия?” Я отвечу: “Для музыкального преображения мира”» (Личное дело. С. 392).

[137] *Каким-то хозяевам, собственникам в Америке...* – подобные записи связаны с вопросом об открытии Второго фронта, дата которого была основным пунктом расхождений в отношениях между союзниками по Антигитлеровской коалиции.

[138] *Сколько на земле счастья было загублено тещами!* – Отношения Пришвина с Натальей Аркадьевной были сложными, но, надо отдать ему

должное, он пытался выйти из стереотипа отношения к ней как «к теще», правда, чаще оказываясь побежденным, реже победителем; решающую роль в этой ситуации сыграл «квартирный вопрос» – переезд в московскую квартиру тотчас снял, казалось, безысходное напряжение в их ваимоотношениях. Ср.: «Быт и Бытие для тещи нейтрализованы. Быт равен Бытию, вернее, все Бытие мира сведено к родному, кровному быту. Здесь возможна онтологическая аналогия с национализмом, почвенничеством, охранительством (если иметь в виду крайне отрицательное исполнение этого мировоззрения). Теща – как бы националист, “пламенный патриот” рода, семьи, дочери. “Малая родина” тещи – семья, дочь. Отношение к зятю соответствует воинствующей ксенофобии... Зять всегда, в большей или меньшей степени, иностранец на этой чужой родине. Напряжение усиливается еще и тем, что зять – мужчина и некая Личность, Индивидуальность, то есть нечто неудобное, нарушающее родовую сглаженность, безличность, нечто чужеродное на этой почве»; «Любовь матери к своей дочери – любовь “кровная”, родовая и потому часто абсолютно слепая, животная. Мать можно идеализировать, но именно зять становится той лакмусовой бумажкой, которая проявляет все отрицательные стороны “беззаветной” материнской любви»; «“...материнская любовь не так уж нравственно высока. Пусть каждый спросит себя: меньше ли любила бы его мать, если бы он был совсем другим, не самим собой? В этом вопросе центр тяжести нашей проблемы. На него должны ответить все те, которые в материнской любви видят доказательство нравственного величия женщины. Индивидуальность ребенка безразлична для материнской любви; для нее довольно того, что он ее ребенок, а это – безнравственно» (цит. по: *Вейнингер О.* Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики. М., 1991. С. 126). См.: *Елистратов В.* Метафизика тещи. URL: http://magazines.russ.ru/neva/2005/9/el14-pr.html

[139] *...у него было положение подростка (Достоевский)*. – Аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875).

[140] *Впечатление от Собора...* – имеется в виду Архиерейский Собор, состоявшийся по разрешению власти 8 сентября 1943 г., на котором Митрополит Сергий (Страгородский) был избран Патриархом Московским и всея Руси. 8 октября 1943 г. был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР.

[141] *...от нового школьного распорядка...* – речь идет о постановлении СНК РСФСР от 2 августа 1943 г., которое утвердило «Правила для учащихся», определяющие обязанности учащихся по отношению к школе, педагогам, родителям и устанавливающие правила поведения в школе и вне школы.

[142] *К 10 октября кончить «Соловья».* – Имеется в виду цикл рассказов, которые в разное время писатель условно называет «Мама», «Ботик»,

«Соловей», «Рассказы о прекрасной маме» и, наконец, дает последнее название «Рассказы о ленинградских детях».

[143] *...«сами-сами комиссары, сами председатели»...* – слова из частушки 1920-х гг. (в 1930-х гг. такие частушки уже не встречались): «Сами, сами комиссары / Сами председатели / Никого не почитаем / Ни отца, ни матери!»

[144] *Написал «Козочку».* – Имеется в виду рассказ «Козочка», который вошел в цикл «Рассказы о ленинградских детях».

[145] *...(правая рука не знает, что делает левая).* – Мф. 6:3.

[146] *Войска перешли через Днепр.* – В течение октября советские войска, преодолевая упорное сопротивление фашистской армии, в несколько приемов форсировали Днепр («тигровый прыжок»), дважды переходили в наступление с целью освобождения Киева ударом с юга и дважды были отбиты. В начале ноября сложным скрытным маневром удалось перейти на плацдарм севернее Киева, который 13 ноября был освобожден.

[147] *Пушкин <...> признавал себя учеником Вальтера Скотта.* – Ср.: «В одной из журнальных статей 30-х гг. читаем: “Раньше довольствовались при знакомстве с историей рассказами о сражениях и победах, теперь же, “вопрошая прошлое”, хотят вникнуть в “самые мельчайшие подробности внутренней жизни”. Именно этому интересу к “внутреннему”, “повседневному” или, как выразился Пушкин в заметке о Вальтере Скотте, “домашнему” в истории, и отвечал реалистический исторический роман начала XIX в.» (http://www.rvb.ru/pushkin/03articles/05prose.htm).

[148] *«Падун» <...> можно вместить в роман больше истории (раскол – Выговская пустынь).* – Трагической истории русского раскола посвящен первый роман Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907), написанный в тех местах, по которым прошел Беломоро-Балтийский канал. Ср.: «В одной церкви давит какое-то непосильное окаменение духа, в другой скучно, обыкновенно. Эти церкви – памятники той трагедии духа русского народа, когда западный “ратный” закон встретился с восточным “благодатным” и произошел раскол. Вот в эти-то времена и осветила религиозная идея мрачный край леса, воды и камня. В нем закипела умственная жизнь. Основные вопросы религии здесь обсуждались, разрабатывались теоретически и испытывались в жизни. Тогда Выговский край покрылся дорогами, мостами, пашнями, селами. И так продолжалось полтораста лет. Потом снова все стихло, угасла умственная жизнь, разрушились дома, часовни, пашни заросли лесами» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 127).

[149] *...против слепой Голгофы, или бессмысленного страдания.* – Ср.: цикл рассказов Пришвина «Слепая голгофа», точная дата написания и первой

публикации не установлена, но, по-видимому, это 1914–1916 гг. (Собр. соч. 1982–1986. Т. 2. С. 598–636).

[150] *...«что пóшло, то пошлó»).* – Ср.: «Мережковский говорит: “Что пошло, то пошло” и этим подчеркивает вечную пропасть между личным творчеством и здравым смыслом. Между здравым смыслом и состоянием личного творчества есть промежуточное состояние больного смысла, в котором понятия, ставшие в философии ходячими, вступают в борьбу со здравым смыслом» (Дневники. 1920–1922. С. 64).

[151] *...Пастернак пишет в «Правде»...* – видимо, речь идет о том, что после возвращения в Москву из эвакуации в Чистополь Б. Пастернак в бригаде писателей совершил поездку на Брянский фронт в армию, освободившую Орел, после чего был написан очерк «В армии» и ряд стихотворений о войне.

[152] *Ахматова становится чуть ли не лауреатом Сталинской премии...* – Видимо, имеется в виду стихотворение А. А. Ахматовой «Мужество» (1942), опубликованное в «Правде», а также тот факт, что в 1943 г. Ахматова получила медаль «За оборону Ленинграда».

[153] *...нельзя в Англии знать, что в соц. государстве водятся воры.* – В одном из «Рассказов о прекрасной маме» («Мыши») речь шла об исчезновении со склада детских продуктов. Ср.: «Там в сводчатом подвале за столиком сидела мышиная королева, а Зиночка против нее чайной ложечкой кушала какую-то золотистого цвета прелесть <...> ростовское морковное повидло, за которое в области была такая борьба, и так она берегла его для детских праздников. Мыши нашли к нему лазейку <...> А после появился кулечек с изюмом, с черносливом, с пряниками на меду – тоже все знакомое, тоже все помнится: какая борьба была и какая победа, и сколько потом, пока из области дошло до района в детдом, разные мыши из детских прелестей растащили себе в норки» (*Пришвин М.* Кладовая солнца. Рассказы о природе. М.: Эксмо, 2007. С. 181–182).

[154] *...сказать о Ремизове как учителе словесности русской.* – Стилистика Ремизова оказала существенное влияние на ряд русских писателей 1920-х гг.: Пришвин, Л. М. Леонов, Вяч. Шишков, Б. Пильняк, А. Толстой и др. выступили приверженцами «орнаментальной прозы» (http://www.aphorisme.ru/about-authors/remizov/?q=5252). Пришвин познакомился с Ремизовым в 1907 г. («Б/д. Я был очень близок Ремизову и не откажусь теперь признать его своим учителем», «Б/д. Через Ремизова я поверил в себя» (РГАЛИ)); он присоединился к «Обезьяньей Великой и Вольной палате» – кружок литераторов, группировавшихся вокруг Ремизова. В шутливой форме игры в «Обезьянью палату» проявлялся серьезный интерес к духовному наследию древней Руси, к национальной мифологии и памятникам народной культуры. В воспоминаниях, написанных уже в эмигра-

ции, Ремизов отмечает: «Пришвин, во все невзгоды и беды не покидавший Россию, первый писатель в России. И как это странно сейчас звучит этот голос из России, напоминая человеку с его горем и остервенением, что есть Божий мир, с цветами и звездами... что есть еще в мире и простота, детскость и доверчивость – жив “человек”». См.: Личное дело. С. 67–70.

[155] *...провозгласила меня как философа Пана...* – аллюзия на одну критическую статью о творчестве Пришвина Иванова-Разумника «Великий Пан» (1910–1911).

[156] *...вспомнить жизнь купца Волкова...* – речь идет об автобиографических записках талдомского купца Д. И. Волкова под названием «Книга для записывания семейных дел и исторических, общих событий, дневников и проч. Дмитрия Ивановича Волкова», которые попали в руки Михаила Пришвина в 1922 г., когда он жил в деревнях Талдомского района, изучал башмачный промысел и работал над книгой очерков «Башмаки» (1925) об известных талдомских кустарях-башмачниках. Личность Волкова и его записки произвели на писателя сильное впечатление, и спустя много лет Волков стал одним из героев романа Пришвина «Осударева дорога» (гл. «Сказка о вечном рубле») (Собр. соч. 2006. Т. 227–461).

[157] *...жизнь брата Николая...* – ср.: «Николай Михайлович... был человек очень хороший, но, как все хорошие люди, он не знал, что хорош, и всю жизнь свою мучился, что он не такой, как настоящие люди. Где эти настоящие люди, кто они такие – в жизни он едва ли видел, но настоящий человек был ореолом его личного существования; после, в самые тяжелые минуты своей жизни, он недоуменно меня спрашивал: если все кругом так безобразно, то откуда же пришло к нему, что есть какой-то светлый человек?»; «Брат мой Николай имел душу такую же, как и я, но был несчастлив. Он ждал священной встречи с другом. И замечательно, когда он получил от своей дамы сердца согласие, то этот застенчивый до болезни человек, объявил свою свадьбу, как пир на весь мир <...> По пути на этот пир священный <...> на какой-то пересадке забыл в вагоне свой новый, только для пира сшитый сюртук и вдруг через это одумался. Можно ли, думал он наверно, на брачный пир явиться в пиджаке, а потом с пиджака перешел на себя...» (Путь к Слову. С. 19–20).

[158] *...стремился к правде, и эта правда связала его, и он стал поэтом-юродом.* – Правда была для Розанова высшим идеалом: «Правда выше солнца, выше неба, выше бога: ибо если и *бог* начинался бы *не* с *правды* – он – *не* бог, и небо – трясина, и солнце – медная посуда» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 81). Этот идеал Розанов воспринял от матери своей второй жены, А. А. Рудневой (1826–1911), происходившей из священнического рода: «Это мать “друга” говаривала (в Ельце): “Правда светлее солнца”. И живи для нее; а люди

пусть идут куда знают» (Там же. С. 114). Критики писали о юродстве Розанова не только как проявлении цинизма и лицемерия (В. П. Буренин, С. Н. Трубецкой, П. Б. Струве, Л. Д. Троцкий), но и в положительном смысле – как характерной для русского сознания форме выражения правды (Волжский, А. А. Измайлов, Э. Голлербах, А. М. Ремизов, Ю. Иваск, В. Н. Ильин). Р. Иванов-Разумник назвал Розанова «единственным в своем роде во Храме юродивым русской литературы» (*Иванов-Разумник Р.* Творчество и критика. Пг., 1922. С. 151). М. М. Спасовский отмечал, что главная особенность Розанова «сказывалась прежде всего в искренности и честности, в его простоте и доступности. И в наивности до порою непонятной вроде как бы юродивости» (*Спасовский М. М.* В. В. Розанов в последние годы своей жизни (1939) // В.В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 436). Сам Розанов писал о Божием человеке, юродивом как характерном явлении русской веры в отзыве на книгу М. М. Тарева «Основы христианства» (Сергиев Посад, 1908): «*Человек Божий* – это уже не носитель суммы обрядов, не выполнитель обрядности, это – человек *Божией Правды* на земле, несущий ее в образе своем, часто юродивом, несущий эту правду в жизни своей, сказывающий ее людям, – но не насильно, не через пропаганду, а тому, кто хочет ее видеть, кто хочет ее слушать» (*Розанов В. В.* Новая книга о христианстве (1909) // Розанов В. В. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М.: Республика, 2004. С. 16). Подробнее см.: *Фатеев В. А.* Юродство // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. Ст. 2343–2347. См. также запись Пришвина от 3 октября 1935 г. и коммент. к ней. (Дневники. 1935. С. 810). (Комментарий А. Медведева).

159 *Розанов <...> был самым лживым писателем <...> И как не подумать о лжи, если он об одних и тех же вещах в разных газетах писал противоположные мнения. А между тем это был поэт правды.* – Имеется в виду статья П. Б. Струве «Большой писатель с органическим пороком (Несколько слов о В. В. Розанове)» (Русская мысль. 1910. № 11. Отд. 2. С. 138–146), в которой Розанов обвинялся в цинизме и нигилизме (за исключением его веры в «святыню» семьи) как «органически безнравственная и безбожная натура»: «С одной стороны, ясновидец, несравненный художник-публицист, с другой – писатель, совершенно лишенный признаков нравственной личности, морального единства и его выражения, стыда» (В. В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. I. С. 383–386). Поводом для этих обвинений стала одновременная публикация Розановым «любовного оправдания революции» в книге «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» (СПб., 1910) и «невероятной злобы» на революцию в газете «Новое время» (Там же. С. 379). Свое «двуличие» в разных изданиях Розанов в характерном для него тоне юродивого объяснял снятием политических условностей в своем стремлении к правде: «Правда, я писал однодневно “черные” статьи с эс-эрными. И в обеих был убежден. Разве нет 1/100 истины в революции? и 1/100 истины в черносотенстве? <...> я писал “во всех направлениях” (постоянно искренне, т. е. об 1/1000 истины

в каждом мнении мысли)» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 419–420). Обвинение в «органическом пороке» лжи Розанов переосмыслил как свою естественную правдивость: «Солгать, – для чего надо еще “выдумывать” и “сводить концы с концами”, “строить”, – труднее, чем “сказать то, что есть”. И я просто “клал на бумагу, что есть”: что и образует всю мою правдивость. Она натуральная, но она не нравственная. “Так расту”: “и если вам не нравится – то и не смотрите”» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 98). (Комментарий А. Медведева.)

[160] *«Я – это Ты в моем сердце, Возлюбленный»...* – аллюзия на стихотворение З. Н. Гиппиус «Молитва» (1897): «Я – это Ты, о Неведомый, / Ты – в Моем сердце, Обиженный...»

[161] *...так может любить только Божий актер.* – Тема «мы – актеры» возникает в раннем дневнике Пришвина и с тех пор в разные годы то и дело обнаруживает себя. Театрализация жизни – актерство как форма бытового поведения, маскарадность, игра – занимает в культуре Серебряного века очень существенное место и выражается в актуализации идеи «жизнь – театр», уходящей корнями в эпоху Возрождения («Весь мир – театр / В нем женщины, мужчины – все актеры» (У. Шекспир «Как вам это понравится»)). Мотив театральности бытия, начиная от лирической драмы А. Блока «Балаганчик» (1906), обнажившей проблему, так или иначе возникал в произведениях целого ряда художников начала века. Кажется, что Пришвину скорее присуща противоположная модель поведения, которая традиционно противопоставляется повседневной театральности – естественное поведение человека, живущего реальной жизнью, скорее реалистическая, чем романтическая парадигма. Тем не менее в той или иной степени можно говорить о влиянии модернистских идей на поэтику Пришвина, что он и сам признавал. Он участвует в писательской игре А. М. Ремизова – «Обезьяньей Великой и Вольной Палате», где у Пришвина чин «резидента заяшного ведомства», в его любовные сны проникает маска, скрывающая подлинный лик («это нехорошо, снимать маски... но нужно»), мотив, который и в последующие годы не однажды возникает в дневнике (в 1930-е гг. мотив маски усложняется и получает социальный подтекст, затем маска вытесняется марионеткой); театр в начале века – в эпицентре культуры, драма – в центре художественного поиска, и он отдает дань театру – в 1916 г. появляется «Базар. Пьеса для чтения вслух» – единственный и очень интересный опыт в творчестве Пришвина; но самое существенное, что тема «мы актеры», возникнув в начале века, вновь появляется и переосмысляется писателем в его позднем дневнике. Ср: «Б/д. Ведь жизнь наружная – не моя внутренняя – есть пьеса, в которой меня же разыгрывают. И есть такие тонкие артисты, что только через них я и узнаю себя. Что мне история? Ведь это меня же дурно разыгрывают в лицах»; «21 Июля 1944. Каждая встреча одного человека с другим есть

представление: каждый разыгрывает себя самого перед другим, но непременно бывает двое: один актером, другой зрителем. Точно так же бывает оба пола, м[ужской] и ж[енский], друг перед другом представляются...»; «12 Сентября 1944. Но вот для меня... Но, впрочем, нет: какой может быть вопрос, что и любовь наша – тоже игра, и мы не вправду любовники, а два мастера сцены сошлись, заинтересованные друг другом» (РГАЛИ).

[162] *Любовь как Божественная комедия...* – в «Божественной комедии» Данте Пришвин находит именно тот круг мыслей, которые связывает теперь со своей любовью: любовь как путь через страдание к постижению истины, к духовному возрождению и Беатриче, как символ небесной мудрости, женственности и нравственной силы.

[163] *...слышал по радио декларацию Рузвельта, Сталина и Черчилля...* – на самом деле, по-видимому, речь идет о Московской конференции министров иностранных дел (А. Иден, К. Хэлл, В. М. Молотов, 19–30 октября 1943 г.), по результатам которой была принята Декларация о всеобщей безопасности, более тесном сотрудничестве в ведении войны и вопросах, связанных с капитуляцией и разоружением побежденных стран.

[164] *...сегодня взят Перекоп (Турецкий вал).* – С 31 октября 1943 г. советские войска, продолжая наступление, захватили Перекопский перешеек, сломили сопротивление на укреплениях Турецкого вала и вышли к оз. Сиваш.

[165] *...Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной друг друга без копилки любили.* – Аллюзия на повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» (1835).

[166] *...истребление трутней...* – в конце лета после оплодотворения пчелиной матки и поддержания в улье температуры, необходимой для вывода расплода, пчелы изгоняют из улья трутов и они погибают от голода и холода.

[167] *...тайный смысл Египетских ночей.* – Имеется в виду бытующая легенда о царице Египетской Клеопатре, объявившей, что плата за ее любовь смерть.

[168] *...всякое дыхание хвалит Господа...* – Пс. 150.

[169] *... книга неоправославия Флоренского «Столп и утверждение истины».* – Имеется в виду труд о. Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины» (1914).

[170] *Читал «Ифигению» Еврипида...* – имеется в виду трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде» (Македония, после 408 г. до н. э., русск. пер. И. Анненского).

[171] *Наши военные Митюхи...* – Митюха – разиня; так во время Первой мировой войны называли на фронте рядовых солдат. Ср.: «11 Февраля 1915. Какая разница настроений в Питере [и] человека Красного Креста, он привозит совсем особенный дух, о котором не снится в тылу. Необходимо поддержать народный дух, потому что необходима победа над немцами <...> Собрались на войне четыре земляка: один – рядовой пехотинец, другой – разведчик-артиллерист, третий – санитар и четвертый – кавалерист – все Митюхи, обрадовались и сказать как нельзя, вот как обрадовались и сели вместе чай варить (вот! надо рисовать с войны такой чисто военный быт)» (Дневники. 1914–1917. С. 143).

[172] *...завернул к Ивану Воину к «Достойной»...* – то есть к концу службы.

[173] *...один послушник в Жабынской пустыни.* – Жабынская Введенская пустынь располагалась на правом берегу Оки в 7 км от Белева. В 1911 г. (?) Пришвин провел в Белеве весну и лето (Ранний дневник. С. 419–436).

[174] *...что-то вроде «ныне отпущаеши».* – Лк. 2: 29–32.

[175] *...«привыкну, разлюблю тотчас».* – Строка из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831).

[176] *...«нищие с вами всегда, а Христос не всегда»...* – Ин. 12: 1–8.

[177] *...рассказал о своей беседе с епископом Николаем...* – на приеме в Кремле 4 сентября 1943 г. вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) присутствовали ленинградский митрополит Алексий (Симанский) и экзарх Украины митрополит Николай (Ярушевич) (http://krotov.info/acts/20/1940/19430904.html).

[178] *...«широка страна моя родная».* – Имеется в виду «Песня о Родине» из кинофильма «Цирк» (муз. И. Дунаевского, сл. В. Лебедева-Кумача).

[179] *...народ безмолвствует.* – Заключительные слова последней сцены трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

[180] *...современные староверы.* – После встречи с Валерией Дмитриевной сознание современного человека предстает перед писателем сквозь призму ее судьбы, в которой он не может не видеть зеркально отраженную судьбу России («своеобразие русской истории, в которой инициатива движения всегда находится в руках государства», «как <...> не признать наличие исходного страдания»); эта встреча стала водоразделом не только в его личной судьбе, но в его творчестве. Потому он, видимо, и не написал ничего за первые три года их совместной жизни, что его творческое поведение, которое в течение всей писательской жизни определялось верой в то, что в

самой природе творчества заложена распрямляющая сила света и радости, преодолевающая зло (страдание), потребовала переосмысления.

[181] *Открыл себе, что мой стиль речей <…>, направленный во мне речами Репина, писаниями Розанова <…>, принят мною от народа и является исконным русским стилем, начиная от протопопа Аввакума.* – А. М. Ремизов возводил «юродствующий» стиль Розанова к «вяканью» протопопа Аввакума, противопоставляя их «“живой”, “изустный”, “мимический”» синтаксис синтаксису «письменному», «грамматическому»: «Во дни протопопа этот простой “русский природный язык” (со своими оборотами, со своим синтаксисом “сказа”) в противоположность высокой книжно-письменной речи “книжников и фарисеев” в насмешку, конечно, и презрительно называли “вяканьем” (так про собак: лает, вякает), как ваше “розановское” зовется и поныне в академических кругах “юродством”. <…> “розановский стиль” – это самое юродство – это и есть настоящее, идет прямой дорогой от “вяканья” Аввакума из самой глуби русской земли» (*Ремизов А. М.* «Воистину». Памяти В. В. Розанова (1926) // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: в 2 кн. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2. С. 354). (Комментарий А. Медведева.) Ср.: «27 Февраля1941. По-настоящему русским писателем был только Лесков, – за то он и не был признан (К. Леонтьев, Розанов). Ошибка народников в том, что они “народ” понимали как простой народ и смотрели в упор на мужиков». Оценивая Н. С. Лескова, как глубоко русского писателя, Пришвин продолжает В. В. Розанова, считавшего, что Лесков, бросивший гимназию, не нуждался в университетском образовании, сам будучи «с его огромною душою» «своеобразным русским университетом»: «Лесков был огромный, ярко типичный русский ум; в нем “тип”, “русская натура” до того высоко поднялись, что очень и очень могли залить университетское образование, в том смысле, что этому последнему не было места, не было так сказать промежутков в природном таланте человека» (*Ибис (Розанов В. В.)*. Университет в образовании писателей // Новое время. 1900. 28 мая. № 8710). Розанов видел в творчестве Лескова отражение «русского консерватизма» и русской аисторичности: «Лесков – ведь до Петра Великого, “официальной России” не признает и не знает; или, точнее, он и официальную-то Россию как-то признает и любит старым московским манером, т. е. в высшей степени неофициально, не манерно, без “ранга” и “службы”» (*Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 г. // Розанов В. В. Собр. соч.: Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 144). Отмечая «замолчанность» писателя в русской критике, Розанов верил, что через четверть века Лесков выйдет из второстепенных писателей и «займет как *совершенно равный* место с Тургеневым, Гончаровым, Островским»: «Русский из русских. <…> “Чертогон” удивителен. И сколько тут русской жизни и русской сути сравнительно с “орхидеями” Тургенева… Орхидеи поблекнут. А наша черемуха будет вечно пахуча» (Там же. С. 145). С точки зрения «русскости» и ее замолчанности Розанова с Лесковым соотносил

А. М. Ремизов, возводя лесковский сказ и розановский стиль к «русскому природному языку» протопопа Аввакума («вяканье»): «Про Лескова или ничего не говорили (это называется в литературном мире “замораживать”), или выхватывали отдельные чудные слова вроде: “жены переносицы”, “мыльнопыльный завод” и, само собой, в смех, но и не без удовольствия, а самый-то склад лесковской речи, родной и Вам, и Осипову, и Аввакуму – да просто за смехом не вникали» (*Ремизов А. М.* «Воистину». Памяти В. В. Розанова (1926) // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Кн. 2. С. 354). Как русского национального писателя Розанов позиционировал и К. Н. Леонтьева: «Он был редко прекрасный русский человек, с чистою, искреннею душою, язык коего никогда не знал лукавства: и по этому качеству был почти unicum в русской словесности, довольно-таки фальшивой, деланной и притворной. В лице его *добрый* русский Бог дал *доброй* русской литературе *доброго* писателя» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 315). В статье «Неузнанный феномен» (Памяти К. Н. Леонтьева: Литературный сборник. СПб., 1911) Розанов отмечал, что над Леонтьевым тяготеет «“fatum” неизвестности, на который он мне горько жаловался в письмах» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 322). В забвении Леонтьева, не дождавшегося при жизни «и сносной критической статьи о себе», Розанов обвинял «либералов»: «От Южакова до Михайловского – это стена Петрушек за алгеброй. <...> Прошел великий муж по Руси – и лег в могилу. Ни звука при нем о нем; карканьем ворон он встречен и провожен. И лег, и умер, в отчаянии, с талантами необыкновенными» (Там же. С. 326, 328). Связывая непризнание Лескова и Леонтьева с «русскостью» их творчества, Пришвин продолжил линию славянофильской рефлексии Розанова об этом непризнании, включая в него и самого Розанова. Последний неоднократно сетовал на «печальность и запутанность наших общественных и исторических дел» – парадоксальную для России популярность левой радикальной интеллигенции и забытость правой, консервативной – людей со «старой любовью к старой родине» (Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев, Говоруха-Отрок) (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 338–339). Финансово обеспеченная, «шумная, широкая, могущественная жизнь» «нигилистов и отрицателей России» (Чернышевский, Добролюбов, Стасюлевич, Благосветлов) в восприятии Розанова контрастировала с бедностью патриотов, их «жизнью как *несчастьем и горем*» (Страхов, Достоевский, Леонтьев, Гиляров-Платонов): «Я понял, где корыто и где свиньи, и где – терновый венец, и гвозди, и мука. <...> И пошел в ту тихую, бессильную, может быть, в самом деле имеющую быть затоптанною оппозицию» (Там же. С. 457–460). Розанов задумывал издать серию книг под названием «Литературные изгнанники», посвященную забытым представителям русского консерватизма (К. Н. Леонтьев, С. А. Рачинский, Н. Н. Страхов, Ю. Н. Говоруха-Отрок, И. Ф. Романов,

Ф. Э. Шперк, П. Флоренский, С. А. Цветков) (См.: *Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001; *Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Кн. вторая. П. А. Флоренский. С. А. Рачинский. Ю. Н. Говоруха-Отрок. В. А. Мордвинова. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010). При жизни Розанов опубликовал лишь один том, посвященный Страхову и Говорухе-Отроку: *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. СПб., 1913. (Комментарий А. Медведева.) Ср.: коммент. 2 к Дневнику 1942 г.

[182] *...роман Толстого «Хождение по мукам»...* – по-видимому, имеется в виду первая часть трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (1921–1941) «Сестры».

[183] *...Горькому в «Мои университеты»...* – имеется в виду третья часть автобиографической трилогии М. Горького «Мои университеты» (1923).

[184] *...об этом-то Платонов и сказал...* – критическая статья А. Платонова появилась после выхода книги «Неодетая весна» (1940) – надо сказать, что Пришвин привык к упрекам в равнодушии к проблемам современной жизни, эгоцентризме, уходе от действительности. Но почти всегда после очередной статьи, по крайней мере, на страницах дневника появляется полемика с критиком, стремление объяснить себя, понять... С Платоновым Пришвин не вступает в полемику даже на страницах дневника, отмечая: «[он] является несомненно врагом моей личности». Ср.: «...настойчивое, постоянное упоминание "страны непуганых птиц и зверей" – кажется нам самохарактеристикой испуганного человека; возможно, что у человека есть основание для испуга, возможно, что у него есть причина искать эту "непуганую" страну, созерцая с раздражением, страхом или в отвращении современный человеческий род. Но, несомненно, стремление уйти в "непуганую" страну, укрыться там хотя бы на время, содержит в себе недоброе чувство – отделиться от людей и сбросить с себя нагрузку общей участи из-за неуверенности, что деятельность людей приведет их к истине, к высшему благу, к прекрасной жизни». Эту оговорку мы делаем не по отношению к М. М. Пришвину, а по отношению к философии ухода в страну непуганых птиц и зверей <...> Два намерения автора – натуралистическое и поэтическое – перемежаются, скрещиваются в повести и мешают одно другому. Где берет преимущество поэтическое воодушевление автора, там получаются стихотворения в прозе, где автор работает как натуралист-наблюдатель, там появляются небольшие открытия из жизни животных и растений. И наконец, где автор философствует, пытаясь сочетать поэзию, мысль и природу, там у него ничего не получается. В чем философия новой повести М. Пришвина? Пришвин сам определяет ее словами Пушкина: «Так ложная мудрость мерцает и тлеет / Пред солнцем бессмертным ума. / Да здравствует Солнце, да скроется тьма!» Но солнце понимается у Пришвина буквально, как светило на небе и как родоначальник всей

земной природы. Человечество и его историческая деятельность несравнимы с деятельностью солнца и его периферией – земной природой. Поэтому лучшим наставником и воспитателем людей остается природа, – причем природа, так сказать, в сыром виде, а не природа, превратившаяся в историю или культуру человечества и «искаженная» последним. ...Однако в этой натурфилософии кроме ее лживости есть одно частное, специальное свойство. Человека в глубину природы может увлекать его естественное инстинктивное чувство родства с нею, интерес к гигантскому, вековечному и ежедневно увеличивающемуся опыту жизни несметного мира животных и растений. Это простое, «нефилософское», но истинное и доброе чувство. И в ту же природу можно уйти по-монашески, чтобы спастись в ней, как в скиту, от человеческого общества. Это уже философия, и философия социальная, а не философия натуры. В таком отношении к природе скрывается своя социология. Причина происхождения такой социологии заключается в несовершенстве человеческого общества; носителями же этой социологии являются наиболее эгоистические личности, не желающие преодолевать в ряду со всеми людьми несовершенства и бедствия современного человеческого общества, ищущие немедленного счастья, немедленной компенсации своей общественной ущемленности (лишь кажущейся им благодаря развитому эгоцентризму своей личности) – в природе, среди «малых сих», в стороне от «тьмы и суеты», в отдалении от человечества, обреченного в своих усилиях на заблуждение или даже на гибель, как думают эти эгоцентристы. И вот такой человек искусственной походкой уходит в природу и начинает там заниматься ребячеством, пока сам не рассмеется, если он умен. Нет, мы оценим «страну непуганых птиц» и сохраним ее, но смысл нашей жизни находится среди людей, а не среди животных и растений. Из такого «философского» материала, естественно, не могло получиться высокого художественного произведения даже у такого одаренного поэта, каким является М. М. Пришвин. На все наши рассуждения автор может нам ответить, что через природу, через ощущение «лучей великого мира», он ищет пути к открытию возвышенного образа нового человека. Тогда мы обращаемся к писателю с просьбой – пройти этот путь как можно скорее. И еще одна просьба, если она уместна, – любому писателю не следует быть окончательно убежденным в том, что он все знает, иначе он утратит способность к пониманию» (Человеков Ф. 1940. URL: http://tululu.ru/read9807/2/).

[185] *Бежал Вася из плена...* – этот и последующие сюжеты вскоре возникнут в «Повести нашего времени» (1945), одном из лучших послевоенных произведений Пришвина, повести о войне, которая полностью будет опубликована уже после кончины автора только в 1957 г.

[186] *...мертвые слова. (Гумилев).* – Строфы из стихотворения Н. С. Гумилева «Слово», сборник «Огненный столп» (1921).

[187] *...редактора детского журнала «Тропинка»...* – речь идет о журнале для детей младшего и среднего возраста «Тропинка», который выходил в Петербурге в 1906–1912 гг. и редактировался поэтессой П. С. Соловьевой (псевдоним Allegro) и писательницей Н. И. Манасеиной. В издании принимали участие К. Бальмонт, А. Белый, А. Блок, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Ремизов, А. Толстой и др. Ср.: «3 Января [1909]. Был в редакции журнала "Тропинка" по приглашению дам, обративших внимание на мою книгу (речь идет о книге "У стен града невидимого", 1909. – *Я. Г.*). Мадам Соловьева встретила меня вопросами о Религиозно-философских собраниях» (Ранний дневник. С. 108).

[188] *...узнали о конференции в Тегеране...* – речь идет о Тегеранской конференции – первой за годы Второй мировой войны конференция лидеров трех стран: Рузвельта, Черчилля и Сталина, состоявшейся в Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 г. На Тегеранской конференции было принято решение об открытии в Европе в мае 1944 г. второго фронта и о совместных военных действиях против Германии, а также Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые преступления.

[189] *...в Дантовом Аду не представлено такое наказание...* – аллюзия на «Божественную комедию» (1321) Данте Алигьери. Ср.: «Прав был Пушкин, отметивший, что единый план (Дантова) "Ада" есть уже плод высокого гения». Высокий гений Данте не остановился на наивно-описательном и назидательно-аллегорическом, в основе своей двухмерном, плоскостном, лишенном чувственной и материальной перспективы, схоластическом описании загробных видений. В центре их он поставил свой личный образ, образ живого человека, человека большой и гордой души, отмеченного чертами глубоких трагических борений, суровой судьбой, наделенного живым и многообразным миром чувств и отношений – любовью, ненавистью, страхом, состраданием, мятежными предчувствиями, радостями и скорбями и прежде всего неустанным, пытливым и патетическим исканием истины» (*Державин К.* URL: http://lib.ru/POEZIQ/DANTE/comedy.txt).

[190] *...движение вдаль и особенное внимание к ближнему.* – В свой роман о строительстве Беломоро-Балтийского канала Пришвин вводит разработку ницшеанских идей о Дальнем и Ближнем, в которых видит одну из важнейших проблем современности. Ср.: «8 Декабря. Сутулов: – Меня мало интересует, чего хочется каждому и как он себя лично чувствует. Но мне важно знать, что каждый из нас может и что можно из него извлечь для пользы нашего дела. Анна: – Это правильно для строительства нашего канала, но мы все не только строители, мы хотим перековать самого человека, вот именно пере-ковать, но не заковать. Вот почему не мешает иногда и справиться, как чувствует себя этот человек. Сутулый: – Ну, и занимайтесь про себя чувствами, я знаю их чувство главное: каждый хочет выбраться из своего положения, и это естественно: попадет окунь на берег – ему хо-

чется в воду, попадет собака в воду – и плывет к берегу. А нам надо строить канал, и я знаю, всем найдется работа по нем, если все будут думать о деле, а не о себе. Сутулов – это ясный, умный, правдиво ограниченный человек, рассчитанный весь на общее дело, т. е. на служение ближнему (Надо): это, как Ленин. Анна смутно чувствует недостаточность "Надо" (служения ближнему): все есть, но еще "что-то". В этом "что-то" (хочется, желание, личность) и содержится вся трагедия. А у Сутулого без трагедии».

[191] *С того самого дня, как прибыл в Надвоицы...* – в 1933 г. Пришвин узнал, что Беломоро-Балтийский канал им. И. В. Сталина, соединяющий Белое море с Онежским озером, проходит по части «государевой дороги», проложенной Петром I во время Северной войны в 1702 г. Актуализация исторической ретроспективы для писателя усугублялась тем, что свое первое путешествие в 1906 г. он совершил в те же края: след «государевой дороги» Петра Пришвин тогда еще застал и сфотографировал. Там же и тогда он услыхал, что за работавшими на строительстве крестьянами везли виселицу... Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами писатель просто не мог... После поездки он приступил к работе над романом о свободе и необходимости (в его терминологии, «хочется» и «надо») и определил географическое и историческое пространство романа («Я не мог везде побывать в тех местах, где в молодости пробежал мой колобок, но все-таки был я на канале, где тогда был Край Непуганых птиц, был в Соловках, где тогда были монахи, был в Надвоицах и Новострое, где рыбу ловили...» (Дневники. 1932–1935. С. 914–915)).Только ленивый не упрекал Пришвина в течение всей его творческой жизни в безыдейности и равнодушии, в том, что он «подходил к современности исподволь, осторожно», что шел «боковой тропой», что смотрел на жизнь «с какой-то башни крепости, куда не доносится реальный... шум» и пр. Этот «благостный, умиротворенный Пришвин», «замкнутый и сознательно отчужденный», стремящийся «уйти в "непуганую" страну, укрыться там хотя бы на время... отделиться от людей и сбросить с себя нагрузку общей участи» (ср.: *Варламов А.* Пришвин. С. 308–309, 389), в 30-е годы не уклоняется от труднейшей, безнадежной современной темы, которая только в наши дни получила название «лагерной», а в то время была даже не запретной, а просто невозможной, немыслимой. В июле–августе 1933 г. Пришвин совершает поездку на Беломорский канал и Соловки – возвращается в те самые места (Олонецкая губерния, Выговский край, Надвоицкий водопад), где в 1906 г. во время первого настоящего путешествия родилась его первая книга «В краю непуганых птиц» (1907). См. коммент. 70.

[192] *...брат Саша отдал любовь свою другой женщине...* – брата Александра Михайловича Пришвин вспоминает как неосуществленного художника («Саша – какой-то артист по природе своей, которого нравственная Дун*и*чка сделала доктором»), а его семейную драму как следствие неудовлетворенности жизнью, которая проявилась после встречи с молодой

медсестрой; имя ее осталось неизвестным, в семье Александра ее прозвали Марухой («разлучница»). Александр оставил семью и уехал – с обещанием вернуться к жене умирать. Смертельная болезнь настигла его очень скоро, он вернулся к Марии Николаевне, а «Маруха» покончила с собой, как только узнала о его кончине. Ср.: «Антоний (Шекспир У. Антоний и Клеопатра. – *Я. Г.*) очень похож для меня на брата моего Александра: бросил все, и медицину свою, и семью буквально за поцелуй – и умер. ("Когда свершают судьбы мира / Среди вспененных боем струй, / Венец и пурпур Триумвира / Ты променял на поцелуй". Брюсов. Антоний). Несмотря на бедную добрую медицину и такую же свою жену и двух девочек, сочувствие наше осталось с Сашей. Так и Антоний написан как будто во свидетельство того, что жизненно-поэтическая мечта у человека выше всех царств и добродетелей»; «Мария Николаевна (Марфа) – это жизнь, которую Саша не мог осилить, всю привести в движение, всю одухотворить. Ему понадобилась легенда, творчество, и та женщина все ему обещала. Он хотел променять жизнь на легенду. Женщина – это только материальное выражение духа. Начать новую жизнь с другой женщиной, или доживать век… Свобода и творчество: фантазия или долг… легенда или жизнь?» (Путь к Слову. С. 16–20).

193 *…(Розанов в своем протесте начинается в своей биографии неудачного семьянина с обвинения церкви в том, что не давали ему развода)*. – Об обстоятельствах своего второго брака, тайного венчания, связанного с невозможностью его узаконивания по причине церковного отказа в расторжении первого брака, о незаконнорожденности своих детей и о начавшемся в связи со всем этим своем «отделении» от церкви Розанов писал в прошении митрополиту Антонию в конце 1890-х гг. (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. С. 692–702). Это время стало для Розанова «новой *эрой миропостижения*» (Там же. С. 155). (Комментарий А. Медведева.)

194 *Ницше, как я слышал от Мережковского, на пути своего безумия узнал в своем Сверхчеловеке Христа*. – См. запись от 25 октября 1930 г. и коммент. к ней (Дневники. 1930–1931. С. 260, 667), а также запись от 3 мая 1939 г. и коммент. к ней (Дневники. 1939. С. 313, 572). (Комментарий А. Медведева.)

195 *…человекобоги (Дост.) тоже питаются ненавистью к церкви*. – В романе Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871–1872) христианскому понятию «Богочеловека» (Христос) Кириллов противопоставил антихристианское понятие «Человекобога»: «– Кто учил, того распяли. – Он придет, и имя ему человекобог. – Богочеловек? – Человекобог, в этом разница» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 189). В идее человекобога Д. С. Мережковский видел один из поразительных случаев совпадения Достоевского с идеей Ницше о Сверхчеловеке (*Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский (1900–1902) // Мережковский Д. С. Л. Толстой

и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 315, 321). (Комментарий А. Медведева.)

[196] *Утрата* удивления и благодарности. – Удивление – ключевое понятие для Розанова, по признанию которого его «“новая философия”, уже не “понимания”, а “жизни”» началась с «великого удивления» перед нравственной жизнью глубоко православной семьи Рудневых (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. С. 152, 242–243). (Комментарий А. Медведева.)

[197] *...делая агрономию, стал писать про себя...* – в 1902 г. Пришвин закончил агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета, вернулся в Россию и начал работать агрономом в лаборатории Прянишникова в Петровской академии, затем в том же году – на хуторе графа Бобринского в Богородицком уезде Тульской губернии, в 1903 г. – в Клинском земстве Московской губернии.

[198] *В Харькове повесили немцев. Леонов написал...* – речь идет о судебном процессе, проходившем 15–18 декабря 1943 г. в Харькове, на котором судили нацистских военных преступников – это был первый юридический прецедент судебного расследования и наказания немецко-фашистских захватчиков и пособников за организацию массовых убийств населения. Стенограмма процесса была в этом же году издана в Женеве. Материалы процесса были использованы в Нюрнберге. На процессе присутствовали ряд журналистов и писателей: А. Толстой, И. Эренбург, К. Симонов, др. По материалам процесса Леонов написал несколько очерков под общим названием «Репортаж с Харьковского процесса. Ярость» (1943).

[199] *...новый рассказ «Победа».* – Рассказ под таким названием неизвестен; вероятно, постепенно этот рассказ превратился в будущую «Повесть нашего времени».

[200] *...столь жалкое выражение в поэзии!* – Речь идет о гимне Советского Союза «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь» (муз. А. В. Александрова, сл. С. В. Михалкова и Г. Эль-Регистана).

[201] *...у Мамина, рассказ «Бойцы»...* – имеются в виду очерки весеннего сплава по реке Чусовой Д. Н. Мамина-Сибиряка «Бойцы» из цикла «Уральские рассказы» (1874–1875).

[202] *...совершается погром литературы...* – речь идет о мероприятиях, последовавших после того, как 2 декабря 1943 г. секретариат ЦК принял закрытое постановление «О контроле над литературно-художественными журналами», обвинив управление пропаганды и агитации ЦК в «слабом контроле» за выпускаемой в стране литературой. Вся история началась

с докладной за подписью начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова, его заместителя А. А. Лузина и заведующего отделом художественной литературы А. М. Еголина, в которой прозвучала идея о необходимости принятия специального решения ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах. Под удар политических проработок попали многие известные и не очень известные писатели, поэты, критики – авторы «идеологически вредных» произведений: И. Сельвинский, М. Зощенко, Н. Асеев, др. (http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=405).

[203] *Фадеев <...> теперь погибает сам...* – очевидным итогом «боев на литературном фронте» явилась отставка председателя правления Союза советских писателей СССР А. Фадеева на IX пленуме Союза писателей в начале февраля 1944 г.

[204] *...валишь все на Ефремина.* – Критик рапповского толка А. В. Ефремин в 1930 г. написал о Пришвине разгромную статью. Ср.: «Легенда о Берендеевом царстве – это по существу опоэтизация остатков древней дикости, идеализация тьмы и идиллизация тьмы и суеверия, оправдание старины, а следовательно, один из способов борьбы против нашей советской культуры» (Красная новь. 1930. № 9–10. С. 220). Но Ефремин был далеко не единственным критиком Пришвина, в печати появились в другие статьи такого же направления: *Григорьев М.* Бегство в Берендеево царство // На литературном посту. 1930. № 8. С. 49–61; Пришвин, алпатовщина и «Перевал» // Литературная газета. 4 декабря 1930.

[205] *Далее публикуются записи из авторской машинописи, а также частично материалы к произведениям, которые Пришвин в это время задумывал:*

3 Января 1943. В постели на ночь вспомнили «долги» Лялины, в особенности Успенского, как он упорно не хотел понять возможность ее любви к старому человеку. – Как же он объяснял себе твой поступок? – Что я хочу себе сделать через старого писателя карьеру и потом в славе «пойти по рукам». – Подумав, я спросил: – Но ведь и на самом-то деле, если исключить желание «пойти по рукам», возможность в связи с переменой положения освободиться от того страха, устроить мать в хорошей обстановке, самой заниматься интересным делом, – разве это не играло роль в твоем решении? – Конечно, играло, но как это могло мешать моей любви: если я что-либо получала, то брала с готовностью еще больше отдать. Это ответ на мои частые размышления о Лялиной любви «для мамы» и «для себя» (меня): меня иногда брало сомнение в Ляле, что не вся ли ее любовь питается любовью «для мамы», что «для себя» любви она вообще и по природе своей не знает, и страсти этой у нее вообще нет, что ее страсть бесстрастная. Самое же главное в этом, что страсть свою в любви ко мне, имевшую все признаки естественной страсти, намечтала в

себе из страстного желания дать мне то, что мне хочется: не сама по себе, не для себя, но для меня она загоралась страстным хотеньем. В точности если выразить ее период страстной любви, – это надо представить себе мать, удовлетворяющую требования своего ребенка. Она не откажется от этого представления и ей хорошо такой вспомнить себя. Но мне понимать себя, как ребенка, иногда бывает досадно. И странно, почему так? Не вся ли тут женщина в такой любви? Вся, конечно, во всей святости жизни. Понятно! И в то же время где-то меришь любовь тем аршином естественной всеобщей любви для себя, и то грубое эгоистическое чувство считаешь основою и залогом, без чего вся платоническая и христианская любовь кажется неудовлетворяющим тебя туманом: кажется, не молока требует этот ребенок, а крови... Вот в этом-то и есть показательный смысл двух заветов: Ветхий Завет, выражение мужской силы, своего рода крещение кровью, и Новый Завет – крещенье водой небесной и духом («молоком матери»). Знаю, что я не такой, как расписываю «кровавый», что я такой, как хочется Ляле, но знаю, что и такой входит в меня со всей хищной кровожадной частью природы. Знаю, что это собственническое кровожадное чувство питает всех от крокодила и ястреба до Наполеона и Ротшильда и даже до того Пушкина, который в ответ на свою смертельную рану, сам умирая, поднимает пистолет и ранит врага... Да вот и сейчас, когда я пишу эти строки и противопоставляю всей этой мировой жажде крови себя, как младенца на молочке, что-то возмущается во мне против этого положения ребенка, что-то требует от меня страстного действия, борьбы...

Вы возмущаетесь жестокостью древнего закона «око за око», но закон есть сила греха, есть ответ мечом тому, кто поднял меч. Вырвите грех из души – и закон тот же час перестанет. Так что, милый ребенок, будь мудрым и, если ты хочешь встать на борьбу, то не делай себе фетиша из закона, который есть не больше, как следствие греха. Ты, крещеный водой и Духом, перекуй меч свой в Слово, и этой силой, исходящей от Духа...

6 Января. Художник – это работник, стремящийся к праздности. В своей работе он чувствует себя рабом и освобождается от рабства, изобретая различные средства для скорейшего и лучшего выполнения своей задачи. Страстное стремление к свободе понуждает его к постоянному совершенствованию в достижении лучшего, это лучшее становится как бы целью, удовлетворяющей его и делающей работу не только легкой, но и желанной. Так что можно сказать о всяком работнике, будь он живописец или писатель, или столяр, или слесарь, или портной, все равно! – все, кто в совершенствовании формы создаваемых им вещей находит удовлетворение, может быть назван художником, и даже, я помню, в Москве об одном зубном враче говорили: это художник, не говоря уже о сыщиках и шпионах. Есть, однако, такая работа, из которой невозможно выбраться, и личность человека замирает в ней, как мышь под дугой мышеловки. В таких положениях дело свободы переходит в руки революционеров, моралистов и религиозных людей. Значит, первый класс людей можно назвать в самом хорошем смысле классом праздных людей по природе своей; второй

класс – это по существу деятели, в конце концов, стремящиеся к праздности и достигающие ее как святые, в самой высококачественной форме. И наконец, есть еще третий класс людей, который в противоположность первым двум производящим классам можно назвать потребляющим: это все, кто удовлетворяется своим настоящим, это «счастливые» люди, не стремящиеся в делах своих к лучшему, независимому от личного своего потребления: это косная масса, мещанство всех форм, это чернь, это губы черной бездны, всегда жадно раскрытые...

Ярославль. Облисполком. Госохотинспекция. М. Белавину. Уважаемый Михаил Валендович, очень благодарю Вас за скорый ответ на просьбу мою о продлении разрешения мне в Москве срока охоты на лося. Я уже совсем, было, расстался с мыслью убить лося и написал Вам исключительно по просьбе моей жены, которая смотрела на эту охоту с потребительской точки зрения. Должен Вам признаться, что с тех пор, как голод заставил людей смотреть на охоту, как на добывание пищи, а не на форму поэзии, я забросил охоту и с начала германской войны не пролил ни капли ни птичьей, ни заячьей крови. Вот почему и не двигалось дело с лосем. Но когда получилось от Вас разрешение, прибежал мальчик и сказал, что он видел недалеко от Купани прошли три коровы и с ними самец – лоси. Иван Трофимыч, охотник 72 лет, снял с гвоздя свою заржавленную берданку (16 калибров одностволку: три года заряжено так, что и разрядить невозможно, тройным зарядом с двумя пулями). Стали на лыжи, собачка у нас кое-какая. Ну и поехали по следу, пришли к свежим лежкам, и тут недалеко собачка наша залаяла. Мы разбежались, и вдруг, нужно же так: самец от собаки бросился к Ивану Трофимовичу, который стоял за березкой. Лось остановился в 30 шагах от охотника. Иван Трофимович ударил и упал от тройного заряда навзничь. А лось стоит. Ив. Троф., когда поднялся, лось упал на коленки, поднялся, опять упал, опять поднялся и завалился на бок. – Все было, – говорит Иван Трофимович, – будто сон, стою, выбиваю шомполом патрон, а как упал, ну, думаю, нечего и заряжать. Мы из этого дерева сделали костер, погрелись, выпустили кишки, сняли фотографию, которая Вам посылается. Лось – самец 16 пудов весом. Вечером, распивая поллитровку, всеколхозно ели жареную печенку.

31 Января. <u>К роману Алпатова</u>. – Есть радость: когда исправно действует желудок. А если это происходит где-нибудь в лесу на восходе солнца, эта радость лучами распространяется как от солнца, и в свете этой радости у меня, бывает, показываются чудеса. А разве не та же радость, только еще более лучисто-широкая появляется при первой любви, такая радость, что все люди кажутся в основе своей прекрасными. А детство? – ведь и детство растет на том же навозе, и, подумав о всем таком, иной человек заключает, что вся жизнь от навоза, и посвящает всю жизнь свою <u>заботе о навозе для рода человеческого</u> (такими были все наши русские революционеры). Но вот пришло время, и я как художник, исповедующий в существе своем ту же веру примитивного человека-ребенка, смутно стал при наплыве этой радости чувствовать скорбный вопрос: – Вполне ли я прав, что оставляю

без внимания старушку, прожившую со мной чуть ли не сорок лет, ведь она-то не может быть причастной к этой радости моей: всему миру людей от моей радости по вере моей из моего таланта-навоза радостно, я радуюсь, и это всем радость, но только одной старушке от этого нет ничего, и только горе. На это я отвечаю себе, что должен был сделать, как сделал – это хорошо, она же восстала на меня, и она сама виновата: это не я причинил ей горе, но она сама и она этим наказана. Я прав, но неприятность факта наличия горя при наплыве моей радости существует, и мне туда с неприятностью приходится оглядываться, и во всем и везде сквозь свою радость чувствовать чье-то горе, хотя бы даже не мною причиненное: это мир такой, ребенком всегда жить в нем нельзя, играя и радуясь. Так происходит со мной, счастливым свободным человеком, художником (т. е. вечным ребенком). А есть люди, как ты, Ляля, с малолетства мучимые этим горем-страданьем неизвестных людей, они чувствуют с малолетства мир, как страданье, а не как радость. – Ту радость, о которой ты говоришь, святую радость жизни, я в детстве потеряла, я радуюсь, когда встречаю эту радость в детях, в природе, но сама не могу так радоваться, я всегда чувствую, что жизнь есть страданье, и моя радость, давно утраченная, возвращается ко мне, если только я сама добровольно иду на страданье и на этом пути встречаю Христа. – Понимаю, ты больна больным человеком, но если я-то не болен? – Я радуюсь, что ты не болен, я только и думаю, как бы и ты не заболел, но не надо закрывать глаза: рано ли, поздно ли и ты заболеешь, и эту болезнь, этот грех тебе не обойти никакими игрушками, никаким художеством, даже и тем, что ты будешь строить Храм из твоего чувства природы. Придет время, и растущие к небу колонны твоего Храма из высоких и стройных сосен, расти остановятся: горе помешает твоей радости строительства Храма. – Что же делать? – Радуйся, и строй, и надейся, ведь я же с тобой: я тебя буду оберегать в твоей радости... не пугайся, ведь я это беру на себя: я старее тебя в этом и верь: я это знаю. – А если ты грех мой берешь на себя и тем делаешь так, чтобы мне было легко. Если это даже и так, чем это плохо? – Люби меня и радуйся, в этой любви ты найдешь выход своей радости: я твоя мать, я сберегу тебя своей скорбью. («Мать» – это и есть то, что раскрылось в нашем 3-летнем романе). А если такая «мать» нам раскрывается в нашем опыте, нашем сознании, то значит, она такая же и существует и действует нераскрыто в любом примитивном человеке. Не эта ли «тема» жизни сейчас раскрывается во время этих всенародных всемирных страданий: не эта ли «мать» порождает нового человека, не тут ли, не в этих ли переживаниях народа образуется та родина, о которой потом бессмысленно говорят благополучные люди и которой потом спекулируют всякого рода властелины? (Рукоплескания американцев, «восхищенных» нашими победами.) Если бы мне удалось поселиться на Ботике, я бы там в описаниях детей мог бы попытаться раскрыть эти зародыши мыслей.

3 Марта. Письмо М. П. Переверзевой. Вы меня обезоружили своим вольным выбором среди писателей и оценкой, как лучшего. Да и вообще

художники – это ведь празднолюбцы по преимуществу, но никак не советчики в моральных вопросах. И кто брался за это – никому не удавалось. Что хорошего вышло у Толстого, Гоголя? Вот и я не могу быть Вам судьей, между тем как вам нужен строгий судья. У меня есть друг, с ним я всем делюсь, сейчас его нет временно со мною, но я знаю, что он бы сказал Вам на Ваше письмо. Он осудил бы Ваше одиночество, как нравственный порок. Он сказал бы, что Вы сделали себе из мужа кумир, а не любили его. Он сказал бы, что настоящая любовь обогащает душу, расширяет ее безгранично, до бессмертия. Еще он бы сказал, что «любовь есть сила, преодолевающая смерть», а Вы не можете даже усмирить любовью своей («духом») «клетки» свои, работающие независимо от духа. Еще бы он сказал, что эти «клетки» только у физиологов имеют самостоятельное бытие, а у духовных людей в старину они назывались просто чертями, против которых у человека есть крест, т. е. сила сделать их рабами своего духа. (Как чудесно у Гоголя кузнец перекрестил черта и поехал на нем доставать царицыны башмачки для возлюбленной.) И, наконец, мой друг сослался бы в осуждении Вас на время в том смысле, что в круг нравственных обязанностей человека входит и обязанность его быть современным. Посмотрите вокруг себя на людей, прикиньте меру своих страданий на меру страданий женщин нашей страны, и Вы увидите, какой Вы со своим «одиночеством» несовременный человек. Даю Вам честное слово, что друга своего я не придумал, что жена моя Валерия Дмитриевна Пришвина, та самая «фамм», которую французские критики рекомендуют искать как ключ в произведениях всех поэтов. Через неделю она приедет из Москвы и, если она откажется выступать перед вами в моей передаче, то я ее попрошу написать Вам самой. Еще последнее: я потому Вам от друга пишу, что клятву дал молчанья в вопросах морали. Эта клятва была вызвана необходимостью для меня смирения. Вы меня поставили в чрезвычайно затруднительное положение: участие к Вам меня соблазняет дать Вам ряд добрых советов в борьбе с Вашим злым одиночеством. И в то же время над моей головой, как дамоклов меч, висит клятва моя: никогда никого не учить, никогда не советовать прямо, из уст в уста, минуя скромную форму выражения, свойственную моему искусству слова. Дело в том, что совет в области морали не имеет того корректива формы, какой обязывает нас трудиться и достигать совершенства в поте лица. Знаю, есть люди, кому можно наставлять других без ущерба себе, но я боюсь гордости, и не схожу с пути скромного художника. Простите меня! Приветствую вас автографом своего рассказа о себе. Нет, не могу. Поручу написать Ляле. По самой правде я бы написал ей так: «Как будто из ада получил ваше письмо, бесплодная, несчастная женщина, каких в древности побивали камнями. В наше время их не побивают, но дают возможность посвятить себя деятельной любви. В эту сторону и направлено все женское движение. Но Вы в этом движении оказались бесплодной, потому что в любви к единственному человеку не скопили себе богатства ее, а растратили ее, сотворив себе из мужа кумир. И сами пишете, что мучитесь в полнейшем одиночестве без всяких связей с людьми, без всякого

интереса к делу. И в этом болезненно-эгоистическом состоянии чувствуете лишь жизнь ваших “клеток”, не имеющих никакого отношения к “духу”. Таким образом, вы даете полнейшую картину ада, т. е. полнейшей безнадежности, а эти “клетки”, их безликая организация вполне соответствует бесам. Более ужасного душевного состояния я себе представить не могу. И хотя меня по книгам моим называете “мудрецом”, должен вам признаться, что в отношении ада ничего Вам ответить не могу: прямо и честно скажу, что в своем Берендеевом царстве охотников и празднолюбцев еще не дожил до разрешения таких страшных вопросов». Может быть, Вы пишете в настроении под влиянием недавней утраты, может быть, ад, описанный Вами, не до конца ад и есть из него какой-нибудь выход? Если найдется, напишите, очень обрадуете и обогатите меня. Только спешите, а то время подходит, уже март, скоро надо поля засевать по священной заповеди русского народа: помирать собирайся – рожь сей.

8 Сентября 1943. Материал к «Падуну»: жизнь, если понимать ее как борьбу за рост сознания, таит в себе борьбу идей во времени, похожую на состязание в скорости пробега: победителем бывает тот, кто прибежал во́время, а побежденный – выходит из времени, хотя идея его в конце пробега остается такой же, как и в начале. Всякий плут хорошо знает опасность выхода из времени, вот почему он никогда не ставит карту на того или другого борца, а всегда, как поддужный, держится передней дуги, и если передняя дуга отстает, он переходит легко к победителю. Но совсем другое, когда побежденный, вышедший из времени, сознает себя побежденным и, сложив оружие, мирно войдет в новое время. Вот к этому сроку и должен победитель готовить праздник мира: это когда побежденный себя самого победит и как равный с первым победителем может сесть за стол. Вот в каком смысле старуха-раскольница в «Падуне» выйдет из мрака раскола, и в этом же смысле все строители канала тоже освободятся от груза времени и, сбросив груз, выйдут на пир. Итак, легче много стать очередной жертвой времени, чем вынести на себе позор соглашательства. И писателю при изображении тех очередных героев легко, привычно описывать честную смерть. Но как на виду всех тысяч плутов-соглашателей сделать героем идейного соглашателя, преодолевающего такой по-зор (по-зор – это значит у всех на глазах).

Есть люди, рассуждающие о времени, и есть участники: тем-то, легким, рассуждающим все легко, рассудил, подсчитал – и все; а вот кому истинно трудно, это участникам, тем, кто душу свою за мысль положил, а мысль эта вышла из времени. Так вышла из времени Марья Мироновна.

26 Сентября 1943. Воспитательницы теряли в Ленинграде своих детей, дети теряли родителей, каждая расстроенная семья, как разбитое зеркало, своими обломками тянулась к целой семье, и так под ужасным давлением жизни, диктующей: женщина, спасая детей, спасает себя! – сложилась эта семья в 300 человек. Нигде, никогда, ни в старое, ни в новое время нам не приходилось встречать в таких сборищах такой тип семейственности, как на Ботике. В этой семье, конечно, нет прочности, – все

на случайности: так вышло, что зима прошлая вышла сиротская, хвати морозы по 40°, как в позапрошлую зиму, едва ли бы уцелела эта семья в помещениях с очень плохим отоплением. Но в том-то и дело, что детдом на Ботике не быт, а личное творчество детей, призывающих маму и папу, и воспитательниц, удовлетворяющих свое материнское чувство заботой о детях. Тут никто ничего не придумывал на стороне, и все выходило само собой. Так вот разве придумаешь способ распространить на 300 детей семейное гармоничное распределение естественных воспитательных сил в семье – материнской нежности и отцовской строгости, материнского прикосновения и отцовского справедливого наказания. Как это сделать при условиях совместной жизни в 300 детей? Не придумаешь ни за что, если подойти по-немецки слишком разумно: выйдет казенная колония, но не семья. Никто здесь на Ботике ничего не придумывал: тут в ужасной катастрофе человеческой из самой глубины как бы Всего-человека поднимались целительные творческие восстановительные силы. Конечно, никто не придумывал этого, чтобы одна женщина, какая-нибудь Валентина Алексеевна, сделалась «папой» такой большой семьи, а другая, Анастасия Ефимовна, «мамой». Дело «мамы» состоит в том, чтобы к каждому ребенку и каждый день прикоснуться, обнять, погладить, поласкать, поцеловать – это Анастасия Ефимовна, дело другой провести среди детей строгую и всем равную, суровую и беспощадную законность – это «папа» Валентина Алексеевна. И двух этих лиц, выдвинутых природой событий, было довольно, чтобы всей колонии придать характер большущей семьи. Милый друг, читатель, если тебя, тоскующего по настоящей семье, достигнут наши слова, возьми палочку и незаметным странником приди на Ботик, попросись там пообедать, посиди побеседуй и унеси с собой на посев семена жизни. Только не делай из этого образца и штампа, обязательного для разумного [распространения] по немецкому образцу: тут все делалось по любви, а не по штампу. Кроме основных двух руководителей колонии тут мы заметили третьего, о котором никто ничего не говорит и никем это лицо в списках не значится: это просто бабушка Елизавета Васильевна, мать, иждивенка двух служащих в колонии женщин.

18 Октября. 1943. Рассказы о прекрасной маме. Папа и мама. В лесах у озер. Между холмами Ярославской области, когда едешь по белой дороге в темных лесах и то поднимешься – все откроется, то спустишься – все закроется, вспоминаешь всю свою долгую жизнь на Руси: едешь по проселку, и тоже так – то откроется что-то, покажется и опять закроется. И спрашиваешь себя: когда же наконец кончатся эти волны-холмы и откроется безобманная даль... Мы остановились на холме у большого озера и увидели много бегущих нам навстречу детей. Это были эвакуированные дети, потерявшие во время блокады Ленинграда матерей и многие также на фронте отцов. Спасенные и теперь здоровенькие детишки выдумали себе игру: когда кто-нибудь идет по дорожке через парк Детдома, выбегают навстречу, называя идущих папой или мамой. Плутишки придумали себе эту игру, чтобы отличать хороших людей от дурных: хорошие всегда

отзывались, ласкали детей и, случалось, чем-нибудь угощали. Так и к нам они прибежали... Нигде не найдешь...

27 Октября. Алпатов пользовался молитвой для раздумья о Боге и часто ловил себя на одной упорно повторяющейся мысли, что не он ли сам создает себе Бога? До того эта мысль бывала ощутима, что становилось даже и страшно. Но вслед за страхом приходила уверенность, и он четко мыслил: – Конечно, да, это я сам создаю себе Бога, но только это мне, как человеку, так кажется, точно так же, как и кажется всем действующим людям, будто они живут для себя. На самом деле они живут только под предлогом таким: для себя или во имя себя; в действительности, глядя со стороны, все люди волей или неволей живут для людей и все служат. И так это надо, без этой фикции «для себя» невозможна радость жизни, и эту радость надо сохранить для людей, и, может быть, именно в сохранении этой радости в людях и есть высший долг мудреца и оправдание власти. Так точно и эта ступень человеческого сознания после простейшего представления о Боге на небе как старике-Отце с бородой – это новое понимание Его, как [в] собственном творчестве. Эта фикция своего боготворчества так же необходима, как и фикция творчества жизни для себя лично. И эта благотворная фикция личного боготворчества Богу очень угодна: как «царство Божие нудится», потому что человек в движении своего сознания к Богу должен сделать усилие. На самом деле это не я Бога делаю, а Он меня делает, как и в жизни-то самой, конечно, это не я живу, а это Бог живет во мне.

11 Ноября 1943. Пересмотрел «Падун» и обрадовался: сколько я наработал всего! Собираю в себя новое и мечтаю в последнее усилие. Зуек на острове спасается от голода заповедями бабушки – внутренний смысл аскетизма, преподаваемый старыми людьми. Суть в том, что смертельное действие голода предупреждается силой внутреннего сопротивления злу. Так от бабушки сопротивление Антихристу перемещается в сопротивление смерти. На этом пути и стихия умиряется, и так подготовляется торжество встречи Марии Мир. со внуком. Оправдать школу раскола школой радости.

12 Ноября 1943. Мысль об умирении стихий в сказке (Бабушка Мария Мироновна и Зуек) как культурная связь драгоценная, развиваю ее: через это можно понять культурное значение в нашей истории раскола: эта сила действовала и в большевиках, и целиком входит в нашу победу.

14 Ноября 1943. Идеальный непогрешимый чекист у Анны в прошлом, и потому всем она желанна и никому не может достаться.

16 Ноября 1943. К Былине: чекист Анны в психологическом происхождении своем как Христос: девушка видит его ясно, как Христа: она знает его. Точно так же и «Дедок» в доброте своей мудрой, зная, видит «друга» («милок») в каждом (не забывать протопопа Аввакума).

27 Ноября 1943. Чувство конца света в «Былине» у Марии Мироновны сопровождается радостью начала новой жизни на том свете. Анна, напротив, считает, что конец старой жизни уже наступил и мы начинаем новую жизнь здесь, на земле.

– Ты, милок, присматривайся к человеку, допытывайся, кого он слушается, кого боится, за кого стоит, и когда это узнаешь, дознайся, чего он для себя достигает, за что стоит. – А если он никого не боится и никого не слушается? – Тогда брось его и не гляди, и не дознавайся, за что он стоит: такой стоит за себя, живет, как ему вздумается...

28 Ноября 1943. Две недели тому назад у меня в Москве были Чагины и Всеволод Иванов с женой, Сейфуллина. Выпили графин, выпили два. Иванов говорит: – Почему в советское время у нас русская пушкинская поэзия остановилась в своем развитии? – Потому, – ответил я, – что в пушкинское время была большая дружба между поэтами, поэты работали, как единый человек, а теперь в коммунистическое время поэты даже не читают друг друга, и поэт поэту воистину lupus est. Вот недавно один лейтенант с фронта рассказывал, что там зимой обливали водой трупы, делали из них заграждения от пуль. – Значит, – спросил кто-то из слушателей, – там уже мертвых не жалко. – Почему не жалко, – ответил лейтенант, – напротив, там очень быстро перед лицом смерти люди свыкаются, привязываются в пять минут, как здесь за год и больше. Я даже думаю, что когда война кончится, нам оттуда привезут дружбу. Так вот говорил простой молодой лейтенант. И я тоже думаю, что недаром война, недаром исчезла поэзия, вот придут люди с фронта, возвратят нам дружбу пушкинского времени, и опять зацветет поэзия. Выслушав это, Иванов сказал: – Это очень хорошо, и я о дружбе все совершенно разделяю, но разрешите задать такой вопрос: вот вы верите, что с фронта дружбу привезут, а если не привезут? – Но это уже дело нашей веры: привезут или не привезут. Мы выпили всего два графина и сейчас трудно говорить о вере, вот если бы три, четыре... Но водки у нас больше не было, и разговор о возможности дружбы между поэтами после войны остановился.

3 Декабря 1943. Один из главных планов Былины – это раскрытие в споре Анны с раскольницей борьбы «здесь» и «там». Анна может привести пример из Четьи миней (как св. Авраамий, монах, нарядился воином и спас свою Марию из блудилища). – Если сам Бог не побрезговал миром и воплотился, то откуда же человек возьмет себе оправдание такой гордости, чтобы пренебречь. – Откуда? Из Писания. – Писание можно поразному толковать, а ты сама от себя растолкуй, мирская няня, как ты по Писанию выходишь из гроба, когда заболеет дитя у кого-нибудь. – Не по Писанию я то делаю, а по желанию.

(«Дедок» в «Былине» – это святое дитя.)

15 Декабря. При постройке канала чекисты пользовались такой моралью: сделать труд человека полезным для общества (построить канал), значит, исправить человека. Таким образом, самый безнравственный человек, биржевой спекулянт Френкель сделался организатором работ от ГПУ и через это само собой исправился, стал хорошим человеком, а через некоторое время был расстрелян, как преступник.

Анархизм и социализм – это такие же парные зубчатки единого механизма, как религия Дальнего и Ближнего. В социализме нравственность

человека сводится к его полезности для общества, в анархизме утверждается право личности на самоопределение. Так, напр., не все были социалистами, кто строил канал, хотя они были и не менее полезны...

18 Декабря. Пришла девочка К., лет восьми всего, очень нецеремонная, все на свете знает, всех перебивает, все схватывает на лету и делает при старших свои заключения, типично еврейское wunderkind (вундеркинд). Увидала икону у Нат. Арк.: – Это что? – Это святой Николай. – А святых же нет? – Кто тебе сказал, что нет: а вот был же Моисей. – Моисей, конечно, святой. – Почему же есть св. Моисей, а не может быть св. Николай? – Ничего не ответив, девочка переметнулась на что-то другое. Когда она вышла, мы говорили: – Дочь коммуниста, а Моисея уже знает и понимает как святого. – А христианских святых для нее нет. – ...а говорят: ассимиляция... и т. п. Но дело было не в Моисее и Николае, а в какой-то непостижимой русскому легкости касания этой девочки всего на свете, сверху талант, внутри пустота: какой-то общий ум без всякой борьбы с умом своим личным. В этом превосходстве общего ума и заключается вся разгадка успехов евреев в конкуренции с другими народами и, может быть, именно с христианскими. Потому что Христос, как обязательство к личности, и составляет для нас ту тягость, то бремя или маятник, регулирующий давление жизненной пружины. Ход без маятника – вот выражение еврейской подвижности в христианском обществе. И вся их спекуляция, все способности к приспособлению, компромиссу есть явление их общего ума, исходящего из рода непосредственно без страдания, связанного с личным усвоением получаемого родового наследства. По всей вероятности, это явление родового ума, противопоставленное личному, обеспечивает всем евреям как племени борьбу за существование, и не какие-нибудь тайны сионских мудрецов, а непостижимая для христиан простота согласованности ума и сердца, общественного и личного начал, выключение своей личности из той борьбы, ради напоминания о необходимости которой христианин носит крест, вериги, вращает жернова своей головы и сердца, и так движет вперед не одного себя, не только свой народ, а весь мир. Еврей это все пропускает и потому при внешней суетливой подвижности остается таким же неподвижным в существе кочевником мысли, как более упрощенный цыган кочует по земле с лошадьми, детьми и подушками.

Указатель имен*

* В алфавитный указатель не включаются имена неизвестных по биографическим материалам Пришвина людей, встречи с которыми или редки, или случайны, или ограничены исключительно бытовыми вопросами.

Указатель составлен Е. В. Михайловой

СОДЕРЖАНИЕ

Выражаем глубокую благодарность коллективу
Российского государственного архива литературы и искусства
и особенно сотрудникам читального зала
за помощь в подготовке к изданию многотомного
Собрания дневников М. М. Пришвина

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин
ДНЕВНИКИ
1942–1943

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Редактор *М. А. Айламазян*
Художественный редактор *А. Н. Сорокин*
Художественное формление *А. Ю. Титова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*
Корректор *Г. М. Соколова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.12.2011
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,84.
Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)